ИСТОРІЯ ПРАВА

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ТОМЪ I.

Zagoskin, Nikolai Pavlovich

ИСТОРІЯ ПРАВА

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Н. П. ЗАГОСКИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВВЕДЕНІЕ.—ВНѢШНЯЯ ИСТОРІЯ ПРАВА.—О ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ И О ЗЕМСКИХЪ СОБОРАХЪ.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1877.

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань, 17 января 1877 года

Деканъ *Н. Кремлевъ.*

Авторъ проситъ обратить вниманіе на опечатки и поправку, указанныя въ концѣ книги.

Выпускаемый мною въ настоящее время въ свѣтъ трудъ — представляетъ собою только первый томъ предпринятой задачи составленія полнаго курса Московскаго періода исторіи русскаго права. Причина побудившая меня остановиться именно на этомъ среднемъ періодѣ исторіи русскаго права заключается въ томъ, что онъ составлялъ преимущественный предметъ занятій моихъ, такъ какъ преподавательская дѣятельность моя началась преподаваніемъ въ здѣшнемъ Университетѣ, въ званіи приватъ-доцента, именно Московскаго періода исторіи русскаго права, который и былъ преподаваемъ мною въ теченіи послѣднихъ двухъ семестровъ.

На сколько удовлетворительнымъ представляется заключающееся въ настоящемъ томѣ начало труда моего—судить о томъ не мнѣ. Не сомнѣваюсь впрочемъ, что посторонній и, слѣдовательно, болѣе объективный взглядъ читателя откроетъ въ нёмъ много недостатковъ, о наличности которыхъ я и не подозрѣваю. Однимъ изъ сознаваемыхъ мною недостатковъ представляется несоразмѣрность отдѣльныхъ частей изложенія; но, сознавая вполнѣ этотъ недостатокъ, я утѣшаю себя тою мыслью, что онъ во многихъ случаахъ представляется не только извинительнымъ, но даже положительно неизбѣжнымъ: наука исторіи русскаго права не успѣла еще выйти изъ періода исключительно монографической разработки, представляя массу вопросовъ не выясненныхъ, которые въ трудѣ моемъ должны были стать на одномъ ряду, въ одной системѣ, съ вопросами строго и всесторонне разработанными, конспектировать и урѣзывать которые, въ виду соразмѣрности отдѣльныхъ частей, было мнѣ жалко да и казалось невыгоднымъ въ отношеніи научнымъ.

Извиненіемъ имѣющихъ открыться въ работѣ моей недостатковъ послужитъ безъ сомнѣнія и новость труда моего,

Если не считать почтеннаго, но крайне сжатаго труда Н. Рождественскаго [1], излагающаго впрочемъ одну только внѣшнюю исторію русскаго права (обзоръ источниковъ), да печатнаго курса исторіи русскаго права г. Михайлова [2], излагающаго исторію русскаго права вообще и исторію Московскаго періода въ частности въ конспективномъ, сжатомъ и крайне неудовлетворительномъ во всѣхъ отношеніяхъ видѣ, лишающемъ его всякаго научнаго и литературнаго значенія,—я, издавая общій курсъ цѣлаго періода исторіи права, не имѣю за собою предшественника, какъ успѣхи, такъ и недостатки котораго, освѣщенные добросовѣстнымъ и безпристрастнымъ свѣтомъ критики, могли-бы послужить мнѣ указаніемъ и назидательнымъ урокомъ при выполненіи предпринятой мною задачи.

Все вышесказанное побуждаетъ меня смотрѣть на начатый мною трудъ не иначе, какъ на трудъ подготовительный, какъ на собраніе обработаннаго матеріала къ составленію въ будущемъ полнаго курса исторіи русскаго права, — если только силы мои дозволятъ мнѣ въ будущемъ приступить къ выполненію этой обширной и трудной задачи. Вслѣдствіе этого, въ настоящее время я заботился болѣе о томъ, что-бы совмѣстить въ каждомъ отдѣлѣ труда моего все то, что выработано наукою исторіи русскаго права по отношенію къ разсматриваемому въ немъ вопросу, нежели о соразмѣрности отдѣльныхъ частей,—съ тѣмъ однако-же условіемъ, что бы несоразмѣрность эта не была слишкомъ рѣзка, что бы она не проявляла себя въ ущербъ единству цѣлаго.

Въ силу указанныхъ соображеній позволяю себѣ надѣяться, что критика не поставитъ мнѣ въ вину, если мой трудъ будетъ носить характеръ ряда отдѣльныхъ, болѣе или менѣе подробныхъ статей, обнимающихъ собою по возможности всѣ вопросы касающіеся политической и юридической жизни Московскаго государства и вмѣстѣ съ тѣмъ расположенныхъ по общепринятой системѣ права.

Весь предлагаемый мною курсъ исторіи права Московскаго государства расчитанъ мною на пять или на шесть

(1) Н. Рождественскій: «Обозрѣніе внѣшней исторіи россійскаго законодательства», Спб. 1849 г.

(2) М. Михайловъ: «Исторія русскаго права», Спб. 1871 г.

томовъ, въ 22—30 печатныхъ листовъ каждый. Выпуская нынѣ первый томъ,—я расчитываю выпускать остальные по одному въ годъ; такимъ образомъ второй томъ надѣюсь выпустить осенью будущаго года. Къ послѣднему тому, въ числѣ другихъ приложеній, присовокупленъ будетъ подробный азбучный указатель лицъ, мѣстностей и предметовъ.

Въ курсѣ моемъ не отводится особаго мѣста для обзора существующей литературы исторіи права Московскаго государства. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ каждаго отдѣла, помѣщаю я по возможности подробныя указанія на важнѣйшіе трактаты, монографіи и журнальныя статьи, относящіяся къ разсматриваемымъ въ немъ вопросамъ; всѣ эти указанія сведены будутъ въ общій списокъ въ послѣднемъ томѣ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ заявить, что всякаго рода указанія на недостатки выпускаемаго много труда и на пріемы желательные въ интересахъ науки въ дальнѣйшемъ изложеніи его—будутъ принимаемы мною съ живѣйшею признательностью.

Н. Загоскинъ.

С. Верхній Услонъ.
20 іюля 1877 г.

I.

ОГЛАВЛЕНІЕ

перваго тома.

Стран.

ВВЕДЕНІЕ.

ВНѢШНЯЯ ИСТОРІЯ ПРАВА.

I. Характеръ законодательства Московскаго.

II. Развитіе законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ.

Стран.

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРІЯ ПРАВА.

Часть I. Исторія государственнаго права. Книга первая: О верховной власти въ Московскомъ государствѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Періоды на которые можетъ быть раздѣлена исторія русскаго права и общая характеристика ихъ.—Начала лежавшія въ основѣ развитія русской правовой жизни въ Московскомъ періодѣ.—Начальный и конечный предѣлы Московскаго періода исторіи русскаго права.

Какъ русская исторія вообще, такъ и исторія русскаго права въ частности, весьма рельефно распадаются на *три* большихъ періода, слѣдующіе именно: *періодъ до-Московскій или удѣльно-вѣчевой*, *періодъ Московскій или Царскій* и, наконецъ, *періодъ Санктпетербургскій или Императорскій*. Каждый изъ этихъ трехъ періодовъ носитъ въ себѣ извѣстнаго рода особенныя черты, составляющія характеристическія отличія его отъ прочихъ періодовъ.

Въ первомъ изъ этихъ трехъ періодовъ—въ періодѣ удѣльно-вѣчевомъ, или, какъ не совсѣмъ удобно называютъ его также—*княжескомъ*, русская земля впервые, на сколько это по крайней мѣрѣ исторически извѣстно, учреждаетъ у себя высшую монархическую власть, объединившая подъ собою отдѣльныя славянскія и инородческія племена, разсѣянныя по обширной равнинѣ восточной Европы и преимущественно по верхнему и среднему теченію рѣкъ Волги, Днѣпра, Припети, Западной Двины и по бассейномъ озеръ Чудскаго и Ильменя. Эта призванная верхов-

ная монархическая власть, уже вскорѣ по введеніи ея, раздробляется между болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ отдѣльныхъ князей, вслѣдствіе развѣтвленія, путемъ естественнаго нарожденія, обладавшаго ею княжескаго рода; раздробленіе государственной власти явилось результатомъ обычая князей раздѣлять земли свои по удѣламъ между сыновьями своими. Такимъ образомъ, уже вскорѣ послѣ призванія князей, русская земля раздробляется въ цѣлую систему отдѣльныхъ, самостоятельныхъ княженій, постоянно боровшихся и соперничавшихъ между собою. Съ другой стороны, на ряду съ княжескою властью возвышалась и другая, не менѣе могущественная воля—воля земщины, выражавшаяся въ исконномъ органѣ послѣдней—*вѣчѣ*; отношенія между обоими этими факторами древнѣйшей русской государственной жизни опредѣлялись добровольнымъ соглашеніемъ, свободнымъ договоромъ. Вообще, *договорное начало*, въ многоразличныхъ проявленіяхъ своихъ, *составляло коренную основу* всей древне-русской жизни, не только въ государственныхъ отношеніяхъ, но и въ отношеніяхъ общественныхъ, соціальныхъ. Договорное начало легло въ основу отношеній князей къ земщинѣ, отношеній удѣльныхъ князей между собою, оно легло далѣе въ основу отношеній служебныхъ, въ основу организаціи служилыхъ силъ; договорнымъ началомъ опредѣлялись наконецъ и отношенія сословныя и общинныя. Внутренній составъ и порядокъ жизни въ общинѣ, общинное самоуправленіе, возможность вступленія въ общину и выхода изъ нея, отношенія крестьянина къ землевладѣльцу и т. п. явленія общественной жизни—все это носило на себѣ ясные слѣды господства въ жизни договорнаго начала. Очевидно что, при подобномъ господствѣ въ древней русской жизни договорнаго начала, не могло быть и рѣчи о самодержавіи верховной власти, такъ какъ воля князя, въ нормальномъ проявленіи ея, могла лишь на столько заявлять себя въ сферѣ государственной жизни, на сколько согласовалась она съ волею земщины, выражавшеюся въ непосредственномъ органѣ послѣдней—вѣчѣ.

Совершенно иной порядокъ жизни начинаетъ слагаться въ русской землѣ послѣ покоренія ея татарами. До покоренія русской земли татарами судьбами ея заправляли двѣ паралельно стоявшія и взаимно согласовавшіяся воли—воля князя и воля вѣча, воля земщины. Немедленно послѣ татар-

скаго погрома, на судьбы русской земли начинаетъ оказывать могущественное вліяніе еще третья воля—*воля Хана Ордынскаго*. Воля хана, какъ воля покорителя, завоевателя, оказывается могущественнѣе и воли князя и воли земщины. Пользуясь своимъ фактическимъ превосходствомъ, она подчиняетъ себѣ первую, т. е. волю князя, и отнимаетъ всякое государственное жизненное значеніе у послѣдней, т. е. у воли земщины; весьма наглядными представляются тѣ причины которыя, вслѣдъ за татарскимъ покореніемъ, должны были сломить автономію земщины, постепенно умалять значеніе вѣча, а наконецъ и совершенно уничтожить это учрежденіе. Не трудно усмотрѣть что, при подобномъ порядкѣ вещей, только тотъ князь могъ пріобрѣсти силу въ русской землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лучшій столъ и преобладающее значеніе въ ряду прочихъ удѣльныхъ князей—который тѣми или другими путями умѣлъ достигнуть доброжелательства въ Ордѣ и милостиваго расположенія хана. Въ силу этого обстоятельства, а равно и въ силу нѣкоторыхъ другихъ, съ которыми мы вскорѣ ознакомимся, особаго могущества и значенія въ русской землѣ достигаютъ *князья*, а впослѣдствіе *великіе князья Московскіе*. Москва, въ эпоху татарскаго погрома еще бѣдный и незначительный удѣльный городокъ, становится мало по малу центромъ русской государственной жизни, постепенно округляетъ и распространяетъ свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ съ нею областей и княженій и, управляемая рядомъ ловкихъ, энергичныхъ и въ высшей степени талантливыхъ государей, становится уже Московскимъ государствомъ,—самымъ могущественнымъ изъ остальныхъ великихъ княженій русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Москва весьма рано начинаетъ вполнѣ явственнымъ образомъ выказывать свои централизаціонныя стремленія, свои стремленія объединить подъ своею властью всѣ отдѣльныя и самостоятельныя еще русскія области. Послѣдняя задача съ успѣхомъ завершается *великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ Ивановичемъ* съ покореніемъ Пскова; съ паденіемъ Псковской вольности пала подъ власть Москвы послѣдняя, до нѣкоторой степени самостоятельная еще русская волость. Между тѣмъ, еще въ концѣ XV вѣка, удалось Москвѣ освободиться изъ подъ власти ослабѣвшей и раздираемой внутренними смутами Орды и, стряхнувъ съ себя иго послѣдней, выступить на арену исторіи могуществен-

1*

нымъ, единодержавнымъ и самодержавнымъ государствомъ, а съ половины XVI вѣка—Царствомъ Московскимъ.

Съ образованіемъ единодержавнаго и самодержавнаго Московскаго государства русская исторія, и тѣсно связанная съ нею исторія русскаго права, вступаютъ во второй періодъ своего существованія—въ *періодъ Московскій*, не совсѣмъ удачно называемый также *Царскимъ*; неудобство наименованія этого періода Царскимъ заключается въ томъ, что начало его не совпадаетъ съ принятіемъ Московскими государями царскаго титула.

Въ Московскій періодъ развитіе правовой жизни существенно видоизмѣняется сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ, и въ ея отношенія проникаютъ *новые элементы*, нерѣдко діаметрально *противоположные удѣльно-вѣчевымъ*.

Это прежде всего и особенно отчетливо проявляется въ *организаціи государственной власти*. Теперь изчезаютъ уже всякіе слѣды договорнаго отношенія государственной власти къ земщинѣ. Государственная власть Московскаго государства становится теперь не только единодержавною, но и вполнѣ самодержавною. Еще за-долго до того замолкнувшее вѣче перестало служить органомъ выраженія воли земщины: надъ всею русскою землею возвысилась единая самодержавная и могущественная воля—воля Государя Московскаго. Государь Московскій становится первоначальнымъ и завершающимъ звѣномъ всякаго рода власти; въ немъ коренится идея правды и общественнаго блага и черезъ его посредство находятъ себѣ практическое осуществленіе. Этимъ конечно не исключается еще возможность вліянія земской воли на проявленія дѣятельности государственной власти; и дѣйствительно, послѣдняя прислушивается и теперь нерѣдко къ голосу земской воли, но дѣло въ томъ, что теперь согласованіе дѣятельности государственной власти съ волею народа теряетъ уже всякій обязательный характеръ для первой, коренясь единственно только въ свободной волѣ государя, замѣнившей господство стараго договорнаго начала. Государственная власть согласовываетъ теперь дѣятельность свою съ земскою волею лишь на столько, на сколько ей это угодно, и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда находитъ она это цѣлесообразнымъ и соотвѣтственнымъ какъ государственнымъ и общественнымъ, такъ и своимъ личнымъ интересамъ.

Договорное начало изчезаетъ затѣмъ и во всѣхъ другихъ сферахъ государственныхъ и общественныхъ отношеній, замѣняясь *началомъ крѣпости*. Московское государство стремится закрѣпить всѣ государственные элементы, опредѣлявшіеся дотолѣ свободными, договорными началами, желая всецѣло подчинить ихъ обще-государственнымъ интересамъ, желая утилизировать ихъ для обще-государственныхъ цѣлей. Прежде всего *закрѣпляются служилые люди*, черезъ уничтоженіе старой договорной формы служебныхъ отношеній, черезъ уничтоженіе свободнаго права отъѣзда, черезъ связаніе обязательной службы съ землевладѣніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ образованіе особаго, до нѣкоторой степени замкнутаго служилаго сословія. Въ концѣ XVI вѣка совершается *закрѣпленіе крестьянскаго, волостнаго населенія*, черезъ прикрѣпленіе крестьянъ къ той землѣ, на которой засталъ ихъ указъ объ этомъ новомъ законоположеніи. Наконецъ въ періодъ времени отъ воцаренія царя Михаила Θеодоровича до изданія Уложенія 1649 года, исподоволь совершается *закрѣпленіе городскаго, посадскаго населенія*, черезъ запрещеніе тяглымъ посадскимъ лицамъ выхода изъ городскихъ общинъ и черезъ запрещеніе перемѣны городскаго тягла на тягло уѣздное, волостное. Эти мѣры, послѣдовательно проведенныя Уложеніемъ 1649 года, послужили средствомъ образованія замкнутаго городскаго сословія, рѣзко отграниченнаго отъ сословія крестьянскаго, волостнаго. Такимъ образомъ Московское государство *вырабатываетъ* замкнутыя въ извѣстномъ смыслѣ слова *сословія*, всецѣло подчиненныя государственнымъ цѣлямъ и интересамъ, съ ясно начертаннымъ для каждаго изъ нихъ кругомъ правъ и обязанностей.

Весьма значительныя видоизмѣненія терпитъ, въ сравненіи съ предшествовавшимъ періодомъ, и самая *законодательная дѣятельность*. Съ паденіемъ вѣча естественно должно было пасть и вѣчевое законодательство—это могущественное проявленіе автономіи земщины,—оставивъ на рубежѣ стараго и вновь наступающаго періода два грандіозныхъ и безсмертныхъ памятника значенія своего—въ лицѣ Судныхъ Грамотъ Псковской и Новгородской. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается и непосредственное право сословій на участіе въ законодательной дѣятельности государственной власти,—участіе столь широкое въ предшествующемъ періодѣ. Единый и первоначальный источникъ законодательной власти пред-

ставляетъ теперь лишь Государь Московскій; его воля, какъ воля помазанника Божія, есть отраженіе Божественной воли и безусловный законъ для всѣхъ подданныхъ. Часть законодательной власти своей передаетъ онъ тѣмъ или другимъ лицамъ лишь по собственному благоусмотрѣнію своему, но и въ подобныхъ случаяхъ лица эти пользуются ею подъ непосредственнымъ авторитетомъ Государя. Равнымъ образомъ допускаются къ участію въ законодательной дѣятельности и представители извѣстныхъ слоевъ населенія, или отдѣльныя лица, не иначе какъ на основаніи личной воли и усмотрѣнія Государя, и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сочтетъ онъ подобное участіе цѣлесообразнымъ.

Затѣмъ характерною чертою законодательной дѣятельности, въ первоначальную эпоху существованія Московскаго государства, является стремленіе его къ объединенію областныхъ законодательствъ, явившихся наслѣдіемъ удѣльнаго періода, стремленіе къ сглаженію партикулярныхъ чертъ ихъ и къ концентрированію ихъ въ общихъ законодательныхъ сборникахъ. Таково значеніе и мысль перваго законодательнаго сборника Московскаго—Судебника Іоанна III, и послѣдующей переработки и восполненія его—Судебника Іоанна IV.

Наконецъ существенную черту Московскаго законодательства составляетъ стремленіе его къ кодификаціи законодательныхъ нормъ и къ возможно правильной систематизаціи и сохраненію издающихся отдѣльныхъ законоположеній. Это стремленіе проявляется въ первомъ отношеніи—въ изданіи болѣе или менѣе полныхъ и систематизированныхъ законодательныхъ сборниковъ, во второмъ отношеніи—въ припискѣ къ послѣднимъ издающихся послѣ обнародованія ихъ отдѣльныхъ нормъ и въ учрежденіи записныхъ указныхъ книгъ, въ которыхъ весь законодательный матеріалъ, по мѣрѣ накопленія его, группировался по вѣдомствамъ, къ которымъ относились отдѣльныя нормы его составлявшія.

Въ сферѣ внутренней администраціи замѣчаются постоянныя, хотя и не всегда плодотворныя, заботы правительства о возможно лучшей организаціи какъ центральнаго, такъ и областнаго управленія. Въ первомъ отношеніи должно отмѣтить *твердую организацію Боярской Думы* и *учрежденіе Приказовъ*, т. е. главныхъ центральныхъ упра-

вленій, завѣдующихъ извѣстными вѣдомствами, именно завѣдующихъ или извѣстнымъ родомъ дѣлъ по всему пространству государства, или всѣми родами дѣлъ, но въ извѣстной только части государственной территоріи. Въ области *мѣстнаго управленія* дѣятельность Московскаго правительства характеризуется стремленіемъ отыскать такую организацію его, которая всецѣло отвѣчала-бы требованіямъ государственныхъ цѣлей и интересовъ и въ возможно большей степени гарантировала-бы благосостояніе населенія и его безопасность отъ злоупотребленій со стороны областныхъ правителей,—задача нелегкая и не достигнутая Московскимъ государствамъ. Въ безпрестанныхъ поискахъ за лучшею организаціею областнаго управленія, оно не перестаетъ колебаться въ выборѣ между системою правительственнаго управленія и между системою земскаго самоуправленія и, то усиливая приказный элементъ, то выдвигая на первый планъ земское самоуправленіе, выказываетъ крайнюю нерѣшительность и недовѣріе какъ къ первому, такъ и ко второму.

Въ сферѣ уголовнаго права выработывается болѣе государственное воззрѣніе на существо преступнаго дѣйствія, взамѣнъ частнаго воззрѣнія на него, господствовавшаго въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, хотя уже и въ теченіи послѣдняго постепенно замѣтнымъ дѣлается это измѣненіе воззрѣнія. Московское государство усвоиваетъ себѣ всецѣло воззрѣніе на преступное дѣяніе, какъ на злое проявленіе воли, нарушающее интересы всего общества, всего государственнаго союза и, въ силу этого, выдѣляетъ подъ названіемъ *губныхъ дѣлъ* цѣлый кругъ преступленій, инициативу преслѣдованія которыхъ возлагаетъ на обязанность правительственной или общественной власти, хотя-бы и не было на лице частной жалобы потерпѣвшаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Московское законодательство усвоиваетъ себѣ болѣе опредѣленное понятіе объ умыслѣ и неумышленности, о вмѣненіи и о различной степени напряженія злой воли преступника въ различныхъ стадіяхъ движенія ея отъ начальнаго замысла къ полному осуществленію преступнаго дѣянія. Въ системѣ преступленій развиваетъ оно цѣлый кругъ преступленій политическихъ и преступленій квалифицированныхъ, неизвѣстныхъ удѣльному періоду. Въ сферѣ наказаній вырабатывается обширная система жестокихъ смертныхъ, членовредительныхъ и тѣлесныхъ наказаній, не встрѣчающаяся въ уголовномъ правѣ перваго періода.

Въ области частнаго гражданскаго права продолжають дѣйствовать нормы изстариннаго обычнаго права, развивавшіяся и дополнявшіяся самою жизнью, вмѣстѣ съ развитіемъ послѣдней. Законодательство въ рѣдкихъ случаяхъ брало на себя регламентацію нормъ гражданскаго права,—да и то въ тѣхъ только отношеніяхъ, которыя имѣли государственный характеръ, тѣсно соприкасаясь съ интересами государственнаго союза. Такъ въ особенно значительной степени обращала на себя вниманіе законодательства регламентація вотчинныхъ и помѣстныхъ отношеній, и это вполнѣ понятно такъ какъ, какъ впослѣдствіе увидимъ, отношенія эти лежали въ основѣ организаціи Московскаго служилаго класса.

Въ сферѣ процесса особое вниманіе обращаетъ на себя возникновеніе особаго вида уголовнаго процесса для преслѣдованія важнѣйшихъ уголовныхъ преступленій, выдѣляющихся въ понятіе *губныхъ дѣлъ*, иниціативу преслѣдованія которыхъ беретъ на себя государственная или общественная власть, помимо частнаго обвиненія потерпѣвшаго отъ преступленія лица. Это—слѣдственный процессъ или *сыскъ*, характеризующійся не только сейчасъ указаннымъ способомъ возбужденія его, но и дальнѣйшимъ ходомъ своимъ, при которомъ важную роль играетъ повальный обыскъ и пытка. Сыску противополагается обвинительный процессъ или *судъ* въ собственномъ смыслѣ слова, по прежнему остающійся общею формою процесса для дѣлъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ,—но теперь изъ послѣднихъ уже тѣхъ только которыя, то самому характеру своему, не причислялись къ дѣламъ губнымъ и слѣдовательно не подлежали преслѣдованію порядкамъ сыскнаго процесса.

Таковы важнѣйшія и наиболѣе бросающіяся въ глаза особенности, характеризующія развитіе различныхъ сторонъ государственной и правовой жизни Московскаго государства и оттѣняющія Московскій періодъ отъ періода удѣльно-вѣчеваго.

Съ началомъ единодержавнаго царствованія Петра I, русская государственная, общественная и юридическая жизнь терпитъ коренныя преобразованія; въ эту жизнь вносятся новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя ей, или покрайней мѣрѣ не сознававшіяся ею начала,—начала заимствованныя изъ западно европейской жизни Разностороннія и многочисленныя реформы Петра I совпадаютъ и съ основаніемъ новаго центра

государственной жизни русскаго народа; этимъ новымъ центромъ является вновь основанная столица С. Петербургъ. Сюда переселяется изъ Москвы царское семейство и дворъ, сюда переносится жизненный пульсъ всей государственной организаціи, здѣсь учреждаются и новые высшіе органы центральнаго управленія. Этимъ моментомъ завершается Московскій періодъ русской исторіи, и послѣдняя вступаетъ въ новый періодъ—п е р і о д ъ С. П е т е р б у р г с к і й, иначе называемый также *Императорскимъ*; послѣднее названіе объясняется тѣмъ, что въ началѣ этого періода Петръ I принялъ титулъ „Императора", отодвинувшій уже на второе мѣсто прежній титулъ „Царя и великаго князя".

Задача предлагаемаго курса заключается въ изложеніи втораго изъ указанныхъ трехъ періодовъ исторіи русскаго права,—именно въ изложеніи исторіи права Московскаго государства.

Приступая къ обзору историческаго хода развитія русской юридической жизни въ этомъ періодѣ, мы прежде всего должны установить болѣе или менѣе осязательные предѣлы его, опредѣлить начальный и конечный пункты его, отыскать точки соприкосновенія его съ удѣльно-вѣчевымъ періодомъ съ одной стороны, и съ Петербургскимъ періодомъ съ другой стороны. И такъ, *гдѣ начальный и конечный предѣлы Московскаго періода?*

Москва, какъ извѣстно, не сразу дѣлается государствомъ единодержавнымъ. Дѣло московской централизаціи подготовлялось и мало по малу выполнялось въ теченіи почти двухъ вѣковъ. Московскіе государи-собиратели русской земли не прибѣгали къ рѣзкимъ, потрясающимъ переворотамъ и дѣйствіямъ,—но медленно, шагъ за шагомъ, шли къ достиженію преслѣдуемой ими цѣли. Вполнѣ естественно что вслѣдствіе подобнаго характера развитія Московскаго великаго княженія, далеко не легкимъ дѣломъ представляется опредѣленіе съ хронологическою точностью начальнаго момента Московскаго періода. Многія явленія, подмѣчаемыя въ этомъ періодѣ, таятъ начало и первоначальное развитіе свое въ глубинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, и обратно, многія явленія удѣльно-вѣчеваго періода находятъ себѣ болѣе или менѣе сильный отголосокъ и въ Московскомъ періодѣ. Вообще, промежутокъ времени отъ покоренія русской земли татарами и до полнаго завершенія дѣла объединенія русской земли—пред-

ставляется во многихъ отношеніяхъ общимъ для обоихъ періодовъ, представляется какъ-бы нейтральнымъ поясомъ въ которомъ сходятся особенности того и другаго. Это—эпоха ломки старыхъ порядковъ, обусловливаемой совершившимся фактомъ татарскаго завоеванія, эпоха всеобщаго броженія государственныхъ и общественныхъ элементовъ, въ результатѣ котораго является возникновеніе единодержавнаго и самодержавнаго Московскаго государства. При полномъ курсѣ исторіи русскаго права пришлось-бы допустить бóльшую дробность періодовъ нежели та, которая указана нами,—и при этомъ эпоху простирающуюся отъ татарскаго покоренія до завершенія дѣла Московской централизаціи, было-бы крайне цѣлесообразно выдѣлить въ особый переходный періодъ. Вообще-же за начальный пунктъ Московскаго періода слѣдуетъ признать тотъ моментъ, когда сдѣлались вполнѣ ясными и несомнѣнными успѣхи централизаціонныхъ стремленій Москвы, когда Москва получила неоспоримое первенство въ русской землѣ, когда для каждаго сдѣлался очевиднымъ тотъ недалекій и несомнѣнный часъ, въ который окончательно суждено было Московскимъ государямъ, по выраженію лѣтописца, „обобрать шапки у князей удѣльныхъ" и стать во главѣ единаго, державнаго русскаго государства. Такимъ рѣшительнымъ моментомъ долженъ, по всей справедливости, считаться моментъ вступленія на Московскій престолъ великаго князя Іоанна III Васильевича, отецъ котораго, великій князь Василій Васильевичъ Темный, выйдя побѣдителемъ изъ упорной и ожесточенной борьбы съ Галичскими князьями, окончательно запечатлѣлъ торжество Москвы надъ старымъ удѣльнымъ порядкомъ и открылъ сыну и преемнику своему широкій путь къ дальнѣйшему достиженію единодержавія и самодержавія въ русской землѣ. И такъ *1462 годъ, т. е. годъ восшествія на престолъ в. к. Іоанна III*, смѣло можетъ быть признанъ за начальный пунктъ Московскаго періода русской исторіи.

Не менѣе затруднительнымъ покажется и опредѣленіе конечнаго пункта Московскаго періода, если мы вспомнимъ что преобразованія Петра I далеко не были актомъ одновременнымъ, но что они наполняютъ собою всю эпоху царствованія его, что преобразователь скончался среди работы своей, не успѣвъ во многихъ отношеніяхъ завершить всего задуманнаго имъ. Съ другой стороны, относительно начала

С. Петербургскаго періода приходится сказать тоже, что замѣтили мы относительно начала Московскаго періода: явленія присущія тому и другому періоду не представляются рѣзко разграниченными, напротивъ, явленія присущія одному изъ этихъ періодовъ, незамѣтно заходятъ въ другой періодъ, смѣшиваясь съ собственными, характерными, явленіями послѣдняго. Дѣйствительно, изученіе обнаруживаетъ что многія реформы Петра I, если внимательно всмотрѣться въ нихъ, представляются въ основныхъ чертахъ своихъ вовсе не новыми въ русской землѣ, являясь лишь утвержденіемъ или дальнѣйшимъ развитіемъ отношеній и учрежденій существовавшихъ еще въ Московскомъ періодѣ, хотя и не вполнѣ ясно сознававшихся въ теченіи его; Петръ I далъ имъ лишь жизненный толчокъ впередъ и внѣшнюю, формальную, опредѣленность. Съ другой стороны, многія отношенія и учрежденія присущія Московскому періоду и составлявшія характерныя черты послѣдняго, не были отмѣменены Петромъ законодательнымъ порядкомъ, такъ что продолжаютъ, въ качествѣ анахронизмовъ, существовать и въ начальную эпоху С. Петербургскаго періода. Въ силу указанныхъ затрудненій, наиболѣе удобнымъ является признать за конечный пунктъ Московскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ за начальный пунктъ С. Петербургскаго періода—*фактъ основанія новой столицы С. Петербурга*, относящійся къ 1703 году.

И такъ 1462 годъ, т. е. годъ восшествія на престолъ в. к. Іоанна III, и 1703 годъ, т. е. годъ основанія С. Петербурга,—таковы два предѣльные момента, между которыми всего цѣлесообразнѣе является заключить Московскій періодъ исторіи русскаго права.

II.

Историческія условія и явленія, содѣйствовавшія успѣху Московской централизаціи.—Владычество татаръ.—Вліяніе византійскихъ воззрѣній.—Личныя свойства и качества великихъ князей Московскихъ.—Содѣйствіе духовенства.—Содѣйствіе служилыхъ людей.—Содѣйствіе земщины.

Установивъ понятіе о Московскомъ періодѣ исторіи русскаго права, отмѣтивъ характеристическія особенности

его и его предѣлы—мы естественно должны прежде всего разсмотрѣть вопросъ о возникновеніи единодержавнаго Московскаго государства, изученіе правовой жизни котораго составитъ предметъ нашихъ занятій. Мы должны подмѣтить тѣ условія и историческія явленія, при воздѣйствіи которыхъ постепенно росло и крѣпло княженіе, а впослѣдствіе великое княженіе Московское, объединяя подъ властью своею отдѣльныя княженія и области русскія, пока не сформировалось наконецъ въ единую, могущественную Московскую державу. Короче говоря—мы должны обратить наше вниманіе на крайне знаменательный и любопытный историческій процессъ, извѣстный подъ наименованіемъ Московской централизаціи ([1]).

Начало усиленія великаго княженія Московскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхъ дѣла Московской централизаціи, обусловливались воздѣйствіемъ весьма различныхъ историческихъ явленій и, прежде всего, стоятъ въ весьма тѣсной связи съ покореніемъ русской земли татарами.

Что касается до вопроса о силѣ *вліянія* оказаннаго *владычествомъ татаръ* на измѣненіе различныхъ сторонъ и отношеній древне-русской государственной жизни, то мы замѣтимъ что по отношенію къ этому вопросу господствуютъ въ русской исторической литературѣ два крайнія и совершенно противоположныя воззрѣнія. Нѣкоторые изслѣдователи или вовсе не придаютъ никакого значенія владычеству татаръ по отношенію къ измѣненію строя русской государственной жизни, или-же признаютъ за этимъ влады-

---

([1]) Вопросъ о Московской централизаціи разсматривается, болѣе или менѣе подробно, въ слѣдующихъ трудахъ и монографіяхъ: *Карамзинъ Н*: «Исторія Госуд. Рос.», томъ V, гл. IV: *Н. Станкевичъ*: «О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы», въ Уч. Зап. Моск. Унив. за 1834 г.; *В. Вешняковъ*: «О причинахъ возвышенія Московскаго княжества», Спб. 1851; *Соловьевъ С*: «Исторія Россіи» томы III и IV; *Шпилевскій С*: «Объ источникахъ русск. права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I», Уч. Зап. Каз. Унив. за 1862 г.; *Хлѣбниковъ Н*: «О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи», Спб. 1869, гл. I и VII; *Костомаровъ Н*: «Начало единодержавія въ др. Руси», въ XII т. историч. монографій и изслѣд. его; *Бестужевъ-Рюминъ К*: «Русская исторія», Спб. 1872 г., I т., стр. 287—292.

чествомъ лишь самое ограниченное вліяніе. Такъ извѣстный русскій историкъ *С. М. Соловьевъ* проводитъ мысль о самой незначительной степени вліянія татаръ на развитіе русской государственной жизни, заявляя что вліяніе ихъ отразилось на послѣдней не сильнѣе вліянія Половецкаго (¹). Съ другой стороны встрѣчаемъ мы въ наукѣ и воззрѣнія признающія за татарами въ высшей степени значительное вліяніе на развитіе русской исторической жизни. Воззрѣнія послѣдняго рода въ особенности рѣзко высказываются другимъ извѣстнымъ историкомъ нашимъ—*Н. И Костомаровымъ* (²). Костомаровъ, признавая за татарами рѣшительное вліяніе на измѣненіе хода древне-русской государственной жизни, полагаетъ даже будто самая единодержавная и самодержавная власть царей Московскихъ была ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ изчезнувшей власти хановъ ордынскихъ, полагаетъ будто государи Московскіе, свергнувъ ихъ владычество, перенесли на себя, по отношенію къ русской землѣ, всю сумму самодержавныхъ правъ, которою пользовались до тѣхъ поръ ханы. Если не безъ основанія могутъ быть оспариваемы воззрѣнія первой категоріи, то не съ меньшимъ основаніемъ могутъ быть подвергнуты критикѣ и воззрѣнія второй категоріи. Власть царей Московскихъ нельзя признать продолженіемъ власти хановъ ордынскихъ, нельзя считать ее порожденіемъ ига татарскаго. Владычество татаръ способствовало развитію самодержавной власти государей Московскихъ—объ этомъ не можетъ быть и спора—но оно способствовало толкко *развитію ея*,—самая-же идея самодержавія государственной власти существовала въ русской землѣ еще за-долго до погрома татарскаго.

Будучи впервые навѣяна византійскими воззрѣніями, принесенными греческимъ духовенствомъ еще въ эпоху крещенія русской земли, идея самодержавія государственной власти неоднократно проявлялась въ сознаніи нѣкоторыхъ князей русскихъ. Намъ извѣстны стремленія Андрея Боголюбскаго, желавшаго основать неограниченное единодержавіе въ землѣ Ростовско-Суздальской, желавшаго, по выра-

---

(¹) *Бестужевъ—Рюминъ*: Рус. Ист., I, стр. 278.

(²) «Начало единодержавія въ др. Руси», Историч. мон. и изслѣд., томъ XII.

женію лѣтописца: „единъ бити властель въ русской землѣ". Самъ учредитель царскаго достоинства въ Россіи, грозный Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, признавая себя государемъ вполнѣ самодержавнымъ, ставитъ въ образецъ власти своей не власть хановъ ордынскихъ, но самодержавную власть императоровъ римскихъ и ссылается на авторитетъ библіи. И такъ *византійскія государственныя традиціи и воззрѣнія греческаго духовенства*—вотъ основныя начала, заронившія въ русскую жизнь первое зерно идеи самодержавія; дѣло лишь въ томъ, что въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ не было почвы пригодной для проростанія этого зерна, не было обстоятельствъ способныхъ дать толчокъ дальнѣйшему развитію этой идеи и внесенію ея въ сферу государственныхъ отношеній.

Вторично удалось византійскому вліянію оказать содѣйствіе развитію въ русской землѣ идеи самодержавія—уже въ государствованіе В. К. Іоанна III Васильевича, послѣ брака послѣдняго съ греческою царевною Софіею Палеологъ, такъ какъ этотъ союзъ привлекъ къ Московскому двору множество грековъ, пришедшихъ вслѣдъ за своею царевною. Изъ дошедшихъ до нашего времени отрывковъ изъ слѣдственнаго дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Ѳеодорѣ Жареномъ, бывшихъ представителями придворной партіи противниковъ новаго, Московскаго порядка вещей,—изъ этихъ отрывковъ видимъ мы, что эти лица придаютъ сейчасъ упомянутому событію важное вліяніе на измѣненіе направленія русской государственной жизни: „Какъ пришла сюда мати Великаго Князя Великая Княгиня Софія съ вашими Греки, говорилъ Ив. Берсень Максиму Греку, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великіе, какъ и у васъ во Царѣгородѣ при вашихъ царѣхъ"... „Здѣсь у насъ старые обычаи Князь Великій перемѣнилъ; ино на насъ котораго добра чаяти?"—продолжаетъ Берсень и наконецъ еще болѣе уясняетъ свою мысль: „нынѣ деи Государь запершися самъ третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ" (¹). Такимъ образомъ Византія является источникомъ, изъ котораго неоднократно переносима была въ русскую жизнь идея единодержавія и самодержавія государственной власти. Если-бы источникомъ

(¹) Акты Археографической Экспедиціи, томъ I, № 172.

самодержавія былъ примѣръ самодержавія хановъ ордынскихъ, то изъ устъ оппозиціонной придворной партіи того времени навѣрное раздался-бы укоръ Московскимъ государямъ въ подражаніи иновѣрцамъ, поганымъ, что должно было представляться уму современнаго русскаго человѣка несравненно болѣе непозволительнымъ, нежели заимствованіе обычаевъ и государственныхъ началъ отъ единовѣрныхъ съ нами грековъ.

Но если не татарское владычество было непосредственнымъ источникомъ, непосредственною причиною внесенія въ русскую жизнь идеи о самодержавіи государственной власти, если оно было лишь средствомъ, импульсомъ къ дальнѣйшему развитію уже существовавшаго сознанія о ея самодержавіи,—то въ чемъ-же выразилось это содѣйствующее, это развивающее вліяніе его?

Сейчасъ лишь видѣли мы, что идея самодержавія государственной власти занесена была въ русскую землю еще за-долго до покоренія ея татарами, что еще до этого покоренія даетъ замѣтить себя въ дѣятельности, въ политикѣ нѣкоторыхъ князей русскихъ ясное стремленіе къ приложенію этой идеи къ практической жизни. Но всѣ стремленія подобнаго рода не только не могли въ то время увѣнчаться успѣхомъ, но не могли даже вполнѣ ясно и послѣдовательно проводиться, такъ какъ они шли въ разрѣзъ со всѣми основными началами государственной и общественной жизни, не могли примириться съ господствовавшими въ ней договорными отношеніями. Что-бы проложить себѣ путь къ самодержавію, княжеская власть должна была-бы убить автономію воли народной, должна была-бы искоренить вѣчевое устройство, стѣснявшее слишкомъ широкое распространеніе абсолютной воли ея. Но такая смѣлая задача не подъ силу была удѣльнымъ князьямъ русскимъ. Трудно сказать, удалась-ли бы она имъ когда нибудь, и, если-бы удалась, то цѣною какихъ трудовъ и цѣною какой крови, если-бы не подоспѣла къ нимъ на помощь внѣшняя сила. Этою внѣшнею силою явилось татарское завоеваніе вообще и сила хановъ ордынскихъ въ частности. Сдѣлавъ русскую землю своимъ улусомъ, ханы ордынскіе не вступали въ непосредственныя отношенія къ самому народу. Посредниками между собою и русскимъ народонаселеніемъ поставили они князей русскихъ, получившихъ такимъ образомъ характеръ какъ-бы

намѣстниковъ ханскихъ. Для полученія стола князю не зачѣмъ уже было заботиться о согласіи съ народонаселеніемъ; главною задачею для него стало заручиться расположеніемъ и милостью хана, а затѣмъ добыть отъ него ярлыкъ на княженіе. Личная сила князя, не имѣвшая въ предшествовавшей эпохѣ никакого значенія, коль скоро она не опиралась на волю населенія, получила теперь въ союзницы силу хана; противодѣйствіе оказываемое населеніемъ князю, приняло съ тѣхъ поръ характеръ противодѣйствія воли ханской. Весьма естественно что значеніе вѣча, потерявшаго вслѣдствіе этого новаго порядка вещей всякое самостоятельное значеніе, было постепенно сводимо до нуля, а мало по малу и самое учрежденіе это пало и наконецъ вовсе уничтожилось. Но при этомъ новомъ порядкѣ вещей князья Московскіе не сидѣли сложа руки. Заручившись расположеніемъ хановъ, они постепенно усиливаются, обогащаются, увеличиваютъ различными путями свою территорію и, наконецъ, получаютъ первенствующее и преобладающее значеніе въ системѣ всѣхъ остальныхъ княженій русскихъ. Умѣя ловко обращать въ свою пользу всѣ обстоятельства, они доводятъ Великое Княженіе Московское до такой высокой ступени силы и могущества, что оно не только подавляетъ своимъ преобладаніемъ сохранившія еще большую или меньшую самостоятельность области русскія, но вступаетъ даже въ открытую борьбу съ Ордою и освобождаетъ русскую землю изъ подъ владычества татарскаго. Хотя по сверженіи татарскаго ига и была уничтожена главная причина убившая удѣльно-вѣчевыя основы государственной жизни, но возвращеніе къ прежнему порядку вещей сдѣлалось уже невозможнымъ. Эта невозможность обусловливалась съ одной стороны значительнымъ усиленіемъ Москвы, усиленіемъ основаннымъ на началахъ діаметрально противоположныхъ старому вѣчевому и договорному началу, а съ другой стороны и тѣмъ, что старый порядокъ вещей былъ уже слишкомъ расшатанъ, получивъ рядъ ударовъ, отъ которыхъ не могъ уже оправиться. Самый голосъ представителей придворной партіи противниковъ новыхъ Московскихъ порядковъ оказался безсильнымъ протестомъ противъ того, что начинало уже всасываться въ плоть и кровь русскаго народа. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ былъ послѣднею и грозною реакціею противъ оставшихся традицій о старыхъ,

до-Московскихъ порядкахъ; длиннымъ рядомъ казней силился онъ искоренить самое воспоминаніе о минувшихъ основахъ государственной жизни.

Такимъ-то образомъ преобразовалась удѣльно-вѣчевая Русь въ единое самодержавное Московское государство и таково было содѣйствіе оказанное татарскимъ владычествомъ развитію и примѣненію къ дѣйствительной жизни сознанію о самодержавности государственной власти, сознанію занесенному въ русскую землю еще въ самомъ началѣ развитія исторической жизни ея.

Указавъ на владычество Татаръ, какъ на одну изъ важнѣйшихъ причинъ способствовавшихъ усиленію власти великихъ князей Московскихъ, а слѣдовательно и способствовавшихъ дѣлу Московской централизаціи, переходимъ къ указанію другихъ причинъ, обусловливавшихъ собою это явленіе.

Изъ этихъ причинъ прежде всего укажемъ мы на *личныя свойства и качества великихъ князей Московскихъ.*

Въ эпоху владычества татарскаго, какъ замѣтили мы это уже выше, имѣть въ своемъ обладаніи стольный городъ Владиміръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть и преобладающее значеніе въ средѣ остальныхъ князей русскихъ, могъ лишь тотъ князь, который умѣлъ угождать ханамъ ордынскимъ, которому удавалось войти къ нимъ въ милость. Для достиженія послѣдней цѣли нужно было обладать особеннаго рода ловкостью, особеннаго рода изворотливостью, нерѣдко приходилось даже жертвовать чувствомъ самолюбія. Князья Московскіе поняли необходимость обладать этими свойствами—и нельзя не замѣтить что они вполнѣ усвоивають ихъ себѣ, присоединяя къ нимъ крайнюю осторожность, терпѣливость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайній утилитаризмъ своей политики. Рядъ князей Московскихъ, въ совершенствѣ обладавшихъ указанными качествами и стойко преслѣдовавшихъ указанныя черты политики сдѣлалъ то, что Москва, бывшая во второй половинѣ XIII вѣка бѣднымъ и едва примѣтнымъ удѣльнымъ городкомъ, въ полвѣка съ небольшимъ поднялась до степени самаго могущественнаго и вліятельнаго русскаго княженія. Вотъ какъ характеризуетъ историкъ нашъ *С. Соловьевъ* личность князей Московскихъ: „Всѣ они похожи другъ на друга, въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты

одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ передъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ". Однимъ изъ важнѣйшихъ условій для пріобрѣтенія княземъ ханскаго расположенія и ярлыка на великое княженіе—была уплата имъ значительнаго „выхода", т. е. дани ордынской. Такъ, во время соперничества изъ-за великаго княженія князей *Михаила Ярославича Тверскаго* и *Юрія Даніиловича Московскаго*, ярлыкъ на великое княженіе получилъ послѣдній вслѣдствіе того обстоятельства, что онъ въ состояніи былъ посулить Ордѣ большую сумму выхода, нежели Тверской князь: „оже ты даси выходъ болши князя Михаила Тверскаго, и мы тобѣ княженіе великое дадимъ"—не стѣсняясь говорили ему вельможи татарскіе.

И такъ, кромѣ указанныхъ нами выше качествъ, для того чтобы имѣть успѣхъ въ Ордѣ, необходимымъ является также обладаніе болѣе или менѣе значительными матеріальными средствами. Этою необходимостью объясняется еще одна весьма любопытная черта характера князей Московскихъ—непомѣрное стремленіе къ пріобрѣтенію и накопленію матеріальныхъ средствъ, стремленіе къ наживѣ, къ скопидомству. Возможность увеличивать казну свою особенно широко открывается для великихъ князей Московскихъ съ того времени, когда они дѣлаются посредниками между Ордою и другими княженіями русскими по сбору и уплатѣ дани. Дѣло въ томъ, что первоначально дань ордынская взымалась Ордою черезъ посредство ея чиновниковъ и откупщиковъ; но вскорѣ подобный способъ сбора дани замѣняется инымъ. Выходъ ордынскій платитъ за всю русскую землю великій князь Московскій непосредственно самъ, единолично, а затѣмъ уже отъ себя раскладываетъ сумму его на отдѣльныя княженія русскія. Подобный способъ уплаты выхода представлялся удобнымъ и выгоднымъ для князей русскихъ, такъ какъ онъ освобождалъ ихъ отъ необходимости имѣть личныя и непосредственныя сношенія съ Ордою, которыя весьма нерѣдко представлялись опасными, трудными и всегда унизительными для самолюбія. Этотъ способъ уплаты выхода былъ выгоденъ и для хановъ, такъ какъ имъ приходилось имѣть дѣло съ однимъ лицемъ, причемъ нечего было опасаться недоимокъ и сопротивленія со стороны рус-

скаго населенія. Но всего болѣе выгоднымъ представлялся новый способъ уплаты выхода для самихъ князей Московскихъ, такъ какъ имъ представлялась полная возможность требовать съ русскихъ князей выхода большаго сравнительно съ тѣмъ, который они на самомъ дѣлѣ вносили за нихъ въ Орду. Такимъ образомъ представительство по взносу выхода давало князьямъ Московскимъ обильный и непрерывный источникъ обогащенія. Нельзя съ точностью опредѣлить когда возникло оно впервые, но обыкновенно относятъ начало этого представительства къ эпохѣ княженія Ивана Даніиловича Калиты. Накопляя въ рукахъ своихъ значительныя матеріальныя средства, князья Московскіе не оставляли ихъ мертвымъ капиталомъ, но обращали ихъ на покупку городовъ, селъ и земель у сосѣднихъ съ ними удѣльныхъ князей. Эти прикупныя земли, указываемыя въ духовныхъ грамотахъ князей Московскихъ подъ названіемъ „прикуповъ“ или „примысловъ“, постепенно округляли и увеличивали территорію великаго княженія Московскаго, и тѣмъ самымъ содѣйствовали возвышенію могущества и преобладанія его.

Указавъ на владычество Татаръ и на личныя свойства и качества князей Московскихъ какъ на двѣ весьма вліятельныя причины возростанія могущества Москвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣшнаго хода дѣла Московской централизаціи, мы должны замѣтить что дѣлу послѣдней оказывали въ значительной степени вспомоществованіе всѣ вообще классы русскаго населенія, именно духовенство, служилые люди и люди земскіе, какъ городскіе, посадскіе, такъ и сельскіе.

Мы знаемъ уже, что вмѣстѣ съ христіанскою религіею, занесены были къ намъ греческимъ духовенствомъ и византійскія воззрѣнія на существо и значеніе государственной власти. Изъ устъ этого пришлаго *духовенства*, а затѣмъ и изъ устъ воспитаннаго въ его духѣ русскаго духовенства, впервые раздалось въ русской землѣ ученіе о божественномъ происхожденіи монархической власти. Духовенство стремится поставить вопросъ о происхожденіи этой власти на почву теологическую, старается внушить какъ самимъ князьямъ, такъ и подвластному имъ населенію убѣжденіе въ томъ, что князья призваны управлять народомъ волею Высшаго Божества, что они являются представителями Его воли, что неповиновеніе князю является слѣдовательно ослу-

шаніемъ противъ Божественной воли. Въ основаніе проповѣди своей кладетъ духовенство извѣстное мѣсто изъ посланія къ Римлянамъ Св. Апостола Павла: „Всякая душа властемъ придержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть аще не отъ Бога, сущія-же власти отъ Бога учинены суть: тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противляется“. Въ этомъ-же духѣ должны быть понимаемы слова древнерусскихъ епископовъ: „ты еси *отъ Бога* поставленъ на казнь злымъ“,—которыми они убѣждали Владиміра прибѣгнуть къ смертной казни для искорененія разбоевъ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ проповѣди духовенства, развивается мало по малу въ русской землѣ взглядъ на Божественное происхожденіе княжеской власти, взглядъ на князя какъ на помазанника, на избранника Божія на землѣ, взглядъ который вполнѣ отразился въ словахъ Ипатьевскаго лѣтописца о великомъ князѣ Андреѣ Боголюбскомъ: „князь бо не тунѣ носитъ мечь (т. е. обладаетъ властью), Божій бо слуга есть“. Слѣдствіемъ направленной въ такомъ духѣ проповѣди духовенства оказалось то, что князья русскіе пришли къ сознанію о необходимости тѣснаго союза съ духовною властью, о необходимости искать поддержку въ ея авторитетѣ для преслѣдованія ими такого рода цѣлей, при преслѣдованіи которыхъ труднымъ казалось имъ расчитывать на содѣйствіе со стороны населенія, со стороны земщины. Этотъ расчетъ былъ совершенно вѣренъ: духовенство представляло значительную нравственную силу, пренебрегать которою казалось князьямъ невыгоднымъ. И вотъ мы видимъ что князья стараются пріобрѣсти расположеніе духовенства, для чего оказываютъ ему большой почетъ, жалуютъ ему множество земель, освобождаютъ недвижимыя имущества его отъ различнаго рода тягостей и повинностей, предоставляютъ ему право собственнаго суда и, вообще надѣляютъ это сословіе громадными привиллегіями. Московскіе князья были слишкомъ ловки и дальновидны чтобы не понять тѣхъ благопріятныхъ результатовъ, какіе могли возникнуть для нихъ изъ тѣснаго союза съ духовною властью; отсюда возникаетъ еще одна черта политики ихъ—стремленіе сдѣлать Москву центромъ церковной іерархіи, придать ей значеніе центра нравственно-религіозной жизни русскаго народа. Изъ русской исторіи извѣстно, что это стремленіе было вполнѣ увѣнчано успѣхомъ уже въ княженіе Ив. Дан. Калиты, которо-

му, еще за годъ до пріобрѣтенія великокняжескаго титула, удалось убѣдить Св. митрополита Петра перенести свою святительскую каѳедру изъ Владиміра въ Москву и тѣмъ разомъ поднять этотъ городъ на степень духовно-религіознаго центра русской земли. Переселяясь въ Москву, митрополитъ Петръ вполнѣ сознавалъ всю важность этого факта, вполнѣ сознавалъ услугу оказываемую имъ князьямъ Московскимъ и то значеніе которое должна была получить Москва, вслѣдствіе перенесенія въ нее митрополичьей каѳедры. Не даромъ Никоновская лѣтопись влагаетъ въ уста митрополита слѣдующее предрѣченіе будущаго значенія Москвы: „Градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руки его на плещи врагъ его и прославится Богъ въ немъ, аще-же и мои кости въ немъ положени будутъ“.

Въ изслѣдованіи своемъ „О недвижимыхъ имуществахъ духовенства“ (1), *В. Милютинъ* не безъ основанія проводитъ взглядъ, что централизація русской земли подъ властью Москвы представлялась желательною и выгодною въ глазахъ духовенства, такъ какъ она была связана съ матеріальною выгодою его. Недвижимыя имущества духовенства представлялись разсѣянными по отдѣльнымъ княженіямъ русскимъ, вслѣдствіе чего духовенство одного удѣльнаго княжества, при безпрерывныхъ междукняжескихъ распряхъ и усобицахъ, не только встрѣчало важныя затрудненія въ управленіи своими вотчинами находившимися въ предѣлахъ другаго, враждебнаго съ первымъ, удѣльнаго княженія— но всегда могло опасаться даже за совершенную потерю этихъ вотчинъ. Весьма естественно, что это шаткое положеніе недвижимой собственности духовенства, обусловливаемое раздѣленіемъ русской земли на удѣлы,—должно было вселить въ немъ желаніе видѣть всю русскую землю подвластною одному государю. Видя возростающее могущество Московскаго княженія, видя далѣе богатство, тактъ и ловкую политику князей Московскихъ, духовенство рано сознало, что если кто изъ князей русскихъ и окажется въ состояніи объединить подъ своею властью раздираемую и

(1) Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1859 г. IV; 1860 г. III; 1861 г. I и II.

внутренними и внѣшними бѣдствіями русскую землю, то конечно легче всего могутъ достигнуть этого князья Московскіе—и вотъ одна изъ весьма вѣроятныхъ причинъ расположенія къ нимъ духовенства.

Какъ-бы то ни было, но уже вскорѣ по перенесеніи въ Москву митрополичьей каѳедры, высшая духовная власть является тѣсною союзницею великихъ князей Московскихъ, и своимъ авторитетомъ дѣятельно помогаетъ послѣднимъ въ дѣлѣ достиженія ими единодержавія, обращая духовное оружіе свое противъ всѣхъ враговъ и недоброжелателей Московскихъ. Такъ, извѣстно что во время борьбы *Ив. Калиты* съ Тверскимъ княземъ *Александромъ Михаиловичемъ*, когда послѣдній укрылся во Псковѣ, *митрополитъ Ѳеогностъ*, преемникъ Св. Петра, затворяетъ всѣ Псковскія церкви для того что-бы принудить Псковичей выдать Александра Михаиловича. Къ подобной-же мѣрѣ, по повелѣнію митрополита, прибѣгаетъ въ 1365 г. и *Св. Сергій*, желая привести Н.-Новгородъ въ послушаніе великому князю Московскому Дмитрію Ивановичу. Въ виду надеждъ возлагаемыхъ на вел. кн. Московскихъ по отношенію къ освобожденію русской земли изъ подъ владычества татарскаго, придаетъ имъ духовенство значеніе хранителей и ревнителей Православной Христіанской вѣры, чему соотвѣтствовали и слѣдующіе эпитеты: „благовѣрный", „О Святѣмъ Дусѣ возлюбленный", „православный", „благочестивый", „христолюбивый",—которыми щедро надѣляло оно вел. князей Московскихъ. Вслѣдствіе этого грѣхомъ, преступленіемъ противъ православной вѣры, объявляетъ духовенство не только ослушаніе великимъ князьямъ Московскимъ со стороны массы простаго населенія, но даже и со стороны другихъ великихъ и удѣльныхъ князей. Въ 1447 г., въ эпоху борьбы *в. к. Василія Василіевича* съ *Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою*, русское духовенство написало къ послѣднему соборное Посланіе, въ которомъ увѣщевало его покориться в. к. Московскому, проводя мысль, что освобожденіе русской земли изъ подъ власти татаръ связано съ единодержавіемъ Василія Васильевича; въ случаѣ ослушанія, духовенство угрожаетъ Шемякѣ церковнымъ проклятіемъ. Подобно этому, въ половинѣ XV вѣка, *митрополитъ Іона*, въ посланіи своемъ къ Псковичамъ, увѣщеваетъ ихъ пребывать въ вѣрности и въ послушаніи вел. князю Московскому; подобно-же этому, въ послѣдней четвер-

и XV вѣка, *митрополитъ Геронтій* угрожаетъ Вятичамъ церковнымъ отлученіемъ въ томъ случаѣ, если они не покорятся великому князю Іоанну III Васильевичу. Много можно-бы было привести и еще примѣровъ подобнаго рода, но вѣроятно и указаныхъ будетъ достаточно для того что-бы увидѣть то весьма значительное содѣйствіе и сочувствіе, которыя оказывало русское духовенство великимъ князьямъ Московскимъ въ дѣлѣ достиженія ими единодержавія и самодержавія въ русской землѣ.

Далѣе дѣлу Московской централизаціи оказывалъ въ значительной степени содѣйствіе и *служилый классъ*. Изъ исторіи удѣльно—вѣчеваго періода извѣстно, что въ этомъ періодѣ княжеская служба зиждилась на исключительно договорномъ началѣ, не нося обязательнаго характера; каждый воленъ былъ служить или не служить, и затѣмъ каждый воленъ былъ служить тому князю, которому желалъ, такъ что переходъ служилаго человѣка со службы одного князя на службу другаго не только не считался преступленіемъ, измѣною, но былъ явленіемъ вполнѣ обыкновеннымъ. Весьма етественно, что лучшія силы страны стремились на службу князей наиболѣе богатыхъ и значительныхъ, такъ какъ служба послѣднимъ представлялась особено выгодною. Всѣдствіе этого, когда на сѣверо-востокѣ русской земли начало быстро возвышаться молодое и вліятельное княженіе Московское, средства котораго были настолько значительны, что оно было въ состояніи щедро вознаграждать службу ему,—то это княженіе быстро начало привлекать къ себѣ лучшія служилыя силы земли. Не говоря уже о томъ, что служилымъ людямъ представлялась надежда доставить себѣ хорошее обезпеченіе службою богатому княженію Московскому, мы можемъ допустить здѣсь и другой матеріальный расчетъ съ ихъ стороны: подъ авторитетомъ князей Московскихъ легче было имъ сохранить право собственности своей на различнаго рода недвижимыя имущества, нежели подъ авторитетомъ другихъ князей русскихъ. Извѣстно, что во времена усобицъ, между удѣльными князьями былъ весьма обыкновеннымъ обычай захватывать земли служилыхъ людей противной стороны, а такъ какъ при большемъ или меньшемъ равенствѣ силъ воюющихъ сторонъ самый исходъ распри представлялся весьма часто сомнительнымъ, то слѣдовательно и служилые люди каждаго изъ

враждующихъ княженій всегда могли опасаться за ненарушимость своего права собственности. Большею безопасностью пользовалось право собственности служилыхъ людей находившихся на службѣ Московскихъ князей. Москва представлялась самымъ сильнымъ, самымъ могущественнымъ княженіемъ русскимъ, притомъ княженіемъ пользовавшимся поддержкою Орды. Въ случаѣ столкновеній ея съ другими княженіями русскими, всѣ шансы побѣды клонились къ ея сторонѣ,—а слѣдовательно и на сторонѣ Московскихъ служилыхъ людей должно было быть больше увѣренности въ сохраненіи правъ собственности на земли находившіяся даже въ предѣлахъ воюющаго съ Москвою княженія, не говоря уже объ имуществахъ которыми владѣли они въ предѣлахъ Московскаго княженія. Къ этому, чисто матеріальному, побужденію служить князьямъ Московскимъ присоединялось и другое, не менѣе сильное побужденіе—сохранить личную безопасность свою отъ угрожавшаго ей насилія побѣдѣтелей—татаръ, такъ какъ Москва пользовалась расположеніемъ и покровительствомъ хановъ Ордынскихъ.

И дѣйствительно, мы видимъ что въ теченіи всей эпохи Московской централизаціи не прерывается огромный наплывъ на службу великихъ князей Московскихъ служилыхъ людей изъ другихъ княженій и областей русскихъ. Да и сами государи Московскіе, сознавая всю выгоду проистекающую для политики ихъ изъ подобнаго порядка вещей, сами стараются о привлеченіи на службу свою лучшихъ служилыхъ силъ изъ другихъ областей русскихъ, для чего охотно жалуютъ подобныхъ эмигрантовъ вотчинами и помѣстьями и предоставляютъ имъ различнаго рода льготы и преимущества.

Возростающее могущество и значеніе Москвы привлекали на службу ея лицъ не только изъ различныхъ русскихъ областей и княженій, но оно привлекало на Московскую службу и татарскихъ выходцевъ, и польско-литовскихъ выходцевъ, и выходцевъ изъ всѣхъ почти западно-европейскихъ государствъ.

Изъ современныхъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ и различнаго рода другихъ историческихъ источниковъ видимъ мы, что самый успѣхъ Московскаго государства въ покореніи себѣ отдѣльныхъ русскихъ княжествъ и областей, всегда

обусловливался въ весьма значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что оно въ массѣ служилыхъ людей послѣднихъ всегда находило себѣ приверженцевъ которые, въ критическую минуту борьбы, въ большемъ количествѣ передавались на Московскую сторону. Такъ въ 1486 г., во время осады Твери в. к. Иваномъ III Васильевичемъ, изъ осажденнаго города передались къ нему князья и бояре Тверскіе и били ему челомъ что-бы онъ принялъ ихъ въ службу свою. Такъ въ 1447 г. Дмитрій Шемяка, освободивъ изъ плѣна мать в. к. Василія Васильевича Софію, отправилъ ее въ Москву съ бояриномъ Мих. Ѳед. Сабуровымъ и со многими дѣтьми боярскими; всѣ эти лица, исполнивъ свое порученіе, уже не возвращались къ своему князю, но остались служить в. к. Московскому. Во время похода Ивана III Васильевича подъ Новгородъ, безпрестанно приходили къ нему бить челомъ въ службу многіе служилые люди Новгородскіе. Количество ихъ было такъ значительно, что при приводѣ 18 янв. 1478 г. къ крестному цѣлованію умиротворенныхъ Новгородцевъ, послѣднихъ заставляли между прочимъ присягать и въ томъ, что они не станутъ мстить „ни какою хитростью“ Новгородскимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые служатъ великому князю. Такъ въ 1398 г., во время войны в. к. Василія Дмитріевича съ Новгородомъ изъ за Двинской области, на сторону Москвы передались Новгородскіе Двинскіе воеводы. Равнымъ образомъ въ 1391 г., измѣною своему князю, оказалъ в. к. Василію Дмитріевичу услугу при завоеваніи Н. Новгорода Нижегородскій бояринъ Василій Румянецъ.

Такимъ-то образомъ постепенно образовался вокругъ великихъ князей Московскихъ сильный и многочисленный служилый классъ, вмѣщавшій въ себѣ лучшія служебныя силы русской земли, классъ въ весьма значительной степени обусловившій собою усиленіе Московскаго государства и успѣхъ централизаціи. Въ своемъ мѣстѣ разсмотримъ мы, какими средствами воспользовалось Московское государство для прикрѣпленія къ себѣ крѣпкими узами этого класса.

Нельзя наконецъ не согласиться и съ тѣмъ положеніемъ, что дѣло объединенія русской земли было въ интересахъ и *самихъ земщинъ*, т. е. городскихъ, посадскихъ, и сельскихъ людей, что и земскіе классы населенія содѣйствовали дѣлу московской централизаціи. Интересъ земщинъ

въ успѣхѣ московской централизаціи обусловливается главнымъ образомъ тремя причинами. Первая изъ нихъ заключается въ тѣхъ невыгодныхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыя поставлены были земскіе классы при безпрерывныхъ междукняжескихъ войнахъ и усобицахъ, совершенно парализовавшихъ развитіе древне-русской промышленно-экономической жизни. Земскіе люди хорошо понимали что эта сторона жизни ихъ можетъ получить правильное развитіе лишь при мирномъ внутреннемъ состояніи страны; а такъ какъ это внутреннее мирное состояніе страны находилось въ связи съ объединеніемъ русской земли подъ одною общею государственною властью, и такъ какъ Московское великое княженіе казалось единственно способнымъ достигнуть подобнаго объединенія,—то отсюда понятнымъ дѣлается сочувствіе земскихъ классовъ дѣлу Московской централизаціи.

Вторая причина сочувствія земщинъ дѣлу Московскихъ великихъ князей отчасти уже знакома намъ: она совпадаетъ съ одною изъ причинъ эмиграціи въ Москву служилыхъ людей другихъ русскихъ областей—это стремленіе земскихъ людей оградить отъ насилія татаръ личную и имущественную безопасность свою. Москва пользовалась расположеніемъ Орды, Московская территорія была болѣе обезпечена отъ ея насилій сравнительно съ другими областями русской земли—слѣдовательно находиться въ подвластности Москвѣ было выгоднѣе, нежели находиться въ подвластности одному изъ другихъ княжествъ русскихъ.

Третья причина заинтересовавшая земщины въ дѣлѣ Московской централизаціи, есть причина чисто духовная,—это стремленіе земскихъ людей сохранить въ чистотѣ и неприкосновенности національность и православную вѣру свою. Эта третья причина особенно сильно и замѣтно заявляла себя въ средѣ Новгородской земщины. Дѣло въ томъ, что подъ конецъ самостоятельнаго существованія Новгорода, многіе значительные люди Новгородскіе, желая сохранить древнюю вольность города своего, вступили въ переговоры съ Литвою, думая найти въ ней защиту отъ притязаній великаго князя Московскаго. Сношенія съ Литвою показались многимъ Новгородцамъ опасными для чистоты національности и православія, чему не мало способствовали и внушенія Московскаго правительства и духовенства; это

повело къ образованію въ Новгородѣ партіи Московскихъ приверженцевъ, предпочитавшихъ передаться великому князю Московскому, нежели измѣнить національности своей и православію. Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что эта Московская партія много способствовала покоренію Новгорода Москвою.

Въ такомъ видѣ представляются намъ условія и историческія явленія, при взаимодѣйствіи которыхъ развивалось и успѣшно завершилось дѣло централизаціи, приготовившее почву для исторической жизни объединеннаго Московскаго государства.

ВНѢШНЯЯ ИСТОРІЯ ПРАВА [1].

Внѣшняя исторія права—есть ничто иное какъ *историческій обзоръ источниковъ* его, регулировавшихъ юридическую жизнь даннаго народа въ изслѣдуемую эпоху.

Разумѣть подъ источниками право одни лишь памятники письменнаго законодательства—значитъ понимать крайне узкимъ образомъ юридическую народную жизнь. Отноше-

---

[1] Изъ сочиненій, разсматривающихъ внѣшнюю исторію русскаго законодательства вообще, а слѣдовательно и внѣшнюю исторію Московскаго законодательства, во всемъ объемѣ ея,—могутъ быть указаны слѣдующія: *Васильевъ И*; «Историческое обозрѣніе древняго россійскаго законодательства» (Вѣстн. Евр. 1822 г., № 7). *Его-же*: «Разсужденіе о законахъ государства россійскаго, изданныхъ отъ основанія онаго до нынѣшнихъ временъ», М. 1823 г. *Михаловскій*: «Рѣчь о началѣ и происхожденіи россійскаго законодательства», Харьк. 1823 г. *Смирновъ*: «Рѣчь о началѣ и происхожденіи Россійскихъ законовъ, духѣ ихъ и постоянномъ усовершенствованіи», (Актъ Моск. Унив, 1832 г.). *Эверсъ*: «Древнее русское право въ историческомъ его развитіи», Спб. 1835 г. *Соловьевъ*: «О развитіи русской жизни въ отношеніи къ законодательству», Од. 1841 г. *Неволинъ К*: «Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства» (во II томѣ его Энциклопедіи права) Спб. 1840 г. *Рождественскій Н*: «Обозрѣніе внѣшней исторіи россійскаго законодательства», Спб. 1849 г. *Шпилевскій С*: «Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I» (Учен. Зап. Каз. Унив. за 1862 г.). *Михайловъ М*: «Исторія русскаго права», Спб. 1871 г. (послѣднимъ сочиненіемъ слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью).

Сочиненія трактующія объ отдѣльныхъ памятникахъ законодательства—будутъ указаны нами при обозрѣніи послѣднихъ.

нія юридической жизни всякаго народа, а тѣмъ болѣе народа юнаго, народа недавно лишь вступившаго на поприще историческаго бытія своего—далеко не исчерпываются, да и не могутъ быть исчерпаны писаннымъ правомъ; на ряду съ послѣднимъ въ жизни всякаго народа дѣйствуютъ также нормы права неписаннаго, права не закрѣпленнаго письменностью, но твердо и неизмѣнно живущаго въ народной памяти. Совокупность подобныхъ нормъ неписаннаго права, дѣйствующаго въ средѣ извѣстнаго народа—составляетъ *обычное право* его.

Изученіе юридической жизни Московскаго государства обнаруживаетъ что въ немъ, на ряду съ законодательными памятниками, значеніемъ источника права пользовалось въ весьма значительной степени и право обычное. Такимъ образомъ всѣ источники права, дѣйствовавшаго въ Московскомъ государствѣ, должны быть разсмотрѣны въ слѣдующихъ двухъ отдѣлахъ: А) Обычное право и В) Памятники законодательства.

А. ОБЫЧНОЕ ПРАВО.

Обычай, какъ источникъ права въ Московскомъ государствѣ.—Значеніе обычая въ сферѣ отношеній частнаго гражданскаго права.—Средства примѣненія обычнаго права.—Отношеніе обычнаго права къ законодательству.—Значеніе обычнаго права въ сферѣ государственнаго права.

Въ правовой жизни Московскаго государства прежде всего дѣйствуетъ тотъ-же источникъ права, который имѣлъ столь обширное жизненное примѣненіе въ теченіи предшествовавшаго удѣльно-вѣчеваго періода—это именно *обычай*, *обычное право*. Хотя въ разсматриваемомъ нами періодѣ и существуетъ вполнѣ сознательное и послѣдовательное стремленіе государственной власти къ закрѣпленію силы права путемъ облеченія его въ письменную форму и къ кодификаціи законодательнаго матеріала,—тѣмъ не менѣе и въ Московскомъ государствѣ не умаляется значеніе обычая, какъ правоваго источника. Онъ продолжаетъ опредѣлять собою значительную массу отношеній и институтовъ не только частнаго гражданскаго права, но даже весьма обширный кругъ отношеній и институтовъ относящихся къ

различнымъ сферамъ правъ государственнаго, административнаго, уголовнаго и судебнаго (процесса).

Что обычное право и въ Московскомъ періодѣ продолжало сохранять обширное примѣненіе въ сферѣ частнаго гражданскаго права—это положеніе не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя-бы даже послѣ самаго поверхностнаго знакомства съ Московскими законодательными памятниками. Дѣйствительно, законодательные памятники Московскаго государства почти не содержатъ въ себѣ опредѣленій относящихся къ догмѣ чистаго гражданскаго права; если и встрѣчаются въ нихъ нѣкоторыя отрывочныя опредѣленія изъ области гражданскаго права, то и эти немногія опредѣленія, какъ показываетъ ближайшее знакомство съ ними, относятся преимущественно къ тѣмъ сферамъ его, которыя имѣютъ значеніе государственное,—именно къ сферамъ правъ наслѣдственнаго, вотчиннаго, помѣстнаго и къ законамъ объ опекѣ и о состояніяхъ. Правда, *Уложеніе 1649 года* содержитъ въ себѣ уже довольно значительное количество статей, относящихся къ различнымъ сферамъ гражданскаго права, а въ особенности къ сферамъ правъ вотчинныхъ и помѣстныхъ, но и этихъ статей оказалось-бы крайне недостаточно, если-бы приходилось опредѣлять различныя отношенія частной гражданской жизни исключительно лишь нормами писаннаго права. Чѣмъ-же восполнялся этотъ пробѣлъ въ законодательствѣ? Чѣмъ-же регулировались многочисленныя отношенія частной гражданской жизни въ Московскомъ государствѣ? Очевидно, что на эти вопросы можетъ быть данъ одинъ только отвѣтъ—эти не предусмотрѣнныя и не отмѣченныя законодательствомъ отношенія регулировались нормами неписаннаго, обычнаго права. Обширное поле для примѣненія къ жизни нормъ этого обычнаго, неписаннаго права представлялось народу въ собственной, общинной, юрисдикціи его [1]. На судѣ-же правительственныхъ судей хранителями, блюстителями обычнаго права являются выборные отъ земщины *судные мужи*, судные *цѣловальники*, которые, присутствуя при судоговореніи, имѣютъ своимъ назначеніемъ охрану и провозвѣщеніе судьямъ нормъ этого права.

---

[1] *Дмитріевъ*: «Исторія судебн. инстанцій». Стр. 6—7.

Московское правительство далеко не игнорировало народнаго обычнаго права, но, напротивъ, тщательно заботилось объ его охраненіи и всегда считало его основнымъ источникомъ своей законодательной дѣятельности. Забота Московскаго правительства о томъ, что-бы нормы обычнаго права не попирались, не обходились на судѣ правительственныхъ судей, проявляется въ безпрерывныхъ подтвержденіяхъ запрещенія послѣднимъ отправлять юрисдикцію свою безъ присутствія при этомъ земскихъ судей или цѣловальниковъ. „А безъ дворскаго и безъ старосты и, безъ цѣловальниковъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ суда не судити"— весьма категорично опредѣляетъ Судебникъ Іоанна IV; подобнаго-же рода опредѣленія находимъ мы и во всѣхъ уставныхъ грамотахъ (1). Съ другой стороны, обычное право служило постояннымъ, основнымъ источникомъ, изъ котораго почерпала законодательная власть матеріалъ для своей дѣятельности. Уже *въ Судебникахъ 1497 и 1550 г.г.* получили законодательную санкцію многіе обычаи, выработавшіеся и получившіе всеобщее примѣненіе въ сферахъ судебнаго, а отчасти и гражданскаго права; точно также и по изданіи послѣдняго изъ этихъ законодательныхъ сборниковъ, т. е. Судебника 1550 г., продолжаютъ получать письменную формулировку старинныя обычныя права, не вошедшія въ этотъ памятникъ. Дѣйствительно, такъ называемые *дополнительные указы къ Судебнику*, въ которыхъ выражалась законодательная дѣятельность Московскаго государства въ промежутокъ времени отъ изданія Судебника 1550 г. и вплоть до изданія Уложенія 1649 г.—въ весьма многихъ случаяхъ представляютъ собою санкцію со стороны законодательной власти опредѣленій неписаннаго обычнаго права, издревлѣ сознававшихся и примѣнявшихся въ средѣ русскаго народа, но лишь теперь впервые получающихъ письменную формулировку.

Изъ дальнѣйшаго изложенія внѣшней исторіи права увидимъ мы, что и послѣдующіе памятники Московскаго законодательства—*Уложеніе 1649 г.*, а въ еще болѣе значитель-

(1) *Владимірскій-Будановъ*: «Христоматія по исторіи русскаго права». Вып. II, Судебникъ 1550 г., ст. 62; «Уставныя Грамоты XIV—XVI вв.» (*автора этого курса*) II вып., LXXXIII ст. сведеннаго текста уставныхъ грамотъ.

ной степени *Новоуказныя статьи*,—въ весьма многихъ отношеніяхъ послужили точнымъ отраженіемъ нормъ дѣйствовавшаго въ средѣ русскаго населенія обычнаго права.

Обычнымъ правомъ нормировались, какъ мы выше замѣтили, и весьма многія отношенія и институты изъ сферы государственнаго права. Мы не встрѣчаемъ, напримѣръ, никакихъ основныхъ законовъ, касающихся организаціи Верховной Государственной Власти, не встрѣчаемъ законовъ опредѣляющихъ организацію Земскихъ Соборовъ, Боярской Думы, Приказовъ и др. государственныхъ учрежденій,—а между тѣмъ всѣ эти учрежденія дѣйствуютъ въ постоянномъ, однообразномъ порядкѣ, руководствуясь, очевидно, ничѣмъ инымъ, какъ установившимся обычаемъ.

Далѣе, ничѣмъ инымъ какъ обычаемъ развился въ Московскомъ государствѣ и мѣстническій институтъ. Мѣстническіе споры, если и встрѣчались въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, то во всякомъ случаѣ носили характеръ частныхъ случаевъ, носили характеръ случайной борьбы обоюднаго честолюбія противниковъ, не облекаясь въ форму обширнаго, построеннаго къ извѣстныхъ началахъ и правилахъ, института. Иной характеръ принимаетъ мѣстничество въ Московскимъ періодѣ; здѣсь выработывается оно уже въ цѣлый, весьма обширный и весьма сложный, институтъ. Мѣстническіе споры дѣлаются предметомъ судебнаго разбирательства, для разрѣшенія ихъ выработывается цѣлая масса различнаго рода правилъ и началъ, словомъ—мѣстническій институтъ пользуется de facto полною санкціею государственной власти. Между тѣмъ мѣстничество не узаконено ни однимъ изъ государей, не узаконено ни однимъ законодательнымъ актомъ, напротивъ, правительство вело съ этимъ обычаемъ постоянную, хотя и безуспѣшную борьбу до тѣхъ поръ, пока въ 1682 г. царь Θеодоръ Алексѣевичъ не сдѣлалъ мѣстническіе споры невозможными черезъ сожженіе самыхъ разрядныхъ книгъ, служившихъ для нихъ основаніемъ. Изъ сказаннаго не трудно убѣдиться въ томъ, что институтъ мѣстничества сложился и развился ничѣмъ инымъ, какъ обычаемъ.

B. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Законодательная дѣятельность представляетъ собою второй источникъ права, дѣйствовавшаго въ Московскомъ государствѣ.

Прежде нежели приступить къ обзору законодательныхъ памятниковъ, явившихся результатомъ этой дѣятельности, необходимымъ представляется обратить вниманіе на самый характеръ Московскаго законодательства.

I.

ХАРАКТЕРЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА МОСКОВСКАГО.

Кто былъ субъектомъ законодательной власти въ государствѣ Московскомъ?— Лица, привлекаемыя къ участію въ законодательной дѣятельности.—Различіе основаній участія сословій въ законодательствѣ въ удѣльно-вѣчевой Руси и въ Московской Руси.—Боярская Дума, какъ органъ законодательной дѣятельности Московскихъ государей.

Здѣсь нашему вниманію прежде всего представляется слѣдующій вопросъ: *кто является субъектомъ законодательной власти въ Московскомъ государствѣ?*

Государь Московскій, какъ монархъ вполнѣ самодержавный, вполнѣ неограниченный—*есть непосредственный и единственный источникъ законодательной власти.* Узаконенія и постановленія издаваемыя или имъ непосредственно, или-же подъ его авторитетомъ, считаются безусловно обязательными для всѣхъ лицъ, подходящихъ подъ ихъ дѣйствіе. Нечего и говорить о томъ, что въ Московскомъ государствѣ уже не встрѣчаемъ мы и признаковъ законодательства вѣчеваго, имѣвшаго въ до-Московскій періодъ столь обширное значеніе въ вѣчевыхъ городахъ Новгородѣ и Псковѣ и, какъ есть полное основаніе предполагать, имѣвшаго примѣненіе и по остальнымъ областямъ русскимъ. Вѣчевое законодательство окончательно пало съ паденіемъ самаго вѣчеваго устройства древне-русскихъ волостей. Надъ всей русской землею возвысилась одна самодержавная власть—власть государя Московскаго, который, какъ избранникъ Божій и

монархъ непосредственно ведущій власть свою отъ Бога— есть единственный источникъ правды на землѣ. Повиноваться этой правдѣ—священная обязанность; противиться этой правдѣ—значитъ противиться Божьей правдѣ. Но, какъ лице всецѣло обладающее законодательною властью, государь можетъ раздѣлить ее съ тѣми лицами, съ которыми будетъ ему это угодно, и даже можетъ передать эту власть тѣмъ или другимъ лицамъ, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что издаваемыя этими лицами постановленія исходятъ подъ авторитетомъ государя, исходятъ „по его указу", какъ-бы по его непосредственному приказанію. Очевидно что для государя, въ его собственныхъ интересахъ, было выгодно привлекать къ дѣлу законодательства людей опытныхъ и разумныхъ, практическими совѣтами которыхъ могъ-бы онъ руководиться. И дѣйствительно, мы видимъ что въ законодательной дѣятельности государей Московскихъ принимаютъ нерѣдко участіе лица самыхъ различныхъ состояній, какъ-то: *члены царскаго семейства*, *духовенство*, *бояре*, *служилые люди различныхъ чиновъ* и, наконецъ, *люди земскіе*—городскіе и уѣздные. Но участіе всѣхъ этихъ лицъ, или нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, не является участіемъ въ силу закона, въ силу легальной необходимости: оно не обезпечивается никакимъ актомъ, никакимъ основнымъ закономъ. Призвать или не призвать извѣстнаго рода лицъ къ участію въ законодательствѣ и, если призвать, то кого именно—все это основывается на личной волѣ государя, на добровольномъ желаніи его. Судебники 1497 и 1550 г.г. изданы, первый, великимъ княземъ Иваномъ III Васильевичемъ, при участіи *дѣтей его и бояръ*, а второй—царемъ и великимъ княземъ Иваномъ IV Васильевичемъ, при участіе его *братьи и бояръ* (¹). Кромѣ того, мы имѣемъ свидѣтельство что Иванъ IV, уложивъ Судебникъ и написавъ уставныя грамоты, которыми представлялось областямъ право мѣстнаго земскаго самоуправленія, далъ ихъ на разсмотрѣніе освященнаго собора; по этому поводу государь говорилъ слѣдующее на Стоглавомъ соборѣ: „Се и Судебникъ предъ вами и уставныя грамоты, прочтите и разсудите, чтобъ было дѣло

(¹) *Владимірскій—Будановъ:* «Христ. по исторіи рус. права», вып. II, вступительныя статьи Судебниковъ 1497 и 1550 гг. (стр. 67 и 107)

наше во Бозѣ въ родъ и родъ неподвижно по вашему благословенію" и затѣмъ добавляетъ: „о всемъ о семъ довольно себѣ духовнѣ посовѣтуйте и на среди собора сія намъ возвѣстите: и мы вашего святительскаго совѣта и дѣла требуемъ и совѣтовати съ вами желаемъ" (¹). Участіе членовъ царскаго семейства, бояръ и духовенства видимъ мы и въ изданіи такъ называемыхъ *дополнительныхъ къ Судебнику указовъ*, причемъ духовенство преимущественно призывалось къ участію въ законодательныхъ дѣлахъ, касавшихся церкви и лицъ духовныхъ состояній. Къ составленію *Уложенія 1649 г.* приступлено царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ по совѣщеніи съ патріархомъ Іосифомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими и думными людьми (²). Къ участію въ законодательствѣ призывались государями кромѣ думныхъ людей, то есть лицъ имѣвшихъ право засѣдать въ государевой Думѣ, и *низшіе разряды служилыхъ людей*, въ обыкновенное время не входившіе въ составъ Думы. Лица эти призывались для подачи совѣщательнаго голоса по тѣмъ предметамъ законодательной дѣятельности, которые близко касались предметомъ ихъ обыкновенныхъ служебныхъ обязанностей и по которымъ могли они дать болѣе или менѣе цѣнныя указанія и совѣты. Такъ, предпринявъ составленіе *„Устава о сторожевой, станичной и полевой службѣ"*, царь Иванъ IV привлекъ къ участію въ этомъ дѣлѣ *сторожевыхъ голов и вожей*, какъ лицъ близко знакомыхъ съ этимъ видомъ службы. Равнымъ образомъ при участіи-же выборныхъ отъ различныхъ разрядовъ служилыхъ людей, поручено было въ 1672 г. князю В. В. Голицыну составленіе *новаго ратнаго устава*. Участіе *земскихъ людей* въ законодательствѣ въ особенности рельефно проявлялось на такъ называемыхъ Земскихъ Соборахъ, на вопросѣ о которыхъ будемъ мы имѣть впослѣдствіе случай болѣе подробнымъ образомъ остановиться. Нерѣдко также, подобно служилымъ людямъ, привлекались и *торговые люди* къ участію въ законодательной дѣятельности по вопросамъ, близко касавшимся интересовъ этого класса. Такъ, напримѣръ, выборные отъ торговыхъ людей привлечены

(¹) Стоглавъ. Спб. 1863. Стр. 39—40.

(²) См. предисловіе къ Уложенію 1649 года.

были въ 1681 году къ участію въ работахъ коммиссіи по новой раскладкѣ и уравненію податей (¹). Наконецъ *вліяніе земщины* на законодательство проявлялось и въ томъ отношеніи, что земскіе люди нерѣдко сами давали поводъ къ изданію извѣстнаго законодательнаго акта; весьма нерѣдки были случаи челобитій земскихъ людей государю, въ которыхъ они, жалуясь на различнаго рода нестроенія и притѣсненія, сами указываютъ и законодательныя мѣры, которыми послѣднія могли-бы быть устранены.

Мы знаемъ что и во времена удѣльно-вѣчевой Руси въ дѣлѣ законодательства принимали дѣятельное участіе всѣ сословія, по тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить рѣзкаго различія участія ихъ въ дѣлѣ законодательства въ удѣльно-вѣчевомъ и въ Московскомъ періодѣ. Въ первомъ періодѣ—участіе всѣхъ сословій въ дѣлѣ законодательства было непосредственнымъ результатомъ договорнаго начала, проникавшаго всѣ государственныя отношенія того времени. Князю могло быть и не по сердцу подобнаго рода допущеніе сословій къ участію въ законодательной дѣятельности его—но онъ долженъ былъ волею-неволею терпѣть его, такъ какъ къ этому принуждала его фактическая необходимость. Какъ дружина, такъ и земщина, не терпѣли надъ собою гнета княжескаго авторитета и добровольно подчинялись лишь тѣмъ законодательнымъ постановленіямъ князя, которыя не были противны волѣ ихъ; если-бы князь вздумалъ издавать принудительныя законодательныя мѣры, противныя двумъ этимъ элементамъ населенія,—въ такомъ случаѣ онъ рисковалъ-бы быть оставленнымъ своими дружинниками и быть изгнаннымъ съ княженія. Быть можетъ даже въ самыхъ *рядныхъ грамотахъ* князей съ волостями, текстъ которыхъ, къ сожалѣнію, не дошелъ до нашихъ временъ и которыя, какъ извѣстно, сосоставлялись при вступленіи извѣстнаго князя на княженіе,—быть можетъ въ этихъ грамотахъ непосредственно помѣщались даже условія объ ограниченіи законодательной власти князей. Совершенно иной характеръ носитъ участіе сословій въ дѣлѣ законодательства въ періодѣ Московскомъ.

(¹) *Шпилевскій С.*: «Объ источникахъ рус. права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I» Учен. Зап. Каз. Унив. за 1862 г., стр. 304, 325—326.

Вѣчевые порядки пали, договорное начало изчезло и замѣнилось началомъ крѣпости, всѣ государственные и общественные элементы закрѣпились подъ единодержавною и самодержавною властью государя Московскаго, самая власть котораго производится отъ Бога и считается безусловно священною. Какъ избранникъ и помазанникъ Божій, государь Московскій одинъ лишь есть источникъ правды для всей земли русской, одинъ лишь есть источникъ законодательства. Допустить или не допустить другихъ лицъ къ участію въ законодательной дѣятельности его—это всецѣло зависитъ отъ личной воли государя. Не существуетъ болѣе и фактической необходимости допускать участіе сословій въ дѣлѣ законодательства: власть государя Московскаго коренится уже не въ волѣ населенія, но въ волѣ Божественной; онъ никому кромѣ Бога не обязанъ давать отчета въ дѣйствіяхъ своихъ не только справедливыхъ, но даже и въ заблужденіяхъ. Если государь Московскій и допускаетъ участіе сословій въ дѣлѣ законодательства, то онъ дѣлаетъ это въ видахъ облегченія труда своего и въ видахъ болѣе скораго и легкаго раскрытія истинныхъ нуждъ и потребностей государства своего. Притомъ самое *мнѣніе лицъ допущенныхъ* къ участію въ законодательствѣ вовсе *не обязательно для государя*; онъ можетъ принять въ уваженіе мнѣнія ихъ, но можетъ также и отвергнуть послѣднія, издавъ законодательное опредѣленіе идущее въ разрѣзъ съ мнѣніемъ совѣтниковъ своихъ.

Члены царскаго семейства, духовенство, низшіе разряды служилыхъ людей и люди земскіе—призывались къ участію въ законодательствѣ лишь въ случаяхъ особенно важныхъ, въ случаяхъ выходящихъ изъ ряду обыкновенныхъ, напримѣръ при составленіи новаго законодательнаго сборника или при изданіи законодательной мѣры, имѣющей важное жизненное значеніе для всей земли русской. Обыкновеннымъ-же учрежденіемъ въ которомъ, наряду съ дѣлами судебными и административными, разсматривались и важнѣйшія дѣла текущаго законодательства—служила *Боярская* или *Государева Дума*, организацію и дѣятельность которой будемъ мы имѣть случай болѣе подробнымъ образомъ разсмотрѣть въ своемъ мѣстѣ. На обсужденіе Думы Боярской обыкновеннымъ, нормальнымъ порядкомъ, вносились всѣ вопросы требовавшіе разрѣшенія своего законодательнымъ пу-

темъ. Здѣсь вопросы эти разрѣшались думными людьми или по собственному усмотрѣнію, но подъ авторитетомъ государя, съ его утвержденія, „по государеву и великаго князя указу и по боярскому приговору" (1) или-же, что имѣло мѣсто въ болѣе важныхъ случаяхъ, путемъ совмѣстнаго обсужденія вопроса государемъ и думными людьми (2).

Само собою разумѣется, что государь не былъ обязанъ предоставлять обсужденію Думы всякій вновь возникающій вопросъ текущаго законодательства; это вполнѣ предоставлялось свободной волѣ и личному усмотрѣнію его. Если вновь возникшій законодательный вопросъ представлялся государю достаточно яснымъ и рѣшеніе его легкимъ—въ такомъ случаѣ онъ рѣшалъ его безъ содѣйствія бояръ, рѣшалъ его единолично; а самое рѣшеніе государя излагалось въ слѣдующей формѣ: „Указалъ царь и великій князь....." или „В. государь указалъ. ...", или „Царь и в. к. N N приказалъ о....." (3). Встрѣчаются и примѣры такого рода, что извѣстный законодательный вопросъ разрѣшается государемъ по совѣщанію съ однимъ только духовенствомъ, помимо особаго совѣщанія его съ боярами и думными людьми; такимъ порядкомъ, именно путемъ совѣщанія съ митрополитомъ и съ освященнымъ соборомъ, рѣшенъ въ 1557 г. царемъ Иваномъ IV Васильевичемъ вопросъ о запрещеніи духовенству пріобрѣтать себѣ вотчины безъ доклада государю, а свѣтскимъ лицамъ отчуждать имъ таковыя. Наконецъ мы видимъ что нерѣдко государь хотя и вноситъ извѣстный законодательный вопросъ на обсужденіе Думы Боярской, но тѣмъ не менѣе *допускаетъ не всѣхъ членовъ ея къ обсужденію* этого вопроса, но только нѣкоторыхъ, наиболѣе приближенныхъ къ нему. „А какъ царю лучится о чемъ мыслити тайно, говоритъ по этому поводу *Котошихинъ*, и въ той думѣ бываютъ тѣ бояре и околничіе ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ, или которымъ приказано бы-

(1) Полное Собр. Законовъ. I, №№ 59, 186, 475, 494, 499 и мн. др.

(2) Напрям. дополнит. къ Судебнику Указы (по Башиловскому изданію Судебника 1550 г.): №№ 103, 106, 107, 145, 151, 158 и мн. др.

(3) Напрям. дополнит. къ Судеб. Указы (по изданію Башилова): №№ 148, 150, 154; П. С. З. I, №№ 21, 37, 109, 132 и др.

ваетъ приходити; а иные бояре, и околничіе, и думные люди, въ тоѣ полату въ думу и ни для какихъ нибуди дѣлъ не ходятъ, развѣе царь укажетъ" (1). Такимъ образомъ отъ государя всецѣло зависитъ не только вносить или не вносить извѣстнаго рода вопросъ на обсужденіе Думы Боярской, но, если онъ вноситъ его на обсужденіе ея, то отъ него опять таки зависитъ допустить къ обсужденію этого вопроса всѣхъ членовъ Думы, или-же только нѣкоторыхъ, наиболѣе близкихъ къ нему членовъ ея.

Изъ всего сказаннаго нами не трудно убѣдиться въ томъ, что участіе Думы Боярской въ дѣлѣ законодательства не зиждилось на какихъ-либо основныхъ законахъ, на какихъ либо грамотахъ и уставахъ, но всецѣло зависѣло отъ воли государя, отъ личнаго усмотрѣнія его. Это вполнѣ согласно съ самымъ характеромъ этого учрежденія. Впослѣдствіе увидимъ мы что, по существу своему, Боярская Дума не раздѣляла съ государемъ правительственнаго бремени, но лишь помогала государю нести его, была учрежденіемъ вспомогательнымъ, совѣщательнымъ, но отнюдь не ограничительнымъ.

Сдѣлавъ общую характеристику законодательной дѣятельности въ Московскомъ періодѣ, переходимъ къ обзору самыхъ законодательныхъ памятниковъ Московскаго государства.

II.

РАЗВИТІЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПУТЕМЪ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЬНЫХЪ ГРАМОТЪ.

Первоначальное развитіе Московскаго законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ и отношеніе этого вида законодательной дѣятельности къ кодификаціонной.—Важнѣйшіе виды отдѣльныхъ законодательныхъ грамотъ.—Грамоты жалованныя.—Грамоты судныя.—Грамоты губныя.—Грамоты таможенныя.—Уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія.—Уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія.

Начиная съ эпохи изданія Ярославомъ I Русской Правды—этого перваго обще-русскаго законодательнаго сборника,

(1) *Котошихинъ*: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», Спб. 1859, стр. 20.

въ которомъ нашли себѣ отраженіе нормы обычнаго права дѣйствовавшаго среди восточныхъ Славянъ, и кончая эпохою Судебника великаго князя Іоанна III—мы не замѣчаемъ въ русской землѣ признаковъ кодификаціонной дѣятельности законодательной власти; исключеніе представляютъ лишь Псковское и Новгородское народоправства, которые, первое въ 1467 году, а второе въ 1471 году, составили сборники изъ накопившагося у нихъ законодательнаго матеріала; впрочемъ обѣ эти попытки представляются чисто мѣстными, объясняемыми особенностями быта этихъ городовъ и притомъ попытками, немногимъ лишь опередившими изданіе Судебника 1497 года.

Въ указанную нами эпоху развитіе законодательства совершалось путемъ изданія отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, отдѣльныхъ грамотъ, изъ которыхъ многія приписывались безъ всякой системы къ тексту Русской Правды (въ его первоначальной редакціи), такъ что въ памятникѣ, извѣстномъ въ наше время подъ названіемъ Русской Правды, легко замѣчаются наслоенія приписанныхъ къ нему въ послѣдующія эпохи отдѣльныхъ грамотъ и уставовъ. Въ подобномъ-же направленіи, то есть *въ изданіи отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, грамотъ и уставовъ, выразилась и первоначальная законодательная дѣятельность государства Московскаго*. Изданіе Судебника 1497 г. и послѣдовавшее за тѣмъ черезъ пятьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ изданіе Судебника 1550 г., конечно не повлекло за собой прекращеніе развитія законодательства посредствомъ отдѣльныхъ грамотъ и постановленій; но за то теперь самъ собою долженъ былъ возникнуть большій порядокъ въ развитіи законодательства, такъ какъ существовали уже основные сборники законоположеній, по отношенію къ которымъ всѣ эти грамоты получаютъ характеръ дополненій или дальнѣйшаго развитія содержащихся въ нихъ опредѣленій. Нѣтъ болѣе надобности предусматривать въ каждомъ отдѣльномъ узаконеніи всѣхъ подробностей регулируемаго имъ отношенія; въ него заносятся лишь опредѣленія не вошедшія въ Судебники или представляющія дальнѣйшее развитіе ихъ постановленій, такъ что всѣ вопросы незатронутые въ данной грамотѣ, eo ipso подлежали общему дѣйствію ихъ,—„*а о которыхъ дѣлѣхъ въ сей грамотѣ не написано, и тѣ дѣла вершити*

по Судебнику", говорится во многихъ грамотахъ (¹). Равнымъ образомъ замѣчаемъ мы что многія грамоты, предусматривая могущее возникнуть судебно-процессуальное отношеніе, обозначаютъ его лишь общими чертами, отсылая за болѣе подробными опредѣленіями къ Судебнику (²). Издававшіяся послѣ составленія Судебниковъ грамоты имѣли наконецъ значеніе самостоятельныхъ источниковъ законодательства, значеніе сознаваемое и самими органами его; послѣдніе принимаютъ мѣры къ сохраненію и къ извѣстной систематизаціи издающихся грамотъ. Это особенно замѣтно изъ того, что всѣ вновь выходящія постановленія, служащія къ восполненію или развитію опредѣленій, содержащихся въ Судебникахъ, записывались въ тѣхъ приказахъ, въ вѣдомствахъ которыхъ они издавались; изъ этихъ записей образовались *записныя книги приказовъ*, послужившія, какъ извѣстно, важнымъ источникомъ при составленіи Соборнаго Уложенія 1649 года.

До нашего времени дошло весьма большое число отдѣльныхъ видовъ или группъ громадной массы грамотъ, издававшихся въ древней до-Петровской Россіи. Разнообразіе предметовъ содержанія различныхъ грамотъ, при огромномъ количествѣ ихъ, и весьма нерѣдкіе случаи несоотвѣтствованія содержанія грамоты съ ея названіемъ, происходящее или вслѣдствіе недостатка въ древней Руси установившейся терминологіи ихъ, или вслѣдствіе ошибокъ редакцій тѣхъ сборниковъ актовъ, въ которыхъ напечатана извѣстная грамота,—всѣ эти обстоятельства врядъ-ли допускаютъ возможность правильной и твердой классификаціи всѣхъ дошедшихъ до нашего времени грамотъ и уставовъ. Какъ на одинъ изъ опытовъ подобной классификаціи можемъ мы указать на статью *Сахарова* „Описаніе разнаго рода Россійскихъ грамотъ"; авторъ насчитываетъ здѣсь болѣе *тридцати* видовъ отдѣльныхъ грамотъ, бывшимъ въ употребленіи только до царствованія Петра Великаго (³). Правда, что весьма многія изъ этихъ грамотъ были формальными актами судо-

---

(¹) Напр. въ А. А. Э. I. № 257. II. № 52, III. № 36.

(²) Напр. въ А. А. Э. I. № 242. (столбцы 3 и 5), 250, (5 ст.), 257 (6 ст.).

(³) Вѣстникъ Европы за 1819 г. № 4, стр. 272.

производства и администраціи, или же актами совершавшимися частными лицами; по тѣмъ не менѣе въ массѣ ихъ встрѣчаемъ мы и весьма много видовъ грамотъ, имѣвшихъ несомнѣнно законодательный характеръ ([1]).

Уже изъ сказаннаго нами не трудно видѣть, какое обширное поприще для научной разработки представляютъ различные виды древне-русскихъ грамотъ; но нельзя не замѣтить что, къ великому сожалѣнію, разработка ихъ составляетъ до сихъ поръ слабое мѣсто науки исторіи русскаго права. Нельзя сказать чтобы различные виды этихъ грамотъ остались внѣ круга изслѣдованій въ области русской исторіи вообще и исторіи русскаго права въ частности; наука исторіи русскаго права обладаетъ нѣсколькими изслѣдованіями и опытами научной обработки древне-русскихъ грамотъ, но нельзя не пожалѣть о томъ, что многіе виды ихъ до сихъ поръ не нашли себѣ еще изслѣдователей, не смотря на очевидную плодотворность подобнаго рода работъ для уясненія хода древне-русскаго законодательства.

Изъ всѣхъ видовъ отдѣльныхъ грамотъ, въ которыхъ отражалась законодательная дѣятельность Московскаго государства, обратимъ мы наше вниманіе лишь на нѣкоторые наиболѣе важные виды грамотъ, въ которыхъ особенно полно отражались начала древне-русскаго государственнаго и юридическаго быта, и болѣе или менѣе короткое знакомство съ которыми является безусловно необходимымъ при изученіи исторіи Московскаго права.

Вслѣдствіе этого мы разсмотримъ лишь слѣдующіе шесть, наиболѣе важныхъ и интересныхъ, видовъ грамотъ: I) грамоты *жалованныя*, II) *судныя*, III) *губныя*, IV) *таможенныя*, V) *уставныя опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія* и VI) *уставныя опредѣляющія порядокъ мѣстнаго самоуправленія*.

I. **Жалованныя грамоты.** Подъ названіемъ жалованныхъ грамотъ разумѣются акты государственной власти, предоставляющіе извѣстныя льготы и привиллегіи *цер-*

([1]) Сюда относятся напримѣръ: грамоты договорныя, духовныя грамоты государей, жалованныя грамоты различныхъ родовъ, грамоты уставныя, губныя, наказы и памяти областнымъ управителямъ, таможенныя грамоты, послушныя, откупныя, соборныя опредѣленія, разл. указы государей и др.

квамъ, монастырямъ, различнымъ корпорацiямъ, учрежденiямъ и *частнымъ лицамъ.* Существенная черта грамотъ этого рода заключается въ предоставленiи ими извѣстнымъ учрежденiямъ или лицамъ *правъ исключительныхъ,* которыя въ нормальномъ теченiи жизни не присущи имъ и которыя прiобрѣтаются ими не въ силу принадлежности къ государственному союзу, но въ силу сепаративнаго пожалованiя, въ силу благодѣянiя, милости со стороны государства. Государство не обязано предоставлять этихъ правъ учрежденiямъ или частнымъ лицамъ, но коль скоро оно предоставляетъ имъ ихъ—это является уже особою милостью съ его стороны.

Что касается самыхъ *правъ предоставлявшихся жалованными грамотами,* то мы видимъ что ими *освобождаются,* напримѣръ, извѣстныя лица и учрежденiя *отъ платежа даней, налоговъ,* отъ отправленiя различнаго рода денежныхъ или натуральныхъ *повинностей* въ пользу государства или на всегда, или-же на опредѣленное только число лѣтъ; затѣмъ жалованными грамотами предоставлялись имъ въ пользованiе или въ собственность различнаго рода *недвижимыя имущества* или *права на производство* тѣхъ или другихъ *промысловъ*; жалованныя грамоты предоставляли наконецъ различнаго рода вотчинникамъ, какъ-то монастырямъ, духовенству и частнымъ лицамъ, такого рода права, которыя по существу своему составляютъ достоянiе государственной власти какъ напримѣръ *право суда* или по всякаго рода дѣламъ, или, что встрѣчалось всего чаще, за исключенiемъ суда по высшимъ уголовнымъ преступленiямъ —именно душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ.

Количество дошедшихъ до нашего времени жалованныхъ грамотъ—громадно, въ особенности-же жалованныхъ грамотъ дававшихся церквамъ и монастырямъ; г. Горбуновъ, изслѣдуя жалованныя грамоты дававшiяся монастырямъ и церквамъ—указываетъ на 230 грамотъ этого рода собранныхъ имъ только до конца XV вѣка [1]. Жалованныя грамоты, во всей полнотѣ внутренняго содержанiя ихъ, представляютъ весьма важный, хотя къ сожалѣнiю и весьма

[1] *Шпилевскiй С:* «Объ источникахъ русскаго права и пр.», стр. 289.

мало обработанный, матеріалъ для исторіи русскаго права, въ особенности-же для исторіи русскаго церковнаго права (¹).

II. Судныя грамоты. Судныя грамоты имѣютъ своимъ назначеніемъ *опредѣленіе правилъ суда* по дѣламъ какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ. Хотя и встрѣчаются здѣсь постановленія относящіяся къ другимъ отраслямъ управленія, кромѣ судебнаго, но эти постановленія встрѣчаются лишь въ самомъ незначительномъ количествѣ и притомъ нахожденіе ихъ въ грамотахъ этого рода носитъ характеръ совершенно случайный, тогда какъ постановленія касающіяся суда отличаются замѣчательными подробностями. Въ отношеніи внѣшней формы, судныя грамоты представляютъ вполнѣ самостоятельный, какъ по формѣ изложенія, такъ и по содержанію, типъ грамотъ. Къ числу внѣшнихъ, отличительныхъ признаковъ ихъ—относится встрѣчающаяся въ началѣ фраза: „судитися имъ" или „судити ему по сей нашей грамотѣ", а во второй половинѣ фраза: „А о которыхъ дѣлѣхъ въ сей грамотѣ указъ не написанъ, и тѣ дѣла вершити по Судебнику".

Судныя грамоты представляютъ весьма важный матеріалъ для изученія исторіи процесса и, отчасти, матеріальнаго гражданскаго права (²).

(¹) Огромная масса дошедшихъ до насъ жалованныхъ грамотъ, какъ дававшихся церквамъ, монастырямъ и духовенству, такъ и дававшихся свѣтскимъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ,—напечатана въ различныхъ изданіяхъ Археографической Коммисіи, именно въ *Актахъ Археогр. Экспедиціи*, въ *Актахъ Историческихъ* и въ *Дополненіяхъ къ послѣднимъ*. Кромѣ того, жалованныя грамоты въ значительномъ количествѣ издавались и издаются въ различныхъ другихъ историко-юридическихъ сборникахъ и *въ частныхъ сборникахъ* областныхъ актовъ. Въ качествѣ *образцовъ* можно указать слѣдующія жалованныя грамоты: А. Арх. Экс. I, №№ 4, 5, 7, 15, 17, 19, 30, 37 и др. А. Истор. I, №№ 2, 15, 25 и др. Спеціальное изслѣдованіе одного вида жалованныхъ грамотъ представляетъ сочиненіе *А. Горбунова*: «Льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и церквамъ въ XIII, XIV и XV вѣкахъ», помѣщенное въ Архивѣ истор. и практич. свѣденій, изд. Н. В. Калачовымъ въ 1860—61 гг. Вообще-же жалованныя грамоты еще не изслѣдованы во всей совокупности ихъ,—болѣе или менѣе отрывочныя свѣденія объ нихъ встрѣчаются лишь въ различныхъ монографіяхъ по общимъ вопросамъ.

(²) *Образцы* судныхъ грамотъ: А. Арх. Эксп. I, № 257; II, № 52; III, № 36.

III. Губныя грамоты. Подъ губными грамотами разумѣются грамоты, предоставляющія общинамъ такъ называемое *губное право*, т. е. право собственнаго, земскаго, предупрежденія, розыска, преслѣдованія, суда и наказанія извѣстнаго рода преступленій, опредѣляющія самую организацію всего губнаго дѣла и правила дѣятельности избранныхъ для преслѣдованія этихъ цѣлей лицъ. Губное право вызвано было къ существованію своему усиленіемъ во второй четверти XVI вѣка разбоевъ и плохими успѣхами мѣстныхъ управителей въ поимкѣ разбойниковъ и искорененіи преступленій этого рода. Земскіе люди безпрестанно жаловались государю, что въ ихъ волостяхъ разбойники „разбиваютъ" села и деревни, жгутъ и грабятъ имущества, нападаютъ на проѣзжающихъ по дорогамъ и нерѣдко убиваютъ ихъ; что многіе обыватели, не занимаясь лично разбоями, даютъ у себя разбойникамъ пристанище и укрываютъ у себя „разбойную рухлядь", т. е. предметы добытые разбоемъ. Не полагаясь на мѣстныхъ управителей, правительство стало посылать по волостямъ *сыщиковъ* и *недѣльщиковъ*, вмѣнивъ имъ въ обязанность розыскъ и караніе разбойниковъ. Но и эта мѣра оказалась недѣйствительною. Земскіе люди стали снова бить государю челомъ, жалуясь что имъ отъ обыщиковъ и отъ недѣльщиковъ „чинятся убытки великіе", что они не розыскиваютъ вмѣстѣ съ сыщиками и недѣльщиками разбойниковъ, такъ какъ имъ въ томъ „волокита велика",—а что сами они, собственными силами, не смѣютъ безъ вѣдома государя розыскивать и задерживать преступниковъ.

Отвѣтомъ на эти челобитья общинъ и послужило предоставленіе имъ губнаго права. Въ силу этого права, волостямъ предписано было „свѣстясь заодинъ", т. е. съ общаго согласія, избрать изъ своей среды, изъ людей грамотныхъ и способныхъ, губныхъ головъ, старостъ и цѣловальниковъ, которые и обязаны были сами уже, т. е. помимо лицъ правительственнаго управленія, розыскивать, судить и казнить лихихъ людей.

Что касается самаго *вѣдомства губныхъ дѣлъ*, то оно, какъ въ свое время увидимъ мы это, постепенно расширялось. Дѣятельность губныхъ старостъ въ первоначальномъ видѣ своемъ распространялась лишь на поимку и караніе разбойниковъ; впослѣдствіе распространена была она и на

дѣла татинныя (т. е. на преступленіе кражи), и на *дѣла убійственныя* (т. е. на преступленія противъ жизни), а во второй половинѣ XVII в. видимъ мы ее распространеніе уже на цѣлый кругъ преступленій самаго разнороднаго характера; такъ, по Уложенію и по Новоуказнымъ статьямъ, вѣдомству лицъ губнаго управленія подлежитъ и зажигательство, и совращеніе изъ православія, и нѣкоторыя преступленія противъ нравственности и противъ цѣломудрія женщинъ, какъ напримѣръ сводничество, публичный развратъ, изнасилованіе и пр. Наконецъ къ вѣдомству губнаго управленія стали относить и нѣкоторыя полицейскія дѣла, именно дѣла находившіяся въ связи съ предупрежденіемъ и пресѣченіемъ преступленій.

Помимо дѣлъ составлявшихъ предметъ собственно уголовной и полицейско-предупредительной дѣятельности ихъ, вѣдомству лицъ губнаго управленія подлежали и нѣкоторыя дѣла чисто хозяйственнаго, финансоваго характера; такъ они завѣдывали отправленіемъ и распредѣленіемъ различнаго рода натуральныхъ и денежныхъ повинностей, лежавшихъ на обывателяхъ въ интересахъ губнаго управленія.

Время возникновенія губнаго права относится, какъ мы видѣли, ко второй четверти XVI вѣка, въ эпохѣ правленія бояръ въ малолѣтство Царя Ивана IV; первая дошедшая до насъ губная грамота есть *Бѣлозерская*, отъ 23 окт. 1539 года (1).

Въ первоначальномъ видѣ своемъ губное право носило *характеръ пожалованія*, характеръ привилегіи. Но уже вскорѣ по возникновеніи своемъ получаетъ оно значеніе повсемѣстнаго института, института обязательнаго для всѣхъ вообще областей Московскаго государства,—такимъ видимъ мы по крайней мѣрѣ губное устройство уже въ началѣ XVII вѣка.

Губныя грамоты знакомятъ насъ со всѣми подробностями губнаго устройства; здѣсь находимъ мы указаніе *причинъ* вызвавшихъ къ существованію этотъ институтъ, порядка *выбора лицъ* губнаго управленія, опредѣленія *вѣдомства*, *дѣятельности* и *отвѣтственности* ихъ и т. п.

---

(1) *А. А. Э.* I, № 187; *Влад.-Буд*: «Христ. по ист. рус. права», вып. II, стр. 92 (съ примѣчаніями).

Нечего и распространяться о томъ, что губныя грамоты, предоставляя земщинамъ право уголовной юстиціи и полицейской дѣятельности по отношенію къ предупрежденію и пресѣченію преступленій—вовсе не отмѣняютъ этимъ правительственнаго управленія по всѣмъ остальнымъ дѣламъ. Губное устройство существуетъ въ волостяхъ наряду съ правительственнымъ управленіемъ воеводъ, намѣстниковъ и волостелей (¹).

IV) Таможенныя грамоты. Таможенныя грамоты, представляющія обильный матеріалъ для исторіи русскаго финансоваго права, имѣютъ своимъ назначеніемъ регулированіе основъ древне-русскаго таможенно-финансоваго управленія. Извѣстно, что въ древней Россіи обкладывались внутренними таможенными пошлинами различнаго рода предметы потребленія какъ внутренняго, такъ и внѣшняго производства. Средства обложенія ихъ пошлинами представлялись въ самомъ разнообразномъ видѣ; такъ, таможенными пошлинами обкладывался провозъ товаровъ по сухопутнымъ и водянымъ путямъ сообщенія, переправа ихъ черезъ мосты и перевозы, самое дѣйствіе купле-продажи товара, ввозъ и вывозъ товаровъ изъ города, складка ихъ въ амбары и гостинные дворы, взвѣшиваніе и мѣреніе ихъ и т. п. Таможенныя грамоты имѣютъ своею конечною цѣлію—установить *регламентацію таможенно-финансоваго управленія*, дать извѣстныя руководительныя правила для организаціи его. Въ силу подобнаго значенія своего, таможенныя грамоты опредѣляютъ размѣръ различнаго рода внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ; указываютъ предметы, мѣстности и лица подлежащія обложенію ими; въ нѣкоторыхъ случаяхъ предметы, мѣстности и лица почему-либо освобожденные отъ платежа внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ; опредѣ-

---

(¹) Образцы губныхъ грамотъ: *Акты Археогр. Эксп.* I, №№ 187, 192, 194, 224, 281, 330 и др. *Доп. къ Актамъ Историч.* I, № 31. Сведенный текстъ изданныхъ до него губныхъ грамотъ составилъ *В. Ердаковъ*, подъ заглавіемъ: «Сличенный текстъ губныхъ грамотъ», М. 1846 г. (также въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1846 г., кн. 2). Вопросъ о губныхъ грамотахъ затрогивается въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Н. Шалфеевъ*: «Объ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа», Спб. 1868 г. и *Высоцкій*: «Уставныя, судебныя и губныя грамоты, сохранившіяся отъ др. періода Россіи до Уложенія», Спб. 1860 г.

ляютъ взысканія за уклоненіе отъ платежа таможенныхъ пошлинъ, словомъ—рисуютъ полную картину современнаго имъ таможенно-финансоваго управленія.

Весь кругъ дошедшихъ до нашего времени таможенныхъ грамотъ распадается на двѣ группы, на таможенныя грамоты опредѣляющія порядокъ *казеннаго таможенно-финансоваго управленія* и на таможенныя грамоты опредѣляющія порядокъ *откупнаго таможенно-финансоваго управленія*. Различіе обѣихъ группъ разсматриваемаго нами вида грамотъ сводится къ тому, что въ первыхъ субъектами управленія являются казенныя должностныя лица, казенные *таможники*, между тѣмъ какъ по вторымъ все таможенно-финансовое управленіе извѣстной мѣстности отдается на откупъ извѣстнымъ лицамъ, причемъ самыя нормы управленія остаются тѣ-же, какія установлены и для казеннаго таможенно-финансоваго управленія ([1]).

V. Уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Подъ уставными грамотами вообще должны быть понимаемы издававшіеся государственною властью акты, содержащіе въ себѣ болѣе или менѣе всестороннюю регламентацію различныхъ вѣтвей мѣстнаго управленія. А такъ какъ само мѣстное управленіе организовывалось въ Московскомъ государствѣ двоякимъ образомъ, въ видѣ управленія правительственнаго, т. е. черезъ посредство назначаемыхъ государственною властью должностныхъ лицъ, и въ видѣ управленія земскаго, въ видѣ самоуправленія областей черезъ посредство выборныхъ отъ земщины управителей,—то поэтому и самыя уставныя грамоты распадаются на двѣ

([1]) *Образцы* таможенныхъ грамотъ: a) *правительственныхъ*: А. Арх. Эксп. I, №№ 170, 230, 238, 252; b) *откупныхъ*: А. А. Э. I, №№ 131, 263, 331, 332, 333, 334, 335, 342. По подробному содержанію своему, весьма замѣчательна таможенная грамота 1571 г., напечатанная, подъ названіемъ *Устава Таможеннаго*, въ изданіи *Башилова*: «Судебникъ Царя и в. к. Ивана Васильевича и пр.» (Спб. 1768 г.). Сочиненій, посвящающихъ себя изученію таможенныхъ грамотъ какъ памятниковъ, въ совокупности ихъ—не имѣется, равно какъ не имѣется и сводного текста ихъ. Вопросъ о таможенныхъ грамотахъ, какъ источникахъ финансоваго права—затрогивается въ общихъ изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго финансоваго права.

группы: на уставныя грамоты опредѣляющія *порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія* и на уставныя грамоты опредѣляющія *порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія.*

Уставныя грамоты опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія явились непосредственнымъ результатомъ крайней неудовлетворительности современной русской областной администраціи. Въ эпоху, когда вся русская земля сплотилась въ одно цѣлое подъ верховною властью государей Московскихъ,—та система мѣстнаго управленія, которая дѣйствовала въ теченіе удѣльно-вѣчеваго періода, т. е. система управленія черезъ намѣстниковъ и волостелей, оказывалась уже не въ силахъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ государственнаго управленія. Отдѣленные нерѣдко громадными пространствами территоріи отъ Москвы—центра государственной жизни—намѣстники и волостели получили полную возможность злоупотреблять своею властью и притѣснять ввѣренное управленію ихъ населеніе. Это вполнѣ понятно. Съ объединеніемъ русской земли въ одно обширнѣйшее государство, изчезла та важность контроля государственной власти надъ лицами мѣстнаго управленія, которая представлялась еще не трудною въ княжествѣ удѣльно-вѣчевой Руси. Между тѣмъ, на первыхъ порахъ, Московское государство не думало отмѣнять старой системы управленія; не смотря на измѣнившіяся обстоятельства времени, оно думаетъ обойтись управленіемъ черезъ посредство намѣстниковъ и волостелей, т. е. тою-же системою управленія, которая примѣнялась въ предшествовавшемъ періодѣ. Съ другой стороны извѣстно, что въ до-Московской Руси главнымъ и непосредственнымъ источникомъ управленія былъ—обычай; обычаемъ опредѣлялись всѣ важнѣйшіе моменты областнаго управленія. Пока существовала возможность правительственнаго контроля надъ дѣйствіями областныхъ управителей, пока земщина и вліятельный органъ ея—вѣче—имѣли еще достаточно силы, что-бы зорко стоять на стражѣ своихъ интересовъ—намѣстники и волостели не смѣли и не могли ставить свою личную силу выше силы административнаго обычая. Но вотъ когда автономія земщины и вѣча пали, когда образовалось единое и почти безпредѣльное Московское государство, когда между намѣстниками и волостелями съ одной стороны, и центральнымъ

Московскимъ правительствомъ съ другой стороны, не стояло никакихъ посредствующихъ, контролирующихъ органовъ, —что могло заставить мѣстныхъ управителей прислушиваться къ голосу административнаго обычая и обуздывать стремленія личныхъ страстей своихъ? Очевидно что имъ представилась полная возможность личнаго произвола—и они при каждомъ удобномъ случаѣ пользовались этою возможностью. Дѣйствительно, произволъ мѣстныхъ управителей достигалъ въ эту эпоху нерѣдко чудовищныхъ размѣровъ. Вопреки исконному обычаю, намѣстники и волостели прогоняли съ суда своего выборныхъ земскихъ цѣловальниковъ, отправляли судъ единолично, совершенно не согласовывали его съ нормами обычнаго права и угнетали народъ непомѣрными кормами, пенями и пошлинами. Бывали правители которые буквально разоряли подвѣдомственныя имъ области, вслѣдствіе чего жители разбѣгались, а самыя волости пустѣли ([1]). Весьма естественно, что Московское правительство не могло равнодушно смотрѣть на подобный порядокъ вещей. Не говоря уже о желаніи искоренить зло во имя самаго призванія своего, это желаніе имѣло и другія побудительныя причины: разорявшіяся и пустѣвшія волости не въ силахъ были отправлять наложенныя на нихъ повинности на пользу всего государственнаго союза, а это угрожало опасностью всему государственному строю. Со всѣхъ сторонъ доносились въ Москву жалобы жителей на раззоренія и притѣсненія со стороны лицъ мѣстнаго управленія. Государство сознавало необходимость уничтожить развивавшуюся общественно-государственную язву,—ему оставалось лишь избрать тотъ или другой способъ леченія ея. Изданіе уставныхъ грамотъ и является первымъ изъ примѣненныхъ правительствомъ съ этою цѣлью средствъ.

Таковы были обстоятельства, вызвавшія къ существованію разсматриваемый нами видъ памятниковъ.

Посмотримъ теперь, въ чемъ-же заключаются тѣ *особенности уставныхъ грамотъ*, благодаря которыхъ могли онѣ противодѣйствовать злоупотребленіямъ мѣстныхъ управителей?

([1]) *Бѣляевъ И. Д.* «О судѣ намѣстничьемъ» (Юридич. Журн., изд. Салмановымъ. 1861 г. № 8, стр. 333 и слѣд.).

Разсматривая уставныя грамоты со стороны внутренняго содержанія ихъ, мы замѣчаемъ что онѣ далеко не исчерпываютъ всѣхъ подробностей отдѣльныхъ сторонъ областнаго управленія. Онѣ почти не даютъ нормъ, касающихся распорядительной и исполнительной дѣятельности правителей. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить что въ уставныхъ грамотахъ заключается регламентація преимущественно тѣхъ только сторонъ управленія, въ которыхъ легче всего предвидится возможность столкновеній интересовъ правителей и управляемыхъ; въ нихъ главнымъ образомъ фигурируютъ размѣры кормовъ и различнаго рода пошлинъ— судебныхъ, полевыхъ, свадебныхъ, таможенныхъ и др. Всматриваясь и въ остальныя постановленія уставныхъ грамотъ, касающіяся организаціи мѣстнаго управленія, мы замѣчаемъ что всѣ они носятъ *характеръ мѣръ, служащихъ къ защитѣ и обезпеченію населенія отъ злоупотребленій* со стороны правительственныхъ лицъ. Этотъ характеръ уставныхъ грамотъ проявляется и въ самомъ порядкѣ дачи ихъ. Даруя извѣстной мѣстности уставную грамоту, правительство оказываетъ этимъ благодѣяніе населенію ея, вслѣдствіе чего самый фактъ дачи подобной грамоты носитъ названіе *пожалованія*. И дѣйствительно, уставная грамота всегда дается самому населенію, на его имя и на имя земскихъ выборныхъ старшинъ его. Отсюда усматривается уже тотъ фактъ, что уставныя грамоты не могутъ считаться инструкціями, даваемыми для руководства лицамъ мѣстнаго управленія, хотя подобное значеніе ихъ и проводится нерѣдко въ литературѣ исторіи русскаго права. Уставная грамота оставляетъ въ сторонѣ личность мѣстнаго управителя, какъ-бы игнорируетъ ее; она употребляетъ всегда слѣдующаго рода выраженія: „кто у нихъ нашъ волостель ни будетъ", или „кого пожалую своихъ бояръ, пошлю намѣстникомъ къ нимъ" и т. п. Очевидно вполнѣ, что уставныя грамоты и нельзя было давать непосредственно въ руки мѣстныхъ управителей, нельзя было дать имъ значеніе правительственныхъ инструкцій. Эти грамоты *должны были имѣть значеніе земское*, должны были составлять средство защиты противъ злоупотребленій мѣстныхъ управителей,—слѣдовательно ихъ и нужно было дать въ руки самой земщинѣ, что-бы она могла опираться на нихъ въ своихъ столкновеніяхъ съ правитель-

ственными лицами (¹). Въ тѣхъ видахъ, что-бы уставная грамота не оставалась мертвою буквою въ рукахъ мѣстнаго населенія, для того что-бы принудить мѣстныхъ управителей сообразовывать свою дѣятельность съ постановленіями даваемыми въ уставной грамотѣ, послѣдняя предоставляетъ жителямъ право обжаловать непосредственно, передъ самимъ государемъ, всякое злоупотребленіе должностнаго лица, и не только обжаловать въ порядкѣ административномъ, но въ порядкѣ частнаго обвиненія; обиженный прямо назначалъ обидчику узаконенный срокъ для явки на судъ самаго государя. Государь въ уставной грамотѣ, съ своей стороны, угрожаетъ мѣстнымъ управителямъ наказаніемъ и денежнымъ взысканіемъ за всякую обиду и тяготу причиненную частнымъ лицомъ: „а черезъ сю мною грамоту кто что на нихъ возметъ, или чѣмъ изобидитъ, быти тому отъ меня въ казни".

Такимъ образомъ мы видимъ что сущность регламентаціи различныхъ вѣтвей мѣстнаго управленія, проводимой въ уставныхъ грамотахъ разсматриваемаго нами вида, заключается въ *стремленіи установить прочныя отношенія между элементами управляемымъ и управляющимъ*, въ стремленіи *сгладить антагонизмъ интересовъ ихъ* въ тѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ антагонизмъ этотъ угрожаетъ неблагопріятными послѣдствіями.

Это земское, гарантирующее значеніе уставныхъ грамотъ было причиною того, что населенія различныхъ областей стремились пріобрѣсти себѣ уставныя грамоты, выпрашивали себѣ ихъ у государей, указывая въ челобитьяхъ своихъ на всѣ злоупотребленія и насилія областныхъ управителей,—а добывъ себѣ этотъ гарантирующій актъ, хранили его въ церквахъ какъ святыню, какъ залогъ благоденствія и мирной гражданственности.

Таковы были тѣ особенности уставныхъ грамотъ, которыя придавали имъ значеніе актовъ, гарантирующихъ населеніе отъ злоупотребленій со стороны лицъ мѣстнаго областнаго управленія.

(¹) Это земское, гарантирующее значеніе уставныхъ грамотъ разсматривается въ I выпускѣ труда *автора настоящаго курса*: «Уставныя грамоты XIV—XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія» (Казань, 1875 г.).

Жаловавшіяся отдѣльнымъ населеніямъ уставныя грамоты имѣли болѣе или менѣе сходную систему содержанія и болѣе или менѣе опредѣленную внѣшнюю форму. Всякая уставная грамота разсматриваемаго вида заключаетъ въ себѣ слѣдующія, ясно выдѣляющіяся отдѣльныя части: обозначеніе лица дающаго грамоту, обозначеніе населенія жалуемаго ею и изложеніе причинъ выдачи грамоты; опредѣленіе способовъ земскаго содержанія должностныхъ лицъ; опредѣленія основъ организаціи мѣстнаго правительственнаго управленія; опредѣленія касающіяся изъятія извѣстныхъ волостей изъ общаго порядка подвѣдомственности и подсудности, (если таковыя находятся въ грамотѣ); опредѣленіе числа лицъ мѣстнаго управленія, ограниченія права своевольныхъ разъѣздовъ ихъ по волости и т. п.; опредѣленія размѣровъ сборовъ и пошлинъ, взымаемыхъ должностными лицами при отправленіи ими различныхъ служебныхъ обязанностей, именно опредѣленіе пошлинъ судебныхъ, полевыхъ, мировыхъ, ѣздовыхъ, хоженныхъ, свадебныхъ и т. п.; опредѣленія затрогивающія внутреннія стороны земской общественной жизни въ тѣхъ сферахъ ея, которыя имѣютъ обще-государственственный интересъ или въ которыхъ предвидится возможность нарушенія ихъ лицами чуждыми этой жизни, напримѣръ постановленія объ участіи земскихъ выборныхъ въ судѣ лицъ мѣстнаго управленія, о запрещеніи послѣднимъ безъ приглашенія являться на общинные пиры и братчины, о запрещеніи скоморохамъ и другимъ бродячимъ личностямъ ходить насильно по волости, о запрещеніи проѣзжающимъ служилымъ людямъ насильно ставиться и брать кормы у жителей, о назначеніи удобныхъ для обывателей сроковъ для вызова къ суду; здѣсь встрѣчаемъ и постановленія носящія характеръ полицейскихъ мѣръ, равно какъ и постановленія касающіяся торговли и промышленности; угроза лицамъ мѣстнаго управленія наказаніемъ за притѣсненія жителей вопреки постановленіямъ заключающимся въ уставной грамотѣ; обозначеніе мѣста и времени выдачи грамоты и утвержденіе ея надлежащими подписами (1).

---

(1) *Образцы* уставныхъ грамотъ опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія: А. Арх. Экс. I, №№ 13, 123, 143, 150; А. Историч. I, № 137; Доп. къ А. Историч. I, № 26 и др. Древ-

VI. **Уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія.** Этотъ видъ грамотъ, какъ выше замѣтили мы, даетъ нормы земскаго, выборнаго, самоуправленія отдѣльныхъ областей Московскаго государства.

При обзорѣ уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, имѣли мы уже случай указать на ту крайнюю несостоятельность системы областнаго управленія, которая дала почувствовать себя въ русской землѣ вслѣдъ за объединеніемъ ея подъ властью Московскаго государства. Мы видѣли равнымъ образомъ что намѣстники и волостели, неправильными дѣйствіями своими и злоупотребленіями, давали населенію безпрерывные поводы къ жалобамъ на нихъ передъ лицемъ государя. Какъ замѣтили мы это выше, Московскіе государи, желая положить предѣлы неограниченному самовластію мѣстныхъ управителей, начали издавать уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, въ которыхъ силились привести въ большую или меньшую опредѣленность различнаго рода отношенія между классами управляемымъ и управляющимъ. Опытъ вскорѣ-же показалъ однако ненадежность и недостаточность этой мѣры; лица мѣстнаго управленія постоянно находили способы обхода постановленій, содержавшихся въ уставныхъ грамотахъ—и злоупотребленія продолжались съ прежнею силою. Въ началѣ царствованія царя Ивана IV Васильевича злоупотребленія

нѣйшая изъ нихъ есть *Уставная Двинская Грамота 1398 г.*, прекрасно изданная (съ многочисленными примѣчаніями) въ I вып. «Христом. по ист. русскаго права» *проф. Владимірскаго—Буданова* (Яросл. 1872 г., стр. 127—135); прекрасно (и также съ примѣчаніями) издана во II вып. этого-же изданія и *Уставная Бѣлозерская Грамота 1488 г.* (Яросл. 1874 г., стр. 57—66). Изъ сочиненій, изслѣдующихъ этотъ видъ памятниковъ, могутъ быть указаны слѣдующія: *Высоцкій Ө:* «Уставныя, судныя и губныя грамоты, сохранившіяся изъ древняго періода Россіи до соборнаго Уложенія Ц. Алексѣя Михайловича», Спб. 1860. Сочиненіе *автора этого курса*: «Уставныя грамоты XIV—XVI в. в., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія», Каз. 1875—76 г., два выпуска; во второмъ выпускѣ систематическій сведенный текстъ всѣхъ изданныхъ до нашихъ дней (15) памятниковъ этого рода и указатель-словарь къ нему.

мѣстныхъ управителей достигаютъ до размѣровъ угрожавшихъ самой безопасности государства: со всѣхъ сторонъ слышались безконечныя жалобы земщинъ на угнетавшихъ ихъ правителей,—и эти жалобы слились скоро въ одинъ общій стонъ всей русской земли на причиняемыя ей угнетенія и разоренія. Дѣло принимало опасный характеръ, и Иванъ IV рѣшился на крайнюю и энергическую мѣру—всеобщую *отмѣну правительственнаго управленія* и введеніе земскаго областнаго самоуправленія.

Эту реформу въ сферѣ мѣстнаго управленія не должно смѣшивать съ предоставленіемъ общинамъ губнаго права. Губное устройство не отмѣняло еще правительственнаго управленія: намѣстники и волостели продолжали существовать и при введеніи губнаго права,—дѣло только въ томъ, что изъ вѣдомства ихъ изымалась высшая уголовная юстиція, которая и передавалась вѣданію земскихъ выборныхъ лицъ. Всѣ остальныя судебныя и административныя дѣла продолжали всецѣло составлять предметъ вѣдомства намѣстниковъ, волостелей и прочихъ лицъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Предоставленное-же Иваномъ IV земщинамъ самоуправленіе уже всецѣло, по всѣмъ вѣтвямъ управленія, отмѣнило власть намѣстниковъ и волостелей; оно объявило уничтоженными самыя должности намѣстниковъ и волостелей, передавъ всѣ предметы вѣдомства ихъ въ руки выборныхъ земскихъ управителей. Слѣдовательно это самоуправленіе является несравненно болѣе широкимъ сравнительно съ губнымъ правомъ: оно поглощаетъ въ себѣ губное право, которое относится къ нему какъ часть къ цѣлому.

Новая реформа въ областномъ управленіи введена *Приговоромъ 1556 г.*, изданнымъ царемъ Иваномъ IV Васильевичемъ по совмѣстному совѣщанію его съ братьею и съ боярами. Въ этомъ приговорѣ царь прежде всего указываетъ на то, что издревлѣ по городамъ и волостямъ сидѣли на кормленіяхъ князья, бояре и дѣти боярскіе, которые всегда бывали довольны доходами своими и тѣми пошлинами, которыя были для нихъ положены. Затѣмъ царь говоритъ что до слуха его дошли жалобы, что многіе намѣстники и волостели опустошали ввѣренные имъ города и волости, и, позабывъ страхъ Божій и государевы уставы, позволяли себѣ большія злоупотребленія по отношенію къ ввѣреннымъ управленію ихъ населеніямъ, такъ что „не быша имъ пасты-

ри и учители, но сотворишась имъ гонители и разорители", по подлинному выраженію приговора. Далѣе царь указываетъ на то, что населенія съ своей стороны, въ воздаяніе за злоупотребленія и насилія мѣстныхъ управителей, дѣлаютъ послѣднимъ многія непріятности, враждуютъ съ ними и даже убиваютъ людей ихъ, а по окончаніи лицами мѣстнаго управленія службы своей въ данной мѣстности,—предъявляютъ на нихъ многочисленные иски. Указывая наконецъ на обязаность государя пещись о благоустройствѣ земли своей, царь приступаетъ къ указанію основныхъ чертъ новой системы областнаго управленія. Сущность новой системы мѣстнаго управленія сводится къ тому, что взамѣнъ прежнихъ правительственныхъ должностныхъ лицъ, государь придписываетъ учредить по всѣмъ городамъ и волостямъ русской земли выборныхъ старостъ, сотскихъ и пятидесятскихъ, съ перенесеніемъ на нихъ всѣхъ вообще предметовъ вѣдомства мѣстнаго управленія ([1]). Приговоръ 1556 г. лишь въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовываетъ новую систему областнаго управленія. Болѣе подробная и обстоятельная регламентація различныхъ сторонъ ея содержится въ уставныхъ грамотахъ, опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія, которыя были разосланы по областямъ съ тѣмъ, что-бы служить руководствомъ для выборныхъ мѣстныхъ управителей.

Замѣчательно, что первая по времени изъ дошедшихъ до насъ уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія—есть *Уставная Важская Грамота*, изданная *21 марта 1552 г.*, ([2]) между тѣмъ какъ царскій Приговоръ о введеніи областнаго самоуправленія составленъ былъ лишь въ 1556 году. Это бросающееся въ глаза противорѣчіе съ перваго раза легко можетъ навести на мысль о неподлинности, о подложности приговора 1556 года. Но дѣло объяснится весьма просто, если мы вспомнимъ только то, что въ древней русской жизни введенію извѣстной мѣры въ качествѣ всеобщей, въ качествѣ повсемѣстной, весьма часто предшествовало введеніе ея какъ

([1]) *Башиловъ С:* «Судебникъ царя и в. к. Ивана Васильевича и пр.» Дополнит. указъ № 103.

([2]) А. Арх. Эксп. I. № 234.

мѣры частной, исключительной, какъ привиллегіи. Весьма легко можетъ быть, и даже весьма вѣроятно, что первые примѣры предоставленія общинамъ самоуправленія были частными случаями, отвѣтомъ правительства па отдѣльныя и въ особенности настоятельныя жалобы областныхъ населеній. Приговоръ-же 1556 г. является только попыткою сдѣлать общепримѣнимымъ то, что до сихъ поръ являлось лишь въ видѣ частныхъ случаевъ, выражаетъ собою желапіе государя примѣнить систему самоуправленія ко всѣмъ областямъ русской земли вообще.

Какъ усматривается это уже изъ самой сущности новой системы областнаго управленія—уставныя грамоты разсматриваемаго вида рельефно отличаются отъ уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Что касается *внутренняго содержанія* уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія,—то оно вполнѣ характеризуется самою сущностью новой реформы. Здѣсь прежде всего объявляется отмѣна прежняго казеннаго управленія и установляются основы новой системы управленія; излагается организація выборной власти, условія и порядокъ избранія органовъ ея, кругъ вѣдомства и дѣятельности ихъ и, наконецъ, опредѣляется отвѣтственность выборныхъ властей за злоупотребленія ихъ.

Въ заключеніе обзора уставныхъ грамотъ разсматриваемаго вида не безполезно будетъ указать на то, что попытка Ивана IV распространить земское самоуправленіе на всѣ области русской земли должна быть причислена къ числу неудачныхъ; въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы и причину этого явленія. Въ настоящее-же время достаточнымъ считаемъ мы указать ближайшую причину того факта, что новая форма мѣстнаго управленія не получили примѣненія на всей территоріи Московскаго государства. Дѣло въ томъ, что Иванъ IV не сдѣлалъ введеніе самоуправленія безусловно обязательнымъ для всѣхъ областей: выборъ между старымъ казеннымъ управленіемъ и новымъ земскимъ самоуправленіемъ предоставленъ былъ на волю самыхъ земщинъ. Нѣкоторыя земщины ввели у себя самоуправленіе и пользовались имъ до второй половины XVII вѣка, другія земщины, принявъ самоуправленіе, въ скоромъ времени снова стали просить государя о возстановленіе у нихъ казеннаго

управленія; наконецъ третьи земщины совсѣмъ не воспользовались предложеннымъ имъ правомъ самоуправленія (¹).

III.

СУДЕБНИКИ 1497 И 1550 ГГ. И ДОПОЛНЯЮЩАЯ ИХЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Судебникъ 1497 года.—Составленіе его.—Источники этого законодательнаго сборника.—Историческое значеніе Судебника.—Характеръ и система содержанія его.—Открытіе и изданія его.—Дополненіе Судебника в. к. Ивана III узаконеніями в. к. Василія Ивановича.—*Судебникъ 1550 г.*—Общій характеръ его въ сравненіи съ Судебникомъ Ивана III.—Система содержанія этого памятника.—Источники Судебника Ивана IV.—Санкція его.—Открытіе, научная обработка и изданія этого законодательнаго сборника.—*Дополнительные указы къ Судебнику 1550 г.*—Научное значеніе ихъ и отношеніе къ Судебнику.—Указныя книги приказовъ.—Отношеніе дополнительныхъ указовъ къ обычному праву.

При Иванѣ III, съ объединеніемъ русской земли въ единое Московское государство, должна была возникнуть настоятельная потребность въ обще-русскомъ законодательномъ сборникѣ, который, объединивъ мѣстныя законодательства областей присоединенныхъ теперь къ Москвѣ, представилъ-бы нормы суда и права, общія для всего государства. Результатомъ этой потребности явился Судебникъ

(¹) *Типомъ* грамотъ разсмотрѣннаго вида можетъ быть указана *Уставная Важская Грамота*, отъ 21 марта 1552 г. данная земщинѣ Важскаго уѣзда (А. Арх. Эксп. I, № 234). Лучшее изданіе ея, снабженное многочисленными примѣчаніями и толкованіями—во II вып. «Христоматіи по ист. рус. права». сост. *Владимірскимъ—Будановымъ* (Яросл. 1874 г., стр. 184—211). Эта грамота является древнѣйшимъ изъ памятниковъ этой группы. Изъ уставныхъ грамотъ этого вида могутъ быть указаны также слѣдующія: А. А. Э. I, №№ 242, 243, 250: III, 126 и другія. Въ литературѣ исторіи русскаго права не встрѣчается сочиненій, въ которыхъ разсматривались-бы уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія, какъ *памятники*, которыя разсматривали-бы ихъ во всей совокупности ихъ. Въ качествѣ нормъ судебнаго и административнаго права—разсматриваются онѣ въ общихъ изслѣдованіяхъ по исторіи процесса и мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ (которыя въ своемъ мѣстѣ будутъ нами указаны).

1497 года, изданный великимъ княземъ Иваномъ III. Это *первый законодательный сборникъ* объединившагося Московскаго государства.

Намъ не извѣстны никакія подробности относительно исторіи редакціи Судебника Ивана III. Изъ свидѣтельства лѣтописи извѣстно только то, что составителемъ его былъ *дьякъ Владиміръ Гусевъ* (¹); а изъ вступительной статьи этого памятника выясняется лишь то, что изданіе его воспослѣдовало *въ сентябрѣ* мѣсяцѣ, послѣ санкціи его великимъ княземъ „съ дѣтми своими и съ бояры“.

Судебникъ Ивана III не создаетъ новаго права, не создаетъ новыхъ правовыхъ опредѣленій: онъ собралъ лишь въ одно цѣлое всю массу законодательныхъ нормъ, которыя находились до тѣхъ поръ разбросанными по отдѣльнымъ грамотамъ и областнымъ законодательнымъ памятникамъ. Дѣйствительно, ближайшее знакомство съ Судебникомъ 1497 года открываетъ компилятивный характеръ и *разнообразіе источниковъ*, легшихъ въ основу его содержанія.

Прежде всего легъ въ основу его древнѣйшій русскій законодательный сборникъ—*Русская Правда* (²). Нѣкоторыя статьи Судебника являются почти буквальнымъ повтореніемъ опредѣленій этого памятника; сюда относятся, напримѣръ, опредѣленія Судебника о различіи отвѣтственности должника несостоятельнаго вслѣдствіе произшедшаго съ нимъ несчастнаго случая и должника несостоятельнаго вслѣдствіе собственной вины своей; эти постановленія составляютъ ничто иное, какъ повтореніе подобныхъ-же опредѣленій Русской Правды (³); равнымъ образомъ и опредѣленія Судебника относительно источниковъ рабства представляютъ

(¹) Судьба этого лица весьма плачевна. Въ 1498 году, слѣдовательно на слѣдующій годъ послѣ изданія составленнаго имъ законодательнаго сборника, былъ В. Гусевъ обезглавленъ на Москвѣ-рѣкѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, вслѣдствіе прикосновенности его къ дѣлу сына Ивана III—Василія. (Карамзинъ: Ист. гос рос. VI, глава 6).

(²) Въ обширной редакціи своей, т. е. какъ Русская Правда изданная в. к. Ярославомъ, такъ и позднѣйшія дополненія и приписки къ ней.

(³) Сличи *статью 55* Судебника «о займѣхъ» («Христоматія по исторіи рус. права» Владимірскаго-Буданова, вып. II., стр. 89) съ *статьею 68* Карамзинскаго списка Русской Правды (Ibid., вып. I, стр. 65).

лишь дальнѣйшее развитіе подобныхъ-же опредѣленій Русской Правды (1). Изъ слѣдующихъ по времяни памятниковъ древне-русскаго законодательства, послужили источниками Судебника 1497 г. *памятники вѣчевыхъ законодательствъ Псковскаго и Новгородскаго*; дѣйствительно, многія постановленія разсматриваемаго нами сборника носятъ на себѣ слѣды тѣснаго родства съ подобными-же постановленіями Псковской и Новгородской судныхъ грамотъ. Такъ, напримѣръ, опредѣленія Судебника о смертной казни за важнѣйшія уголовныя преступленія (2), о значеніи свидѣтелей при сдѣлкѣ купле-продажи (3), опредѣленія его относительно судебныхъ поединковъ (4) и мн. др.—составляютъ почти буквальное повтореніе подобныхъ-же опредѣленій, встрѣчающихся въ Псковской Судной Грамотѣ. Наконецъ важнымъ источникомъ при составленіи Судебника 1497 г. послужили *судныя грамоты и уставныя грамоты* опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, дававшіяся, какъ извѣстно, отдѣльнымъ областямъ и общинамъ; постановленія содержавшіяся обыкновенно въ этихъ двухъ видахъ грамотъ, почти цѣликомъ вошли во вновь составленный законодательный сборникъ (5). Уже изъ сдѣланнаго нами очерка достаточно выясняется разнообразіе источниковъ, на основаніи которыхъ составленъ былъ Судебникъ 1497 г. Уже изъ сдѣланнаго нами очерка выясняется, что Москва въ основаніе перваго законодательнаго сборника своего, положила не только нормы выработанныя уже ею самою (большая часть

(1) Сличи *статью 66* Судебника «о полной грамотѣ» («Христоматія» Влад.—Буд., вып. II, стр. 95) съ *статьями 119—121* Карамз списка Рус. Пр. (Ibid., вып. II, стр. 86).

(2) Сличи *статью 9* Судебника («Христоматія» Владимірскаго-Буданова, вып. II, стр. 71) съ *статьею 7* Пск. Судн. Грам. (Ibid., вып. I, стр. 138).

(3) Сличи *статью 48* Судебника («Христоматія» Влад.-Буданова, вып. II, стр. 87) съ *статьею 20* Пск. Судн. Грам. (Ibid., вып. I, стр. 144).

(4) Сличи *статью 49* Судебника («Христоматія» Влад.-Буданова, вып. II, стр. 87) съ *статьею 21* Пск. Судн. Грам. (Ibid., вып. I, стр. 145).

(5) *Автора этого курса:* «Уставныя Грамоты XIV—XVI вв. и пр.», вып. I, стр. 66.

грамотъ судныхъ и уставныхъ), но что она заимствовала свои опредѣленія и изъ мѣстныхъ памятниковъ законодательства, изъ памятниковъ выработанныхъ въ областяхъ, составлявшихъ нѣкогда болѣе или менѣе самостоятельныя политическія цѣлыя. Такимъ образомъ въ первомъ законодательномъ сборникѣ своемъ Москва обобщила, *объединила законодательства областей* и земель, вошедшихъ въ кругъ ея владѣній.

Появленіе Судебника 1497 года не было явленіемъ случайнымъ, не было дѣломъ личной прихоти великаго князя; появленіе его было выполненіемъ требованія *исторической необходимости*. Въ самомъ дѣлѣ, до изданія этого законодательнаго сборника, судъ и расправа не могли быть однообразными во всѣхъ областяхъ Московскаго государства, такъ какъ они регулировались мѣстными, областными нормами. Нужно было объединить судъ и судебную власть на протяженіи всей государственной территоріи, нужно было сдѣлать ихъ однообразными во всѣхъ областяхъ Московскаго государства—и Судебникъ 1497 года является отвѣтомъ на эту государственную потребность. Съ изданіемъ этого сборника нормы суда сдѣлались общими и однообразными для всѣхъ обитатей Московскаго государства. Въ этомъ отношеніи Судебникъ Ивана III является логическимъ послѣдствіемъ, историческимъ восполненіемъ совершившагося передъ тѣмъ объединенія русской земли, съ которымъ стоитъ онъ въ самой тѣсной причинной связи. Онъ выразилъ собою централизацію законодательную, восполнившую собою централизацію территоріальную.

Что касается *внутренняго содержанія Судебника 1497 г.*, то оно, хотя и не исключительно, но преимущественно *процессуальное*. Это вполнѣ понятно: нормы которыми опредѣлялись различныя стороны внутренней жизни общества—искони опредѣлялись обычнымъ правомъ, жили въ сознаніи народа и примѣнялись на судѣ черезъ посредство судныхъ мужей, судныхъ цѣловальниковъ, присутствовавшихъ при юрисдикціи правительственныхъ судей; слѣдовательно важно было опредѣленіе самыхъ внѣшнихъ формъ и обрядностей суда, такъ какъ здѣсь предоставлялось обширное поле для злоупотребленій со стороны правительственныхъ должностныхъ лицъ.

При внимательномъ обозрѣніи внутренняго содержанія Судебника Ивана III не трудно замѣтить, что оно распадается на *четыре*, расположенные въ послѣдовательномъ порядкѣ, *отдѣла* (¹).

Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ постановленія *о судѣ центральномъ*, о судѣ Московскомъ, органами котораго являются самъ великій князь, бояре, окольничіе и дьяки; въ срединѣ этого отдѣла помѣщены постановленія относительно *уголовныхъ наказаній и взысканій*. Въ порядкѣ изложенія Судебника, первый отдѣлъ простирается отъ начала сборника до статьи озаглавленной: „Указъ намѣстникомъ о судѣ городскымъ".

Второй отдѣлъ Судебника, начинающійся статьею озаглавленной: „Указъ намѣстникомъ о судѣ городскымъ" и простирающійся до статьи озаглавленной: „О торговцѣхъ", —содержитъ въ себѣ постановленія касающіяся *суда областнаго*, суда отправляемаго намѣстниками и волостелями по различнымъ областямъ русской земли.

Третій отдѣлъ начинается статьею: „О торговцѣхъ" и простирается до предпослѣдней статьи сборника, озаглавленной: „О посулѣхъ и о послушествѣ". Въ этомъ отдѣлѣ соединены опредѣленія относящіяся къ *гражданскому процессу* и къ *гражданскому праву матеріальному*, причемъ весьма значительная часть относящихся сюда постановленій носитъ характеръ заимствованій изъ Псковской Судной Грамоты. Среди постановленій этого отдѣла встрѣчаемъ попавшую сюда какъ-бы случайно статью, опредѣляющую подсудность извѣстнаго рода лицъ *суду святительскому*—т. е. суду митрополита. Весьма любопытно то, что и въ Псковской Судной Грамотѣ статья, трактующая о святительскомъ судѣ, точно такимъ же образомъ, какъ-бы случайно, помѣщена между статьями относящимися къ гражданскому праву и процессу (²); это служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что составитель Судебника въ значительной степени пользовался этимъ отдѣломъ Псковской Судной Грамоты.

(¹) Приводимое нами раздѣленіе Судебника на отдѣлы указано *Владимірскимъ-Будановымъ* въ его «Христоматіи по ист. рус. права» (вып. II, стр. 67, первое примѣчаніе).

(²) Это именно статья 109 по «Христоматіи» *Владимірскаго-Буданова*, соотвѣтствующая статьѣ 59 Судебника.

Четвертый и послѣдній *отдѣлъ* Судебника вмѣщаетъ въ себѣ послѣднія двѣ статьи его. Этотъ отдѣлъ можетъ быть названъ *дополнительнымъ*, такъ какъ обѣ составляющія его статьи, изъ которыхъ первая запрещаетъ брать посулы (взятки) и устанавливаетъ отвѣтственность свидѣтелей за ложное показаніе, а вторая опредѣляетъ нѣкоторыя обрядности судебнаго поединка *(поля)*, носятъ характеръ позднѣйшихъ прибавокъ или дополненій, приписанныхъ уже по составленіи Судебника.

Судебникъ Ивана III долго считался утраченнымъ и былъ доступенъ для изученія лишь по экстракту изъ него, въ латинскомъ переводѣ, помѣщенному подъ заглавіемъ: „Ordinationes a Joanne Basilii, Magno Duce, anno mundi 7006 factae", въ извѣстномъ сочиненіи *барона Герберштейна* „Rerum Moscoviticarum commentarii", изданномъ въ Вѣнѣ въ 1549 году и явившемся результатомъ двукратнаго пребыванія автора въ Москвѣ, въ качествѣ посла австрійскаго императора. Русскій списокъ Судебника 1497 года, относящійся къ началу XVI вѣка, впервые найденъ въ 1817 году, благодаря стараніямъ *графа Н. П. Румянцева*. Списокъ этотъ лишь въ 1819 г. изданъ, вмѣстѣ съ Судебникомъ 1550 г., извѣстными издателями русскихъ древностей *Строевымъ и Калайдовичемъ* (1). Въ 1841 году напечатанъ былъ Судебникъ 1497 г. въ I томѣ *Актовъ Историческихъ* (подъ № 105), изданныхъ Археографическою Коммиссіею. Новѣйшее и, несомнѣнно, лучшее изданіе Судебника Ивана III сдѣлано *проф. Владиміровымъ—Будановымъ* во II выпускѣ перваго изданія „Христоматіи по исторіи русскаго права", съ многочисленными комментаріями и научными объясненіями.

Судебникъ 1497 года не долго могъ соотвѣтствовать требованіямъ времени. Жизнь молодаго Московскаго государства быстро двигалась впередъ по пути развитія своего, создавая новыя отношенія и безпрестанно заставляя всплывать

---

(1) Это такимъ образомъ *первое русское изданіе* Судебника Ивана III. Вотъ полное заглавіе его: «Законы Великаго Князя Іоанна Васильевича и Судебникъ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, съ дополнительными Указами, изданные *К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ*». М. 1819 г.

наружу новые законодательные вопросы, настоятельно требовавшие разрѣшенія своего. И дѣйствительно, уже вскорѣ по изданіи размотрѣннаго нами законодательнаго сборника, заключающіяся въ немъ опредѣленія начинають дополняться и получать дальнѣйшее развитіе. Такъ до насъ дошли свидѣтельства о томъ, что уже преемникъ Ивана III, великій князь Василій Ивановичъ, дополнилъ Судебникъ новыми, изданными имъ постановленіями. До нашего времени не дошли, къ сожалѣнію, эти дополнительныя узаконенія в. к. Василія Ивановича, но мы почерпаемъ свѣденія о существованіи ихъ изъ дополнительныхъ указовъ ко второму или Царскому Судебнику, изданному въ 1550 г. (1). Изъ этихъ послѣднихъ указовъ почерпаемъ мы свѣденія о томъ, что узаконенія великаго князя Василія Ивановича подробно опредѣляли, между прочимъ, права по распоряженію служилыхъ людей вотчинами и помѣстьями ихъ и установляли ограниченія правъ духовенства и монастырей по пріобрѣтенію недвижимой собственности. Весьма желательно надѣяться, что современемъ отысканы будутъ эти, утраченныя для науки, узаконенія в. к. Василія Ивановича.

Тѣмъ-же обиліемъ вновь возникающихъ государственныхъ и общественныхъ юридическихъ отношеній, подъ вліяніемъ котораго уже вскорѣ по изданіи Судебника 1497 г. началось дальнѣйшее развитіе законодательства Московскаго государства—тѣмъ-же обиліемъ новаго матеріала для законодательства объясняется и скорое появленіе втораго или Царскаго Судебника, изданнаго въ 1550 году, въ правленіе царя и великаго князя Ивана IV Васильевича.

Судебникъ царя и в. к. Ивана IV въ сущности есть ничто иное какъ дополненіе, какъ *дальнѣйшее развитіе Судебника в. к. Ивана III*, какъ систематизація послѣдняго съ законодательными опредѣленіями, воспослѣдовавшими послѣ его изданія, и исправленіе его сообразно съ требованіями времени и указаніями практики. Въ 1551 году, на происходившемъ въ Москвѣ такъ называемомъ Стоглавомъ соборѣ, царь Иванъ IV въ рѣчи своей прямо говоритъ что

(1) Именно изъ дополнительныхъ указовъ отъ 1 мая 1557 г. См. изданіе *Башилова*: «Судебникъ царя и в. к. Ивана Васильевича и пр.». Спб. 1768 г., дополн. указы подъ №№ 123—129.

онъ въ предшествующемъ году благословился у Освященнаго Собора „исправити по старинѣ и утвердити" Судебникъ,—слѣдовательно царь самъ указываетъ на то, что составленіе Судебника 1550 г. было лишь исправленіемъ по старинѣ стараго Судебника дѣда его ([1]).

Какъ дальнѣйшее развитіе Судебника 1497 года,—Судебникъ 1550 года, подобно первому, является законодательнымъ сборникомъ съ *содержаніемъ* главнымъ образомъ *процессуальнымъ*. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить *двухъ характеристическихъ особенностей* Судебника Ивана IV, оттѣняющихъ его отъ Судебника Ивана III.

Первая изъ этихъ особенностей заключается въ томъ, что новый Судебникъ *относится съ особенною строгостью къ лицамъ отправляющимъ правосудіе*, угрожая имъ тѣлесными наказаніями, лишеніемъ свободы и денежными пенями за всякаго рода неправды и злоупотребленія. Судебнику Ивана III не присуща эта особенность; этотъ памятникъ лишь въ двухъ статьяхъ, да и то въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, запрещаетъ лицамъ отправляющимъ правосудіе брать посулы, т. е. взятки, и принимать въ разчетъ личныя отношенія свои (дружбу или вражду) къ судящимся ([2]). Совершенно иначе смотритъ на судей Судебникъ Ивана IV; въ этомъ памятникѣ одинадцать статей посвящены исключительно только опредѣленіямъ наказаній за различнаго рода злоупотребленія и неправды лицъ отправляющихъ правосудіе ([3]), затѣмъ до восьми статей, опредѣляя тѣ или другія процессуальныя отношенія, предусматриваютъ возможность злоупотребленій съ ихъ стороны ([4]). Во всѣхъ вообще статьяхъ, во всѣхъ опредѣленіяхъ новаго Судебника, ясно просвѣчиваетъ крайне недовѣрчивое, крайне подозрительное отношеніе законодателя къ правительственнымъ должностнымъ лицамъ; это не покажется удивительнымъ, коль скоро примемъ мы въ соображеніе крайне неудовлетворительное со-

---

([1]) *Стоглавъ*, Спб. 1863 г., стр. 39.

([2]) Именно статьи 1 и 67 по изданію *Владимірскаго-Буданова.*

([3]) Именно статьи 1—7, 28, 32, 53 и 54 по изданію *Владимірскаго-Буданова.*

([4]) Именно статьи 8—11, 33, 34, 42 и 47 по изданію *Владимірскаго-Буданова.*

стояніе современнаго суда и администраціи и тягостныя для народа неурядицы эпохи правленія бояръ въ малолѣтство Ивана IV.

Вторая особенность Судебника Ивана IV заключается въ томъ, что памятникъ этотъ, развивая задачу уравненія права и суда для всѣхъ областей и жителей Московскаго государства, *стремится уничтожить всѣ частныя исключенія изъ общихъ нормъ права и суда (иммунитеты)*, всѣ судебныя привиллегіи, производившія страшное разнообразіе и пестроту въ подсудности. Съ этою цѣлью Судебникъ 1550 года окончательно запрещаетъ на будущее время давать *тарханныя грамоты*, т. е. акты, освобождающіе извѣстныя мѣстности или лица отъ общихъ началъ подсудности, и даже повелѣваетъ отобрать всѣ грамоты этого рода, выданныя до изданія его (¹). Факты послѣдующаго времени даютъ намъ однако видѣть, что это постановленіе Судебника не было въ точности выполняемо; неизвѣстно, были-ли отобраны у жаловальниковъ старыя тарханныя грамоты, – но тѣмъ не менѣе тарханныя грамоты (или, что все равно, жалованныя и несудимыя) продолжали жаловаться и послѣ 1550 года, хотя и въ меньшемъ количествѣ сравнительно съ прежними годами (²)

Родство Судебника 1550 г. съ Судебникомъ 1497 г. проявляется и въ томъ, что онъ всецѣло удерживаетъ *систему* послѣдняго и, подобно послѣднему, распадается на *четыре отдѣла*.

Такъ, прежде всего, излагаются въ Судебникѣ 1550 года опредѣленія касающіяся *суда центральнаго, Московскаго*; эти опредѣленія соотвѣтствуютъ первому отдѣлу Судебника 1497 г. и, подобно ему, содержатъ въ срединѣ своей постановленія относительно *уголовныхъ наказаній и пеней*. Этотъ *первый отдѣлъ* Царскаго Судебника Ивана IV заключается въ статьяхъ 1—61 включительно (³).

Второй отдѣлъ Царскаго Судебника, соотвѣтствующій второму-же отдѣлу Судебника Ивана III,—содержитъ въ

(¹) См. 43 статью по изданію *Владимірскаго-Буданова*.

(²) *Владимірскій - Будановъ:* «Христоматія по исторіи русскаго права», вып. II. стр. 132, примѣч: 89 (по изданію 1874 г.).

(³) По изданію этого памятника въ «Христоматіи по ист. рус. права» *Владимірскаго-Буданова*.

себѣ опредѣленія касающіяся *суда областнаго* и обнимаетъ собою статьи 62—75 включительно.

Третій отдѣлъ Судебника 1550 года, какъ и третій отдѣлъ Судебника 1497 года,—заключаетъ въ себѣ опредѣленія относящіяся къ *гражданскому процессу и къ матеріальному гражданскому праву*; этотъ отдѣлъ простирается отъ статьи 76 по статью 97 включительно. Какъ и въ Судебникѣ Ивана III, среди опредѣленій этого отдѣла какъбы случайно помѣщена статья *о святительскомъ судѣ*,—что опять-таки доказываетъ то, что Судебникъ Ивана IV есть ничто иное какъ исправленіе и дополненіе стараго Судебника, котораго удерживаетъ онъ и систему и расположеніе статей.

Наконецъ, какъ и въ первомъ Судебникѣ, находимъ мы въ Судебникѣ 1550 года и *четвертый отдѣлъ*,—отдѣлъ *дополнительный*. Мы видѣли что этотъ отдѣлъ въ Судебникѣ 1497 года заключается въ двухъ статьяхъ, изъ которыхъ первая запрещаетъ посулы и опредѣляетъ отвѣтственность свидѣтелей за ложное показаніе, а вторая опредѣляетъ нѣкоторыя обрядности судебнаго поединка. Судебникъ 1550 г. заключаетъ въ себѣ уже *три* дополнительныя статьи—это именно три послѣднія статьи его—98, 99 и 100. Первая изъ нихъ совершенно новая: она содержитъ въ себѣ опредѣленіе о припискѣ на будущее время къ Судебнику всѣхъ новыхъ постановленій, имѣющихъ издаваться послѣ его обнародованія. Вторая статья дополнительнаго отдѣла Судебника 1550 г. соотвѣтствуетъ первой статьѣ дополнительнаго отдѣла Судебника 1497 г., т. е. запрещаетъ посулы и опредѣляетъ отвѣтственность лжесвидѣтелей. Третья статья дополнительнаго отдѣла Судебника 1550 года является, подобно первой, совершенно новой: она трактуетъ о судѣ съ удѣльными князьями. Вторая-же статья дополнительнаго отдѣла Судебника 1497 года, которая опредѣляетъ, какъ мы видѣли, нѣкоторыя подробности судебнаго поединка, включена уже въ Царскомъ Судебникѣ въ постановленія перваго отдѣла, трактующія о судебныхъ поединкахъ вообще.

Изъ того что Судебникъ 1550 г. представляетъ ничто иное какъ дальнѣйшее развитіе Судебника 1497 г.—легко усматривается уже то, что и *источники* его должны были быть тѣ же, которые легли и въ основу перваго Судебника, именно: *Русская Правда, памятники вѣчеваго законодатель-*

5*

ства и *грамоты судныя и уставныя*. Къ этимъ источникамъ слѣдуетъ прибавить, по отношенію къ Судебнику 1550 г., —памятники законодательной дѣятельности, изданные въ промежутокъ времени отъ 1497 до 1550 года.

Намъ ничего не извѣстно относительно *исторіи редакціи* Царскаго Судебника. Изъ рѣчи произнесенной царемъ Иваномъ IV на извѣстномъ Стоглавомъ Соборѣ, происходившемъ въ Москвѣ въ 1551 г., видно только то, что составленіе новаго Судебника предпринято имъ по благословенію священнаго собора, собраннаго въ предшествовавшемъ, т. е. въ 1550 году. „Да благословился есми у васъ тогда-же Судебникъ *исправити* по старинѣ и утвердити, чтобъ былъ судъ праведенъ всякіе дѣла непоколебимо во вѣки", —говоритъ царь на соборѣ 1551 года, —„и по вашему благословенію Судебникъ исправилъ..... прочтите и разсудите, чтобы было дѣло наше по Бозѣ въ родъ и родъ и по вашему благословенію неподвижимо, аще достойно сіе дѣло на святѣмъ соборѣ утвердивъ и вѣчное благословеніе получивъ и подписати на судебники.....". Изъ этого послѣдняго мѣста царской рѣчи выясняется, что исправленіе Судебника, къ которому приступлено было въ 1550 г., было приведено въ исполненіе и получило санкцію лишь въ 1551 году.

Судебникъ царя и в. к. Ивана IV Васильевича *найденъ* былъ въ 1734 г. извѣстнымъ историкомъ нашимъ *В. Н. Татищевымъ* у одного частнаго лица. Найденный имъ экземпляръ имѣлъ весьма изящный внѣшній видъ: прописныя буквы его были писаны золотомъ, а переплетенъ былъ онъ въ золотистый бархатъ съ серебрянными застежками. Всѣ эти обстоятельства дали Татищеву основаніе счесть найденную имъ книгу за экземпляръ принадлежавшій Царствующему Дому Романовыхъ, вслѣдствіе чего онъ поднесъ его „яко вещь дивную" императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Добывъ еще нѣсколько списковъ Судебника, Татищевъ занялся научною обработкою этого памятника. Прежде всего сталъ онъ собирать дополнительные къ Судебнику указы и, присоединивъ ихъ къ статьямъ Судебника, получилъ 173 статьи. Расположивъ такимъ образомъ въ систему собранный имъ матеріалъ и снабдивъ его многочисленными поясненіями и примѣчаніями, Татищевъ представилъ рукопись свою въ Императорскую Академію Наукъ. Не смотря на все это, вновь открытому и обработанному памятнику, не извѣстно почему, до 1768 го-

да не удалось появиться въ печати. Лишь въ этомъ послѣднемъ году впервые изданъ былъ Судебникъ 1550 г., вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими памятниками, переводчикамъ Императорской Академіи Наукъ *Семеномъ Башиловымъ*, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Судебникъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, Законы изъ Юстиніановыхъ книгъ, указы дополнительные къ Судебнику и Таможенный Уставъ Царя и В. К. Ивана Васильевича“ (Спб. 1768 г.). При этомъ изданіи, замѣтимъ между прочимъ—весьма тщательномъ, Башиловъ пользовался совѣтами и указаніями Шлецера. Въ томъ-же 1768 г. появилось наконецъ и изданіе *Судебника въ обработкѣ Татищева*, предпринятое историкомъ *Миллеромъ*, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Судебникъ Государя и Великаго Князя Іоанна Васильевича и нѣкоторые сего государя и близкихъ его преемниковъ указы“ (Спб. 1768 г.). Второе изданіе этой книги было произведено въ 1786 году. Изданія Судебника 1550 г. въ Татищевской обработкѣ крайне замѣчательны по присоединеннымъ къ нимъ примѣчаніямъ и объясненіямъ самаго Татищева, которыя посвящаютъ насъ въ тайны и тонкости Московскихъ приказныхъ и судебныхъ порядковъ и, съ этой стороны, являются неоцѣненными для русской исторической науки.

Третьимъ по времени изданіемъ Судебника 1550 г. является изданіе, предпринятое въ 1774 году при Сенатѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „*Сводный Судебникъ*, учиненный по указу его величества Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича“ (Москва, 1774 г.). Отличіе этого изданія отъ предшествовавшихъ заключается въ томъ, что здѣсь дополнительные указы, которые помѣщаются обыкновенно послѣ текста самаго Судебника, присоединены къ тѣмъ статьямъ Судебника, къ которымъ они по содержанію своему относятся, причемъ весь систематизированный такимъ образомъ матеріалъ раздѣленъ на 23 грани или отдѣла. Впрочемъ подлинность и вѣрность списка, легшаго въ основу Своднаго Судебника, находится подъ сильнымъ сомнѣніемъ. Какъ новѣйшее и одно изъ лучшихъ изданій Судебника 1550 года—можетъ быть указано изданіе его во второмъ выпускѣ „Христоматіи по исторіи русскаго права“ *Владимірскаго-Буданова* (Яросл. 1874 г.); по многочисленнымъ поясненіямъ и комментаріямъ, оно крайне полезно для только что начинающихъ изученіе русскихъ законодательныхъ

памятниковъ. Считаемъ не существеннымъ указаніе остальныхъ изданій Судебника Ивана IV (¹).

Подобно тому какъ послѣ изданія Судебника 1497 г. появляются различныя узаконенія, имѣющія своею цѣлью восполненіе пробѣловъ оставленныхъ этимъ законодательнымъ сборникомъ, такъ точно немедленно по изданіи Судебника 1550 г. начинается дальнѣйшее развитіе законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, дополняющихъ или развивающихъ его опредѣленія. Эти отдѣльные законодательные акты образуютъ длинный рядъ такъ называемыхъ Дополнительныхъ къ Судебнику Указовъ, непрерывно продолжающійся черезъ весь періодъ времени съ 1550 по 1649 г., т. е отъ времени изданія Царскаго Судебника до изданія Уложенія Алексѣя Михаиловича.

Дополнительные къ Судебнику указы даютъ намъ любопытныя указанія на различныя стороны жизни Московскаго государства въ теченіи этого періода; они служатъ живымъ памятникомъ современныхъ имъ потребностей и нуждъ русской земли и тѣхъ мѣръ, которыя принимались правительствомъ для ихъ удовлетворенія. Здѣсь встрѣчаемъ мы весьма много опредѣленій изъ сферы вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ, встрѣчаемъ ограниченія духовенства въ правѣ владѣнія вотчинами, указы о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, о запрещеніи отчуждать черные городскіе дворы бѣломѣстцамъ и т. п. законодательныя мѣропріятія, регулировавшія наиболѣе слабыя и животрепещущія стороны внутренней жизни Московскаго государства.

Не смотря на разнообразіе законодательныхъ опредѣленій, составляющихъ содержаніе разсматриваемыхъ нами памятниковъ,—нельзя не замѣтить что *изданіе ихъ проникнуто извѣстною основною идеею*: большая часть дополнительныхъ указовъ имѣютъ непосредственною цѣлью своею восполненіе и дальнѣйшее развитіе Судебника 1550 года. Обнародывая этотъ послѣдній сборникъ, законодатель не претендуетъ на его законченность, предвидитъ что немедленно послѣ изданія его явится потребность въ дальнѣйшемъ

(¹) Единственное спеціальное изслѣдованіе Судебника 1550 г. принадлежитъ *Н. В. Калачову*: «О Судебникѣ царя Іоанна Васильевича» (Юридич. Записки, изд. Рѣдкинымъ, т. I, М. 1841). *Его-же:* «О уголовномъ правѣ по Судебнику царя Іоанна Васильевича» (Ibid., т. II, М. 1842).

развитіи его. Въ силу этого, въ одной изъ послѣднихъ статей Судебника, опредѣляетъ онъ приписывать на будущее время къ этому памятнику всѣ узаконенія, имѣющія выходить послѣ изданія его: „а которые будутъ дѣла новые, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати (¹)“.

Московская судебная и административная практика, что-бы не затеряться въ массѣ безпрестанно издаваемыхъ дополнительныхъ указовъ, принимала мѣры къ извѣстной систематизаціи накопляющагося такимъ путемъ законодательнаго матеріала. Эта систематизація дополнительныхъ къ Судебнику указовъ заключалась въ томъ, что въ практикѣ Московскихъ приказовъ принято было за правило записывать въ каждомъ изъ нихъ въ особую книгу всѣ тѣ узаконенія, которыя издавались въ сферѣ вѣдомства его; такимъ образомъ узаконеніе касавшееся вотчинныхъ или помѣстныхъ отношеній—записывалось въ книгу Помѣстнаго приказа; узаконеніе касавшееся уголовнаго права—записывалось въ книгу Разбойнаго приказа и т. п. Такимъ образомъ образовались *Указныя Книги Приказовъ*, представлявшія группировку по вѣдомствамъ дополнительныхъ статей, издававшихся съ 1550 по 1649 годъ (²). Уже изъ сказаннаго

(¹) Статья 98 по изд. Судебника въ «Христоматіи» Владимірскаго-Буданова

(²) Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ профес. *Владимірскаго-Буданова*, который заявляетъ что не всѣ указныя книги возникли изъ дополнительныхъ къ Судебнику статей, но что нѣкоторыя изъ нихъ, напротивъ, возникли вполнѣ самостоятельно, независимо отъ Судебника, и даже современны послѣднему. Въ качествѣ примѣра указываетъ онъ на Уставную книгу Разбойнаго приказа («Христоматія по ист. рус. права», вып. III, предисловіе. Яросл. 1875 г.).

Отдѣльныя Указныя книги приказовъ неоднократно издавались, въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, въ различныхъ сборникахъ актовъ и періодическихъ изданіяхъ. Въ новѣйшее время изданы онѣ (съ примѣчаніями, проспектами содержанія и библіографическими указаніями) въ III вып. «Христоматіи по ист. рус. права» *Владимірскаго-Буданова*. Здѣсь напечатаны слѣдующіе памятники этого рода: 1) Указная книга вѣдомства казначеевъ, 2) Уставная книга Разбойнаго Приказа, 3) Прибавленія къ послѣдней, заимствованныя изъ Литовскаго Статута, 4) Указная книга приказа Холопьяго суда, 5) Указная книга Земскаго приказа и 6) Указная книга Помѣстнаго приказа.

нами достаточно уясняется глубокій научный интересъ, представляемый Указными книгами приказовъ для изученія исторіи Московскаго права въ періодъ времени отъ Царскаго Судебника до Уложенія 1649 года. Къ сожалѣнію нельзя не сознаться, что въ литературѣ почти ничего не сдѣлано для спеціальнаго изученія этихъ крайне важныхъ памятниковъ ([1]).

Изученіе внутренняго содержанія многихъ дополнительныхъ къ Судебнику указовъ, въ особенности-же дополнительныхъ указовъ такъ называемаго *Эрмитажнаго списка* (относящихся къ уголовному праву),—открываетъ замѣчательное сходство ихъ съ опредѣленіями *Русской Правды* съ одной, и *Литовскаго Статута* съ другой стороны. Это сходство не въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ быть объясняемо заимствованіемъ; оно несравненно легче объясняется тѣмъ фактомъ, что дополнительные къ Судебнику указы *черпали содержаніе свое изъ обычнаго права*, что въ нихъ получали письменную формулировку и законодательную санкцію изстаринныя нормы обычнаго права. Съ этой точки зрѣнія сходство дополнительныхъ къ Судебнику указовъ съ Русскою Правдою является вполнѣ естественнымъ и понятнымъ: и дополнительные указы и Русская Правда имѣютъ одинъ общій источникъ—обычное право. Сходство дополнительныхъ указовъ съ Литовскимъ Статутомъ можетъ также найти себѣ вполнѣ естественное объясненіе. Извѣстно, что Литовскій Статутъ есть законодательной сборникъ находившейся подъ властью Польши западной Руси, которая до эпохи татарскаго погрома жила одною нераздѣльною жизнью съ Русью восточною. Татарскій погромъ порвалъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней, политической стороны, связь между обѣими частями русской народности: восточная Русь подпала игу татаръ, западная—игу Польши и Литвы. Въ Литовскій Статутъ (1629 года), составленный по повелѣнію короля Польскаго и в. к. Литовскаго Сигизмунда III, вошли въ качествѣ источниковъ, съ одной стороны—узаконенія королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, съ дру-

([1]) Болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи Уставной книгѣ Разбойнаго приказа, нашедшей себѣ изслѣдователя въ лицѣ *Н. П. Шалфеева* («Объ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа», Спб. 1868 г.).

гой стороны—нормы права дѣйствовавшаго въ средѣ западно-русскаго населенія.

Изъ духовнаго родства западной Руси съ Русью восточною вытекаетъ весьма послѣдовательнымъ образамъ то весьма важное положеніе, что обычное право западной Руси, дававшее матеріалъ для Литовскаго Статута, есть въ сущности тоже обычное право, которымъ пользовалась и Русь восточная. Да наконецъ и сама Русская Правда, какъ законодательный сборникъ нѣкогда общій для обѣихъ частей русской народности, вошла отдѣльными опредѣленіями своими въ Литовскій Статутъ (1). Такимъ образомъ тѣсная духовная связь, связывающая между собою Русскую Правду, Литовскій статутъ и дополнительные къ Судебнику указы—весьма просто объясняетъ сходство послѣднихъ какъ съ Русскою Правдою, такъ и съ Литовскимъ Статутомъ. Всѣ эти памятники въ основѣ своей имѣютъ одинъ общій источникъ—нормы обще-русскаго обычнаго права (2).

(1) Отношеніе Русской Правды къ Литовскому Статуту изслѣдуется въ трудѣ *проф. Ѳ. И. Леонтовича:* «Русская Правда и Литовскій Статутъ» (Извѣстія Кіевскаго Университета, 1865 г. №№ 2—4). Для исторіи Литовскаго Статута можетъ быть указанъ трудъ *Чарнецкаго*: «Исторія Литовскаго Статута» (Извѣстія Кіевск. Унив. за 1866—67 гг.).

(2) Дополнительные къ Судебнику указы издавались въ слѣдующихъ трудахъ и сборникахъ: Прежде всего въ *изданіяхъ самаго Судебника Ивана IV* (Башилова, Татищева, Сводный Судебникъ, Максимовича и Строева); въ *Актахъ Историческихъ*, издаваемыхъ Археогр. Ком., именно въ I томѣ № 154 (I—XX, гг. 1550—1582), № 221 (I—III, гг. 1588—1597), въ II томѣ № 85 (I—IV, гг. 1607—1609), въ III томѣ № 92 (I—XLII, гг. 1620—1645), въ IV томѣ № 6 (I—X, гг. 1645—1648); въ II томѣ *Акт. Археогр. Эксп.* № 225 (послѣ 1605 года); *Архивъ истор. и юрид. свѣдѣній Н. В. Калачова*, кн. II, полов. I (статьи Эрмитажнаго списка, сообщенныя *Бычковымъ*); наконецъ, въ видѣ Указныхъ книгъ—въ III вып. *„Христоматіи“ Владимірскаго-Буданова* (Яросл. 1875 г.).

IV.

УЛОЖЕНІЕ 1649 Г. И ВОСПОЛНЕНІЕ ЕГО НОВОУКАЗНЫМИ СТАТЬЯМИ.

Историческія причины вызвавшія изданіе Уложенія 1649 г.—Царскій совѣтъ предшествовавшій его составленію.—Кодификаціонная коммиссія по составленію Уложенія и свѣдѣнія о главномъ редакторѣ кн. Одоевскомъ.—Исторія санкціи Уложенія.—Земскій Соборъ 1649 г., его составъ и дѣятельность.—Обнародованіе Уложенія, его печатаніе и изданія.—Свѣдѣнія о подлинномъ уложенномъ свиткѣ.—Источники Уложенія. Кормчая Книга.—Судебники и послѣдовавшіе за ними памятники законодательства.—Литовскій Статутъ.—Система внутренняго содержанія Уложенія.—Законодательная дѣятельность Московскаго государства послѣ изданія Уложенія. *Новоуказныя статьи.*—Обзоръ важнѣйшихъ Новоуказныхъ статей.

Уложеніе Царя и вел. кн. Алексѣя Михаиловича является безспорно важнѣйшимъ и наиболѣе обширнымъ памятникомъ до-Петровскаго законодательства нашего. Не говоря уже о томъ обще-извѣстномъ фактѣ, что Уложеніе лежало въ основѣ развитія русскаго законодательства вплоть до изданія въ царствованіе покойнаго Государя Николая Павловича нынѣ дѣйствующаго Свода Законовъ, мы знаемъ что, въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, оно и до нашихъ дней не утратило еще силы дѣйствующаго права. (¹) Дѣйствительно, нынѣ дѣйствующій Сводъ Законовъ есть ничто иное какъ систематизація Уложенія Алексѣя Михаиловича и позднѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства. Будучи первымъ по времени источникомъ кодификаціонныхъ работъ составителей Свода Законовъ, Уложеніе всецѣло вошло въ Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, гдѣ помѣщено оно подъ № 1 въ первомъ-же томѣ этого изданія.

Слѣдуя принятой нами системѣ въ обозрѣніи памятниковъ нашего древняго законодательства, прежде всего обратимся мы къ разсмотрѣнію *историческихъ причинъ, вызвавшихъ къ существованію Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича.*

(¹) *Есиповичъ Я:* «Литературная разработка и общая характеристика Уложенія 1649 года» (Журн. Мин. Юст., 1859 г. Іюньская кн.), стр. 24—25.

Съ кончиною сына царя Іоанна IV, царя Θеодора Іоанновича, съ которымъ угасла династія государей изъ дома Рюрика, Московское государство вступаетъ въ періодъ тяжкихъ бѣдствій и потрясеній. Не смотря на кратковременность этого бѣдственнаго періода, заканчивающагося восшествіемъ на престолъ Михаила Θеодоровича Романова, онъ успѣлъ поколебать до основанія строй русской государственной жизни и довести Московское государство до края гибели. Голодъ, самозванцы, усобицы, притязанія сосѣднихъ народовъ—губили и матеріальныя и духовныя силы русскаго народа. Своеволіе сильныхъ, угнетеніе слабыхъ, презрѣніе законовъ и совершенное безначаліе—получили въ эту бѣдственную эпоху полное право гражданства и расшатали законный порядокъ на всемъ протяженіи государства [1].

Съ избраніемъ въ 1613 году на Московскій престолъ Михаила Θеодоровича Романова, явилась надежда на прекращеніе всѣхъ этихъ печальныхъ обстоятельствъ; наступило окончаніе такъ называемаго смутнаго времени.

Вновь избранному царю предстояла трудная задача. Нужно было, во первыхъ, доставить государству внѣшнюю безопасность, нужно было покончить съ иноземными врагами, не оставлявшими своихъ претензій на русскую землю. Во вторыхъ, нужно было доставить государству внутреннюю безопасность, нужно было прекратить продолжавшіяся въ немъ неурядицы, разбои и усобицы, постоянно разжигаемыя новыми самозванцами. Въ третьихъ, нужно было возстановить гражданскій порядокъ въ государствѣ, нужно было обуздать своеволіе отдѣльныхъ личностей и возстановить поколебавшееся уваженіе къ законному порядку, начертавъ для каждаго слоя населенія соотвѣтствующій кругъ правъ и обязанностей. Судебникъ Іоанна IV, дополненный и развитый огромною массою вышедшихъ послѣ изданія его статей и узаконеній, уже не въ силахъ былъ служить основаніемъ законнаго порядка; огромная, не приведенная въ систему масса узаконеній затрудняла примѣненіе закона къ практикѣ; законовѣдъ-практикъ терялся и запутывался въ этомъ обиль-

---

[1] *Строевъ В*: «Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія». Спб. 1833 г. стр. 1—7.

номъ, подавляющемъ его законодательномъ матеріалѣ. Вслѣдствіе всего указаннаго появилась въ русской землѣ *настоятельная потребность въ кодификаціонной дѣятельности*, въ систематизаціи громаднаго и запутаннаго законодательнаго матеріала.

Царь Михаилъ Θеодоровичъ не успѣлъ привести къ окончанію всего того, что предстояло дѣятельности его. Изъ трехъ указанныхъ нами и предстоявшихъ ему задачъ только первыя двѣ были исполнены имъ—это обезопасеніе государства отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Третья задача—пересмотръ и обновленіе законодательства—пала на долю сына и преемника его—*царя и в. к. Алексѣя Михайловича*.

Къ составленію новаго законодательнаго сборника было приступлено царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ уже въ третій годъ его царствованія, именно въ 1648 году. Изъ предисловія къ Уложенію (напечатаннаго въ началѣ этого памятника)—знакомимся мы съ самою исторіею его составленія.

Въ концѣ 1648 года, именно 16 іюля, царь, желая приступить къ составленію новаго законодательнаго сборника, совѣтовался относительно этого дѣла, во первыхъ, съ патріархомъ Іосифомъ, съ митрополитами, архіепископами, епископами и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ, а во вторыхъ, съ своими боярами, окольничими и думными людьми. На основаніи этого совѣщанія рѣшено было немедленно приступить къ слѣдующаго рода предварительнымъ работамъ.

Во первыхъ, выписать изъ *правилъ Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ Церкви*, равно какъ и изъ *градскихъ законовъ*, т. е. изъ свѣтскихъ постановленій византійскихъ императоровъ всѣ тѣ статьи которыя, по подлинному выраженію предисловія, „пристойны къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ“, то есть которыя могутъ быть примѣнимы по отношенію къ дѣлу утвержденія внутренняго, законнаго порядка въ русской землѣ.

Во вторыхъ, рѣшено было собрать всѣ состоявшіяся послѣ изданія Судебника 1550 г. *царскіе указы и боярскіе приговоры* и сличить ихъ съ старыми *Судебниками 1497 и 1550 годовъ*.

Въ третьихъ, рѣшено было собрать свѣдѣнія о различнаго рода *законодательныхъ вопросахъ не нашедшихъ себѣ*

опредѣленія въ предшествовавшемъ законодательствѣ, т. е. по отношенію къ которымъ не состоялось ни царскихъ указовъ, ни боярскихъ приговоровъ, но которые успѣли тѣмъ не менѣе заявить настоятельность разрѣшенія своего и, съ государева указа, разрѣшить ихъ „общимъ совѣтомъ“.

Уже изъ самыхъ источниковъ, указанныхъ царскимъ совѣтомъ въ качествѣ матеріала для составленія новаго законодательнаго сборника, видимъ мы что эти источники не новые, что царь не имѣлъ въ виду сочиненія новыхъ законовъ; подобно царю Іоанну IV, Алексѣй Михаиловичъ стремится только къ исправленію, къ систематизаціи предшествовавшаго законодательства, желаетъ только придать большую силу и крѣпость дѣйствующему праву [1]. Въ основу новаго законодательнаго сборника все-таки кладутся судебники и дополнительныя статьи къ послѣднимъ; новыя опредѣленія создаются лишь для тѣхъ государственныхъ и общественныхъ отношеній, которыя не были отмѣчены и предусмотрѣны предшествовавшимъ законодательствомъ. Да и самое количество этихъ новыхъ, этихъ вновь созданныхъ опредѣленій, далеко не было значительно. *Морошкинъ*, извѣстный изслѣдователь Уложенія, полагаетъ что въ этотъ законодательный сборникъ было внесено не болѣе 19 подобныхъ, совершенно новыхъ, статей [2]. И такъ *исправленіе* и *развитіе существующаго*—таковы двѣ задачи, легшія въ основаніе новой кодификаціонной работы.

Редакціонныя работы по составленію новаго Уложенія возложены были на коммиссію составленную изъ пяти лицъ: изъ двухъ бояръ, *князей Никиты Ивановича Одоевскаго* и *Семена Васильевича Прозоровскаго*, одного окольничаго—*князя Өеодора Өеодоровича Волконскаго* и изъ двухъ дьяковъ, *Гаврила Леонтьева* и *Өеодора Грибоѣдова*. Душою и главнымъ дѣятелемъ работъ этой коммиссіи былъ бояринъ *князь Никита Ивановичъ Одоевскій*, этотъ Сперанскій XVII в., имя котораго останется на всегда безсмертнымъ въ лѣтописяхъ нашего отечественнаго законодательства.

---

(1) *Строевъ*: Ист.-юрид. изслѣд. Уложенія, стр. 11—12.

(2) *Морошкинъ*: Рѣчь «Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи». М. 1839. стр. 13.

До насъ, къ сожалѣнію, не дошло никакихъ біографическихъ свѣдѣній относительно лицъ призванныхъ къ составленію новаго Уложенія и, въ частности, относительно главнаго редактора—князя Одоевскаго. Нѣтъ впрочемъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти лица были опытными законовѣдами своего времени, лицами образованными и лучшими представителями своей эпохи; скорое и удачное выполненіе возложеннаго на нихъ порученія служитъ тому несомнѣннымъ доказательствомъ. До насъ дошло впрочемъ два современныхъ свидѣтельства относительно личности главнаго редактора—князя Одоевскаго. Первое изъ нихъ принадлежитъ *патріарху Никону*, который крайне враждебно относится какъ къ Одоевскому, такъ и ко всѣмъ сотрудникамъ его вообще. Вотъ это свидѣтельство: „...а онъ князь Никита (т. е. Одоевскій) человѣкъ прегордый, страху Божія въ сердцѣ не имѣетъ и Божественнаго писанія и правилъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ ниже чтетъ, ниже разумѣетъ, и жити въ нихъ не хощетъ и живущихъ въ нихъ ненавидитъ, яко враговъ сущихъ, самъ бывъ врагъ всякой истинѣ, а товарищи его люди простые и Божественнаго писанія невѣдущіи. А діаки видимые враги Божіи и дневные разбойники, безъ всякія боязни въ день людей Божіихъ губятъ". ([1]) Свидѣтельство Никона является въ данномъ случаѣ пристрастнымъ; Никонъ относится къ Одоевскому враждебно за то, что въ Уложеніи принимаются нѣкоторыя мѣры къ ограниченію духовной власти и правъ духовенства по пріобрѣтенію недвижимой собственности. Второе свидѣтельство о кн. Одоевскомъ оставлено *однимъ иностранцемъ*, описывающимъ современную ему Россію и представляющимъ весьма нелестную характеристику бояръ царя Алексѣя: этотъ писатель, вообще строго и съ дурной стороны относящійся къ нимъ, отзывается тѣмъ не менѣе въ весьма лестныхъ выраженіяхъ о князѣ Одоевскомъ. Говоря объ его умѣ и благородствѣ, этотъ писатель свидѣтельствуетъ что Одоевскій имѣлъ основательныя познанія въ славянскомъ языкѣ и въ польской исторіи. „Какъ одно или два пятна на лицѣ не затмѣваютъ красоты онаго, заключаетъ этотъ писатель, такъ

([1]) *Шпилевскій С.*: Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I. Уч. Зап. Каз. Ун. 1862 г., стр. 314—315.

и превосходныя доблести одного человѣка (кн. Одоевскаго) не могутъ покрыть пороковъ другихъ вельможъ" (¹).

Редакціонныя работы по составленію новаго законодательнаго сборника были закончены въ замѣчательно скоромъ времени. 16 Іюля 1648 г. рѣшено было только приступить къ составленію его, а между тѣмъ менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца, именно 3 октября 1649 г. (такъ какъ новый годъ начинался въ ту эпоху съ 1 сентября) было оно готово и кн. Одоевскій съ товарищами представили его на разсмотрѣніе Государя (²). Алексѣй Михаиловичъ не рѣшился однако-же собственною властью своею утвердить вновь составленный законодательный сборникъ, не рѣшился дать ему санкцію единолично. Сознавая всю важность изданія Уложенія, царь пожелалъ придать особенную крѣпость и ненарушимость обязательной силѣ его, для чего счелъ нужнымъ дать ему санкцію при участіи всей земли русской, что-бы „тѣ всѣ великія дѣла, какъ выражается предисловіе къ Уложенію, впредь были ни чѣмъ нерушимы". Утвержденіе Уложенія при участіи всей земли русской лишало отдѣльныя состоянія и лица возможности жаловаться на стѣснительность или принудительность отдѣльныхъ постановленій его; съ другой стороны, эта форма утвержденія должна была служить ручательствомъ того, что новый законодательный сборникъ дѣйствительно удовлетворяетъ желаніямъ и потребностямъ всѣхъ слоевъ русскаго общества.

Для этой цѣли, для этого всенароднаго утвержденія вновь составленнаго Уложенія, царь созываетъ *Земскій Соборъ*, созываетъ въ Москву выборныхъ отъ всѣхъ городовъ русскихъ. Что утвержденіе Уложенія Земскимъ Соборомъ имѣло въ виду гарантировать на будущее время обязательную силу его, подтверждается и свидѣтельствомъ Никона, который говоритъ что соборъ былъ созванъ „бояни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей" (³). *Количество выборныхъ* распредѣлялось слѣдующимъ обра-

(¹) *Строевъ*: Ист.-юрид. изслѣд. Уложенія. стр. 14—15 примѣч. 19.

(²) Какъ усматривается изъ предисловія къ Уложенію.

(³) *Шпилевскій*: Объ источникахъ русскаго права и пр. Уч. Зап. Каз. Ун. 1862 г., стр. 316.

ошибка!

зомъ: отъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцевъ Московскихъ должно было быть прислано по два выборныхъ; отъ большихъ городовъ должно было быть избрано изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка, за исключеніемъ Новгорода, который долженъ былъ прислать по одному выборному отъ каждой территоріальной единицы его, извѣстной подъ названіемъ „пятины"; малымъ городамъ велѣно прислать по одному выборному; гости присылали трехъ выборныхъ; гостинная и суконная сотни по два выборныхъ; отъ черныхъ сотенъ, отъ слободъ и отъ городскихъ посадовъ велѣно было прислать по одному выборному, изъ людей „добрыхъ и смышленыхъ ([1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что къ предстоявшему Земскому Собору на самомъ дѣлѣ вызваны были въ Москву представители отъ всѣхъ сословій и состояній русской земли. Срокомъ для явки выборныхъ въ Москву было назначено 1 сентября 1649 года, т. е. первый день новаго года. Этотъ срокъ даетъ намъ доказательство того, что выборные призваны были только для утвержденія Уложенія, но не для участія въ его составленіи: Уложеніе редактировалось съ 16 іюля по 3 октября, слѣдовательно въ моментъ сбора выборныхъ редакціонныя работы были уже по всей вѣроятности на половину окончены. Существуетъ впрочемъ основаніе предполагать, что нѣкоторыя статьи Уложенія составлены были при участіи выборныхъ. При участіи ихъ были по всей вѣрятности рѣшены тѣ законодательные вопросы, рѣшеніе которыхъ намѣчено было третьею задачею редакціонной коммиссіи—это именно вопросы не получившіе еще разрѣшенія въ предшествовавшей Уложенію законодательной дѣятельности. Мы видѣли что эти не разрѣшенные законодательные вопросы предписано рѣшить *„общимъ совѣтомъ"*. Что-же разумѣется въ царскомъ указѣ подъ этимъ *„общимъ совѣтомъ"*? Разсматривая предисловіе къ Уложенію, мы убѣждаемся, что подъ „общимъ совѣтомъ" подразумѣвается ничто иное, какъ совокупность выборныхъ, ничто иное какъ Земскій Соборъ; именно, въ одномъ мѣстѣ предисловія говорится что Уложеніе, послѣ окончанія его, было читано „выборнымъ людемъ, которые къ тому *общему совѣту* выбраны". Это сопоставленіе обоихъ мѣстъ, въ которыхъ говорит-

([1]) См. предисловіе къ Уложенію 1649 г.

другая ошибка!

ся объ „общемъ совѣтѣ", наводитъ на мысль о томъ, что составленіе новыхъ статей было произведено именно при участіи всѣхъ выборныхъ. ([1]) И это вполнѣ понятно. Систематизація, приведеніе въ порядокъ существующихъ уже законодательныхъ нормъ не могли возбудить народнаго неудовольствія; его могло возбудить именно только составленіе новыхъ законодательныхъ нормъ, слѣдовательно только эти новыя законодательныя нормы требовали гарантіи въ народномъ согласіи. Такимъ образомъ представляется весьма вѣроятнымъ что, кромѣ участія въ утвержденіи Уложенія, земскіе выборные приняли участіе и въ составленіи новыхъ опредѣленій его. Дѣйствительно, двѣ статьи Уложенія сами свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ составлены при участіи выборныхъ; первая изъ нихъ касается учрежденія монастырскаго приказа, вторая касается воспрещенія духовенству покупать и принимать въ залогъ вотчины. ([2])

Вновь составленное Уложеніе съ 3 октября 1649 г. слушалось царемъ въ присутствіи патріарха Іосифа и всего освященнаго собора, бояръ, окольничихъ и думныхъ людей,—слѣдовательно въ присутствіи высшаго духовенства и Государевой Думы. Выборные не присутствовали при этомъ чтеніи Уложенія. Оно было читано имъ отдѣльно, въ такъ называемой Отвѣтной Палатѣ, причемъ депутатомъ отъ правительства сидѣлъ при этомъ чтеніи бояринъ князь Долгорукій ([3]).

Подлинное Уложеніе, написанное на свиткѣ, закрѣплено было подписями патріарха и всего освященнаго собора, членовъ Государевой Думы и всѣхъ выборныхъ отъ земли русской.

Такимъ образомъ получило санкцію Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича; вслѣдствіе утвержденія его земскимъ соборомъ оно весьма нерѣдко также называлось и называется *Соборнымъ Уложеніемъ 1649 г.* Послѣ утвержденія его, Уложеніе было переписано безъ всякихъ измѣненій со свитка въ форму книги, которая и была скрѣплена дьяка

([1]) См. Предисловіе къ Уложенію.

([2]) Статьи: гл. XIII, I и гл. XVIII, 2. См. рѣчь *Шпилевскаго* «Объ ист. рус. права и пр.», Уч. Зап. Каз. Ун. 1862 г. стр. 316—317.

([3]) См. Предисловіе къ Уложенію

ми Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ,—тѣми-же которые участвовали и въ редакціонной коммиссіи. Съ этой рукописной книги приступлено было къ печатанію Уложенія, по окончаніи котораго экземпляры его разосланы были для руководства по всѣмъ приказамъ и городамъ. Печатаніемъ своимъ окончилось Уложеніе 29 января 1649 г. (опять таки по исчисленію начала года съ 1 сентября). Нельзя не замѣтить здѣсь, что напечатаніе Уложенія было въ нашемъ отечествѣ первымъ примѣромъ, первымъ случаемъ обнародованія закона путемъ печати; до этого времени законы излагались у насъ рукописно и обнародовались путемъ прокликанія ихъ по торгамъ. (1). Полное заглавіе Уложенія слѣдующее: „Уложеніе, по которому судъ и расправа во всякихъ дѣлахъ въ Россійскомъ государствѣ производится, сочиненное и напечатанное при владѣніи Государя и великаго князя Алексѣя Михаиловича въ лѣто отъ сотворенія міра 7156“. Нечего и говорить о томъ, что первое печатное изданіе Уложенія (набранное in folio) составляетъ въ наше время большую библіографическую рѣдкость; остальныя 11 отдѣльныя изданія этого памятника (in 4°) распредѣляются по различнымъ годамъ періода времени съ 1649 по 1820 годъ. Кромѣ того, Уложеніе перепечатано въ первомъ томѣ Полнаго Собранія Законовъ Россійкой Имперіи и въ первомъ томѣ изданія, предпринятаго въ 1875 г. *Е. П. Карновичемъ*, подъ заглавіемъ: „Собраніе узаконеній Русскаго государства“.

Уже вскорѣ послѣ его изданія, Уложеніе было переведено на многіе иностранные языки; въ 1663 году было оно переведено на латинскій языкъ бывшимъ при Московскомъ дворѣ нѣмецкимъ посланникомъ; въ 1688 году было оно переведено и издано на французскомъ языкѣ, а въ 1722 году—на нѣмецкомъ и на датскомъ языкахъ. Такимъ образомъ Уложеніе вскорѣ пріобрѣло себѣ извѣстность и между народами западной Европы (2).

Подлинный рукописный свитокъ Уложенія 1649 г. былъ отысканъ лишь въ прошедшемъ столѣтіи, именно въ

(1) *Шпилевскій С*: «Объ источникахъ русскаго права и пр.», Уч. Зап. Каз. Ун. 1862 г., стр. 318.

(2) *Рождественскій Н*: «Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства». Спб. 1848 г., стр. 77—78.

1767 году. Въ этомъ году, по случаю учрежденія въ Москвѣ Коммиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія, пожелала Императрица Екатерина II видѣть подлинникъ этого законодательнаго сборника. Послѣ долгихъ поисковъ былъ онъ наконецъ найденъ въ архивѣ бывшаго приказа Большой Казны, гдѣ онъ хранился въ желѣзномъ сундучкѣ, вмѣстѣ съ печатнымъ экземпляромъ перваго изданія. Удовлетворивъ своему любопытству, Императрица велѣла сдѣлать для храненія подлинника серебрянный ковчегъ съ позолотою, въ которомъ онъ и до нашихъ дней хранится въ Московской Оружейной Палатѣ. Подлинникъ Уложенія представляетъ изъ себя весьма длинный свитокъ, писанный, какъ замѣтно, тремя различными почерками. Число всѣхъ лицъ подписавшихся подъ Уложеніемъ простирается до 1263 человѣкъ; впрочемъ не всѣ они прикладывали руки лично, такъ что нѣкоторыя лица подписывали свитокъ не только за себя, но и за другихъ депутатовъ, вслѣдствіе чего число отдѣльныхъ подписей не превышаетъ 315 (¹).

Противъ нѣкоторыхъ статей свитка находятся различныя отмѣтки; такъ противъ одной статьи отмѣчено: „напомнить", противъ другой: „поговорить съ бояры". Но что представляется въ подлинномъ Уложенномъ свиткѣ особенно драгоцѣннымъ въ научномъ отношеніи — это то, что противъ многихъ статей помѣщены указанія на источники изъ которыхъ онѣ заимствованы. Эти указанія, число которыхъ доходитъ до 177, даютъ поводъ къ весьма важнымъ выводамъ и догадкамъ (²).

Разсмотрѣвъ причины вызвавшія изданіе Уложенія 1649 г., исторію редакціи и санкціи этого законодательнаго памятника и сдѣлавъ указанія на изданія и особенности рукописнаго подлинника его, — переходимъ къ болѣе подробному *обзору источниковъ*, положенныхъ въ его основаніе.

Уже изъ обзора исторіи составленія Уложенія могли мы замѣтить, что составителямъ его заранѣе указаны были источники, которые должны были лечь въ основу новаго законодательнаго сборника. Такими источниками должны были служить правила Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ церк-

---

(¹) *Строевъ*: «Истор.-юрид. изслѣд. Уложенія», примѣчанія 20 и 31.

(²) *Кавелинъ К:* Сочиненія, т. III, стр. 178 Спб. 1859 г.

ви, въ соединенiи съ свѣтскими постановленiями Византiйскихъ императоровъ, затѣмъ предшествовававшiе Судебники, царскiе указы и боярскiе приговоры и наконецъ предстоявшiе къ разрѣшенiю, но неотмѣченные еще законодательствомъ, вопросы. Разсмотрѣнiе Уложенiя убѣждаетъ насъ въ томъ, что составители его дѣйствительно воспользовались всѣми указанными имъ источниками, и, сверхъ того, въ значительной мѣрѣ воспользовались еще однимъ источникамъ—Литовскимъ Статутомъ, хотя послѣднiй и не былъ указанъ имъ при начертанiи плана работъ ихъ.

Разсмотримъ всѣ эти источники Уложенiя 1649 г. въ отдѣльности.

а) Подъ названiемъ *правилъ Св. Апостоловъ, Св. Отцовъ церкви и градскихъ законовъ* слѣдуетъ разумѣть ничто иное какъ *Номоканонъ* или *Кормчую книгу*—памятникъ греческаго церковнаго права, сдѣлавшiйся извѣстнымъ въ русской землѣ и получившiй здѣсь значенiе дѣйствующаго права уже вскорѣ по принятiи христiанства.

Извѣстно, что уже въ VI ст. по Р. Х., именно въ эпоху изданiя императоромъ Юстинiаномъ его знаменитаго законодательнаго свода „Corpus juris civilis", греческая церковь пользовалась значительною автономiею въ дѣлѣ законодательства, такъ что въ сущности въ византiйской имперiи представлялось двѣ законодательныя власти—императора съ одной, и церкви съ другой стороны. Хотя власть перваго, т. е. императора, преслѣдовала главнымъ образомъ цѣли свѣтскаго законодательства, а власть второй, т. е. церкви, преслѣдовала цѣли церковнаго законодательства, тѣмъ не менѣе между сферами дѣятельности обѣихъ законодательныхъ властей не лежало никакой твердой границы, подобно тому какъ не лежало никакой твердой границы и между самыми предметами свѣтскаго и церковнаго вѣдомства. Такимъ образомъ весьма часто случалось что одинъ и тотъже законодательный вопросъ получалъ опредѣленiе и со стороны свѣтской, и со стороны церковной законодательной власти. Вслѣдствiе подобнаго порядка вещей явилась естественная потребность въ такого рода сборникахъ законодательныхъ нормъ, которые заключали-бы въ себѣ паралельно изложенныя, какъ постановленiя императорскiя, такъ и постановленiя церковныя. Уже въ эпоху императора Юстинiана удовлетворена была эта потребность патрiархомъ

константинопольскимъ Іоанномъ Схоластикомъ. Изложивъ различнаго рода догматическія опредѣленія заимствованныя изъ кодекса и новеллъ импер. Юстиніана, онъ паралельно статьямъ составленнаго имъ такимъ образомъ сборника изложилъ и соотвѣтствующія имъ церковныя опредѣленія. Влѣдствіе подобнаго соединенія гражданскихъ и церковныхъ постановленій, самый сборникъ І. Схаластика получилъ названіе *Номоканона*, составленное изъ двухъ греческихъ словъ—νόμος (означающаго законъ гражданскій) и κάνον (означающаго законъ церковной), такъ что соединеніе этихъ двухъ словъ въ словѣ „Номоканонъ" указываетъ на смѣшанный составъ постановленій этого сборника. Въ VI-же вѣкѣ появился и второй сборникъ этого-же рода— такъ называемый Номоканонъ въ XIV титулахъ; этотъ послѣдній легъ въ основу третьяго Нонока́нона, составленнаго въ IX стол., послѣ шестаго вселенскаго собора, патріархомъ Фотіемъ. Вмѣстѣ съ христіанскою религіею и греческою церковною литтературою, перешли въ русскую землю и Номоканоны; существуютъ несомнѣнные доказательства, что Номоканонъ существовалъ у насъ въ славянскомъ переводѣ уже при преемникѣ и сынѣ Владиміра Святаго—вел. князѣ Ярославѣ I. Въ нашемъ отечествѣ Номоканону дано было названіе *Кормчей книги*, такъ какъ этому сборнику суждено было служить какъ-бы кормчимъ, путеводителемъ, на жизненномъ пути молодой еще русской церкви. Русскіе списки Номоканона или Кормчей книги являются въ большинствѣ случаевъ съ составомъ несравненно болѣе обширнымъ, сравнительно съ греческими редакціями этого памятника церковнаго права. Дѣло въ томъ, что къ русскимъ спискамъ Номоканона были присовокупляемы весьма многіе памятники и статьи не входившіе въ первоначальное его содержаніе, статьи уже позднѣйшаго добавленія. Одни изъ этихъ добавленій заимствованы были переводчиками и компиляторами изъ постановленій дѣйствительно принадлежавшихъ, или только приписывавшихся императорамъ греческимъ; другіе заимствовались изъ пятикнижія Моисеева; третьи добавленія являются уже чисто русскаго происхожденія, такъ напримѣръ здѣсь нерѣдко помѣщалась Русская Правда, церковные уставы русскихъ князей, русскія церковныя правила и т. п. источники. Таковъ былъ составъ большинства русскихъ списковъ Кормчей книги; онъ, какъ мы видимъ, носитъ характеръ совершенно компилятивный.

Эта-то Кормчая книга, съ лежащимъ въ основѣ ея греческимъ Номоканономъ, и была однимъ изъ источниковъ Уложенія Алексѣя Михаиловича. Очевидно, что въ эпоху царя Алексѣя Михаиловича Кормчая книга не могла уже считаться новымъ источникомъ; не говоря уже о томъ, что многіе отдѣлы ея чисто русскаго происхожденія, мы знаемъ что Номоканонъ примѣнялся у насъ въ качествѣ дѣйствующаго источника права съ самаго основанія русской церкви (¹). Опредѣленія его служили нормами, которыми руководствовалась церковная власть въ подсудныхъ ей дѣлахъ; опредѣленіями его въ извѣстныхъ случаяхъ руководствовались, какъ увидимъ мы это въ слѣдующей главѣ, и свѣтскіе суды. Но извѣстно что кругъ дѣлъ подвѣдомственыхъ церкви былъ первоначально весьма обширенъ; въ вѣданіи церкви находились всѣ отношенія правъ брачнаго, семейнаго, завѣщательнаго; юрисдикція церкви простиралась на преступленія противъ правъ брачнаго и семейнаго, на преступленія противъ общественной нравственности, противъ цѣломудія и чести женщинъ, далѣе на обширный кругъ преступленій противъ чести, на всѣ преступленія противъ вѣры и противъ церкви и т. п. Вслѣдствіе этого различныя отношенія и институты правъ брачнаго, семейнаго и завѣщательнаго, будучи отнесены къ вѣдомству дѣлъ церковныхъ, регулировались на основаніи Номоканона, слѣдовательно по началомъ римско-византійскаго права. Съ этой-то стороны до нѣкоторой степени и могло вліять римское прабо на развитіе нѣкоторыхъ отношеній и институтовъ нашего отечественнаго права. Вліяніе на Уложеніе Номоканона, а слѣдовательно черезъ его посредство и римско-византійскаго права, отразилось главнымъ образомъ на *уголовномъ правѣ* перваго. На гражданскомъ правѣ Уложенія отразилось оно лишь въ крайне слабой степени; это объясняется тѣмъ, что тѣ отношенія гражданскаго права, которыя подвѣдомственны были церкви, а слѣдовательно и регулировались нормами церковнаго права, — только поверхностно, какъбы мимоходомъ затрогиваются Уложеніемъ, какъ предметъ чуждый земскаго права. Даже и тѣ немногія вліянія римскаго права на гражданскую часть Уложенія, которыя замѣ-

(¹) *Строевъ*: Истор.-юрид. изслѣд. Уложенія, стр. 23—24.

чаются въ этомъ памятникѣ,—вошли въ него не непосредственно изъ Номоканона, но вошли въ него изъ Саксонскаго Зерцала, черезъ посредство Литовскаго Статута. Къ числу этихъ немногихъ вліяній римскаго права на гражданское право Уложенія относятся опредѣленія послѣдняго объ отвѣтственности за убытки по вещнымъ правамъ, о той формѣ отвѣтственности, которая извѣстна въ римскомъ правѣ подъ названіемъ „damnum" [1].

Если римско-византійское право только поверхностно и въ весьма незначительной степени повліяло на гражданское право Уложенія Алексѣя Михаиловича, то за то оно въ весьма сильной степени оказало *вліяніе на уголовное право его.* Римско-византійскому праву, вліявшему на него черезъ посредство Номоканона, обязано Уложеніе суровымъ характеромъ своимъ, тою массою жестокихъ уголовныхъ наказаній, которыми переполнена уголовная часть Уложенія и которыя раньше не встрѣчаются въ памятникахъ законодательства. Такъ въ числѣ уголовныхъ наказаній узаконяетъ Уложеніе сожженіе, окопаніе за-живо въ землю, залитіе горла расплавленнымъ металломъ и цѣлую систему членовредительныхъ наказаній, между которыми встрѣчается отнятіе рукъ, ногъ, обрѣзаніе губъ, носа, выколотіе глазъ и т. п. Эти суровыя опредѣленія Уложенія съ трудомъ примиряются съ другими постановленіями его, являющимися отраженіемъ тоо-же Номоканона, но дышущими вполнѣ христіанскою теплотою и ревностною любовью къ человѣку. Такъ Уложеніе возводитъ на степень высокой нравственной обязанности выкупъ плѣнныхъ, увѣщевая не только не щадить имущества ради ихъ освобожденія но, если-бы встрѣтилась надобность, и самой жизни. Далѣе Уложеніе вмѣняетъ въ священную обязанность призрѣніе престарѣлыхъ родителей и родственниковъ; преслѣдуетъ неблагодарность, уничтожая силу даренія въ томъ случаѣ, если одаренный окажется неблагодарнымъ по отношенію къ одарившему его; запрещаетъ наконецъ приводить къ присягѣ лицо недостигшее девятнадцатилѣтняго возрас-

---

[1] *Морошкинъ*: Рѣчь «Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи», стр. 15.

та, изъ опасенія что-бы оно, по неразумію, не осквернило души своей ложною присягою (¹).

Нравственно-религіозный духъ проникающій Уложеніе и являющійся несомнѣннымъ вліяніемъ Кормчей Книги или Номоканона, далъ г. *Есиповичу*, и не безъ основанія, возможность охарактеризовать этотъ законодательный сборникъ какъ памятникъ въ полномъ смыслѣ слова православной,—какъ памятникъ на столько-же проникнутый духомъ православный вѣры, на сколько проникнутъ имъ и самый народъ русскій (²).

И такъ напомнимъ еще разъ, что этотъ двойственный характеръ Уложенія, представляющій его съ одной стороны памятникомъ въ высшей степени жестокимъ, грубымъ, а съ другой стороны памятникомъ глубоко христіанскимъ— остается несомнѣннымъ слѣдомъ вліянія Номоканона, слѣдомъ вліянія свѣтскаго законодательства византійскихъ императоровъ съ одной и церковнаго греческаго законодательства съ другой стороны.

b) Вторымъ источникомъ вошедшимъ въ Уложеніе Алексѣя Михайловича являются старые *Судебники и послѣдовавшіе за ними памятники законодательной дѣятельности*,—дополнительные указы и боярскіе приговоры, разсмотрѣнные уже нами въ предшествующей главѣ. Изъ очерка исторіи составленія Уложенія извѣстно намъ, что составители его должны были сличить, „справить" Судебники съ позднѣйшими памятниками законодательной дѣятельности и изъ всего этого матеріала извлечь тѣ нормы, которыя могли быть еще приложимы къ практической жизни. Судебники и дополнительные къ нимъ указы представляютъ важнѣйшій источникъ Уложенія 1649 года: эти памятники легли краеугольнымъ камнемъ въ зданіе новаго Уложенія, составивъ основную массу всѣхъ законоположеній его (³).

(¹) *Шпилевскій С*: «Объ источникахъ русскаго права и пр.», Уч. Зап. Каз. Ун. 1862 г., стр. 317.

(²) *Есиповичъ*: «Литературная разработка и общая характеристика Уложенія 1649 г.», стр. 28.

(³) Весьма многія статьи Уложенія являются несомнѣннымъ повтореніемъ статей Судебника, какъ напримѣръ: Судебникъ: ст. 1—3, 6, 47, 53—54 и др.; Уложеніе: гл. X, ст. 1, 5, 9, 10, 148; гл. XXI, ст. 83, 86 и др. (См. *Есиповича*: Литер. разработка и общая характ. Уложенія, стр. 21). *Строевъ* въ примѣч. 47 своего изслѣдованія, въ видѣ

До насъ не дошло никакихъ остатковъ писменнаго дѣлопроизводства, имѣвшаго мѣсто при составленіи Уложенія—вслѣдствіе чего мы не знаемъ порядка и сущности работъ сопровождавшихъ его редакцію. Чѣмъ руководствовались составители его при сличеніи и выборкѣ всего матеріала представляемаго Судебниками и послѣдующими указами и приговорами—мы относительно этого не можемъ сказать ничего положительнаго [1]. Нельзя однако не согласиться съ предположеніемъ высказаннымъ *К. Д. Кавелинымъ*, что было одно весьма существенное обстоятельство, которое въ значительной степени облегчило редакторамъ предстоявшую имъ трудную и кропотливую работу. Изъ предшествующей главы уже знаемъ мы, что въ дѣлопроизводствѣ Московскихъ приказовъ принято было за правило имѣть въ каждомъ приказѣ особую книгу, въ которую записывались всѣ новыя узаконенія, касавшіяся предметовъ вѣдомства этого приказа, такъ что всякое узаконеніе касавшееся помѣстныхъ или вотчинныхъ отношеній, заносилось въ записную книгу Помѣстнаго приказа, процессуальное узаконеніе—въ записныя книги Судныхъ приказовъ и т. п. Такимъ путемъ составлялись извѣстныя уже намъ Указныя книги приказовъ, представлявшія готовые своды узаконеній по отдѣльнымъ предметамъ вѣдомства, съ указаніями на отмѣну, измѣненія или дополненія содержащихся въ нихъ опредѣленій. Кавелинъ предполагаетъ, будто составители Уложенія всецѣло воспользовались этими записными указными книгами приказовъ, представившими имъ готовый матеріалъ, который и былъ ими цѣликомъ внесенъ въ систему Уложенія. Кавелинъ предполагаетъ даже будто самое распредѣленіе Уложенія по главамъ сдѣлано на основаніи записныхъ указныхъ книгъ. Такъ, напримѣръ, онъ предполагаетъ будто седьмая глава Уложенія, трактующая о службѣ разнаго рода ратныхъ людей—составилась изъ записной указной книги приказа Разряднаго, будто десятая глава его, трактующая о судопроизводствѣ—составилась изъ записныхъ

примѣра, указываетъ нѣкоторыя статьи Уложенія, повторяющія опредѣленія дополнит. указовъ.

(1) *Строевъ*: Истор.-юрид. изслѣдованіе Уложенія, стр. 24—25 и примѣч. 48.

указныхъ книгъ различныхъ судныхъ приказовъ и т. п. Этою наличностью и обиліемъ готоваго матеріала объясняетъ Кавелинъ и непостижимую быстроту составленія Уложенія, которое, какъ намъ извѣстно, составлено было менѣе чѣмъ въ три мѣсяца ([1]). Не смотря на всю вѣроятность высказанныхъ Кавелинымъ предположеній, мы не можемъ не замѣтить однако-же, что они и до настоящаго времени остаются таковыми; для подтвержденія ихъ слѣдуетъ еще долго и усердно поработать надъ Уложеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что составители Уложенія воспользовались записными указными книгами приказовъ и что это обстоятельство въ значительной мѣрѣ облегчило редакціонныя работы ихъ; но насколько сохранилась связь между отдѣльными главами Уложенія и отдѣльными записными указными книгами приказовъ—рѣшеніе этого вопроса до сихъ поръ еще не было выяснено.

Мы уже видѣли что какъ самые Судебники, такъ и дополнительные къ нимъ указы, служатъ отраженіемъ, служатъ письменною формулировкою нормъ древняго русскаго обычнаго права. Это обычное право, въ связи съ судебными обычаями выработанными практикою Московскихъ приказовъ, судей и дьяковъ, было черезъ посредство этихъ источниковъ внесено и въ Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича, которое съ этой точки зрѣнія должно быть признаваемо законодательствомъ вполнѣ національнымъ, историческимъ путемъ развившимся изъ народной жизни ([2]).

c) Третій источникъ вошедшій въ Уложеніе Алексѣя Михаиловича представляютъ стоявшіе на очереди, но *не разрѣшенные еще предшествовавшимъ законодательствомъ вопросы*. Эти вопросы, какъ видѣли мы это изъ предисловія къ Уложенію, опредѣлено было разрѣшить „общимъ совѣтомъ". Нами приведены уже тѣ доводы, на основаніи которыхъ подъ этимъ „общимъ совѣтомъ" слѣдуетъ понимать ничто иное какъ Земскій Соборъ, какъ совмѣстное совѣщаніе царя, высшаго духовенства, государевой думы и выборныхъ представителей отъ всей русской земли. Очевидно,

---

([1]) *Кавелинъ К*: Сочиненія, Спб. 1859, III, стр. 179—180.

([2]) Этотъ національный характеръ Уложенія выясняется *Морошкинымъ* (рѣчь «Объ Уложеніи и пр.», стр. 16—23) и *Есиповичемъ* («Литерат. разработка и общая характ. Уложенія», стр. 21—24).

что при такомъ способѣ разрѣшенія этихъ незатронутыхъ еще законодательствомъ вопросовъ, разрѣшеніе ихъ не могло идти въ разрѣзъ съ юридическимъ сознаніемъ народа, не могло противорѣчить юридическимъ понятіямъ его,—слѣдовательно и этотъ источникъ Уложенія не могъ быть чуждъ нашей народности, не могъ вредить національному духу разсматриваемаго памятника.

Количество этихъ вновь составленныхъ статей было не особенно значительно; изъ указаній источниковъ, находящихся на подлинномъ Уложенномъ свиткѣ, оказывается что количество ихъ не превышало семнадцати (¹).

d) Четвертый и послѣдній источникъ Уложенія представляетъ *Литовскій Статутъ*. Свѣдѣніями о заимствованіи значительнаго количества статей Уложенія изъ Литовскаго Статута обязаны мы указаніямъ на источники, находящимся на подлинномъ свиткѣ разсматриваемаго нами памятника. Изъ этихъ указаній почерпаемъ мы свѣдѣнія о томъ, что Литовскій Статутъ послужилъ значительнымъ источникомъ Уложенія: дѣйствительно, эти указанія свидѣтельствуютъ намъ, что 56 статей Уложенія заимствованы изъ Литовскаго Статута (²). Говоря о дополнительныхъ къ Судебнику указахъ, замѣтили мы что Литовскій Статутъ является памятникомъ далеко не чуждымъ юридическимъ понятіямъ нашего народа, что въ этомъ законодательномъ памятникѣ Литовской Руси отразилось древнее обще-русское обычное право, бывшее общимъ для всей русской земли, какъ для восточной Руси, такъ и для отдѣлившейся отъ нее послѣ татарскаго погрома западной Руси. Новѣйшія научныя изысканія, какъ мы это замѣтили, открываютъ почти буквальное сходство отдѣльныхъ постановленій Литовскаго Статута съ постановленіями Русской Правды.

Слѣдовательно составители Уложенія, черпая извѣстныя опредѣленія его изъ Литовскаго Статута, черпали матеріалъ изъ законодательнаго памятника родственнаго русскому юридическому воззрѣнію. Отсюда не трудно уже дойти до весьма вѣроятнаго предположенія о томъ, что заим-

(¹) *Кавелинъ К*: Сочиненія, III, стр. 178. *Морошкинъ* насчитываетъ до 19 новыхъ статей (рѣчь «Объ уложеніи и пр.», стр. 13).

(²) *Кавелинъ Б*: Сочиненія, III, стр. 178.

ствованія изъ Литовскаго Статута, при толковомъ и сознательномъ отношеніи къ дѣлу составителей Уложенія, врядъ-ли могли внести что-либо положительно новое и противное русскому юридическому сознанію въ этотъ памятникъ Московскаго законодательства. Спрашивается теперь, какимъ образомъ могъ попасть Литовскій Статутъ въ число источниковъ для составленія Уложенія, коль скоро онъ не былъ указанъ царемъ и его совѣтомъ въ качествѣ подобнаго источника? На этотъ вопросъ крайне трудно отвѣтить, за отсутствіемъ свѣдѣній о самомъ ходѣ работъ по составленію Уложенія. Строевъ дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе допуская что составители Уложенія, подмѣтивъ родственную связь между нѣкоторыми статьями Литовскаго Статута и духомъ русскаго обычнаго права, позаимствовались этими статьями какъ готовымъ, какъ выработаннымъ уже матеріаломъ (¹). Иначе трудно представить себѣ что-бы редакторы рѣшились заимствовать законодательныя опредѣленія изъ иноземнаго законодательнаго сборника, который не былъ указанъ имъ въ качествѣ источника составляемаго Уложенія.

Таковы всѣ источники, положенные въ основу Уложенія царя Алексѣя Михаиловича.

Уже изъ обзора ихъ могли мы убѣдиться въ томъ, что *Уложеніе не создало новыхъ юридическихъ началъ и отношеній*. Оно представляетъ изъ себя лишь сводъ правовыхъ началъ и отношеній, выработанныхъ отчасти народнымъ юридическимъ сознаніемъ, а отчасти практикою предшествовавшей ему жизни русскаго народа. Уложеніе сконцентрировало, отразило въ себѣ какъ въ оптическомъ фокусѣ все то, что было выработано предшествующимъ законодательствомъ. Оно свело, сличило и очистило обширный законодательной матеріалъ, накопившійся къ половинѣ XVII вѣка; оно извлекло изъ этого матеріала все то, что могло еще имѣть жизненное значеніе и органическое развитіе, отбросивъ все остальное какъ мертвые, какъ отжившіе свой вѣкъ остатки истекшихъ эпохъ развитія русской юридической жизни.

(¹) *Строевъ*: «Истор.-юридич. изслѣдованіе Уложенія», стр. 27.

Въ заключеніе обзора источниковъ Уложенія, далеко не лишнимъ будетъ указаніе самаго способа, примѣнявшагося составителями его, въ дѣлѣ пользованія этими источниками. Составители Уложенія заимствовали изъ этихъ источниковъ собственно духъ извѣстныхъ статей, юридическія понятія въ нихъ формулированныя, но не самыя формы въ которыхъ этотъ духъ, эти понятія, отливались. Они въ одних случаяхъ сокращали заимствованныя статьи, въ другихъ случаяхъ распространяли ихъ толкованіями и дополненіями; только весьма немногія статьи заимствовались ими въ Уложеніе безъ всякаго измѣненія (¹).

Разсмотрѣвъ источники вошедшіе въ Уложеніе 1649 г., переходимъ въ настоящее время къ изложенію самой *системы содержанія его.*

Вся система содержанія Уложенія разбивается на 25 главъ и на 967 статей. Хотя и Уложеніе, подобно предшествовавшимъ ему законодательнымъ сборникамъ, есть памятникъ преимущественно процессуальный, тѣмъ не менѣе онъ содержитъ въ себѣ уже довольно большое количество статей относящихся къ различнымъ сферомъ матеріальнаго права; здѣсь встрѣчаемъ мы уже много статей относящихся къ праву государственному, полицейскому, финансовому, гражданскому и уголовному.

По отношенію къ системѣ расположенія главъ, Уложеніе можетъ быть представлено раздѣленнымъ на 6 раздѣловъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ сообразно съ степенью важности содержанія ихъ (²).

Первый раздѣлъ включаетъ въ себѣ главы, касающіяся преступленій *противъ Бога и Царя*—преступленій наиболѣе возмутительныхъ для юридическаго сознанія русскаго народа. Этотъ раздѣлъ включаетъ въ себѣ главы съ 1 по 5 включительно. *Первая глава*, озаглавленная „О богохульникахъ и о церковныхъ мятежникахъ", содержитъ въ себѣ 9 статей,

---

(¹) *Строевъ*: «Историко-юридическое изслѣдов. Уложенія», стр. 30 и примѣчанія 60, 61, 62.

(²) Въ самомъ Уложеніи нѣтъ подобнаго дѣленія на раздѣлы. Оно впервые, и почти въ такомъ же видѣ какъ мы излагаемъ его, предложено *Строевымъ* въ VI главѣ его «Историко-юридическаго изслѣдованія Уложенія»,—въ видахъ легчайшаго обзора содержанія его.

излагающихъ преступленія противъ вѣры. *Вторая глава* „О государевой чести и какъ его государское здравіе оберегать", въ 22 статьяхъ, трактуетъ о преступленіяхъ политическихъ и опредѣляетъ наказанія за оскорбленіе величества, измѣну и бунтъ. *Третья глава* „О государевомъ дворѣ, чтобъ на Государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было", содержитъ въ себѣ 9 статей. *Четвертая глава* „О подписчикахъ и которые печати поддѣлываютъ", въ 4 статьяхъ, трактуетъ о подлогахъ государственныхъ актовъ, составляемыхъ подъ авторитетомъ государя. *Пятая глава* „О денежныхъ мастерѣхъ, которые учнутъ дѣлати воровскія деньги", въ 2 статьяхъ, трактуетъ о поддѣлкѣ монеты, какъ царской регаліи.

Второй раздѣлъ Уложенія, включающій въ себѣ главы съ 6 по 15, содержитъ постановленія обезпечивающія *внѣшнюю и внутреннюю безопасность государства и внутренее благосостояніе его.* Относящаяся сюда *шестая глава* „О проѣзжихъ грамотахъ въ иныя государства", въ 6 статьяхъ, установляетъ нѣчто подобное системѣ заграничныхъ паспортовъ и опредѣляетъ взысканія за самовольный выѣздъ за границу. *Седьмая глава* „О службѣ всякихъ ратныхъ людей", въ 32 статьяхъ, содержитъ въ себѣ основныя начала организаціи военныхъ силъ государства и военно-уголовныя взысканія. *Восьмая глава* „О искупленіи плѣнныхъ", въ 7 статьяхъ, установляетъ начала выкупа военноплѣнныхъ. *Девятая глава* „О мытахъ, и перевозѣхъ и о мостѣхъ", въ 20 статьяхъ, содержитъ постановленія о путяхъ сообщенія и о дорожныхъ таможенныхъ пошлинахъ. *Десятая глава* „О судѣ", въ 287 статьяхъ, важнѣйшая и основная глава Уложенія, содержитъ въ себѣ постановленія о судоустройствѣ и судопрозводствѣ, въ связи съ которыми содержитъ и опредѣленія матеріальнаго гражданскаго права. *Одинадцатая глава* „Судъ о крестьянѣхъ", въ 34 статьяхъ; *двѣнадцатая глава* „О судѣ патріаршихъ, приказныхъ и дворовыхъ всякихъ людей и крестьянъ", въ 3 статьяхъ, *и тринадцатая глава* „О монастырскомъ приказѣ", въ 7 статьяхъ,—составляютъ какъ-бы продолженія девятой главы, трактуя объ отдѣльныхъ видахъ суда.

Четырнадцатая глава „О крестномъ цѣлованіи", въ 10 статьяхъ, трактуетъ о присягѣ, какъ процессуальной принадлежности. *Пятнадцатая глава* „О вершеныхъ дѣ-

лахъ", въ 5 статьяхъ, излагаетъ нѣкоторыя обстоятельства, лишающія извѣстное дѣло возможности служить предметомъ судебнаго разбирательства; къ подобнымъ обстоятельствамъ отнесены: окончаніе дѣла миромъ, дача несвободному человѣку отпускной и окончаніе дѣла третейскимъ судомъ.

Третій раздѣлъ, включающій въ себѣ главы съ 16 по 18 включительно, содержитъ въ себѣ постановленія касающіяся обладанія и распоряженія извѣстнаго рода недвижимыми имуществами. Относящаяся сюда *шестнадцатая глава* „О помѣстныхъ земляхъ", въ 69 статьяхъ, и *семнадцатая глава* „О вотчинахъ", въ 55 статьяхъ, содержатъ въ себѣ подробную регламентацію, первая—помѣстныхъ, а вторая—вотчинныхъ отношеній. *Восемьнадцатая глава* „О печатныхъ пошлинахъ", въ 71 статьѣ, опредѣляетъ пошлины взымаемыя при приложеніи печатей къ различнаго рода актамъ. Глава эта помѣщена послѣ опредѣленій о помѣстьяхъ и вотчинахъ по всей вѣроятности вслѣдствіе того обстоятельства, что упоминаемые въ ней акты касаются главнымъ образомъ тѣхъ видовъ имуществъ, которые разсматриваются въ двухъ предъидущихъ главахъ, т. е. помѣстій и вотчинъ.

Четвертый раздѣлъ, вмѣщающій въ себѣ *главу девятнадцатую* „О посадскихъ людехъ", въ 40 статьяхъ, и *главу двадцатую* „Судъ о холопахъ", въ 119 статьяхъ,—содержатъ въ себѣ узаконенія касающіяся устройства быта двухъ классовъ населенія: посадскихъ или городскихъ людей и холоповъ; въ эпоху Уложенія эти два класса населенія, преимущественно передъ другими, требовали законодательной регламентаціи.

Пятый раздѣлъ, включающій въ себѣ постановленія изъ области уголовнаго права и процесса, состоитъ изъ главъ 21 и 22; эти главы слѣдующія: *Двадцать первая глава* „О разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ", въ 104 статьяхъ, и *двадцать вторая глава*: „Указъ за какія вины кому чинити смертная казнь, и за какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе", въ 26 статьяхъ.

Шестой и послѣдній раздѣлъ Уложенія излагаетъ исключенія изъ общихъ правилъ, изложенныхъ въ предшествующихъ главахъ. Этотъ раздѣлъ содержитъ въ себѣ три главы, изъ которыхъ *двадцать третья глава* „О стрѣльцахъ", въ 3 статьяхъ, и *двадцать четвертая глава* „Указъ о атаманахъ и о казакахъ", въ 2 статьяхъ, излагаютъ осо-

быя опредѣленія, касающіяся этихъ двухъ видовъ служилыхъ людей. Третья глава этого раздѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя Уложенія, по счету *двадцать-пятая* — „Указъ о корчмахъ“, въ 21 статьѣ, опредѣляетъ особыя наказанія и взысканія за противозаконную торговлю виномъ и табакомъ.

Перечисленными главами исчерпывается все содержаніе Уложенія царя Алексѣя Михаиловича.

Сличая число статей, содержащихся въ отдѣльныхъ главахъ Уложенія, мы не можемъ не замѣтить что самое значительное число статей выпадаетъ на десятую главу его, трактующую о судопроизводствѣ. Эта глава содержитъ въ себѣ 287 статей, слѣдовательно почти четвертую часть всѣхъ статей этого законодательнаго сборника.

Этимъ заканчиваемъ мы обзоръ Уложенія царя Алексѣя Михаиловича (¹).

(¹) Мы уже выше указали различныя изданія Уложенія 1649 года. Укажемъ въ настоящее время *труды, разработывающіе этотъ законодательный памятникъ*. Еще въ 1831 г. появилась въ *Московскомъ Телеграфѣ* статья: «Объ источникахъ, изъ коихъ взято Уложеніе царя Алексѣя Михайловича» (Моск. Телеграфъ, 1831 г, часть XXXVII, № 7, стр. 400—415). Затѣмъ въ 1833 г. появился первый опытъ систематической научной разработки Уложенія,—это трудъ *В. Строева*: «Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, изданнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1649 году» (Спб. 1833 г.), вызвавшій въ 1834 г. брошюру *Г. З.* «Взглядъ на сочиненіе г. Строева объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, или что было въ 1649 г. и что стало въ XIX стол.» (Спб. 1834 г.), которой не удалось тѣмъ не менѣе поколебать доводовъ Строева. Въ 1839 году, на торж. актѣ Москов. унив., прочитана была *проф. Ѳ. Морошкинымъ* замѣчательная рѣчь «Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи», въ которой авторъ выясняетъ значеніе Уложенія, какъ памятника вполнѣ народнаго, и отношеніе его къ самой жизни. Далѣе слѣдуетъ упомянуть о сочиненіи *проф. Линовскаго*, носящемъ впрочемъ спеціальный характеръ: «Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича» (Одесса, 1847 г.). Въ 1850 г. помѣщена была въ Архивѣ истор. юрид. свѣд. Калачова (кн. I, М. 1850 г.) статья *Забѣлина*: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича», а въ LXX томѣ Отечеств. Записокъ рецензія *К. Кавелина* на 1 книгу Архива, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на статью Забѣлина (перепечатана въ III томѣ «Сочиненій К. Кавелина, Спб. 1859, стр. 173 и слѣд.). Наконецъ въ 1859 г. явилась въ іюньской кн. Ж. Мин. Юст. статья *Я. Есиповича*: «Литературная разработка и общая характеристика Уложенія 1649 года».

Никакой законодательный сборникъ, какъ-бы полонъ и обширенъ онъ не былъ, какъ бы тщательно не былъ онъ составленъ, какъ-бы хорошо не удовлетворялъ онъ требованіямъ современной ему эпохи—никогда не можетъ быть послѣднимъ словомъ законодательства. Жизнь всякаго народа идетъ впередъ, развивается, порождаетъ новыя отношенія, новыя потребности, новые взгляды на вещи, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ потребность и въ новыхъ законодательныхъ опредѣленіяхъ, потребность въ дальнѣйшемъ развитіи законодательства. Законодательство каждаго народа стоитъ въ самой тѣсной связи съ историческою жизнью его; малѣйшія измѣненія, малѣйшія колебанія этой жизни—немедленно отражаются на законодательствѣ, вліяя на характеръ и ходъ его развитія. Чѣмъ медленнѣе, чѣмъ ровнѣе идетъ историческая жизнь народа, тѣмъ меньшее оживленіе замѣтно и въ законодательствѣ; чѣмъ быстрѣе подвигается на пути своемъ историческая жизнь народа, чѣмъ сильнѣе, чѣмъ энергичнѣе заявляютъ себя жизненныя силы его,—тѣмъ оживленнѣе становится и законодательная дѣятельность его.

Въ исторической жизни всякаго народа, если только народъ этотъ заключаетъ еще въ себѣ жизненные элементы, если только онъ не отживаетъ свой историческій вѣкъ, если только онъ не готовится сойти съ арены исторіи, совершивъ свое историческое назначеніе,—въ жизни всякаго народа всегда бываютъ такія эпохи, когда въ эту жизнь врываются новыя стремленія, новыя идеи, когда появляется потребность въ коренныхъ измѣненіяхъ тѣхъ или другихъ началъ, отношеній и институтовъ ея. Исторія отмѣчаетъ такія эпохи народной жизни наименованіемъ эпохъ реформъ, преобразованій, эпохъ реформаціонныхъ. Въ подобныя эпохи, а равнымъ образомъ и въ непосредственно предшествующія имъ, проявляется съ особенною силою законодательная дѣятельность народа, появляется масса новыхъ законныхъ опредѣленій, стремящихся улучшить существующее, внести прогрессъ въ строй народной жизни и приблизить отношенія ея къ болѣе или менѣе ясно сознаваемому идеалу.

Послѣ изданія Уложенія 1649 г., Московское государство вступаетъ именно въ одну изъ такихъ эпохъ, предшествующихъ эпохѣ реформъ, эпохѣ преобразованій. Многія отношенія дѣйствительной жизни признаются уже мало удовлетворяющими требованіямъ вѣка, появляется болѣе или

менѣе сознательное стремленіе къ внесенію въ нихъ новыхъ началъ, словомъ—является потребность въ коренныхъ реформахъ. Преобразователь Россіи—Петръ I—былъ лишь отвѣтомъ на требованія вѣка. Не явись Петръ I, реформаціонная дѣятельность не приняла-бы того лихорадочнаго напряженія, того крутаго, насильственнаго характера, которыми запечатлѣны его преобразованія; эта реформаціонная дѣятельность потребовала-бы, наконецъ, несравненно болѣе предолжительнаго времени для своего осуществленія, —но рано или поздно она все таки наступила-бы, требованія времени все-таки вступили-бы въ свои права. Реформы были неизбѣжны, онѣ были требованіемъ исторической необходимости.

Изъ подобнаго значенія эпохи, послѣдовавшей за изданіемъ Уложенія 1649 г., не трудно уже предусмотрѣть, что законодательство Московское не могло оставаться въ эту эпоху въ бездѣйствіи. Дѣйствительно, не смотря на изданіе Уложенія, продолжаютъ издаваться въ большемъ количествѣ самаго различнаго рода указы, боярскіе приговоры, соборныя опредѣленія, уставы и наказы. Всѣ эти памятники законодательства, издававшіяся въ промежутокъ времени отъ 1649 г., т. е. отъ изданія Уложенія Алексѣя Михаиловича, и вплоть до единодержавнаго царствованія Петра I (1696 г.), носятъ названіе *„Новоуказныхъ статей“*.

Новоуказныя статьи напечатаны въ первыхъ трехъ томахъ Полнаго Собранія законовъ Россійской Имперіи, вслѣдъ за Уложеніемъ 1649 года [1]. Новоуказныхъ статей было издано: въ 27 лѣтнее, считая съ года изданія Уложенія, царствованіе Алексѣя Михаиловича—618; въ шестилѣтнее царствованіе царя Ѳеодора—295, въ четырнадцати-лѣтнее совмѣстное царствованіе царей Петра и Іоанна Алексѣевичей—622. Такимъ образомъ всего въ періодъ времени съ 1649 по 1696 г., т. е. по годъ начала единодержавнаго правленія Петра I, было издано 1535 новоуказныхъ статей. Всматриваясь ближе въ приведенныя сейчасъ числа, мы замѣчаемъ, что законодательная дѣятельность постоянно усиливается въ этомъ періодѣ по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ

---

[1] Ими наполненъ весь I и II томъ и половина III тома, №№ 1—1535.

Петровскихъ реформъ, такъ что въ царствованіе Петра и Іоанна Алексѣевичей количество новоуказныхъ статей, выпадающихъ среднимъ числомъ на каждый годъ царствованія ихъ, является уже вдвое болѣе значительнымъ нежели въ царствованіе царя Алексѣя. Это даетъ намъ ясно видѣть, что вторая половина XVII вѣка есть эпоха передреформаціонная, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Большая часть новоуказныхъ статей носитъ характеръ дополненій, измѣненій или дальнѣйшаго развитія опредѣленій содержащихся въ Уложеніи и возникла путемъ чисто *практическимъ* или, вѣрнѣе сказать, *казуистическимъ*. Дьякъ, докладывая боярамъ извѣстное дѣло, указываетъ имъ на то, что рѣшеніе его не подходитъ ни подъ одинъ изъ случаевъ предусмотрѣнныхъ существующими законодательными опредѣленіями и что въ предшествовавшей судебной практикѣ нѣтъ примѣрнаго рѣшенія на подобнаго рода случай. Вслѣдствіе этого бояре входятъ по этому дѣлу съ докладомъ къ государю и, въ видѣ вопроса, излагаютъ свое личное мнѣніе по поводу этого дѣла. Государь даетъ указъ въ видѣ отвѣта на вопросъ бояръ, бояре на основаніи этого отвѣта составляютъ приговоръ—и такимъ образомъ появляется новая новоуказная статья (¹). Но встрѣчается также огромное количество новоуказныхъ статей носящихъ характеръ вполнѣ самостоятельныхъ юридическихъ памятниковъ, статей возникшихъ не путемъ казуистическимъ, не вслѣдствіе того факта что практика судей и администратовъ случайно натолкнулась на извѣстнаго рода вопросъ, не получившій еще своего разрѣшенія,—но возникшихъ вслѣдствіе всплывшей наружу и упорно заявившей себя потребности народной жизни. Подобнаго рода новоуказныя статьи издаются непосредственно отъ имени самаго государя и весьма нерѣдко принимаютъ видъ обширныхъ уставовъ, наказовъ, трактатовъ и договоровъ.

Укажемъ нѣкоторыя, наиболѣе замѣчательныя новоуказныя статьи.

Въ царствованіе *царя Алексѣя Михаиловича*, именно 6 апрѣля 1649 г., слѣдовательно еще въ самый годъ изда-

(¹) *Морошкинъ*: Рѣчь «Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи», стр. 20.

нія Уложенія, изданъ былъ „*Наказъ о городскомъ благочиніи*“, въ которомъ излагаются мѣры полицейскаго береженія города Москвы. Здѣсь указываются главнымъ образомъ мѣры для обезопасенія столицы отъ пожаровъ, а также и для предупрежденія грабежей, корчемства, публичнаго разврата и всякаго рода уличныхъ безпорядковъ (¹). Далѣе слѣдуетъ упомянуть объ царскомъ указѣ съ боярскимъ приговоромъ „*о взиманіи таможенной пошлины съ товаровъ въ Москвѣ и въ городахъ*“, изданномъ 25 окт. 1653 года. Здѣсь встрѣчаемъ мы любопытныя свѣдѣнія относительно таможенно-финансоваго управленія и опредѣленій о торговыхъ мѣрахъ и вѣсахъ. Въ 1654 году издано была такъ называемая „*уставная грамота*“ о злоупотребленіяхъ, происходящихъ отъ отдачи на откупъ мытовъ, мостовъ, перевозовъ, съѣстныхъ и другихъ припасовъ, о стѣсненіи тѣмъ народной промышленности и объ уменьшеніи для сего нѣкоторыхъ налоговъ (²).

Затѣмъ въ царствованіе-же царя Алексѣя, именно 22 апрѣля 1667 г., изданъ былъ и извѣстной „*Новоторовый Уставъ*“, любопытный и весьма замѣчательный памятникъ законодательства второй половины XVII вѣка. Здѣсь установлены правила для торговцевъ новгородскихъ, псковскихъ и архангельскихъ, по отношенію къ торговлѣ съ западомъ, для торговцевъ астраханскихъ, по отношенію къ торговлѣ съ Персіею; далѣе установляются здѣсь правила для торговли съ берегами Чернаго моря черезъ г. Путивль и для торговли съ Польшею и Литвою черезъ г. Смоленскъ. Здѣсь-же установлены и особыя правила для торговли иностранцевъ въ Россіи. Затѣмъ Новоторговый уставъ, во избѣжаніе волокитъ, предписываетъ разсматривать судныя дѣла торговыхъ людей въ какомъ-либо одномъ опредѣленномъ приказѣ,—„гдѣ Государь укажетъ“,—что-бы избавить ихъ отъ потери времени, сопряженной съ разнообразіемъ въ подсудности. Далѣе въ разсматриваемомъ памятникѣ принимаются различнаго рода мѣры къ обезпеченію торговаго класса отъ притѣсненій со стороны лицъ воеводнаго управленія (³). Наконецъ слѣдуетъ упомянуть объ изданныхъ 22 января 1669

(¹) Полное Собр. Законовъ Рос. Имп., I, № 6.

(²) П. С. З. I, № 107.

(³) П. С. З., I, № 408.

года *„Новоуказныхъ статьяхъ о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ“*. Этотъ крайне важный и интересный законодательный памятникъ, заключающій въ себѣ 128 отдѣльныхъ статей, служитъ дальнѣйшимъ развитіемъ уголовнаго права Уложенія (именно 21 и 22 главъ) и составляетъ необходимое дополненіе къ нему (1).

Изъ новоуказныхъ статей, изданныхъ *въ царствованіе Θеодора Алексѣевича*, слѣдуетъ упомянуть о *„Новоуказныхъ статьяхъ о помѣстьяхъ“*, изданныхъ 10 марта 1676 г. (2), и о *„Новоуказныхъ статьяхъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ“*, изданныхъ 11 августа слѣдующаго 1677 года (3); эти узаконенія представляютъ обильный и необходимый матеріалъ для изученія системы вотчиннаго и помѣстнаго правъ. Наконецъ въ царствованіе-же Θеодора Алексѣевича, именно 12 января 1682 г., состоялся и знаменитый *„Соборный приговоръ объ уничтоженіи мѣстничества“*, которымъ окончательно запрещенъ былъ этотъ вредный для государственной жизни обычай и за которымъ послѣдовало сожженіе самыхъ разрядныхъ книгъ (4).

Изъ новоуказныхъ статей, состоявшихся въ совмѣстное *царствованіе царей Петра и Іоанна Алексѣевичей*, укажемъ мы на *„Писцовый Наказъ“* 1684 г. и на *дополненія къ нему* 1686 года, въ которыхъ излагаются правила для руководства писцамъ при измѣреніи вотчинныхъ и помѣстныхъ земель (5), и на *„Новоуказныя статьи о чернослободскихъ и бѣломѣстцовыхъ дворахъ“*, отъ 22 января 1686 года, заключающія въ себѣ опредѣленія правъ владѣнія городскими дворами и порядка наслѣдованія въ этомъ родѣ имуществъ (6).

Новоуказными статьями заканчивается рядъ памятниковъ свѣтскаго законодательства Московскаго государства.

---

(1) П. С. З., I, № 441.

(2) П. С. З., II, № 633.

(3) П. С. З., II, № 700.

(4) П. С. З., II, № 905.

(5) П. С. З., II, № 1074 и 1178.

(6) П. С. З., II. № 1157.

V.

ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: СТОГЛАВЪ И КОРМЧАЯ КНИГА.

Стоглавъ.—Пониженіе уровня нравственно-религіознаго состоянія русскаго общества къ половинѣ XVI вѣка.—Соборъ 1551 года.—Недостатки нравственно-религіозной жизни русскаго общества, указанные царемъ Собору.—Постановленія Собора 1551 г. и составленіе сборника Стоглава.—Дальнѣйшая судьба Стоглава.—Отношеніе къ нему Собора 1667 г. и раскола.—Изданія Стоглава.—*Кормчая Книга.*—Вопросъ о времени появленія на Руси славянскаго перевода номоканона.—Номоканоны въ славянскомъ переводѣ, существовавшіе до митроп. Кирилла II.—Кормчія книги послѣ митроп. Кирилла II.—Кормчія софійской и рязанской фамилій.—Значеніе Кормчей книги въ древне-русскомъ юридическомъ быту и отношеніе ея къ свѣтскому законодательству.—Исторія изданія печатной Кормчей 1653 года.

Сдѣланный нами обзоръ памятниковъ законодательства Московскаго государства былъ бы не полонъ, если-бы мы опустили два весьма важные памятника церковнаго законодательства, именно сборникъ дѣяній собора, бывшаго въ Москвѣ въ 1551 году, извѣстный подъ названіемъ *Стоглава* и *печатную Кормчую книгу*, изданную въ царствованіе Алексѣя Михаиловича. Связь обоихъ этихъ памятниковъ съ исторіею свѣтскаго законодательства заключаются въ томъ, что первый изъ нихъ даетъ намъ богатыя данныя для характеристики современнаго ему состоянія русскаго общества и правоваго воззрѣнія и быта его, второй-же пользовался силою дѣйствующаго права во многихъ жизненныхъ отношеніяхъ гражданской общественной жизни.

Обращаемся къ разсмотрѣнію перваго изъ этихъ памятниковъ—сборника Стоглава.

Намъ уже извѣстны побужденія руководившія царемъ Иваномъ IV при предпринятіи имъ изданія новаго законодательнаго сборника. Эти побужденія состояли въ желаніи исправить Судебникъ дѣда его Ивана III, сообразно съ измѣнившимися требованіями времени, установить судъ по возможности равный для всѣхъ жителей Московскаго государства и, наконецъ, обезпечить этотъ судъ отъ произвола лицъ призванныхъ къ отправленію правосудія. Въ 1550 г., изданіемъ новаго Судебника, царь удовлетворилъ, на сколько

это отъ него зависѣло, потребности русской земли въ лучшемъ судѣ, сдѣлалъ все что казалось ему возможнымъ сдѣлать для того что-бы судъ, по собственному выраженію его—„былъ праведенъ и безпосульно во всякихъ дѣлѣхъ". Умный и страстный царь, давъ судебный и правительстенный нарядъ русской землѣ, не могъ не замѣтить того, что не въ однихъ судахъ и управленіи коренилось современное ему зло вѣка, но что и самая внутренняя, нравственно-религіозная жизнь общества—представляетъ въ себѣ много темныхъ сторонъ, заключаетъ въ себѣ много разлагающихъ элементовъ, при наличности которыхъ должны были оказаться безсильными всѣ старанія молодаго царя къ водворенію въ русской землѣ того идеала правды и добра, къ которому съ такою страстностью стремился онъ въ эту свѣтлую но, къ сожалѣнію, непродолжительную эпоху царствованія своего.

Нѣтъ сомнѣнія что татарское иго, болѣе двухъ вѣковъ тяготѣвшее надъ русскою землею, не мало способствовало упадку нравственно-религіознаго быта общества; дѣйствительно, два съ лишнимъ вѣка владычества татаръ, нанесшаго сильный ударъ народному духу и надолго задержавшаго умственное и духовное развитіе народа, не могли благопріятно влiять на нравственно-религіозное состояніе общества. Не могли благопріятно повліять на нравственно-религіозное развитіе общества и тѣ условія, въ которыя было оно поставлено, съ одной стороны вслѣдствіе татарскаго погрома, съ другой стороны вслѣдствіе измѣнившихся началъ древнерусской, удѣльно-вѣчевой жизни. Паденіе вѣча, уничтоженіе началъ общественно-договорной жизни, умаленіе значенія общины и ея автономіи—всѣ эти условія должны были неминуемо, при незначительномъ умственномъ развитіи общества, понизить нравственный уровень его и ослабить духовныя силы народа. Не мало повліяли на упадокъ въ половинѣ XVI вѣка нравственнаго состоянія общества и грустныя обстоятельства, сопровождавшія малолѣтство Ивана IV и, главнымъ образомъ, безпечное, эгоистическое и исполненное интригъ и раздоровъ боярское правленіе, при которомъ совершенно забыты были интересы и нужды народа, предоставленнаго безконтрольному произволу областныхъ правителей, прижимавшихъ его и извлекавшихъ изъ него послѣдніе соки. Иванъ IV, въ рѣчи своей къ собору 1551 года, самъ съ прискорбіемъ сознается въ томъ, что послѣ смерти

отца его в. к. Василія Ивановича многіе обычаи „поисшаталися“ и требуютъ немедленнаго врачеванія (¹); вспомнимъ слезное покаяніе молодаго царя передъ земскимъ соборомъ 1549 года, на которомъ онъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ вспоминалъ о печальныхъ и тягостныхъ для народа неурядицахъ эпохи своего малолѣтства,—и мы согласимся съ тѣмъ несомнѣннымъ положеніемъ, что эта эпоха была далеко не благопріятна для успѣховъ нравственно-религіознаго развитія общества.

Съ другой стороны, вслѣдствіе соединенія подъ властью Москвы отдѣльныхъ областей, жившихъ нѣкогда самостоятельною жизнью, оказалась въ областяхъ Московскаго государства страшная пестрота во взглядахъ, въ нравахъ, въ обычаяхъ и даже въ нравственно-религіозныхъ воззрѣніяхъ; нужно было сгладить эти мѣстные оттѣнки, придавъ однообразное направленіе нравственно-религіозной жизни всего русскаго народа (²).

Всѣ указанныя обстоятельства обратили на себя серьезное вниманіе Ивана IV. По подлинному выраженію Стоглава „царь Иванъ, многимъ разумомъ и мудростью вѣнчанъ.... *зѣло воспалися утробою и свѣтлымъ желаніемъ подвижеся* не токмо о устроеніи земномъ, но и многоразличныхъ *церковныхъ исправленіяхъ* (³)“. Давъ русской землѣ нарядъ правительственный и судебный, онъ рѣшается дать ей и нарядъ нравственно-религіозный, пересмотрѣвъ условія и явленія духовной жизни народа и принявъ мѣры къ искорененію ея недостатковъ.

Очевидно, что свѣтская власть одна должна была почувствовать себя безсильною при выполненіи этой обширной и трудной задачи; она сознавала необходимость призвать для содѣйствія себѣ власть духовную, въ лицѣ митрополита и всего освященнаго собора. Такимъ именно образомъ и поступилъ царь Иванъ Васильевичъ.

Для выполненія задачи исправленія нравственно-религіознаго быта русскаго общества, царь созываетъ въ Москву

(¹) *Стоглавъ*. Спб. 1863 г., стр. 40.

(²) *Б. Ил*: «Объ историч. значеніи дѣяній Моск. собора 1551 г.» (Рус. Бесѣда, 1858, IV, стр. 1).

(³) *Стоглавъ*. Спб. 1863 г., стр. 23.

на соборъ *митрополита Макарія и всѣхъ представителей высшаго духовенства русскаго.* Этотъ соборъ состоялся въ царскихъ палатахъ, *въ февралѣ мѣсяцѣ 1551 года*, изъ митрополита Макарія, девяти архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и всего освященнаго собора, подъ предсѣдательствомъ самаго царя. Засѣданія собора были открыты рѣчью царя, который, вставъ съ своего престола и обратившись къ засѣдавшему духовенству, просилъ его дать ему совѣты „къ благочестію..... о православнѣй нашей христіанстѣй вѣрѣ, и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ и о нашемъ благочестіи въ царствіи, и о устроеніи всего православнаго христіанства“. Затѣмъ царь предложилъ собору *69 вопросовъ*, въ которыхъ указываетъ ему на подмѣченныя имъ въ церковномъ устройствѣ и въ общественномъ быту противо-религіозныя и противо-нравственные пороки и недостатки, усердно прося соборъ сдѣлать постановленія по всѣмъ предложеннымъ имъ вопросамъ „разсудя по правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ (¹)“.

Каковы-же были эти недостатки нравственно-религіозной жизни русскаго общества половины XVI вѣка, которые такъ возмущали царя Ивана и къ исправленію которыхъ призвалъ онъ содѣйствіе русскаго духовенства? Эти недостатки были весьма многочисленны и разнообразны: они обнимають, какъ сейчасъ увидимъ, всѣ сферы современной жизни русскаго народа. Царь подмѣчаетъ ихъ и въ быту духовенства, и въ быту міранъ.

Въ жизни духовенства рѣзко бросаются царю въ глаза всѣ темныя стороны быта русскаго духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго. Царь замѣчаетъ что въ средѣ духовенства съ полною силою господствуютъ лицемѣріе и фарисейство, прикрывающія собою самое грубое неуваженіе къ религіи и къ высотѣ призванія своего, самое матеріальное стремленіе служить благамъ міра сего, самый грубый развратъ, пороки и страсти. Царь видитъ что монастыри и скиты наполнены тунеядцами, подъ видомъ спасенія души своей предающимися лѣни, пьянству и сластолюбію. Въ женскихъ монастыряхъ нерѣдко живутъ мужчины, въ мужскихъже—женщины или молодые мальчики; случается что иноки обитаютъ въ монастыряхъ съ своими семействами, ничѣмъ

(¹) См. предисловіе къ Стоглаву (глава 6, стр. 21—24).

не отличая образа жизни своей отъ жизни мірянъ. Царь обращаетъ вниманіе собора и на то, что въ ряды служителей алтаря весьма часто становятся люди не только несвѣдущіе въ ученіи вѣры, но люди нерѣдко совершенно безграмотные, мало того—люди по образу жизни и наклонностямъ своимъ совершенно недостойные своего высокаго призванія, но получившіе священный санъ путемъ симоніи, черезъ посредство денегъ. Вслѣдствіе такого упадка нравственно-религіознаго быта духовенства, подвергается ущербу самое *церковное благоустройство и благочиніе*. Многія церкви остаются по нѣсколькимъ мѣсяцамъ безъ богослуженія, или-же священнослужители отправляютъ его не по чину православной вѣры, какъ-то, совершаютъ его не въ надлежащихъ облаченіяхъ, опускаютъ или-же неправильно совершаютъ многія молитвословія и пѣснопѣнія, переговариваются, бранятся и даже дерутся передъ престоломъ и т. п. Священныя Таинства какъ, напримѣръ, крещеніе, бракъ и священство совершаются не только небрежно, но нерѣдко даже противно догматамъ и обычаямъ Православной церкви. Духовенство оказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крайнее небреженіе по отношенію къ предметамъ употребляемымъ при богослуженіи. Богослужебныя книги списываются съ ошибками и описками не только въ знакахъ препинанія, но и въ цѣлыхъ словахъ,—и по такимъ искаженнымъ книгамъ совершается по церквамъ богослуженіе; затѣмъ иконы пишутся и реставрируются не по старымъ образцамъ, принятымъ Православною церковью и т. п. Царь обращаетъ наконецъ вниманіе на страшную запутанность и неопредѣленность въ подсудности дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству духовныхъ судовъ, какъ и вообще замѣчаетъ крайнюю безпорядочность въ порядкѣ церковной іерархіи.

Обращая затѣмъ вниманіе свое на состояніе гражданскаго, свѣтскаго общества—царь замѣчаетъ что и *нравственно-религіозный бытъ мірянъ* представляетъ далеко не утѣшительную картину, что и онъ „поисшатался“ не менѣе быта духовенства.

Въ мірскомъ быту вниманіе царя поражаетъ *неуваженіе къ религіи*. „Безстрашіе вошло въ люди“, съ ужасомъ замѣчаетъ онъ. Многіе прихожане стоятъ въ церквахъ въ шапкахъ и въ тафьяхъ, съ палками въ рукахъ, „яко на торжищи, или на позорищи, или на пиру или яко въ кор-

темницѣ", не слушая богослуженія, но вмѣсто того разговаривая, смѣясь, ссорясь, споря и произнося „срамны словеса". Затѣмъ царь съ энергіею возстаетъ противъ различнаго рода обрядовъ и обычаевъ, примѣшиваемыхъ къ богослуженію и тѣмъ вредящихъ чистотѣ и святости его. Онъ осуждаетъ, напримѣръ, совершаемый при свадьбахъ веселый поѣздъ въ церковь, при которомъ допускаются скоморохи, крикъ, пѣніе, плясъ и музыка, не смотря на присутствіе въ этомъ-же поѣздѣ священника съ крестомъ. Равнымъ образомъ не одобряетъ царь и обычай вносить въ алтарь на Пасху куличи, хлѣба, мяса, яица и пасху, а при панихидахъ блины и кутью; возстаетъ царь и противъ обычая класть на престолъ на нѣкоторое время такъ называемыя „сорочки" въ которыхъ родятся младенцы, и противъ обычая класть на престолъ на страстную недѣлю обугленную, такъ называемую четверговую, соль. Далѣе царь вооружается противъ *чародѣйствъ, волхвованій и гаданій*, которыя обнимаетъ онъ общимъ названіемъ „ересей"; въ числѣ этихъ ересей указываетъ онъ „знаки зодіака", „алманахи", „звѣздочетство", „астрологію", „Аристотелевы врата" и „иные составы и коби бѣсовскія". По погостамъ и селамъ, замѣчаетъ царь, массами ходятъ скоморохи и „лживые пророки, мужики, и женки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы и волосы отрастивъ и распустя", которые смущаютъ народъ и отвлекаютъ его отъ дѣла. Царя возмущаютъ и многія *народныя празднества и игрища*, начало которыхъ таится еще въ отдаленныхъ временахъ язычества. Здѣсь обращаетъ онъ вниманіе собора на совершеніе въ такъ называемую родительскую субботу тризнъ и поминокъ на кладбищахъ, на суевѣрное празднованіе навечерія Иванова дня, перваго понедѣльника послѣ Петрова дня и т. п. Царь замѣчаетъ что на этихъ сходбищахъ и празднествахъ дается полное раздолье всевозможнымъ порокамъ и страстямъ, что здѣсь имѣютъ мѣсто всевозможныя „бѣсовскія игры, пѣсни и плясаніе", пьянство, ссоры, „отрокамъ оскверненіе и дѣвкамъ разтлѣніе", обманы и мошенничества —и вообще рисуетъ самую мрачную картину распущенности нравовъ и суевѣрнаго невѣжества. Наконецъ царь указываетъ на то, что самая *обыденная обстановка жизни* міранъ часто не соотствуетъ высотѣ состоянія христіанина. Многіе міряне брѣютъ усы и бороду, облекаются въ иноземное платье, ѣдятъ запрещенную пищу, какъ-то удавленину, зайцевъ и

т. п.; мужчины и женщины моются безъ всякаго стыда и нераздѣльно въ общихъ баняхъ; въ массѣ народа уменьшилась грамотность и умственное развитіе; многія лица затѣваютъ ложные, несправедливые иски, для поддержки которыхъ не отступаютъ передъ дачею ложной присяги и выходятъ биться на судебныхъ поединкахъ, по напрасну проливая на нихъ христіанскую кровь..... (¹).

Неутѣшительную, далеко неутѣшительную картину жизни русскаго общества половины XVI вѣка представляетъ намъ длинный рядъ недостатковъ и нестроеній ея, указанныхъ царемъ Стоглавому собору въ 69 вопросахъ его. Врядъ-ли однако можетъ быть въ дѣйствительности допущенъ тотъ крайне низкій, сведенный почти до minimum'а уровень нравственно-религіозной жизни русскаго общества XVI вѣка, какимъ изображаетъ его намъ Стоглавъ. Недостатки указываемые Стоглавомъ существовали въ русской жизни—въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія—но на сколько были они распространены въ средѣ общества, на сколько нарушали они общую гармонію жизни—на это не находимъ мы въ Стоглавѣ никакихъ указаній. Весьма вѣроятно что царь Иванъ, подъ вліяніемъ глубоко религіознаго склада духа своего, а въ особенности экзальтированный вліяніемъ совершившейся съ нимъ передъ тѣмъ нравственной реакціи,—смотрѣлъ на жизнь общества съ слишкомъ мрачной точки зрѣнія, возводя на степень обще-народнаго недуга то, что представляло крайне прискорбную, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности, далеко не всеобщую аномалію.

Исполняя волю царя, соборъ, въ видѣ отвѣтовъ, составилъ постановленія по всѣмъ вопросамъ предложеннымъ ему Иваномъ IV, подкрѣпляя ихъ ссылками на различнаго рода авторитеты, какъ-то на правила св. Отцевъ Церкви и Апостоловъ, на градскіе законы византійскихъ императоровъ, на опредѣленія вселенскихъ и предшествующихъ помѣстныхъ соборовъ, а также и на церковные уставы русскихъ князей. Изложенныя въ письменной формѣ, постановленія Собора 1551 года составили книгу раздѣленную на *сто главъ*, вслѣдствіе чего этотъ сборникъ постановленій получилъ названіе *Стоглава*, а самый соборъ сталъ называться *Стоглавымъ*

(¹) См. царскіе вопросы въ Стоглавѣ (Стоглавъ. Спб., 1863 г., стр. 41—57 и 128—147).

Соборомъ. Съ счетъ ста главъ, составившихъ сборникъ, вошли не только царскіе вопросы и постановленные по нимъ отвѣты собора, но въ счетъ ихъ вошли главы заключающія въ себѣ предисловіе и описаніе дѣйствій и рѣчей, которыми сопровождалось открытіе засѣданій собора.

Постановленія Стоглаваго Собора получили значеніе оффиціальное и силу дѣйствующаго церковнаго права. Это видно изъ того, что изъ Стоглаваго сборника дѣлаемы были болѣе или менѣе полныя извлеченія, которыя и разсылались по епархіямъ для руководства; эти извлеченія извѣстны подъ названіемъ *„Наказныхъ списковъ Соборнаго Уложенія 1551 года“* (¹).

Весьма интересна дальнѣйшая судьба Стоглава. Опредѣленія его, оффиціально признанныя во второй половинѣ XVI вѣка какъ высшею свѣтскою, такъ и высшею духовною властью,—были впослѣдствіе также оффиціально отмѣнены *соборомъ 1667 года.* Дѣло въ томъ, что впослѣдствіе оказалось что митрополитъ Макарій и остальные члены собора 1551 года, отчасти вслѣдствіе личныхъ заблужденій своихъ, а отчасти и вслѣдствіе испорченности находившихся въ ихъ рукахъ рукописныхъ книгъ (²), допустили въ свои постановленія нѣкоторыя опредѣленія не каноническаго содержанія, опредѣленія не согласныя съ древнѣйшими правилами и обыкновеніями Православной церкви, какъ, напримѣръ, опредѣленіе о сложеніи при крестномъ знаменіи двухъ перстовъ вмѣсто трехъ, о провозглашеніи при богослуженіи сугубой аллилуіи вмѣсто тройной и т. п. „А соборъ, иже бысть при благочестивомъ великомъ Государѣ Царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Василіевичѣ, всея Россіи Самодержцѣ, отъ Макарія митрополита Московскаго, и что писаша о знаменіи честнаго креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ, и о сугубой аллилуіи, и о прочемъ, еже писано неразсудно, простотою и невѣжествомъ въ книгѣ „Стоглавѣ“, и клятву, юже безъ разсужденія и неправедно положиша, мы православніи Патріарси, Паисій папа и Патріархъ Александрійскій и судія вселѣннѣй, и Макарій Патріархъ Антіохійскій

(¹) *Бѣляевъ Ил:* «Наказные списки соб. Уложенія 1551 года». М. 1863 г., стр. 4—6.

(²) Ibid., стр. 36.

и всего востока ([1]), и Іоасафъ Патріархъ Московскій и всея Россіи, и весь освященный соборъ тую неправедную и безразсудную клятву Макаріеву и того собора разрѣшаемъ и разрушаемъ, и *той соборъ не въ соборъ*, и *клятву не въ клятву*, и ни во что же вмѣняемъ, *якоже и не бысть*. Зане той Макарій Митрополитъ, и иже съ нимъ, мудрствоваша невѣжествомъ своимъ безразсудно ([2])". Таковъ былъ приговоръ трехъ патріарховъ восточной православной церкви и всего освященнаго собора, произнесенный въ 1667 г. надъ соборомъ 1551 года и надъ его сборникомъ—Стоглавомъ.

Приговоръ собора 1667 года встрѣтилъ отчаянное сопротивленіе въ расколѣ, передъ тѣмъ только распространившемся въ русской землѣ вслѣдствіе исправленія патріархомъ Никономъ богослужебныхъ книгъ. Расколъ продолжалъ признавать каноническое значеніе Стоглава, а вмѣстѣ съ нимъ и допущенныя соборомъ 1551 года погрѣшности, какъ напримѣръ двухперстное крестное знаменіе и сугубую аллилуію. Полемика противъ раскола, доказывая погрѣшности Стоглава и право собора 1667 года, какъ собора старшаго, отмѣнить силу постановленій собора 1551 года,—въ теченіи какъ XVII, такъ и XVIII вѣка, не переставала тѣмъ не менѣе признавать подлинность и оффиціальность этого сборника. Иной характеръ стала принимать полемика противъ раскола съ начала нынѣшняго столѣтія. Все чаще и чаще стали приводиться доводы и предположенія о подчисткахъ въ Стоглавѣ, о намѣренной порчѣ первоначальнаго подлинника его, о неоффиціальномъ характерѣ его и даже предположенія о неподлинности этого сборника въ полномъ составѣ его ([3]). Само собою разумѣется что подобная система полемики, основывавшаяся на предположеніяхъ, догадкахъ и натяжкахъ, полемика направленная не противъ значенія факта, вполнѣ подтверждаемаго исторіею, но противъ самаго существованія этого факта—могла лишь укрѣплять убѣжденія и доводы противниковъ.

([1]) Оба восточные патріарха вызваны были въ этомъ году въ Москву для суда надъ патріархомъ Никономъ.

([2]) *Бѣляевъ Ил*: Наказные списки соб. Уложенія 1551 года, стр. 1—2.

([3]) *Бѣляевъ Ил:* Наказные списки соб. Уложенія 1551 году, стр. 2—6.

Понятно теперь почему Стоглавъ, какъ памятникъ узаконяющій двухперстное крестное знаменіе, сугубую аллилуію, поклоненіе старымъ иконамъ, запрещающій бритье усовъ и бороды, ношеніе иноземнаго платья и т. п.—до сихъ поръ пользуется большимъ уваженіемъ и авторитетомъ среди раскольниковъ. Понятно теперь также и то, почему Стоглавъ долго не могъ появиться у насъ въ печатномъ изданіи, хотя въ болѣе или менѣе полныхъ спискахъ имѣлъ онъ значительную распространенность среди раскольниковъ. Въ наши дни, съ перенесеніемъ полемики съ раскольниками на почву научно-теологическую, появленіе въ печати Стоглава сдѣлалось не только желательнымъ, но даже положительно необходимымъ. Какъ слѣдъ минувшаго и кратковременнаго заблужденія нашей жизни—Стоглавъ въ наше время сохранилъ за собою лишь значеніе памятника историческаго.

Честь перваго полнаго изданія Стоглава принадлежитъ *Казанской Духовной Академіи*, издавшей его въ Казани, въ 1862 году. Въ слѣдующемъ 1863 г. явилось *Петербургское изданіе* этого-же памятника, предпринятое книгопродавцемъ Д. Кожанчиковымъ. Въ томъ-же 1863 г. изданы Ил. Бѣляевымъ и *наказные списки собора 1551 года* (¹).

Переходимъ къ обзору втораго изъ предположенныхъ нами къ разсмотрѣнію памятниковъ церковнаго законодательства—К о р м ч е й К н и г и, изданной въ печати въ 1653 году, въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича.

Для того что-бы имѣть возможность вполнѣ понять то значеніе, которое имѣло печатное изданіе Кормчей книги и отношеніе этого памятника къ исторіи русскаго права—мы

(¹) Вопросъ о соборѣ 1551 года и о Стоглавѣ затрогивался въ литературѣ слѣдующими авторами: *Преосвящ. Филаретъ*: «Нѣсколько словъ о книгѣ Стоглавъ» (Москвитянинъ, 1845 г., № XII, стр. 136—139); «*Свѣдѣнія о стоглавомъ соборѣ*» (Христ. Чтенія, издав. при Спб. Дух. Академіи, 1852 г., сентябрь); *Соловьевъ С:* «Исторія Россіи» (VII т., стр. 92—122); *Ил. В. Б-ва*: «Объ историческомъ значеніи дѣяній Московскаго собора 1551 года». (По поводу 92—122 стр. VII тома «Исторіи Россіи» г. Соловьева. Русская Бесѣда, 1858 г., IV); *Калачовъ*: «Правила постановленныя на соборѣ 1551 г.» (Архивъ 1860—61 г., кн. 5); *Бѣляевъ Илья*: «Наказные списки соборнаго Уложенія 1551 г. или Стоглава», М. 1863 г.

должны позволить себѣ небольшое отступленіе и разсмотрѣть исторію Кормчей книги въ Россіи до перваго печатнаго изданія ея.

Говоря выше о Кормчей книгѣ, какъ объ одномъ изъ источниковъ Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, мы дали общее понятіе о *византійскомъ номоканонѣ*, какъ такого рода сборникѣ, въ которомъ паралельно излагались постановленія свѣтской и духовной законодательныхъ властей, относящіяся къ однимъ и тѣмъ-же предметамъ.

Первый греческій номоканонъ составленъ былъ, какъ мы видѣли, константинопольскимъ *патріархомъ Іоанномъ Схоластикомъ*, еще въ эпоху императора Юстиніана. Кромѣ номоканона Іоанна Схоластика, во второй половинѣ VI вѣка въ практикѣ обращался также составленный неизвѣстнымъ авторомъ другой номоканонъ, извѣстный подъ названіемъ *номоканона въ XIV титулахъ*, названный такимъ образомъ по числу раздѣловъ (титуловъ) своихъ, которые въ свою очередь распадались на главы. Этимъ-то номоканономъ и воспользовался въ IX вѣкѣ константинопольскій патріархъ Фотій, задумавъ въ виду накопившагося за истекшіе три столѣтія матеріала составить новый номоканонъ. Дополнивъ взятый имъ за основаніе номоканонъ въ XIV титулахъ позднѣйшими опредѣленіями, онъ раздѣлилъ составленный имъ сводъ также на XIV титуловъ—и такимъ образомъ въ 883 году появился *номоканонъ патріарха Фотія въ XIV титулахъ* (¹). Такимъ образомъ Фотіевъ номоканонъ въ XIV титулахъ долженъ быть отличаемъ отъ легшаго въ его основу до-Фотіевскаго номоканона въ XIV титулахъ, составленнаго неизвѣстнымъ авторомъ еще во второй половинѣ VI вѣка (²). Номоканонъ Фотія, пользовавшійся у грековъ большою популярностью и вслѣдствіе этого достигшій значительной распространенности, неоднократно подвергался научной обработкѣ въ видѣ *комментарій къ нему*; въ качествѣ комментаторовъ его особенную извѣстность пріобрѣли *Іоаннъ Зонаръ*, *Ѳеодоръ Вальсамонъ* и *Алексій Аристинъ*, писавшіе, первый въ первой четверти,

---

(¹) *Неволинъ К. А*: «О собраніяхъ и ученой обработкѣ церк. законовъ въ Греціи и Россіи». Полн. Собр. сочиненій, т: VI, стр. 402—406.

(²) *Павловъ*: «Первоначальный славяно-русскій номоканонъ». Каз., 1869 г., стр. 27—28.

а последніе два во второй половинѣ XII вѣка. Особенность труда *Аристина* заключается въ томъ, что онъ писалъ комментаріи свои не къ полному номоканону Фотія, но къ сокращенному изложенію его *(синопсисъ)*, раньше еще составленному неизвѣстнымъ авторомъ для цѣлей практическаго пользованія (¹).

Извѣстно, что вслѣдъ за остальными богослужебными книгами, появляется у насъ уже вскорѣ по принятіи христіанства и греческій номоканонъ, получившій въ русской землѣ извѣстность подъ названіемъ *Кормчей книги*; тѣмъ не менѣе въ исторіи русскаго церковнаго права долго неразрѣшеннымъ оставался вопросъ о времени появленія на Руси номоканона *въ славянскомъ* переводѣ. *Митрополитъ Евгеній*, извѣстный духовный писатель русскій, склонялся къ той мысли, что Кормчая въ славянскомъ переводѣ извѣстна стала въ русской землѣ съ самаго крещенія ея, что она принесена была къ намъ изъ Болгаріи одновременно съ другими священными и богослужебными книгами. *Баронъ Розенкампфъ*, современникъ преосв. Евгенія и извѣстный изслѣдователь Кормчей книги,—держался діаметрально противоположнаго воззрѣнія, утверждая что Кормчая книга стала извѣстна на Руси въ славянскомъ переводѣ не ранѣе второй половины XIII вѣка, когда экземпляръ ея высланъ былъ въ русскую землю изъ Болгаріи вслѣдствіе просьбы о томъ митрополита Кирилла II. Воззрѣнія позднѣйшихъ писателей русскихъ въ свою очередь раздѣляются: одни изъ нихъ (напр. К. А. Неволинъ) склоняются къ мнѣнію преосв. Евгенія, другіе (напр. Н. В. Калачовъ и преосвящ. Макарій) держатся предположенія бар. Розенкампфа. При этомъ *преосвящ. Макарій* выказываетъ крайнюю непослѣдовательность. Въ первомъ томѣ своей „Исторіи Русской Церкви“ склоняется онъ по отношенію къ вопросу о появленіи у насъ Кормчей книги въ славянскомъ переводѣ къ мнѣнію митроп. Евгенія, т. е. признаетъ существованіе въ русской землѣ славянскаго перевода ея съ самой эпохи принятія христіанства; въ пятомъ-же томѣ „Исторіи Русской Церкви“ измѣняетъ онъ первому воззрѣнію своему и под-

(¹) *Неволинъ:* «О собр. и уч. обраб церк. законовъ въ Греціи и Россіи», 409.

держиваетъ мнѣніе бар. Розенкампфа о несуществованіи въ русской землѣ славянской Кормчей вплоть до эпохи митрополита Кирилла II ([1]). Въ такомъ запутанномъ видѣ представлялся вопросъ о времени появленія на Руси славянскаго перевода Кормчей книги, когда въ 1869 году вышелъ въ Казани въ свѣтъ классическій трудъ бывшаго профессора каноническаго права въ здѣшнемъ Университетѣ (впослѣдствіе въ Одесскомъ, а нынѣ въ Московскомъ) *А. С. Павлова*: „Первоначальный Славяно-Русскій Номоканонъ" (Казань, 1869 г.), въ которомъ авторъ блистательнымъ образомъ доказываетъ что, еще за-долго до митрополита Кирилла, церковь русская знакома была съ номоканонами въ славянскомъ переводѣ, притомъ доказываетъ съ несомнѣнною ясностью, что въ русской землѣ извѣстны были въ эту эпоху въ славянскомъ переводѣ тѣ-же два вида номоканона, которые обращались и въ самой Греціи до временъ патріарха Фотія, т. е. номоканонъ Іоанна Схоластика и до-Фотіевскій номоканонъ въ XIV титулахъ ([2]), причемъ послѣдній находился въ особенномъ употребленіи. Митрополитъ же Кириллъ II (во второй половинѣ XIII вѣка) не впервые получилъ изъ Болгаріи славянскій переводъ номоканона, какъ утверждаетъ это преосв. Макарій, но получилъ оттуда впервые лишь Фотіевскій номоканонъ съ комментаріями Аристина ([3]).

Передадимъ въ краткихъ чертахъ *сущность доводовъ Павлова* въ пользу существованія у насъ до Кирилла II славянскаго перевода номоканона и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сущность возраженій его противъ приведеннаго выше мнѣнія преосв. Макарія. Мы видѣли, что преосв. Макарій въ V томѣ своей „Исторіи Русской Церкви" оставляетъ прежнее воззрѣніе свое на существованіе у насъ съ эпохи крещенія Руси славянскаго номоканона и начинаетъ утверждать буд-

---

([1]) *Павловъ А. С*: «Первоначальный славяно-русскій номоканомъ». Каз., 1869 г., стр. 1—2.

([2]) Который, какъ выше видѣли мы, послужилъ патр. Фотію основаніемъ при составленіи его собственнаго номоканона.

([3]) Слѣдовательно не полный номоканонъ Фотія, но позднѣйшее сокращеніе его (синопсисъ), такъ какъ, какъ мы выше видѣли, Аристинъ комментировалъ лишь синопсисъ Фотіева номоканона.

то русская церковь впервые получила его лишь въ эпоху митроп. Кирилла II. Подобный переворотъ въ убѣжденіяхъ автора произвели слова *митроп. Кирилла II*, сказанныя имъ на владимірскомъ соборѣ 1274 года, вскорѣ по полученіи имъ изъ Болгаріи отъ деспота Іакова Святислава, вслѣдствіе предшествовавшей просьбы его, славянскаго перевода номоканона. Митрополитъ Кириллъ говоритъ на этомъ соборѣ, что до сего въ церкви были нестроенія, одною изъ причинъ которыхъ служили церковныя правила, *„помрачени бо бяху прежъ сего облакомъ мудрости елиньскаго языка“*, „нынѣ-же, продолжаетъ онъ, указывая на полученный имъ переводъ номоканона,—*облисташа, рекше истолкованы быша*, и благодатью ясно сіяютъ, невѣденія тьму отгоняюще и пр.“. Преосвященный Макарій понимаетъ слова митрополита въ томъ смыслѣ, что до полученія имъ отъ деспота І. Святислава славянскаго номоканона, въ русской церкви употреблялись лишь номоканоны съ подлиннымъ, съ греческимъ текстомъ; преосв. Макарій подтверждаетъ свое толкованіе тѣмъ фактомъ, что русскіе іерархи до половины XIII вѣка почти исключительно были будто-бы греки, вслѣдствіе чего пользованіе номоканономъ въ греческомъ текстѣ не могло представлять для нихъ никакого затрудненія. Опровергая доводы преосв. Макарія, Павловъ прежде всего оспариваетъ уже то положеніе его, по которому іерархи первыхъ вѣковъ русской церкви будто-бы всѣ почти состояли изъ грековъ; авторъ исторически доказываетъ совершенно противное, доказываетъ что высшее духовенство состояло въ эту эпоху преимущественно изъ русскихъ. Если-бы даже большинство высшихъ іерарховъ русской церкви и на самомъ дѣлѣ состояло въ разсматриваемомъ періодѣ времени изъ грековъ,—продолжаетъ развивать авторъ мысль свою,—то и въ этомъ случаѣ существованіе славянскаго номоканона до митроп. Кирилла все-таки являлось-бы *логическою необходимостью*: во первыхъ, далеко не все духовенство состояло изъ грековъ; во-вторыхъ, пріѣзжіе греческіе іерархи необходимо должны были знакомиться съ славянскимъ языкомъ для цѣлей практической дѣятельности ихъ (и прежде всего для отправленія богослуженія) и, наконецъ, въ третьихъ, имъ нерѣдко приходилось формулировать церковныя правила (напр. при составленіи каноническихъ посланій и отвѣтовъ, при церковнымъ судопроизвод-

ствѣ и т. п.) по славянски,—причемъ было-бы несравненно легче цѣликомъ заимствовать ихъ изъ славянскаго номоканона, нежели каждый разъ переводить требуемые тексты съ греческаго языка (¹).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ отрицательныхъ доводовъ, Павловъ приводитъ затѣмъ и чисто *положительные доводы* въ пользу существованія въ русской церкви, уже въ первые вѣка ея жизни, славянскихъ переводовъ номоканона.

Прежде всего замѣчаетъ Павловъ, что изъ древнѣйшихъ русскихъ церковныхъ памятникахъ почерпаются несомнѣнныя указанія на то, что въ XI и XII вв. существовали въ русской землѣ славянскіе переводы церковныхъ правилъ. Дѣйствительно, въ этихъ памятникахъ, въ славянскомъ текстѣ, въ полныхъ и въ точныхъ выраженіяхъ, приводятся различнаго рода церковныя правила. Въ особенно рѣзко замѣчается это въ отвѣтахъ *новгородскаго епископа Нифонта* (XII в.) на вопросы *іеромонаха Кирика*, въ которыхъ послѣдній справляется у перваго относительно различныхъ церковныхъ правилъ; изъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ становится совершенно очевиднымъ что какъ Нифонтъ, такъ и Кирикъ, имѣли подъ руками Кормчую въ славянскомъ переводѣ (²).

Далѣе Павловъ приводитъ свидѣтельство новгородскаго *монаха Зиновія* (XVI в.), который видѣлъ два древнихъ списка Кормчей въ славянскомъ переводѣ, изъ которыхъ первый написанъ былъ въ Новгородѣ при в. к. Ярославѣ I Владиміровичѣ (слѣдовательно еще при жизни Св. Владиміра), а второй относился къ эпохѣ в. к. Изяслава I (сына Ярослава I); вторымъ изъ этихъ списковъ пользовался Зиновій въ своей полемикѣ съ учениками извѣстнаго еретика того времени—Ѳеодосія Косаго. Именно, онъ на основаніи палеографическихъ данныхъ опровергалъ древность какого-то „ростовскаго списка“ церковныхъ правилъ, на который ссылались ученики Косаго, и противуполагалъ ему имѣвшійся у него подъ руками *списокъ* славянскаго номоканона *временъ Изяслава I.* Не говоря уже о чисто палеографиче-

---

(¹) *Павловъ*: «Первоначальный славяно-русскій номоканонъ», стр. 3—12.

(²) Ibid, стр. 12—16.

скихъ данныхъ, на которыхъ основывалъ Зиновій подлинность своего списка, —достаточно будетъ сказать что противники его были люди книжные, которые съумѣли бы оспорить достовѣрность этого списка такимъ-же точно путемъ, какимъ оспорилъ Зиновій достовѣрность ихъ „ростовскаго“ списка: между тѣмъ они не въ состояніи были этого сдѣлать (¹).

Затѣмъ Павловъ приводитъ еще слѣдующее весьма вѣское доказательство въ пользу существованія въ древней Руси еще до митроп. Кирилла II славянскаго перевода номоканона. До нашего времени *дошелъ одинъ списокъ номоканона въ обработкѣ Іоанна Схоластика*, который, по мнѣнію весьма компетентныхъ палеографовъ нашихъ, *относится* по письму къ XIII вѣку, а по языку и содержанію своему—*къ эпохѣ обращенія Болгаръ* въ христіанство; это послѣднее сужденіе подтверждается и тѣмъ историческимъ извѣстіемъ, что св. Меѳодій, въ числѣ другихъ церковныхъ книгъ, перевелъ для Болгаръ и „номоканонъ, рекше закону правило“. Признаки древности, лежащіе на этомъ спискѣ, даютъ полное право отождествить его съ номоканономъ перевода св. Меѳодія. Съ другой стороны, этотъ списокъ номоканона заключаетъ въ себѣ, какъ оказывается изъ сравненія, *тотъ самый переводный текстъ* церковныхъ правилъ, которымъ пользовались, какъ мы выше видѣли, въ XII вѣкѣ—Нифонтъ, въ XVI вѣкѣ—Зиновій, и который послѣдній относилъ къ эпохѣ Изяслава I, слѣдовательно ко второй половинѣ XI вѣка (²). И такъ, изъ сейчасъ приведенныхъ соображеній вытекаетъ *первое положеніе* проф. Павлова,—что у насъ въ XI, XII и XIII вѣкѣ, слѣдовательно еще *до митрополита Кирилла II*,—существовалъ и *имѣлъ практическое примѣненіе номоканонъ Іоанна Схоластика, переведенный для Болгаръ еще св. Меѳодіемъ*.

Но гораздо употребительнѣе были у насъ въ XI и XII вв., по словамъ Павлова, списки Кормчихъ содержавшіе въ себѣ такъ называемый номоканонъ въ XIV титулахъ (до-Фотіевской обработки, который, какъ мы видѣли выше, легъ въ основу Фотіева номоканона, но который тѣмъ не менѣе

(¹) *Павловъ*: «Первон. слав.-рус. номоканонъ». стр. 16—22.

(²) *Павловъ*: «Первон. слав.-рус. номоканонъ», стр. 22—24.

относится къ второй половинѣ VI вѣка). До насъ дошелъ лишь одинъ списокъ Кормчей этого вида—это именно *пергаментный списокъ московской синодальной (бывщей патріаршей) библіотеки*, значущійся по каталогу ея *подъ № 227*. Этотъ экземпляръ *содержитъ номоканонъ въ XIV титулахъ до-Фотіевской обработки* и относится, по мнѣнію однихъ филологовъ, къ XIII (Буслаевъ), по мнѣнію другихъ—къ XII вѣку (Ундольскій) (¹). Павловъ первый обратилъ вниманіе на этотъ списокъ съ историко-канонической точки зрѣнія и цѣлымъ рядомъ научно-каноническихъ и палеографическихъ соображеній доходитъ до твердаго убѣжденія въ томъ, что номоканонъ въ XIV титулахъ (до-Фотіевской обработки) не только имѣлъ у насъ примѣненіе въ XI и XII вѣкахъ на-ряду съ номоканономъ І. Схоластика, но былъ даже распространенъ въ несравненно большей степени сравнительно съ послѣднимъ; Павловъ допускаетъ даже возможность перевода его непосредственно съ греческаго языка въ княженіе Ярослава I, хотя и не рѣшается твердо утверждать это (²). Отсюда *второе положеніе* Павлова—что *до временъ митрополита Кирилла II существовалъ* у насъ также, и *въ гораздо болѣе распространенномъ видѣ* сравнительно съ номоканономъ І. Схоластика,—*и славянскій переводъ номоканона въ XIV титулахъ до-Фотіевской обработки.*

Изъ этихъ двухъ видовъ номоканона, существовавшихъ въ русской церкви до временъ митроп. Кирилла II,—*первый изъ нихъ*, т. е. номоканонъ І. Схоластика, переведенъ былъ въ Болгаріи, всецѣло удержалъ въ русской землѣ свою болгарскую редакцію, и потому *можетъ быть названъ болгарскимъ. Второй* изъ этихъ номоканоновъ—номоканонъ въ XIV титулахъ до-Фотіевской обработки—есть номоканонъ *по преимуществу русскій*, такъ какъ онъ находился у насъ въ несравненно обширнѣйшемъ употребленіи и, быть можетъ даже, переведенъ въ русской землѣ. Онъ можетъ быть названъ русскимъ и потому, что въ немъ находятся составныя *части чисто русскаго добавленія*, которыхъ совершенно не встрѣчаемъ мы въ болгарскомъ номоканонѣ І. Схоластика (³).

(¹) *Павловъ:* «Первон. слав.-рус номоканонъ», стр. 25—26.
(²) Ibid. стр. 54—58.
(³) Ibid., стр. 61

Доказавъ такимъ образомъ существованіе у насъ славянскихъ переводовъ номоканона въ первые два съ половиною вѣка жизни русской церкви и установивъ понятіе о двухъ видахъ этого перевода, Павловъ переходитъ къ *объясненію смысла словъ митрополита Кирилла II*, заявленныхъ на владимірскомъ соборѣ 1274, что въ прежнія времена церковныя правила помрачены были „облакомъ мудрости елиньскаго языка“, но что теперь, съ полученіемъ изъ Болгаріи славянскаго перевода номоканона, они „облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатью Божіею ясно сіяютъ“. Для уясненія значенія этихъ словъ, введшихъ въ заблужденіе митроп. Макарія, Павловъ считаетъ нужнымъ объяснить *происхожденіе славянскаго перевода номоканона, полученнаго митроп. Кирилломъ* отъ деспота Іакова Святислава. Въ концѣ XII вѣка (1196 г.) Болгарія освободилась изъ подъ греческаго владычества; въ это-же самое время свергли съ себя вассальныя отношенія къ Византіи и отдѣльныя сербскія жупы, слившись въ одно политическое тѣло подъ управленіемъ великаго жупана Стефана Немани. Оба освободившіеся народа учредили у себя самостоятельныя іерархіи. Сынъ Стефана Немани—*св. Савва*, независимый архіепископъ сербской церкви,—сознавалъ необходимость перевести для своей церкви греческій номоканонъ. Хотя въ эту эпоху и существовалъ уже славянскій переводъ номоканона,—именно І. Схоластика,—сдѣланный еще св. Меѳодіемъ для принявшей христіанство Болгаріи—но этотъ номоканонъ, принявшій въ себя далеко не всѣ церковныя правила и въ добавокъ не снабженный комментаріями, не могъ уже въ эту эпоху отвѣчать всѣмъ требованіямъ практики. Приступая къ выполненію своего предпріятія, св. Савва выбралъ для перевода сокращенный *номоканонъ патріарха Фотія съ комментаріями Аристина*. Переведенный Св. Саввою номоканонъ перешелъ изъ Сербіи въ Болгарію, а отсюда, по просьбѣ митрополита Кирилла II, былъ *въ 1262 г. высланъ въ русскую землю* деспотомъ болгарскимъ *Іаковомъ Святиславомъ*. Оригинальный списокъ сербской Кормчей, полученной митроп. Кирилломъ, не сохранился до нашихъ дней; но за то сохранились два другіе списка съ сербской Кормчей Св. Саввы (¹), въ которыхъ, въ послѣсловіи, стоятъ буквально

(¹) Изъ которыхъ одинъ хранится въ Вѣнской Императ. библ., а дру-

тѣже слова, которыя сказаны были митроп. Кирилломъ II на владимірскомъ соборѣ. Такимъ образомъ *нашъ іерархъ въ 1274 г. повторилъ лишь слова, находившіяся въ полученномъ имъ изъ Болгаріи спискѣ* (¹). Послѣ изложенія состоянія сербской церкви въ первой половинѣ XIII вѣка, вполнѣ понятнымъ становится смыслъ этихъ словъ въ устахъ св. Саввы. Спрашивается теперь, какой же смыслъ имѣли они въ 1279 г., будучи произнесены митрополитомъ Кирилломъ примѣнительно къ русской церкви, которая въ эту эпоху обладала двумя номоканонами въ славянскомъ переводѣ—номоканономъ I. Схоластика и номоканономъ въ XIV титулахъ до-Фотіевской редакціи? Павловъ объясняетъ это недоразумѣніе крайне просто и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне правдоподобно: произнесенными имъ словами митроп. Кириллъ имѣлъ лишь въ виду указать превосходство вновь полученнаго имъ Фотіевскаго синопсиса съ толкованіями Аристина надъ прежде примѣнявшимися Кормчими, которыя были, во первыхъ, въ до-Фотіевской обработкѣ, а во вторыхъ—безъ толкованій (²). Отсюда *третье положеніе* Павлова—*митроп. Кириллъ II не впервые получилъ Кормчую въ славянскомъ переводѣ, но получилъ изъ Болгаріи лишь сербскую Кормчую, уже Фотіевской обработки* (въ сокращеніи) *и съ толкованіями Аристина.*

Такимъ образомъ послѣ 1274 года русская церковь имѣла *три вида Кормчихъ*: a) Номоканонъ I. Схоластика (VI в.), b) Номоканонъ въ XIV титулахъ до-Фотіевской обработки (VI в.), (оба вида—безъ толкованій), и c) Номоканонъ въ XIV титулахъ Фотіевской обработки (синопсисъ, т. е. сокращенный), съ толкованіями Аристина (вторая пол. XII в.).

Обратимся теперь къ *дальнѣйшей исторіи Кормчихъ книгъ въ Россіи, послѣ митрополита Кирилла II.*

Въ послѣдней четверти XIII вѣка *являются два списка* Кормчихъ книгъ, которымъ суждено было сдѣлаться прототипами всѣхъ позднѣйшихъ памятниковъ этого рода. Первый изъ нихъ извѣстенъ подъ названіемъ *Софійскаго спис-*

гой принадлежитъ Ново-Іерусалимскому монастырю (Павловъ: «Первон. etc.». стр. 62 и прим. 90).

(¹) *Павловъ*: «Первон. слав.-рус. номоканонъ». стр. 62—66.

(²) *Павловъ*: «Первон. слав.-рус. номоканонъ», стр. 68.

ка—названіе объясняемое тѣмъ, что списокъ этотъ, будучи написанъ около 1282 г. повелѣніемъ новгородскаго епископа Климента, былъ положенъ на храненіе въ Новгородскій Соборъ Св. Софіи; этотъ списокъ послужилъ прототипомъ Кормчихъ *Софійской фамиліи*. Второй изъ нихъ извѣстенъ подъ названіемъ *Рязанскаго списка*—названіе объясняемое тѣмъ, что списокъ этотъ, списанный въ 1284 г. со списка испрошеннаго рязанскимъ епископомъ Іосифомъ у кіевскаго митрополита Максима, былъ положенъ на храненіе въ Рязанскомъ каѳедральномъ соборѣ; этотъ списокъ послужилъ прототипомъ Кормчихъ *рязанской фамилій*.

Рязанскій списокъ и Кормчія его фамиліи—представляютъ *буквальную копію съ Фотіевской Кормчей, полученной митрополитомъ Кирилломъ II* изъ Болгаріи, за исключеніемъ только двухъ составныхъ частей послѣдней: письма Іакова Святислава къ митроп. Кириллу и послѣсловія къ сербскому орьгиналу (изъ котораго именно заимствовалъ нашъ іерархъ свои слова, сказанныя на влад. соборѣ 1274 года), которыя совершенно выпущены (¹).

Софійскій списокъ и Кормчія его фамиліи представляютъ, какъ выяснилъ это профес Павловъ, *соединеніе* двухъ видовъ Кормчихъ: сербской *Кормчей полученной митроп. Кирилломъ* и *Кормчей въ XIV титулахъ до-Фотіевской обработки*, которая, какъ мы видѣли, имѣла обширное примѣненіе въ русской церкви еще за-долго до митроп. Кирилла. Соединеніе сдѣлано въ рязанскомъ спискѣ такимъ образомъ, что *самая догма*—самыя церковныя правила—взята изъ первой. т. е. изъ Кормчей въ XIV титулахъ до-Фотіевской обработки, а *толкованія* на нихъ—изъ второй, т. е. изъ сербской Кормчей Фотіевской обработки (²). Таково первое раличіе между Кормчими фамилій рязанской и софійской.

Второе различіе между Кормчими обѣихъ фамилій заключается въ томъ, что *въ Кормчихъ софійской фамиліи встрѣчаются статьи чисто русскаго* происхожденія: такъ здѣсь находимъ мы церковные уставы св. Владиміра и новгор. князя Святослава, Русскую Правду, каноническіе отвѣты

(¹) *Павловъ*: «Первон. слав.-рус. номоканонъ», стр. 73—74.

(²) *Павловъ*: «Первон. слов.-рус. номоканонъ», стр. 75—76.

Іоанна II, вопросы Кирика и отвѣты Нифонта, опредѣленія владимірскаго собора 1274 года и др. Нахожденіе русскихъ статей въ Кормчихъ софійской фамиліи объясняется весьма просто: самый догматическій текстъ ихъ заимствованъ изъ номоканона въ XIV титулахъ, а къ этому номоканону всегда присоединялись, какъ мы раньше видѣли, дополненія русскаго происхожденія. Кормчія рязанской фамиліи не содержатъ въ себѣ статей русскаго происхожденія, представляя буквальной переводъ съ греческаго подлинника (¹).

Въ началѣ этой главы замѣтили мы уже, что значеніе Кормчей книги для исторіи русскаго права коренится въ томъ, что постановленія этого памятника имѣли въ русской землѣ значеніе и силу дѣйствующаго права, притомъ имѣли силу права не только въ сферѣ церковныхъ судовъ, но и въ сферѣ судовъ гражданскихъ, судовъ свѣтскихъ (²). Приведемъ въ краткихъ чертахъ сущность вопроса *о значеніи Кормчей книги въ юридическомъ быту древней русской земли*.

Мы уже раньше видѣли, что изъ двухъ видовъ Кормчихъ, имѣвшихъ примѣненіе въ древней Руси до временъ митрополита Кирилла II, именно изъ номоканона І. Схоластика и номоканона въ XIV титулахъ до-Фотіевской обработки,— особенною распространенностью пользовался послѣдній. Послѣ временъ митрополита Кирилла II являются, какъ мы знаемъ, опять два типа Кормчихъ—Кормчія рязанской фамиліи и Кормчія софійской фамиліи, изъ которыхъ Кормчія второй фамиліи выработались изъ соединенія номоканона въ XIV титулахъ съ полученною митроп. Кирилломъ сербскою Кормчею; софійскія Кормчія, подобно тому какъ нѣкогда и легшій въ ихъ основаніе номоканонъ въ XIV титу-

---

(¹) *Павловъ:* «Первон. слав.-рус. номоканонъ» стр. 74.

(²) Изъ сочиненій выясняющихъ значеніе Кормчей книги въ юридическомъ быту древней Россіи, могутъ быть указаны слѣдующія: *Бар. Розенкампфъ:* «Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ», М. 1829 г., стр. 90—109 (второе изданіе въ Спб., 1839 г.); рѣчь *Н. Крылова*: «Объ истор. значеніи римскаго права въ области наукъ юридическихъ», М. 1833 г.; *Неволинъ К. А.* «О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго» (Полн. Собр. Соч., т. VI, стр. 251—390); но особенно замѣчательно изслѣдованіе *Н. В. Калачова*: «О значеніи Кормчей книги въ системѣ др. русскаго права», М. 1850 г.

лахъ,—продолжаютъ пользоваться особенною распространенностью. Извѣстно съ другой стороны, что какъ номоканонъ въ XIV титулахъ, такъ и Кормчія софійской фамиліи—содержатъ въ себѣ статьи чисто русскаго содержанія, и въ томъ числѣ древнѣйшіе памятники русскаго законодательства (Русскую Правду, Уставъ Ярослава I „о мостѣхъ", церковные уставы князей и др. (¹)).

Отсюда не трудно прійти къ выводу, что нахожденіе въ указанныхъ Кормчихъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ не есть дѣло случая,—не есть простое чисто литературное прибавленіе (²), но что они заносились сюда духовенствомъ для цѣлей практическихъ, вслѣдствіе потребности для него въ знакомствѣ съ свѣтскими законами.

Н. В. Калачовъ крайне ясно и послѣдовательно доказываетъ, что русскому духовенству дѣйствительно представлялась настоятельная потребность въ знаніи опредѣленій свѣтской законодательной власти. Древне-русское духовенство владѣло, какъ извѣстно, огромнымъ количествомъ вотчинъ, по отношенію къ владѣнію которыми пользовалось оно, на основаніи жалованныхъ грамотъ, весьма обширными правами и привиллегіями. Изъ числа этихъ привиллегій особенное вниманіе обращаетъ на себя *право вотчиннаго суда*, т. е. право собственнаго суда по отношенію ко всѣмъ лицамъ, живущимъ въ этихъ вотчинахъ; изъ права вотчиннаго суда обыкновенно исключался лишь судъ наиболѣе значительныхъ уголовныхъ преступленій, именно судъ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, который оставался въ вѣданіи правительственныхъ судей или-же, позже, губныхъ учрежденій. Въ предѣлахъ предоставленной ему сферы управленія и вотчиннаго суда, духовенство руководствовалось общими нормами права, тѣми-же нормами права, которыми руководствовались и гражданскіе правители и судьи (³). Отсюда слѣдуетъ, что эти общія нормы права

(¹) *Баронъ Розенкампфъ*: «Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ», М. 1829 г. См. стр. 203 и слѣд. (по второй нумераціи), подъ литерою *Р*. Также: *Калачовъ*: «О значеніи Кормчей и пр.», приложеніе I.

(²) Хотя встрѣчаются въ Кормчихъ и прибавленія чисто литературнаго свойства.

(³) Это ясно усматривается изъ уставныхъ грамотъ и наказовъ, издаваемыхъ духовенствомъ и монастырями для управленія вотчинами ихъ

должны были быть извѣстны духовенству. Съ другой стороны—духовенство не могло игнорировать и знанія нормъ *права и процесси уголовнаго*, какъ для того, что-бы умѣть отграничить сферу предоставленнаго ему уголовнаго суда отъ сферы уголовнаго суда изъятаго изъ его вѣдомства, такъ и для того, что-бы отправлять предоставленный ему уголовный судъ (1). Далѣе духовенству необходимо было знаніе нормъ вырабатываемыхъ свѣтскою законодательною властью и для участія въ *судѣ смѣсномъ*, судѣ отправляемомъ совмѣстно органами правительственной и вотчинной судебныхъ властей, что имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одномъ дѣлѣ смѣшивалась подсудность обѣимъ этимъ судебнымъ властямъ. Требовалось духовенству знаніе нормъ свѣтскаго права и для отправленія *третейскаго суда* по отношенію къ лицамъ и не подлежавшимъ вѣдомству его но которыя, изъ уваженія къ высотѣ призванія ихъ,—выбирали духовныхъ лицъ посредниками въ тяжбахъ своихъ (2). Особенно необходимо стало духовенству слѣдить за развитіемъ свѣтскаго законодательства съ тѣхъ поръ, какъ появились въ Московскомъ государствѣ попытки законодательства къ ограниченію широкихъ правъ духовенства и, въ частности, къ *ограниченію вотчинныхъ правъ его:* безъ знанія свѣтскихъ законовъ оно не было-бы въ состояніи опредѣлять въ данный моментъ сферу правъ своихъ и свои отношенія къ свѣтской власти. Наконецъ духовенство должно было заботиться о томъ что бы знать нормы права, управленія, и вообще знать всѣ многоразличныя стороны государственной и общественной жизни,—уже въ силу того высокаго положенія и *государственнаго значенія*, которымъ пользовалось оно въ

(напр. А. А. Э. I. №№ II, 221, 255, 258, 268, 348, 351. 357 и др.) Равнымъ образомъ и Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что духовенство и монастыри вѣдаютъ крестьянъ своихъ «противъ тогожъ, какъ вѣдаютъ въ Царскомъ Дому его крестьянъ во всякихъ дѣлахъ и податѣхъ кромѣ разбойныхъ и иныхъ великихъ уголовныхъ дѣлъ» (См. *Калачова* «О значеніи Кормчей книги въ системѣ др. рус. права». примѣч. 10 на стр. 34—35).

(1) *Калачовъ*: «О значеніи Кормчей и пр.». стр. 5—7.

(2) *Неволинъ*: «О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго» (VI т. Полн. Собр. Сочин.), стр. 334.

древней Руси (1). Съ духовенствомъ совѣтовались государи о всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и о дѣлахъ законодательныхъ; духовенство призвано было царемъ въ 1551 году для устройства внутренняго порядка жизни русскаго общества; при участіи духовенства получили санкцію Судебникъ 1550 г. и уставныя грамоты, предоставлявшія общинамъ самоуправленіе; при участіи духовенства приступлено было въ 1648 году къ составленію Уложенія; наконецъ совѣтоваться о всякаго рода дѣлахъ съ высшими представителями духовенства рекомендовалось правительствомъ и областнымъ воеводамъ (2). Для каждаго должно быть ясно и очевидно, что изложенныя выше права духовенства, въ связи съ политическимъ значеніемъ его,—требовали отъ представителей духовенства глубокаго, основательнаго знанія нормъ всѣхъ сферъ права. Понятно теперь почему духовенство, наряду съ чисто церковными, кононическими опредѣленіями,—*заносить въ Кормчія книги, равно какъ и въ другіе духовные сборники свои, и постановленія свѣтскаго законодательства* (3): послѣднія, наряду съ первыми, необходимы были имъ для цѣлей практической дѣятельности. Русская наука много обязана древнему духовенству нашему за занесеніе въ церковные сборники памятниковъ изданныхъ совѣтскою законодательною властью: этимъ путемъ сохранены для нее важнѣйшіе памятники древне-русскаго права (4). При отсутствіи книгопечатанія, при раздробленности русской земли на удѣлы, при постоянныхъ усобицахъ князей, при отсутствіи, наконецъ, до конца XV вѣка всякихъ признаковъ правительственной кодификаціонной дѣятельности—понятнымъ становится то, что дополненныя такимъ образомъ

(1) *Калачовъ*: «О значеніи Кормчей и пр», стр. 5, 7. *Неволинъ*: «О пространствѣ церковнаго суда и пр.», стр. 322—323.

(2) Такъ, при отправленіи въ 1555 г. въ Казань *архіепископа Гурія*, велѣно ему слѣдить за дѣятельностью мѣстныхъ воеводъ, дѣлать имъ выговоры и указанія и доносить царю о нерадѣніи ихъ къ дѣламъ. Воеводамъ предписывается вмѣстѣ съ тѣмъ почитать архіепископа и совѣтоваться съ нимъ «о всякихъ Государскихъ дѣлахъ». (А. А. Э. I № 241).

(3) *Калачовъ*: «О значеніи Кормчей и пр.», стр. 7—8.

(4) Ibidem, примѣчаніе 19, на стр. 48.

Кормчія должны были получить важное практическое, жизненное, значеніе не только для духовенства, но и для свѣтскихъ властей, и для частныхъ лицъ. Можно безъ всякой натяжки допустить что Кормчія съ русскими дополненіями (именно номоканонъ въ XIV титулахъ до митр. Кирилла II и Кормчія софійской фамиліи послѣ него) восполняли вплоть до конца XV вѣка отсутствіе законодательныхъ сборниковъ, пользуясь значеніемъ кодексовъ права какъ церковнаго, такъ и свѣтскаго. Этимъ обстоятельствомъ весьма просто объясняется тотъ несомнѣнный фактъ, что Кормчія съ русскими дополненіями пользовались несравненно большею распространенностью сравнительно съ Кормчими, сохранившими первоначальную, не-русскую редакцію свою (т. е. номоканономъ І. Схолостика до, и кормчими рязанской фамиліи послѣ Кирилла II). Важное значеніе Кормчихъ книгъ для юридическаго быта древней Руси заключалось и въ томъ наконецъ, что на основаніи церковныхъ правилъ и постановленій византійскихъ императоровъ *опредѣлялись весьма многія стороны и отношенія частной гражданской жизни* которыя, съ принятіемъ русскою землею христіанства, стали подвѣдомственны духовной власти и церковному суду. Еще великіе князья Владиміръ и Ярославъ „разверзше грецскый Номоканонъ“ убѣждаются въ томъ, что существуетъ цѣлый кругъ дѣлъ „оже не подобно. . . . судити князю, ни бояромъ, ни судьямъ“,—и предоставляютъ всѣ эти дѣла суду церковному (1). Сфера этого церковнаго суда и вѣдомства была весьма обширна, обнимая собою, кромѣ дѣлъ чисто церковныхъ,—дѣла благотворительности, дѣла по защитѣ лицъ требовавшихъ особаго покровительства (рабы, убогіе, сироты, вдовы), отношенія союза брачнаго, семейнаго, родственнаго, и права наслѣдственнаго; далѣе церковному суду подлежалъ цѣлый кругъ преступленій противъ вѣры (богохульство, отступничество, ересь, волшебство, святотатство и др.), преступленія противъ нравственности, противъ союза брачнаго и семейнаго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ преступленія противъ жизни (напр. дѣтоубійство), личныя обиды (напр.

(1) *Владимірскій—Будановъ:* «Христоматія по исторіи русскаго права», вып. I. Яросл. 1872 г., стр. 217. (примѣч. 3) и 222.

обиды въ предѣлахъ семейнаго союза) и нѣкоторыя др. ([1]). Очевидно, что большинство этихъ предметовъ церковнаго вѣдомства слишкомъ близко соприкасались съ сферою частной жизни, слишкомъ глубоко затрогивали ея интересы, что-бы игнорироваться частными лицами,—а это ведетъ къ тому положенію, что Кормчія книги, и помимо заключавшихся въ нихъ русскихъ законодательныхъ опредѣленій, должны были имѣть крайне важное значеніе для юридическаго быта и списываться частными лицами въ качествѣ сборниковъ *дѣйствующаго права*.

Мы видѣли, что Кормчая книга имѣла важное юридическое значеніе для духовенства и для частнаго гражданскаго быта. Сейчасъ увидимъ мы, что не меньшимъ юридическимъ значеніемъ пользовалось она и для органовъ свѣтской власти.

Юридическое значеніе Кормчей книги для представителей свѣтской власти проистекало изъ того, что она заключала въ себѣ *градскіе законы*, т. е. свѣтскія постановленія византійскихъ императоровъ, а эти градскіе законы въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользовались силою дѣйствующаго права ([2]). Съ самаго принятія русскою землею христіанства, начинается, подъ вліяніемъ пришлаго греческаго духовенства, а затѣмъ и воспитаннаго въ духѣ византизма русскаго духовенства,—воздѣйствіе на русскую юридическую жизнь греко-римскихъ правовыхъ началъ; это воздѣйстіе выражается преимущественно въ области уголовнаго права. Христіанская вѣра и греческое духовенство застали русскій народъ далеко не на томъ уравнѣ правоваго быта и міросозерцанія, на какомъ находились тѣ источники, руководствоваться которыми приходилось духовенству въ дѣятельности его; слѣдовательно ему предстояла трудная и щекотливая задача—поднять народъ до уровня тѣхъ источниковъ византійскаго церковнаго и свѣтскаго права, которыя принесло оно ему въ

([1]) Многія изъ этихъ дѣлъ подлежали церковному суду и въ Московскомъ государствѣ, какъ выясняетъ это *Неволинъ* («О пространствѣ церк. суда въ Россіи до Петра Великаго», стр. 322—363).

([2]) *Калачовъ*: «О значеніи Кормчей и пр.», стр. 1; *Бар. Розенкампфъ* «Обозрѣніе Кормчей книги и пр.», стр. 100 (изд. 1829 г.); *Карамзинъ*: «Исторія Государства Россійскаго», т. III (изд. 6); примѣч. 156.

руководство. Въ этихъ видахъ весьма рано начинаетъ духовенство убѣждать князей въ необходимости отмѣны тѣхъ или другихъ правовыхъ отношеній и институтовъ, несогласныхъ съ проводимыми имъ началами и, съ другой стороны, убѣждать ихъ въ необходимости введенія тѣхъ или другихъ нормъ византійскаго права ([1]). Такъ, обще-извѣстенъ разсказъ передаваемый намъ лѣтописцами о томъ, какъ епископы убѣждали Владиміра Св. казнить разбойниковъ, результатомъ чего должна была явиться отмѣна денежныхъ виръ за этотъ виръ преступнаго дѣйствія. Любопытное свидѣтельство соединенія древнерусской системы денежныхъ пеней съ византійскими наказаніями представляетъ намъ церковный уставъ Св. Владиміра, гдѣ, по преступленіямъ подвѣдомственнымъ духовному суду, опредѣляется извѣстнаго размѣра денежная пеня и вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляется „а князь казнитъ"; врядъ-ли возможно сомнѣваться въ томъ, что родъ этой княжеской казни (подъ которою не слѣдуетъ понимать исключительно смертную казнь) опредѣлялся ничѣмъ инымъ, какъ градскими законами ([2]). Но сила русскаго народнаго права, сила національнаго юридическаго быта—не легко поддавалась вліянію византійскаго права; отсюда тотъ дуализмъ, та борьба византизма съ русско-славянскимъ обычнымъ правомъ, которая проходитъ через весь древній періодъ исторіи русскаго права и ясные слѣды которой замѣчаются въ самомъ ходѣ развитія русскаго законодательства. Но борьба эта не была безуспѣшна для византизма, которому мало по малу удавалось проводить въ дѣйствительную жизнь свои начала; эти начала, нерѣдко измѣненныя, переработанныя сравнительно съ первообразомъ своимъ ([3]), принимались, усвоивались юридическою жизнью и, наконецъ, получали санкцію въ памятникахъ свѣтскаго законодательства. Такъ Уложеніе и новоуказныя статьи отражаютъ уже въ себѣ несомнѣнные и явные слѣды вліянія Кормчей книги, а черезъ нее и византійскихъ правовыхъ началъ. Мы уже знаемъ, что подлинный свитокъ Уложенія заключаетъ въ себѣ указанія на заимствованіе извѣстныхъ статей изъ Кормчей кни-

(1) *Калачовъ*: «О значеніи Кормчей и пр.», стр. 9.

(2) *Неволинъ:* «О пространствѣ церк. суда и пр.», стр. 301.

(3) *Калачовъ*: «О значеніи Кормчей и пр.», примѣч. 23 на стр. 61.

ги; равнымъ образомъ и во многихъ новоуказныхъ статьяхъ находимъ мы ссылки на градскіе законы, какъ на дѣйствующіе источники права (1).

До насъ дошли наконецъ любопытные *примѣры практическаго примѣненія градскихъ законовъ къ сферѣ свѣтскаго суда*. Такъ въ письмѣ митрополита Геронтія къ новгородскому архіепископу Геннадію (конца XV вѣка), въ которомъ митрополитъ указываетъ послѣднему образъ дѣйствія по отношенію къ лицамъ прикосновеннымъ къ ереси жидовствующихъ, архіепископу предписывается побудить виновныхъ къ покаянію: „... а не покаются, пишетъ митрополитъ, и ты ихъ пошли къ намѣстникамъ великаго князя, и они ихъ тамо велятъ казнити *градскою казнью* по великаго князя наказу, *какъ писано въ Царскихъ правилахъ* (т. е. постановленіяхъ византійскихъ императоровъ)", и затѣмъ далѣе говорится про виновныхъ вообще: „... и которые дойдутъ духовные казни, и ты ихъ духовнѣ казни; а которые дойдутъ *градскія казни*, ино тѣхъ намѣстники казнятъ" (2). Ясно, что въ данномъ случаѣ представляется прекрасный примѣръ практическаго примѣненія гражданскими судьями градскихъ законовъ, а слѣдовательно и заключающей ихъ Кормчей книги. Существуетъ наконецъ указаніе на то, что царь Алексѣй Михаиловичъ, сдѣлавъ выписки изъ помѣщенныхъ въ Кормчей книги византійскихъ источниковъ права, велѣлъ въ 1654 году разослать ихъ по областямъ для руководства воеводамъ при уголовной юрисдикціи ихъ (3).

Изъ всего изложеннаго нами не трудно уже прійти къ тому убѣжденію, что Кормчая Книга пользовалась весьма важнымъ значеніемъ въ юридической жизни не только древнѣйшей Руси, но отчасти и въ юридической жизни Московскаго государства, почему она не только можетъ, но и

---

(1) Наприм. П. Собр. Законовъ. I; № 441 (статьи: 28, 34, 41, 67, 79 и др.); № 527 («... и тѣмъ приводнымъ людемъ ... указъ чинить въ тѣхъ городѣхъ воеводамъ, и сыщикомъ, и губнымъ старостамъ, по Уложенью *и по градскимъ законамъ* и по новымъ статьямъ, кто чего доведется») и др.

(2) *Карамзинъ*: «Ист. Гос. Рос.», т. VI, примѣч 324.

(3) *Бар. Розенкампфъ*: «Обозрѣніе Кормчей книги и пр.», стр. 106.

должна быть причисляема къ числу источниковъ права послѣдняго.

Въ виду практическаго значенія многихъ статей, включенныхъ въ различныхъ спискахъ Кормчихъ книгъ, обращавшихся въ древней Россіи,—весьма естественною являлась потребность въ сводной Кормчей книгѣ, въ которой было-бы соединено изъ отдѣльныхъ списковъ все то, что имѣло жизненное значеніе. И дѣйствительно, существуютъ основанія полагать, что въ древней Руси мало по малу *вырабатывался матеріалъ для составленія русскаго номоканона* въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ которомъ, кромѣ имѣвшихъ практическое примѣненіе частей греческаго номоканона,—были-бы также изложены постановленія русскихъ Отцевъ церкви и русскихъ соборовъ, паралельно съ опредѣленіями свѣтскаго законодательства. Баронъ Розенкампфъ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи весьма вѣскія соображенія въ пользу подобнаго предположенія. Изъ числа ихъ укажемъ мы на *списокъ Сводной Кормчей*, сообщенный бар. Роземкампфу вологодскимъ купцемъ *И. П. Лаптевымъ*, составленный при *митрополитѣ Макаріѣ* (извѣстномъ дѣятелѣ Стоглаваго Собора) на основаніи многихъ собранныхъ списковъ Кормчихъ книгъ. Въ этомъ спискѣ порядокъ и количество правилъ тѣже, какія находятся въ другихъ спискахъ, но здѣсь отличіе въ томъ, что въ этой Кормчей встрѣчаются нѣкоторыя статьи въ двухъ и даже трехъ переводахъ, притомъ съ различными толкованіями и соотвѣтствующими содержанію выписками изъ опредѣленій соборовъ и другихъ правилъ Св. Отцевъ и, сверхъ того, значительное количество русскихъ статей. Баронъ Роземкампфъ смотритъ и на самый Стоглавъ какъ на сборникъ матеріала который, при другихъ обстоятельствахъ, могъ-бы послужить къ образованію русскаго номоканона (¹). Не смотря на всѣ указанныя обстоятельства—къ изданію печатной Кормчей не было приступаемо до половины XVII вѣка.

(¹) *Баронъ Розенкампфъ*: «Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ». М. 1829 г., стр. 14—15, 83—85. *Ил. Б.—въ*: «Объ историческомъ значеніи дѣяній Московскаго собора 1551 года». Рус. Бесѣда, 1858 г., IV. стр. 3. *Калачовъ*: «О значеніи Кормчей и пр.», примѣч. 53, на стр. 116—117.

Къ *печатному изданію Кормчей книги* впервые приступлено было въ началѣ 1650 года, въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича и при *митрополитѣ* Московскомъ и всея Руси—*Іосифѣ*. Въ виду значительнаго количества находившихся въ обращеніи списковъ Кормчей, прежде всего необходимо было избрать изъ числа ихъ наиболѣе вѣрный и практически полезный, съ котораго можно было-бы приступить къ самому печатанію. Для этой цѣли митрополитомъ Іосифомъ приняты были мѣры къ собранію и сличенію возможно большаго количества списковъ. Не смотря на бóльшую полноту и на бóльшую распространенность списковъ Кормчихъ софійской фамиліи, выборъ митрополита Іосифа палъ на одинъ изъ списковъ Кормчихъ *рязанской фамиліи*, которыя, какъ мы знаемъ, представляли изъ себя толкованія Аристина на сокращенный номоканонъ (синопсисъ) патріарха Фотія, совершенно не заключали въ себѣ статей русскаго добавленія и, къ тому же, пользовались несравненно меньшею распространенностью сравнительно съ списками первой фамиліи. Избранный патріархомъ списокъ имѣлъ за собою то преимущество, что онъ, будучи сличенъ съ старинною Кормчею принадлежавшею Іерусалимскому *патріарху Паисію*,—находившемуся въ то время въ Москвѣ,—оказался съ нимъ вполнѣ тожественнымъ (¹).

7 Ноября 1650 года приступлено было къ печатанію Кормчей съ избраннаго такимъ образомъ списка рязанской фамиліи, и черезъ семь мѣсяцевъ и двадцать три дня, именно къ 1 Іюля того-же 1650 года (такъ какъ годъ начинался въ ту эпоху съ 1 Сентября), печатаніе было уже совершенно окончено (²). Изданіе Кормчей было уже почти два года окончено, но экземпляры ея не успѣли еще распространиться—когда скончался патріархъ Іосифъ. Преемникъ

(¹) Свѣдѣнія относительно исторіи печатанія Кормчей книги почерпаются изъ самаго памятника этого, именно изъ главы: «Описаніе книгѣ сей, глаголемѣй Кормчѣй, и къ любезнымъ читателемъ», помѣщенной третьею съ конца Кормчей.

(²) *Неволинъ*: «О собраніяхъ и ученомъ обработываніи церковныхъ законовъ въ Греціи и въ Россіи» (VI т. Полн. Собр. Сочин.). стр. 420. Здѣсь-же указываются и труды, въ которыхъ сличается Іосифская Кормчая съ исправленною Кормчею патр. Никона.

Іосифа, *патріархъ Никонъ*, счелъ нужнымъ созвать въ 1652 г. соборъ для пересмотра отпечатанной Кормчей и, найдя въ ней многія погрѣшности и неисправности, приступилъ къ исправленію изданія. Исправленіе заключалось въ томъ, что нѣкоторые листы Кормчей были выдраны и уничтожены съ замѣною ихъ другими, а отчасти были вставлены и листы совершенно новые, содержавшіе въ себѣ статьи которыхъ не было въ Іосифскихъ экземплярахъ. Экземпляры исправленной такимъ образомъ Кормчей книги, въ количествѣ 1200, были 15 Іюня 1653 г. разосланы по церквамъ для практическаго пользованія.

Экземплярамъ неисправленной Іосифской Кормчей удалось попасть въ свѣтъ лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, почему они составляютъ въ наши дни большую библіографическую рѣдкость и встрѣчаются преимущественно у раскольниковъ, въ средѣ которыхъ Іосифская Кормчая, по весьма понятнымъ причинамъ, пользуется большимъ почитаніемъ. Въ 1785 или 1786 г. Іосифская Кормчая была перепечатана раскольниками въ Варшавѣ (1). Что касается исправленной Никоновской Кормчей—то она неоднократно перепечатывалась въ Москвѣ,—но уже съ нѣкоторыми, весьма впрочемъ незначительными и несущественными, измѣненіями сравнительно съ первымъ изданіемъ 1653 года (2).

Врядъ-ли умѣстнымъ и сообразнымъ съ задачею настоящаго труда явилось-бы сухое перечисленіе нами подробнаго содержанія Кормчей книги въ полномъ составѣ ея,— такъ какъ подобная задача, относясь къ сферѣ чистаго канонического права, является мало полезною для цѣлей настоящаго труда (3). Считаемъ возможнымъ ограничиться общимъ и краткимъ обзоромъ системы содержанія Кормчей книги.

---

(1) *Неволинъ*: «О собраніяхъ и ученомъ обработываніи церковныхъ законовъ въ Греціи и въ Россіи», стр. 421. *Баронъ Розенкампфъ* не признаетъ факта вторичнаго изданія Іосифской Кормчей *въ Варшавѣ*, хотя и признаетъ самый фактъ перепечатанія ея въ 1786 году («Обозрѣніе Кормчей книги и пр.», стр. 89, сноска).

(2) *Неволинъ*: «О собраніяхъ и ученомъ обработываніи и пр.», стр. 421.

(3) Желающіе ближе ознакомиться съ подробнымъ содержаніемъ Кормчей книги,—могутъ сдѣлать это, просмотрѣвъ печатный экземпляръ ея, или-же

Печатная Кормчая книга распадается на двѣ части, заключающія въ себѣ 70 отдѣльныхъ главъ. Сверхъ того находимъ мы по нѣсколько статей въ началѣ и въ концѣ книги, носящихъ характеръ, первыя—введенія, послѣднія—послѣсловія или заключенія.

Введеніе составляютъ слѣдующія статьи:

1) Исторія раздѣленія восточной и западной церквей; исторія введенія въ русской землѣ христіансгва и краткій очеркъ возникновенія русской церкви и учрежденія патріаршества.

2) Краткая исторія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ.

3) Краткій конспектъ Фотіева номоканона, содержащій въ себѣ лишь простыя указанія на числа каноновъ, безъ изложенія самаго текста правилъ.

Первая часть Кормчей книги (главы I—XLI) заключаетъ въ себѣ правила: a) Св. Апостоловъ, b) Св. Отцевъ Церкви c) Вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ.

Вторяя часть (главы XLI—LXX) заключаетъ въ себѣ: a) Законы византійскихъ императоровъ (изъ новеллъ Юстиніана и Алексѣя Комнина, законъ судный царя Константина, законы императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима и законъ градскій или Прохейронъ Василія Македонянина), b) Правила Св. Отцевъ Церкви, не вошедшія въ первую часть и c) Извлеченія изъ пятикнижія Моисеева.

Послѣсловіе заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи:

1) Описаніе Кормчей книги и исторія ея изданія въ 1650—1653 г.

2) Жалованная грамота Константина Великаго папѣ римскому Сильвестру и

3) Вторичное повѣствованіе о раздѣленіи восточной и западной церквей.

почерпнуть требуемыя свѣдѣнія изъ труда *барона Розенкампфа*: «Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ» и изъ краткаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно яснаго, изслѣдованія *Неволина*: «О собраніяхъ и ученомъ обработываніи церковныхъ законовъ въ Греціи и въ Россіи».

Въ такихъ чертахъ представляется намъ общая система содержанія печатной Кормчей книги [1].

Мы закончили изложеніе внѣшней исторіи права Московскаго государства. Сдѣлаемъ попытку подвести общій итогъ всему сказанному нами до сихъ поръ, оглянувшись и присмотрѣвшись къ историческому ходу развитія до-Петровскаго законодательства нашего.

Что представляетъ оно взору наблюдателя?

Въ началѣ XI вѣка издается Ярославомъ I *Русская Правда*—первый законодательный сборникъ русской земли, которому суждено было послужить краеугольнымъ камнемъ послѣдующаго развитія законодательства ея. Эта Русская Правда, изданная Ярославомъ, представляетъ изъ себя ничто иное какъ краткій сборникъ записанныхъ нормъ обычнаго права русскихъ славянъ. Слѣдовательно этотъ памятникъ представляется въ полномъ смыслѣ слова національнымъ, выработаннымъ самою жизнью; всѣ старинныя предположенія и толки о заимствованіи его отъ чуждыхъ намъ по крови и по духу національностей—не могутъ пользоваться уже правомъ гражданства при современномъ состояніи русской науки. Русская Правда постепенно увеличивается въ своемъ объемѣ, постепенно распространяется вслѣдствіе

---

[1] Труды посвященные изслѣдованію Кормчей книги, или-же болѣе или менѣе подробнымъ образомъ затрогивающіе вопросъ объ ней: *Митрополитъ Евгеній*: «Описаніе Кіево-Софійскаго собора», Кіевъ, 1825 г. Прилож. № 42, стр. 235. *Его-же*: «Словарь писателей духовнаго чина» (подъ словомъ «Кипріанъ») Спб., 1818 и 1827 гг. *Баронъ Розенкампфъ*: «Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ», М. 1829 г.; второе изданія—Спб., 1839 г. *Проф. Н. Крыловъ*: «Объ историческомъ значеніи римскаго права въ области наукъ юридическихъ» (рѣчь, М. 1838 г.) стр. 52 и слѣд. *Н. Калачовъ*: «О значеніи Кормчей книги въ системѣ др. русскаго права», Чтенія въ М. Общ. Ист. и Др. за 1847 г., кн. 3 и 4; отдѣльно М. 1850. *Неизвѣстнаго автора*: «О первоначальномъ составѣ славянской Кормчей книги» (христ. Чтенія за 1851 г., т. 1). *Преосвященный Макарій*: «Исторія русской церкви», т. I и V. *Неволинъ*: «О собраніяхъ и ученомъ обработываніи церк. законовъ въ Греціи и въ Россіи» (Собр. сочиненій, т. VI. Спб. 1859 г.). *А. Павловъ*: «Первоначальный славяно-русскій номоканонъ», Каз. 1869 г.

приписки къ ней, отчасти, и притомъ въ большинствѣ случаевъ, вновь записываемыхъ нормъ обычнаго права, а отчасти и княжескихъ постановленій, опять таки не могущихъ идти въ разрѣзъ съ народнымъ обычнымъ правомъ и установившимся строемъ правоваго быта, такъ какъ они издаются при участіи представителей изъ среды земщины.

Между тѣмъ законодательная власть не обнаруживаетъ никакихъ стремленій къ кодификаціи накопляющагося такимъ путемъ законодательнаго матеріала,—и эта потребность восполняется духовенствомъ, которое заноситъ постановленія свѣтской законодательной власти въ церковные сборники свои и, главнымъ образомъ, въ Кормчія.

Лишь къ концу XV вѣка возникаютъ въ русской землѣ болѣе или менѣе полные областные сборники важнѣйшихъ законодательныхъ опредѣленій. Но это внезапное пробужденіе въ русскихъ областяхъ усиленной законодательной дѣятельности не случайно: оно стоитъ въ тѣсной связи съ развивающеюся централизаціонною дѣятельностью Московскаго великаго княженія. Самостоятельныя еще русскія области, видя грозное превосходство силъ Москвы, предвидятъ близкое паденіе своей самостоятельности и, опасаясь что Москва, нанеся ударъ послѣдней, заставитъ ихъ предать забвенію ихъ „пошлины", ихъ изстаринныя, мѣстныя, права—спѣшатъ закрѣпить память объ нихъ письменностью, спѣшатъ составить сборники областныхъ правъ своихъ. Таково происхожденіе *Псковской и Новгородской Судныхъ Грамотъ*, таково было, по всей вѣроятности, и происхожденіе областныхъ сборниковъ Рязанскихъ и Ростовскихъ законовъ, не дошедшихъ, къ несчастью, до нашихъ дней—но которые видѣлъ еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія извѣстный историкъ нашъ Татищевъ.

Вскорѣ Московское великое княженіе закончило историческое призваніе свое и, уничтоживъ самостоятельность отдѣльныхъ областей русскихъ, слилось вмѣстѣ съ ними въ единое Московское государство. Этому Московскому государству предстояла трудная задача дать единство бывшимъ до тѣхъ поръ самостоятельными областямъ русскимъ, дать имъ равныя нормы суда и права, сгладивъ областныя особенности, партикулярные оттѣнки ихъ. Что-же предприняло Московское государство для того, чтобы достигнуть единства суда и права во всѣхъ отдѣльныхъ составныхъ

частяхъ своихъ? Оно не навязало имъ нормъ, выработанныхъ предшествовавшею собственною жизнью своею; оно не заимствовало этихъ нормъ извнѣ; оно не сочинило для нихъ и новыхъ законодательныхъ нормъ—и поступило въ данномъ случаѣ весьма мудро. Московское государство сознавало что подпавшія подъ власть его области составляютъ и въ этнографическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ, нераздѣльныя части одного великаго тѣла—русскаго народа, части проникнутыя одними и тѣми-же духовными началами; оно сознавало что самыя партикулярныя черты областныхъ правъ русскихъ не глубоко вкоренились въ основу юридическаго быта ихъ. Въ силу этого, создавая первый законодательный сборникъ свой—*Судебникъ 1497 года*, Московское законодательство не внесло въ него новыхъ началъ, но составило его соображаясь съ нормами правъ всѣхъ подвластныхъ ему областей, бывшихъ прежде самостоятельными въ политическомъ отношеніи единицами. Мы уже знаемъ, что въ этотъ Судебникъ входитъ и Русская Правда, и Новгородская Судная Грамота, и Псковская Судная Грамота (¹), и предшествовавшія грамоты, въ которыхъ выразилось уже собственно Московское развитіе законодательства.

Такимъ образомъ первый законодательный сборникъ Московскаго государства есть ничто иное, какъ итогъ предшествовавшаго развитія законодательства всей земли русской, ничто иное какъ фокусъ, въ которомъ соединились партикулярныя права областей русскихъ и, преломившись, продолжаютъ дальнѣйшее развитіе свое уже въ одномъ общемъ направленіи.

Второй законодательный сборникъ Московскаго государства,—*Судебникъ 1550 года*,—есть только исправленіе перваго Судебника сообразно требованіямъ развившейся правовой жизни, слѣдовательно и онъ не могъ помрачить чистоту строго-національнаго развитія русскаго права. Тоже

(¹) Хотя въ эпоху изданія Судебника 1497 г. Псковъ и не былъ еще присоединенъ къ Москвѣ въ собственномъ смыслѣ слова.—но de facto вел. кн. Московскіе считали его уже составною частью своихъ владѣній; в. к. Іоаннъ III въ 1499 г. называетъ сына своего «государемъ вел. княземъ Новгорода и Пскова».

должно сказать и *о дополнительныхъ къ нему указахъ*, которые, какъ мы видѣли, стойко держались на почвѣ народнаго обычнаго права.

Въ 1649 году появляется наконецъ третій законодательный сборникъ Московскаго государства—*Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича*. Мы видѣли что и въ этотъ памятникъ не вошло нечего иноземнаго, ничего вредящаго національному характеру развитія русскаго законодательства. Правда, въ него вошли нѣкоторыя постановленія (24 статьи) изъ Кормчей книги, именно изъ такъ называемыхъ градскихъ законовъ,—но этотъ источникъ, въ силу пятисотлѣтняго примѣненія его къ русской жизни, притомъ источникъ касающійся исключительно почти опредѣленій уголовныхъ наказаній,—не могъ уже казаться чуждымъ русскому человѣку половины XVII вѣка. Правда, въ него вошли нѣкоторыя постановленія изъ Литовскаго Статута (56 статей), но самый Литовскій Статутъ, какъ мы раньше видѣли, представляетъ собою отголосокъ древне-русскаго обычнаго права, обычнаго права эпохи Русской Правды. Если мы и допустимъ даже предположеніе, что въ Уложеніе могли вкрасться нѣкоторыя чуждыя русской жизни начала,—то они во всякомъ случаѣ не могли быть значительны, они во всякомъ случаѣ терялись, поглощались, въ огромной массѣ началъ чисто русскихъ, переданныхъ Судебниками и дополнительными къ нимъ узаконеніями.

Что касается *новоуказныхъ статей*, то онѣ уже потому не могли вносить ничего новаго въ строй русской правовой жизни—что онѣ возникали главнымъ образомъ путемъ практики, что проводимыя ими начала указывались самою жизнью.

Такимъ образомъ обзоръ внѣшней исторіи до-Петровскаго права приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что это право *возникло и развилось на строго національныхъ началахъ*, не измѣняя имъ отъ самаго изданія Ярославомъ семнадцати статей записанныхъ имъ нормъ обычнаго права (Русская Правда первоначальной редакціи) и вплоть до конца эпохи новоуказныхъ статей. Начиная съ конца XVII вѣка, длинная генетическая цѣпь связываетъ между собою всѣ памятники нашего законодательства, теряясь въ глубинѣ вѣковъ предшествующихъ древнѣйшимъ историческимъ

извѣстіямъ,—вѣковъ закрытыхъ для самаго пытливаго изслѣдованія.

Въ царствованіе Петра I впервые порывается до нѣкоторой степени эта генетическая связь: въ русское законодательство проникаютъ многія начала совершенно чуждыя русской жизни, начала заимствованныя изъ жизни западно-европейской. Мы сказали „порывается до нѣкоторой степени“, такъ какъ Уложеніе и новоуказныя статьи продолжаютъ сохранять обязательную силу и послѣ эпохи реформъ Петра I. Памятники эти продолжали лежать въ основѣ русскаго законодательства вплоть до изданія въ 1833 году Свода Законовъ Россійской Имперіи. Сводъ Законовъ, какъ нѣкогда и само Уложеніе, поглотилъ въ себѣ всѣ предшествовавшіе ему памятники законодательства,—а въ числѣ послѣднихъ Уложеніе и новоуказныя статьи. Такимъ образомъ Московское законодательство, отразившись въ Сводѣ Законовъ, во многихъ частяхъ своихъ и до нашихъ дней продолжаетъ пользоваться силою дѣйствующаго права. Дѣйствительно, разсматривая отдѣльныя части Свода Законовъ (напримѣръ первую часть X тома), въ сноскахъ указывающихъ на источники, изъ которыхъ заимствована та или другая статья, весьма часто можемъ мы встрѣтить ссылки на Уложеніе 1649 года и на различныя новоуказныя статьи—и онѣ ясно докажутъ намъ, что многія опредѣленія этихъ памятниковъ и до нашихъ дней живутъ въ русскомъ законодательствѣ, а черезъ ихъ посредство и правовыя начала выраженныя еще въ памятникахъ древнѣйшаго, до-Московскаго, законодательства. Такимъ образомъ и до нашихъ временъ далеко не вполнѣ порвалась еще генетическая цѣпь, связывающая между собою памятники древняго законодательства нашего.

Если при современномъ состояніи науки исторіи русскаго права и не вполнѣ ясною представляется съ перваго взгляда связь между современною системою права и древнѣйшими памятниками нашего законодательства—то это легко извиняется неразработанностью этой юной науки, которая едва лишь начинаетъ затрогивать новый, послѣ-Петровскій періодъ русской жизни, которая и въ предѣлахъ до-Петровскихъ періодовъ не вполнѣ освободилась еще изъ узкихъ рамокъ внѣшней исторіи права и исторіи государственнаго устройства и управленія.

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРІЯ ПРАВА.

ЧАСТЬ I.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА.

Книга первая.

О ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

I.

СУЩЕСТВО И ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦІИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Характеръ Верховной власти въ Московскомъ государствѣ.—Законодательная, исполнительная и судебная власть государей Московскихъ.—Отношеніе Московскихъ государей къ церкви.—Отношеніе Московскихъ государей къ земскимъ соборамъ и къ Думѣ Боярской.—Отношеніе Верховной власти къ боярамъ.—Преемство Верховной власти въ Московскомъ государствѣ.—Постепенное установленіе начала преемства престола въ порядкѣ нисходящаго первородства.—Назначеніе преемника самимъ государемъ.—Избраніе государя волею земли.—Порядокъ вступленія государей на престолъ.—Благословеніе преемника на царство умирающимъ государемъ.—Опредѣленіе момента вступленія государя въ права верховной власти.—Вѣрноподданическая присяга (подкрестныя записи)—Утверженныя грамоты.—Обрядъ посаженія и вѣнчанія государей.—Учрежденіе правительства при малолѣтнихъ государяхъ.—Организація правительства въ эпохи междуцарствія.

Во второй главѣ введенія къ настоящему труду разсмотрѣли мы уже, при содѣйствіи какихъ условій и историческихъ факторовъ завершилось дѣло централизаціи русской земли и преобразованія удѣльно—вѣчевой Руси въ единодержавное государство, съ самодержавнымъ и вполнѣ неограниченнымъ монархомъ во главѣ. Обратимся въ настоящее

время къ изслѣдованію **характера** и **сущности** **верховной власти** въ Московскомъ государствѣ.

Московскій государь, какъ монархъ власть котораго основывается на Божественной Волѣ, какъ представитель Божественной Воли на землѣ—обладаетъ полною, самодержавною и ничѣмъ неограниченною государственною властью. Въ силу этого—ему одному лишъ принадлежитъ неограниченное право на всякаго рода распоряженія, касающіяся наряда и управленія русскою землею

Московскій государь есть *единственный источникъ всякаго рода власти*, дѣйствующей въ предѣлахъ его государства. Отъ его авторитета исходятъ и къ его-же авторитету возвращаются всѣ функціи власти, всѣ отдѣльныя проявленія правительственной дѣятельности. Московскій государь есть *глава законодательной власти*: ему всецѣло принадлежитъ право на изданіе и санкцію законодательныхъ нормъ; если онъ и передаетъ тому или другому лицу или учрежденію часть своей непосредственной законодательной дѣятельности,—то послѣднія издаютъ опредѣленія не иначе, какъ подъ авторитетомъ государя, не иначе, какъ по „государеву и великаго князя указу". Московскій государь есть *глава исполнительной дѣятельности*: всѣ проявленія послѣдней со стороны правительственныхъ органовъ отправляются подъ его авторитетомъ, опять таки по „государеву и великаго князя указу". Наконецъ Московскій государь есть *глава судебной власти*: судебныя рѣшенія издаются не иначе, какъ „по указу великаго государя", равно какъ и всѣ челобитныя частныхъ лицъ и учрежденій подаются какъ-бы непосредственно государю, заключая въ себѣ обращеніе къ правосудію послѣдняго, хотя-бы дѣло подсудно было областнымъ правительственнымъ судьямъ, отдѣленнымъ отъ Москвы огромными пространствами территоріи.

Какъ монарху облеченному властью волею Бога, какъ избраннику Божію и представителю Его воли на землѣ—Московскому государю принадлежитъ и *церковное главенство*. Само собою разумѣется, что значеніе государя, какъ главы православной русской церкви, не простирается до права его на измѣненія не только догматовъ, но даже обрядовъ и обычаевъ церковныхъ. Церковное главенство Московскаго государя не имѣетъ и тѣни сходства съ церковнымъ главенствомъ папъ римскихъ; оно заключается лишь въ

верховномъ попечительствѣ и надзорѣ надъ жизнью русской церкви, надъ правильнымъ устройствомъ церковной іерархіи, надъ цѣлесообразнымъ и согласнымъ съ религіею и государственными интересами образомъ дѣятельности церковныхъ властей, надъ внутреннею организаціею и благочиніемъ церковной жизни и въ заботахъ объ устраненіи всякаго рода вліяній и причинъ, грозящихъ нарушить правильный ходъ жизни русской церкви ([1]). Въ качествѣ верховнаго блюстителя, попечителя и охранителя церкви,—Московскій государь пользуется предикатами „благовѣрнаго", "благочестиваго", „о Святѣмъ Дусѣ возлюбленнаго", „православнаго" и т. п., которыми надѣляло его православное духовенство. Дѣятельность свою на пользу благоустройства и благочинія въ сферѣ церковной жизни раздѣлялъ государь съ Освященнымъ Соборомъ и съ высшими представителями русской іерархіи—патріархомъ и митрополитами.

Раздѣляя съ духовною властью заботы о церковномъ устройствѣ и благочиніи, государи Московскіе обнаруживали замѣчательный тактъ въ своихъ отношеніяхъ къ ея представителямъ. Проявляя постоянное и весьма значительное вліяніе на церковныя дѣла, они тщательно избѣгали всякаго рода рѣзкаго проявленія своего юридическаго и фактическаго преобладанія надъ духовною властью, тщательно избѣгали всякаго антагонизма съ нею. Напротивъ, изъ уваженія къ высшимъ представителямъ русской церковной іерархіи, придаютъ они духовной власти значительное государственное значеніе, охотно и добровольно допуская вліяніе ея на дѣла государственныя и, какъ мы видѣли, на дѣла свѣтскаго законодательства. Вліяніе патріарха на государственныя дѣла, въ силу вполнѣ понятныхъ личныхъ отношеній, возростаетъ до высочайшихъ предѣловъ въ царствованіе

([1]) Вотъ какъ характеризуется въ соборной грамотѣ 1564 года значеніе Московскаго царя, по отношенію къ дѣламъ церковнаго благоустройство и благочинія: «Благочестія ради и благодатію человѣколюбія единосущныя Троицы . . . . пріахомъ скипетры Россійскаго царства мы Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи, въ одержаніе и во осмотрѣніе всѣхъ благихъ благочестиваго Россійскаго царствія, такоже и *во благостояніе святыхъ Божіихъ церквей и святыхъ манастырей и мѣстъ*» (А. Ист. I. № 173).

Михаила Θеодоровича: извѣстно что родитель царя Михаила, патріархъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова его соправителемъ, такъ что всѣ царскіе указы издавались отъ имени царя и патріарха. Допускаемое государями вліяніе духовной власти на государственныя дѣла, и, что болѣе чѣмъ вѣроятно, прецедентъ патріарха Филарета—дали во второй половинѣ XVII вѣка патріарху Никону, человѣку гордому и крайне самонадѣянному, поводъ считать себя компетентнымъ на вмѣшательство въ область дѣятельности свѣтской власти, и даже стать въ открытый антагонизмъ къ царю Алексѣю Михаиловичу. Результатъ затѣянной патріархомъ борьбы извѣстенъ: Никонъ палъ—и четыре восточныхъ патріарха торжественно признали по этому случаю начало неограниченности власти царя по отношенію къ дѣламъ гражданскаго устройства и управленія [1].

Вліяніе Московскаго государя на дѣла церковнаго устройства и благочинія проявлялось въ весьма различныхъ отношеніяхъ. Такъ, прежде всего, проявляется оно въ участіи государя въ избраніи и постановленіи представителей высшей церковной іерархіи—патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Государь созываетъ освященный соборъ для избранія іерарха, предсѣдательствуетъ на немъ на ряду съ высшимъ представителемъ духовной власти и, наконецъ, по избраніи извѣстнаго лица, принимаетъ активное участіе въ торжественомъ обрядѣ его поставленія въ санъ; участіе это проявляется главнымъ образомъ въ томъ, что государь, обратившись къ поставляему съ рѣчью, вручаетъ ему символъ святительской власти—посохъ [2]. Далѣе царь возбуждаетъ тѣ или другіе вопросы церковнаго законодательства, призывая освященный соборъ къ ихъ разрѣшенію; такова была дѣятельность царя Іоанна IV на извѣстномъ уже намъ Стоглавомъ соборѣ; такова была дѣятельность царя Θеодора Алексѣевича на соборѣ 1681 года. На

---

(1) *Знаменскій П.* «Руководство къ русской церковной исторіи», К. 1870 г., гл. VII. Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, IV, № 27.

(2) Акты Историческіе: I, №№ 41. 173; IV, №№, 1, 62. Акты Арх. Эксп. I, №№ 184, 264, 265. Собраніе Гос. Грамотъ и Договоровъ II, № 50, Ш, № 45.

Соборѣ 1681 года царь Ѳеодоръ, какъ нѣкогда и Іоаннъ IV, въ цѣломъ рядѣ вопросовъ указываетъ духовенству на необходимость устроенія различныхъ сторонъ церковной жизни (увеличеніе числа епархій, церковное и монастырское благочиніе, исправленіе чиновной книги и т. п.), предлагая духовенству составить опредѣленія по предложеннымъ имъ вопросамъ (1). Затѣмъ государи, вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, принимаютъ всякаго вообще рода мѣры къ церковному благоустройству и благочинію: опредѣляютъ цвѣтъ клобуковъ и печатей высшихъ церковныхъ іерарховъ (2), предписываютъ производить описи церквей и ихъ инвентаровъ (3), составляютъ чины и церемоніалы различнаго рода церковныхъ торжествъ (напримѣръ поставленія іерарховъ) (4), опредѣляютъ совершеніе ежегодныхъ обѣдней и панихидъ по убіеннымъ (5), учреждаютъ поповскихъ старостъ и десятильниковъ (6), преслѣдуютъ еретиковъ, раскольниковъ и лицъ занимающихся чародѣйствомъ (7) и т. п. Наконецъ значеніе Московскаго государя, какъ верховнаго покровителя церкви, выражается въ милостяхъ, привиллегіяхъ и субсидіяхъ (ругахъ), расточаемыхъ имъ церквамъ, монастырямъ и духовенству; мы отчасти имѣли уже случай ознакомиться съ этою чертою внутренней дѣятельности ихъ.

Неограниченное самодержавіе Московскихъ государей, вмѣстѣ съ блескомъ и чисто восточною обстановкою придворной жизни ихъ,—не могло не бросаться въ глаза иностранцамъ, посѣщавшимъ Россію. Ихъ поражала полнота и неограниченность власти государя съ одной стороны, которая,

---

(1) А. Ист. V, № 75.

(2) А. Ист. I, № 173.

(3) А. Ист. V, № 122.

(4) А. А. Э. I, №№ 241, 264; Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 50.

(5) А. А. Э. I. № 219.

(6) А. А. Э. I, № 360.

(7) А. Ист. I. № 161, V, №№ 75. 151: А. А. Э. IV, №. 18. См. также А. А. Э. I, № 383; IV, №№ 161, 174; А. И. I, № 242 и мн. др. По вопросу объ отношеніяхъ Московскихъ государей къ церкви см. также у *Н. Хлѣбникова*: «О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи». Спб. 1869 г., стр. 132—134 и 339—351.

по словамъ современниковъ, превосходя власть всѣхъ монарховъ свѣта, простиралась на жизнь и смерть каждаго изъ подданныхъ,—и безусловная, благоговѣйная покорность къ этой власти со стороны населенія съ другой стороны. При упоминовеніи въ разговорѣ имяни государя, присутствующіе обнажаютъ свои головы; каждый русскій смотритъ на себя и на свое имущество какъ на собственность государя; нищіе протягиваютъ во имя Бога и государя руку за подаяніемъ; въ просьбахъ государю челобитчики подписываются уничижительными именами собственными, называя себя при этомъ „рабъ твой", „холопъ твой", „сирота твой";—всѣ эти суровыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ патріархальныя черты отношеній между государями и народонаселеніемъ казались пріѣзжему иностранцу положительно необъяснимыми и заставили одного изъ нихъ помѣстить въ мемуарахъ своихъ слѣдующую замѣтку: „неизвѣстно, загрубѣлость ли народа требуетъ такого самовластнаго государя, или отъ самовластія государя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ" (¹).

Самодержавіе Московскаго государя было такимъ образомъ вполнѣ неограниченнымъ. Оно не ограничивалось ни Думою Боярскою, ни Земскими Соборами, такъ какъ эти учрежденія, какъ скоро убѣдимся мы, далеко не были ограничительными. Они имѣли значеніе исключительно совѣщательное; да притомъ и самый фактъ совѣщанія съ ними государя далеко не былъ обязательнымъ для послѣдняго. Совѣщаніе государя съ боярами или съ земскимъ соборомъ всегда имѣло мѣсто по инниціативѣ самаго государя, когда тотъ или другой вопросъ представлялъ важное значеніе, когда онъ близко касался интересовъ всего государства, или когда рѣшеніе его, въ силу чисто фактическихъ обстоятельствъ, являлось затруднительнымъ безъ содѣйствія самаго народа. Значеніе Боярской Думы и Земскихъ Соборовъ, какъ учрежденій совѣщательныхъ, объясняетъ и тотъ странный съ перваго взгляда фактъ, что организація и дѣятель-

---

(¹) *Ключевскій В.* «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ», М. 1866, стр. 64—66. *Барона Герберштейна* «Rerum Moscoviticarum commentarii» (въ переводѣ И. Анонимова. Спб. 1866 г., стр. 28). *Mayerberg* (*baron de*): «Relation d'un voyage en Moscovie», Paris, 1858. Vol. I, p. 31—32.

ность ихъ не обезпечивается никакимъ государственнымъ актомъ, никакимъ основнымъ закономъ. Если Дума Боярская и Земскіе Соборы и не были учрежденіями ограничительными, тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что Московскіе государи далеко не игнорировали голоса ихъ, въ особенности - же голоса Земскаго Собора: въ немъ чтили они нравственное значеніе воли земщины, залогъ духовнаго единенія властителя и подвластныхъ,—и охотно преклоняли слухъ свой къ выражавшимся на Земскомъ Соборѣ мнѣніямъ и совѣтамъ. Здѣсь господствовали искренность мысли и слова, обоюдное довѣріе и патріархальное единеніе государя съ землею,—и вмѣстѣ съ тѣмъ полное отсутствіе всякаго ограничительнаго или принудительнаго начала.

Въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской жизни власть князя въ весьма значительной степени ограничивалась, какъ извѣстно, волею земщины съ одной стороны и волею дружины его съ другой стороны. Съ покореніемъ русской земли татарами, съ паденіемъ вѣчеваго устройства, съ усиленіемъ, подъ воздѣйствіемъ уже разсмотрѣнныхъ нами причинъ, самодержавной власти великаго князя,—воля земщины потеряла, по отношенію къ государю, свое ограничивающее значеніе. Она всецѣло и безусловно должна была подчиниться волѣ государя, сохранивъ впрочемъ въ глазахъ послѣдняго нравственное значеніе, какъ воля „всей земли", какъ воля "всего государства".

Посмотримъ-же теперь, на какихъ началахъ продолжаютъ существовать въ Московскомъ государствѣ отношенія Верховной власти къ служилымъ людямъ, въ особенности-же отношенія ея къ боярамъ, какъ къ наиболѣе сильному, вліятельному и аристократическому служилому элементу; посмотримъ, не ограничивалъ-ли этотъ классъ самодержавія Московскаго государя.

Въ начальную эпоху зарожденія Московскаго государства, въ начальную эпоху возростанія его могущества—отношенія великихъ князей къ служилымъ людямъ ихъ зиждутся еще на древнихъ началахъ удѣльнаго періода. Въ основаніи ихъ все еще лежитъ договоръ. Служилые люди способствуютъ возростанію могущества Москвы—и князья Московскіе дорожатъ ихъ расположеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаютъ еще фактическую необходимость допускать ихъ къ участію въ дѣлахъ государственнаго строенія и управленія.

Такъ, въ 1389 г., умирающій в. к. Московскій Дмитрій Іоанновичъ Донской учитъ еще дѣтей своихъ во всемъ слушаться бояръ, воздавать имъ достойную честь и „безъ воли ихъ ничто-же не творити“ (1). Но вотъ, когда Московскому великому княженію удалось уже достаточно усилиться, когда въ русской землѣ не предвидѣлось ему болѣе соперниковъ и самая власть Орды сдѣлалось только номинальною, когда государямъ Московскимъ удалось извѣстными средствами, съ которыми мы впослѣдствіе познакомимся, закрѣпить служилое сословіе, и когда начало ясно очерчиваться самодержавіе ихъ,—тогда Московскіе государи начинаютъ измѣнять и отношенія свои къ боярамъ. Они все чаще и чаще устраняютъ бояръ отъ активнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ и не только отказываютъ имъ въ значеніи правительствующемъ, но весьма нерѣдко отказываютъ имъ даже въ значеніи совѣщательномъ. Все чаще и чаще встрѣчаются случаи рѣшенія государями различныхъ дѣлъ „самъ третей у постели“, на что такъ жаловался Максиму Греку бояринъ Берсень-Беклемешивъ. Тотъже бояринъ Берсень пеняетъ и на то, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда государь и совѣщается объ извѣстныхъ дѣлахъ съ Думою своею,—онъ тѣмъ не менѣе не терпитъ противъ себя „встрѣчъ“, т. е. высказыванія мнѣній, противныхъ собственному мнѣнію его, опаляясь за эти встрѣчи и преслѣдуя встрѣчщиковъ. Такъ, когда бояринъ Берсень осмѣлился однажды говорить „встрѣчю“ в. к. Василію Ивановичу,—послѣдній выгналъ его изъ Думы, сказавъ: „пойди смердъ прочь, ненадобенъ ми еси“ (2). Умаленіе значенія бояръ и развитіе абсолютизма производятъ реакцію въ средѣ верхнихъ слоевъ служилаго класса. Какъ передъ тѣмъ усиленно стремились они на службу государей Московскихъ, такъ теперь также усиленно стремятся они оставлять ее. Начинается эпоха отъѣздовъ лучшихъ служилыхъ людей со службы Московской. Все, что было наиболѣе значительнаго, наиболѣе именитаго въ средѣ Московскаго служилаго класса—массами отъѣзжаетъ въ Литву; количество случаевъ отъѣзда возростаетъ въ эту эпоху съ ужасающею быстротою, указа-

(1) Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. VIII, стр. 56.

(2) А. А. Э. I, № 172.

ніями на нихъ буквально переполнены современные историческіе памятники и, въ особенности, лѣтописи. Но теперь эти отъѣзды теряютъ уже прежнее легальное основаніе; теперь уже получаютъ они значеніе государственной измѣны: отъѣзжающихъ служилыхъ людей догоняютъ, сажаютъ въ тюрьмы и конфискуютъ ихъ имущества. На степень государственной измѣны возводится даже самый замыселъ отъѣхать со службы Московскаго государя. Боярство, вмѣщавшее въ средѣ своей князей—Рюриковичей и потомковъ знаменитыхъ выходцевъ какъ татарскихъ, такъ и западноевропейскихъ, и исполненное сознаніемъ своей родовитости и своего столь недавняго еще высокаго государственнаго значенія—обнаруживаетъ протестъ противъ развивающагося абсолютизма и открыто становится въ ряды его противниковъ. Такимъ образомъ съ самаго начала XVI столѣтія возникаетъ борьба верховной власти съ протестующимъ противъ абсолютизма ся боярствомъ. Особенно рѣзкій и суровый характеръ принимаетъ эта борьба въ царствованіе Іоанна Грознаго. Этотъ государь, видя тенденціи боярства, смотритъ на него крайне подозрительно,—и эта подозрительность доходитъ въ немъ до болѣзненнаго состоянія. Царь усиленно преслѣдуетъ бояръ, видитъ въ нихъ измѣнниковъ, личныхъ враговъ своихъ, заточаетъ ихъ по тюрьмамъ и монастырямъ, казнитъ ихъ, наконецъ укрывается отъ нихъ въ Александровскую слободу; согласившись возвратиться оттуда въ Москву, Іоаннъ IV выговариваетъ себѣ неограниченное право казнить измѣнниковъ своихъ, т. е. бояръ. Іоаннъ выказываетъ далѣе стремленіе реорганизовать этотъ классъ на новыхъ началахъ, стремится ввести въ него людей приверженныхъ къ самодержавію, людей чуждыхъ кровныхъ аристократическихъ тенденцій. Для этой цѣли возводитъ онъ на степень первыхъ лицъ въ государствѣ людей незнатныхъ, вводитъ въ составъ Думы Боярской лицъ низкаго происхожденія, чуждыхъ стремленіямъ старыхъ бояръ. Ограждая власть свою отъ притязаній бояръ, царь опирается на земщину, ищетъ поддержку въ массѣ простаго населенія,—при Іоаннѣ IV получаютъ начало земскіе соборы. Боярство было побѣждено и должно было смирится, а самая Дума Боярская, принявъ въ себя значительное количество элементовъ чуждыхъ стремленіямъ бояръ—осталась учрежденіемъ исключительно совѣщательнымъ.

Нельзя не замѣтить что въ средѣ Московскаго боярства и въ позднѣйшія эпохи отъ времени до времени проявляются стремленія къ ограниченію самодержавія государей Московскихъ. Это стремленіе даетъ ясно замѣтить себя при избраніи царя изъ новой династіи, когда угасалъ царствовавшій до тѣхъ поръ родъ. Такъ, существуютъ свидѣтельства что при избраніи на Московскій престолъ Бориса Годунова, бояре хотѣли что-бы онъ цѣловалъ крестъ государству на ограничивающей царскую власть его грамотѣ; хитрому Годунову удалось впрочемъ избѣгнуть этого требованія (¹) Равнымъ образомъ и въ началѣ XVII вѣка когда, по убіеніи самозванца, рѣшено было избрать въ цари Василія Ивановича Шуйскаго, были предъявлены послѣднему нѣкоторыя ограничительныя требованія. Въ силу этого, вступая на престолъ, Шуйскій долженъ былъ обратиться къ народу съ слѣдующимъ, между прочимъ, обѣщаніемъ: „По Божію изволенію и по вашему хотѣнію я избранъ на престолъ Московскаго государства и нареченъ отъ всѣхъ царемъ . . . . Я цѣлую крестъ вамъ на томъ, что не стану никому мстить за мимошедшее и не стану никого судить и наказывать безъ боярскаго приговора“. Этотъ эпизодъ былъ заранѣе подготовленъ боярами. Тѣмъ не менѣе многіе голоса изъ народной массы закричали: „Никогда не творилось у насъ токого, не затѣвать новаго государства!“ Шуйскому все таки пришлось однако-же цѣловать крестъ (²). Съ ограничительными условіями выбранъ былъ на царство, въ эпоху смутнаго времени, и польскій королевичъ Владиславъ (³). Что при избраніи на Московскій престолъ царей изъ новыхъ династій дѣйствительно предлагались имъ ограничительтельныя записи, на это имѣемъ мы и свидѣтельство Котошихина, современника царя Алексѣя Михаиловича; Котошихинъ говоритъ что при избраніи царей были браны отъ нихъ записи, „что имъ быть не жестокимъ и непальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что, и

(¹) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи». VIII. стр. 10 (втораго изд.).

(²) *Костомаровъ Н*: «Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія», томъ II, стр. 4. См. также Собр. Гос. Грам. и Догов., т. II, № 44; Никоновская Лѣтопись, VIII, 75—76.

(³) А. А. Э., II, № 165.

мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати". Затѣмъ Котошихинъ свидѣтельствуетъ что отецъ теперешняго государя, т. е. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, хотя „самодержцемъ" писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего ([1]). Избирая на царство юношу Михаила Ѳеодоровича Романова, бояре сильно расчитывали захватить при немъ всю власть въ руки свои и, пользуясь его молодостью и неопытностью, востановить утраченное значеніе свое ([2]). При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ бояре задумали даже раздѣлить между собою всю русскую землю на наслѣдственныя намѣстничества и сдѣлаться въ нихъ наслѣдственными намѣстниками, введя въ титулы свои и названія подвластныхъ имъ областей, напримѣръ „бояринъ намѣстникъ князь такой-то царства Казанскаго (или сибирскаго") и т. п.; это честолюбивое намѣреніе не удалось однако-же боярамъ ([3]).

И такъ, хотя мы и замѣчаемъ въ средѣ Московскаго боярства явныя стремленія къ ограниченію самодержавной власти государей и къ возвышенію значенія Думы Боярской, тѣмъ не менѣе мы не можемъ не замѣтить также и того, что эти стремленія переносились боярами на почву дѣйствительной жизни лишь въ случаяхъ исключительныхъ, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ кончины извѣстнаго государя не оставалась законнаго преемника, когда слѣдовательтельно приходилось избирать на царство новаго царя, когда приходилось вручать царскую державу новой династіи. При государяхъ вступавшихъ на престолъ по праву законнаго преемства, слѣдовательно при государяхъ, права которыхъ на престолъ обусловливались Божественною Волею и старшинствомъ въ средѣ членовъ царствующаго рода, но не волею бояръ и земли,—при вступленіи на престолъ такихъ государей стремленія бояръ не проявлялись открыто. Дѣло въ томъ, что при нормальномъ теченіи государственной жиз-

---

([1]) *Котошихинъ*: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича», Спб. 1859 г., глава VIII, статья 9.

([2]) *Костомаровъ*: «Смутное время Московскаго государство въ нач. XVII ст.». т. III, стр. 294.

([3]) *Шашковъ С*: «Историческіе этюды», Спб. 1872, т. I, стр. 9.

ни бояре не могли найти твердой почвѣ, на которую моглибы они опереться въ своей борьбѣ съ самодержавіемъ. Бояре не могли расчитывать на поддержку со стороны служилыхъ людей низшихъ разрядовъ—дворянъ и дѣтей боярскихъ, такъ какъ отношенія послѣднихъ къ первымъ были скорѣе враждебны, нежели дружественны. Многочисленные, но далеко не блестѣвшіе матеріальнымъ благосостояніемъ, дворяне и дѣти боярскіе твердо стояли за самодержавіе, отъ котораго только и могли они ожидать улучшенія своего быта; олигархія бояръ, олигархія высшихъ разрядовъ служилыхъ людей — мало могла сулить имъ въ будущемъ. Они не могли далѣе расчитывать на содѣйствіе и поддержку земщины, на которую не имѣли никакого вліянія и съ которою не связывала ихъ никакая солидарность, ни духовная, ни матеріальная. Если мы видимъ что англійская аристократія съ успѣхомъ ратовала противъ абсолютизма королевской власти, то этотъ успѣхъ объясняется въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что англійская аристократія дѣйствовала въ солидарности съ низшимъ рыцарствомъ и съ народною массою, на которую имѣла она несомнѣнное вліяніе (¹) Совершенно въ иномъ свѣтѣ представляется дѣло въ Московскомъ государствѣ. Не говоря уже о томъ, что русское боярство далеко не было такъ сильно и значительно какъ англійская аристократія, что оно не имѣло того вліянія на народныя массы, какимъ пользовалась послѣдняя, мы замѣчаемъ даже что самыя побужденія, лежавшія въ основѣ стремленій Московскаго боярства, не могли внушить къ нимъ довѣрія земщины. Московское бояре стремились къ ограниченію самодержавія исключительно лишь изъ личныхъ видовъ, изъ мелкихъ эгоистическихъ расчетовъ, для того что-бы поднять значеніе своего сословія. Массы остальнаго населенія не хотѣли служить орудіемъ эгоистическихъ стремленій боярскаго сословія; земля не могла согласиться промѣнять абсолютизмъ царя на абсолютизмъ и олигархію бояръ. Да наконецъ боярство и само въ себѣ не могло дружно дѣйствовать въ дѣлѣ достиженія цѣли стремленій своихъ; постоянная борьба партій въ средѣ этого сословія и разди-

(¹) Хлѣбниковъ: «О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи», стр. 32—34.

равшіе его безконечные родовые счеты не могли дать этимъ стремленіямъ того стройнаго и постояннаго единства, которымъ проникнута была дѣятельность англійской аристократіи.

Выводъ изъ всего сказаннаго выше тотъ, что и значеніе бояръ не могло служить средствомъ ограниченія самодержавной власти Московскихъ государей.

И такъ власть Московскаго государя должна быть признана властью священною, самодержавною и ничѣмъ и никѣмъ юридически не ограниченною [1].

Разсмотрѣвъ существо верховной государственной власти въ Московскомъ государствѣ, переходимъ къ обозрѣнію **порядка преемства Московскаго престола**.

Порядокъ преемства верховной власти можетъ, говоря вообще, представляться въ троякой формѣ: a) въ видѣ легальной наслѣдственности ея въ извѣстной постепенности среди членовъ одного царствующаго рода, b) въ формѣ назначенія себѣ преемника самимъ умирающимъ или оставляющимъ престолъ государемъ и, наконецъ, c) въ формѣ избранія государя волею народа.

Въ Московскомъ государствѣ, какъ мы увидимъ это, имѣли въ различныя эпохи примѣненіе всѣ три указанныя формы преемства государственной власти.

Въ удѣльно-вѣчевой Руси не могло выработаться законно и твердо обоснованной системы престолонаслѣдія: это составляетъ прямое слѣдствіе господствовавшихъ въ ней договорныхъ отношеній. Умирающій князь могъ назначить себѣ преемника, наконецъ преемникъ и самъ могъ предъявлять права свои на извѣстный столъ,—но всѣ эти заявленія воли и преемственныхъ правъ князей не могли имѣть никакого успѣха, какъ скоро не поддерживало ихъ мѣстное населеніе, какъ скоро преемникъ не соотвѣтствовалъ жела-

---

(1) Существо верховной власти Московскихъ государей болѣе или менѣе подробно разсматривается въ слѣдующихъ трудахъ: *Андреевскій*: «Русское государственное право», Спб 1866 г., § 43. *Хлѣбниковъ*: «О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи», Спб, 1869 г. разл. мѣста главъ I, V, и VII. *Романовичъ-Славатинскій*: «Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому», Кіевъ 1872 г., I вып., § 8.

ніямъ земщины. Такимъ образомъ высокое значеніе воли земщины, въ связи съ господствомъ въ сферѣ государственныхъ отношеній договорныхъ началъ—дѣлали фактически невозможною выработку постоянной, твердо опредѣленной системы преемства княжескаго престола. Но мы знаемъ что и въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ встрѣчаются случаи болѣе или менѣе продолжительнаго преемства извѣстнаго стола въ предѣлахъ одной и той-же отрасли рода князей-Рюриковичей; знаемъ и то, что не смотря на участіе воли земщинъ въ дѣлѣ избранія князей, въ сознаніи какъ земщинъ, такъ главнымъ образомъ и самихъ князей, постоянно жило извѣстнаго рода представленіе о тѣхъ или другихъ правахъ князей-Рюриковичей по преемству столовъ, которыми и мотивировалось съ ихъ стороны предъявленіе притязаній на извѣстныя княженія.

Въ чемъ-же заключалось это юридическое сознаніе о порядкѣ преемства престоловъ, въ какой формѣ примѣнялось оно къ дѣйствительной жизни въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе его не было противно волѣ населенія? Это сознаніе сводилось къ понятію о родовомъ старшинствѣ, къ праву старѣйшаго въ родѣ исключать младшихъ членовъ рода изъ наслѣдованія старшаго стольнаго города и сопряженнаго съ обладаніемъ послѣднимъ великокняжескаго достоинства. А такъ какъ послѣ смерти лица старшаго въ родѣ родовое старшинство принадлежало старшему изъ оставшихся братьевъ его, то вслѣдствіе этого и право на преемство въ великокняжескомъ столѣ и достоинствѣ принадлежало старшему брату скончавшагося великаго князя, а не старшему сыну его. Такимъ образомъ въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ сознавалось начало исключенія дядьями племянниковъ въ наслѣдованіи великокняжескаго престола, хотя, напомнимъ еще разъ, въ примѣненіи къ практической жизни, начало это въ большинствѣ случаевъ измѣнялось и нарушалось; въ сферѣ дѣйствительной жизни юридическое сознаніе уступало мѣсто факту. Съ одной стороны нерѣдко сами земщины, пользуясь своими договорными отношеніями къ князьямъ, отдавали старшіе столы младшимъ родичамъ; съ другой стороны нерѣдко и сами младшіе родичи, пользуясь обстоятельствами и своимъ фактическимъ преобладаніемъ, нарушали права старшихъ членовъ рода.

Но уже въ начальную эпоху усиленія Московскаго великаго княженія начинаетъ вырабатываться *начало преемства престола по порядку нисходящаго-первородства*, начинаетъ вырабатываться понятіе о томъ, что послѣ смерти извѣстнаго великаго князя великокняжескій престолъ долженъ переходить къ старшему сыну его, но уже не къ старшему брату умершаго, начинаетъ слѣдовательно вырабатываться начало исключенія дядьевъ племянниками, т. е. начало противоположное удѣльно-вѣчевому сознанію о преемственности великокняжескаго достоинства. Нельзя не замѣтить, что новое начало преемства великокняжескаго престола далеко не сразу проникаетъ въ дѣйствительную жизнь, что оно выдерживаетъ неоднократную и упорную борьбу съ началомъ родоваго старшинства, дѣйствовавшимъ въ предшествовавшемъ періодѣ. Для уясненія себѣ хода этой борьбы, необходимымъ является прослѣдить исторію преемства Московскаго княжескаго, а впослѣдствіе великокняжескаго престола и достоинства, въ первоначальную эпоху развитія жизни Московскаго государства.

Для болѣе нагляднаго обзора порядка преемственности Московскаго престола цѣлесообразнымъ считаемъ мы предпослать слѣдующую табличку:

Александръ Невскій

Андрей Суздальскій		Даніилъ Московскій †1303
Михаилъ	Юрій.	Иванъ I †1341
Василій	Семенъ †1353	Иванъ II †1359. Андрей.
Константинъ		Дмитрій †1389
Дмитрій †1383	Василій I †1425	Юрій Галичскій
	Василій II †1462	Василій. Дмитрій Дмитрій 2. Шемяка.
	Иванъ III †1505	
Иванъ	Василій III †1533	
Дмитрій.	Иванъ IV †1584	
	Өедоръ †1598.	

Начало рода Московскихъ князей ведется отъ сына Александра Невскаго—князя Даніила Александровича Московскаго, скончавшагося въ 1303 году. Послѣ смерти этого князя, старшій братъ его Андрей Суздальскій не предъявляетъ своихъ правъ родоваго старшинства и не изъявляетъ притязаній на обладаніе Москвою; Суздальскій столъ считается въ эту эпоху старѣйшимъ сравнительно съ Московскимъ. Въ силу этого на Московскій столъ садится сынъ Даніила—Юрій, умершій въ 1325 г. бездѣтнымъ, вслѣдствіе чего Московское княженіе переходитъ къ единственному оставшемуся въ живыхъ брату его—Ивану I Даніиловичу, прозванному Калитою, который наслѣдуетъ Московское княженіе нераздѣльно и въ 1328 г. добываетъ себѣ въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе. Въ данномъ случаѣ Московскій столъ хотя и переходитъ по смерти князя Юрія къ брату его, но уже не въ силу стариннаго права родоваго старшинства, а просто потому, что послѣ умершаго не осталось сыновей. Въ 1341 г. Иванъ Калита умираетъ и великое княженіе Московское достается старшему сыну его Симеону, прозванному Гордымъ, умершему въ 1353 г. бездѣтнымъ; очевидно что престолъ долженъ былъ вслѣдствіе этого перейти, за смертью сыновей Симеона, къ старшему послѣ него брату Ивану II Ивановичу. Но теперь великое княженіе Московское, благодаря усиліямъ двухъ предшествовавшихъ властителей, было уже далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ за пятьдесятъ лѣтъ назадъ незначительный и бѣдный удѣлъ Московскій. И вотъ теперь Суздальскій князь Константинъ Васильевичъ вспоминаетъ что, по счетамъ родоваго старшинства, онъ имѣетъ большее право на великое княженіе Московское, нежели Иванъ Ивановичъ Московскій, такъ какъ родоначальникъ Суздальскихъ князей Андрей Суздальскій былъ старше брата своего Даніила, родоначальника Московскихъ князей. Такимъ образомъ Константинъ Суздальскій основываетъ права свои на старомъ началѣ преемства престола, имѣвшемъ мѣсто въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ. Не смотря на притязанія Суздальскаго князя, ярлыкъ на великое княженіе получаетъ Иванъ Ивановичъ Московскій—и этимъ получаетъ первую побѣду новое начало преемства великокняжескаго престола, т. е. преемство его по нисходящему первородству, надъ старымъ началомъ, т. е. преемствомъ его по родовому старшинству. Идемъ далѣе. Умершій въ 1359 году в. к. Иванъ

Ивановичъ завѣщаетъ престолъ старшему сыну своему Дмитрію Ивановичу, помимо младшаго брата своего Андрея Ивановича Боровскаго—и этимъ открыто проводитъ новое начало преемства престола. Но Суздальскіе князья все еще не хотятъ забыть родоваго старшинства своего и снова изъявляютъ притязаніе на великое княженіе Московское, въ лицѣ князя Дмитрія Константиновича Суздальскаго. Хотя Суздальскому князю и удалось выхлопотать въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе, тѣмъ не менѣе Дмитрій Ивановичъ, пользуясь возникшими въ самой Ордѣ смутами, рѣшается силою отстаивать права свои и, послѣ непродолжительной борьбы съ Суздальскимъ княземъ, утверждается на престолѣ отца своего. Такимъ образомъ новое начало преемства великокняжескаго престола одерживаетъ вторичную побѣду надъ старымъ, до-Московскимъ началомъ его преемства. Въ 1389 году умеръ великій князь Дмитрій Ивановичъ, прозванный Донскимъ, и на великокняжескій столъ садится старшій изъ оставшихся въ живыхъ сыновей его—Василій I Дмитріевичъ. Въ 1425 году, умирая, в. к. Василій Дмитріевичъ, подобно дѣду своему, открыто признаетъ господство новаго начала преемства великокняжескаго престола: не смотря на то, что послѣ смерти его оставались въ живыхъ родные братья его,—онъ передаетъ великое княженіе единственному сыну своему Василію II Васильевичу. Исторія государствованія в. к. Василія Васильевича явно свидѣтельствуетъ, что въ эту эпоху не успѣло еще заглохнуть старинное сознаніе начала престолонаслѣдія по родовому старѣйшинству. Въ шестой годъ княженія Василія Васильевича заявляетъ претензію на великокняжескій престолъ, основываясь на началѣ родоваго старѣйшинства, родной дядя его Юрій Васильевичъ Галичскій, который, по старому началу престолонаслѣдія, долженъ былъ имѣть преимущество передъ своимъ племянникомъ. Дѣло доходитъ до суда хана, который присуждаетъ великое княженіе Василію Васильевичу и тѣмъ съ своей стороны подтверждаетъ преобладаніе новаго начала престолонаслѣдія. Рѣшеніе хана не удовлетворило однако Юрія. Сперва самъ Юрій, а затѣмъ его сыновья, въ особенности-же энергичный Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, предпринимаютъ продолжительную и ожесточенную борьбу съ в. к. Василіемъ Васильевичемъ, которая, протянувшись съ перемѣннымъ счастьемъ около двадцати лѣтъ, окончилась наконецъ въ 1453 г.

рѣшительнымъ торжествомъ Василія Васильевича. Вмѣстѣ съ тѣмъ одержало рѣшительную побѣду и новое начало преемства великокняжескаго престола. Послѣ смерти въ 1462 г. великаго князя Василія Васильевича Темнаго (прозваннаго такъ вслѣдствіе ослѣпленія его Шемякою въ одномъ изъ эпизодовъ ихъ борьбы)—великокняжескій престолъ переходитъ къ сыну его Іоанну III Васильевичу, и съ тѣхъ поръ получаетъ твердую основу преемство его въ порядкѣ нисходящаго первородства; старшій сынъ, даже и при наличности дядьевъ, признается безусловнымъ преемникомъ умершаго великаго князя. Что при великомъ князѣ Іоаннѣ III окончательно окрѣпло уже новое начало преемственности престола—это ясно усматривается изъ слѣдующаго историческаго факта. Послѣ воспослѣдовавшей въ 1490 году смерти Ивана, старшаго сына в. к. Іоанна III—оказалось два лица, могущихъ явиться наслѣдниками Московской державы: сынъ умершаго и внукъ великаго князя Дмитрій Ивановичъ,—и второй сынъ великаго князя Василій. Первый является племянникомъ, второй—дядей, слѣдовательно снова представляется старая дилемма, снова представляется случай для столкновенія стараго и новаго начала преемственности престола; ясно, что предпочтеніе отданное Дмитрію должно подтвердить новое начало, предпочтеніе отданное Василію—служить знакомъ возвращенія къ началу удѣльнаго періода. При дворѣ раздѣлились партіи. Приверженцы Василія, въ виду желанія великаго князя объявить своимъ преемникомъ внука, затѣяли заговоръ въ пользу послѣдняго,—но надежды ихъ оказались тщетными. Заговорщики были казнены, къ Василію приставлена стража—и 4 февраля 1498 г. Дмитрій Ивановичъ былъ торжественно вѣнчанъ великимъ княземъ на будущее государствованіе. Такимъ образомъ получало еще новое подтвержденіе начало преемственности престола въ порядкѣ нисходящаго первородства. И вотъ, когда вслѣдствіе нѣкоторыхъ, чисто семейныхъ обстоятельствъ, великій князь пожелалъ видѣть преемникомъ своимъ, взамѣнъ вѣнчаннаго уже имъ внука, втораго сына своего Василія, тогда пришлось Іоанну III выставить Дмитрія преступникомъ, заточивъ его въ темницу, чѣмъ какъ-бы думалъ онъ оправдать это явное нарушеніе установившагося уже новаго начала престолонаслѣдія. По началу преемственности въ порядкѣ нисходящаго первородства на-

слѣдовалъ въ 1533 г. престолъ великій князь, впослѣдствіе царь, Іоаннъ IV Васильевичъ, а по смерти его—царь Ѳеодоръ Ивановичъ. Такимъ образомъ установленію преемства Московскаго престола въ порядкѣ нисходящаго первородства обязано государство прежде всего счастливому стеченію обстоятельствъ, сопровождавшихъ преемство великокняжескаго достоинство въ первоначальныя эпохи развитія и роста Москвы, отъ Даніила Александровича до Іоанна III. Это счастливое стеченіе обстоятельствъ сводится къ тому, что вплоть до государствованія в. к. Василія Темнаго не представлялось въ родѣ князей Московскихъ случаевъ коллизіи правъ дядей и племянниковъ, вслѣдствіе чего преемство престола совершалось въ порядкѣ нисходящаго первородства, чѣмъ естественнымъ и незамѣтнымъ путемъ укоренялось новое начало престолонаслѣдія. Первый примѣръ коллизіи правъ дяди и племянника встрѣчается въ родѣ князей Московскихъ, строго говоря, лишь въ отношеніяхъ в. к. Василія Темнаго къ князю Галичскому Юрію Дмитріевичу, права котораго заступаетъ впослѣдствіе сынъ его Шемяка. Хотя и ранѣе эпохи Василія Темнаго, въ лицѣ Суздальскихъ князей, заявляются притязанія на Московскій престолъ на основаніи стараго начала родоваго старѣйшинства, но здѣсь, вслѣдствіе отдаленности родства между обѣими княжескими отраслями, права Суздальскіихъ князей представляются уже въ значительной степени затѣмненными, вслѣдствіе чего и не могли поколебать проникавшее въ жизнь сознаніе новаго начала преемства престола.

Съ другой стороны, установленію новаго порядка преемства великокняжескаго престола въ весьма значительной степени способствуютъ и *духовныя завѣщанія великихъ князей*. Уже первый великій князь Московскій—Иванъ Даніиловичъ Калита, распредѣляя въ духовной грамотѣ своей отъ 1341 года (1) между сыновьями волости свои, значи-

(1) Собраніе Госуд Грамотъ и Договоровъ, М. 1813—1828 г., т. I, № 22. *Духовныя грамоты русскихъ князей*, напечатанныя въ первомъ томѣ этого изданія, равно какъ и напечатанныя здѣсь же *договорныя грамоты русскихъ князей*—представляютъ крайне важный и неисчерпаемый матеріалъ для исторіи древняго русскаго государственнаго права. Впрочемъ еще гораздо ранѣе выхода въ свѣтъ этого изданія,

телью усиливаетъ долю старшаго сына своего Симеона, который получаетъ Коломну, Можайскъ и значительное количество другихъ волостей ([1]), составлявшихъ основное ядро великаго княженія Московскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иванъ Калита приказываетъ старшему сыну своему младшихъ сыновей своихъ—„по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ (т. е. заступникъ)", говоритъ великій князь въ своемъ завѣщаніи. Городъ Москва оставляется въ общемъ владѣніи всѣхъ братьевъ. Такимъ образомъ хотя въ духовной грамотѣ своей Иванъ Калита и не говоритъ о передачѣ старшему сыну великокняжескаго достоинства, но это подразумѣвается изъ права представленія особы великаго князя, передаваемаго Симеону по отношенію къ младшимъ братьямъ его и изъ назначенія ему самой значительной и основной доли волостей великаго княженія Московскаго. Подобно Калитѣ поступаютъ и послѣдующіе великіе князья Московскіе. Оставляя городъ Москву въ общемъ владѣніи сыновей своихъ, они поручаютъ старшимъ сыновьямъ своимъ заступать личность свою по отношенію къ младшимъ сыновьямъ своимъ и къ вдовствующей княгинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказываютъ младшимъ сыновьямъ слушаться и чтить старшаго брата „въ отца мѣсто". Подобно Калитѣ представляютъ они старшимъ сыновьямъ и наиболѣе значительную долю въ волостяхъ Московскаго великаго княженія, причемъ въ владѣніе ихъ отдаются Коломна, Можайскъ и тѣ-же самыя волости, которыя были предоставлены старшему сыну Иваномъ Калитою. Такимъ образомъ эти волости составляютъ какъ-бы основное ядро великаго княженія, которое всегда предоставляется лишь старшему изъ сыновей умирающаго великаго князя; исключеніе однажды лишь представилъ г. Можайскъ, который вы-

---

именно въ царствованіе императрицы Екатерины II, были напечатаны онѣ въ извѣстномъ, весьма важномъ для русской исторіи вообще и исторіи русскаго права въ частности, изданіи Н. Новикова. «Древняя Россійская Вивліоѳика» (1 часть втораго изданія 1788 г.). Въ литературѣ существуетъ спеціальное изслѣдованіе этого рода памятниковъ *Б. Н. Чичерина*: «Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей» (въ его «Опытахъ по исторіи русскаго права», М. 1858 г., стр 232—375).

([1]) Слѣдующія именно: Городенку, Мезыню, Песочну, Середокоротну, Похряне, Устьмерску, Брошеву, Гвоздню, Иваны деревни, Маковецъ, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки и нѣсколько селъ.

дѣленъ былъ великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ въ удѣлъ третьему сыну его Андрею, за недостаткомъ другаго удобнаго къ тому уѣзда (¹). Со времени в. к. Дмитрія Донскаго преобладаніе старшаго сына замѣчается и по отношенію къ владѣнію городомъ Москвою; этотъ великій князь благословляетъ старшаго сына своего Василія на „старѣйшій путь“ въ г. Москвѣ и въ его станахъ,—тогда такъ до того времени Москва предоставлялась въ общее владѣніе всѣхъ сыновей, безъ всякаго преобладанія въ этомъ отношеніи старшаго сына (²). Наконецъ въ духовной грамотѣ в. к. Василія Васильевича Темнаго, вполнѣ опредѣленно передается старшему сыну его Ивану не только право представительства личности завѣщателя и территоріальное преобладаніе въ великомъ княженіи Московскомъ,—но уже и самое великое княженіе: „а сына своего старѣйшаго Ивана благословляю своею отчиною великимъ княженіемъ“, говорится въ духовной грамотѣ (³), не смотря на то что и остальнымъ сыновьямъ выдѣляются болѣе или менѣе значительные удѣлы. Такимъ путемъ духовныя грамоты великихъ князей Московскихъ, постепенно увеличивая доли старшихъ сыновей и передавая имъ право представительства личности умирающаго князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сопряженное съ нимъ великокняжеское достоинство—весьма много способствовали укрѣпленію въ жизни сознанія о порядкѣ преемство великокняжескаго престола по началу нисходящаго первородства.

Эта форма преемства и должна быть признаваема за порядокъ престолонаслѣдія, установившійся въ государственномъ правѣ Московскаго государства.

Что касается остальныхъ двухъ возможныхъ формъ преемства верховной власти, именно назначенія преемника самимъ монархомъ и избранія новаго государя волею народа,—то нельзя не замѣтить что обѣ эти формы, хотя и встрѣчаются въ исторіи Московской государственной жизни, но не могутъ считаться нормальными формами преемства; нормальною формою его является лишь преемственность верховной власти въ порядкѣ нисходящаго первородства. Впрочемъ въ Москов-

---

(¹) Собр. Гос. Гр. и Дог. I. № 34.

(²) Ibidem.

(³) Ibid., № 86.

скомъ государствѣ назначеніе преемника соединяется обыкновенно съ нормальною формою преемства—съ наслѣдственностью престола. Умирающій государь обыкновенно благословлялъ на царствованіе старшаго сына своего; но если онъ и не успѣвалъ благословить его—послѣдній тѣмъ не менѣе все-таки наслѣдовалъ престолъ. Весьма вѣроятно, что такое соединеніе обѣихъ формъ преемства было слѣдствіемъ того обстоятельства, что порядокъ престолонаслѣдствія по первородству не былъ гарантированъ какимъ либо актомъ или основнымъ закономъ, коренясь въ государственномъ обычаѣ; благословляя на царство старшаго сына, государь какъ-бы придавалъ санкцію воли своей установившемуся обычаю. Единственный случай примѣненія формы престолонаслѣдія путемъ *назначенія себѣ преемника самимъ государемъ* только однажды встрѣчается въ исторіи Московскаго государственнаго права въ качествѣ формы вполнѣ самостоятельной. Въ январѣ 1598 года умиралъ царь Θеодоръ Ивановичъ, съ которымъ долженъ былъ пресѣчься царствующій родъ князей Московскихъ. Послѣ смерти этого государя преемство по нисходящему первородству дѣлалось не возможнымъ, такъ какъ не оставалось наслѣдниковъ и въ боковыхъ линіяхъ: ясно, что царю приходилось самому назначить себѣ преемника. Умирающій Θеодоръ Ивановичъ приказалъ послѣ себя царство супругѣ своей Иринѣ Θеодоровнѣ, изъ рода Годуновыхъ. Это единственный случай примѣненія назначенія преемника монархомъ въ качествѣ самостоятельной формы преемства. Извѣстно, что царица Ирина не воспользовалась имъ и, отказавшись отъ царства, постриглась въ монастырь (¹).

Со смертью царя Θеодора Ивановича и за отказомъ отъ престола царицы Ирины, Московскій престолъ остался незанятымъ и не предвидѣлось на него законнаго преемника. И вотъ теперь встрѣчаемъ первый въ Московскомъ государствѣ случай примѣненія третьей возможной формы преемства верховной власти—*избранія государя волею народа*. 17 февраля 1598 года созванъ былъ въ Москвѣ земскій соборъ, которымъ и былъ избранъ въ цари шуринъ усопшаго государя, конюшій бояринъ Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ;

(¹) *Павловъ П*: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова». Спб. 1863 г., стр. 3—7.

Царю Борису, уже въ порядкѣ преемства по нисходящему первородству, наслѣдуетъ сынъ его Θеодоръ, свергнутый съ престола самозванцемъ; такимъ образомъ едва лишь утвердилась на престолѣ новая династія, какъ снова возникаетъ установившійся порядокъ престолонаслѣдія по первородству. Съ паденіемъ самозванца (въ 1606 г.) снова пустѣетъ Московскій престолъ, снова является необходимость прибѣгнуть къ избранію царя волею народа. На престолъ избирается бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, но этотъ государь избирается уже не волею всей земли, не земскимъ соборомъ, но толпою Московскихъ сторонниковъ своихъ, что вызвало неудовольствіе остальныхъ городовъ. Не смотря на усилія патріарха, старавшагося доказать законность избранія Шуйскаго,—Шуйскій долженъ былъ въ 1610 г. оставить престолъ, вслѣдствіе всеобщаго противъ него неудовольствія.

Послѣ низложенія Шуйскаго, Московское государство вступаетъ въ тяжелую годину междуцарствія и смутнаго времени. Въ эту эпоху встрѣчаются попытки избранія въ цари иноземныхъ принцевъ. Москва избираетъ польскаго королевича Владислава, Новгородъ—шведскаго принца Карла Филиппа; оба эти избранія не состоялись. Междуцарствіе и смутное время оканчиваются избраніемъ въ 1613 году земскимъ соборомъ въ цари Михаила Θеодоровича Романова. На Московскій престолъ вступаетъ новая династія Романовыхъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ снова вступаетъ въ свои права начала преемства престола въ порядкѣ нисходящаго первородства. Такимъ именно порядкомъ въ 1645 г., послѣ смерти Михаила Θеодоровича, наслѣдуетъ Московскій престолъ царь Алексѣй Михайловичъ, а по кончинѣ въ 1676 г. послѣдняго—царь Θеодоръ Алексѣевичъ. Нѣкоторое замѣшательство въ престолонаслѣдіи вышло въ 1682 г., съ кончиною царя Θеодора Алексѣевича, умершаго бездѣтнымъ. Послѣ него остались два малолѣтніе брата его, старшій—Иванъ Алексѣевичъ, и младшій—Петръ Алексѣевичъ. Замѣтивъ въ старшемъ изъ братьевъ, т. е. въ Иванѣ, болѣзненное настроеніе и слабость способностей, духовенство, бояре и другіе высшіе чины устранили его отъ престола, избравъ младшаго брата—Петра, чѣмъ нарушили установившійся обычай преемства по первородству. И вотъ мы видимъ что нарушеніе этого нормальнаго порядка престолонаслѣдія вызываетъ народное

волненіе, для прекращенія котораго, для „всенароднаго умиренія", рѣшено было возвести на престолъ обоихъ малолѣтнихъ братьевъ. Совмѣстное царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей продолжалось до 1696 года когда, за смертью царя Іоанна, царь Петръ сдѣлался единодержавнымъ представителемъ верховной власти Московскаго государства.

Приведя къ одному все сказанное нами до сихъ поръ по вопросу о порядкѣ преемства Московскаго престола, должны мы прійти къ тому выводу, что установившеюся и освященною обычаемъ формою престолонаслѣдія было преемство въ порядкѣ нисходящаго первородства. Послѣ смерти государя,—наслѣдникомъ престола является старшій сынъ его или мужское потомство послѣдняго. Если старшій сынъ умиралъ и не оставлялъ потомство мужскаго пола,—въ такомъ случаѣ право на престолъ переходило къ слѣдовавшему за нимъ по старшинству рожденія брату. За невозможностью примѣненія этой основной формы преемства престола, слѣдовало назначеніе преемника самимъ умирающемъ государемъ. Наконецъ за полною невозможностью первыхъ двухъ формъ преемства, имѣла мѣсто третья и послѣдняя форма его—избраніе государя волею всего народа, въ лицѣ органа ея—земскаго собора.

Примѣръ царицы Ирины Θеодоровны, назначенной своею преемницею умирающимъ царемъ Θеодорамъ Ивановичемъ, и затѣмъ происки царевны Софіи Алексѣевны, помышлявшей въ концѣ XVII вѣка о занятіи престола—даютъ намъ ясно видѣть, что Московскому государственному быту не было чуждо сознаніе о возможности занятія царскаго престола и особою женскаго пола.

Въ такомъ видѣ представляется вопросъ о порядкѣ преемства верховной государственной власти въ Московскомъ государствѣ (¹).

(¹) По вопросу о преемствѣ Московскаго престола могутъ быть указаны слѣдующіе труды: *Артемовскій-Гулакъ К.*: «Историческій взглядъ на образъ и порядокъ престолонаслѣдія въ Россіи», въ Опытѣ сочин. студ. Харьк. Унив., т. I, X. 1846 г.; *Андреевскій:* «Русское государственное право». Спб. 1866 г., § 45 *Романовичъ-Славатинскій:* «Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому», Кіевъ, 1872 г., I вып. § 12. *Градовскій*: «Начала русскаго государственнаго права». Спб. 1875 г., I, §§ 144—146.

Переходимъ къ вопросу о порядкѣ вступленія на престолъ Московскихъ государей.

Мы уже видѣли выше, что выработавшееся въ Московскомъ государствѣ начало преемства престола по порядку нисходящаго первородства не было гарантировано никакимъ государственнымъ актомъ, никакимъ основнымъ закономъ, но что порядокъ этотъ какъ-бы санкціонировался актомъ благословенія умирающимъ монархомъ на государствованіе старшаго сына своего. Несомнѣнно что это благословеніе являлось до нѣкоторой степени актомъ совершенно частнымъ, семейнымъ, что оно являлось съ извѣстной стороны простымъ благословеніемъ умирающимъ отцемъ сына; тѣмъ не менѣе трудно не признать за этимъ актомъ и весьма важнаго государственнаго значенія. Просматривая лѣтописныя повѣствованія, мы нерѣдко находимъ въ нихъ болѣе или менѣе подробныя описанія акта благословенія умирающимъ государемъ на царство старшаго сына своего. Особенно любопытно повѣствованіе лѣтописи о благословеніи на государствованіе малолѣтняго Іоанна Васильевича умирающимъ отцемъ его великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ. Почувствовавъ близость смертнаго часа своего, великій князь призвалъ старшаго сына своего Іоанна (которому въ то время еще не было четырехъ лѣтъ), и, велѣвъ подать себѣ крестъ, возложилъ его на сына съ слѣдующими словами: „Симъ святымъ и животворящимъ крестомъ благословилъ святый Петръ Чудотворецъ прародителя нашего Ивана Даниловича, а прародители наши великіе князи благословляли большихъ своихъ *дътей, которымъ быти на государствъ*. Меня благословилъ отецъ мой князь великій Иванъ, такожъ и азъ благословляю тебя сына своего старѣйшаго симъ святымъ крестомъ, да будетъ тебѣ сій животворящій крестъ на попраніе враговъ. Такоже и вручаю тебѣ сій скипетръ великія Росія державу . . . . . да буди благословенъ на великомъ государствѣ нашея державы отнынѣ и до вѣка“ (¹).

Вступленіе новаго государя на престолъ считалось съ момента смерти предшественника его. Немедленно послѣ кончины послѣдняго, вступалъ наслѣдникъ престола во всѣ

(¹) Русская лѣтопись по Никоновскому списку. Спб. 1767—1788 г., VI ч., стр. 259—260; Др. Рос. Вивліоѳика, ч. VII (изд. 1788 г.), стр. 305—306. Новый Лѣтописецъ по списку кн. Оболенскаго М. 1853 г. (приложеніе 2, стр. 17).

права свои, а бояре и другіе высшіе государственные чины цѣловали крестъ ему въ вѣрности и усердіи, что совершалось всегда передъ лицемъ митрополита, а впослѣдствіе патріарха, притомъ нерѣдко у самаго одра скончавшагося государя. Въ свидѣтели обѣта вѣрности призывался Господь Богъ, Пресвятая Матерь его, всѣ Небесныя Силы, Св. Чудотворцы Петръ, Алексѣй и Іона и всѣ Святители. Послѣ присяги бояръ дѣлалось распоряженіе о приводѣ къ крестному цѣлованію Московскихъ служилыхъ людей и всего вообще населенія столицы, и вслѣдъ затѣмъ по всѣмъ русскимъ городамъ разсылались служилые люди для приведенія населеній ихъ къ присягѣ ([1]). Одновременно съ этимъ по всѣмъ городамъ разсылались государемъ *окружныя грамоты*, въ которыхъ возвѣщалось жителямъ о восшествіи его на престолъ, о совершившемся крестномъ цѣлованіи бояръ и Москвы и затѣмъ сообщалось о посылкѣ въ этотъ городъ лица для приведенія населенія къ присягѣ ([2]); въ окружной грамотѣ присоединялась обыкновенно и форма имѣющагося совершиться крестнаго цѣлованія,—такъ называемая *подкрестная запись*. До нашего времени дошло нѣсколько образцовъ подкрестныхъ записей по которымъ цѣловался крестъ въ вѣрности вновь вступавшимъ на престолъ государямъ; въ видѣ примѣра приведемъ сущность подкрестныхъ записей изданныхъ при вступленіи на престолъ Бориса Годунова и Михаила Θеодоровича Романова.

При восшествіи на престолъ Бориса Годунова бояре и Московскіе служилые люди цѣловали ему крестъ на томъ, что „души свои и головы положити и служити ему вѣрою и правдою"; не искать и не желать себѣ инаго царя, помимо Бориса Θеодоровича; извѣщать о всякой измѣнѣ замышляемой кѣмъ-бы то ни было противъ государя и самимъ

([1]) Рус. лѣт. по Никоновскому списку. VI, стр. 260—261; VIII, стр. 76. Новый Лѣтописецъ по сп. кн. Оболенскаго, прилож. 2, стр. 22—24.

([2]) Напр. А. А. Э. II, № 9 (Борисъ Годуновъ). А. А. Э. II, № 37—38 (Самозванецъ). А. А. Э. II, № 44: Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 144—145 (Вас. Шуйскій). Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 1—5 (Михаилъ Θеодоровичъ; эти грамоты изданы избравшимъ его земскимъ соборомъ). А. А. Э. IV, № 1 (Алексѣй Михаиловичъ), Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, № 103—104 и А. А. Э. IV № 209 (Θеодоръ Алексѣевичъ). А. Ист. V, № 82—86 (Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи).

не измѣнять ему; „мимо царскаго повелѣнія чести о себѣ никако не хотѣти и не искати, и быти въ государскихъ дѣлѣхъ безъ прекословія и.... несупротивну быти". Бояре, приказные люди и дьяки цѣлуютъ сверхъ того крестъ и на томъ, чтобы государю „въ розрядныхъ и въ земскихъ дѣлѣхъ кручины не приносити никоторыми дѣлы, никоторою хитростью" (1).

Болѣе подробна подкрестная запись по которой цѣловати крестъ царю Борису всѣ вообще города русскіе. По этой записи дается присяга въ томъ, что „служити и прямити и добра хотѣти" государю, не мыслить, не хотѣть и не дѣлать ему никакого „лиха"; „въ ѣствѣ и въ питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ лиха никакого не учинити и не испортити, и зелья лихаго и коренья не давати"; государева „слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати и слѣду не вынимати" и немедленно извѣщать о всякомъ замыслѣ причинить государю вредъ „вѣдовствомъ", а самихъ вѣдовщиковъ выдавать властямъ; не хотѣть и не искать другаго государя и извѣщать о всякомъ помыслѣ измѣнить вѣрности царю; ничего не злоумышлять противъ царя и установленныхъ властей и не составлять противъ царя и властей „скоповъ и заговоровъ"; не отъѣзжать изъ подданства царя къ другимъ, иноземнымъ государямъ; наконецъ „будучи у государева дѣла, дѣлати всякіе дѣла въ правду, по дружбѣ никому не норовити, а по недружбѣ не мстити". Въ случаѣ нарушенія крестнаго цѣлованія, на клятвопреступника призывается немилость Божья и Пречистой Богородицы, великихъ Чудотворцевъ Св. Петра, Алексѣя, Іоны и всѣхъ Святыхъ и неблагословеніе патріарха и всего Освященнаго собора (2). Подкрестная запись по которой приводились къ крестному цѣлованію города въ вѣрности царю Михаилу Ѳеодоровичу является уже болѣе краткою и, въ основныхъ чертахъ своихъ, послужила первообразомъ нынѣ дѣйствующей формы присяги въ вѣрности Государямъ (3).

(1) А. А. Э. II, № 7 (стр. 39—40).

(2) А. А. Э. II, № 10.

(3) *Романовичъ-Славатинскій А*: «Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому». Кіевъ, 1872 г. Вып. I, § 17.

Она начинается слѣдующими словами: „Цѣлую сей святый животворящій крестъ Господень Государю своему Царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, и его Царицѣ и великой княгинѣ и ихъ царскимъ дѣтямъ, которыхъ имъ Государямъ Богъ дастъ, на томъ.... (слѣдуютъ различные предметы присяги)". Существенныя стороны присяги слѣдующія: служить, „прямить и добра хотѣти во всемъ безо всякія хитрости" государю; не искать и не желать себѣ инаго государя; не щадить головы своей въ службѣ царской; не отъѣзжать изъ подданства царю, не измѣнять ему „никоторыми дѣлы и никоторою хитростью"; не сообщаться съ царскими измѣнниками и „къ воровству ни къ которому не пристать"; оберегать здоровье государя и „никотораго лиха не мыслити" противъ него; доносить объ измѣнникахъ и злоумышленникахъ царскихъ, если возможно задерживать ихъ для передачи властямъ и, если придется, биться какъ съ непріятелями съ тѣми, кто не станетъ „служить и прямить" государю; „самовольствомъ" безъ царскаго указа ничего не дѣлать, „скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходити, и никого не грабити и не побивати, и никакого дурна никому не чинити". Подкрестная запись завершается словами: „Цѣлую сей святый животворящій крестъ Господень на томъ на всемъ, какъ въ сей записи писано" (1).

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, какъ это уже извѣстно намъ, взошелъ на престолъ съ ограничительными условіями; вслѣдствіе этого къ разосланной имъ по городамъ извѣстительной грамотѣ приложена была не только подкрестная запись, по которой должны были города цѣловать крестъ въ вѣрности ему, но къ ней приложена была и запись, по которой цѣловалъ крестъ народу самъ царь Василій. Въ этой записи царь даетъ народу клятвенное обѣщаніе никого не предавать смертной казни „не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими", не конфисковать имущества у женъ и дѣтей преступниковъ, коль скоро они не соучаствовали въ совершенныхъ послѣдними преступленіяхъ, не слушать ложныхъ доносовъ, но давать лицамъ на которыя

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. Ш. № 5. Нѣсколько измѣненнаго типа и болѣе подробною представляется дошедшая до насъ запись, по которой приводились въ 1613 г. къ крестному цѣлованію Бѣлозерцы (см. Доп. къ А. И., II т., № 1 и Акты Юрид. № 333.

дѣлаются доносы очныя ставки съ доносителями и „сыскивати всякими сыски накрѣпко... чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибло“; доносителей-же, извѣты которыхъ окажутся ложными, подвергать тому-же наказанію, которымъ должно бы было быть обложено взведенное ими на невиннаго человѣка преступленіе; наконецъ царь цѣлуетъ крестъ „судити истиннымъ, праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и недругамъ никому никого въ неправдѣ не подавати и ото всякаго насильства оберегати“ (¹).

Восшествіе на престолъ новаго государя сопровождалось *трехдневнымъ пѣніемъ молебновъ* по всѣмъ церквамъ Московскаго государства. Распоряженіе о пѣніи мобленовъ дѣлалось государемъ или въ самой извѣстительной о восшествіи его на престолъ грамотѣ, или въ особомъ указѣ, издаваемомъ по этому поводу (²); въ другихъ случаяхъ распоряженіе о пѣніи молебновъ дѣлалось отъ имени патріарха (³).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда новый государь вступалъ на престолъ не въ силу наслѣдственнаго преемства, но въ силу избранія его волею народа (по пресѣченію предшествовавшей династіи)—тогда актъ избранія закрѣплялся составленіемъ такъ называвшейся *утверженной* (т. е. утвердительной) *грамоты*. Утверженныя грамоты отличаются обширностью своего содержанія и замѣчательнымъ многословіемъ, которымъ видимо старались придать этому акту особую торжественность (⁴). Здѣсь прежде всего говорится о про-

(¹) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 141, также въ А. А. Э. II, № 44 (II) Крайне любопытны ограничительныя условія, предложенныя королевичу польскому Владиславу, при избраніи его въ 1610 г. на Московское царство; здѣсь встрѣчаемъ, напримѣръ, условія «прежнихъ обычаевъ и чиновъ, которые были въ Московскомъ государствѣ, не перемѣняти», «суду быти и совершатися по прежнему обычаю и по Судебнику», новыхъ государственныхъ налоговъ «не поговоря съ бояры, ни въ чемъ не прибавливати» и мн. др. (А. А. Э. II, № 165).

(²) Собр. Госуд. Гр. и Дог. II, № 144; А. А. Э. II, №№ 9 и 32.

(³) А. А. Э. II, № 1; IV, № 257.

(⁴) Утверженная грамота объ избраніи *Бориса Годунова*: А. А. Э. II, № 7; Древн. Рос. Вивл. (изд. второе), ч: VII, стр. 36—127. Утверженная грамота объ избраніи *Михаила Θеодоровича:* Древн. Рос. Вивл., ч: VII, стр. 128—233; Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 203.

исхожденіи въ древней Руси великокняжеской власти, передается въ краткихъ чертахъ исторія предшествовавшихъ династій и, наконецъ, указываются обстоятельства вслѣдствіе которыхъ остался Московскій престолъ вакантнымъ. Затѣмъ, послѣ исчисленія доблестей избраннаго лица и мотивовъ его избранія,—подробно излагается самый актъ избранія, всѣ обстоятельства сопровождавшіе его и, наконецъ, передается порядокъ составленія самой утверженной грамоты. Утверженная грамота подписывалась патріархомъ, митрополитами и всѣмъ освященнымъ соборомъ, затѣмъ боярами и Московскими служилыми людьми и наконецъ выборными отъ городовъ, принимавшими участіе въ избраніи новаго царя. Изъ утверженной грамоты объ избраніи на престолъ Бориса Годунова почерпаются свѣдѣнія о томъ, что она была составлена въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ хранился у государя въ его царской казнѣ, а другой положенъ былъ на храненіе въ патріаршую ризницу (¹).

Вступленіе на престолъ новаго государя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ сопровождается извѣстнымъ торжественнымъ актомъ, которому, въ особенности у народовъ христіанскихъ, всегда придается священное, религіозное значеніе. Этотъ актъ заключается въ посаженіи, короновапіи или вѣнчаніи государей, соединяемомъ въ христіанскихъ государствахъ съ священнымъ обрядомъ міропомазанія. Существуютъ основанія предполагать, что *торжество вѣнчанія* было совершено уже надъ Владиміромъ Святымъ вслѣдъ за крещеніемъ его. Именно, въ грамотѣ присланной въ 1561 году Іоанну IV патріархомъ константинопольскимъ Іоасафомъ, говорится весьма опредѣлительнымъ образомъ что „Владиміръ, супругъ царевны Анны, сестры царя багрянороднаго Мономаха, вѣнчанъ митрополитами Ефесскимъ и Антіохійскимъ, посланными изъ Царьграда съ дарованными регаліями". Трудно отказать этой грамотѣ въ довѣріи во первыхъ уже потому, что она составлена соборомъ 36 восточныхъ митрополитовъ и епископовъ подъ предсѣдательствомъ патріарха, которые врядъ-ли могли допустить въ текстъ ея завѣдомо ложное извѣстіе, а во вторыхъ и потому, что во свидѣтельство справедливости факта вѣнчанія Владиміра Святаго грамота приводитъ свидѣтельство одного

(¹) Древн. Рос. Вивл., ч: VII, стр. 109—110.

греческаго лѣтописца (1). Мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о повтореніи акта вѣнчанія надъ преемниками Владиміра Святаго и имѣемъ полное основаніе полагать что оно и не повторялось: проникавшія всѣ сферы государственной жизни договорныя начала, въ связи съ удѣльно-вѣчевою формою государственнаго строя и съ безпрестанными смутами, распрями и передвиженіями князей съ одного стола на другой—плохо вязались съ этимъ торжественнымъ обрядомъ, въ основѣ котораго лежитъ мысль о Божественномъ происхожденіи и нераздѣльности верховной власти. Что касается вѣнчанія Владиміра Святаго то, если мы допустимъ его достовѣрность,—оно можетъ быть объяснено связью его съ совершившимся передъ тѣмъ обращеніемъ его въ христіанство, женитьбою князя на греческой царевнѣ и вліяніемъ греческихъ императоровъ и духовенства. Такимъ образомъ, если мы и признаемъ фактъ вѣнчанія Владиміра Св., то признаемъ его фактомъ случайнымъ, временнымъ, фактомъ не коренящимся въ русской жизни. Второе извѣстіе о вѣнчаніи русскаго великаго князя восходитъ къ первой четверти XII вѣка, къ эпохѣ княженія в. к. Владиміра Всеволодовича, прозваннаго Мономахомъ (1113—1125 гг.). Позднѣйшія русскія лѣтописи (Степенная книга, Воскресенская лѣтопись, Царственный лѣтописецъ и разл. рукописные сборники) свидѣтельствуютъ, съ большими или меньшими варіантами (2), будто Владиміръ Мономахъ получилъ въ даръ отъ византійскаго императора Алексѣя Комнина эмблемы царскаго достоинства, именно вѣнецъ, златую цѣпь и бармы (3) греческаго императора Константина Мономаха, крестъ животворящаго древа и сердоликовую чашу Кесаря Римскаго Августа (4), и будто привезшій эти дары Ефесскій митропо-

(1) *Катаевъ*: «О священномъ вѣнчаніи и помазаніи царей на царство», Спб. 1847 г., стр. 69—72.

(2) См. *Карамзина*: «Исторія госуд. рос.», т. II, прим. 220.

(3) *Бармы*—это родъ вышитаго драгоцѣнными каменьями оплечья, украшеннаго ликами Спасителя, Божьей Матери и нѣкоторыхъ святыхъ. О бармахъ спеціальное изслѣдованіе (преимущественно съ филологической стороны) *Сабинина*: «О бармахъ», въ III т. (1839 г.) Рус. Историч. Сборника, изд. Моск. Общ. Ист. и Древн.

(4) «... крабійцу сердоликову, еюже Августъ царь Римскій веселяшеся». См: «О поставленіи Великихъ Князей Россійскихъ на великое кня-

литъ Неофитъ вѣнчалъ великаго князя въ Кіевскомъ соборѣ св. Софіи. Въ позднѣйшія времена, при вѣнчаніи на царство Московскихъ государей, всегда поминалось о фактѣ полученія Владиміромъ Мономахомъ царскихъ регалій. При этомъ обрядѣ сперва патріархъ, а затѣмъ и царь, провозглашали слѣдующую формулу: „Отъ великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха, иже превысочайшую честь, царскій вѣнецъ и діадему отъ греческаго царя Константина Мономаха воспріимъ, сего ради и Мономахъ наречеся,— вси великіе Государи Россійскіе царствія вѣнцемъ вѣнчахуся“ (¹). Таковы два *единственныя* свидѣтельства о вѣнчаніи двухъ великихъ князей русскихъ до Московскаго періода, когда вѣнчаніе сдѣлалось уже необходимою обрядностью при вступленіи на престолъ государей (²). Отъ эпохи Владиміра Мономаха и вплоть до эпохи в. к. Іоанна III (нач. XII—кон. XV вѣка)—мы не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о совершеніи этого священнаго обряда (³). Какъ-бы то ни было, но указанныя выше царскія регаліи употреблялись при всѣхъ вѣнчаніяхъ Московскихъ государей, начиная съ вѣнчанія внука Іоанна III—Дмитрія Ивановича, и кончая нашими днями; и въ наши дни при священномъ коронованіи

женіе святыми Бармами и Царскимъ Вѣнцемъ, откуду бѣ, и како начаша ставитися» (Др. Рос. Вивліоѳика, второе изд. 1788 г., ч. VII, стр. 2—3).

(¹) Эту формулу можно найти во всѣхъ «Чинахъ» поставленія царей. См. ихъ въ Древн. Рос. Вивл., VII часть втораго изд.; А. А. Э. II. № 47; Доп. къ А. Ист. I, № 39; Собр. Гос. Гр. и Дог. II, №№ 25, 51; III. № 16; IV, № 97.

(²) Слѣдуетъ замѣтить вообще, что вопросъ о вѣнчаніяхъ Владиміра Св. и Владиміра Мономаха представляется крайне запутаннымъ, сбивчивымъ и противорѣчивымъ (по этому вопросу смотри: *Катаева И*: «О священномъ вѣнчаніи и помазаніи царей на царство», Спб. 1847 г., стр. 69—76; *Карамзина*: «Ист. гос. Рос.», т. II, примѣч. 220; т. VIII, примѣч. 163).

(³) *Карамзинъ* передаетъ мало заслуживающее довѣрія повѣствованіе одного рукописнаго произведенія начала XVI вѣка (№ 365 Синод. библ.), будто Владиміръ Мономахъ, въ виду раздробленности русской земли, вручилъ полученныя имъ царскія регаліи сыну своему Георгію для храненія изъ роду въ родъ до той поры, пока Богъ не воздвигнетъ въ русской землѣ самодержавнаго царя; до наступленія же этого времени далъ будто бы преемникамъ своимъ завѣтъ не вѣнчаться на царство (Ист. гос. Рос., II т., прим. 220).

Императоровъ торжественно выносятся онѣ изъ Московской Оружейной Палаты, гдѣ эти древнія регаліи постоянно хранятся.

Если до конца XV вѣка и не существовало въ русской землѣ обряда вѣнчанія вступающихъ на престолъ государей, то тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ тѣмъ, что какъ въ начальную эпоху развитія великаго княженія Московскаго, такъ и въ до-татарскую эпоху удѣльно-вѣчевой Руси, —вступленіе князя на княженіе сопровождалось извѣстною торжественностью, извѣстною обрядностью. Эта обрядность выражалась въ актѣ *„посаженія“* князя на столѣ, который считался необходимымъ и безъ котораго князь не могъ вступить во всѣ права званія своего, вслѣдствіе чего въ лѣтописяхъ къ слову „вокняжился“ всегда прибавляются слова: „и сѣлъ на столѣ“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда князь занималъ столъ не въ порядкѣ наслѣдственнаго преемства, но призывался на княженіе самою волостью—что было въ ту эпоху явленіемъ болѣе нежели обыкновеннымъ,—тогда посаженію князя на столъ предшествовалъ *рядъ* его съ населеніемъ, т. е письменное изложеніе обоюдныхъ правъ и обязанностей; рядная грамота клалась на храненіе въ соборную церковь. Рядъ сопровождался принесеніемъ князю присяги, причемъ люди цѣловали крестъ съ словами: „ты нашъ князь!“ Послѣ заключенія ряда, князь торжественно вступалъ въ городъ, встрѣчаемый народомъ и духовенствомъ съ крестами и хоругвями. Затѣмъ слѣдовалъ обрядъ посаженія, совершавшійся въ храмѣ; въ Кіевѣ и Новгородѣ посаженіе совершалось въ соборахъ св. Софіи. Во время совершавшейся при этомъ литургіи князь, въ знакъ княжеской власти своей, оставался съ накрытою головою (¹).

Въ эпоху владычества надъ русскою землею татаръ, обрядъ посаженія совершался при участіи хана и татар-

(¹) *Соловьевъ:* «Исторія Россіи» (изд. третье), т. III, стр. 6—7. *Успенскій Г:* «Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ», Харьк. 1818 г., стр. 220—221. *Андреевскій И:* «Русское государственное право», Спб. 1866 г., I, стр. 148. *Романовичъ-Славатинскій А:* «Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко догматическому», Кіевъ, 1872 г. I вып., стр. 44—45. *Автора настоящаго труда:* «Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси», Каз. 1876 г., стр. 21—22.

скихъ чиновниковъ, что должно было служить знакомъ согласія хана на принятіе княземъ стола. Такъ Воскресенская лѣтопись свидѣтельствуетъ намъ, что в. к. Василій Дмитріевичъ былъ посаженъ на престолъ Московскій ханскимъ посломъ Шихматомъ (1). Болтинъ свидѣтельствуетъ что сущность участія принимавшагося ханскою властью въ дѣлѣ поставленія великихъ князей заключалась въ томъ, что ханъ, въ Ордѣ своей, вручалъ поставляемому мечь, какъ символъ власти, и торжественно провозглашалъ его великимъ княземъ. Затѣмъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, отправлялись въ Москву ханскіе послы которые, въ присутствіи бояръ и духовенства, торжественно возводили его на престолъ и затѣмъ прочитывали ханскій ярлыкъ о пожалованіи его великимъ княземъ; послѣ этого великій князь принималъ отъ бояръ поздравленія и присягу въ вѣрности, между тѣмъ какъ бирючи возвѣщали народу о совершившемся обрядѣ (2).

Мы замѣтили уже, что священный обрядъ вѣнчанія входитъ въ постоянное употребленіе при восшествіи на престолъ новыхъ государей, начиная съ эпохи в. к. Іоанна III. Этотъ государь, въ 1498 году, торжественно вѣнчалъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ на государствованіе внука своего Дмитрія (3), и съ тѣхъ поръ священнодѣйствіе это стало примѣняться ко всѣмъ вступавшимъ на престолъ государямъ русскимъ. Мы не считаемъ удобнымъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе порядка этого священнодѣйствія, такъ какъ желающіе могутъ ознакомиться съ нимъ изъ весьма обстоятельнаго изслѣдованія *И. Катаева*: „О священномъ вѣнчаніи и помазаніи царей на царство" или изъ дошедшихъ до нашихъ дней „Чиновъ вѣнчанія и поставленія" русскихъ царей на царство (4),—замѣтимъ здѣсь

---

(1) Полн. собр. рус. лѣтописей, VII (Воскрес. лѣт.), стр. 60.

(2) *Успенскій Г.* «Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ», стр. 222.

(3) Описаніе вѣнчанія Дмитрія Ивановича можно найти въ изслѣдованіи *Катаева:* «О священномъ вѣнчаніи и помазаніи царей на царство» (стр. 77—79), у *Герберштейна* въ его «Rerum Moscoviticarum commentarii» (стр. 33—36 по изданію Анонимова 1866 г.), у *Карамзина* въ его «Исторіи госуд. рос.» (стр. 279—282 тома VI) и др.

(4) До нашего времени дошли слѣдующіе *„чины"* вѣнчаній государей: *Дмитрія Ивановича,* 1498 г. (Собр. Гос. Гр. и Дог. II, №

только то, что вѣнчаніе государей, въ той формѣ въ какой оно нынѣ совершается, весьма значительно разнствуетъ отъ перваго вѣнчанія Дмитрія Ивановича, внука Іоанна III; оно образовалось постепенно. Такъ, напримѣръ, врученіе царю державы при вѣнчаніи вошло въ употребленіе лишь со временъ Василія Ивановича Шуйскаго; облеченіе царя въ порфиру и прочтеніе имъ исповѣданія вѣры—со временъ царя Θеодора Алексѣевича; вѣнчаніе супруги государя—со временъ Петра I и т. д. (¹). Что касается промежутка времени отдѣлявшаго актъ вѣнчанія отъ восшествія государя на престолъ,—то онъ не представлялъ ничего опредѣленнаго и бывалъ, въ однихъ случаяхъ менѣе, въ другихъ болѣе продолжительнымъ. Такъ, напримѣръ, царь Θеодоръ Ивановичъ, вступивъ на престолъ 18 марта 1584 г., вѣнчался лишь въ маѣ того-же года; Борисъ Годуновъ, въѣхавъ въ Москву въ качествѣ царя 26 февраля 1698 года, вѣнчался на царство лишь 1 сентября, т. е. спустя шесть мѣсяцевъ; Василій Шуйскій, напротивъ, вѣнчался черезъ 12 дней послѣ избранія его царемъ (1 іюня 1606 г.); Михаилъ Θеодоровичъ избранъ въ мартѣ, вѣнчался-же 11 іюля 1613 года; наконецъ Алексѣй Михаиловичъ, вступивъ на престолъ 13 іюля 1645 г., вѣнчался 28 сентября.

Выше замѣтили мы, что моментомъ вступленія государя на престолъ признавался моментъ прекращенія власти предшественника его,— конечно только въ томъ случаѣ, если новый государь былъ законнымъ преемникомъ послѣдняго илиже былъ указанъ имъ въ качествѣ таковаго. Это общее положеніе терпѣло исключеніе въ томъ случаѣ, если послѣ кончины государя совсѣмъ не предвидѣлось для него ни законнаго, ни назначеннаго преемника, если слѣдовательно представлялась необходимость избранія на престолъ новой

---

25): *Іоанна IV*, 1546 г. (Ibid. № 33. Доп. къ А. Ист. I, № 39); *Θеодора Ивановича*, 1584 г. (Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 51); *Бориса Θеодоровича*. 1598 г. (Доп. къ А. Ист. I. № 145); *Василія Ивановича Шуйскаго*, 1606 г. (А. А. Э. II, № 47), *Михаила Θеодоровича*, 1613 г. (Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 16); *Алексѣя Михаиловича*, 1645 г. (Др. Рос. Вивл., изд. второе, ч. VII, стр. 324); *Θеодора Алексѣевича*, 1676 г. (Ibid., стр. 304); *Іоанна и Петра Алексѣевичей*. 1682 г. (Ibid., стр. 403).

(¹) *Катаевъ*: «О священномъ вѣнчаніи и помазаніи царей на царство», стр. 76—90.

династіи и, въ ожиданіи избранія новаго государя, наступала эпоха междуцарствія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ моментомъ начала царской власти избраннаго считалось изъявленіе имъ согласія на принятіе престола. Вслѣдъ за выраженіемъ этого согласія, патріархъ или иной іерархъ благословлялъ избраннаго, въ присутствіи духовенства и бояръ, животворящимъ крестомъ на царство—и съ этого момента начиналась эпоха царствованія его [1].

Въ заключеніе вопроса о порядкѣ вступленія на престолъ Московскихъ государей необходимымъ является остановиться на слѣдующемъ вопросѣ: *кто являлся органомъ дѣятельности верховной государственной власти въ тѣхъ случаяхъ, когда государь фактически не былъ въ состояніи править государствомъ за своимъ малолѣтствомъ?*

Изъ государственнаго права извѣстно, что основные законы всѣхъ государствъ (за исключеніемъ Англіи) допускаютъ въ подобномъ случаѣ учрежденіе *временнаго правительства*, регентства, которому ввѣряется правленіе государствомъ до прихода государя въ совершеннолѣтіе. Исторія нашего отечества свидѣтельствуетъ намъ, что и въ Московскомъ государствѣ имѣло мѣсто учрежденіе правительства, регентства, при малолѣтнемъ государѣ.

Начало этого учрежденія коренится еще въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, восходя до эпохи Рюрика, отдавшаго сына своего Игоря родственнику своему Олегу—„бысть бо дѣтескъ вельми". Въ удѣльно-вѣчевой періодъ встрѣчаются случаи весьма ранняго посаженія князей на престолы; князья нерѣдко получали столы лѣтъ десяти и даже моложе. Такъ, напримѣръ, в. к. Всеволодъ далъ Новгородцамъ въ князья сына своего Святослава, бывшаго въ то время еще младенцемъ. Ясно, что возможность такого ранняго вокняженія можетъ быть объяснена лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что эти князья-дѣти были окружаемы опытными боярами, руководившими всѣми дѣлами правленія. Такъ, извѣстно что въ малолѣтство князя Галицкаго Даніила Романовича, князь этотъ правилъ лишь по имени, тогда какъ вся сила прав-

---

(1) *Павловъ*: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова», стр. 23—24. *Древняя Рос. Вивл.* ч: VII (изд. 1788 г.), стр. 204—205 (Утверженная грамота ц. Михаила Θеодоровича).

ленія сосредоточивалась въ рукахъ бояръ его; могущество послѣднихъ было такъ велико, что они, вопреки волѣ князя, принудили выѣхать въ Бѣльзъ вдовствовавшую мать его. Кромѣ бояръ, завѣдовавшихъ въ малолѣтство князей дѣлами правленія, видимъ мы при нихъ еще особаго рода лицъ, имѣвшихъ попеченіе и непосредственный надзоръ за самою личностью ихъ. Эти лица, встрѣчающіяся въ памятникахъ подъ названіемъ „пѣстуновъ" или „кормильцевъ",—избирались по всей вѣроятности изъ лучшихъ и знатнѣйшихъ дружинниковъ или изъ близкихъ родственниковъ малолѣтняго князя, и имѣли значительную долю власти надъ своими питомцами. Эти пѣстуны или кормильцы назначались къ малолѣтнему князю отцемъ его; такъ Новгородскій князь Мстиславъ Ростиславичъ, умирая, приказалъ малолѣтняго сына своего Владиміра нѣкоему Борису Захарьевичу. Такимъ образомъ еще въ исторіи удѣльно-вѣчеваго періода встрѣчаемъ мы случаи не только назначенія правительства изъ бояръ при малолѣтнемъ князѣ, но и назначенія къ нему особаго опекуна для попеченія объ личности его, назначенія къ нему пѣстуна, кормильца (¹).

Переходя къ разсмотрѣнію состоянія интересующаго насъ вопроса въ Московскомъ государствѣ, должны мы замѣтить, что въ этомъ періодѣ представляется намъ только два случая вступленія на престолъ малолѣтнихъ государей. Первый случай относится къ 1534 году, когда отцу своему в. к. Василію Ивановичу наслѣдовалъ трехлѣтній сынъ его Іоаннъ IV Васильевичъ. Второй случай относится къ 1682 году, когда на Московскій престолъ вступаютъ малолѣтніе цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Разсмотрѣвъ оба указанные случая, мы вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомимся и съ состояніемъ вопроса объ устройствѣ въ Московскомъ государствѣ правительства при малолѣтнихъ государяхъ.

Будучи въ 1534 году безнадежно болѣнъ, в. к. Василій Ивановичъ, смущаемый мыслью о младенчествѣ сына и преемника своего Іоанна, которому въ это время не было еще четырехъ лѣтъ, собираетъ у постели своей бояръ что-бы поговорить съ ними, по словамъ лѣтописи, „о своемъ сыну о

(¹) Изслѣдованіе *автора настоящаго труда*: «Очерки организаціи и происхожденія служилаго класса въ до-Петровской Руси». Каз. 1876 г., стр. 44—46.

князѣ Иванѣ, и о своемъ великомъ княженіи, и какъ строитися царству послѣ его". Затѣмъ, чувствуя приближеніе смерти, великій князь благословилъ сына животворящимъ крестомъ, объявивъ что поручаетъ ему послѣ себя государство. А такъ какъ князь Иванъ былъ еще ребенкомъ то, въ видахъ послѣдняго, великій князь приказываетъ супругѣ своей великой княгинѣ Еленѣ держать подъ нимъ государство до его возмужалости. Затѣмъ, обратившись къ боярамъ, великій князь говоритъ имъ: „Вы-же бояре мои, съ вами русскую землю держахъ, и васъ во чти держахъ, и дѣти ваша жаловахъ, и во всѣхъ странахъ славенъ быхъ, и рекли есте и правду дали служити мнѣ и дѣтямъ моимъ, обяжите себѣ слово свое на выѣ своей, укрѣпитеся истинною: приказываю вамъ княгиню и дѣти своя, послужите княгинѣ моей и сыну моему великому князю Ивану, и поберегите подъ нимъ его государства русскія земли и всего христіанства отъ всѣхъ его недруговъ". Наконецъ, уже послѣ принятія Св. Даровъ. умирающій великій князь даетъ еще тайныя наставленія боярамъ Михаилу Юрьевичу, Михаилу Глинскому и Шигонѣ „приказавъ о своей великой княгинѣ Еленѣ, и како ей безъ него быти, и како къ ней бояромъ ходити, и о всемъ имъ приказа како безъ него царству строитися" (1).

Такимъ образомъ видимъ мы, что в. к. Василій еще передъ кончиною своею самъ назначаетъ правительство при малолѣтнемъ сынѣ и преемникѣ своемъ Иванѣ. Правительницею назначается мать малолѣтняго государя, великая княгиня Елена, а при ней учреждается особый совѣтъ изъ бояръ, для вспомоществованія ей въ дѣлѣ государственнаго правленія. Особой опеки надъ особой великаго князя не назначается потому вѣроятно, что правительницею является родная мать его; умирающій государь просто „приказываетъ", т. е. поручаетъ, сына своего матери его и боярамъ. Черезъ четыре года по вступленіи на престолъ в. к. Ивана IV скончалась, какъ полагаютъ отъ отравы, правительница великая княгиня Елена—и правительство переходитъ исключительно въ руки бояръ, или вѣрнѣе говоря, въ руки пред-

(1) Полное Собраніе русскихъ лѣтописей, VI часть, стр. 269 и слѣд.; Русская лѣтопись по Никонову списку, часть VI (Спб. 1790 г.), стр. 259—260.

ставителей отдѣльныхъ родовъ боярскихъ, которымъ удавалось захватить въ руки свои власть; извѣстно, какъ повліяла эта олигархія бояръ на благосостояніе народа и на образованіе характера молодаго государя.

Второй случай назначенія правительства при малолѣтнихъ государяхъ относится къ 1682 году. Мы уже имѣли случай замѣтить выше, что послѣ кончины царя Θеодора Алексѣевича, патріархъ, бояре и другіе высшіе чины, не надѣясь на способности Іоанна, старшаго изъ двухъ оставшихся послѣ умершаго царя братьевъ его, избрали на престолъ младшаго брата—Петра. Но вслѣдствіе возникшихъ по этому поводу народныхъ волненій, пришлось измѣнить это рѣшеніе и возвести на престолъ обоихъ братьевъ, т. е. Іоанна и Петра Алексѣевичей, но такъ какъ оба брата были еще малолѣтны, то вслѣдствіе этого правительницею при нихъ была назначена старшая сестра ихъ царевна Софія Алексѣевна (1).

И такъ мы ясно видимъ, что въ Московскомъ государствѣ допускалось назначеніе правительства при малолѣтнихъ государяхъ. Правительство составлялось или изъ одного лица, родственнаго государю, не выключая отсюда и лицъ женскаго пола, или-же изъ совѣта бояръ. Оба вида организаціи правительства могли соединяться въ одно—какъ было напримѣръ въ первые четыре года государствованія Іоанна IV.

Разсматривая вопросъ о преемствѣ верховной власти въ Московскомъ государствѣ и о порядкѣ вступленія на престолъ государей,—имѣли мы случай замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда вступленіе на престолъ новаго государя обусловливалось не обычнымъ преемствомъ въ порядкѣ первородства, но избраніемъ его народомъ,—моментомъ начала государствованія его признавалось изъявленіе имъ согласія на принятіе престола. Но очевидно что при этомъ оказывался болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, въ теченіи котораго престолъ оставался незанятымъ, въ теченіи котораго не было въ государствѣ представителя верховной власти; этотъ промежутокъ междуцарствія былъ

(1) Подробности этого факта и свѣдѣнія о сущности власти врученной царевнѣ Софіи см. въ «Актѣ о совокупномъ восшествіи на всероссійскій престолъ Государей Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и пр.» (Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV, № 147).

особенно продолжителенъ послѣ низложенія съ престола Василія Шуйскаго: отъ паденія послѣдняго до воцаренія Михаила Θеодоровича Романова протекло около трехъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ русская земля оставалась безъ государя. Весьма естественнымъ образомъ возникаетъ теперь передъ нами слѣдующій вопросъ: *въ какомъ учрежденіи олицетворялась въ русской землѣ верховная государственная власть въ эти эпохи междуцарствія?*

Верховная власть олицетворялась въ эпохи междуцарствія въ лицѣ думы боярской или въ лицѣ земскаго собора, коль скоро онъ собирался въ такую эпоху. Такъ, послѣ смерти бездѣтнаго царя Θеодора Ивановича и послѣ отказа отъ царскаго вѣнца супруги его Ирины,—правленіе государствомъ перешло въ руки бояръ; вдовствующая царица, отказавшись отъ престола, прямо заявила что государствомъ будутъ править бояре и патріархъ до тѣхъ поръ, пока не соберется въ Москву земскій соборъ для избранія новаго царя. Равнымъ образомъ и Борисъ Годуновъ, отказываясь первоначально отъ престола, заявлялъ что никогда не дерзнетъ принять скипетръ русскаго государства, но что съ своей стороны, онъ для пользы отечества „съ бояры радѣти и промышляти радъ не токмо по прежнему, но и свыше перваго". Нельзя тѣмъ не менѣе не замѣтить того, что въ весьма краткій періодъ этого перваго междуцарствія, правленіе бояръ было чисто фактическимъ; не смотря на увѣщанія государственнаго печатника Василія Щелкалова, Москва не согласилась цѣловать крестъ боярамъ, не желая долго оставаться безъ царя (1).

Основаннымъ на болѣе твердыхъ началахъ представляется намъ боярское правленіе въ эпоху великаго междуцарствія 1610—1613 гг. Номинальный земскій соборъ 1610 года, низложивъ съ престола Василія Ивановича Шуйскаго и постановивъ избрать новаго царя „всею землею", т. е. полнымъ земскимъ соборомъ,—до приведенія въ исполненіе послѣдняго рѣшенія поручаетъ управленіе государствомъ боярину князю Θеодору Ивановичу Мстиславскому „съ товарищи", т. е. съ остальными боярами, о чемъ, посредствомъ окружныхъ грамотъ, и ставитъ въ извѣстность всѣ области Москов-

---

(1) *Карамзинъ*: «Исторія госуд. россійскаго», т: X, стр. 209—211.

скія, которыя должны были цѣловать крестъ боярамъ на томъ, что-бы слушаться ихъ и подчиняться ихъ суду, стоять вмѣстѣ съ ними за Московское государство, не передаваться на сторону втораго самозванца, не совершать противозаконныхъ поступковъ и т. ц. (1). До насъ дошло весьма много актовъ, свидѣтельствующихъ о дѣятельности боярскаго правленія во время междуцарствія; бояре посылаютъ въ города окружныя грамоты, даютъ правительственнымъ лицамъ наказы, получаютъ донесенія отъ пословъ и отъ городовъ, издаютъ различнаго рода распоряженія и постановленія, заключаютъ договоры, сносятся съ сосѣдними государствами и т. п. (2). Грамоты исходившія за это время отъ имени думы боярской закрѣплялись печатью князя Мстиславскаго, какъ старшаго изъ бояръ-правителей (3). Но дѣятельность учрежденнаго такимъ образомъ боярскаго правленія не оправдала оказаннаго ему довѣрія. Бояре, а по ихъ инціативѣ и Москва, цѣловали крестъ польскому королевичу Владиславу, призывая его на царство безъ воли на то всей земли. Земля отшатнулась отъ бояръ и Москвы, проявила замѣчательную земскую государственную самодѣятельность и, вопреки волѣ бояръ, собрала земское ополченіе и обложила Москву, занятую уже съ согласія бояръ поляками (4). Наконецъ въ февралѣ 1613 года, послѣ очищенія Москвы отъ поляковъ, созванъ былъ земскій соборъ для избранія новаго царя. Хотя въ это время и находилась въ Москвѣ князь Мстиславскій и всѣ бояре-правители, управленіе которыхъ прервано было передъ тѣмъ занятіемъ Москвы—но теперь уже не въ ихъ лицѣ олицетворяется верховная государственная власть, но въ лицѣ собравшагося земскаго собора; земскій соборъ отправляетъ пословъ къ вновь избранному государю, сносится какъ съ этими послами, такъ и съ новымъ царемъ, посылаетъ въ города окружныя грамоты съ извѣщеніемъ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича и съ требованіемъ о принесеніи ему присяги, ведетъ дипломатическую переписку и т. п.

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог. II, № 187. А. И. II, № 287.

(2) Собр Госуд. Гр. и Дог. II, №№ 199—200, 201, 202, 204, 208, 212, 215, 216, 220, 222, 240 и др.; А. Э. Э. II, №№ 164, 165: А. И. II, №№ 316, 321, 322 и др.

(3) Собр. Госуд. Гр. и Дог. II. №№ 222, 223, 240.

(4) Подробности объ этомъ см. ниже, въ III главѣ.

Итакъ, уже изъ сказаннаго нами уясняется, что въ эпохи междуцарствія верховная государственная власть, за отсутствіемъ государя, олицетворялась въ лицѣ думы боярской,—если только не было въ Москвѣ въ сборѣ народныхъ представителей, т. е. земскаго собора. Если-же въ моментъ прекращенія власти для предшествующаго государя находился въ Москвѣ земскій соборъ (какъ напримѣръ номинальный земскій соборъ при низложеніи Шуйскаго), или если во время боярскаго правленія собирался въ Москвѣ земскій соборъ (какъ напримѣръ передъ избраніемъ царя Михаила),—въ такомъ случаѣ верховная государственная власть олицетворялась уже въ немъ, а дума боярская, въ первомъ случаѣ—не вступала въ управленіе до уполномоченія ея на то соборомъ, во второмъ случаѣ—уступала правительственную власть свою собранію народныхъ представителей.

II.

О ПРАВАХЪ И ПРЕИМУЩЕСТВАХЪ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Начала неподчиняемости законодательнымъ опредѣленіямъ и безотвѣтственности Верховной власти.—Права Верховной власти на обладаніе особыми дворцовыми имуществами, для удовлетворенія потребностей двора и дворцоваго управленія.—Начало неприкосновенности личности и жилища представителя Верховной государственной власти.—Внѣшніе аттрибуты Верховной власти Московскихъ государей.—Царственныя регаліи.—Государственный титулъ и его историческое развитіе.—Почетные предикаты, присвоиваемые Московскимъ государямъ.—Государственный гербъ и его историческое развитіе.—Исторія Московской государственной печати.

Разсмотрѣвъ вопросы о сущности верховной государственной власти въ Московскомъ государствѣ, о преемствѣ Московскаго престола и о порядкѣ вступленія на престолъ государей—переходимъ къ вопросу о правахъ и преимуществахъ присвоиваемыхъ Верховной государственной власти въ лицѣ единственнаго представителя ея—Московскаго государя.

Московскій государь, прежде всего, не подлежалъ дѣйствію ни общихъ, ни спеціальныхъ законовъ, дѣйствующихъ на протяженіи территоріи Московскаго государства: личная воля его стояла выше всякихъ

человѣческихъ законовъ. Отсюда вытекаетъ и другое начало—полная безотвѣтственность его; Московскій государь никому не обязанъ давать отчета въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ своихъ. Оба указанныя нами начала естественнымъ образомъ вытекаютъ изъ понятія о полной самодержавной неограниченности государя и изъ представленія о Божественномъ происхожденіи власти его. Московскіе люди твердо вѣрили тому, что всѣ дѣянія государя направляются Божественною Волею, твердо вѣрили что „сердце царево въ руцѣ Божіей"—и въ силу этого считали святотатствомъ всякаго рода протестъ даже противъ несправедливыхъ дѣйствій его [1]. Добрыя дѣянія государя представлялись имъ Божіимъ благословеніемъ на землю; суровыя дѣянія ихъ представлялись имъ карою посылаемою Богомъ на землю, Божьимъ гнѣвомъ за прегрѣшенія русскаго народа.

Затѣмъ Московскому государю присвоивалось право на обладаніе извѣстнаго рода имуществами для содержанія себя, своего семейства и царскаго двора. Эти имущества носили названіе *дворцовыхъ* и состояли въ вѣданіи придворнаго приказа Большаго Дворца. Кромѣ того, для удовлетворенія потребностей царскаго двора, къ приказу Большаго Дворца приписано было значительное количество городовъ (въ концѣ XVI вѣка число ихъ доходило до 36, въ царствованіе-же Алексѣя Михаиловича болѣе 40 [2]); всѣ доходы съ этихъ городовъ (подати, питейные и таможенные сборы, сборы съ мельницъ и рыбныхъ ловлей, доходы съ оброчныхъ статей) всецѣло поступали на покрытіе дворцовыхъ расходовъ. Для той-же цѣли къ вѣдомству приказа Большаго Дворца были приписаны восемь слободъ города Москвы, населенныхъ ремесленниками которые, кромѣ уплаты общихъ податей, обязываны были повинностью безвозмездно производить всякаго рода работы и подѣлки въ вѣданіи государева дворца. Приказъ Большаго Дворца пользовался и нѣкоторыми другими, менѣе значи-

(1) *Ключевскій В*: «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ», М. 1866 г., стр. 65.

(2) *Котошихина*: «О Россіи въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича», глава VII, статья 1. *Карамзинъ*: «Исторія госуд. Рос.», т. X, стр. 226.

тельными статьями дохода: такъ сюда поступалъ сборъ отъ приложенія печатей къ грамотамъ, посылавшимся, по челобитью частныхъ лицъ, въ города, волости и села подвѣдомственные царскому Дворцу и сборъ отъ отдачи на откупъ на рѣкахъ Москвѣ и Яузѣ колки льда, платомоѣнъ и рѣчнаго весенняго перевоза. Въ эпоху Алексѣя Михаиловича указанные источника доходовъ приносили ежегодную сумму да 125,000 рублей (¹). Въ зависимости отъ приказа Большаго Дворца стояли другіе, второстепенные приказы, преслѣдовавшія цѣли дворцоваго хозяйства и управленія,—но мы откладываемъ обзоръ ихъ до общаго изслѣдованія Московскихъ приказовъ вообще и дворцовыхъ приказовъ въ частности. Изъ указанной выше суммы, поступавшей на удовлетвореніе нуждъ дворца и дворцоваго управленія, производились расходы на содержаніе царскаго семейства, на закупку дворцовыхъ запасовъ и „на дворцовые на всякіе расходы"; къ числу этихъ расходовъ относились и дѣла царскаго благотворенія —постройка церквей, субсидія (*руга*) имъ, милостыня нищимъ, погребеніе бѣдныхъ и т. п. (²). Такимъ образомъ царскій дворъ имѣлъ собственный бюджетъ свой и собственные источники доходовъ своихъ, отличные отъ источниковъ доходовъ обще-государственныхъ. Противоположеніе источниковъ доходовъ государевыхъ и государственныхъ особенно рѣзко проявилось при царѣ Іоаннѣ IV въ учрежденіи имъ „*опричнины*", что воспослѣдовало въ 1565 году, по возвращеніи его изъ Александровской слободы. Сущность этого учрежденія заключалась въ томъ, что царь отчислилъ въ свою собственность, въ опричину, 19 городовъ, Московскія волости со всѣми доходами съ нихъ и нѣсколько улицъ въ столицѣ Москвѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ учредилъ онъ при себѣ отборный ты-

---

(¹) *Котошихинъ*: «О Россіи въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича», глава VII, статья 4. Сличи у *Карамзина* въ его «Исторіи госуд. Рос.» въ X т. стр. 226—227.

(²) *Котошихинъ*: «О Россіи въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича», глава VII, статья 4. Въ бюджетъ приказа Б. Дворца не входятъ расходы на содержаніе предметовъ дворцоваго управленія, вѣдавшихся другими дворцовыми приказами (напр. царскія конюшни, охота и т. п.); расходы по вѣдомствамъ этихъ послѣднихъ покрывались собственными доходами ихъ. Мы убѣдимся въ этомъ ниже, при обозрѣніи дворцовыхъ приказовъ.

сячный отрядъ тѣлохранителей, получившихъ прозваніе опричниковъ. Все остальное—земское—отстранилъ Іоаннъ отъ непосредственнаго вѣданія своего, поручивъ управленію земскихъ бояръ, т. е. бояръ не вошедшихъ въ опричнину. Отдѣленіе опричнины отъ земщины не помѣшало однако-же царю потребовать себѣ изъ земской казны сто тысячъ рублей (почти полмилліона по нашему курсу), въ возмѣщеніе издержекъ понесенныхъ имъ по путешествію изъ Москвы въ Александровскую слободу (¹).

Наконецъ священная особа Московскаго государя пользуется полною неприкосновенностью и правомъ на высочайшую степень уваженія и почета.

Уложеніе грозитъ смертною казнью за всякое злоумышленіе *противъ особы* государя, а тѣмъ болѣе за составленіе какого-бы то ни было заговора или скопа противъ него. Опредѣленіямъ наказаній за преступленія направленныя противъ особы государя посвящена вся вторая глава этого памятника: „О государевой чести, и какъ его государское здоровье оберегать". Полною *неприкосновенностью* и значеніемъ священнаго мѣста *пользуется* далѣе *и жилище государя*: всякое убійство, драка, воровство и даже словесное оскорбленіе, нанесенное кому-бы то ни было на государевомъ дворѣ, хотя-бы при этомъ и не было непосредственнымъ образомъ затронута честь государя—возводится въ квалифицированное преступленіе и облагается большею наказуемостью, сравнительно съ обыкновеннымъ преступленіемъ того-же рода. Въ значеніе квалифицированнаго преступленія возводится подобнаго рода преступное дѣяніе и въ томъ случаѣ, если оно совершается и не на государевомъ дворѣ, но въ личномъ *присутствіи государя*. Преступленіямъ противъ неприкосновенности и чести государева двора посвящена вся третья глава Уложенія: „О государевѣ дворѣ, чтобъ на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакова безчинства и брани не было".

Что касается *правъ* Московскихъ государей *въ области законодательства*, *управленія и въ сферѣ отношеній государственной власти къ церкви*—то мы сочли болѣе цѣле-

(¹) *Карамзинъ*: «Исторія госуд. Рос.», т: IX, стр. 83—85 и примѣчаніе 137.

сообразнымъ разсмотрѣть ихъ въ началѣ настоящей главы, при обзорѣ объема власти ихъ.

Намъ остается разсмотрѣть лишь внѣшнія знаки достоинства, *внѣшніе аттрибуты власти*, присвоиваемые Московскимъ государямъ. Въ ряду этихъ внѣшнихъ аттрибутовъ власти должны мы поставить, во первыхъ—такъ называя царственныя регаліи, во вторыхъ—титулъ, въ третьихъ—гербъ и, въ четвертыхъ—печать Московскихъ государей.

Царственныя регаліи Московскихъ государей составляли: *вѣнецъ или Мономахова шапка*, *бармы* Мономаховы, *скипетръ*, *держава*, *крестъ животворящаго древа*, золотая *царская цѣпь* и *чаша Кесаря Августа*, изъ которой помазывались государи Св. Елеемъ на царство. При изложеніи вѣнчанія Московскихъ государей имѣли мы уже случай познакомить читателей съ этими предметами и сообщить преданіе о присылкѣ ихъ въ даръ в. к. Владиміру Мономаху греческимъ императоромъ Алексѣемъ Комниномъ.

Переходимъ къ исторіи государственнаго титула.

Въ титулѣ Московскихъ государей слѣдуетъ различать три составныя части его: a) указаніе источника власти государя, b) указаніе рода власти которою облеченъ онъ и c) часть территоріальную, указывающую на пространство территоріи надъ которою простирается власть государя. Всѣ эти три составныя части Московскаго государственнаго титула образовались путемъ вполнѣ историческимъ.

a) *Первая часть титула*, указывающая на *источникъ власти государя* — есть отраженіе представленія о божественномъ происхожденіи власти его. Такъ какъ власть Московскихъ государей коренится въ Божественной волѣ, то вслѣдствіе этого самый титулъ ихъ начинается словами: „Божіей милостью азъ, государь и великій князь всея Русіи NN . . . .“ Первый примѣръ употребленія въ титулѣ словъ „Божьею волею“ или „Божіей милостью“ встрѣчается въ грамотѣ одного изъ сыновей в. к. Дмитрія Донскаго, а затѣмъ эта форма употреблена въ договорной грамотѣ в. к. Василія Темнаго съ польскимъ королемъ Казиміромъ (¹). Иногда

(¹) *Романовичъ-Славатинскій А*: «Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому», Кіевъ, 1872 г., I, стр. 49.

эта форма измѣнялась въ слѣдующую: „Божіемъ благословеніемъ мы, Великій Государь NN и пр.“, или: „Бога въ Троицѣ славимаго милостью, великій государь NN и пр.“ и т. п. Вообще эта часть титула нерѣдко значительно видоизмѣнялась и распространялась такъ называемымъ *государевымъ богословіемъ*, что преимущественно было въ употребленіи въ царствованіе Іоанна IV, отличавшагося, какъ извѣстно, крайне религіознымъ настроеніемъ и любовью къ напыщеннымъ религіознымъ фразамъ: вотъ образецъ одной изъ формулировокъ этой части титула, заимствованный изъ эпохи Іоанна IV: „Троице пресущественная и пребожественная и преблагая правѣ вѣрующимъ въ тя истиннымъ христіанамъ, дателю премудрости, преневѣдомый и пресвѣтлій Крайній Верхъ! направи на истину твою и настави насъ на повелѣнія твоя, да возглаголемъ о людѣхъ твоихъ по волѣ твоей. Се убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ, удержахомъ скипетръ Россійскаго царствія, Мы, великій Государь, царь и великій князь и т. д.“,—затѣмъ слѣдуетъ уже дѣльнѣйшій титулъ (¹).

ƅ) *Вторая часть титула* указываетъ на *родъ власти которою облеченъ государь*. Въ первоначальную эпоху существованія русскаго государства глава государственной власти именовался просто *княземъ*, но обыкновенно, въ видахъ оказанія ему почета, и преимущественно при внѣшнихъ сношеніяхъ, къ титулу князя присовокупляли эпитетъ *великаго*. Съ развѣтвленіемъ Рюрикова дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ распространеніемъ удѣльной системы, титулъ „великій князь“ получаетъ уже болѣе опредѣленное значеніе. Съ этихъ поръ великимъ княземъ именуется лишь старшій передъ остальными князьями родичь; остальные называются по отношенію къ нему просто князьями (²). Въ эпоху возростанія могущества Московскаго государства русская земля представлялась раздѣленною на три великія княженія—Владимірское, которое соединяется вскорѣ съ Московскимъ княженіемъ подъ общимъ названіемъ великаго княженія Московскаго, затѣмъ великое княженіе Тверское и наконецъ

(¹) *Градовскій А.* «Начала русскаго государственнаго права», I. стр. 156.

(²) *Лакіеръ А*: «Исторія титула государей Россіи» (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1847 г., часть LVI, стр. 81—156), стр. 88—97.

13

великое княженіе Рязанское. Каждое изъ этихъ трехъ великихъ княженій представляло изъ себя цѣлую систему удѣльныхъ княженій, обладатели которыхъ, подъ гегемоніею своего великаго князя, именовались уже просто князьями. Такимъ образомъ въ первоначальную эпоху существованія Московскаго государства разсматриваемая часть титула формулировалась слѣдующимъ образомъ: „Великій Князь NN". Со временъ Іоанна III, въ разсматриваемую часть титула былъ введенъ предикатъ „Государя" или „Великаго Государя", причемъ она стала формулироваться слѣдующимъ образомъ: „Государь и великій князь". Іоаннъ IV въ 1546 году принялъ, какъ извѣстно, титулъ *Царя*, и съ тѣхъ поръ вторая часть титула измѣнилась слѣдующимъ образомъ: „Царь и великій князь NN" или „Великій Государь... Царь и великій князь и пр.". Въ видѣ особаго почета, титулъ „царя" придавался еще до эпохи Іоанна IV нѣкоторымъ князьямъ не только Московскимъ, но даже и удѣльно-вѣчевымъ; но царскаго достоинства, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не существовало въ русской землѣ до 1546 года (¹). Интересны мотивы побудившіе Іоанна IV принять новый титулъ. Дѣло въ томъ, что Іоаннъ IV производилъ свой родъ отъ римскаго Кесаря Августа (²); поэтому въ 1563 году высказываетъ онъ слѣдующую мысль посламъ литовскимъ: „не имѣю нужды въ титулѣ, ибо всѣмъ извѣстно что родъ мой отъ Кесаря Августа, а даннаго Богомъ человѣкъ не отниметъ". Слова эти вызваны были тѣмъ обстоятельствомъ, что король польскій Стефанъ Баторій не соглашался признать за Іоанномъ IV царскаго достоинства (³). Въ титулѣ Московскихъ государей встрѣчаемъ мы наконецъ наименованіе „*Самодержецъ*",—указывающее на неограниченность власти ихъ. Въ постоянное употребленіе вступаетъ оно лишь со временъ царя Михаила Θеодоровича (⁴), хотя и до этого государя встрѣчаются единичные

(¹) *Лакіеръ*: «Исторія титула государей Россіи», Ж. М. Нар. Пр. ч. LVI, стр. 113—115.

(²) Болѣе подробное изложеніе этой сказки см. у *Карамзина* въ его «Исторіи Госуд. Рос.», т. I, примѣч. 91 и 105.

(³) *Карамзинъ*: «Исторія госуд. Рос.», т. IX, стр. 57—58.

(⁴) А. А. Э. III, № 162.

случаи введенія его въ титулъ предшествующихъ царей и даже великихъ князей. Такимъ образомъ, къ концу XVII вѣка, обѣ разсмотрѣнныя нами части титула получили слѣдующую окончательную и обыкновенную форму: „Божіею милостью мы Великій Государь Царь и Великій Князь NN всея (слѣдуетъ территоріальная часть титула)... Самодержецъ и т. д.“ (¹). Въ такой формѣ представляется намъ вторая часть титула вплоть до принятія въ 1721 г. Петромъ I императорскаго достоинства.

c) *Третья составная часть титула* государей Московскихъ—*часть территоріальная*—образовалась и постепенно распространялась, вмѣстѣ съ расширеніемъ самыхъ предѣловъ Московскаго государства. Именуясь первоначально князьями Московскими, а съ 1328 г. великими князьями Московскими, Московскіе государи уже весьма рано, именно со временъ великаго князя Ивана Даніиловича Калиты, стали въ нѣкоторыхъ случаяхъ называть себя „Великими князьями Московскими *и всея Руси*“. Хотя въ эпоху Ивана Калиты великіе князья Московскіе далеко не обладали еще всею русскою землею, тѣмъ не менѣе, употребляя этотъ титулъ, они какъ-бы явно предначерчиваютъ себѣ задачу объединенія ея со временемъ подъ властью своею. Но въ эту раннюю эпоху прибавка „всея Руси“ не пріобрѣла еще себѣ постояннаго примѣненія. Хотя мы и встрѣчаемъ ее отъ времени до времени въ титулѣ великихъ князей Ивана Калиты (²), Симеона Ивановича (³), Дмитрія Ивановича (⁴), Василія Дмитріевича (⁵) и Василія Васильевича (⁶), тѣмъ не менѣе замѣчаемъ мы, что они весьма часто употребляютъ еще свой титулъ и безъ этой прибавки. Особенно наглядно проявляется это на великокняжескихъ печатяхъ. Иванъ Калита, присвоивая себѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ титулъ великаго князя „всея Руси“,—не употребляетъ еще его на своихъ печатяхъ, на которыхъ изображалось только: „печать

(¹) Напр. Собр. Гос. Гр. и Дог., IV, №№ 108, 114, 169 и др.

(²) А. А. Э. I, №№ 3 и 4.

(³) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 23.

(⁴) А. А. Э. I, № 8.

(⁵) А. А. Э. I, № 10, 13; А. И. I, № 28.

(⁶) А. И. I, № 39, 41.

великаго князя Ивана" (¹); Симеонъ Ивановичъ употребляетъ уже на печатяхъ своихъ титулъ: „печать князя великаго Семенова всея Руси" (²),—изъ котораго опять исключаются слова „всея Руси" на печатяхъ в. к. Ивана Ивановича (³). Великій князь Дмитрій Ивановичъ первоначально употреблялъ печать также безъ этихъ двухъ словъ; но въ концѣ государствованія своего ввелъ ихъ въ изображаемый на печатяхъ титулъ свой (⁴). Великій князь Василій Дмитріевичъ употреблялъ на печатяхъ своихъ титулъ: „печать князя великого Василіева Дмитріева всея Руси" (⁵). Преемникъ его в. к. Василій Темный весьма рѣдко вводилъ въ свой титулъ прибавку „всея Руси"; она не встрѣчается и на печатяхъ его. Великій князь Іоаннъ III, употребляя въ большинствѣ случаевъ въ титулѣ своемъ эту территоріальную прибавку, въ первой половинѣ государствованія своего не помѣщалъ ее на печатяхъ своихъ; но послѣ брака его съ царевною Софіею Палеологъ (послѣ котораго принялъ онъ византійскій гербъ—двуглаваго орла), вводитъ онъ въ преобразованный типъ печатей своихъ слѣдующій титулъ: „Великій князь Іоаннъ, Божьею милостью Господарь всея Руси (на первой сторонѣ печати гдѣ изображался всадникъ)", „и великій князь Владимірскій, и Московскій, и Новгородскій, и Псковскій, и Тверской, и Угорскій, и Вятскій, и Пермскій и Болгарскій (на второй сторонѣ печати, гдѣ изображался орелъ)" (⁶). Съ в. к. Іоанна III, съ преобразованіемъ государственнаго титула по сейчасъ указанному типу—получаетъ, собственно говоря, дальнѣйшее развитіе территоріальная часть титула Московскихъ государей. Со временъ в. к. Іоанна III, государи Московскіе начинаютъ вводить въ государственный титулъ свой наименованія всѣхъ областей и земель, вновь присоединяемыхъ къ владѣніямъ ихъ, такъ что съ каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ становится обширнѣе и самый ти-

---

(¹) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 33, 35.

(²) Ibidem, стр. 38.

(³) Ibidem, стр. 41, 43.

(⁴) Ibidem, стр. 51, 62.

(⁵) Ibidem, стр. 74.

(⁶) Собр. Госуд. Гр. и Дог. I. см. снимокъ съ печати Іоанна III на стр. 333.

тулъ ихъ. Великій князь Василій Ивановичъ пріобрѣлъ Псковъ, Рязань и Смоленскъ; царь Іоаннъ IV пріобрѣлъ Полоцкъ, царства Казанское и Астраханское, часть царства Сибирскаго и часть Ливоніи (которая вскорѣ снова была утрачена имъ); при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ пріобрѣтено было номинальное верховенство надъ нѣкоторыми кавказскими областями и владѣніями (Иверская и Кабардинская земля) и закончено покореніе Сибири; при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ присоединена Малороссія, Кіевъ и нѣкоторыя другія западно-русскія области, находившіяся до того времени подвластными Польшѣ:—указанія на всѣ эти пріобрѣтенія заносились и въ титулъ Московскихъ государей (1).

Такъ развивался постепенно, историческимъ путемъ, титулъ Московскихъ государей; г. Лакіеръ правъ, говоря что въ исторіи титула русскихъ государей вкратцѣ отражается самая исторія Россіи.

Приведемъ образецъ полной формулировки государственнаго титула въ одной изъ грамотъ второй половины XVII вѣка:

„Божіею милостью отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Московскаго, Кіевскаго, Владимірскаго, Новгородскаго, Царя Казанскаго, Царя Астраханскаго, Царя Сибирскаго, Государя Псковскаго и Великаго князя Литовскаго, Смоленскаго, Тверскаго, Волынскаго, Подольскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятскаго, Болгарскаго и иныхъ, Государя и Великаго Князя Новогорода Низовскія земли, Черниговскаго, Рязанскаго, Полоцкаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Бѣлоозерскаго, Удорскаго, Обдорскаго, Кондинскаго, Витебскаго, Мстиславскаго и всея сѣверныя страны Повелителя, и Государя Иверскія земли Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и Обладателя, на-

(1) *Лакіеръ*: «Исторія титула государей Россіи», Ж. Мин. Н. Пр., ч. LVI, стр. 120—131. *Градовскій*: «Начала рус. госуд. права», I, стр. 157—159.

шего Царскаго Величества боярину и гетману войска Запорожскаго и т. д." ([1]).

Съ добавленіемъ къ приведенному сейчасъ титулу принятаго Петромъ I наименованія Императора и съ добавленіемъ въ территоріальной части его указаній на пріобрѣтенія сдѣланныя Петромъ и его преемниками,—этотъ титулъ и до нашихъ дней употребляется нашими Государями подъ названіемъ полнаго титула. Но въ современномъ русскомъ государственномъ правѣ существуетъ, какъ извѣстно, трояая форма государственнаго титула: полная, средняя и краткая. Начало различія краткаго и полнаго титула восходитъ до временъ Іоанна III. Какъ Іоаннъ III, такъ и послѣдующіе государи, употребляли полную форму титулу (т. е. съ полною территоріальною частью) лишь при внѣшнихъ сношеніяхъ и въ особенно значительныхъ актахъ внутренней правительственной дѣятельности; въ обыкновенныхъ-же случаяхъ пользовались они *краткою формою титула.* Такъ Іоаннъ III употреблялъ краткій титулъ въ слѣдующей формѣ: „Божіею милостью Государь всея Русіи и Великій Князь"; цари Ѳеодоръ Ивановичъ, Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій и Михаилъ Ѳеодоровичъ: „Божіею милостью Государь Царь и Великій Князь, всея Русіи Самодержецъ" (послѣдняя прибавка употреблялась первыми тремя царями лишь иногда, послѣднимъ-же — постоянно); наконецъ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ образовалась слѣдующая форма краткаго титула: „Божіею милостью Великій Государь, Царь и Великій Князь, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси Самодержецъ" ([2]).

([1]) Собр Гос. Гр. и Дог. IV, № 51. Весьма любопытно свидѣтельство *Флетчера*, посла англійской королевы Елизаветы, о тѣхъ затрудненіяхъ, какія представляло для иностранцевъ величаніе государя на аудіенціяхъ полнымъ титуломъ его—что тѣмъ не менѣе требовалось отъ нихъ Московскимъ дипломатическимъ этикетомъ. Такъ, Флетчеръ разсказываетъ между прочимъ о себѣ, что когда онъ, стѣсняясь обширностью титула царя Ѳеодора Ивановича, обратился къ нему съ титуломъ «императора всѣхъ Россій, великаго князя Владимірскаго, Московскаго и Новгородскаго, царя Казанскаго и царя Астраханскаго»,—тогда одинъ изъ сановниковъ (le chancelier) съ гнѣвомъ потребовалъ отъ него дополненія титула. (Fletcher: «La Russie au XVI siecle», Leip. et Paris, 1864, I, p. 57—59).

([2]) *Градовскій*: «Начала русскаго государственнаго права», Спб. 1875 г., стр. 161.

Въ заключеніе обзора исторіи титула Московскихъ государей, не лишнимъ считаемъ указать и на нѣкоторыя *почетныя наименованія, присвоивавшіяся имъ.* Эти наименованія не входили составною частью въ государственный титулъ, но употреблялись при обращеніяхъ къ государямъ или иностранныхъ владѣтелей, или высшаго духовенства, или наконецъ частныхъ подданныхъ.

Такъ папы римскіе, австрійскіе императоры и англійскіе короли, въ сношеніяхъ своихъ съ русскими царями и даже великими князьями, нерѣдко придавали имъ наименованія королей и императоровъ (¹).

Высшее духовенство, какъ русское, такъ въ особенности константинопольскіе іерархи, придавали русскимъ государямъ эпитеты, въ которыхъ выставлялось на видъ или благородное происхожденіе ихъ, или благочестіе ихъ, или значеніе ихъ, какъ блюстителей православія. Сюда относятся напримѣръ предикаты: „твое благородіе", „благородство", „христолюбивый", „благочестивый", „о Святѣмъ Дусѣ возлюбленный" и т. п. (²). Приведемъ въ видѣ образца слѣдующее обращеніе константинопольскаго патріарха Діонисія къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ: „Благочестивѣйшіе и Христіаннѣйшіе, православнѣйшіе, Богомъ вѣнчанные, Богохранимые и Богославимые, тишайшіе и приснопредпочтенные, державнѣйшіе, милостію Божіею Цари и Великіе Государи и т. д." (³).

Подданные, обращаясь къ государямъ, первоначально именовали ихъ „господине княже великій", позже „государь князь великій" или просто „государь", а съ первой половины XVII вѣка начинаетъ входить въ употребленіе обращеніе „ваше величество". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ челобитныхъ обращаемыхъ на имя государя, подданные писались холопами и употребляли имена свое въ уменьшительной или уничижительной формѣ, напримѣръ: „холопъ твой Ивашко" и т. п. При этомъ, обращаясь къ государю съ просьбами, челобитчики обраща-

---

(¹) *Лакіеръ*: «Исторія титула государей Россіи». Ж. М. Н. Пр., ч. LVI, стр. 118—120, 132—139. *Романовичъ-Славатинскій*: «Пособіе для изученія рус. госуд. права и пр.», I, стр. 50.

(²) *Лакіеръ*: «Исторія титула и пр.», стр. 139—142.

(³) Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV, № 176.

лись къ нему съ воззваніемъ: „смилуйся, пожалуй!“ или „умилосердись, яко Богъ!“ (1).

Такова исторія титула Московскихъ государей (2). Переходимъ къ исторіи государственнаго герба ихъ.

Исторія герба Московскихъ государей стоитъ въ тѣсной связи съ исторіею печатей ихъ. Употребленіе же печатей восходитъ въ русской землѣ до временъ весьма отдаленныхъ: извѣстіе объ нихъ восходитъ до временъ договоровъ Руссовъ съ Греками (3) Печати употреблялись еще древними великими и удѣльными князьями, которые изображали на нихъ ликъ Спасителя, Божьей Матери, особо почитаемаго Угодника или-же, чаще всего, ликъ Святаго, во имя котораго дано было государю имя; для великаго княженія Кіевскаго выработалась до нѣкоторой степени постоянная эмблемма—изображеніе Архангела Михаила (4). Такимъ образомъ въ первомъ періодѣ русской исторіи не выработалось никакой опредѣленной, однообразной формы печатей, —не выработалось слѣдовательно государственнаго герба, въ собственномъ смыслѣ этого слова (5). Выработанной формы герба не замѣчаемъ мы до в. к. Іоанна III и у великихъ князей Московскихъ. Передадимъ сущность изображеній, встрѣчающихся на печатяхъ государей Московскихъ до

---

(1) *Романовичъ-Славатинскій*: «Пособіе для изученія рус. госуд. права и пр.», I, стр. 50—51.

(2) Исторія титула Московскихъ государей разсматривается въ слѣдующихъ трудахъ: *Рычковъ*: «О титулѣ бѣлаго царя», Ежем. Сочин. 1763 г., августъ. *Успенскій Г*: «Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ», Харьк. 1818 г., стр. 224—233. *Лакіеръ А.* «Исторія титула государей Россіи», Ж. М. Нар Пр. 1847 г., ч. LXI, стр. 81—156. *Андреевскій И*: «Русское государственное право», Спб. 1866 г. I, § 48. *Романовичъ-Славатинскій А*: «Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому», Кіевъ, 1872 г. I, § 20. *Градовскій А*: «Начала русскаго государственнаго права», I, Спб. 1875 г., § 135. Опытъ изъясненія происхожденія наименованій *князь, царь* и *бѣлый царь* у Успенскаго (стр. 225—228 и 230—233) и у Лакіера (стр. 87—88, 111—118, 121—123).

(3) *Лакіеръ А*: «Русская геральдика». Спб., 1855 г. I, стр. 88—89.

(4) Ibidem, стр. 111.

(5) *Андреевскій*: «Русское государственное право», I, стр. 156.

Іоанна III,—пользуясь снимками съ печатей, помѣщенными въ I томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Иванъ Калита употреблялъ печать съ изображеніемъ лика своего патрона—св. Іоанна Богослова, Симеонъ Ивановичъ — св. Симеона, Иванъ Ивановичъ — св. Іоанна (1). Дмитрій Донской употреблялъ двѣ печати, одну съ изображеніемъ лика св. Дмитрія Солунскаго, другую двойную, съ изображеніемъ головы въ шлемѣ съ одной, и какой-то нагой фигуры съ другой стороны (2). Печати в. к. Василія Дмитріевича представляютъ также два типа: на одной печати его видимъ мы ликъ св. Василія, на остальныхъ изображеніе скачущаго вправо всадника, на однихъ экземплярахъ—съ копьемъ, на другихъ—съ поднятымъ въ рукѣ мечемъ; первый примѣръ употребленія печати съ изображеніемъ всадника относится къ 1389 году (3). Печати в. к. Василія Василіевича представляютъ еще большее разнообразіе; здѣсь находимъ мы напримѣръ двойную печать съ изображеніемъ всадника съ копьемъ на одной, и двухъ нагихъ фигуръ на обратной сторонѣ; затѣмъ женскую голову въ профиль съ головнымъ уборомъ на подобіе древне-греческаго; четырехъ коней, бѣгущихъ по два въ правую и лѣвую сторону, съ изображеніемъ фантастической человѣческой фигуры по срединѣ; наконецъ на позднѣйшихъ печатяхъ—изображеніе льва пожирающаго змѣя (4). Печати в. к. Іоанна III представляютъ до 1497 года три типа: на однѣхъ видимъ изображеніе двухъ встрѣчающихся всадниковъ; на другихъ изображеніе двухъ фигуръ, стоящихъ на облакахъ, изъ которыхъ одна держитъ въ поднятой рукѣ вѣнокъ, другая—мечь; на третьихъ печатяхъ изображенія находятся съ обѣихъ сторонъ, на одной сторонѣ находится изображеніе встрѣчаемое на печатяхъ втораго типа, т. е. двѣ фигуры на облакахъ, съ другой стороны изображеніе льва пожирающаго змѣя,—совершенно подобное находящемуся на позд-

(1) Соб. Гос. Гр. и Дог I, №№ 22, 24, 25 (см. снимки въ концѣ грамотъ).

(2) Соб. Гос. Гр. и Дог. I, снимки при № 30, 33, 34.

(3) Сор. Гос. Гр. и Дог. I, снимки при № 39 и №№ 35, 38, 41, 42.

(4) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, снимки при №№ 44, 53, 55, 57, 75, 77, 79, 85, 86, 87.

нѣйшихъ печатяхъ в. к. Василія Васильевича ([1]); печати этого послѣдняго типа преобладаютъ на грамотахъ Іоанна III до 1497 года.

Уже изъ представленнаго нами описанія изображеній, встрѣчаемыхъ до 1497 года на печатяхъ великихъ князей Московскихъ, легко усматривается, что изображеніе скачущаго всадника съ мечемъ или копьемъ далеко не преобладаетъ на печатяхъ ихъ. На снимкахъ находящихся въ I томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ изображеніе всадника встрѣчается на печатяхъ великихъ князей Московскихъ только при пяти грамотахъ, изъ которыхъ четыре относятся къ эпохѣ в. к. Василія Дмитріевича и одна къ началу государствованія в. к. Василія Темнаго ([2]); по времени изображеніе это встрѣчаемъ мы между годами 1389 и 1428. Въ I томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ изображеніе это встрѣчается также на печатяхъ приложенныхъ къ пяти грамотамъ великихъ князей Тверскихъ — притомъ на одной изъ нихъ, относящейся къ 1462 году, всадникъ въ первый разъ изображенъ уже поражающимъ копьемъ змѣя ([3]).

Переходимъ къ обзору изображеній помѣщавшихся на монетахъ, чеканившихся при различныхъ великихъ князьяхъ Московскихъ. Здѣсь видимъ мы такое-же разнообразіе изображеній, какое замѣчается и на ихъ печатяхъ, но изображеніе всадника съ мечемъ является здѣсь раньше нежели на печатяхъ, оно появляется уже на серебрянныхъ монетахъ в. к. Дмитрія Донскаго. Затѣмъ, попеременно съ другими изображеніями, встрѣчается скачущій всадникъ и на монетахъ великихъ князей Василія Дмитріевича и Василія Васильевича. Въ государствованіе в. к. Іоанна III разнообразіе въ изображеніяхъ изчезаетъ и изображеніе скачущаго всадника дѣлается на монетахъ уже постояннымъ ([4]).

([1]) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, снимки при №№ 89, 90, 91, 92—94, 98, 124, 126.

([2]) Именно при №№ 35, 38, 41, 42, 44.

([3]) Именно при №№ 63, 77, 79 и 89; А. А. Э. I, 68.

([4]) *Лакіеръ*: «Руссская геральдика», I, § 41. *Заблоцкій:* «О цѣнностяхъ въ древней Руси». Спб. 1854 г. стр. 50. До Іоанна IV всадникъ изображался на конѣ съ саблею въ поднятой рукѣ, но съ Іоанна IV сталъ онъ уже изображаться съ копьемъ въ рукѣ: «А при Великомъ Князѣ Ва-

И такъ мы вправѣ сказать, что до конца XV вѣка не было однообразія и постоянства въ изображеніяхъ, помѣщавшихся на печатахъ и на монетахъ великихъ князей Московскихъ, а слѣдовательно не было и твердо установившейся формы государственнаго герба. Государственный гербъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, появляется у насъ лишь въ концѣ XV вѣка, послѣ брака в. к. Іоанна III съ греческою царевною Софіею: это послѣднее событіе дало великому князю поводъ принять гербъ павшей передъ тѣмъ Византійской имперіи — чернаго двуглаваго орла съ распластанными крыльями. Гербъ Византійской имперіи былъ при этомъ соединенъ съ изображеніемъ скачущаго всадника,— которое, какъ мы видѣли, стало со временъ в. к. Василія Дмитріевича помѣщаться на печатяхъ, а главнымъ образомъ, на монетахъ великихъ князей Московскихъ. Усвоенная в. к. Іоанномъ III форма государственнаго герба впервые встрѣчается въ 1497 году, на печати привѣшенной къ мѣновной грамотѣ этого государя съ Волоцкими князьями. Эта печать является двухстороннею. На первой сторонѣ ея видимъ мы скачущаго на право всадника, поражающаго копьемъ змѣя; вокругъ изображенія надпись: „Іоаннъ, Божіею милостью Господарь всея Руси и Великій Князь". На второй сторонѣ печати видимъ изображеніе двуглаваго орла съ опущенными распластанными крыльями и съ вѣнцомъ на каждой головѣ; вокругъ орла надпись: „И Великій Князь Влад(*имірскій*) и Моск(*овскій*) и Нов(*городскій*) и Пск(*овскій*) и Тве(*рской*) и Уго(*рскій*) и Вят(*скій*) и Пер(*мскій*) и Бол(*гарскій*)" (¹). Лакіеръ приводитъ весьма основательный доводъ въ пользу того положенія, что сейчасъ описанная нами печать есть уже государственный гербъ въ полномъ смыслѣ этого слова, рѣзко отличающійся отъ употреблявшихся до тѣхъ поръ печатей: между тѣмъ какъ до конца XV вѣка вокругъ изображенія всегда означалось, что это-де печать такого-то князя,— здѣсь значеніе оттиска уже не объясняется; предполагается что каждое лице знаетъ что печать есть государственная,

---

силѣ Ивановичѣ бысть знамя на деньгахъ: Князь великій на конѣ, а имѣя мечь въ руцѣ, а Князь Великій Иванъ Васильевичъ учини знамя на деньгахъ: Князь Великій на конѣ, а имѣя копье въ руцѣ; и оттолѣ прозвашася деньги копѣйныя» (Софійскій Временникъ, подъ 1536 годомъ).

(¹) Собр. Госуд. Гр. и Дог. I, снимокъ къ № 129.

коль скоро находятся на ней установленныя изображенія, установленный гербъ (1).

Образовавшаяся при в. к. Іоаннѣ III форма государственнаго герба, въ существенныхъ составныхъ чертахъ своихъ оставалась неизмѣнною и для послѣдующихъ государствованій; позднѣйшія измѣненія и дополненія сводятся лишь къ различнымъ комбинаціямъ двухъ основныхъ элементовъ— орла и всадника; они проявляются затѣмъ въ различномъ положеніи и формѣ крыльевъ и хвоста орла, въ числѣ вѣнцевъ надъ его главами, въ дачѣ въ лапы орла скипетра и державы, въ присоединеніи къ изображенію орла гербовъ областныхъ и различнаго рода эмблеммъ и т. п. Укажемъ на важнѣйшія измѣненія, которымъ подвергалась форма государственнаго герба послѣ эпохи в. к. Іоанна III.

Важнѣйшимъ изъ этихъ измѣненій представляется соединеніе во одномъ изображеніи обѣихъ составныхъ частей государственнаго герба—то есть орла и всадника. Соединеніе это заключается въ томъ, что всадникъ, изображенный на щиткѣ, сталъ помѣщаться на груди орла. Первый примѣръ подобнаго соединенія относится еще къ эпохѣ царя Іоанна IV; до насъ дошла большая печать этого государя, на которой оттиснутъ орелъ съ изображеніемъ всадника на груди (2); до насъ дошли также большія золотыя монеты (или скорѣе медали, такъ какъ онѣ отчеканены съ ушками) царя Іоанна IV, на которыхъ встрѣчаемъ подобное-же соединеніе обѣихъ составныхъ частей государственнаго герба (3). Примѣры подобнаго соединенія въ одномъ изображеніи орла и всадника имѣются равнымъ образомъ на печатяхъ царя Өеодора Ивановича (4), на печатяхъ обоихъ самозванцевъ (5) и на печатяхъ и монетахъ царя Михаила Өеодоровича (6). Наряду съ этою новою формою государственнаго герба про-

---

(1) Лакіеръ: «Русская геральдика», I, стр. 124.

(2) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, снимокъ при № 104; это печать царя Іоанна IV, что явствуетъ изъ надписи вокругъ орла.

(3) T. F. de Schubert: «Monnayes russes des derniers trois siècles», оттискъ № 1.

(4) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 59.

(5) Ibidem. II, №№ 95, 99, 130, 132, 156, 162, 163, 169 и др.

(6) Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 38; *Schubert:* «Monnayes etc.», № 35.

должала существовать и первоначальная форма его, усвоенная в. к. Іоанномъ III, при которой орелъ и всадникъ помѣщались раздѣльно, на обѣихъ сторонахъ печати: оба типа существуютъ одновременно, отнюдь не исключая одинъ другой. Такъ, раздѣльную форму государственнаго герба видимъ мы на печатяхъ царя Іоанна IV (¹), Бориса Годунова (²), на монетахъ царя Василія Шуйскаго (³), на печатяхъ царя Михаила Θеодоровича (⁴) и на монетахъ царя Алексѣя Михаиловича (⁵). По мнѣнію Лакіера, произволъ замѣчаемый въ формулировки государственнаго герба въ томъ или другомъ видѣ, можетъ быть объясненъ лишь удобствомъ соединенія обѣихъ составныхъ частей или необходимостью раздѣленія ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Вслѣдствіе этого обѣ составныя части должны были соединяться прежде всего на большой государственной печати, которая, по словамъ этого автора, обыкновенно прикладывалась, а не подвѣшивалась подобно малымъ печатямъ (⁶).

Въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича приняты были мѣры для окончательной формулировки государственнаго герба. Вызванный имъ герольдмейстеръ австрійскаго императора Фердинанда—Хуреличъ, составилъ новый рисунокъ государственнаго герба, причемъ изъ двухъ существовавшихъ до тѣхъ поръ типовъ его преимущество дано было тому, въ которомъ оба составные элемента соединялись вмѣстѣ, т. е. всадникъ на щиткѣ изображался на груди двуглаваго орла (⁷). Не смотря на эту окончательно признан-

(¹) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 46.

(²) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 73.

(³) Schubert: «Monnayes etc.», № 26.

(⁴) Собр. Гос. Гр. и Дог. III, №№ 71, 118.

(⁵) Schubert: «Monnayes etc.», №№ 61, 62 и слѣд. Къ сожалѣнію въ IV томѣ Собранія Госуд. Гр. и Дог. приложено весьма мало снимковъ съ печатей, но лишь кратко сообщается, что къ акту приложена такаго-то цвѣта односторонняя или двойная печать,—что помѣшало намъ привести большее число примѣровъ печатей обоихъ типовъ за различныя царствованія.

(⁶) Лакіеръ: «Русская геральдика», I, стр. 227—229.

(⁷) Памятникомъ пребыванія въ Московскомъ государствѣ Хуреличa осталось его сочиненіе: «Родословіе пресвѣтлѣйшихъ и вельможнѣйшихъ Великихъ Московскихъ Князей и пр.», написанное въ 1673 г.; латинскій подлинникъ его, вмѣстѣ съ переводомъ, хранится въ Московскомъ

ную форму государственнаго герба, въ концѣ XVII вѣка, вѣроятно къ актамъ менѣе значительнымъ,—продолжали подвѣшиваться печати двухсторонніа, съ раздѣленіемъ обѣихъ составныхъ частей его (¹).

Затѣмъ измѣненіе государственнаго герба заключалось въ томъ, что вокругъ двуглаваго орла стали располагать меньшіе гербы важнѣйшихъ царствъ, княженій и областей, соединившихся съ Московскимъ государствомъ. Первый образецъ подобной формулировки герба въ государственной печати относится еще къ царствованію царя Іоанна IV; въ 1605 году, къ грамотѣ самозванца къ тестю его Юрію Мнишекъ, приложена большая государственная печать, которая, какъ оказывается изъ находящейся на ней надписи, относится еще къ царствованію Іоанна IV. На этой печати, вокругъ орла съ изображеннымъ на груди его всадникомъ, расположены въ концентрическомъ кольцѣ слѣдующіе областные гербы (или печати, какъ они названы здѣсь): Казанскій, Псковскій, Тверской, Пермскій, Болгарскій, Черниговскій, Нижегородскій, Вятскій, Югорскій, Смоленскій, Астраханскій, Новгородскій (²). Въ большой государственной печати царя Алексѣя Михаиловича гербы отдѣльныхъ областей замѣнены болѣе общими эмблемами подвластныхъ ему странъ; здѣсь, на правой сторонѣ отъ орла, изображены три городка и надъ ними буквы В, М и Б, т. е. Великая, Малая и Бѣлая Россія; на лѣвой сторонѣ отъ орла изображены три другіе городка, а надъ ними буквы В, З и С, т. е. Восточныя, Западныя и Сѣверныя страны.

Архивѣ минист. Иностран. дѣлъ. (*Андреевскій:* «Рус. госуд. право», I, стр. 157. вторая сноска; *Снегиревъ И:* «Еще нѣсколько словъ о гербѣ Московскомъ», въ № 69 Моск. Вѣдомостей за 1853 годъ).

(¹) Автору случалось неоднократно видѣть жалованныя грамоты временъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей съ подобными печатями. На одной имѣющейся у автора жалованной грамотѣ 1682 года, обѣ составныя части госуд. герба раздѣлены на печати и формулированы совершенно почти такимъ же образомъ, какъ на мѣновной грамотѣ в. к. Іоанна III отъ 1497 г. (С. Г. Гр. и Дог. I, № 129).

(²) Собр. Госуд. гр. и Дог. II, № 104. Лакіеръ предполагаетъ, будто введенію въ Московскій государственный гербъ гербовъ областныхъ— обязана древняя русская геральдика знакомству съ гербами западно-европейскими и, въ особенности, съ гербомъ Польши (Русская геральдика, I, стр. 234—235).

Подъ орломъ помѣщенъ эмблемматическій знакъ „отчича и дѣдича“, охраняемый вооруженными людьми; надъ орломъ три короны, двѣ меньшихъ надъ каждою изъ главъ его, а одна большая—общая для обѣихъ главъ. Эта форма государственнаго герба сохранялась въ царствованіе Өеодора Алексѣевича и въ первые годы царствованія Петра I (¹).

Съ царствованія Іоанна IV въ Московскомъ государственномъ гербѣ встрѣчается весьма нерѣдко еще одна любопытная особенность: на груди орла, вмѣсто всадника, начинаютъ изображать скачущаго единорога или, какъ называли его въ Московскомъ государствѣ,—„инрога“. Иногда на двухстороннихъ печатяхъ соединялось изображеніе всадника и изображеніе единорога такимъ образомъ, что на одной сторонѣ печати находился двуглавый орелъ съ всадникомъ на груди, на другой-же сторонѣ помѣщался также орелъ, но уже съ фигурою единорога на груди; подобная усложненная форма герба встрѣчается на нѣкоторыхъ печатяхъ царей Бориса, Михаила и Алексѣя (²). Соединеніе всадника съ единорогомъ, или замѣна перваго послѣднимъ, встрѣчается и на Московскихъ монетахъ; такъ на большой золотой монетѣ или медали Іоанна IV и на золотой монетѣ царя Михаила, на одной сторонѣ видимъ изображеніе орла и всадника, на другой сторонѣ изображеніе орла и единорога (³). Кромѣ печатей и монетъ, изображеніе единорога, вмѣстѣ съ изображеніемъ льва, встрѣчается на царской державѣ, на царскихъ саадакахъ и топорахъ, на царскомъ сѣдлѣ, на серебрянномъ тронѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, на оконныхъ наличникахъ кремлевскихъ теремовъ и т. п. предметахъ (⁴). Татищевъ предполагаетъ, будто изображеніе единорога было собственнымъ гербомъ царя Іоанна IV; это предположеніе можетъ быть признано и не лишеннымъ правдоподобія, если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что этотъ государь дѣйствительно печаталъ частную, неоффиціальную, переписку свою именно этимъ изображеніемъ (⁵). Снегиревъ видитъ мысль этого изображенія въ сло-

(¹) Лакіеръ: «Русская геральдика», I, стр. 234—236.

(²) Ibid., стр. 231—232.

(³) Schubert: «Monnayes etc.», №№ 1 и 35.

(⁴) Снегиревъ И; «Еще нѣсколько словъ о Московскомъ гербѣ», въ № 69 Моск. Вѣдомостей за 1853 г.

(⁵) Лакіеръ: «Русская геральдика», I, стр. 232.

вахъ библейскаго псалма: „... и вознесется яко единорога рогъ мой“ (Псал. XCI, 11), предполагая будто Іоаннъ IV, упоенный славою пріобрѣтеній своихъ, пожелалъ эмблемматически изобразить это изрѣченіе и въ гербѣ своемъ. Какъ бы то ни было, но, въ теченіи всего XVII вѣка, на груди орла попеременно видимъ мы на государственныхъ печатяхъ и монетахъ,—то изображеніе всадника, то изображеніе единорога, причемъ, какъ мы видѣли, оба типа иногда соединялись на двухсторонних печатяхъ и на монетахъ (¹). При новой формулировкѣ государственнаго герба въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, всаднику поражающему копьемъ змѣя отдано было рѣшительное преимущество передъ изображеніемъ единорога.

Изъ остальныхъ измѣненій и дополненій государственнаго герба укажемъ напримѣръ на то, что съ в. к. Василія Ивановича главы орловъ стали изображаться съ открытыми клювами и съ выдающимися изъ послѣднихъ язычками, что со временъ царя Михаила въ лапахъ орла стали иногда изображать скипетръ и державу (что впрочемъ не считалось существеннымъ даже при царѣ Алексѣѣ), что всадникъ, изображавшійся прежде съ обнаженною головою, сталъ изображаться то въ шишакѣ, то въ княжескомъ вѣнцѣ и т. п. (²).

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о значеніи двухъ основныхъ элементовъ Московскаго государственнаго герба—двуглаваго орла и всадника поражающаго змѣя.

Значеніе двуглаваго орла, какъ составной части Московскаго государственнаго герба, не требуетъ особыхъ поясненій: мы уже знаемъ что в. к. Іоаннъ III наслѣдовалъ его отъ павшей Византійской имперіи, вслѣдствіе брака своего съ греческою царевною Софіею Палеологъ. Царь Іоаннъ IV, производившій родъ свой отъ Кесаря Августа, объяснялъ права свои на гербъ двуглаваго орла этимъ мнимымъ происхожденіемъ своимъ; во время распри своей со шведскимъ

(¹) Снегиревъ: «Еще нѣсколько словъ и пр.», Московскія Вѣдом. 1853 г., № 69. Замѣтимъ здѣсь между прочимъ, что единорогъ изображавшійся на Моск. госуд. гербѣ—замѣчательно сходствуетъ съ единорогомъ британскаго госуд. герба.

(²) *Лакіеръ*: «Русская геральдика», I, § 62; *Снегиревъ:* «Еще нѣсколько словъ и пр.».

королемъ, писалъ ему царь слѣдующее: „а что писалъ еси о римского царства печати и у насъ своя отъ прародителей нашихъ, а римская печать намъ не дико. Мы отъ Августа Кесаря родствомъ ведемся“ (1).

Болѣе запутаннымъ представляется вопросъ о *значеніи всадника, поражающаго копьемъ змѣя*. Мысль этого изображенія очевидна: она выражаетъ идею торжества, идею побѣды; эту-же идею выражаетъ и изображеніе льва пожирающаго змѣя, до 1497 года преобладавшее на печатяхъ в. к. Іоанна III, и человѣка борющагося съ гидрой и т. п. изображенія, встрѣчающіяся на печатяхъ великихъ князей Московскихъ. Лакіеръ приходитъ къ убѣжденію въ томъ, что основная мысль всѣхъ этихъ изображеній, а въ числѣ ихъ и изображенія всадника поражающаго змѣя — выражаетъ борьбу русскихъ князей съ татарами, а по отношенію къ Москвѣ — и торжество ея надъ удѣльною системою; самаго всадника признаетъ Лакіеръ за грубое изображеніе великихъ князей (2). Посѣщавшіе Россію иностранцы принимали изображеніе всадника за Св. Георгія Побѣдоносца, а Коллинсъ сообщаетъ даже, будто изображеніе это вошло въ Московскій гербъ съ тѣхъ поръ, какъ англійская королева Елизавета прислала царю Іоанну Орденъ Подвязки; какъ не лестною должна была казаться англичанину эта догадка, она тѣмъ не менѣе не имѣетъ ни малѣйшаго правдоподобія: изображеніе это извѣстно было у насъ еще за-долго до Іоанна IV. Какъ-бы то ни было, — но до самаго конца XVII вѣка изображеніе всадника въ гербѣ никогда не признавалось у насъ за изображеніе Св. Георгія, но извѣстно было подъ простымъ названіемъ „ѣздока“ или „ѣздеца“. Напротивъ, ѣздокъ оффиціально объяснялся у насъ въ XVII вѣкѣ въ качествѣ изображенія самаго царя или его наслѣдника. Такъ, въ 1660 году, когда герцогъ Флорентинскій спросилъ русскихъ пословъ Лихачева и Ѳомина, „не изображаетъ-ли

(1) Лакіеръ: «Русская герольдика», I, стр. 222—223.

(2) Лакіеръ: «Русская герольдика», I, §§ 41 и 42. Лакіеръ считаетъ не невѣроятнымъ заимствованіе изображенія скачущаго всадника въ первоначальной формѣ его, т. е. съ занесенною въ рукѣ саблею, изъ литовскаго герба «*погони*», съ которымъ имѣетъ онъ весьма много общаго. Этому заимствованію могъ способствовать бракъ в. к. Василія Дмитріевича на литовской княжнѣ Софьѣ Витовтовнѣ (Ibid., стр. 117—118).

всадникъ въ Московскомъ гербѣ Св. Георгія?",—послы весьма явственно отвѣчали, что это изображеніе самаго царя на конѣ. Точно также въ XVI вѣкѣ и патріархъ Александрійскій, получивъ отъ царя Іоанна грамоту, взглянулъ на привѣшенную къ ней печать и спросилъ вручившаго ея ему новгородскаго архідіакона Геннадія, „царь-ли изображенъ на печати коннымъ?",—на что получилъ утвердительный отвѣтъ. Наконецъ Котошихинъ, въ извѣстномъ сочиненія своемъ, замѣчаетъ что на Московской печати „вырѣзано царь на конѣ побѣдилъ змѣя". Снегиревъ видитъ доказательство того, что всадникъ Московскаго герба не есть Св. Георгій и въ томъ, что надъ головою его никогда не изображалось ни вѣнца, ни сіянія, ни имени его; доказательство это весьма вѣско (¹).

Въ 1667 году, для скрѣпленія мирнаго Андрусовскаго договора съ Польшею, сдѣлана была новая большая царская печать и вмѣстѣ съ тѣмъ издано узаконеніе, разъясняющее значеніе изображеннаго на ней государственнаго герба. Объясненіе это слѣдующее: „Орелъ двоеглавый есть гербъ державный Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества Россійскаго Царствія, на которомъ три коруны изображены, знаменующія три великія, Казанское, Астраханское, Сибирское, славныя Царства, покоряющіяся Богомъ хранимому и высочайшей Его Царскаго Величества милостивѣйшаго Государя державѣ и повелѣнію; на правой сторонѣ орла три грады суть; а по описаніи въ титлѣ, Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, на лѣвой сторонѣ орла три грады своими писаньми, образуютъ Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ; подъ орломъ знакъ отчича и дѣдича; на персѣхъ изображеніе наслѣдника; въ пазноктѣхъ (въ лапахъ) скипетръ и яблоко (держава) и являютъ милостивѣйшаго Государя, Его Царскаго Величества Самодержца и Обладателя" (²). Въ томъ-же году предписано было посламъ, отправлявшимся къ Бранденбургскому курфюрсту и къ Кур-

(¹) *Лакіеръ*: «Русская геральдика», I, § 43. *Снегиревъ*: «О гербѣ россійскомъ», Моск. Вѣдом. 1842 г. № 43 и «Еще нѣсколько словъ о гербѣ Московскомъ. ibid. 1853 г. № 69. *Котошихинъ*: «О Россіи въ царств. Алексѣя Михаиловича», глава Ш, статья 14.

(²) Полное Собр. Зак. Рос. Имп. I, № 421.

ляндскому князю, давать совершенно такое-же объясненіе государственнаго герба въ томъ случаѣ, если-бы стали просить ихъ разъяснить его значеніе ([1]).

Такимъ образомъ видимъ мы что и гербъ Московскихъ государей, подобно титулу ихъ,—развивался путемъ чисто историческимъ ([2]). Намъ остается теперь еще коснуться вопроса о Московскихъ государственныхъ печатяхъ.

Исторія Московской Государственной печати, какъ могли мы убѣдиться въ томъ изъ предшествовавшаго изложенія, стоитъ въ самой тѣсной связи съ исторіею Московскаго государственнаго герба; вслѣдствіе этого, ознакомившись съ исторіею послѣдняго, намъ остается сдѣлать лишь нѣсколько краткихъ замѣчаній относительно исторіи государственной печати.

Въ древнѣйшей Руси князья не подписывали лично никакихъ актовъ и грамотъ: подпись ихъ замѣнялась приложеніемъ ихъ печатей, которыя придавали актамъ санкцію верховной власти. Влѣдствіе этого уже въ половинѣ XIII вѣка встрѣчаемъ мы особое должностное лице—*печатника*, на обязанностяхъ котораго лежали попеченія о храненіи и о приложеніи къ актамъ княжескихъ печатей; это лице пользовалось весьма важнымъ значеніемъ и безграничною довѣренностью князей. Дѣятельность печатника была весьма обширна; прикладывая къ извѣстному акту государственную печать,—онъ отвѣчалъ за законность этого акта и за соблюденіе въ немъ всѣхъ принятыхъ въ практикѣ формальностей. Онъ долженъ былъ быть опытнымъ дипломатомъ, такъ какъ ему приходилось прикладывать печати къ грамотамъ посылавшимся въ чужія государства, или къ заключаемымъ съ послѣдними договорамъ; съ другой стороны, всякій дипло-

([1]) Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV т., № 57.

([2]) Исторія герба Московскаго разработывалась слѣдующими авторами: *Снегиревъ И.* «О гербѣ Россійскомъ», Моск. Вѣдом. 1843 г., № 43; *Лакіеръ А*: «Россійскій государственный гербъ», Спб. Вѣдом. 1847 г., № 142; *Снегиревъ И.* «Еще нѣсколько словъ о гербѣ Московскомъ», Моск. Вѣдом. 1853 г., № 69; *Лакіеръ А*: «Русская геральдика», Спб. 1855 г.; *Андреевскій И.* «Русское государственное право», Спб. 1866 г., § 49; *Романовичъ-Славатинскій А*: «Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому», Кіевъ, 1872 г. I, § 22.

матическій актъ, присланный въ Москву изъ инаго государства, прежде доклада его государю, тщательно изслѣдовался печатникомъ, для того что-бы удостовѣриться, соотвѣтствуетъ-ли форма его достоинству Московскаго государя, правильно ли написанъ титулъ послѣдняго, „по пригожу ли и по прежнему обычаю“ подвѣшена къ нему печать и т. п. На должность печатника избирался обыкновенно какой либо опытный дьякъ, отличавшійся способностями и вѣрностью своею, напрактиковавшійся въ государственныхъ и посольскихъ дѣлахъ (¹).

Впослѣдствіе, когда въ Московскомъ государствѣ вполнѣ развилась обширная система правительственныхъ приказовъ, вѣданіе государственныхъ печатей распредѣлилось между двумя центральными учрежденіями этого рода—Посольскимъ и Печатнымъ приказами. Въ Посольскомъ приказѣ вѣдались двѣ печати: *большая государственная*, которою печатались акты дипломатическихъ сношеній и другая *печать, которою печатались жалованныя грамоты на вотчины и помѣстья, грамоты на званіе гостя и грамоты посылаемыя къ крымскому хану и къ калмыкамъ* (²).

До Андрусовскаго мира большая государственная печать вырѣзывалась съ полнымъ царскимъ титуломъ; съ 1667 года, послѣ Андрусовскаго мира, стала она употребляться съ краткимъ титуломъ (³). Въ Печатномъ приказѣ, находившемся въ вѣданіи посольскаго думнаго дьяка (печатника), —хранилась *малая государственная печать*, которая прилагалась ко всѣмъ прочимъ грамотамъ и памятямъ, какъ оффиціальнымъ, такъ и частнымъ. Эта печать, величиною немного больше Любекскаго ефимка и съ самымъ краткимъ царскимъ титуломъ, имѣлась въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ экземпляръ постоянно носился завѣдовавшимъ

(¹) Лакіеръ: «Русская геральдика», I, стр. 253—256

(²) Котошихинъ: «О Россіи въ царств. Алексѣя Михаиловича», гл VII, ст. 2. Первая изъ этихъ печатей была односторонняя, т. е. орелъ былъ соединенъ въ ней съ ѣздокомъ. Вторая—«самая истинная Московскаго княженія печать»—была двухсторонняя; на одной сторонѣ ея изображенъ былъ ѣздокъ поражающій змѣя, на другой—орелъ (Ibid., гл. Ш, ст. 14); эту печать можно видѣть на многихъ сохранившихся жалованныхъ грамотахъ на вотчины.

(³) Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV т., № 133.

приказомъ думнымъ дьякомъ „на вороту", т. е. на шеѣ ([1]). Особая дворцовая печать имѣлась наконецъ въ вѣданіи приказа Большаго Дворца, въ которомъ сосредоточивались всѣ вѣтви дворцоваго управленія ([2]). Съ присоединеніемъ Малороссіи, сдѣлана была для этой области особая большая Малороссійская государственная печать. Въ срединѣ ея изображенъ, по обыкновенному образцу, двуглавый орелъ съ ѣздокомъ на груди, а по окружности вырѣзанъ царскій титулъ,—но отличіе этой печати въ томъ, что подъ орломъ изображенъ столъ съ лежащимъ на немъ гетманскимъ бунчукомъ, къ которому съ двухъ сторонъ вереницами подходятъ козаки; предводитель правой вереницы держитъ въ рукѣ знамя, предводитель лѣвой вереницы—большой крестъ ([3]).

Во второй половинѣ XVII вѣка возникла въ Московскомъ государствѣ новая и весьма важная должность „оберегателя царственныя большія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ",—впервые занятая извѣстнымъ русскимъ дипломатомъ эпохи XVII вѣка А. А. Ордынъ—Нащокинымъ. Это новое должностное лице, вмѣстившее въ себѣ высшее завѣдованіе всѣми иностранными дѣлами (слѣдовательно соотвѣтствующее должности государственнаго канцлера)—должно было включить въ кругъ обязанностей своихъ храненіе и употребленіе большой государственной печати ([4]).

Тотъ фактъ, что государственная печать, будучи приложена къ извѣстному акту, освящала силу его авторитетомъ воли верховной власти—объясняетъ намъ громадное значеніе государственной печати въ политической и общественной жизни Московскаага государства. Безъ государственной печати задерживался ходъ всего механизма госу-

([1]) Котошихинъ: «О Россіи въ царств. Алексѣя Михаиловича», гл. VII, ст. 33 Въ проэктѣ устава ц. Ѳеодора Алексѣевича о служебномъ старшинствѣ бояръ и пр., должность печатника характеризуется слѣд. образомъ: «онъ всегда нашего царскаго величества имѣетъ на выѣ своей печать и дозирая печатаетъ наши государскія грамоты» (Архивъ ист.—юрид. свѣд. Калачова. М. 1850 г., I).

([2]) Котошихинъ: гл. VII. ст. 4.

([3]) Образецъ этой печати при № 113 четв. части Собр. Госуд. Гр. и Дог.

([4]) Лакіеръ: «Русская геральдика», I, стр. 260 и слѣд.

дарственной жизни Московской; поэтому послы, отправившіеся въ 1613 г. просить на царство Михаила Романова, отписывали земскому собору, что у нихъ „за государевою печатью многія государевы грамоты стали" (послѣ изъявленія Михаиломъ согласія на престолъ), и земскій соборъ постановилъ выслать ее въ мѣстожительство новаго царя (¹). Вслѣдствіе столь важнаго значенія государственной печати, приложеніе ея къ грамотѣ являлось актомъ строго формальнымъ: нерѣдко пустая повидимому погрѣшность въ способѣ приложенія или подвѣшиванія ея, влекла за собою продолжительные пересуды, наказаніе виновнаго и даже ничтожность самой грамоты. Строго наблюдалось при этомъ, что-бы внѣшняя форма печати (болѣе или менѣе подробный титулъ на ней государя, объемъ ея, матеріалъ, цвѣтъ печати и шнуровъ къ ней, величина и форма кустодіи на печати)—находилась въ соотвѣтствіи съ большею или меньшею важностью самой грамоты (²).

Въ силу важнаго значенія государственныхъ печатей, всякаго рода подлогъ въ нихъ обсуживался наравнѣ съ преступленіями противъ Величества. Уложеніе грозитъ смертною казнью какъ за поддѣлку государственной печати, такъ и за злоумышленное отнятіе ея отъ государевыхъ грамотъ для приложенія къ какимъ либо подложнымъ актамъ (³).

(¹) *Дворцовые Разряды*, изд. II Отд. Собст. Его Имп. Вел. Канцеляріи, Спб. 1850 г., I, стр. 1050. *Ивановъ П.* «Описаніе государственнаго разряднаго архива», М. 1842 г. стр. 130.

(²) Лакіеръ: «Русская геральдика», I, стр. 214—218. Относительно внѣшней формы госуд. печатей см. въ этомъ же трудѣ § 37.

(³) Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича, глава IV.

Исторія Московской государственной печати, въ связи съ исторіею государственнаго герба, прекрасно разработана въ изслѣд. А. Лакіера: «Русская геральдика», I т., въ §§ 37, 58 и въ особенности въ § 67.

III.

ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ(1).

Историческій очеркъ земскихъ соборовъ XVI и XVII вв.—Причины вызвавшія созваніе перваго земскаго собора 1548—1549 года и историческое значеніе этого факта. — Земскій соборъ 1566 г. — Свѣдѣнія о земскомъ соборѣ 1584 г. — Земскій соборъ 1598 г. — Фиктивный земскій соборъ 1610 г. — Земщина въ эпоху великаго междуцарствія. — Земскіе соборы при царѣ Михаилѣ: земскій соборъ 1612 — 1615 гг.; земскій соборъ 1615 — 1618 гг; земскіе соборы 1619, 1621, 1632, 1634, 1637 и 1642 гг. — Земскіе соборы при царѣ Алексѣѣ: свѣдѣнія о земскомъ соборѣ 1645 г.; земскіе соборы 1649, 1950 и 1653 гг. — Позднѣйшія коммисіи изъ выборныхъ людей 1660, 1672, 1676, 1681—1682 и 1682 гг. — Внутренняя организація земскихъ соборовъ: ихъ виды, созваніе, составъ, мѣсто, время, порядокъ засѣданій и постановленія. — Значеніе земскихъ соборовъ.

Къ числу любопытнѣйшихъ особенностей Московской государственной жизни долженъ быть отнесенъ выработанный ею особый видъ народныхъ представительныхъ собраній, извѣстныхъ въ источникахъ подъ наименованіями „земскихъ соборовъ", „земскихъ совѣтовъ", „великихъ земскихъ думъ" или „общихъ совѣтовъ". Эти народныя собранія образовывались путемъ созыва въ Москву выборныхъ представителей отъ служилыхъ и земскихъ „всякихъ чиновъ" людей.

Земскіе соборы созывались обыкновенно въ тяжелыя, критическія для государства эпохи жизни, для обсужденія „всею землею" затруднительнаго положенія дѣлъ или, наконецъ, для обсужденія и утвержденія тѣхъ или другихъ мѣропріятій, имѣвшихъ важное жизненное значеніе для всѣхъ слоевъ и состояній русскаго народа.

Земскіе соборы собирались какъ въ „государственное время", какъ при наличности на престолѣ государя, такъ и въ „безгосударственное время", при вакантности престола

(1) Мы помѣщаемъ вопросъ о земскихъ соборахъ въ этомъ отдѣлѣ во первыхъ потому, что земскіе соборы, выражая собою высшую форму совѣщанія царя съ землею, непосредственно касаются ученія объ организаціи верховной власти, а во вторыхъ и потому что, въ эпохи междуцарствій, земскіе соборы сами являлись органами верховной государственной власти.

вслѣдствіе прекращенія власти предшествовавшаго государя, когда надлежало, слѣдовательно, избрать на престолъ новаго государя. Само собою разумѣется, что земскіе соборы созывавшіеся въ правленіе извѣстнаго государя, при самодержавности и неограниченности власти послѣдняго, притомъ созывавшіеся всегда по его инициативѣ,—могли имѣть лишь совѣщательное значеніе. Но совершенно иной характеръ имѣли земскіе соборы собиравшіеся въ эпохи междуцарствія. Эти послѣдніе соборы, олицетворявшіе въ себѣ, за отсутствіемъ государя, верховную государственную власть—имѣли уже въ полномъ смыслѣ слова правительственное, рѣшающее, значеніе. Имѣя конечною цѣлью своею избраніе на престолъ новаго государя,—они не ограничиваютъ этимъ своего назначенія; до избранія государя, а равно и до вступленія послѣдняго въ управленіе, избирательный соборъ выказываетъ усиленную правительственную дѣятельность, принимая дѣятельныя мѣры къ предупрежденію и пресѣченію анархіи, неурядицъ и всѣхъ вообще вредныхъ послѣдствій междуцарственнаго времени.

Начало земскихъ соборовъ восходитъ до послѣднихъ годовъ первой половины XVI вѣка: первый земскій соборъ созванъ былъ Іоанномъ IV въ 1548 или 1549 году, слѣдовательно черезъ годъ или два послѣ принятія имъ царскаго достоинства.

Само собою разумѣется, что такая рѣшительная мѣра какъ созваніе въ Москву представителей отъ всей русской земли—не могла быть игрушкою въ рукахъ юнаго и эксцентричнаго царя, не могла быть результатомъ личной прихоти его; ясно, что причина созванія перваго земскаго собора должна была быть весьма серьезна, должна была быть вызвана тѣми или другими условіями современной жизни Московскаго государства.

Разсмотримъ-же въ общихъ чертахъ внутреннее состояніе государства, въ эпоху предшествовавшую созванію перваго земскаго собора.

Въ началѣ XVI столѣтія завершено было великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ дѣло объединенія русской земли и въ 1533 году этотъ государь передалъ подъ единодержавную руку трехлѣтняго сына и преемника своего, Іоанна, единое, сплоченное, русское государство. Фактъ Москов-

ской централизаціи завершился. Но въ эту эпоху единеніе отдѣльныхъ Московскихъ областей,—изъ которыхъ многія видѣли еще вчерашнимъ фактомъ потерю политической самостоятельности своей,—далеко не было еще органическимъ; напротивъ, соединеніе подъ властью Москвы многихъ русскихъ областей носило характеръ чисто внѣшній, механическій, нерѣдко даже насильственный. Процессъ территоріальной централизаціи былъ законченъ, но не былъ законченъ еще процессъ внутренней, жизненной централизаціи: не было еще дано общаго направленія интересамъ и жизненнымъ стремленіямъ отдѣльныхъ земщинъ Московскихъ, не было выработано сознанія цѣлостной, обще-русской земщины; интересы и стремленія всей русской земли замѣнялись интересами и стремленіями отдѣльныхъ земщинъ, напримѣръ земщины новгородской, псковской, тверской и др. Тишина, внѣшній и внутренній миръ, обоюдное довѣріе земщинъ и правительства — составляли необходимыя условія мирнаго развитія гражданственности и духовнаго единенія земщинъ, сплотившихся подъ властью Московскаго государства. Но первая половина XVI вѣка не представляла ни одного изъ этихъ условій. Внѣшняя политика государства отмѣчается безпрерывными войнами съ Швеціею, Ливоніею и Польшею на западѣ, и безпрерывными столкновеніями съ Казанью, Ногайскою Ордою и Крымомъ на востокѣ и юго-востокѣ; внутри государства свирѣпствуютъ страшные разбои, сдѣлавшіеся обычнымъ промысломъ обширнаго класса вольныхъ, „гулящихъ“, людей; до крайности плохая, слабая, исполненная злоупотребленій и въ конецъ разорявшая населенія система мѣстнаго управленія, въ связи съ тягостью финансовыхъ податей и повинностей и всеобщимъ броженіемъ государственныхъ элементовъ—исключала возможность единенія интересовъ земщинъ и правительства и установленія между ними обоюднаго довѣрія. Очевидно, что для удержанія при такихъ условіяхъ въ соединеніи отдѣльныхъ составныхъ частей обширнаго государства,—государства раскинувшагося на тысячи верстъ по обширнымъ равнинамъ восточной Европы,—нужна была твердая, могущественная и неограниченная воля государя, который самъ входилъ-бы во всѣ дѣла управленія, не полагаясь на окружающихъ его бояръ-совѣтниковъ, который, по выраженію Іоанна IV, „еди-

ко вмѣстно самъ былъ всѣмъ судія и оборона", который-бы, на сколько это находилось въ возможности его „неправды разорялъ и хищенія возвращалъ". Но Московскій государь долго не могъ стать лицемъ къ лицу къ народу и тѣмъ положить начало единенію государства и отдѣльныхъ земщинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и органическому единенію земщинъ между собою; долго между государемъ и народомъ стояли бояре, интриговавшіе въ пользу сохраненія прежняго правительственнаго значенія своего и въ силу этого искусно заслонявшіе отъ престола истинныя нужды и потребности земщинъ. Первый земскій соборъ впервые отстранилъ бояръ съ пути, ведшаго къ единенію царя и земли, впервые поставилъ царя лицемъ къ лицу къ народу, впервые далъ царю увидѣть во всей ихъ наготѣ и безприкрашенности истинные недостатки и темныя стороны государственной и общественной жизни.

Интересны историческія обстоятельства, доведшія Іоанна IV до сознанія неотложной необходимости созвать въ Москвѣ первый земскій соборъ. Извѣстно что послѣ смерти отца своего, Іоаннъ IV наслѣдовалъ престолъ Московскій трехъ лѣтъ отъ роду, а спустя четыре года (въ 1538 году) лишился и правительницы-матери. Правленіе государствомъ, которое уже въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ государствованія Іоанна сосредоточивалось исключительно почти въ рукахъ бояръ и ознаменовалось самовластіемъ послѣднихъ и презрѣніемъ народныхъ нуждъ,—обратилось съ кончиною правительницы Елены въ полную и необузданную олигархію бояръ или, правильнѣе говоря, тѣхъ боярскихъ родовъ, которымъ въ данную минуту удавалось захватить въ руки свои власть; сперва господствуютъ Шуйскіе, затѣмъ Бѣльскіе, позже снова Шуйскіе и, наконецъ, Глинскіе. Трудно представить себѣ всѣ смуты, неурядицы и злоупотребленія, ознаменовавшія собою эту эпоху боярской олигархіи. Отстранивъ молодаго государя отъ всякаго участія въ дѣлахъ государственнаго управленія, игнорируя и нерѣдко оскорбляя его своимъ деспотизмомъ, грубымъ обращеніемъ и непочтеніемъ, бояре-олигархи окружали его своими клевретами, развлекали грубыми забавами и давали развиваться въ немъ всевозможнымъ страстямъ и порокамъ,— „на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію

и сладостратію" (¹). Понятно то дѣйствіе, какое должно было оказать на жизнь и благосостояніе русскихъ областей подобное направленіе правительственной дѣятельности. Въ то время какъ бояре-правители грабили государеву казну и спѣшили наживиться за краткій періодъ власти своей (²), —посаженные ими по городамъ клевреты-намѣстники грабили народъ, потакали сильнымъ и угнетали слабыхъ, буквально разоряли города, вынуждая горожанъ бросать дома и бѣжать въ лѣса искать спасенія отъ угнетеній правителей своихъ (³). Даже Псковъ—лишь тридцать лѣтъ тому назадъ снявшій по требованію Москвы вѣчевой колоколъ свой —принужденъ былъ испытать на себѣ тяжесть Московскаго правленія: псковскіе намѣстники бояринъ князь Андрей Шуйскій и князь Василій Рѣпнинъ-Оболенскій свирѣпствовали здѣсь „какъ львы", не зная границъ корыстолюбію и злоупотребленіямъ своимъ, такъ что жители пригородовъ не смѣли въѣзжать во Псковъ, какъ-бы въ вертепъ разбойниковъ (⁴). Массами посыпались на имя Іоанна челобитныя отъ городскихъ и уѣздныхъ общинъ на причиняемыя имъ угнетенія и разоренія—но молодой государь, испорченный боярскимъ правленіемъ, далеко не всегда милостиво относился къ челобитчикомъ. Такъ, въ 1544 или въ 1546 году, Іоаннъ велѣлъ разогнать пятьдесятъ человѣкъ новгородцевъ, явившихся къ нему, въ бытность его на охотѣ, съ жалобами; жалобщики, попытавшіеся оказать государевымъ слугамъ сопротивленіе—были перебиты (⁵). Такъ, весною 1547 года, когда семьдесятъ человѣкъ псковичей предстали передъ государемъ съ челобитными на своего намѣстника, Іоаннъ опалился на нихъ гнѣвомъ, кричалъ на нихъ, топалъ ногами, палилъ имъ бороды и волосы, обливалъ горящимъ ви-

(¹) Слова *князя Курбскаго*, въ которыхъ намекаетъ онъ на позднѣйшія преслѣдованія Іоанномъ IV бояръ («Сказанія князя Курбскаго», Спб. 1833 г., ч. I, гл. I. стр. 5).

(²) *Карамзинъ*: «Ист. гос. Рос.», т. VIII, стр. 51.

(³) *Бѣляевъ*: «О судѣ намѣстничьемъ». (Юрид. Журн. Салманова 1861 г. № 8, стр. 333—343).

(⁴) *Карамзинъ*: «Ист. гос. Рос.», т. VIII, стр. 55.

(⁵) *Карамзинъ*: «Ист. гос. Рос.», т. VIII стр. 85—86.

номъ, наконецъ велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю —и лишь счастливый случай спасъ несчастныхъ отъ вѣрной смерти [1]. Не трудно усмотрѣть послѣдствія, которыя должны были проявить себя вслѣдствіе подобнаго состоянія дѣла государственнаго управленія: изчезло всякое довѣріе земщины къ государству, управляемыхъ къ управляемымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Іоаннъ IV, предоставляя областямъ право земскаго самоуправленія, самъ указывалъ на то, что въ эпоху боярскаго правленія мѣстные правители сдѣлались для управляемыхъ ими не „пастыри и учители, но сотворишась имъ гонители и разорители" и „много злокозненныхъ дѣлъ на нихъ учиниша"; что управляемые съ своей стороны оказывали мѣстнымъ правителямъ сопротивленіе и нерѣдко даже убивали ихъ „и много въ томъ кровопролитія и оскверненія душамъ содѣяше" [2]. Такимъ образомъ земщина стала въ оппозицію государству—и рознь вкралась въ жизнь едва сплотившейся Московской державы. Очевидно, что вслѣдствіе подобнаго порядка вещей государству стала грозить опасность распаденія на тѣ первоначальные и лишь внѣшнимъ образомъ сплотившіеся еще элементы, изъ которыхъ постепенно развивалось и слагалось оно. Но въ 1547 году произошли въ Москвѣ событія, открывшія Іоанну глаза на истинное положеніе государства, на угрожающія ему опасности и на необходимость радикальныхъ мѣръ къ устраненію властолюбивыхъ стремленій боярства и къ лучшему устроенію государственной жизни. Весна и лѣто 1547 года ознаменовались опустошительными пожарами въ Москвѣ, изъ которыхъ особенно ужасенъ былъ пожаръ 24 іюня, обратившій въ пепелъ всю почти Москву. Народъ, удрученный предшествовавшими бѣдствіями, претерпѣнными имъ отъ боярскаго правленія, обвинялъ въ поджегѣ столицы князей Глинскихъ, стоявшихъ въ то время во главѣ боярскаго правленія. Москву охватилъ народный бунтъ. Мятежники убили двухъ князей Глинскихъ, дядей государя, многихъ дѣтей боярскихъ—и Іоаннъ, вмѣстѣ съ дворомъ своимъ, въ ужа-

---

(1) *Карамзинъ*: «Ист. гос. Рос.», т. VIII, стр. 99.

(2) *Башиловъ*: «Судебникъ царя и в. к. Ивана Васильевича и пр.». Дополнит. статья № 103 отъ 1556 года.

сѣ укрылся въ подгородное село Воробьево. Здѣсь, въ то самое время какъ въ Москвѣ разъяренный народъ производилъ расправу съ утѣснителями своими,—смѣло предсталъ передъ растерявшимся царемъ простой новгородскій іерей, не устрашившійся обратиться къ нему съ словами укоризны и увѣщаніями обратиться на путь истины. Этотъ іерей былъ попъ Сильвестръ, которому суждено было играть такую значительную роль въ исторіи царствованія Іоанна IV. Сильвестръ объявилъ царю, что Московскій пожаръ и народный бунтъ должны быть принимаемы имъ въ качествѣ возмездія за грѣхи его, указывалъ Іоанну его недостатки, изобразилъ ему обязанности мудраго царя и угрожалъ ему Божіимъ судомъ (¹). Этотъ потрясающій и исполненный глубокаго драматизма моментъ рѣшилъ обращеніе Іоанна къ государственнымъ обязанностямъ его и открылъ ему глаза на истинное положеніе расшатаннаго государства. Іоаннъ ясно понялъ необходимость умаленія правительственнаго значенія бояръ, ясно понялъ необходимость непосредственнаго общенія своего съ народомъ для того, что-бы имѣть въ немъ твердую опору въ будущей правительственной дѣятельности своей, и въ видахъ этого рѣшается на необычайную и неслыханную до тѣхъ поръ въ Московскомъ государствѣ мѣру—лицемъ къ лицу увидѣться и объясниться съ русскою землею въ Москвѣ, въ лицѣ выборныхъ представителей ея.

Въ такомъ видѣ представляются намъ историческія явленія, вызвавшія созваніе въ Москвѣ царемъ Іоанномъ IV перваго земскаго собора. Нѣтъ сомнѣнія, что укорененію въ царѣ сознанія о необходимости собрать въ Москвѣ земскій соборъ въ значительной степени содѣйствовали митрополитъ Макарій, попъ Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ— если только не принадлежитъ имъ даже всецѣло мысль объ этой новой мѣрѣ. Мы знаемъ по крайней мѣрѣ, что эти три лица окружаютъ въ это время Іоанна, укрѣпляютъ его въ добрыхъ начинаніяхъ его и „собираютъ къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ..... въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ“ (²). Несомнѣнно,

(¹) «*Сказанія князя Курбскаго*» Спб. 1833 г., ч. I, стр. 8—12. *Карамзинъ:* «Ист. гос. Рос.», т. VIII, стр. 100—105.

(²) «Сказанія князя Курбскаго», Спб. 1833 г., ч. I., стр 10—12.

повторяемъ, что инниціатива созванія перваго земскаго собора не чужда была этихъ трехъ царскихъ совѣтниковъ.

Возвращаемся къ дальнѣйшей исторіи перваго земскаго собора, созваннаго Іоанномъ IV.

Здѣсь прежде всего должны мы замѣтить, что годъ перваго земскаго собора неизвѣстенъ въ точности и опредѣляется различными авторами не одинаково; Карамзинъ излагаетъ повѣствованіе о немъ между годами 1547 и 1550, Бѣляевъ и Сергѣевичъ относятъ его къ 1548, П. Павловъ—къ 1549 году. Во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ является, что первый земскій соборъ созванъ былъ или въ 1548 или въ 1549 году; всего вѣроятнѣе, что онъ имѣлъ мѣсто въ нача-1548 года (по исчисленію года съ 1 сентября), слѣдовательно вскорѣ послѣ Московскаго бунта. Первоначальный соборный актъ не дошелъ до нашего времени; единственныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма неполныя свѣдѣнія о соборѣ сохранены лишь въ *Степенной Книгѣ* Хрущова (¹).

По свидѣтельству этого памятника, царь Іоаннъ, повелѣвъ въ одинъ воскресный день собрать на Красной площади вызванныхъ имъ въ Москву выборныхъ отъ городовъ и отъ всѣхъ состояній русскаго народа—вышелъ къ нимъ съ духовенствомъ крестнымъ ходомъ. Процессія взошла на лобное мѣсто гдѣ, послѣ совершенія молебна, царь обратился къ митрополиту съ слѣдующею замѣчательною рѣчью: „Молю тя, Св. Владыко, да будеши помощникъ намъ и любви поборникъ. Вѣмъ, блага дѣла и любви желатель еси. Азъ, Владыко, и самъ ты вѣси, яко азъ остался отца своего четырехъ лѣтъ; а матери своей осьми лѣтъ. Родители о мнѣ не брегоша, а *сильніи мои бояре и вельможи о мнѣ не радѣша и самовластни быша*, и сами себѣ саны и чести похитиша моимъ именемъ, имъ же нѣсть возбраняющаго, и *во многіе корысти и въ хищенія и въ обиды упражняхуся*. Азъ-же яко глухъ, и не слышахъ, и не имый во устѣхъ своихъ обличенія юности ради моея и пустоты. Они-же властвоваху .... О неправедніи лихоимцы и хищницы и неправедный судъ по себѣ творяще! что нынѣ намъ отвѣтъ даете, иже многія слезы на ся воздвигосте? *Азъ же чистъ отъ крове сея*. Ожидайте воздаянія своего“. Затѣмъ, покло-

---

(¹) *Карамзинъ:* «Ист. гос. Рос.», т. VIII, стр. 106 и примѣч. 182.

нившись на всѣ четыре стороны народу, царь обратился къ нему съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Людіи Божіи, и намъ дарованіи Богомъ! Молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Нынѣ вашихъ обидъ и разореній и налогъ исправити невозможно замедленія ради юности моея и пустоты и безпомощства, и неправдъ ради бояръ моихъ и властей, и безсудства неправеднаго, и лихоиманія, и сребролюбія. Молю васъ, оставите другъ другу вражды и тяготы свои, развѣ елико чего большего дѣля не вмѣстно; и въ томъ и въ иныхъ вновь я вамъ, елико вмѣстно намъ, самъ буду судія и оборона, и неправды разоряти, и хищенія возвращати“.

Таковы всѣ свѣдѣнія, дошедшія до насъ о земскомъ соборѣ 1548—1549 года. Изъ рѣчи произнесенной Іоанномъ IV въ 1551 году на Стоглавомъ соборѣ узнаемъ мы въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, что царь назначилъ боярамъ и другимъ имѣющимъ власть лицамъ срокъ для примиренія съ обиженными ими людьми (¹).

Такимъ образомъ на первомъ земскомъ соборѣ царь, ставъ лицемъ къ лицу къ землѣ своей, къ „своему государству“, приноситъ ей публичное покаяніе въ невольныхъ грѣхахъ юности своей, снимаетъ съ себя отвѣтственность за слезы и кровь, пролитыя народомъ вслѣдствіе насилій правителей, и возлагаетъ всю вину на бояръ своихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ на будущее время царь обѣщаетъ народу быть для него непосредственнымъ судьею, обороною и защитникомъ. Значеніе этого акта очевидно: царь вступаетъ въ союзъ съ землею, пріобрѣтая вслѣдствіе этого твердую почву для будущей борьбы съ боярствомъ. Съ другой стороны боярство, видя духовное единеніе царя и земли, должно было почувствовать себя съ этой минуты изолированнымъ классомъ и потерять всякую надежду на успѣшность въ будущемъ властолюбивыхъ стремленій своихъ. Но, закрѣпивъ союзъ свой съ землею, царь не желаетъ вражды и антагонизма между боярами и народомъ; вслѣдствіе этого убѣждаетъ онъ народъ и бояръ примириться другъ съ другомъ въ опредѣленный имъ срокъ.

(¹) «...да имъ-же заповѣдалъ со всѣми христіаны царствія своего и въ преднихъ всякихъ дѣлѣхъ помиритися на срокъ» (Стоглавъ, Спб. 1863 г., стр. 39).

Ближайшія послѣдствія земскаго собора 1548—1549 года были крайне важны для послѣдующаго хода развитія Московской государственной жизни. Эти послѣдствія прекрасно выяснены покойнымъ профес. *И. Д. Бѣляевымъ* (1).

Во первыхъ, первый земскій соборъ *открылъ возможность непосредственнаго общенія царя съ землею*, разрушивъ значеніе боярскаго сословія, отдѣлявшее до той поры государя отъ народа. Въ земскомъ соборѣ найденъ былъ путь непосредственныхъ отношеній царей къ народу,—и послѣдующіе государи этимъ путемъ довѣрчиво обращались къ народу за нравственною и матеріальною поддержкою во всѣ критическія минуты государственной жизни.

Во-вторыхъ, первый земскій соборъ утвердилъ полное самодержавіе царской власти, поставивъ его на твердую почву — волю народа, на которой стойко и съ полнымъ убѣжденіемъ въ силѣ своей, могло это самодержавіе отпарировать всѣ притязанія честолюбиваго боярскаго сословія. Первый земскій соборъ *призналъ полное и неограниченное самодержавіе* перваго царя Московскаго и съ почвы факта перенесъ его на почву права, освященнаго волею всего народа.

Въ-третьихъ, земскій соборъ 1548 — 1549 года *былъ важнымъ стимуломъ духовнаго единенія отдѣльныхъ областныхъ земщинъ*, первоначально чисто механическимъ путемъ присоединенныхъ къ Московскому великому княженію. На первомъ земскомъ соборѣ отдѣльныя области русскія впервые сознали себя органическими частями единой Московстой земщины, подвластной единому и самодержавному Московскому царю. Въ этомъ смыслѣ первый земскій соборъ явился актомъ тѣсно связаннымъ съ явленіемъ Московской централизаціи, которой является онъ какъ-бы восполненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ.

Возвращаясь къ самымъ дѣяніямъ земскаго собора 1548—1549 года, мы невольно наталкиваемся на слѣдующій вопросъ: ограничилась-ли здѣсь роль земскихъ выборныхъ пассивнымъ выслушаніемъ царскихъ рѣчей? Не проявилось-ли здѣсь значеніе ихъ и въ какой либо активной дѣятельности, не совѣтовался-ли съ ними, напримѣръ, Іоаннъ

(1) Рѣчь *И. Д. Бѣляева:* «Земскіе соборы на Руси». Актъ Моск. Унив. 1867 года, стр. 14—16.

о самыхъ средствахъ государственнаго строенія, о тѣхъ мѣрахъ, которыя надлежало принять для исправленія темныхъ сторонъ государственной и общественной жизни, явившихся результатомъ предшествовавшихъ неблагопріятныхъ условій ея? Краткія свѣдѣнія, дошедшія до насъ о земскомъ соборѣ 1548—1549 года, не даютъ возможности дать утвердительный отвѣтъ на второй изъ поставленныхъ нами вопросовъ; но эта отрывочность исключаетъ съ другой стороны и возможность отрицательнаго отвѣта на него. Ближе всего будетъ тѣмъ не менѣе къ истинѣ предположеніе, что роль выборныхъ не ограничивалась на соборѣ пассивною дѣятельностью. Мы знаемъ только то, что въ одинъ воскресный день царь открылъ засѣданіе собора рѣчами къ митрополиту и къ выборнымъ; что было послѣ этого—мы не знаемъ. Неужели-же выборные, съѣзжавшіеся въ Москву изъ отдаленныхъ областей, были немедленно послѣ выслушанія царскихъ рѣчей распущены по домамъ? Какое впечатлѣніе должны были они унести съ собою изъ Москвы? Чувство удивленія къ совершившемуся необычайному событію—и больше ничего; пожалуй даже чувство недовольства на причиненную имъ волокиту. Могъ-ли, далѣе, скрѣпиться союзъ царя съ землею простымъ выслушаніемъ царской рѣчи? Могъ-ли, наконецъ, самъ Іоаннъ заключить изъ безмолвнаго выслушанія выборными рѣчей его, о возможности найти въ народной волѣ твердую почву для будущей дѣятельности своей? Здравый смыслъ долженъ ясно подсказать намъ, что тѣмъ соборнымъ актомъ, о которомъ дошли до насъ свѣдѣнія, далеко не могли быть сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ достигнуты цѣли, имѣвшіяся царемъ въ виду при созваніи въ Москвѣ земскаго собора. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что послѣ воскреснаго событія на Красной площади были еще другія, быть можетъ менѣе публичныя и торжественныя, засѣданія земскаго собора, на которыхъ царь, вмѣстѣ съ выборными, обсуждалъ мѣры къ устроенію своего государства и къ облегченію народныхъ бѣдствій; нѣтъ сомнѣнія, что на этихъ засѣданіяхъ царь выслушалъ изъ устъ самихъ народныхъ представителей заявленія о нуждахъ и потребностяхъ своего народа; нѣтъ сомнѣнія что царь, безпрестанно получавшій жалобы и челобитныя отъ различныхъ областей и общинъ государства своего, воспользовался предоставившимся ему пре-

краснымъ случаемъ лично выслушать ихъ отъ представителей земли; нѣтъ сомнѣнія, что на первомъ земскомъ соборѣ предрѣшена была потребность будущихъ реформъ и мѣропріятій, что здѣсь долженъ быть найденъ жизненный толчокъ, выдвинувшій впередъ дѣло исправленія Судебника, уничтоженіе тарханныхъ грамотъ, введеніе земскаго самоуправленія. изданіе опредѣлявшихъ его уставныхъ грамотъ и, наконецъ, дѣянія Стоглаваго собора. Если эти положенія могутъ быть допущены,—земскій соборъ предстанетъ событіемъ первостепенной важности, событіемъ скрывающимъ въ себѣ побудительныя причины всѣхъ историческихъ и правовыхъ явленій лучшей эпохи царствованія Іоанна,—мало того, событіемъ давшимъ рѣшительное направленіе всему будущему развитію русской государственной жизни; будемъ надѣяться, что со временемъ откроются новые источники, которые дадутъ возможность увидѣть въ истинномъ свѣтѣ первый земскій соборъ 1548—1549 года, которые дадутъ возможность увидѣть, что воскресное событіе на Красной площади было лишь началомъ его, было лишь торжественнымъ актомъ открытія засѣданій этого собора.

Въ 1566 году, слѣдовательно уже черезъ семьнадцать или восемьнадцать лѣтъ послѣ созванія въ Москвѣ перваго земскаго собора—представилась царю Іоанну IV необходимость вторично прибѣгнуть къ помощи земскаго собора.

Земскій соборъ 1566 года созванъ былъ царемъ Іоанномъ IV для обсужденія вопроса о заключеніи мира съ Польшею. Дѣло въ томъ, что въ третій годъ войны предпринятой Іоанномъ въ 1558 году съ Ливонскимъ Орденомъ (въ 1561 г.), магистръ послѣдняго Готгардтъ Кетлеръ, устрашенный успѣхами русскаго оружія, заключилъ договоръ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ, въ силу котораго король принималъ подъ свой протекторатъ „въ обереганье", порубежные съ Московскимъ государствомъ ливонскіе города Ригу, Кесь (Венденъ), Володимерецъ (Вольмаръ), Ровной (Ронненбургъ), Кукуносъ (Ковенгаузенъ) и другіе, занятые Московскими воеводами. Притязанія Іоанна на эти города вовлекли его въ продолжительную войну съ Польшею, съ перемѣннымъ успѣхомъ тянувшуюся до 1566 года. Въ этомъ послѣднемъ году начаты были мирные переговоры; условія которыхъ были невыгодны для Москвы. Польскій король окончательно поступался Іоанну Полоцкомъ

(передъ тѣмъ отвоеваннымъ нами), но не соглашался на уступку уѣздныхъ земель этого города и къ тому же требовалъ что-бы Іоаннъ отказался отъ своихъ притязаній на порубежные Ливонскіе города. Во время этихъ переговоровъ царь Іоаннъ, видя всеобщее утомленіе, истощеніе государственной казны и высказывавшееся съ самаго начала ея несочувствіе бояръ къ этой войнѣ, сталъ выказывать большую уступчивость и видимую склонность къ миру. Но, въ виду неуступчивости и „высости" короля, царь, прежде нежели принять окончательное рѣшеніе, счелъ полезнымъ выслушать по этому дѣлу мнѣніе народа, и притомъ той части народа, которая ближе всего заинтересована была вопросомъ о заключеніи мира или о продолженіи военныхъ дѣйствій. Вслѣдствіе этого въ концѣ іюня или въ первыхъ числахъ іюля 1566 года (¹) состоялся во дворцѣ государя земскій соборъ изъ девяти архіепископовъ и епископовъ, семи архимандритовъ, шестнадцати игумновъ и монастырскихъ старцевъ, шестнадцати бояръ, трехъ окольничихъ, двухъ казначеевъ, одного печатника, семи государевыхъ дьяковъ, девяносто семи дворянъ первой статьи, девяносто восьми дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи, трехъ Торопецкихъ помѣщиковъ, шести Луцихъ помѣщиковъ, тридцати двухъ дьяковъ и приказныхъ людей, двѣнадцати гостей, сорока одного представителя Московскихъ купцовъ и двадцати одного представителя Смоленской области,—всего изъ 371 человѣка (²). Уже изъ исчисленія лицъ принимавшихъ участіе въ соборѣ 1566 года легко усматривается, что этотъ соборъ не былъ полнымъ, что онъ не былъ представительствомъ всей русской земщины; кромѣ духовенства, бояръ и служилыхъ людей,—участвуютъ на немъ лишь гости, представители Московскаго купечества и выборные Смоленской земли. Этотъ неполный составъ собора объясняется тѣмъ, что на немъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ о томъ, отступаться отъ порубежныхъ Ливонскихъ городовъ,—причемъ этотъ вопросъ обсуждался преимущественно съ точки зрѣ-

(¹) Число и мѣсяцъ засѣданія собора въ точности неизвѣстны. Приговорная соборная грамота помѣчена 2 іюля 1566 года.

(²) Число лицъ участвовавшихъ въ соборѣ 1566 г. опредѣляется различно. Карамзинъ считаетъ 339 чел., Павловъ 366 чел., Бѣляевъ 376 чел. Разница происходитъ очевидно отъ ошибокъ въ счисленіи.

нія торговыхъ интересовъ Пскова, Новгорода и другихъ западныхъ коммерческихъ центровъ, такъ что предметъ занятій собора носилъ чисто мѣстный и спеціальный характеръ; вслѣдствіе этого, изъ городовыхъ служилыхъ людей вызываются лишь представители Торопецкихъ и Луцкихъ помѣщиковъ, какъ служилыхъ людей городовъ пограничныхъ съ театромъ войны (¹), а изъ земскихъ людей вызываются лишь гости, Московскіе купцы и выборные отъ Смоленской земщины. Представители Смоленской земщины были привлечены къ участію въ земскомъ соборѣ какъ вслѣдствіе близости къ театру войны области ихъ, такъ и въ видахъ того, быть можетъ, что въ числѣ мирныхъ условій предъявленныхъ королемъ Іоанну упоминалось, между прочимъ, и возвращеніе Польшѣ Смоленска.

До насъ дошелъ полный протоколъ или „приговорная грамота" земскаго собора 1566 года (²), вслѣдствіе чего представляется возможность весьма обстоятельнымъ образомъ возстановить существеннѣйшія подробности дѣяній этого собора. Для обсужденія предложеннаго вопроса и для подачи государю мнѣній, всѣ члены собора были раздѣлены на семь сословныхъ группъ, порознь совѣщавшихся и подававшихъ мнѣнія. Первую группу составляло духовенство; вторую группу составляли бояре, окольничіе, казначеи, печатникъ и государевы дьяки; третью группу составляли дворяне первой статьи; четвертую группу составляли дворяне и дѣти боярскіе второй статьи; пятую группу составляли помѣщики Торопецкіе, шестую—помѣщики Луцкіе и, наконецъ, седьмую группу составляли земскіе выборные—гости, Московскіе купцы и Смольняне. Сообразно со степенью важности и государственнаго значенія различныхъ группъ—различнымъ образомъ сообщались имъ и положенія долженствовавшія служить предметомъ обсужденія ихъ. Духовенство приступило къ обсужденію вопроса на основаніи личныхъ указаній царя; государь лично далъ ему нужныя разъясненія и предложилъ обсудить вопросъ „какъ намъ стояти противъ своего недруга короля Польскаго". Боярамъ, окольничимъ и другимъ высшимъ чинамъ, вошедшимъ во вторую

(¹) Луцкъ—въ нынѣшней Смоленской губ., близь Дорогобужа. Торопецъ—нынѣ уѣздный городъ Псковской губ.

(²) Собр. Госуд. Грам. и Дог. I. т., № 192.

группу, предъявлена была выпись изъ актовъ мирныхъ переговоровъ Московскихъ пословъ съ Польскими, изъ которой могли они почерпнуть свѣдѣнія о истинномъ положеніи дѣлъ и которая должна была послужить имъ основой при всестороннемъ обсужденіи вопроса. Остальнымъ группамъ просто приказано было государемъ поговорить между собою „о Литовскомъ дѣлѣ и о Ливонскихъ городахъ" и высказать затѣмъ свое мнѣніе. Изъ соборнаго акта не видно, присутствовалъ-ли государь при отобраніи у группъ составленныхъ ими мнѣній. Не видно изъ соборнаго акта и самаго способа, которымъ выражали группы мнѣнія свои; неизвѣстно, какъ организовывалось среди членовъ каждой группы большинство голосовъ, неизвѣстно, подавались-ли мнѣнія группъ письменно или изустно и т. п.

Разсмотримъ теперь сущность мнѣній, поданныхъ, послѣ предварительнаго совѣщанія по группамъ, каждою изъ послѣднихъ.

Сущность мнѣнія поданнаго духовенствомъ заключалась въ необходимость удержать за собою порубежные Ливонскіе города и, если окажется нужнымъ, отстоять ихъ вооруженною рукою. Воздавъ должную похвалу уступчивости и „великому смиренію государя" и признавъ что „государская передъ королемъ правда великая", духовенство объявляетъ что „пригоже Государю за тѣ городы Ливонскіе стояти, которые городы взялъ король въ обереганье, Ригу, Кесь, Володимерецъ, Ровной, Куконосъ и иные городы, которые къ Государскимъ къ порубежнымъ городомъ ко Псковскимъ и къ Юрьевскимъ (¹) подошли; а не стояти Государю за тѣ городы, ... не токмо Государевымъ городомъ Юрьеву и инымъ городомъ Ливонскимъ Государскимъ и Пскову тѣсноты будутъ великія, но и Великому Новугороду и иныхъ городовъ торговымъ людямъ людямъ торговли затворятся. . . А какъ ему Государю за тѣ городы стояти, и въ томъ его Государская воля, какъ его Государя Богъ вразумитъ; а наша должная за него Государя Бога молити,—о томъ совѣтовати намъ не пригоже". Переходя наконецъ къ уступкѣ королемъ Полоцка безъ уѣздныхъ земель, духовенство протестуетъ противъ этого, замѣчая: „и тому ся стати мочноли, что городу быти безъ уѣзда? Ано и село или деревни

(¹) Юрьевъ—нынѣшній Дерптъ.

безъ поль и безъ угодій не живутъ: а городу какъ быти безъ уѣзда?"

Бояре, окольничіе и другіе высшіе чины также высказались за необходимость удержанія порубежныхъ Ливонскихъ городовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтуютъ они отказать польскимъ посламъ въ предложенномъ ими съѣздѣ на рубежѣ для переговоровъ Московскихъ бояръ съ польскими панами: „боярамъ Государя нашего, заявляютъ они, съ Папы на рубежѣ быти непригоже, и преже сего не бывало". Высказываясь за продолженіе, въ случаѣ надобности, войны съ Польшею—чины второй группы заключаютъ мнѣніе свое слѣдующими словами: „а намъ всѣмъ за Государя головы свои класти, видя королёву высость; а надежду на Бога держати, Богъ гордымъ противится; а во всемъ вѣдаетъ Богъ да Государь нашъ Царь и Великій Князь; а намъ ся какъ показало, и мы Государю своему изъявляемъ свою мысль". При этомъ печатникъ Ив. Мих Висковатовъ, соглашаясь во всемъ существенномъ съ сотоварищами своими, подаетъ отдѣльное мнѣніе въ пользу возобновленія съ польскими послами мирныхъ переговоровъ въ томъ случаѣ, если король согласится вывести людей своихъ изъ спорныхъ Ливонскихъ городовъ и дастъ обѣщаніе болѣе не вступаться въ послѣдніе.

Дворяне первой статьи, подтверждая справедливость притязаній Іоанна на полоцкій уѣздъ и на Ливонскіе порубежные города, высказываютъ слѣдующее рѣшеніе: „А намъ ся видитъ (т. е. кажется) холопамъ его: что Государю нашему пригоже за то за все стояти; а наша должная, холопей его, за него Государя и за его Государеву правду служити ему Государю своему до своей смерти".

Дворяне и дѣти боярскіе второй статьи отвѣчали: „... вѣдаетъ Богъ да Государь нашъ, какъ свое Государево дѣло сдѣлаетъ, его Государева воля, да что будетъ Государская мысль. . . . А мы холопи его готовы для его Государева дѣла головы свои класти, и помереть готовы за Государя своего и за его дѣтей. . . А Государя нашего Царя и Великаго Князя правда передъ королемъ. . . И намъ ся видитъ: Государю нашему за тѣ городы стояти; а мы холопи его на его Государево дѣло готовы".

Торопецкіе помѣщики, по вопросу о Полоцкихъ уѣздныхъ земляхъ, заявили что „мы за одну десятину земли По-

лолотцкаго и Озерищскаго повѣту головы положимъ, чѣмъ намъ въ Полотцкѣ помереть запертымъ; а мы холопы его Государскіе нынѣ на конехъ сидимъ, и мы за его Государское съ коня помремъ". Въ утвердительномъ смыслѣ отвѣтили Торопчане и на вопросъ объ удержаніи Ливонскихъ городовъ: „И намъ ся видитъ, заключаютъ они, за тѣ городы Государю стояти крѣпко; а мы холопи его для его Государева дѣла готовы".

Луцкіе помѣщики высказываютъ мнѣніе совершенно подобное предъидущему, объявляя готовность свою на всякія случайности.

Діяки и приказные люди, соглашаясь съ необходимостью уѣздныхъ земель для Полоцка, высказываютъ равнымъ образомъ и мысль о необходимости удержанія Ливонскихъ городовъ: „и въ тѣхъ городѣхъ вѣдаетъ Богъ да Государь нашъ, чего для ихъ Государю отступатися; а мы холопи, къ которымъ его Государскимъ дѣламъ пригодимся, головами своими готовы".

Наконецъ гости, купцы и Смольняне также высказываются, какъ за необходимость требованія отъ Польши Полоцкихъ уѣздныхъ земель, такъ и за необходимость удержанія спорныхъ городовъ. „А мы, заключаютъ они мнѣніе свое, молимъ Бога о томъ, чтобы Государева рука была высока; а мы люди неслужилые, службы не знаемъ, вѣдаетъ Богъ да Государь, не стоимъ не токмо за свои животы, и мы и головы свои кладемъ за Государя вездѣ, чтобы Государева рука вездѣ была высока". Смольняне, по отношенію къ вопросу о Полоцкомъ уѣздѣ, присовокупляютъ съ своей стороны слѣдующее мнѣніе: „и село безъ земли какъ быти? только будетъ около Полотцка королёва земля, и король около Полотцка городы поставитъ, и дороги отыметъ и Полотцко стѣснитъ" (¹).

Такова была сущность мнѣній, заявленныхъ на соборѣ 1566 года по вопросу о мирѣ или войнѣ съ Польшею. Мы видимъ что какъ служилые, такъ и земскіе чины, притомъ наиболѣе заинтересованные въ этомъ вопросѣ,—высказались въ пользу войны съ Польшею. Послѣ новыхъ неудачныхъ попытокъ къ мирнымъ переговорамъ, Московскіе войска дѣйствительно выступили къ Ливонской границѣ—но,

(¹) Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, № 192.

какъ извѣстно, рѣшительнаго возобновленія военныхъ дѣйствій не состоялось до 1569 года, когда было наконецъ заключено перемиріе (¹).

Приговорная грамота собора 1566 года закрѣплена была печатями, рукоприкладствами и крестнымъ цѣлованіемъ участниковъ собора. Здѣсь замѣчаемъ мы извѣстнаго рода постепенность: архіепископы и епископы приложили къ грамотѣ руки свои и подвѣсили къ ней печати свои; архимандриты, игумны и монастырскіе старцы приложили къ ней лишь руки свои, не подвѣшивая печатей своихъ; бояре, окольничіе, приказные люди и дьяки приложили руки свои и цѣловали крестъ на грамотѣ; всѣ остальныя лица закрѣпили ее однимъ только крестнымъ цѣлованіемъ (²).

Въ остальные восемьнадцать лѣтъ царствованія Іоанна IV не было примѣровъ созванія земскихъ соборовъ. Но за то существуютъ несомнѣнныя основанія предполагать, что *въ 1584 году*, послѣ смерти царя Іоанна, *созванъ былъ въ Москвѣ земскій соборъ.*

Прежде нежели указать основанія къ предположенію о дѣйствительности земскаго собора 1584 г., необходимымъ считаемъ мы сказать нѣсколько словъ относительно положенія дѣлъ въ Москвѣ въ первые дни послѣ кончины грознаго Царя. Бояре и другіе люди, приверженные къ наслѣднику престола Θеодору Ивановичу, заподозрѣли Нагихъ, родственниковъ послѣдней супруги покойнаго государя Маріи, въ замыслѣ возвести на престолъ вмѣсто слабаго тѣломъ и духомъ Θеодора, царевича Димитрія, сына Грознаго и Маріи. Въ первую-же ночь по смерти Іоанна (18 марта) Нагіе были схвачены; одни изъ нихъ заключены подъ стражу, другіе разосланы по городамъ, а имущества ихъ конфискованы. Между тѣмъ приверженцы Θеодора, раздѣлавшись съ Нагими, стали обвинять въ недоброжелательствѣ къ нему и Богдана Бѣльскаго; противники послѣдняго стали распускать слухъ въ народѣ, будто Бѣльскій отравилъ умершаго царя и теперь готовитъ подобную-же участь преемнику его Θеодору. Въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ; народъ, вооружившись луками, копьями, дубинами и мечами и завладѣвъ въ лавкахъ и въ арсеналѣ оружіемъ и порохомъ, по-

(¹) Карамзинъ: «Ист. гос. Рос.», т. IX, стр. 116—124.
(²) Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, № 192, стр. 554—555.

бѣжалъ къ Кремлю и осадилъ его, требуя выдачи Бѣльскаго; мятежники стали уже устанавливать противъ воротъ пушки и успокоились лишь при извѣстіи о ссылкѣ Бѣльскаго въ Нижній Новгородъ (¹). Весьма вѣроятно, что среди самаго народа были партіи приверженцевъ Θеодора съ одной и Дмитрія съ другой стороны, такъ что дѣло могло грозить усобицей; существуетъ по крайней мѣрѣ свидѣтельство, что послѣ мятежа оказалось двадцать человѣкъ убитыхъ и до ста раненыхъ (²). Бояре, приверженные къ Θеодору Ивановичу, легко могли и на будущее время опасаться интригъ и крамолъ въ пользу отправленнаго ими въ Угличь царевича Дмитрія; вслѣдствіе этого весьма естественнымъ было желаніе ихъ гарантировать престолъ за Θеодоромъ санкціею воли народной, а отсюда весьма легко объясняется цѣлесообразность земскаго собора въ самомъ началѣ царствованія его. И дѣйствительно, существуютъ свидѣтельства что въ первыхъ числахъ мая 1584 года, слѣдовательно вскорѣ по усмиреніи Московскаго мятежа, созванъ былъ въ Москвѣ земскій соборъ. Первое изъ этихъ свидѣтельствъ, находящееся въ одной лѣтописи составленной при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, гласитъ что „по малѣ же времени пріидоша къ Москвѣ *отъ всѣхъ градовъ* Московскаго Государства и просиша со слезами царевича Θедора Ивановича, чтобъ *вскорѣ* сѣлъ на престолѣ отца своего и воцарился на Москвѣ; и по ихъ прошенію вѣнчася Царскимъ вѣнцемъ того-жъ году въ Вознесеньевъ день. . .“ (³). Другая лѣтопись свидѣтельствуетъ что „по преставленіи Государя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, пріидоша *изо всѣхъ городовъ* къ Москвѣ именитые люди и *всего государства* Московскаго, и молиша со слезами Государя царевича Θеодора Ивановича, чтобъ былъ на Московскомъ государствѣ Царемъ, и вѣнчался Царскимъ вѣнцемъ (⁴)“. Наконецъ третье свидѣ-

(¹) *Карамзинъ*: «Ист. гос. Рос.», т. X. стр. 7—11; *Соловьевъ*: «Исторія Россіи», в. VII. стр 234—236; „*Сказанія Массы и Геркмана* о смутномъ времени въ Россія»; Спб. 1874 г. стр. 32—34. (Масса не понялъ истинной причины мятежа).

(²) Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. VII, стр. 235.

(³) «Новый Лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Θеодоровича», изд. кн. Оболенскаго, М. 1853 г., стр. 21 (глава 21).

(⁴) «Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго Государства и пр.» М. 1788 г. (изданіе второе), стр. 6.

тельство о земскомъ соборѣ 1584 года оставилъ намъ англичанинъ Еремія Горсей (Jerome Horsy), Московскій агентъ лондонской „компаніи купцовъ торгующихъ съ Москвою“, бывшій весьма близкимъ къ Борису Годунову, а слѣдовательно и къ описываемымъ имъ событіямъ. Горсей свидѣтельствуетъ, что 4 мая собранъ былъ въ Москвѣ соборъ (a parliament), на которомъ присутствовалъ митрополитъ, архіепископы, епископы, всѣ духовныя власти и все дворянство (all the nobility); этотъ современникъ указываетъ слѣдовательно и самый день собора (¹). Изъ свидѣтельства Горсея несомнѣнно вытекаетъ далѣе, что соборъ 1584 года оказалъ весьма важныя послѣдствія; на этомъ соборѣ, кромѣ назначенія дня вѣнчанія государя, были обсуживаемы и дѣла государственнаго устроенія: послѣ этого собора положеніе дѣлъ и управленіе въ государствѣ совершенно измѣнились; въ общественной жизни наступили миръ, тишина и гражданская равномѣрность; водворилась хорошая администрація, правосудіе и Россія даже по внѣшнему виду стало иною страною, нежели при умершемъ царѣ (²). И такъ о земскомъ соборѣ 4 мая 1584 года имѣемъ мы совершенно согласныя свидѣтельства двухъ лѣтописей и одного весьма компетентнаго иностранца; лѣтописи эти весьма ясно говорятъ о приходѣ въ Москву людей „всѣхъ городовъ“, „всего государства“; промежутокъ времени истекшій отъ смерти Іоанна IV и отъ послѣдовавшихъ за тѣмъ смутъ (18 марта) до дня собора (4 мая) является совершенно достаточнымъ для вызова выборныхъ; вѣнчаніе Ѳеодора воспослѣдовало *послѣ* 4 мая; наконецъ фактъ созванія земскаго собора вполнѣ оправдывается предшествовавшими ему обстоятельствами. Всѣ эти доводы являются, какъ намъ кажется, весьма убѣдительными; если несомнѣненъ для насъ фактъ земскаго собора 1548—1549 г., о которомъ имѣемъ мы лишь одно свидѣтельство, то не менѣе несомнѣннымъ долженъ быть для насъ и фактъ земскаго собора 4 мая 1584 года.

Слѣдующій земскій соборъ имѣлъ мѣсто *въ 1598 году*; этотъ соборъ былъ избирательнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ своею цѣлью избраніе на Московскій престолъ новаго государя,

---

(¹) Карамзинъ: «Ист. госуд. Рос.», т. X, прим. 8.

(²) Сказанія англичанина Горсея о Россіи въ исходѣ XVI столѣтія», Ю. Толстаго. Отеч. Зап. 1859 г., т. CXXVI, отд. I, стр. 122.

вслѣдствіе кончины бездѣтнаго царя Θеодора Ивановича, съ которымъ пресѣкался родъ князей Московскихъ, и вслѣдствіе отказа вдовы его Ирины возложить на себя завѣщанный ей супругомъ царскій вѣнецъ. Не смотря па неоднократныя моленія духовенства, бояръ, служилыхъ людей и граждапъ Московскихъ, царица Ирина упорствовала въ отказѣ принять государство и удалилась въ Новодѣвичій монастырь. Вслѣдъ за сестрою удалился туда-же и Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ. Между тѣмъ въ Кремлѣ собрались духовные и свѣтскіе чины Московскіе для обсужденія настоящаго положенія дѣлъ; здѣсь, послѣ неудавшейся попытки государственнаго печатника Василія Щелканова побудить собраніе принести присягу на имя боярскаго правленія и въ виду упорства вдовствующей царицы, рѣшено было просить принять царскій вѣнецъ брата послѣдней, конюшаго боярина и изряднаго правителя Бориса Θеодоровича Годунова. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль о избраніи Бориса заранѣе приготовлена была его клевретами; въ этомъ согласны лѣтописи и свидѣтельства современниковъ. Отправились въ Новодѣвичій монастырь бить челомъ Годунову царствомъ. Годуновъ смиренно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма упорно, сталъ отклонять отъ себя предлагаемую ему честь; но этотъ отказъ былъ простымъ лицемѣріемъ и, какъ полагаютъ, заранѣе условленъ былъ между Борисомъ и его клевретами съ патріархомъ Іовомъ во главѣ ([1]). Дѣло въ томъ, что Борисъ узналъ о намѣреніи бояръ предложить ему ограничительныя условія царствованія, къ чему онъ совершенно не былъ расположенъ. Вслѣдствіе этого Борисъ поджидалъ назначеннаго въ Москвѣ съѣзда выборныхъ отъ городовъ, будучи увѣренъ что земскій соборъ вручитъ ему полное самодержавіе и неограниченность; къ тому-же избраніе земскимъ соборомъ, придавъ большую твердость власти его, должно было дать ему значительную независимость и свободу дѣйствій ([2]). Наконецъ выбранные съѣхались въ Москву и 17

([1]) О преданности Іова Годунову и о стараніяхъ его доставить ему престолъ см. у Соловьева въ «Ист. Россіи», т. VIII, стр 2—3.

([2]) *Карамзинъ:* «Ист. госуд Рос.», т. X, стр. 207—212. *Павловъ Н:* «Объ историческомъ знач. царств. Бориса Годунова», Спб. 1863 г., стр. 3—36. *Павловъ Н:* «О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI и XVII столѣтій». Отеч. Зап. 1859 г. т: CXXIII, отд. I, стр. 166. *Мар-*

февраля, въ палатахъ патріарха и подъ его предсѣдательствомъ, открылось засѣданіе земскаго собора. Какъ усматривается это изъ дошедшей до насъ приговорной соборной грамоты (она-же утверженная грамота на царство Годунова ([1])), соборъ 1598 года явился земскимъ только по формѣ, на самомъ-же дѣлѣ былъ онъ собраніемъ лицъ приверженныхъ къ Годунову и составъ его зарапѣе подготовленъ былъ патріархомъ Іовомъ, горячимъ сторонникамъ Бориса. Дѣйствительно, изъ 457 лицъ составившихъ соборъ ([2]), большинство (232 чел.) составляли нисшіе придворные чины и дворяне Московскіе, которыхъ Годунову весьма легко было привлечь на свою сторону, а затѣмъ сильный элементъ на соборѣ составляло духовенство (83 чел.), находившееся подъ непосредственнымъ вліяніемъ патріарха; наконецъ изъ 36 представителей принадлежавшихъ къ земскимъ, къ неслужилымъ людямъ, 33 человѣка представляли городъ Москву и только три человѣка представляли другіе города ([3]). Ясно, что при небольшой интригѣ и при посредствѣ подкуповъ Годунову и клевретамъ его не представлялось большаго труда обезпечить за собою подавляющее большинство соборныхъ людей. А что Годуновъ и партія его не гнушались интригъ, подкуповъ и даже застращиваній—на это указываютъ многіе источники. Такъ, въ одномъ изъ лѣтописцевъ говорится что послѣ смерти царя Θеодора „нача Годуновъ совѣтники своя разсылати по царствующему граду... и по прочимъ Россійскія земли городомъ, чтобы на Царство избрали и молили его Бориса"; въ другой лѣтописи находится извѣстіе что Годуновъ „посла по всѣмъ улицамъ и переулкамъ съ листами, всѣхъ людей прельщати и устрашити ихъ ([4])"; на-

жеретъ: «Состояніе Россійской державы въ началѣ XVII вѣка», пер. съ франц. Спб. 1830 г., стр. 15—17.

([1]) А. Арх. Эксп., т. II, № 7.

([2]) Счисленіе числа участниковъ собора 1598 г. не у всѣхъ одинаково; Соловьевъ и Павловъ насчитываютъ 474, Бѣляевъ—456 соборныхъ людей.

([3]) Здѣсь присутствовали именно двое земскихъ тяглецовъ Новгородскихъ и сотскій сотни г. Ржева (Бѣляевъ: «Земскіе соборы на Руси», въ актѣ Моск. Унив. 1867 г., стр. 21). Весьма вѣроятно, впрочемъ что нѣкоторые изъ духовенства и изъ городовыхъ служилыхъ людей были вмѣстѣ съ тѣмъ и уполномоченными отъ земскихъ людей.

([4]) Карамзинъ: «Ист. госуд. Рос.», т. X, примѣч. 376 и 385.

конецъ современникъ Годунова—Конрадъ Буссо́въ,—свидѣтельствуетъ въ своей „Chronicon Moscoviticum“ будто вдовствующая царица Ирина, призвавъ къ себѣ многихъ сотниковъ и пятидесятскихъ, тайно склоняла ихъ обѣщаніями и деньгами содѣйствовать избранію на престолъ брата ея Бориса и будто самъ правитель, при содѣйствіи разосланныхъ имъ по городамъ монаховъ, облагодѣтельствованныхъ имъ вдовъ и сиротъ и при усердіи преданныхъ ему бояръ—съумѣлъ найти себѣ много приверженцевъ [1]. Какъ-бы то ни было, но собраннымъ въ патріаршихъ палатахъ земскимъ соборомъ превозглашенъ былъ царемъ Борисъ Годуновъ. Весьма оригинальною представляется самая форма избранія Бориса: главнымъ дѣятелемъ явился при этомъ патріархъ, соборные-же люди представлялись пассивною, покорною ему массою. Именно, патріархъ, сообщивъ собору объ отреченіи царицы Ирины, о предложеніи послѣ того Москвою царскаго вѣнца Борису и объ энергическомъ отказѣ послѣдняго, заявилъ собору: „и вы-бы, преосвященные митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный соборъ, и боляре и дворяне, и приказные люди, и гости, и дѣти боярскіе, и всѣхъ чиновъ всякіе люди царствующаго града Москвы и всея Россійскія земли, всѣ православные крестьяне, о томъ о великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору *мысль свою* объявили и *совѣтъ* дали: кому на великомъ преславномъ государствѣ Государемъ быти?“ Затѣмъ, не дождавшись ни „мысли“, ни „совѣта“ собора, патріархъ самъ вложилъ отвѣтъ въ уста соборныхъ людей слѣдующими словами: „А у меня Іева Патріарха, и у митрополитовъ, и у архіепископовъ, и у епископовъ, и у архимадритовъ, и у игуменовъ, и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказ-

(1) Конрадъ Буссо́въ; «Chronicon Muscoviticum, continens res a morte Ioannis Basilidis Tyranni, omnium, quos sol post natos homines vidit, immanissimi et truculentissimi, an. Christi 1584—1612». Въ русскомъ переводѣ находится въ «Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ», Н. Устрялова. Спб. 1831 г., часть I (сообщаемое нами свидѣтельство помѣщено здѣсь на стр. 6—7). Устряловъ издалъ здѣсь записки Буссова подъ заглавіемъ «Лѣтопись Московская съ 1584 по 1612 годъ» и подъ именемъ зятя автора—пастора Мартина Бера, которому сочиненіе это долго приписывалось.

ныхъ и у служилыхъ у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ крестьянъ, которые были на Москвѣ (¹), мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо государя Бориса Өеодоровича иного государя никого не искати и не хотѣти".

Само собою разумѣется что соборные люди, одни заранѣе подготовленные къ этой комедіи, другіе—не желая противорѣчить патріарху или опасаясь навлечь на себя немилость будущаго царя—отвѣтили что раздѣляютъ мысль патріарха: „...и всѣ православные крестьяне, говорится въ актѣ, которые пріѣхали *изъ дальнихъ городовъ* въ царствующій градъ Москву, велегласно, аки единѣми усты, глаголаху: Нашъ совѣтъ и желаніе то жъ единомыслено съ тобою, отцемъ нашимъ великимъ господиномъ...". Послѣ избранія Бориса, прежде нежели идти просить новаго царя принять царскій вѣнецъ, патріархъ Іовъ, быть можетъ опасаясь дальнѣйшихъ толковъ и размышленій, привелъ всѣхъ соборныхъ людей къ крестному цѣлованію въ томъ „что мимо государя нашего Бориса Өеодоровича инаго государя не искати и не хотѣти". Затѣмъ всѣмъ соборомъ отправились бить Борису челомъ царствомъ; поломавшись еще немного для виду, Годуновъ исполнилъ наконецъ мнимую волю „всей земли" (²).

Въ такомъ видѣ представляется намъ фактъ избранія Годунова quasi-земскимъ соборомъ 17 февраля 1598 года. Ясно, что въ этомъ соборѣ все представляется ложнымъ, заранѣе подготовленнымъ и, вдобавокъ, далеко не ловко разыграннымъ,—начиная предшествовавшими собору интригами, засѣданіемъ его въ палатахъ патріарха, искусно подобраннымъ большинствомъ, и кончая предупрежденіемъ со стороны патріарха свободы мысли и дѣйствій соборныхъ людей, путемъ предвзятаго предложенія въ цари вліятельнѣйшаго изъ вельможъ Московскихъ. И такъ соборъ 1598 г. представляетъ намъ лишь прискорбный образецъ злоупотребленія названіемъ и значеніемъ земскаго собора; Годуновъ

(¹) Здѣсь патріархъ говоритъ о бывшемъ въ Кремлѣ собраніи Московскихъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, въ первый разъ просившемъ Бориса на царство.

(²) А. Арх. Эксп., т. II, № 7.

лишь самъ себя обманывалъ, изображая власть свою основанною на воли народа. Но отъ подобнаго злоупотребленія именемъ земскаго собора было-бы крайне несправедливо, какъ весьма основательно замѣчаетъ г. Павловъ, дѣлать выводъ о несостоятельности Московскихъ земскихъ соборовъ въ самой идеи ихъ; отъ возможности подкуповъ и другихъ злоупотребленій не вполнѣ гарантированы и лучшія современныя намъ представительныя учрежденія западной Европы (1).

Въ царствованіе Бориса Годунова не было случаевъ созванія земскихъ соборовъ; онъ не обратился къ помощи земли и въ самую критическую пору государствованія своего, когда шелъ свергать его съ престола самозванный царевичь Димитрій. Бѣляевъ объясняетъ это тѣмъ, что Борисъ, захватившій власть злоупотребленіемъ значенія народной воли, не осмѣлился уже обратиться къ послѣдней даже передъ своею погибелью. Тою-же причиною объясняетъ Бѣляевъ и отсутствіе земскихъ соборовъ въ кратковременное царствованіе самозванца, погибшаго жертвою народнаго возстанія, подготовленнаго бояриномъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ.

Въ 1606 году, при составленіи боярами заговора противъ Лжедмитрія, рѣшено было что тотъ изъ бояръ, на долю котораго выпадетъ честь быть избраннымъ на царство, долженъ будетъ править государствомъ по „общему совѣту" (2). По приведеніи заговора въ исполненіе и по убіеніи самозванца, честь воспріять царскій вѣнецъ пала на главнаго участника заговора—князя Василія Ивановича Шуйскаго. Избраніе Шуйскаго было тѣмъ не менѣе совершенно чуждо народной воли; если при избраніи Годунова была соблюдена хотя внѣшняя видимость земскаго собора, то при избраніи Шуйскаго сторонники его сочли рискованнымъ прибѣгнуть хотя-бы только къ подобной-же мѣрѣ.

---

(1) Павловъ: «О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI и XVII столѣтій», Отеч. Зап. 1859 г., т. CXXIII, стр. 166.

(2) Бѣляевъ: «Земскіе соборы на Руси». стр. 23—24.

(3) Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. VIII, стр. 151. Здѣсь подъ общимъ совѣтомъ разумѣется конечно «общій совѣтъ» уговаривавшихся, т. е. самихъ бояръ.

По свидѣтельству лѣтописи, немедленно послѣ убіенія самозванца, стали размышлять бояре „какъ бы сослаться со всею землею, и чтобъ пріѣхали съ городовъ къ Москвѣ всякіе люди, какъ бы по совѣту выбрати на Московское государство государя, что-бъ всѣмъ людемъ былъ (любъ) (¹). Такимъ образомъ сознана была необходимость избирательнаго земскаго собора. „Но нѣцыи отъ вельможъ и отъ народа ускориша, свидѣтельствуетъ другая лѣтопись, безъ совѣта общаго избраша царя;... избранія-же его не токмо во градѣхъ, но и на Москвѣ не вси вѣдаху..." (²). Объ избраніи Шуйскаго безъ вѣдома народа, и даже противно воли народной, свидѣтельствуютъ и записки современниковъ-иностранцевъ. Буссовъ прямо говоритъ, что Шуйскій избранъ не земскими чинами, но Московскими „купцами, сапожниками, пирожниками и немногими боярами", что города извѣщены были о совершившемся фактѣ уже послѣ совершенія надъ нимъ обряда вѣнчанія (³). Маржеретъ свидѣтельствуетъ съ своей стороны, что Шуйскій „получилъ корону черезъ происки и хитрые ковы, подобно Борису Ѳеодоровичу" (⁴). Голландецъ Геркманъ передаетъ въ запискахъ своихъ, что Шуйскій былъ ненавидимъ большинствомъ русскихъ, вслѣдствіе чего избраніе его возбудило сильное неудовольствіе во многихъ городахъ; такъ въ Путивлѣ заперли въ башню „знатнаго господина", посланнаго туда новымъ царемъ, а въ Астрахани народъ, узнавъ объ избраніи Шуйскаго, сталъ браниться и кричать: „уже ли же этотъ шубникъ станетъ нашимъ царемъ?" (⁵). Такимъ образомъ Шуйскій избранъ былъ въ цари партіею сторонниковъ своихъ и толпою возбужденной послѣдними Московской черни, опья-

---

(¹) Никоновская лѣтопись, ч. VIII, стр. 75—76.

(²) «Новый Лѣтописецъ, составл. въ царств. Михаила Ѳеодоровича, изд. по списку кн. Оболенскаго», М. 1853 г., стр. 74.

(³) Устряловъ II: «Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ», т. I, стр. 106 (здѣсь сочиненіе Буссова приписано М. Беру).

(⁴) Маржеретъ: «Состояніе Россійской державы въ началѣ XVII вѣка», Спб. 1830 г., стр. 95. (Также во II томѣ «Сказаній иностранцевъ о Димитріѣ Самозванцѣ», Устрялова).

(⁵) «Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи» изд. Арх. Ком., Спб. 1874 г., стр. 291—292.

ненной еще предшествовавшими убійствами и грабежами, помимо народной воли и даже безъ вѣдома значительной части населенія столицы; весьма мѣтко замѣчаніе проф. Соловьева, что Шуйскій былъ не избранъ, но *выкрикнутъ* царемъ (1). Какъ царь, власть котораго не зиждилась на волѣ народа, поборника и ревнителя самодержавія, Шуйскій, какъ это извѣстно уже намъ, не могъ избѣгнуть требованія цѣловать крестъ по ограничивавшей власть его записи.

Не смотря на нескончаемыя смуты и правительственныя неудачи, наполнившія собою все государствованіе царя Василія Шуйскаго, — при немъ не было ни одного земскаго собора: царь избранный помимо земли не могъ рѣшиться обратиться къ землѣ за совѣтомъ и помощью.

Не могло пребывать въ единодушіи и самое государство, имѣвшее во главѣ царя, происками снискавшаго себѣ престолъ, безъ воли на то земщины русской. Царь Василій не былъ любъ на государствѣ — и всѣ современныя свидѣтельства *этимъ* именно объясняли смуты и рознь открывшіяся въ русской землѣ (2). Многіе служилые и земскіе люди пристали къ новому самозванцу — вору Тушинскому, другіе, менѣе довѣрчивые и легкомысленные, стали сноситься съ Польшею, желая видѣть на престолѣ Московскомъ королевича польскаго Владислава. Въ началѣ пятаго года царствованія Шуйскаго, внутреннія смуты и военныя неуспѣхи его достигли высшей степени: Москва увидѣла подъ стѣнами своими полчища Тушинскаго вора съ приставшими къ нему служилыми людьми Московскими; въ тоже время приближалась къ столицѣ польская рать подъ предводительствомъ гетмана Жолкѣвскаго, стоявшаго уже подъ Можайскомъ, и стали доноситься извѣстія объ отказѣ городовъ въ повиновеніи царю Василію. Въ Москвѣ началось народное броженіе. Стали громко говорить, что царь Василій вступилъ на престолъ безъ вѣдома земли, что вслѣдствіе этого

---

(1) Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. VIII, стр. 161—162.

(2) Псковская лѣтопись свидѣтельствуетъ, что Шуйскій «не многими избранъ былъ грады, но единымъ Московскимъ государствомъ (т. е. столицею), а не всею землею, того ради не возлюбиша его мнози на земли Рустѣй» (Карамзинъ. т. XII, примѣч. 564; см. также примѣч. 555).

земля раздѣлилась, настали усобицы и понапрасну проливается кровь христіанская. Наконецъ 17 іюля рѣшено было низложеніе Шуйскаго по инициативѣ Захара Ляпунова и его единомышленниковъ. За Москвою рѣкою, у Серпуховскихъ воротъ, собралось народное собраніе и здѣсь рѣшено было, не смотря на протестъ патріарха Гермогена, бить Шуйскому челомъ, чтобы онъ оставилъ царство ([1]). Здѣсь-же, какъ узнаемъ мы это изъ позднѣйшаго воззванія патріарха къ народу о беззаконномъ низложеніи Шуйскаго, прочитана была грамота, присланная „ко всему міру" отъ русскихъ людей изъ полковъ дѣйствовавшихъ противъ поляковъ, въ которой выражался протестъ противъ царя Василія и необходимость избранія новаго царя, такъ какъ Шуйскаго „одною Москвою выбрали на царство, а иные де городы того не вѣдаютъ, и князь Василей Шуйской намъ на царствѣ не любъ и его-де для кровь льется и земля не умирится". ([2]) На этомъ-же совѣтѣ постановлено было „выбрати Государя всею землею, сослався со всѣми городы", а до тѣхъ поръ править государствомъ и оберегать его боярамъ князю Өеодору Ивановичу Мстиславскому съ товарищами ([3]). Такъ пала власть Шуйскаго. Лишь одинъ голосъ вступился за права Василія: этотъ голосъ принадлежалъ патріарху Гермогену; до насъ дошло два воззванія этого іерарха къ русскому народу. Здѣсь силится онъ доказать всенародное избраніе Шуйскаго въ цари, заявляя что въ этомъ актѣ участвовали многіе люди и изъ другихъ городовъ русскихъ; но, сознавая какъ-бы самъ ненадежность этого довода, патріархъ подкрѣпляетъ его другимъ, указывая на принесенное Шуйскому *уже всею землею* крестное цѣлованіе. Приводитъ наконецъ патріархъ и третій аргументъ, напоминая народу, что „дотолѣ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ, и ни которые городы не указывали, а указывала Москва всѣмъ городомъ"; но уже самый аргументъ этотъ, помимо всѣхъ другихъ свидѣтельствъ, наводитъ на мысль о томъ, что избраніе Шуйскаго не было всенародно ([4]). Невольно

([1]) *Соловьевъ:* «Исторія Россіи», т. VIII, стр. 328—329; *Карамзинъ:* «Ист. госуд. Рос.», т. XII, стр. 234—238.
([2]) А. Арх. Эксп., т. II, № 169 (стр. 289—290).
([3]) А. Арх. Эксп., т. II, № 162; А. Ист., т. II, № 287.
([4]) А. Арх. Эксп., т. II, № 169 (стр. 290).

представляется намъ слѣдующій вопросъ: *было-ли земскимъ соборомъ народное собраніе, низложившее Шуйскаго?* На этотъ вопросъ можно отвѣтить и утвердительно и отрицательно. Черезъ нѣсколько дней по низложеніи Шуйскаго, отъ имени собранія посланы были въ города окружныя грамоты съ извѣщеніемъ о совершившемся переворотѣ, причемъ грамоты писаны были отъ бояръ, окольничихъ, приказныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ, гостей, торговыхъ людей „и всего Московскаго государства всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей" (¹); патріархъ укоряетъ въ низложеніи Шуйскаго весь народъ русскій, а не одну Москву, — это легко наводитъ на мысль о значеніи собранія 17 іюля, какъ собора земскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что на собраніи низложившемъ Шуйскаго присутствовали многіе городовые люди, и преимущественно дворяне и дѣти боярскіе, такъ какъ по случаю осаднаго положенія столицы должно было быть сосредоточено въ ней значительное количество людей; мы знаемъ далѣе, что въ Москву присылаемы были письменныя заявленія о незаконности царствованія Василія; мы можемъ, наконецъ, допустить возможность прибытія передъ тѣмъ въ Москву посыльныхъ людей отъ городовъ съ протестами противъ царя. Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства и имѣя въ виду тотъ фактъ, что низложеніе Шуйскаго было актомъ согласнымъ съ волею земли, — мы не можемъ не признать народное собраніе 17 іюля 1610 года за земскій соборъ, хотя конечно за соборъ не полный, за земскій соборъ по идеи, если и не по его дѣйствительному составу. Ляпуновъ съ товарищами не преминули соблюсти и непремѣнную соборную формальность: къ собранію у Серпуховскихъ воротъ привлеченъ былъ, хотя противъ воли, и патріархъ Гермогенъ; о многолюдности собранія свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что оно не могло помѣститься на обширной Красной площади, гдѣ первоначально собралось оно. Впрочемъ участники собора сами сознавали, что ихъ собраніе не есть полный земскій соборъ, такъ какъ они, учредивъ въ Москвѣ боярское правленіе, объявили городамъ о необходимости избрать новаго царя „сослався со всѣми городы", т. е. на полномъ земскомъ со-

(¹) Собр. Госуд. Гр. и Дог., № 197; А. Арх. Экс., II, № 162.

борѣ, который былъ-бы представительствомъ всей земли не только по идеѣ, но и въ дѣйствительности (¹).

Рѣшеніе собора низложившаго Шуйскаго, заключавшееся въ томъ, что-бы избрать новаго царя" сослався со всѣми городы", не могло быть приведено немедленно въ исполненіе; прежде всего нужно было озаботиться объ устраненіи опасностей грозившихъ государству отъ внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей. Но и эта цѣль не могла быть въ скоромъ времени достигнута вслѣдствіе розни въ стремленіяхъ и желаніяхъ отдѣльныхъ частей государства. Наступила самая тяжелая и ужасная пора смутнаго времени. Москва вмѣстѣ съ сидѣвшими въ ней боярами звала на царство польскаго королевича Владислава, принесла ему крестное цѣлованіе и, въ тщетномъ ожиданіи окончанія переговоровъ начатыхъ по этому поводу, открыла польской рати ворота Кремля; между тѣмъ украйные города держались Тушинскаго вора, а мало по малу стали склоняться на сторону послѣдняго и города средней и восточной полосы Московскаго государства. Большая надежда на прекращеніе смутъ возникла въ началѣ 1611 года, съ погибелью Тушинскаго вора; теперь городамъ уже не представлялось выбора между Владиславомъ и Самозванцемъ — и въ областныхъ земщинахъ съ силою высказалась мысль о необходимости духовнаго общенія городовъ для дачи дружнаго отпора призваннымъ Москвою и боярами полякамъ, для спасенія русской національности и, главное, православной вѣры. Въ русскихъ городахъ пробуждается замѣчательная жизненная сила и государственная самодѣятельность. Игнорируя Московское боярское правленіе съ его симпатіями къ Польшѣ и къ королевичу Владиславу, города начинаютъ сноситься, списываться другъ съ другомъ, уговаривать другъ друга отречься отъ сепаративныхъ стремленій и войти въ общую „любовь, союзъ, совѣтъ и соединенье" для спасенія отечества. Вся средняя полоса Россіи представила изъ себя въ эту эпоху обширную систему городскихъ земскихъ совѣтовъ, вступающихъ во взаимное общеніе и единеніе для организаціи дѣла государственной защиты (²). Движеніе это

(¹) А. Арх. Экс., II, № 162.

(²) Щаповъ А: «Великорусскія области и смутное время», Отеч. Зап., т. CXXXIX (1861 г.), Отд. IV, стр. 79—118. Образцы переписки горо-

не коснулось впрочемъ Новгорода, который вошелъ въ переговоры съ Швеціею относительно приглашенія на государство Новгородское шведскаго принца Карла Филиппа. Результатомъ пробудившейся въ городахъ государственной самодѣятельности была организація земскихъ ополченій, которыя весною 1611 года стянулись подъ Москвою и обложили столицу, занятую поляками.

Собравшіяся подъ Москвою земскія ополченія, къ которымъ присоединились казаки и сбродная рать убитаго вора Тушинскаго, подъ предводительствомъ кн. Трубецкаго и Заруцкаго, — прежде всего должно было позаботиться объ организаціи временнаго правительства; общимъ совѣтомъ ополченцевъ избранъ былъ правительственный тріумвиратъ изъ бояръ и воеводъ князя Д. Т. Трубецкаго, И. М. Заруцкаго и думнаго дворянина и воеводы П. П. Ляпунова (¹). 30 іюня составленъ былъ и приговоръ, которымъ опредѣлялись нормы и порядокъ дѣятельности временнаго правительства и, главнымъ образомъ, организація земскихъ военныхъ силъ; опредѣлено, между прочимъ, завести и особую земскую печать для приложенія къ актамъ, имѣющимъ издаваться временнымъ правительствомъ (²). Такимъ образомъ подъ стѣнами Москвы, въ станѣ ополченцевъ, образовалась какъ-бы новая подвижная столица; здѣсь возникла новая правительственная дѣятельность, возникли временные приказы, появилась торговля и различнаго рода промышленность и живымъ ключемъ закипѣла свѣжая струя земской самодѣятельности (³). Боярское-же правленіе съ княземъ Мстиславскимъ во главѣ, запертое вмѣстѣ съ поляками въ столицѣ, продолжало переговариваться съ польскимъ королемъ, доносия ему объ обложившихъ Москву земскихъ воеводахъ, какъ объ измѣнникахъ королевичу Владиславу (⁴). Но этому первому ополченію не суждено было спасти русскую землю отъ угрожавшей ей гибели. Сбродный характеръ

довъ находимъ во II т. Собр. Госуд. Гр. и Дог. во II т. А. Арх. Экс и во II т. А. Ист.,—между годами 1610—1613.

(¹) Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. VIII, стр. 431.

(²) Текстъ приговора у *Карамзина*, т. XII, примѣч. 793.

(³) Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. VIII, стр. 431—438.

(⁴) Карамзинъ: «Ист. госуд. Рос.», т. XII, стр. 285.

ополченія, буйныя и хищническія наклонности входившихъ въ составъ его казаковъ, а главное, убіеніе казаками въ самомъ началѣ осады воеводы Прокопія Ляпунова—скоро превратили подмосковный станъ въ безпорядочную и мятежную вольницу, остававшуюся подъ Москвою въ бездѣйствіи до тѣхъ поръ, пока 20 августа 1612 года не подошло къ Москвѣ второе земское ополченіе, подъ предводительствомъ знаменитаго князя Пожарскаго. 27 ноября 1612 года кн. Пожарскій, вмѣстѣ съ присоединившимся къ нему ополченіемъ кн. Трубецкаго, торжественно вступилъ въ освобожденную имъ и очищенную отъ поляковъ столицу.

Москва была освобождена, опасность отъ внѣшнихъ враговъ на первое время отстранена, но собравшіеся въ Москвѣ бояре, воеводы и земскіе ратники не могли еще считать русскую землю спасенною: не было еще представителя верховной власти, не было на престолѣ государя, имя котораго окончательно соединило-бы пришедшія въ „любовь и въ соединенье" области и сплотило-бы въ единый организмъ съ центральною Русью раздираемыя смутами украйны. И такъ, прежде всего надлежало озаботиться собраніемъ въ Москву выборныхъ для полнаго избирательнаго земскаго собора. Извѣстивъ еще въ концѣ 1612 года окружными грамотами всѣ города о совершившемся освобожденіи столицы (¹), „бояре, воеводы и всякихъ чиновъ всякіе люди, которые въ то время были на Москвѣ" писали во всѣ города, что-бы высылали къ Москвѣ выборныхъ для „земскаго совѣта и для Государскаго обиранья". До насъ не дошло ни одной изъ подобныхъ грамотъ съ требованіемъ присылки выборныхъ, вслѣдствіе чего намъ весьма мало извѣстно относительно того, на какихъ основаніяхъ совершались въ городахъ выборы представителей, какого характера получили они отъ избирателей своихъ полномочія, гдѣ являлись они по прибытіи своемъ въ Москву и т. п. Извѣстно только то, что предписано было выслать представителей изъ людей „лучшихъ и разумныхъ" (²) и что представители получали

(¹) Образецъ подобной грамоты въ Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. II, № 288.

(²) Ст. «Выписку изъ государственной книги о бывшемъ въ Москвѣ для избранія государя великомъ Земскомъ Совѣтѣ», въ Собр. Гос. Гр. и Дог., III, № 1.

отъ избирателей своихъ подробные письменные наказы, опредѣлявшіе мѣру полномочій ихъ на участіе въ имѣющемъ быть земскомъ соборѣ (¹).

Выборы представителей на земскій соборъ 1613 года производились кажется по-сословно: особыхъ выборныхъ прислало духовенство, особыхъ—дворяне и дѣти боярскіе, особыхъ—посадскіе люди и наконецъ особыхъ выборныхъ присылали уѣздные люди. Это можно заключить изъ подписей, находящихся на утверженной грамотѣ, которою закрѣпленъ былъ актъ соборнаго избранія царя. Здѣсь читаемъ мы напримѣръ: „Тулянинъ Өендрикъ Өедоровъ сынъ Дьяковъ, въ Туленъ *выборныхъ дворянъ, и посацкихъ и уѣздныхъ* всякихъ людей *мѣста*, руку приложилъ", или: „Устюжны Желѣзные, Игуменъ Никольской Моденьского монастыря Антоній, и *выборныхъ посацкихъ и уѣздныхъ мѣсто* людей, руку приложилъ", или: „Мецненинъ Кунай Огарковъ, въ Новосильцевѣ *выборныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и во всякихъ уѣздныхъ и въ жилецкихъ людей мѣста*, руку приложилъ" (²). Вполнѣ ясный смыслъ перваго примѣра тотъ, что Дьяковъ вовсе не является представителемъ всѣхъ сословій города Тулы, но только подписался за своихъ сотоварищей, выборныхъ отъ различныхъ сословій г. Тулы, или за неграмотностью ихъ, или вслѣдствіе какихъ-либо другихъ причинъ. Въ третьемъ образцѣ одинъ изъ выборныхъ города Мещовска приложилъ руку за всѣхъ выборныхъ Новосильцевъ; само собою разумѣется, что это не даетъ намъ еще права видѣть въ этомъ лицѣ представителя отъ всѣхъ сословій города Новосиля. И такъ строгое различеніе въ подписяхъ выборныхъ дворянъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей — несомнѣнно убѣждаетъ насъ въ томъ, что выборы представителей производились въ городахъ посословно: каждое сословіе присылало своихъ выборныхъ. Вслѣдствіе этого врядъ-ли можно согласиться съ мнѣніемъ покойнаго И. Д. Бѣляева, который полагаетъ будто выборы представителей на соборъ 1613 г. производились городами „не по сословіямъ, а по

(¹) Собр. Гос. Гр. и Дог., III, № 3 («ѣхали изъ городовъ къ Москвѣ... договоряся въ городѣхъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о государскомъ избираньи полные договоры)

(²) См. «Грамоту о избраніи на царство государя Михаила Өеодоровича», въ Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 203 (подписи въ концѣ).

тому, кому вѣритъ мѣстное общество, кого уполномочиваетъ своимъ избраніемъ; и выборные, замѣчаетъ онъ, являлись на соборъ представителями не того или другаго сословія, а цѣлаго мѣстнаго общества". Въ подтвержденіе своего мнѣнія, приводитъ Бѣляевъ нѣсколько примѣровъ подписей; „изъ Кашина, указываетъ онъ, былъ присланъ выборнымъ только одинъ келарь Калязина монастыря, старецъ Порфирій; изъ Твери были выборными два архимандрита, нѣсколько дворянъ и посадскихъ людей; изъ Коломны игуменъ Голутвина монастыря, нѣсколько дворянъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей; изъ Вятки одинъ протопопъ, одинъ священникъ и нѣсколько посадскихъ людей" и т. п. На основаніи этихъ подписей Бѣляевъ предполагаетъ, будто старецъ Порфирій явился представителемъ всѣхъ сословій г. Кашина, будто два архимандрита, нѣсколько дворянъ и нѣсколько посадскихъ людей явились представителями всѣхъ безъ различія сословій г. Твери и т. д. (¹). Подобное предположеніе врядъ-ли можетъ быть названо безусловнымъ; напротивъ, изъ подписей къ акту собору несравненно проще и правдоподобнѣе вытекаетъ положеніе о сословномъ представительствѣ на соборѣ 1613 года. Послѣдняго воззрѣнія держится и В. И. Сергѣевичъ, весьма основательно замѣчая, что если изъ того или другаго города явился лишь одинъ выборный, то это не значитъ еще будто онъ былъ избранъ всѣми сословіями. Нѣкоторые города прислали выборныхъ отъ всѣхъ сословій, другіе только отъ духовенства, третьи только отъ служилыхъ людей, четвертые только отъ посадскихъ людей; наконецъ, многіе города совсѣмъ не прислали выборныхъ на земскій соборъ (²). Неполнота представительства объясняется весьма просто: многіе города и общины были въ конецъ разорены въ смутное время, отправка въ Москву выборныхъ грозила расходами, пути сообщенія были наводнены разбойниками, — а при этихъ условіяхъ почти невозможно было и расчи-

(¹) *Бѣляевъ*: «Земскіе соборы на Руси» (Рѣчи и отчетъ въ торжеств. собр. Импер. Моск Унив., за 1867 г), стр. 27. По отношенію къ г. Кашину, И. Д. Бѣляевъ дѣлаетъ ошибку: кромѣ старца Порфирія отъ г. Кашина находились, какъ явствуетъ изъ подписей, и другіе представители.

(²) *Сергѣевичъ В. И*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ» (Сборникъ госуд. знаній, издав. В. П. Безобразовымъ, т. II. Спб. 1875 г.), см. стр. 18 и сноску на ней.

тывать на полное всесословное представительство городовъ. Что представительство городовъ было на земскомъ соборѣ сословное, — это усматривается и изъ самой формы, въ которой города призывались прислать выборныхъ; городамъ предписано было прислать выборныхъ „по скольку человѣкъ пригоже" изъ всѣхъ сословій,—„изъ дворянъ, и изъ дѣтей боярскихъ, и изъ гостей, и изъ торговыхъ, и изъ посадскихъ и изъ уѣздныхъ людей" (¹). Если-бы на земскомъ соборѣ 1613 года не имѣлось въ виду представительства сословнаго, — въ такомъ случаѣ не зачѣмъ было-бы перечислять съ такою подробностью всѣ сословія; достаточно было-бы просто предписать, что-бы всѣ города присылали въ Москву выборныхъ.

Весьма вѣроятно, что мѣры къ вызову въ Москву для земскаго собора выборныхъ приняты были немедленно по очищеніи Москвы отъ непріятелей; 27 ноября 1612 года ополченія вступили въ Кремль, а 7 февраля 1613 года уже предрѣшенъ былъ соборомъ вопросъ объ избраніи Михаила Романова. Но засѣданія собора открыты были еще за долго до 7 февраля; соборный актъ ясно говоритъ, что избраніе Михаила состоялось на соборѣ „по многіе дни", т. е. черезъ продолжительное число дней послѣ съѣзда выборныхъ (²). Существуютъ свидѣтельства, что предшествовавшія 7 февралю засѣданія земскаго собора были многочисленны и весьма бурны; много лицъ предлагаемо было для занятія царскаго престола, много было по этому поводу споровъ и разсужденій — но ни на одномъ изъ предлагаемыхъ не сосредоточивалось общее желаніе соборныхъ людей. Съ другой стороны явилось много претендентовъ, стремившихся взойти на престолъ Московскаго царства и не пренебрегавшихъ никакими средствами для достиженія цѣли своей; были даже попытки къ подкупамъ соборныхъ людей и къ прельщенію ихъ на свою сторону различнаго рода обѣщаніями. „Многое было волненіе всякимъ людемъ, койждо хотяше по своей мысли дѣяти, койждо про коево говоряше, не помянуша бо писанія, яко Богъ не токмо царство, но и власть кому хощетъ тому даетъ, и кого Богъ призоветъ того и прославитъ", — свидѣтельствуетъ намъ одна лѣто-

(¹) Какъ усматривается изъ самаго соборнаго акта.
(²) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 203 (стр. 612).

пись; „начаша совѣтовати о избираніи Царя; и много избирающи искаху, не возмогоша вси на единаго согласитися; овіи глаголаху того, иніи-же инаго, и вси разно вѣщаху, и всякій хотяше по своей мысли учинити; и тако препроводиша немалые дни. Мнозіи-же отъ вельможъ, желающи Царемъ быти, подкупахуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары", — свидѣтельствуетъ намъ другая лѣтопись (¹). Наконецъ, въ засѣданіи 7 февраля, выборъ всѣхъ соборныхъ людей остановился на Михаилѣ Θеодоровичѣ Романовѣ-Юрьевѣ; этотъ выборъ мотивировался главнымъ образомъ родствомъ Михаила Θеодоровича съ угасшею династіею князей Московскихъ (²). Но на этомъ засѣданіи вопросъ объ избраніи Михаила былъ только предрѣшенъ, — окончательное-же рѣшеніе его, „для бóльшаго укрѣпленья", отложено было до 21 февраля, которое приходилось въ этомъ году въ первое воскресенье великаго поста. Между тѣмъ соборъ послалъ за боярами-правителями Θеодоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ и сотоварищами его,—которые, послѣ освобожденія Москвы, въ которой находились они какъ-бы въ невольномъ плѣну, разъѣхались по городамъ,—прося ихъ ѣхать въ Москву „на спѣхъ"; нужно было также дождаться, что-бы съѣхались въ Москву запоздавшіе выборные, не подоспѣвшіе къ предварительнымъ засѣданіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая узнать какъ приметъ общественное мнѣніе земли избраніе Михаила Романова, соборъ тайно разослалъ по ближнимъ отъ Москвы городамъ благонадежныхъ лицъ, поручивъ имъ тайно развѣдывать образъ мыслей жителей. Наконецъ, къ 21 февралю, собрались бояре и запоздавшіе выборные, возвратились и тайные агенты земскаго собора съ вполнѣ удовлетворительными извѣстіями: города сочувственно отнеслись къ избранію Михаила Романова. Засѣданіе 21 февраля было особенно торжественно и происходило въ Успенскомъ соборѣ. Оно открылось молебномъ, въ которомъ представители русской земли молились „съ неутѣшнымъ плачемъ, чтобъ всемилости-

(¹) *Никоновская Лѣтопись.* VIII стр. 201; *Новый Лѣтописецъ* по списку кн. Оболенскаго, стр. 160—161; *Псковская лѣтопись*, въ Полн. Собр. Рус. Лѣтоп.. т. V. стр. 62—64.

(²) Михаилъ Θеодоровичъ былъ внукъ Никиты Романовича Романова-Юрьева, брата царицы Анастасіи, первой супруги царя Іоанна IV и матери царя Θеодора Ивановича.

вый Богъ отвратилъ праведный гнѣвъ свой" лежащій на землѣ, призрилъ на нее милостивымъ окомъ и далъ ей царя „праведна, свята, и благочестива, и благородна, и Христолюбива". Вслѣдъ за тѣмъ единодушною волею всего земскаго собора царемъ названъ былъ Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ. Послѣ избранія, во всѣхъ Московскихъ соборахъ, церквахъ и монастыряхъ отслужены были благодарственныя молебствія, а всѣ соборные люди и Москва цѣловали крестъ въ вѣрности вновь избранному Государю. Затѣмъ постановлено было отправить въ Кострому посольство (т. е. депутацію отъ всякихъ чиновъ людей), что-бы бить государю челомъ о принятіи царскаго скипетра; во главѣ посольства отправились архіепископъ Рязанскій и Муромскій Θеодоритъ и бояринъ Θеодоръ Ивановичъ Шереметевъ (¹), получившіе отъ земскаго собора подробный наказъ, опредѣлявшій порядокъ дѣятельности ихъ при челобитьи государю. Вмѣстѣ съ послами отправлены были отъ имени земскаго собора двѣ грамоты, одна къ Михаилу Θеодоровичу, съ просьбою принять престолъ и тѣмъ положить предѣлъ бѣдствіямъ русской земли, другую матери государя, инокинѣ Марѳѣ Ивановнѣ, съ просьбою содѣйствовать дачѣ Михаиломъ согласія на принятіе вѣнца и благословить его на царство (²). 2 марта послы выѣхали изъ Москвы и 14 марта, лишь послѣ долгихъ моленій и увѣщаній, удалось имъ склонить Михаила Θеодоровича къ принятію престола, а мать его—благословить сына на царство. Между тѣмъ земскій соборъ, отправивъ къ царю депутацію, оставался въ Москвѣ и держалъ въ рукахъ своихъ дѣло государственнаго управленія. Извѣстивъ грамотою отъ 25 февраля всѣ русскіе города о совершившемся избраніи царя (³), земскій соборъ дѣлаетъ распоряженія о приводѣ ихъ къ крестному цѣлованію новому царю; ведетъ переговоры съ Польшею, укоряя короля Сигизмунда въ вѣроломствѣ, въ интригахъ противъ русской земли и требуя отъ него размѣна военно-плѣнныхъ и очищенія

(¹) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 203 (Грам. объ избр. Михаила Θеодоровича), стр. 612—616.

(²) Наказъ посламъ въ Собр. Гос. Гр. и Дог., Ш, № 6; Грамоты къ Михаилу и матери его тамъ-же, подъ №№ 2 и 3.

(³) Собр. Гос. Гр. и Дог., Ш, № 4.

отъ польскихъ войскъ русскихъ пограничныхъ городовъ [1]; принимаетъ мѣры къ умиротворенію края; сносится съ послами отправленными имъ въ Кострому и, наконецъ, съ самимъ царемъ, послѣ изъявленія имъ согласія на принятіе престола. До самаго въѣзда въ Москву царя Михаила Ѳеодоровича (2 мая), земскій соборъ служитъ органомъ государственнаго управленія: получаетъ донесенія воеводъ, даетъ имъ различнаго рода предписанія, распоряжается военными силами государства, принимаетъ мѣры къ искорененію разбоевъ, заботится о пополненіи казны и т. п. О всѣхъ дѣлахъ текущаго управленія дѣлаетъ земскій соборъ отписки государю, — и въ свою очередь принимаетъ отъ него различныя предписанія и распоряженія, обращая ихъ къ исполненію [2]. Земскій соборъ не былъ распущенъ и послѣ въѣзда царя Михаила въ Москву, хотя государь и вступилъ теперь въ непосредственное завѣдываніе дѣлами государственнаго управленія. Этотъ фактъ объясняется самыми обстоятельствами времени, объясняется тѣмъ растроеннымъ состояніемъ государства, въ какомъ принялъ его, почти противъ воли своей, юный и неопытный Михаилъ; дѣйствительно, Михаилу Ѳеодоровичу было о чемъ пораздумать прежде нежели согласиться принять Московскій престолъ. Выслушавъ челобитье присланныхъ къ нему земскимъ соборомъ пословъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ и мать его пеняли имъ на Московскій народъ, говоря что „всякихъ чиновъ люди по грѣхомъ измалодушествовались, прежнимъ Московскимъ государямъ не прямо служили" и указывали при этомъ па примѣры царей Бориса, Ѳеодора Борисовича и Василія Шуйскаго; „и видя такія прежнимъ государямъ крестопреступленія, продолжаютъ они, какъ быти на Московскомъ государствѣ и прироженному государю государемъ?" Далѣе Михаилъ и мать его указываютъ на тяжелое положеніе государства; указываютъ на то, что оно „отъ польскихъ людей и

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог., Ш, №№ 5 и 7.

(2) *Собр. Гос. Гр. и Дог.*, Ш, №№ 3, 4, 7, 10, 11, 12. *Описаніе Госуд. Разряднаго Архива*, П. Иванова, (М. 1842 г.), см. здѣсь «Документы относящ. до вступленія на престолъ Мих Ѳеод. Романова» (стр. 95 и слѣд.) №№ 2—17, 22—23, 38, 41—42, 52—67 (эти акты даютъ богатый матеріалъ для изслѣдованія дѣятельности и значенія земскаго собора 1613 года).

русскихъ людей непостоянствомъ разорилося до конца", что царскія сокровища вывезены поляками, что дворцовыя и черныя земли розданы въ помѣстья служилымъ людямъ и запущены, что служилые люди обѣднѣли, что финансы государства истощены до такой степени, что нечѣмъ было-бы царю „служилыхъ людей жаловати и свои государевы обиходы полнити, и противъ своихъ недруговъ стоять". Въ заключеніе Михаилъ и мать его рѣшительно объявили посламъ что молодому Романову престолъ будетъ „лишь на погубленіе". Послы, оправдывая невѣрность русской земли по отношенію къ предшествовавшимъ государямъ, заявляли Михаилу и матери его, что Борисъ Годуновъ сѣлъ на престолъ „своимъ хотѣньемъ", Василій Шуйскій — избраніемъ немногихъ людей, — онъ-же государь сядетъ на престолѣ не своимъ хотѣньемъ, но волею всей земли, почему и не должны де смущать его примѣры прежнихъ государей (1). Въ этомъже смыслѣ успокоивалъ Михаила и самый земскій соборъ, отписывая избранному имъ царю, что русская земля окажетъ ему „всякое радѣнье и хотѣнье, что всякъ учнетъ стоять въ крѣпости и служить государю безо всякія измѣны"; что „Московскаго государства всякіе люди въ бѣдахъ поискусились, и въ чувство и въ правду пришли" (2). Такимъ образомъ депутація отъ земскаго собора, умоляя Михаила Өеодоровича „сжалиться надъ безгосударственными людьми" и принять царскій вѣнецъ, — какъ-бы ручается передъ нимъ отъ имени всей земли русской за поддержку царской власти его и за вспоспѣшествованіе „всякихъ чиновъ людей" будущимъ мѣропріятіямъ государя. Мы не знаемъ дальнѣйшихъ переговоровъ депутаціи съ нареченнымъ царемъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этихъ переговорахъ Михаилъ и мать его потребовали что-бы русская земля, въ лицѣ выборныхъ представителей ея, стояла у престола государя и помогала ему нести бремя правленія до той поры, пока не придетъ государство въ прежнее строеніе, пока не заживутъ на немъ раны, причиненныя ему смутнымъ временемъ; нѣтъ сомнѣнія, что депутація съ своей стороны гарантировала царю содѣйствіе русской земли. Прежде всего,

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог., III, № 1 (стр. 41—42).

(2) *Ивановъ:* Описаніе Госуд. Разряднаго Архива, стр. 98.

уже немедленно по изъявленіи согласія своего на престолъ, потребовалъ Михаилъ Θеодоровичъ, что-бы земскій соборъ принялъ мѣры къ искорененію разбоевъ, свирѣпствовавшихъ подъ самыми стѣнами столицы, объявивъ депутаціи, что онъ до тѣхъ поръ не вступитъ въ Москву, пока „всего Московскаго государства всѣхъ чиновъ люди въ соединенье не придутъ, и кровь крестьянская литися не престанетъ, и отъ убивствъ не престанутъ“ (¹). Впослѣдствіе, видя безуспѣшность стараній земскаго собора о прекращеніи разбоевъ, царь писалъ ему „что вы де намъ били челомъ и говорили ложно, всего Московскаго государства отъ всѣхъ чиновъ людей, что всякіе люди престали ото всякаго дурна и учинились въ соединеньи, и межусобная крестьянская престала кровь литься“ (²). Таковы были далеко не утѣшительныя условія, при которыхъ вступалъ на Московскій престолъ юный царь Михаилъ Романовъ. Таковы были вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшія и непосредственныя причины того явленія, что царствованіе Михаила Θеодоровича явилось въ полномъ смыслѣ слова золотымъ вѣкомъ земскихъ соборовъ; царь самъ потребовалъ содѣйствія земли, самъ потребовалъ помощи земскаго собора, такъ какъ только дружныя и паралельно направленныя силы царя и земли могли дать новый порядокъ разоренному и до самаго основанія потрясенному государственному строю. Предполагать будто земскіе соборы стояли у престола царя Михаила съ ограничивающимъ власть его значеніемъ, предполагать будто политическое значеніе земскихъ представителей было условіемъ самаго избранія царя — значитъ не понимать значенія избранія Михаила Θеодоровича и не имѣть близкаго знакомства съ источниками относящимися къ этой эпохѣ. Существуютъ однако извѣстія, — которыя врядъ-ли могутъ быть признаны ложными, — будто боярамъ удалось принудить Михаила Θеодоровича цѣловать крестъ на извѣстныхъ ограничительныхъ условіяхъ, которыми создало себѣ боярское сословіе привилегированное положеніе въ сферѣ уголовнаго суда; именно, бояре потребовали будто-бы отъ царя клятву въ томъ, что онъ не будетъ казнить ихъ смертью, но замѣнитъ смертную

(¹) *Ивановъ*: Описаніе Госуд. Разр. Архива, стр. 233.

(²) Ibidem, стр. 234.

казнь ссылкою. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ Псковская лѣтопись. Замѣчая что царь былъ при восшествіи своемъ на престолъ весьма молодъ (18 лѣтъ), что онъ былъ притомъ „благъ, тихъ, кротокъ и смиренъ и благоувѣтливъ, всѣхъ любя и всѣхъ милуя и щедря“, что вельможи его „нивочтоже вмѣниша и не боящеся его, понеже дѣтескъ сый“, — лѣтописецъ съ негодованіемъ передаетъ будто бояре, воспользовавшись этимъ, царя „лестію (хитростью) уловиша: первіе егда его на царство посадиша, и къ ротѣ приведоша, еже отъ ихъ вельможеска рода и болярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но разсылати въ затоки“ (1); если приведенное извѣстіе и справедливо — то во всякомъ случаѣ это ограниченіе, какъ свидѣтельствуютъ факты, весьма скоро потеряло всякое практическое значеніе (2). Объ ограниченіи боярами власти царя Михаила свидѣтельствуетъ намъ и Котошихинъ (3). Какъ-бы то ни было, но самодержавіе царской власти Михаила опиралось на волю избравшей его всей русской земли — и съ приходомъ царя въ возрастъ, а въ особенности съ возвращеніемъ изъ польскаго плѣна твердаго характеромъ родителя его, Филарета, аристократическія тенденціи боярства должны были сами собою рушиться.

Мы сказали выше, что земскій соборъ, избравшій на царство Михаила Θеодоровича, не былъ распущенъ и послѣ вступленія царя въ правленіе государствомъ, но продолжалъ стоять у царскаго престола, поддерживая царя въ трудномъ дѣлѣ возстановленія государственной безопасности и государственнаго благоустройства; мы замѣтили также, что молодой царь самъ гарантировалъ себѣ поддержку его землею. Свидѣтельство о дѣятельности этого земскаго собора дошло до насъ еще отъ 1613 года; это именно грамота освященнаго собора къ Строгановымъ (отправленная въ іюнѣ или въ началѣ іюля), въ которой послѣдніе приглашаются уплатить въ царскую казну слѣдующіе съ нихъ налоги и дать государству ссуду деньгами и припасами для

(1) Полное Собр. Рус. Лѣт., т. V, стр. 63—64.

(2) Соловьевъ: «Исторія Россіи», IX, стр. 353—354.

(3) Котошихинъ: «О Россіи въ царств. Алексѣя Михаиловича», гл. VIII, статья 4

войска. Грамота говоритъ, что это возванiе къ патрiотизму Строгоновыхъ явилось результатомъ рѣшенiя духовенства, (освященнаго собора), бояръ, окольничихъ и „всякихъ людей всѣхъ городовъ всего великаго Россiйскаго царьствiя", совѣщавшихся на „вселенскомъ соборѣ" (1) о мѣрахъ къ содержанiю ратныхъ людей, необходимыхъ для войны съ Польшею; здѣсь постановлено было земскимъ соборомъ послать по всѣмъ городамъ сборщиковъ для сбора денегъ, хлѣба и всякаго рода запасовъ (2). Нѣсколько свидѣтельствъ дошло до нашего времени и относительно дѣятельности оставшагося въ Москвѣ избирательнаго земскаго собора въ теченiи 1614 года. Первое изъ этихъ свидѣтельствъ представляетъ грамота земскаго собора отъ 18 марта къ Волжскому казачьему войску, въ которомъ соборъ убѣждаетъ казаковъ не приставать къ укрѣпившимся въ Астрахани Заруцкому и Маринѣ Мнишекъ съ сыномъ ея. Эта грамота особенно любопытна для насъ въ томъ отношенiи, что она даетъ ясно видѣть, что отправившiй ее земскiй соборъ состоялъ изъ тѣхъ-же лицъ которые, въ предшествовавшемъ году, избрали на царство Михаила Өеодоровича; здѣсь прямо упоминается что Михаилъ принялъ царство по челобитью освященнаго собора и „насъ бояръ, и окольничихъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и атамановъ, и казаковъ, и всякихъ чиновъ людей всего Россiйскаго царьствiя" (3). Одновременно съ грамотою на имя Волжскихъ казаковъ, отправлено было земскимъ соборомъ и посланiе къ самому Заруцкому, съ увѣщанiемъ отложиться отъ Марины и принести царю покорность (4). Третье свидѣтельство о дѣятельности земскаго собора въ разсматриваемомъ году представляютъ двѣ царскiя грамоты отъ 14 и 16 Апрѣля на имя Бѣлозерскаго воеводы;

(1) Такъ названъ въ этой грамотѣ земскiй соборъ, какъ соборъ всенародный, какъ соборъ *всей* русской земли.

(2) А. А. Э. Ш, № 4.

(3) А. А. Э. Ш, № 26. Сличи №№ 25 и 27; казачьему войску отправлено одновременно три грамоты· первая (А. А. Э. Ш, № 27) отъ имени самого царя, вторая (ibid. № 25) духовными чинами земскаго собора, третья (ibid. № 26)—свѣтскими чинами его.

(4) А. А. Э. Ш, № 29. Эта грамота въ противоположность №№ 26—27, отправляется отъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ въ совокупности.

въ этихъ грамотахъ упоминается о посылкѣ на Бѣлоозеро, вслѣдствіе состоявшагося передъ тѣмъ приговора „Московскаго государства... всякихъ чиновъ людей", лицъ для сбора денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, дѣйствующимъ противъ поляковъ и литовцевъ подъ Новгородомъ и Смоленскомъ ([1]) Наконецъ четвертое свидѣтельство о дѣятельности въ томъ-же году земскаго собора даетъ намъ царская грамота отъ 20 сентября на имя того-же Бѣлозерскаго воеводы; въ этой грамотѣ упоминается, что „по царскому указу и по соборному приговору" ([2]) посланы на Бѣлоозеро нѣкоторыя лица для убѣжденія разбойничавшихъ въ этой области казаковъ отстать отъ своего „воровства" и принести государю повинную ([3]). И такъ, несомнѣннымъ является, что земскій соборъ не былъ распущенъ и продолжалъ проявлять дѣятельность свою въ теченіе всего 1614 года.

Мы имѣемъ также свидѣтельство о наличности земскаго собора въ 1615 году; въ этомъ году „по царскому указу и всей земли приговору" предписано было собрать, на жалованье ратнымъ людямъ, „пятую деньгу" (т. е. 20%) съ имуществъ всѣхъ жителей государства ([4]).

Въ концѣ 1615 года были наконецъ распущены находившіеся въ Москвѣ соборные люди, съ честью отбывъ трехлѣтіе своего служенія государству. Московское государство не успѣло однако залечить въ это трехлѣтіе всѣхъ ранъ своихъ, оставшихся слѣдомъ пережитой имъ смутной эпохи, далеко не успѣло еще прійти въ „достоинство" и прежнее строеніе: государственная власть не могла еще отказаться отъ помощи и содѣйствія земли. Вслѣдствіе этого въ концѣ 1615 года послѣдовало распоряженіе о вызовѣ въ Москву новыхъ выборныхъ. До насъ дошла царская грамота отправленная по этому поводу въ г. Пермь, на имя мѣстнаго воеводы, помѣченная 12 январемъ 1616 года. Въ этой грамотѣ говорится, что Пермскому воеводѣ послано было распоряженіе о присылкѣ въ Москву „для царскаго великаго и земскаго дѣла

([1]) А. А. Э. Ш, №№ 31—32.

([2]) Замѣтимъ, что въ нормальныя эпохи жизни, узаконенія издавались обыкновенно «по царскому указу и по *боярскому* приговору».

([3]) А. А. Э. Ш, № 44.

([4]) А. А. Э. Ш, №№ 68 и 70.

на совѣтъ" трехъ выборныхъ отъ Пермскихъ посадскихъ людей, изъ „добрыхъ и разумныхъ и постоятельныхъ людей", которымъ велѣно по прибытіи въ Москву явить себя въ Посольскомъ приказѣ, — но что выборные эти до сихъ поръ еще не прибыли въ столицу (¹); вслѣдствіе этого воеводѣ вторично предписывается озаботиться скорою присылкою выборныхъ, — „чтобъ за тѣмъ наше и земское великое дѣло не стало" (²).

Новой сессіи соборныхъ людей уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1616 года пришлось, вмѣстѣ съ царемъ, обсуживать обычный и, по обстоятельствамъ того времени, самый существенный вопросъ — объ изысканіи денежныхъ средствъ на уплату служилымъ людямъ жалованья. Въ разрѣшеніе этого вопроса состоялся „всемірный приговоръ" еще разъ собрать (какъ въ 1615 году) пятую деньгу съ имуществъ всѣхъ безъ исключенія жителей Московскаго государства, занимающихся торговлею или какою либо другою промышленностью, — за исключеніемъ только сошныхъ людей, занимающихся земледѣленіемъ: съ послѣднихъ приговорено взымать по 120 рублей съ каждой сохи (³). Отъ 1617 года не сохранилось до насъ свидѣтельствъ о дѣятельности второй сессіи земскихъ чиновъ, но за то весьма любопытное извѣстіе о дѣятельности ихъ имѣемъ мы отъ сентября 1618 года. Восьмаго сентября этого года царь получилъ извѣстіе отъ стоявшихъ подъ Можайскомъ воеводъ, что королевичъ Владиславъ, вторгнувшійся въ Россію для занятія обѣщаннаго ему въ смутное время Московскаго престола, вышелъ 6 числа изъ Можайска и направился со всѣми силами своими по Московской дорогѣ. Столица оказалась въ близкой опасности: Москву отдѣляло отъ Можайска лишь пространство въ сто съ небольшимъ верстъ и, въ минуту полученія извѣстія объ опасности, поляки должны были находиться уже болѣе чѣмъ

(¹) Отсюда вытекаетъ, въ виду отдаленности Перми отъ столицы, — что вызовъ новыхъ выборныхъ сдѣланъ былъ не позже половины декабря 1615 года.

(²) А. А. Э. Ш, № 77.

(³) А. А. Э. Ш, №№ 79, 80 и 81. Соха — поземельная единица, содержавшая въ себѣ, смотря по качеству самой земли, отъ 400 до 1200 четвертей въ полѣ, или 600—1800 десятинъ; 120 рублей — до 650 рублей по современному намъ курсу.

на половинѣ пути къ ней. И вотъ, 9 сентября царь собираетъ соборъ, на которомъ сообщаетъ духовенству, боярамъ, окольничимъ, дворянамъ изъ городовъ и „всякихъ чиновъ людямъ Московскаго государства“ о критическомъ положеніи столицы, предлагая вмѣстѣ съ нимъ засѣсть въ Москвѣ „въ осадѣ“, т. е. укрѣпиться въ стѣнахъ города и до послѣдней возможности отстаивать столицу. Въ отвѣтъ на предложеніе царя, соборные люди даютъ единодушное обѣщаніе „за него Государя стоять, и съ нимъ Государемъ въ осадѣ сидѣть безо всякаго сумнѣнія, и съ недругомъ его съ королевичемъ Владиславомъ и съ польскими и съ литовскими людьми и съ нѣмецкими людьми и съ Черкасы битись до смерти, не щадя головъ своихъ“. Заручившись такимъ образомъ единодушнымъ рѣшеніемъ земскаго собора твердо стоять противъ непріятеля, государь вмѣстѣ съ соборными людьми обсуживаетъ мѣры, которыя должны быть приняты для отраженія Владислава. Соборные люди вмѣстѣ съ царемъ „приговариваютъ“, кого изъ бояръ, воеводъ и другихъ служилыхъ людей выслать по городамъ для противодѣйствія непріятелю внѣ Москвы, кого оставить въ Москвѣ „въ осадномъ сидѣньи“; распредѣляютъ оставленныхъ для осады людей по Московскимъ укрѣпленьямъ и воротамъ, для защиты послѣднихъ, опредѣляютъ вооруженіе въ которомъ должны стать на посты свои тѣ или другіе люди и т. п. ([1]). Дошедшій до нашего времени актъ этого собора даетъ намъ возможность вывести изъ него два важныхъ заключенія. Во первыхъ то, что принимавшіе въ этомъ соборѣ участіе земскіе чины не были созваны съ этою цѣлью изъ городовъ, но что они жили въ это время въ Москвѣ, что они принадлежали слѣдовательно ко второй сессіи земскаго собора, которая созвана была, какъ мы знаемъ, въ концѣ 1615 года, по распущеніи выборныхъ людей сессіи 1612—1615 года; это весьма ясно усматривается изъ того, что извѣстіе объ опасности получено было царемъ 8 числа, а 9 числа, на слѣдующій день, онъ уже совѣщается съ соборомъ и вмѣстѣ съ нимъ дѣлаетъ распоряженія о мѣрахъ къ защитѣ столицы. Второе заключеніе вытекающее изъ соборнаго акта то, что здѣсь подъ соборомъ разумѣются не на-скоро созванные жители

([1]) Собр. Госуд. Гр. и Дог. Ш, № 40; эта грамота есть подлинный актъ разсматриваемаго собора.

столицы, но что соборъ составленъ былъ именно изъ выборныхъ отъ городовъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ мы городовыхъ дворянъ, казаковъ и ихъ атамановъ, инородческихъ мурзъ, казанскихъ и другихъ городовыхъ стрѣльцовъ, гостей, купцовъ, слобожанъ и представителей черныхъ сотенъ. Что-бы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть приложенное къ акту распредѣленіе находившихся въ Москвѣ способныхъ къ оружію людей, а въ томъ числѣ и соборныхъ выборныхъ, по различнымъ стратегическимъ постамъ столицы; убѣжденіе вынесенное изъ этого просмотра будетъ именно то, что въ Москвѣ дѣйствительно находилось въ это время представительство всей русской земли.

Свидѣтельство о слѣдующемъ земскомъ соборѣ, имѣвшемъ мѣсто въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича, относится къ 1619 году. Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года видимъ мы въ Москвѣ духовенство, бояръ и „всякихъ чиновъ людей Московскаго государства" бьющими челомъ возвратившемуся за нѣсколько дней до того изъ польскаго плѣна родителю царя, митрополиту Филарету Никитичу, о принятіи имъ Московскаго патріаршаго престола, вакантнаго съ самаго смутнаго времени (1). Любопытно было-бы знать, были-ли эти земскіе чины, бившіе челомъ Филарету Никитичу, все еще тѣми-же выборными, которые были вызваны въ Москву въ концѣ 1615 года? Объ этомъ не имѣемъ мы никакихъ положительныхъ свѣдѣній; И. Д. Бѣляевъ рѣшительно склоняется впрочемъ къ подобному предположенію (2). Весьма легко можетъ быть также допущено, что эти земскіе чины были вновь вызваны въ Москву въ концѣ 1618 года, отбывъ, подобно земскимъ чинамъ 1612—1615 годовъ, трехлѣтній періодъ пребыванія своего въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно почти то, что земскіе чины бившіе челомъ митрополиту Филарету, были выборными людьми постояннаго земскаго собора, такъ какъ трудно предположить что-бы они вызваны были въ столицу нарочно для того, что-бы предложить Филарету патріаршій престолъ; по крайней мѣрѣ „выписка изъ книги Московскаго стола 127 года", изъ

---

(1) *Ивановъ II*: «Описаніе государственнаго Разряднаго архива», М. 1842 г., см. «Выписки изъ записокъ, относящихся къ событіямъ 7127 и 7128 годовъ (стр 283—304), стр. 298—301.

(2) *Бѣляевъ*: «Земскіе соборы на Руси», стр. 30.

которой почерпается приведенное нами извѣстіе, свидѣтельствуетъ, что въ такой-то день іюня „всякихъ чиновъ люди *приходили* къ Великому Государю“ съ заявленіемъ своихъ желаній о возведеніи Филарета въ санъ патріарха, но ни слова не говоритъ о томъ, что-бы земскіе чины собраны были государемъ или что бы царь совѣтовался съ ними относительно патріаршества родителя своего.

Этому-же земскому собору, вскорѣ послѣ возведенія Филарета на патріаршій престолъ, пришлось вмѣстѣ съ царемъ и патріархомъ обсуживать нѣкоторые вопросы, касающіеся внутренняго строенія государства. Инициатива этого собора всецѣло принадлежала уже патріарху Филарету. Историческіе памятники свидѣтельствуютъ намъ, что патріархъ Филаретъ, вскорѣ послѣ поставленія своего, приходилъ къ царю со всѣмъ освященнымъ соборомъ и указывалъ царю многія нестроенія и неурядицы внутренней государственной жизни. Патріархъ обратилъ вниманіе царственнаго сына своего на то, что государство разорилось и запустѣло, благодаря предшествовавшимъ обстоятельствамъ смутнаго времени, а между тѣмъ подати ложатся на земскихъ людей крайне неравномѣрно, — одни платятъ подати по писцовымъ книгамъ, а иные по дозорнымъ книгамъ, „инымъ тяжело, а другимъ легко“, — что произошло де главнымъ образомъ отъ пристрастности посланныхъ послѣ смутнаго времени по городамъ дозорщиковъ, которые „дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными по недружбѣ тяжело, и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная“. Далѣе патріархъ указывалъ царю, что многіе тяглые люди замосковныхъ и украйныхъ городовъ, избѣгая платежа въ общинахъ своихъ государева тягла, переѣхали въ Москву, гдѣ живутъ за родными или за друзьями своими,— оставшіеся-же въ этихъ разоренныхъ городахъ посадскіе люди, выставляя на видъ разстройство матеріальнаго благосостоянія общинъ своихъ, не перестаютъ бить челомъ объ оказаніи имъ въ финансовомъ отношеніи льготъ; указываетъ на то, что многіе посадскіе и уѣздные люди заложились за бояръ и вообще за лицъ освобожденныхъ отъ финансоваго тягла, свявъ съ себя этимъ путемъ финансовые платежи, которые должны-бы были вносить, пребывая въ общинахъ своихъ; указываетъ наконецъ патріархъ и на безпрерывныя жалобы многихъ людей на обиды и насилія причиняемыя

имъ со стороны бояръ и другихъ сильныхъ людей. Всѣ недостатки и нестроенія указанные патріархомъ во сферѣ государственной жизни, были сдѣланы царемъ предметомъ обсужденія земскаго собора, имѣвшаго мѣсто въ концѣ іюня или въ первыхъ двухъ числахъ іюля. Указавъ собору всѣ замѣчанія патріарха, царь сталъ говорить съ соборными людьми „какъ-бы то исправить и землю устроить?“ Результатомъ совѣщаній, имѣвшихъ здѣсь мѣсто, явился соборный приговоръ, которымъ рѣшены были слѣдующія мѣропріятія: a) Произвести новую перепись платежныхъ единицъ; для этого въ тѣ города, которые не подверглись въ смутное время разоренію — послать *писцовъ* для точной новой переписи податныхъ имуществъ, въ тѣ-же города, которые потерпѣли въ смутное время разореніе — послать добрыхъ *дозорщиковъ*, давъ имъ обстоятельные наказы и подвергнувъ ихъ предварительно крестному цѣлованію на томъ, что они будутъ описывать и дозирать всѣ города „вправду безъ посуловъ (взятокъ)“ (¹). b) Сыскивать въ Москвѣ посадскихъ людей, выселившихся въ столицу изъ украйныхъ городовъ и препровождать ихъ на прежнія мѣста жительства, давая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя финансовыя льготы „смотря по разоренью“. c) Равнымъ образомъ препровождать

(¹) Объяснимъ упоминаемое въ актѣ собора 1619 года различіе между *переписью* городовъ и ихъ *дозоромъ*. *Перепись* города и уѣзда— это нормальная опись и податная оцѣнка всѣхъ податныхъ имуществъ, безъ особаго уваженія исключительныхъ условій, въ которыхъ находится владѣніе тѣмъ или другимъ податнымъ имуществамъ, какъ-то лежащихъ на немъ долговъ, недоимокъ, разстройства дѣлъ владѣльца, разсходовъ по возстановленію имущества въ прежнемъ видѣ послѣ пожара или непріятельскаго нашествія и т. п. *Дозоръ* города и его уѣзда—это опись податныхъ имуществъ уже съ обращеніемъ вниманія на особыя условія, въ которыхъ поставовлено владѣніе ими: имущество обремененное долгами, или вновь отстроенное послѣ пожара или непріятельскаго нашествія,— облагается при дозорѣ меньшими финансовыми тягостями, нежели имущество стоящее въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ владѣнія. Понятно теперь почему подвергались *дозору* города разоренные, *переписи*—города неразоренные, и почему по дозорнымъ книгамъ было легче платить тягло, нежели по книгамъ писцовымъ (см. по этому вопросу изслѣдованіе *графа Д. А. Толстаго*: «Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи со времени основанія государства до кончины императрицы Екатерины II», Спб. 1848 г., стр. 28).

на прежнія мѣста жительства посадскихъ и уѣздныхъ людей вышедшихъ изъ своихъ общинъ и заложившихся за различныхъ собственниковъ, причемъ взыскивать съ послѣднихъ всѣ подати, которыхъ лишилась казна вслѣдствіе выхода изъ тягла заложившихся за нихъ тяглецовъ. d) Дѣла по сыску и суду обидъ и притѣсненій причиняемыхъ различнымъ людямъ сильными и вліятельными лицами поручить вѣданію бояръ князей Ив. Бор. Черкасскаго и Дан. Ив. Мезецкаго „съ товарищи". e) Навести справки и составить отчеты по всѣмъ городамъ относительно того, сколько значится съ нихъ по окладамъ денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ въ казну, сколько въ текущіе годы было по всѣмъ городамъ суммъ въ приходѣ и расходѣ и сколько осталось недоимочныхъ поступленій; какія мѣстности отъ разоренья запустѣли, какія села и деревни розданы въ помѣстныя и вотчинныя дачи и сколько было съ нихъ доходу; сколько по окладу должно было поступить денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, за выключеніемъ упомянутыхъ сейчасъ земель запустѣвшихъ и розданныхъ въ помѣстья и въ вотчины, на какіе расходы предназначены эти поступленія и сколько предвидится за всѣми расходами остатковъ. Такимъ образомъ на соборѣ приговорено было озаботиться составленіемъ подробной росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. f) Наконецъ постановлено было сдѣлать распоряженіе о созваніи въ Москву новаго земскаго собора, для чего потребовать изъ городовъ по два выборныхъ отъ духовенства, отъ служилыхъ и отъ посадскихъ людей, — слѣдовательно по шести выборныхъ отъ каждаго города,— притомъ выборныхъ „которые-бъ умѣли разсказать обиды и насильства и разоренье, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей пожаловать, и устроить-бы Московское государство, чтобъ пришло все въ достоинство" (¹).

Такъ какъ на земскомъ соборѣ 1619 года опредѣлено было вызвать въ Москву новыхъ выборныхъ,—то вслѣдствіе

(¹) Подлинный актъ іюньскаго собора 1619 года см. у *Иванова*: «Описаніе госуд. Разряднаго архива», стр. 301—304. До насъ дошли также двѣ окружныя царскія грамоты въ города (именно въ Новгородъ и въ Галичь) о постановленныхъ на этомъ соборѣ рѣшеніяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о высылкѣ въ Москву новыхъ выборныхъ (Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 47; А. А. Э. III, № 105).

этого является несомнѣннымъ, что засѣдавшіе на немъ выборные были послѣ собора распущены. До насъ не дошло, къ сожалѣнію, никакихъ непосредственныхъ извѣстій о дѣяніяхъ новаго земскаго собора, долженствовавшаго раскрыть передъ верховною государственною властью полную картину раззореній, обидъ и насильствъ, претерпѣваемыхъ Московскою земщиною и подать ей совѣтъ относительно государственнаго устроенія. Впрочемъ уже въ 1620 году, вѣроятно на основаніи указаній съѣхавшихся выборныхъ, сдѣланы были царемъ нѣкоторыя распоряженія къ искорененію насилій и безпорядковъ (¹).

Съ распущеніемъ выборныхъ сессіи 1615—16¹⁸/₁₉ гг. получило конецъ пребываніе въ Москвѣ постояннаго земскаго собора. Это вполнѣ понятно. Государство успѣло уже оправиться отъ потрясеній смутнаго времени, успѣло умиротворить свои окраины, собрать свои разрозненныя силы и показать врагамъ могущество свое; пришелъ въ зрѣлый возрастъ царь Михаилъ; возвратился изъ польскаго полона (14 іюня 1619 г.) и царскій родитель Филаретъ Никитичъ, человѣкъ опытный, умный и энергичный, свѣдущій въ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ (²). Земля крѣпко сослужила свою службу дѣлу возрожденія государства, не щадя ни крови, ни имущества своего для поддержки единодушно излюбленнаго ею царя — и теперь, сойдя съ арены политической дѣятельности, могла посвятить все вниманіе свое устройству внутренняго общиннаго быта своего (³).

Распущеніе постояннаго земскаго собора еще не значило однако, будто государство совершенно отказывалось отъ всякаго содѣйствія и помощи со стороны земщины: оно далеко еще не на столько успѣло окрѣпнуть. Поэтому созваніе зем-

(¹) *Бѣляевъ*: «Земскіе соборы на Руси», стр. 32.

(²) Такъ Филаретъ Никитичъ, уже черезъ нѣсколько дней по возвращеніи изъ Польши, дѣльными указаніями своими съумѣлъ вызвать извѣстныя уже намъ крайне важныя мѣропріятія, постановленныя на соборѣ 1619 г.

(³) Дѣйствительно, матеріальныя жертвы русской земщины за періодъ времени 1613—1619 гг. являются почти невѣроятными. Вспомнимъ, что земскій соборъ дважды (въ 1615 и 1616 гг.) постановлялъ сборъ пятой деньги, т. е. 20% со всѣхъ имуществъ, что за оба раза составило жертвованіе 40% съ имуществъ. Эти сборы однимъ только солепромышленникомъ Строгоновымъ обошлись въ 72810 рублей, т. е. въ слишкомъ 400 т. р. по нынѣшнему курсу (А. А. Э. Ш, №№ 4, 68, 80, 81).

скихъ соборовъ составляло весьма обыкновенное явленіе и въ послѣдующіе годы царствованія Михаила Θеодоровича.

Такъ уже въ 1621 году созванъ былъ въ Москвѣ земскій соборъ для обсужденія вопроса о войнѣ съ Польшею (¹), —вопроса возникшаго вслѣдствіе полученныхъ предложеній отъ турецкаго султана Османа, шведскаго короля Густава Адольфа и Крымскаго хана, о совокупномъ наступленіи на Польшу. Этотъ земскій соборъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ царя Михаила и патріарха Филарета, происходилъ 12 октября въ Грановитой палатѣ. Соборъ открылся рѣчью царя и патріарха, въ которой указывались вѣроломства и неправды польскаго короля Сигизмунда и его сына королевича Владислава, нарушенія ими и чиновниками ихъ условій заключеннаго въ 1619 году мирнаго договора; указывались нарушенія порубежными польскими и литовскими властями и людьми неприкосновенности Московской территоріи; указывалось что Владиславъ не перестаетъ присвоивать себѣ титулъ „царя и великаго князя всея Русіи“ и что, съ другой стороны, польскіе паны, послы и должностныя лица поносятъ Михаила Θеодоровича и умышленно искажаютъ царскій титулъ его. Исчисливъ всѣ польскія неправды, указавъ наконецъ всѣ выгоды проистекающія изъ борьбы съ Польшею въ союзѣ съ Турціею, Швеціею и Крымомъ,— царь и патріархъ заявляютъ собору, что, не желая кровопролитія, они повелѣли боярамъ отправить въ Польшу гонца съ грамотою, но что въ томъ случаѣ, если король и паны не уважатъ заключающихся въ ней требованій, — они рѣшились принять предлагаемый имъ союзъ и выступить противъ Польши войною; это рѣшеніе мотивируется также и нежеланіемъ утратить добрыя отношенія къ предлагающимъ союзъ свой государствамъ. Выслушавъ рѣчь царя и патріарха, духовенство, бояре и служилые люди, гости, торговые „и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства“ били имъ челомъ, что-бы они „за святыя Божіи церкви, и за свою государскую честь и за свое государство, противъ недруга своего, искони вѣчнаго врага Московскому государству... стояли крѣпко, сколько имъ государямъ мило-

(¹) По современному намъ лѣтосчисленію; по лѣтосчисленію-же того времени (при началѣ года съ 1 сентября), этотъ соборъ происходилъ въ 7130 году отъ сотв. міра, т. е въ 1622 году отъ Р. Х.

сердый Богъ помочи подастъ". Таково было общее рѣшеніе земскаго собора; но кромѣ того нѣкоторыя сословныя группы отъ себя обращались къ государямъ съ особыми заявленіями. Духовенство объявило, что оно молитъ Бога, Пречистую Богородицу и великихъ чудотворцевъ о „государскомъ многолѣтномъ здоровьи" и о подачѣ государямъ (царю и патріарху) побѣды и одолѣнія на враговъ. Бояре, окольничіе и всѣ служилые люди заявили, что они за государей и за государство противъ польскаго и литовскаго короля „ради битися, не щадя головъ своихъ". При этомъ городовые дворяне и дѣти боярскіе били челомъ государямъ, что-бы велѣно было разобрать по городамъ всѣхъ служилыхъ людей, „что-бъ дворяне и дѣти боярскіе никаковъ человѣкъ въ избылыхъ не былъ" (1). Представители зажиточныхъ классовъ — гости и торговые люди — изъявили свою готовность помочь государству деньгами для веденія войны „какъ кому мочно, смотря по ихъ прожиткамъ". И такъ, мысль о войнѣ съ Польшею была ревностно поддержана земскимъ соборомъ; вслѣдствіе этого правительство приняло нѣкоторыя приготовительныя къ ней мѣры. По городамъ рѣшено послать бояръ, дворянъ и дьяковъ для разборки мѣстныхъ дворянъ и боярскихъ дѣтей; вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено сообщить городамъ о состоявшемся соборномъ приговорѣ выступить противъ Польши войною, городовымъ-же служилымъ людямъ велѣть готовиться къ походу, кормить коней и припасать военный запасъ (2). Походу на Польшу не суждено было однако состояться: султанъ Османъ потерпѣлъ неудачу и былъ убитъ янычарами, съ Швеціею Польша заключила перемиріе — и Московское государство осталось безъ союзниковъ.

Послѣ разсмотрѣннаго нами событія война съ Польшею не возобновлялась въ теченіи почти десяти лѣтъ; она вновь вспыхнула лишь въ августѣ 1632 года. Такъ какъ передъ этимъ походомъ въ русское войско наняты были иностранные начальники и солдаты, закуплены значительные запасы

(1) То есть для того, чтобы никто изъ городовыхъ служилыхъ людей не могъ уклониться отъ службы,—«избыть службы».

(2) См. подлинный актъ земскаго собора 1621 года, въ Собр. Госуд. Гр. и Дог., III, № 57.

огнестрѣльнаго оружія и снарядовъ и вообще предприняты были значительныя затраты, — то вслѣдствіе этого уже въ самомъ началѣ компаніи оказалось оскудѣніе государственной казны и возникла настоятельная потребность въ изысканіи средствъ къ ея пополненію. Вслѣдствіе этого въ концѣ октября или въ первыхъ числахъ ноября 1632 года (по старому лѣтоисчисленію 1633 года,—такъ какъ съ 1 сентября наступилъ новый годъ [1]), царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ совѣтовались съ земскимъ соборомъ о средствахъ пополненія государственной казны. На этомъ соборѣ заявлено было духовенству, боярамъ, дворянамъ, гостямъ и „всякихъ чиновъ людямъ", что хотя къ военнымъ дѣйствіямъ и привлечено весьма значительное количество ратныхъ людей, но что является необходимость къ еще большему усиленію рати, такъ какъ „впередъ безъ прибылные безъ великіе рати съ польскими и литовскими людми не раздѣлаться"; вслѣдствіе этого государи просятъ, что-бы „всякихъ чиновъ люди Московскаго государства" оказали „вспомо-

---

[1] Намъ приходится довольно часто упоминать о различіи между современнымъ намъ лѣтосчисленіемъ и лѣтосчисленіемъ практиковавшимся въ Московскомъ государствѣ. Оно происходитъ отъ того, что въ XVI—XVII вв. начинали новый годъ съ 1 сентября, что продолжалось до царствованія Петра I, который повелѣлъ начать 1700 годъ съ 1 января и такимъ образомъ ввелъ у насъ нынѣшнее лѣтосчисленіе. Различіе стараго и новаго лѣтосчисленій производитъ большую путаницу при опредѣленіи года событій имѣвшихъ мѣсто въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ или декабрѣ, такъ какъ только въ этихъ четырехъ мѣсяцахъ даетъ себя замѣтить различіе лѣтосчисленій, именно въ этихъ мѣсяцахъ число года по старому лѣтосчисленію увеличивается на одну единицу сравнительно съ новымъ лѣтосчисленіемъ; въ остальные восемь мѣсяцевъ годовыя числа совпадаютъ по обоимъ лѣтосчисленіямъ. Такъ, если извѣстное событіе имѣло мѣсто въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ или декабрѣ 1632 года по новому лѣтосчисленію, то, прибавивъ одну единицу, мы находимъ что оно по старому лѣтосчисленію имѣло мѣсто въ 1633 году; если-же извѣстное событіе произошло въ одномъ изъ остальныхъ мѣсяцевъ, напримѣръ въ маѣ 1632 года по новому лѣтосчисленію, то оно и по старому лѣтосчисленію будетъ значиться подъ тѣмъ-же годомъ. Возьмемъ въ видѣ примѣра фактъ утвержденія Уложенія ц. Алексѣя, которое воспослѣдовало въ октябрѣ,— слѣдоват. въ одномъ изъ мѣсяцевъ въ которыхъ обнаруживается различіе годовыхъ чиселъ: по современному намъ лѣтосчисленію санкція его должна быть отнесена къ 1648 году, по старому—къ 1649 году.

женье", дали-бы денегъ на жалованье ратнымъ людямъ. На этомъ соборѣ рѣшено было помочь государству, постановивъ новый сборъ пятой деньги на жалованье ратнымъ людямъ (¹). Здѣсь-же постановлено было оказать государству вспоможеніе и доставкою въ полки съѣстныхъ припасовъ натурою, причемъ „всякихъ чиновъ люди" составили росписи, „сколко кому въ полки подъ Смоленскъ ратнымъ людемъ хлѣбныхъ запасовъ отвезти и сколко подъ тѣми запасы подводъ будетъ" (²). Существуютъ основанія полагать, что земскій соборъ 1632 года, въ виду продолжавшейся войны и въ виду тяжелаго положенія государства, не былъ распускаемъ въ теченіи всего слѣдующаго года. Въ январѣ 1634 года снова обращается къ нему царь за помощью. Что собранный въ январѣ 1634 года соборъ составился изъ нераспущенныхъ выборныхъ 1632 года, — это ясно вытекаетъ изъ слѣдующихъ двухъ фактовъ. Во первыхъ — царь 28 января указалъ быть собору, а 29 января происходило уже его засѣданіе; несомнѣнно слѣдовательно, что выборные жили въ Москвѣ. Во вторыхъ — въ рѣчи которою открылось засѣданіе собора упоминается о соборѣ 1632 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „. . . объявили *вамъ* на *первомъ* соборѣ"; ясно, что рѣчь обращена къ выборнымъ 1632 года и что осенью 1632 года происходило лишь первое засѣданіе ихъ. Земскій соборъ 29 января 1634 года происходилъ въ Столовой избѣ или палатѣ, въ личномъ присутствіи царя; патріарха Филарета уже не было на этомъ засѣданіи: онъ скончался за два мѣсяца до него (1 октября 16³³/₃₄ года). Засѣданіе открылось рѣчью ко „всякихъ чиновъ людямъ", произнесенною въ присутствіи царя (въ актѣ не сказано кѣмъ). Въ этой рѣчи, послѣ обычныхъ объясненій всѣхъ неправдъ и вѣроломствъ Польши по отношенію къ Московскому государству, объявлялось соборнымъ людямъ, что король польскій Владиславъ (³), видя успѣхи и мужественное стояніе русскихъ воеводъ и ратныхъ людей, „накупилъ на Москов-

---

(¹) А. А. Э. III, №№ 211 и 213. Подлинный соборный актъ не сохранился.

(²) А. А. Э. III, №№ 212 и 214.

(³) Бывшій претендентъ на Московскій престолъ, избранный на польскій престолъ послѣ смерти отца его короля Сигизмунда.

ское государство" крымскаго царя, войска котораго, предводимые сыномъ его Нурреддиномъ, „повоевали и пожгли" многіе украйные города; что многіе служилые люди изъ этихъ городовъ, видя раззореніе ихъ, разъѣхались изъ подъ Смоленска, чѣмъ и воспользовался король подступивъ къ этому городу. Затѣмъ въ рѣчи объявляется собору, что государь послалъ въ подмогу русскому войску воеводу и боярина князя Д. М. Черкасскаго съ другими воеводами и со многими ратными людьми. Между тѣмъ,—заявляется въ рѣчи,—государева казна опустѣла, необходимо ее пополнить, такъ какъ „впередъ денежной государевѣ казнѣ на жалованье и на кормъ ратнымъ людямъ безъ прибыльныя казны быть не умѣть". Указывая далѣе на воспослѣдовавшій въ предшествовавшемъ (16³⁹/₃₃) году соборный приговоръ о сборѣ на жалованье ратнымъ людямъ пятой деньги, рѣчь пеняетъ собору, что многіе гости и торговые люди давали пятую деньгу неправдою, не по соборному приговору, „не противъ своихъ промысловъ и животовъ"; въ прежніе-же годы пятая деньга собиралась на пополненіе царской казны несравненно успѣшнѣе, хотя люди были въ то время „во всѣхъ своихъ животахъ и въ промыслѣхъ нынѣшняго гораздо скуднѣе... а нынѣ во всѣхъ своихъ животахъ люди пополнилися гораздо". Въ заключеніе рѣчь содержитъ въ себѣ воззваніе къ соборнымъ людямъ объ оказаніи государству вспоможенія, давъ ему денегъ на ратные расходы, — „а то ваше нынѣшнее прямое даяніе пріятно будетъ самому Содѣтелю Богу, заключаетъ рѣчь, а государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи то ваше вспоможенье учинитъ памятно и николи незабытно". Въ отвѣтъ на эту рѣчь соборные люди постановили приговоръ, что они „для вспоможенья и для избавы православныя Христіанскія вѣры..... денегъ дадутъ, смотря по своимъ пожиткамъ, что кому мочно дать" (¹).

Слѣдующій соборъ имѣлъ мѣсто осенью 1637 года (въ 1638 г. по старому лѣтоисчисленію, такъ какъ онъ происходилъ послѣ 1 сентября). Причиною созванія этого собора послужило извѣстіе о томъ, что царь Крымскій весною намѣревается двинуться со всѣми силами войною на Москов-

(¹) Подлинный соборный актъ въ Собр. Гос. Гр. и Дог., III, № 99 и въ А. А. Э. III, № 242.

ское государство, въ отомщеніе обиды, нанесенной Турецкому султану Донскими казаками взятіемъ города Азова. На созванномъ по этому поводу соборѣ, царь предложилъ духовенству, боярамъ, Московскимъ и городовымъ служилымъ людямъ, гостямъ, торговымъ и „всякимъ жилецкимъ людемъ„ обсудить вмѣстѣ съ нимъ вопросъ о томъ, „какъ намъ для избавленья православныхъ крестьянъ противъ таковаго недруга Крымскаго царя стоять, и какими обычаи ратныхъ людей сбирати, и чѣмъ строить? ... а ратные люди, замѣчаетъ царь, пооскудали, а иные побиты и померли, и безъ прибавочныхъ людей съ земель быти не мочно". Результатомъ соборныхъ совѣщаній явились слѣдующія рѣшенія. a) Стоять противъ Крымскаго царя со всѣми ратными людьми, „сколько милосердый Богъ помочи подастъ". b) Объявить служилымъ людямъ предстоящій походъ. c) Взять даточныхъ ратныхъ людей, съ дворцовыхъ селъ—по одному человѣку съ двадцати дворовъ; съ земель высшаго духовенства и монастырей, а также съ вотчинъ и помѣстій всѣхъ чиновъ служилыхъ людей—по одному человѣку съ десяти дворовъ; съ земель среднихъ и малыхъ монастырей—съ десяти дворовъ по четыре лошади подъ ратныхъ людей; съ посадскихъ и уѣздныхъ черныхъ людей, взамѣнъ выставки даточныхъ людей натурою, собрать съ десяти дворовъ по двадцати рублей, т. е. по два рубля съ двора (1). Опасенія царя оказались однако напрасными: Крымскій ханъ на Московское государство не двинулся, а самъ султанъ, отвлеченный войною съ Персіею, до 1640 года ничего не предпринялъ ради освобожденія занятаго казаками Азова.

Болѣе серьезный характеръ получилъ Азовскій вопросъ въ 1641 году. Въ этомъ году султанъ Ибрагимъ I отправилъ на выручку Азова армію въ 240,000 человѣкъ три сотнѣ осадныхъ орудій. Нѣсколько тысячъ казаковъ мужественно выдержали турецкую осаду, отбили 24 приступа и, 26 сентября, турки должны были снять осаду и оставить Азовъ въ рукахъ ихъ. Но казаки сознавали, что собственными силами имъ не удержать Азова, вслѣдствіе чего обратились съ челобитьемъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу, что-бы онъ принялъ отъ нихъ этотъ городъ. Въ тоже время стали до-

---

(1) А. А. Э. III, № 275. Подлинный соборный актъ не сохранился.

ходить до царя извѣстія, что къ веснѣ собирается двинуться подъ Азовъ самъ великій визирь со всѣми турецкими силами и, обложивъ этотъ городъ, отправить турецкое и крымское войско воевать Московское государство. Царь и дума его хорошо поняли изъ этого, что удержать за собою Азовъ можно лишь цѣною трудной и продолжительной войны съ Турціею. Для окончательнаго рѣшенія Азовскаго вопроса, царь, въ лицѣ земскаго собора, пожелалъ узнать мнѣнія объ этомъ дѣлѣ различныхъ классовъ русскаго народа. Вслѣдствіе этого 3 января 1634 года царь сдѣлалъ распоряженіе о выборѣ представителей для участія въ засѣданіяхъ предстоявшаго земскаго собора; изъ „всякихъ чиновъ людей“ велѣно было выбрать, изъ большихъ статей— отъ 7 до 20 человѣкъ, а изъ небольшихъ статей, „не изо многихъ людей“—отъ 2 до 6 человѣкъ. Списки выбранныхъ представителей велѣно было доставить въ Посольскій приказъ. Кромѣ духовенства и думныхъ людей, въ засѣданіяхъ собора 1642 года принимало участіе 10 стольниковъ, 34 человѣка дворянъ и жильцовъ Московскихъ, 4 головъ и сотниковъ стрѣлецкихъ, 115 городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, 12 гостей и торговцевъ и 20 выборныхъ отъ Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ (1). И такъ разсматриваемый нами соборъ былъ весьма не полонъ; на немъ отсутствовали городовые посадскіе и уѣздные люди, а города представлялись на соборѣ одними лишь дворянами и дѣтьми боярскими. Притомъ не было сдѣлано распоряженія о вызовѣ выборныхъ изъ городовъ: призваны были для участія въ соборѣ лишь тѣ городовые люди, которые находились въ это время въ Москвѣ. Существуютъ положительныя свидѣтельства, что засѣданія собора продолжались съ 3 по 17 января, т. е. двѣ недѣли; весьма легко можетъ быть, что они продолжались и болѣе продолжительное время—такъ какъ подлинный соборный актъ дошелъ до нашего времени безъ конца. Мѣстомъ засѣданій собора была государева Столовая изба или палата. Засѣданія собора открылись чтеніемъ докладной записки (*письма*—сказано въ актѣ), въ которой подробно излагались всѣ обстоятельства касающіяся Азовскаго

---

(1) См. подлинный соборный актъ въ Собр. Гос. Гр. и Дог. 113. III, № Этотъ актъ дошелъ до нашихъ дней, къ сожалѣнію, безъ конца.

вопроса, сообщалось челобитье казаковъ о принятіи Азова и тревожныя извѣстія о замыслахъ Турецкаго султана противъ Московскаго государства. Въ концѣ доклада формулированы были пункты, подлежавшіе обсужденію соборныхъ людей. Пункты эти были сведены къ двумъ основнымъ вопросамъ: 1) Принять-ли отъ казаковъ городъ Азовъ и разорвать-ли ради этого миръ съ Турціею и Крымомъ? 2) Въ случаѣ принятія Азова и разрыва мира съ Турціею и Крымомъ окажется потребность въ весьма большемъ количествѣ ратныхъ людей, въ значительныхъ денежныхъ затратахъ на укрѣпленіе Азова и на жалованье ратнымъ людямъ и въ большихъ хлѣбныхъ и „пушечныхъ" запасахъ на весьма продолжительное время, „потому что война бываваетъ у Турскихъ людей не по одинъ годъ"; какимъ образомъ приготовить столь значительныя суммы и запасы? Всѣ собранные на соборѣ служилые и жилецкіе люди были приглашены „накрѣпко" поразмыслить объ этихъ вопросахъ и письменно изложить мысли свои по этому поводу, „чтобъ ему государю про то про все было извѣстно".

Послѣ прочтенія докладной записи, копія съ нея выдана была каждой изъ сословныхъ группъ, на которыя раздѣлены были всѣ соборные люди, въ качествѣ основы для дальнѣйшихъ соображеній. Копія съ докладной записи препровождена была и къ Крутицкому митрополиту, для того что-бы онъ, собравъ освященный соборъ, пригласилъ его также изложить свое мнѣніе по предложеннымъ въ ней вопросамъ. Бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки не были приглашены къ подачѣ письменныхъ мнѣній, такъ какъ чины эти принадлежали къ составу думы боярской, а слѣдовательно взглядъ ихъ на Азовское дѣло долженъ былъ быть извѣстенъ государю. Подача соборными людьми мнѣній ихъ продолжалась въ теченіи нѣсколькихъ дней; такъ духовенство подало свое мнѣніе 13 января, стольники—8 января, Московскіе дворяне—3 и 4 января, Нижегородцы, Муромцы и Лушане—17 января и т. д. Это различіе сроковъ подачи мнѣній зависѣло отъ большей или меньшей продолжительности совѣщаній, которыя предшествовали окончательной подачѣ сословными группами письменныхъ мнѣніи своихъ.

Разсмотримъ теперь *сущность письменныхъ мнѣній или „сказокъ"*, представленныхъ отдѣльными группами соборныхъ людей.

Власти, т. е. духовные чины, объявили царю что считают рѣшеніе Азовскаго вопроса дѣломъ усмотрѣнія царя и „царскаго синклита",— ихъ же обязанность молить Бога „о устроеніи всего міра, и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ, и о царскомъ многолѣтнемъ здоровьи и о всей государевѣ палатѣ". При этомъ духовенство замѣчаетъ, что Азовскій вопросъ есть „дѣло ратное.... а намъ то все не за обычай". Ежели-же царь сочтетъ нужнымъ рать строить,—то и они дадутъ отъ себя государю воспоможеніе, „елико сила ихъ можетъ". Ясно, что въ уклончивомъ отвѣтѣ духовенства просвѣчиваетъ весьма мало симпатій къ Азовскому дѣлу.

Мнѣніе стольниковъ заключалось въ томъ, что-бы повелѣно было оставаться въ Азовѣ взявшимъ этотъ городъ донскимъ казакамъ, въ подмогу къ которымъ послать ратныхъ людей изъ „охочихъ вольныхъ людей". Что касается количества послѣднихъ, а также потребныхъ для удержанія Азова денежныхъ, хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ, а равно и вопроса о томъ, откуда взять денегъ какъ для этихъ цѣлей, такъ и для возможной въ будущемъ войны съ Турціею и Крымомъ—„и въ томъ во всемъ царская воля и усмотрѣніе". Затѣмъ стольники заявляютъ, что если-бы понадобились ихъ услуги—они „на его государеву службу готовы, гдѣ Государь укажетъ быти". А впрочемъ, заключаютъ стольники сказку свою, если царю не угодно будетъ принять Азова и разорвать изъ за него миръ съ Турціею и Крымомъ,—„и въ томъ его-жъ Государская воля". Такимъ образомъ и стольники даютъ замѣтить несочувствіе свое къ Азовскому дѣлу.

Мнѣніе Московскихъ дворянъ является почти буквальнымъ повтореніемъ мнѣнія стольниковъ. Принять или не принимать Азова—дѣло государевой воли, а пока, что-бы казаки не нашли себя вынужденными очистить Азовъ, слѣдовало-бы послать къ нимъ въ подмогу ратныхъ „охочихъ" людей и оказать имъ поддержку денежными, хлѣбными и пушечными запасами; ратныхъ охочихъ людей навербовать, изъ за денежнаго государева жалованья, въ украйныхъ городахъ,—потому „тѣхъ городовъ многіе люди прежъ сего на Дону бывали и имъ та служба за обычай". Что касается источниковъ изъ которыхъ должны быть почерпнуты средства для приведенія въ исполненіе этихъ мѣропріятій—то

въ опредѣленіи ихъ „его-жъ Государская воля". Московскіе дворяне подали сказку свою 3 января; но уже на слѣдующій день, т. е. 4 января, двое изъ нихъ—*Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій*—подали государю *отдѣльное мнѣніе*. Въ отдѣльномъ мнѣніи своемъ Беклемишевъ и Желябужскій, объявляя государю что Азовскій вопросъ „въ его Государской волѣ",—вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаютъ, что ему государю самому вѣдомы всѣ неправды царей Турецкаго и Крымскаго, что ему самому вѣдомо какъ часто нарушали они свои обязательства и договоры съ Московскимъ государствомъ; напоминаютъ какъ Крымскіе и Азовскіе татары продавали въ Азовѣ захваченныхъ ими православныхъ христіанъ, а царь ихъ бралъ себѣ отъ продавцовъ, вмѣсто пошлины, десятаго невольника; какъ крымскій царь, во время предшествовавшей войны съ Польшею, повредилъ успѣху русскаго оружія, пославъ сына своего воевать наши укрѣпленные города. Напомнивъ такимъ образомъ царю всѣ неправды и коварства Крымцевъ, Беклемишевъ и Желябужскій заявляютъ ему, что напрасно посылаетъ онъ въ Крымъ государеву казну свою,—„а та его государева казна пригодится его жъ Государевымъ ратнымъ людямъ на жалованье, которые будутъ противъ ихъ басурманъ стояти". Въ отдѣльномъ мнѣніи выставляется затѣмъ на видъ то обстоятельство, что Азовъ взятъ немногими казаками и мужественно отбитъ ими противъ огромной турецкой арміи—въ чемъ слѣдуетъ видѣть Божіе изволеніе и месть Бога за пролитую крымцами христіанскую кровь; выставляется на видъ и то, что со времени занятія Азова, крымцы прекратили свои набѣги и наши южныя украйны пользовались миромъ и спокойствіемъ. Поэтому, продолжаютъ Беклемишевъ и Желябужскій, если только праведный государь изволитъ принять Азовъ,—необходимо послать занимающимъ его казакамъ подмогу какъ людьми, такъ и денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, причемъ слѣдуетъ подчинить посланныхъ ратныхъ людей казацкому атаманскому начальству. Ратныхъ людей совѣтуютъ они прибрать изъ охотниковъ—за исключеніемъ впрочемъ крѣпостныхъ и кабальныхъ людей, а *деньги* на денежное и хлѣбное жалованіе, если только не будетъ на этотъ предметъ остатковъ въ государевой казнѣ, *собрать со всѣхъ неслужилыхъ чиновъ*, которые не несутъ царской службы ни въ Москвѣ, ни по городамъ; для самаго-же сбора денегъ составить особую присяжную коммиссію, выбравъ

въ нее по два или по три добрыхъ человѣка отъ всѣхъ классовъ населенія. Затѣмъ въ особомъ мнѣніи проводится мысль *о необходимости уравненія повинности выставки даточныхъ людей*, которая де не всегда соотвѣтствуетъ нынѣ степени благосостоянія и службамъ разныхъ чиновъ людей. Въ заключеніи мнѣнія своего, Беклемишевъ и Желябужскій выставляютъ въ пользу принятія Азова и тотъ доводъ, что обладаніе этимъ городомъ подчинитъ русскому вліянію Нагайцевъ, Черкассовъ и нѣкоторыя другія инородческія племена. Такимъ образомъ московскіе дворяне Беклемишевъ и Желябужскій ясно намекаютъ на необходимость принятія и удержанія Азова, считая это весьма существеннымъ для интересовъ Московскаго государства.

Головы и сотники Московскихъ стрѣльцевъ даютъ крайне уклончивый отвѣтъ. Вопросъ о принятіи Азова и всѣ остальные вытекающіе изъ него вопросы всецѣло зависятъ отъ царскаго изволенія; они-же лично „служить ради и готовы, гдѣ государь укажетъ".

Далѣе слѣдуютъ *мнѣнія городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ*, выразившіяся *въ четырехъ* письменныхъ *сказкахъ*.

Первая сказка представлена Владимірскими дворянами и дѣтьми боярскими. Они представляютъ все Азовское дѣло исключительному усмотрѣнію государя, заявляя готовность свою, въ случаѣ надобности, нести государеву службу „гдѣ Государь укажетъ, *кому въ мочь*". „*А бѣдность нашего города*,—добавляютъ впрочемъ они,—*вѣдома Государю* и его боярамъ".

Вторая сказка отъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ подана (17 января) Нижегородцами, Муромцами и Лушанами. Эти служилые люди, подобно товарищамъ своимъ Владимірцамъ,—считаютъ вопросъ о принятіи Азова дѣломъ царскаго усмотрѣнія: „будетъ ему Государю годѣ, весьма лаконично заявляютъ они, и онъ велитъ принятъ; а будетъ негодѣ, инъ не велитъ принять; а гдѣ люди взять въ Азовъ—въ томъ Государь воленъ, и гдѣ деньги взять—въ томъ егожъ Государская воля". „А мы, заключаютъ они сказку свою, тебѣ Государю ради служить... покамѣста, Государь, наша мочь сяжетъ".

Изъ сказокъ Владимірцевъ, Нижегородцевъ, Муромцевъ и Лушанъ вполнѣ явствуетъ, что удержаніе Азова и виднѣвшаяся за нимъ перспектива войны съ Турціею и Кры-

номъ представлялась этимъ служилымъ людямъ не особенно привлекательною.

Третья сказка изъ среды городовыхъ служилыхъ людей принадлежала дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ городовъ Суздаля, Юрьева Подольскаго, Переяславля Залѣсскаго, Бѣлаго, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, Великаго Новгорода, Ржева, Зубцова, Торопца, Ростова, Пошехонья, Новоторжска и Гороховца. Въ сказкѣ этихъ служилыхъ людей положительно высказывается *мнѣніе безусловной необходимости принятія Азова* и разрыва мира съ Турціею и Крымомъ: „и тебѣ благочестивому Государю, заявляютъ они, .. прося у всещедраго Бога милости, велѣть Азовъ у Донскихъ атамановъ и казаковъ принять, и съ Турскимъ и съ Крымскимъ Царемъ велѣть разрывать, за ихъ многую предъ тобою Государемъ неправду .... и про ту ихъ многую неправду извѣстно тебѣ Государю". Далѣе въ сказкѣ указывается, что во всемъ Азовскомъ дѣлѣ видѣнъ промыселъ Божій: городъ взятъ немногими казаками безъ содѣйствія царскихъ ратныхъ людей и безъ затраты царской казаны, а затѣмъ „его Государскимъ счастьемъ" отбита попытка Турокъ отнять его у казаковъ. Отказъ въ принятіи Азова можетъ даже разгнѣвать Бога: „не навесть-бы, Государь, на Всероссійское государство гнѣва Божія, читаемъ мы въ сказкѣ, и великаго свѣтильника и вышняго въ пророцѣхъ Крестителя Господня Іоанна Предтечи, и великаго святителя и чудотворца Николы, которыми изволеніемъ вышняго Бога, поручилъ тебѣ благочестивому Государю такой дальный крѣпкій украйный городъ". Затѣмъ служилые люди означенныхъ городовъ указываютъ и тѣ мѣры, которыя должны быть приняты для удержанія Азова. Прежде всего слѣдуетъ Государю отправить въ Азовъ, въ подмогу казакамъ, своихъ стрѣльцевъ и солдатъ „стараго сбора" (слѣдовательно уже не-кое какъ навербованныхъ охотниковъ, какъ совѣтовалось въ предшествовавшихъ сказкахъ), снабдивъ ихъ на первое время, что-бы не терять времени, денежнымъ жалованьемъ изъ своей царской казны. Потребные для обороны Азова пушечные запасы не могутъ представить затрудненій, такъ какъ ихъ въ казнѣ имѣется достаточное количество.

Что касается хлѣбныхъ запасовъ,—то сборъ и поставку ихъ въ Азовъ удобнѣе всего возложить на Зарѣцкіе

украйные города, такъ какъ при этомъ хлѣбные запасы подоспѣютъ въ Азовъ одновременно съ имѣющими быть отправленными туда стрѣльцами и солдатами; цѣлесообразно было бы также возложить поставку хлѣбныхъ запасовъ на Троицко-Сергіевъ монастырь, а равнымъ образомъ и на другіе монастыри. Затѣмъ служилые люди, представившіе разсматриваемую нами сказку, переходятъ въ обсужденію вопроса объ угрожающей изъ за Азова войнѣ съ Турціею и Крымомъ. Въ виду опасности подобной войны, рекомендуютъ они царю возложить упованіе на Бога и распорядиться всеобщимъ сборомъ людей и организаціею военныхъ силъ. Здѣсь, обсуждая мѣры къ правильной организаціи военныхъ силъ государства, служилые люди Суздаля, Юрьева и прочихъ городовъ совѣтуютъ организовать сборъ ратныхъ людей и предстоящій походъ такъ, какъ было при прежнихъ государяхъ. При этомъ служилые люди *указываютъ Государю на* возникшую въ послѣдніе годы *неравномѣрность въ распредѣленіи повинности* выставки *даточныхъ* ратныхъ людей и ратныхъ *денежныхъ сборовъ*, жалуются ему на то, что возникло слишкомъ много разрядовъ лицъ, создавшихъ себѣ привиллегированное положеніе въ дѣлѣ отбыванія ратной повинности. При прежнихъ государяхъ, говорится въ сказкѣ, въ походахъ на басурманъ „подъ Казанью и въ Нѣмецкихъ походахъ" бывали сами государи а съ ними и бояре ихъ, да кромѣ того взымались конные и пѣшіе даточные ратные люди съ вотчинъ и помѣстій ихъ, а также и съ вотчинъ и помѣстій „властей" (духовенства) и монастырей". „А нынѣ при тебѣ, Государѣ, твои Государевы бояре и ближніе люди пожалованы твоимъ Государскимъ жалованьемъ", продолжаютъ служилые люди: „для такого басурманскаго нахоженья, съ ихъ вотчинъ ратныхъ пѣшихъ и конныхъ людей взять что ты, Государь, укажешь". „*А твои Государевы дьяки и подьячіе* продолжаютъ они, пожалованы твоимъ Государскимъ денежнымъ жалованіемъ и помѣстьями и вотчинами... и *обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ*, и покупили многія вотчины и *домы свои состроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь—сказаемыя*.... при прежнихъ Государѣхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало...: вели, Государь, съ ихъ вотчинъ и помѣстій взять ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей; а противъ домовъ ихъ и пожитковъ вели

ихъ обложить деньгами". Далѣе въ сказкѣ указывается необходимость *взять* для предстоящей войны ратныхъ *даточныхъ людей съ помѣстій и съ вотчинъ духовныхъ особъ и монастырей*, потребовавъ отъ нихъ точныхъ списковъ имѣющихся у нихъ крестьянъ, подъ опасеніемъ конфискаціи послѣднихъ въ случаѣ умышленной утайки дѣйствительной численности ихъ. Указывается необходимость взыманія даточныхъ людей и денежныхъ сборовъ и съ служилыхъ городовыхъ людей, записывающихся, ради уклоненія отъ дѣйствительной службы, въ службу по Московскому списку, и которые здѣсь, состоя у Государевыхъ дѣлъ, *„отяжелѣли и обогатѣли большимъ богатствомъ*, а иные твоимъ Государевымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами большими, и на то богатство накупили многія вотчины". Далѣе указывается необходимость взыманія даточныхъ и денежныхъ сборовъ съ Государевыхъ придворныхъ чиновъ, которые жалуются многими вотчинами, помѣстьями и ежегоднымъ денежнымъ жалованьемъ, да кромѣ того наживаютъ „великіе пожитки" будучи назначаемы въ приказную службу и къ управленію дворцовыми имуществами, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ не отбываютъ ратной полковой службы. Совѣтуется также взымать даточныхъ людей съ вотчинъ и съ прожиточныхъ помѣстій вдовъ, недорослей и дворянъ отставленныхъ отъ службы, которые лично не въ состояніи отбывать ее. Что касается затѣмъ вопроса о томъ, какими людьми пополнить въ городахъ комплектъ ратныхъ людей, въ виду предстоящей отправки части ихъ въ Азовъ,—то въ разрѣшеніи этого затрудненія рекомендуютъ служилые люди набрать новыхъ стрѣльцевъ и солдатъ „сколько ты, Государь, изволишь,—окромѣ нашихъ, холопей твоихъ, крѣпостныхъ и старинныхъ людишекъ и крестьянишекъ; а пожаловать тебѣ Государю тѣхъ ратныхъ людей будетъ чѣмъ". Изъявляя далѣе полную готовность свою служить и работать за Государя и за православную вѣру „головами своими и всею душею",—служилые люди *пользуются удобнымъ случаемъ указать царю на неудовлетворительность матеріальнаго быта своего* и обратиться къ нему съ просьбою объ улучшеніи ихъ благосостоянія: „а бѣдныхъ, Государь, насъ холопей своихъ, и разоренныхъ, и безпомощныхъ, и безпомѣстныхъ и пустопомѣстныхъ и малопомѣстныхъ—*вели, Государь, взыскать* своею Государскою милостію, *помѣстнымъ*

и денежнымъ жалованьемъ, какъ тебѣ молостивому Государю Богъ извѣститъ, что-бъ было чѣмъ твоя Государская служба служити". Въ видахъ уравнѣнія службъ совѣтуютъ и просятъ служилые люди велѣть взять у служилыхъ людей всякихъ чиновъ подъ крестнымъ цѣлованіемъ и подъ страхомъ конфискаціи точныя, правдивыя росписи числящихся за каждымъ служилымъ человѣкомъ крестьянъ, а затѣмъ *опредѣлить, съ какого количества крестьянъ должна быть отправляема государева служба безъ особаго денежнаго жалонья;* у кого-же изъ служилыхъ людей окажется лишнее противъ государева указа количество крестьянскихъ душъ—съ тѣхъ взымать, соотвѣтственно лишнимъ душамъ, и денежный сборъ на жалованье ратнымъ людямъ. Затѣмъ въ сказкѣ разсматривается послѣдній вопросъ, касающійся Азовскаго дѣла,—вопросъ объ изысканіи средствъ для покрытія расходовъ по принятіи и защитѣ этого города. Источники этихъ средствъ—государева казна и указанные выше денежные сборы на жалованье ратнымъ людямъ. *Если*-же государю *понадобятся значительныя суммы* въ скоромъ времени, -въ такомъ случаѣ служилые люди совѣтуютъ *отобрать „патріархову казну, и митрополитовъ, и у архіепископовъ, и у епископовъ, и въ монастыряхъ лежачую домовую казну"*; слѣдуетъ затѣмъ *обложить сборомъ* на ратныя потребности *гостей, торговцевъ и всякаго рода черныхъ людей*—смотря по торговлѣ, промыслу и по прожиткамъ каждаго—„и тутъ объявится той казны предъ тобою Государемъ много". Рекомендуется также *учесть по приходнымъ книгамъ государевыхъ приказныхъ людей*, дьяковъ, подъячихъ и таможенныхъ головъ—„что-бъ твоя Государева казна безъ вѣдомости у тебя Государя не терялась, и тебѣ бъ Государю была въ прибыль, ратнымъ твоимъ Государевымъ людямъ на жалованье". Если при этомъ Государь велитъ явиться къ ратной службѣ лицамъ служащимъ въ городахъ по воеводствамъ да по приказамъ—„и тутъ будетъ вся твоя Государева земля готова противъ такихъ нечестивыхъ басурманъ нашествія. То наша, холопей твоихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, мысль и сказка"! Такимъ образомъ служилые люди означенныхъ выше городовъ, признавая безусловную необходимость принятія и удержанія Азова и объявляя свою готовность послужить государю ради этой цѣли, —вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаются напомнить государю

о крайне низкой степени матеріальнаго благосостоянія своего, въ то самое время какъ высшіе разряды служилыхъ людей, не чувствуя тягости ратныхъ повинностей, „тяжелѣютъ и богатѣютъ“ у приказныхъ дѣлъ.

Четвертая сказка городовыхъ служилыхъ людей, поданная отъ имени дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ остальныхъ городовъ, имѣвшихъ своихъ представителей на соборѣ—также высказывается за необходимость удержанія Азова, такъ какъ „отдать Азовъ бусурманамъ—навесть на Всероссійское государство гнѣвъ Божій“. Возвращеніемъ Туркамъ Азова государь „не утолитъ и не удобритъ ихъ“,—но лишь „пуще тою отдачею на себя подвигнетъ“; не прекратитъ царская уступчивость и кровопролитія и набѣговъ Крымцевъ. „А лучше ,замѣчаетъ сказка, Азовъ тебѣ Государю и всей землѣ принять и крѣпко за него стоять“,—тѣмъ болѣе что обладаніе этимъ пунктомъ повлечетъ за собою подчиненіе Московскому государству и Нагайской орды. Переходя къ указанію средствъ къ удержанію за собою Азова, служилые люди разсматриваемой группы высказываютъ мнѣнія весьма схожія съ мнѣніями служилыхъ людей предшествовавшей группы. Для укрѣпленья Азова слѣдуетъ послать въ него стрѣльцевъ и солдатъ, запасы-же потребные для ихъ продовольстія собрать „для скораго поспѣшенія“ съ Шацкихъ и Тамбовскихъ волостей, съ Комарицкой волости и съ другихъ ближайшихъ къ Азову мѣстностей; пушечныхъ-же запасовъ достаточно въ государевой казнѣ. „А что, Государь, написано въ росписи, что вой на бываетъ отъ Турскихъ людей не по одинъ годъ,—и то Государь, въ волѣ Божіей: вольно Богу и въ малѣ времени укратить“. Служилые люди совѣтуютъ Государю, отправивъ въ Азовъ для первой подмоги отрядъ регулярныхъ войскъ, объявить вербовку охотниковъ „кто похочетъ въ Азовъ изъ дворянъ, изъ дѣтей боярскихъ, и изъ стрѣльцевъ, и изъ казаковъ, и изъ пушкарей и изъ черныхъ людей, окромѣ крѣпостныхъ людей, холоповъ и крестьянъ“. Всѣ отправляемые въ Азовъ ратные люди должны быть пожалованы государевымъ денежнымъ жалованьемъ, а продовольствіе ихъ должно быть обезпечено отправленными въ этотъ городъ провіантскими запасами. Здѣсь сказка доходитъ до самаго труднаго и щекотливаго вопроса: съ какихъ классовъ населенія и какими способами должны быть собраны денежные и

хлѣбные запасы для предстоящаго Азовскаго похода? Въ разрѣшеніи этого вопроса и разсматриваемая сказка выставляетъ Государю на видъ *необходимость* прежде всего *правильной и равномѣрной разверстки* ихъ: *принять на себя долю ратныхъ сборовъ должны всѣ разряды служилыхъ людей*,—и бояре, и окольничіе, и стольники, и стряпчіе, и Московскіе дворяне, и жильцы, и городовые дворяне и дѣти боярскіе, и воеводы и приказные люди, и даже вдовы и недоросли, живущіе на прожиточныхъ помѣстьяхъ; отъ ратныхъ сборовъ не должны быть освобождены *и государевы дворовые люди и дворцовыя волости.* Во всѣхъ указанныхъ выше разрядахъ лицъ, повинность ратныхъ сборовъ должна падать *на каждаго* плательщика *сообразно съ количествомъ числящихся за нимъ крестьянскихъ дворовъ.* За кѣмъ имѣется болѣе 50 крестьянъ—тотъ, кромѣ личной службы, обязанъ давать государству подмогу денежными и хлѣбными сборами; за кѣмъ окажется 50 крестьянъ—тотъ ограничивается личною службою безъ особаго денежнаго жалованья (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ служилые люди напоминаютъ государю о необходимости пожаловать оклады денежнаго жалованья тѣмъ изъ среды класса ихъ, которые не имѣютъ за собою помѣстій или же имѣютъ за собою лишь незначительныя помѣстья. *Деньги и всякіе запасы должны быть собираемы равнымъ образомъ и съ духовенства, и съ монастырей* „и со всякаго духовнаго чину“, *и съ гостей* и *„со всякихъ земскихъ торговыхъ людей“.* Свою сказку заканчиваютъ городовые служилые люди изъявленіемъ готовности служить государю по мѣрѣ силъ своихъ: „А мы, холопи твои,—заявляютъ они,—съ людьми своими и со всею своею службишкою на твою Государеву службу противъ твоихъ Государевыхъ недруговъ готовы, гдѣ ты, Государь, укажешь; *а разорены мы, холопи твои, пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ Московскою волокитою*

---

(1) Дальнѣйшее развитіе мысли высказанной дворянами и дѣтьми боярскими городовъ Суздаля, Юрьева и др., которые, какъ мы видѣли, просили государя опредѣлить законодательнымъ порядкомъ норму крестьянскихъ душъ, съ которыхъ должна быть отправляема служба безъ особаго денежнаго жалованья, причемъ служилые люди владѣющіе крестьянами свыше этой нормы—должны уже быть облагаемы денежными и хлѣбными ратными сборами. Служилые люди разсматриваемой группы сами предлагаютъ въ качествѣ такой нормы—50 крест. дворовъ.

и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ. То наша, холопей твоихъ, разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ мысль и сказка"! И такъ основная мысль сказки служилыхъ людей послѣдней группы въ сущности таже, которая лежитъ и въ основѣ мнѣній служилыхъ людей городовъ Суздаля, Юрьева и пр.: благо государства требуетъ безусловнаго удержанія Азова, ради этой цѣли земля должна принести новыя жертвы, — но нужно что-бы, эти жертвы легли на всѣ классы населенія равномѣрно, и что-бы, въ частности, не разорились въ конецъ городовые служилые люди, матеріальное благосостояніе которыхъ, благодаря неравномѣрности службы и внутреннимъ административнымъ нестроеніямъ — стоитъ въ настоящее время на самомъ низкомъ уровнѣ.

Послѣ письменныхъ сказокъ служилыхъ людей слѣдуютъ сказки различныхъ земскихъ чиновъ — гостей, торговцевъ гостинной и суконной сотенъ и наконецъ выборныхъ отъ черныхъ сотенъ и слободъ. Мнѣнія земскихъ чиновъ должны были естественно имѣть особый вѣсъ въ глазахъ правительства—такъ какъ они должны были дать государству денежныя средства для принятія и удержанія Азова и для веденія будущей войны съ Турціею и Крымомъ.

Гости и торговцы гостинной и суконной сотенъ объявили государю, что то или другое рѣшеніе Азовскаго вопроса зависитъ отъ его личнаго усмотрѣнія,—„какъ тебѣ Государю о томъ Богъ извѣститъ"; при этомъ они напоминаютъ впрочемъ царю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ подвергалась наша южная украйна со стороны Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ, за все время пребыванія Азова въ турецкомъ обладаніи. Равнымъ образомъ представляютъ торговые классы на усмотрѣніе царя и вопросъ объ организаціи ратныхъ силъ и о сборѣ запасовъ для Азовскаго похода;—„а *то дѣло служилыхъ людей*, добавляютъ они, *за которыми твое Государево жалованье*, вотчины многія и помѣстія есть: *а мы, холопи твои*, гостишка и гостинныя и суконныя сотни торговые людишка городовые и *питаемся на городѣхъ отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ*, а службы твои Государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ по вся годы безпрестани [1], а *отъ тѣхъ твоихъ Государевыхъ безпрестанныхъ*

---

(1) Гости и торговцы гостинной и суконной сотенъ привлекались къ государевой службѣ, для завѣдованія разл. частями финансоваго управ-

служебъ, и отъ пятинныя деньги (¹), что мы, холопи твои, давали тебѣ Государю въ Смоленскую службу, ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе люди *оскудѣли и обнищали до конца*". Торговые люди, продолжая жаловаться государю на упадокъ матеріальнаго благосостоянія своего, указываютъ ему на *уменьшеніе торговыхъ оборотовъ своихъ* вслѣдствіе сильной конкурренціи иноземныхъ купцовъ „которые пріѣзжаютъ къ Москвѣ и въ иные городы со всякими своими большими торгами и торгуютъ всякими товары". Обращая затѣмъ вниманіе государя на матеріальный бытъ городовъ вообще, торговые люди прямо заявляютъ ему, что *„въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ"* и что торговцы разъѣзжавшіе съ торгомъ по городамъ должны отказываться отъ этого вида торговли „отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздѣхъ". Торговые люди *указываютъ* и *корень всѣхъ золъ* проявляющихся въ областной администраціи; они видятъ его *въ усиленіи казеннаго приказнаго начала* и въ ограниченіи сферы земской самодѣятельности: „А при прежнихъ Государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было; а воеводы были посыланы, по прежнихъ Государей указу, съ ратными людьми только въ украйные городы, для береженья отъ тѣхъ же Турскихъ и Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ. отъ ихъ разоренья". Въ концѣ концевъ торговые люди просятъ государя не упустить изъ виду ихъ бѣдности: *„и мы, холопи твои и сироты, милости у тебя Государя.... просимъ, чтобъ тебѣ Государю.... въ нашу бѣдность возрить"*. Что-же касается Азовскаго дѣла, заключаютъ они, то если государь изволитъ принять этотъ городъ „для избавы православныхъ крестьянъ", въ такомъ случаѣ и они „ради Государю служити своими головами.... То за нами гостишекъ и гостинныя и суконныя сотни торговыхъ людишекъ рѣчи"! Ясно, что сказка торговыхъ людей указываетъ на великую трудность для нихъ принести новыя матеріальныя жертвы ради удержанія Азова.

ленія; назначались наприм. къ завѣдованію питейными и томоженными сборами, къ управленію царскими промыслами и т. п.

(¹) Здѣсь разумѣются предшествовавшіе частые сборы пятой деньги.

Послѣднею является сказка сотскихъ и старостъ черныхъ сотенъ и слободъ, которая во многомъ сходствуетъ со сказкою торговыхъ людей. Заявивъ царю что Азовскій вопросъ есть дѣло личнаго усмотрѣнію его и указавъ ему на бѣдствія проистекавшія для русскихъ украйнъ отъ обладанія Турками Азова,—представители черныхъ сотенъ и слободъ *начертываютъ государю подробную картину бѣдности своей и удручающихъ ихъ повинностей.* „А что о ратныхъ людѣхъ стройствѣ и о запасѣхъ, и о томъ какъ тебѣ Государю Богъ извѣститъ: а мы, сироты твои.... и всѣ тяглые людишка нынѣ, грѣхомъ своимъ, *оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ*, и отъ *пятинныхъ денегъ*, и отъ *даточныхъ людей*, отъ *подводъ*, что мы, сироты твои, давали тебѣ Государю въ Смоленскую службу, и отъ поворотныхъ денегъ, и отъ городоваго землянаго дѣла, и *отъ твоихъ Государевыхъ великихъ податей* и отъ многихъ цѣловальничь службъ.... да съ насъ же, сиротъ твоихъ, стоятъ на земскомъ дворѣ безпрестани и безъ съѣзду семдесятъ пять человѣкъ ярыжныхъ да извощики съ лошадьми, для ради грѣховнаго пожарнаго времени, и платимъ тѣмъ цѣловальникамъ и ярыжнымъ и извощикамъ ежемѣсяцевъ кормовыя подможныя деньги большія,—и отъ тое великія бѣдности *многіе тяглые людишка изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелися розно* и дворишка свои мечутъ" (¹).

Таковы всѣ мнѣнія высказанныя на соборѣ 1642 года по вопросу о принятіи Азова. Въ концѣ подлиннаго соборнаго акта сдѣлано нѣчто въ родѣ резюме изъ нихъ, причемъ сдѣлана попытка соединить въ одно мнѣнія, по существу своему однородныя; такъ, здѣсь соединены въ одно мнѣнія стрѣльцовъ, Владимірцевъ, Нижегородцевъ, Муромцевъ и Лушанъ, которые, какъ мы видѣли, уклонились отъ прямаго отвѣта, заявивъ что рѣшеніе Азовскаго вопроса — есть дѣло личнаго изволенія государя (²).

Какой-же окончательный выводъ можетъ быть сдѣланъ изъ всей совокупности сказокъ, представленныхъ государю

(¹) Въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ находиться конецъ сказки тяглыхъ людей — въ подлинномъ соборномъ актѣ находится дефектъ.

(²) Актъ земскаго собора 1642 года см. въ Собр. Госуд. Гр. и Дог. III, № 113.

соборными людьми? Выводъ этотъ очевиденъ, — земля тяготилась предстоящею войною и сопряженными съ нею тягостями, хотя значительное большинство соборныхъ людей высказало полное сознаніе той пользы, которую могло извлечь для себя государство пріобрѣтеніемъ Азова. Тяжелое впечатлѣніе производитъ актъ собора 1642 года: съ одной стороны видимъ мы ясное сознаніе землею необходимости пріобрѣтенія Азова для упроченія мира, безопасности и покойнаго развитія гражданственности во всей южной половинѣ государства, — а съ другой стороны видимъ мы еще болѣе ясное сознаніе невозможности принести имущественныя жертвы ради этой цѣли, безъ глубокаго потрясенія внутренней экономической жизни всѣхъ классовъ русскаго населенія. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ лично желалъ принять отъ казаковъ Азовъ и, въ случаѣ надобности, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои права на этотъ важный для государства стратегическій пунктъ, еще за мѣсяцъ до собора послалъ онъ отбившимъ Азовъ казакамъ свое царское милостивое слово, пять тысячь рублей денежнаго жалованья и обѣщаніе доставить имъ съ вскрытіемъ рѣкъ денежные, хлѣбные и другіе запасы, пороху, свинцу и суконъ, увѣщая ихъ и на будущее время пребывать въ твердой надеждѣ на его царскую милость и жалованье (1). Рѣчи раздавшіяся на земскомъ соборѣ заставили царя отказаться отъ мысли о пріобрѣтеніи Азова: онъ понялъ что силы народа, еще не успѣвшія окончательно оправиться послѣ смутнаго времени, были истощены безпрерывнымъ рядомъ оборонительныхъ войнъ за самое существованіе государства, войнъ наполнявшихъ собою все предшествовавшее царствованіе его. Истощены были силы городовыхъ служилыхъ людей, скудныя помѣстья которыхъ едва хватали имъ на отправленіе царской службы и хозяйство въ которыхъ, вслѣдствіе безпрерывныхъ отлучекъ ихъ на службу, должно было находиться въ крайне разстроенномъ состояніи; истощены были и силы земскихъ людей, платившихъ крайне высокія подати, дѣлавшихъ въ предшествовавшіе годы непосильныя жертвы государству въ видѣ сборовъ пятой деньги съ имущества или въ видѣ поставки натурою хлѣбнаго продоволь-

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог. III, № 112.

ствія для ратныхъ людей, — и въ дополненіе ко всему притѣсняемыхъ и разоряемыхъ воеводами и приказными людьми, „тяжелѣвшими", „богатѣвшими" на ихъ счетъ и создававшими себѣ такія „неудобь-сказуемыя палаты, какихъ при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей не бывало".

Странное заключеніе выводитъ г. Чичеринъ изъ акта собора 1642 года: „по отсутствію всякой политической мысли, по наивно высказывающимся эгоистическимъ стремленіямъ сословій, онъ не дѣлаетъ чести тогдашнему обществу". Напротивъ, скажемъ мы, земскій соборъ 1642 г. высказалъ глубокое политическое пониманіе дѣла въ большинствѣ членовъ своихъ и не высказалъ никакихъ рѣзкихъ эгоистическихъ стремленій сословій. Для подтвержденія перваго, стоитъ только припомнить глубокое пониманіе соборными людьми политическаго значенія Азова для государства Московскаго и ихъ разсужденія объ отношеніяхъ послѣдняго къ Турціи, Крыму и Ногайской Ордѣ. Для подтвержденія втораго положенія, стоитъ только вникнуть въ точный смыслъ сказокъ поданныхъ соборными чинами. Къ чему стремятся городовые служилые люди? Къ уравненію служебной повинности, къ большей обезпеченности благосостоянія низшихъ городовыхъ служилыхъ чиновъ, на которыхъ лежалъ весь центръ тяжести военныхъ силъ государства и которые бѣдствовали не только въ сравненіи съ боярами и другими высшими придворными чинами, но даже въ сравненіи съ Московскими дворянами и дѣтьми боярскими и, наконецъ, къ распространенію ратныхъ сборовъ на всѣ классы населенія русской земли. Къ чему стремятся земскіе чины? Единственно только къ уравненію повинностей и къ улучшенію порядка внутренней администраціи. Никакого антагонизма интересовъ сословій, принимавшихъ участіе въ соборѣ 1642 года, никакихъ рѣзкихъ эгоистическихъ стремленій ихъ, никакого отсутствія политическаго смысла не усматривается изъ мнѣній, письменно выраженныхъ соборными людьми. Если мы сведемъ всѣ эти мнѣнія, если мы вникнемъ въ ихъ точный смыслъ, если мы сопоставимъ ихъ съ внутреннимъ состояніемъ жизни Московскаго госу-

---

(¹) *Чичеринъ Б. Н.*: «О народномъ представительствѣ», М. 1866 г., стр. 378.

дарства въ эпоху земскаго собора 1642 года, — то они отольются въ нашихъ глазахъ въ слѣдующей формѣ: „Азовъ необходимъ для успѣховъ политической жизни русской земли Мы готовы были-бы принести новыя жертвы для его пріобрѣтенія, — но мы разорены предшествовавшими смутами, войнами и поборами; прежде нежели помышлять о внѣшнихъ пріобрѣтеніяхъ, намъ слѣдуетъ подумать объ устройствѣ бóльшаго порядка во внутренней жизни своей". И мы не вправѣ осудить русское общество половины XVII вѣка за высказанное имъ въ этомъ смыслѣ мнѣніе. Царь Михаилъ принялъ его во вниманіе и послалъ казакамъ приказаніе очистить Азовъ.

Земскій соборъ 1642 года былъ послѣднимъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича.

Переходимъ къ *земскимъ соборамъ* имѣвшимъ мѣсто *въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича.* Въ царствованіе этого государя мы уже не встрѣтимся съ тѣмъ значеніемъ земскихъ соборовъ, какое имѣли они въ царствованіе царя Михаила. Земскіе соборы, достигшіе при Михаилѣ Θеодоровичѣ высшей степени своего значенія и сдѣлавшіеся весьма обыкновеннымъ, одно время даже постояннымъ, явленіемъ политической жизни Московскаго государства — начинаютъ теперь клониться къ упадку своему. Это постепенное вымираніе земскихъ соборовъ находится въ непосредственной связи съ возростаніемъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ Московскаго государства, потрясенныхъ событіями начала XVII вѣка. Вся первая половина XVII вѣка посвящена была государствомъ и землею на излеченіе ранъ нанесенныхъ эпохою смутъ и разореній, на отраженіе внѣшнихъ враговъ, со всѣхъ сторонъ стремившихся подавить возродившееся государство и на уничтоженіе внутреннихъ крамольниковъ, вносившихъ смуты и неурядицы въ государственную и земскую жизнь Московскихъ областей. Къ эпохѣ восшествія на престолъ царя Алексѣя (1645 г.) внѣшніе враги были вынуждены оставить свои притязанія на Московскую территорію; въ областяхъ Московскихъ водворены были миръ и спокойствіе; предшествовавшіе земскіе соборы, а въ особенности соборъ 1642 г., указали правительству въ чемъ заключались внутреннія жизненныя нестроенія и аномаліи государственной и земской жизни — и правительству, руководствуясь этими указаніями, остава-

лось лишь дать путемъ законодательства регламентацію различнымъ отношеніямъ ея. Болѣе или менѣе полное и удачное выполненіе послѣдней задачи предпринято изданіемъ Уложенія 1649 года. Послѣ изданія этого законодательнаго сборника, земскіе соборы постепенно умаляются въ своемъ значеніи и вымираютъ, сослуживъ великую службу землѣ и государству.

Существуетъ свидѣтельство, что земскимъ соборомъ, созваннымъ немедленно послѣ кончины царя Михаила, утвержденъ былъ на царскомъ престолѣ сынъ его Алексѣй. Это свидѣтельство даетъ намъ современникъ той эпохи—Котошихинъ; такимъ образомъ получаемъ мы свѣденіе о *земскомъ соборѣ 1645 года*. Котошихинъ свидѣтельствуетъ именно, что патріархъ съ освященнымъ соборомъ, дума боярская, служилые люди Московскіе, гости, торговые „и всякихъ чиновъ люди... послѣ смерти прежняго царя на царство обрали сына его, нынѣшняго царя, и учинили коронованіе въ соборной большой первой церквѣ и молили Бога"; затѣмъ нѣсколько ниже читаемъ: „а было тѣхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и посадскихъ людей, для того обранія, человѣка по два изъ города" (1). И. Д. Бѣляевъ вполнѣ правъ, придавая характеръ достовѣрности свидѣтельству Котошихина о земскомъ соборѣ 1645 года уже на томъ основаніи, что мы не имѣемъ никакого права отвергать извѣстіе сообщаемое современникомъ, бывшимъ очевидцемъ восшествія на престолъ царя Алексѣя (2). Прибавимъ отъ себя, что фактъ утвержденія на царствѣ царя Алексѣя народными представителями не представляетъ ничего невѣроятнаго и, къ тому же, подтверждается и другими доводами. Вспомнимъ, что еще Михаилъ Θеодоровичъ долго отказывался отъ предлагаемаго ему престола, ссылаясь на прецеденты предшествовавшихъ государей, которымъ „всякихъ чиновъ люди Московскаго государства, измалодушествовавшись, не прямо служили", — вслѣдствіе чего приглашавшая Михаила на царство депутація отъ земскаго собора указывала ему на всенародное избраніе, какъ на гарантію въ вѣрности ему зем-

(1) *Котошихинъ*: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича», гл. I, статья 6.

(2) *Бѣляевъ И. Д.*: «Земскіе соборы на Руси», стр. 44.

ли. Не представляется положительно ничего невозможнаго въ томъ, что бояринъ Морозовъ, которому порученъ былъ царевичъ Алексѣй умирающимъ отцемъ его, желая придать несокрушимую опору царской власти шестнадцатилѣтняго питомца своего и будучи увѣренъ въ единодушной преданности всей земли дому царя Михаила — пожелалъ, вмѣстѣ съ патріархомъ и боярами, придать восшествію Алексѣя на престолъ санкцію всенародной воли; напротивъ, въ виду необходимости твердой внѣшней и внутренней политики юнаго царя, въ виду лежавшей на послѣднемъ обязанности твердою рукою завершить недоконченное отцемъ его дѣло государственнаго строенія — подобная предосторожность должна была казаться вполнѣ раціональною и даже необходимою. Время истекшее отъ смерти царя Михаила до вѣнчанія царя Алексѣя было совершенно достаточно для созванія земскаго собора: первый скончался 13 іюля, второй вѣнчался 28 сентября. О всенародномъ избраніи на царство царя Алексѣя даетъ намъ далѣе весьма опредѣленное свидѣтельство и современникъ-иностранецъ Адамъ Олеарій; Олеарій свидѣтельствуетъ, что царь вѣнчанъ „единодушнымъ согласіемъ всѣхъ бояръ, знатныхъ господъ и всего народа“ (1); это свидѣтельство, сопоставленное съ свидѣтельствомъ Котошихина, пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе. Наконецъ существуетъ еще третій доводъ въ пользу достовѣрности земскаго собора 1645 года. Черезъ три года по восшествіи своемъ на престолъ царь Алексѣй, созывая въ Москву выборныхъ для всенароднаго обсужденія и утвержденія составляемаго по его указу Уложенія — объявляетъ въ разосланныхъ имъ съ этою цѣлью по городамъ грамотахъ, что къ составленію новаго законодательнаго сборника приступлено имъ по челобитью „стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и жилцовъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ, и иноземцевъ, и гостей, и гостинныя и суконныя сотни, и всякихъ чиновъ торговыхъ людей“ (2). Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о всенародномъ челобитьи, о

(1) *Адамъ Олеарій*: «Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію», пер. съ нѣм. П. Барсова (изд. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.), М. 1870 г., стр. 256—257.

(2) А. А. Э. IV. № 27.

челобитьи земскаго собора. Когда-же происходилъ этотъ земскій соборъ? На послѣднемъ земскомъ соборѣ 1642 года не было и рѣчи о необходимости составленія новаго законодательнаго сборника; слѣдовательно въ промежутокъ времени 1642—1649 гг. имѣлъ мѣсто земскій соборъ, свѣдѣнія о которомъ утратились. Въ виду выше приведенныхъ соображеній и доводовъ, — мы не видимъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что этимъ таинственнымъ земскимъ соборомъ и былъ избирательный соборъ 1645 года. Земскій соборъ 1645 года вручилъ шестнадцатилѣтнему царю полное и неограниченное самодержавіе; на это указываетъ намъ какъ послѣдующая правительственная дѣятельность Алексѣя Михаиловича, такъ и свидѣтельство Катошихина, заявляющаго, что когда „нынѣшняго царя обрали на царство, а писма он на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали . . . и потому наивышшее пишется самодержцемъ и государство свое правитъ по своей воли“ (1).

Слѣдующій затѣмъ *земскій соборъ* созванъ былъ Алексѣемъ Михаиловичемъ *въ 1649 году*, для всенароднаго утвержденія Уложенія; объ этомъ соборѣ имѣемъ мы возможность имѣть данныя довольно полныя, такъ какъ до насъ дошло два оффиціальныхъ акта касающихся его (2).

Изъ исторіи составленія и санкціи Уложенія извѣстно, что царь Алексѣй, желая придать опредѣленіямъ его особую крѣпость и ненарушимость — велѣлъ созвать въ Москву земскій соборъ „что-бы государевы и земскіе дѣла утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобъ государевы дѣла, по его государеву указу и уложенью, были ничѣмъ не рушемы“ (3). При изложеніи внѣшней исторіи права имѣли мы уже случай замѣтить, что утвержденіе новаго законодательнаго сборника народными представителями лишало отдѣльныя состо-

(1) *Котошихинъ*: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича», гл. VIII, статья 4.

(2) Во первыхъ—память въ Обонежскую пятину, въ Нагорную половину, о присылкѣ къ земскому собору выборнаго (А. А. Э. IV, № 27), и во вторыхъ—выписку изъ самаго акта собора 1649 г. (Собр. Госуд. Гр. и Дог. Ш, № 129 и въ предисловіи къ Уложенію).

(3) А. А. Э. № 27.

янія и лица возможности жаловаться впослѣдствіе на принудительность его постановленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, давало царю гарантію въ практичности закона и въ его соотвѣтствіи истиннымъ нуждамъ государства и земли (¹). Представительство земли организоваио было на земскомъ соборѣ слѣдующимъ образомъ. Московскіе стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы должны были дать на соборъ по два представителя отъ каждаго чина, — слѣдовательно всего восемь человѣкъ; городовые дворяне и дѣти боярскіе должны были выбрать, въ большихъ городахъ — по два представителя, въ малыхъ городахъ — по одному представителю, за исключеніемъ Великаго Новгорода, служилые люди котораго должны были выбрать по одному выборному отъ каждой пятины его, — слѣдовательно пять выборныхъ отъ всего уѣзда; гости должны были дать трехъ выборныхъ; торговцы гостинной и суконной сотенъ по два выборныхъ; отъ черныхъ сотенъ, слободъ и городскихъ посадовъ должно было быть прислано по одному выборному (²). Распоряженіе о присылкѣ выборныхъ давалось изъ Москвы на имя мѣстнаго воеводы или губнаго старосты, который, собравъ избирателей, прочитывалъ имъ царскій указъ и предлагалъ избрать изъ среды своей требуемое количество выборныхъ. Выборные должны были быть избираемы изъ людей добрыхъ и смышленныхъ, „кому-бъ государевы и земскіе дѣла за обычей". Актъ выбора представителей закрѣплялся составленіемъ выборной записи, которая вмѣстѣ съ ними отправлялась въ Москву (³).

Срокомъ прибытія въ Москву выборныхъ назначенъ былъ первый день новаго года, т. е. 1 сентября 1649 года. Между тѣмъ редакціонныя работы по составленію Уложенія начались уже съ 16 іюля и были закончены къ третьему октября. Отсюда очевидно, что выборные не могли принимать непосредственнаго участія во всемъ процессѣ составленія Уложенія: ко дню сбора ихъ въ столицу добрая половина редакціонныхъ работъ должна уже была быть произведенною. Впрочемъ участіе выборныхъ во всѣхъ редак-

(¹) См. IV главу *внѣшней исторіи права.*

(²) См. Собр. Госуд. Гр. и Дог. III, № 129. или Предисловіе къ Уложенію.

(³) А. А. Э. IV, № 27.

ціонныхъ трудахъ и не представлялось необходимымъ, такъ какъ составленіе Уложенія носило характеръ пересмотра и свода предшествующаго законодательства; участіе ихъ могло быть практически полезно лишь при составленіи новыхъ опредѣленій, число которыхъ въ Уложеніи не превышаетъ семнадцати (¹). И дѣйствительно, существуютъ основанія полагать, что эти новыя опредѣленія составлены по иниціативѣ и при участіи выборныхъ. Мы уже знаемъ, что въ числѣ источниковъ Уложенія указаны были выдвинутые жизнью впередъ, но не получившіе еще законодательнаго опредѣленія, вопросы, которые и рѣшено было разрѣшить „общимъ совѣтомъ“, т. е. при участіи всѣхъ выборныхъ, при участіи всего земскаго собора. Нѣтъ сомнѣнія, что эти новые жизненные вопросы возбуждались самою земщиною, отчасти въ видѣ челобитныхъ, посылавшихся изъ областныхъ общинъ на имя государя (²), а отчасти и путемъ указаній выборныхъ предшествовавшихъ земскихъ соборовъ на тѣ или другія нестроенія и нужды государственной и земской жизни; мы знаемъ, напримѣръ, какъ много такихъ нестроеній и нуждъ указано было выборными собора 1642 года. Ясно, что эти стоявшіе на очереди вопросы могли быть твердо и практически вѣрно разрѣшены лишь самою землею въ лицѣ выборныхъ представителей ея. За участіе выборныхъ въ составленіи нѣкоторыхъ опредѣленій Уложенія говоритъ далѣе и тотъ фактъ, что выборнымъ велѣно явиться въ Москву „безъ всякаго мотчанья (замедленія)“ къ 1 сентябрю, т. е. болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до окончанія редакціонныхъ работъ — и въ грамотахъ о присылкѣ выборныхъ нѣсколько разъ строго предписывается имъ явиться въ Москву непремѣнно къ этому сроку (³). Само собою разумѣется, что выборные созывались въ Москву такъ рано не для того что-бы болѣе мѣсяца сидѣть въ столицѣ сложа руки, бросивъ дома занятія и дѣла свои, — но что они окружали членовъ редакціонной коммиссіи, содѣйствуя имъ своими указаніями и совѣтами

(¹) *Кавелинъ*: Сочиненія, Ш, стр. 178.

(²) Такихъ челобитныхъ дошло до нашихъ дней весьма много; они во множествѣ разсѣяны по различнымъ сборникамъ актовъ и въ дополнительныхъ къ Судебнику указахъ.

(³) А. А. Э. IV, № 27.

въ составленіи новыхъ опредѣленій, близко касавшихся интересовъ ихъ. Существуютъ наконецъ несомнѣнныя свидѣтельства того, что выборные люди, собравшись къ 1 сентября 1649 г. въ Москву, уже здѣсь возбуждали нѣкоторые законодательные вопросы, которые и получали въ Уложеніи свое разрѣшеніе сообразно съ заявленіями и указаніями ихъ; эти законодательные вопросы возбуждались выборными людьми путемъ представленія ими на имя государя *челобитій*, которыя и докладывались царю членами редакціонной коммиссіи, т. е. бояриномъ княземъ Одоевскимъ съ товарищами его ([1]). На значеніе подачи выборными людьми собора 1649 г. государю челобитныхъ, какъ средства земскаго возбужденія законодательныхъ вопросовъ и опредѣленій, вошедшихъ въ Уложеніе, — еще въ 1862 году указалъ А. П. Щаповъ ([2]); въ послѣднее время на этотъ крайне любопытный вопросъ обратилъ вниманіе В. И. Сергѣевичъ, представившій въ своемъ изслѣдованіи о земскихъ соборахъ нѣсколько примѣровъ вліянія челобитныхъ выборныхъ людей на созданіе въ Уложеніи новыхъ законодательныхъ опредѣленій ([3]). Такъ, выборные „ото всея земли“ били государю челомъ, что-бы онъ повелѣлъ отобрать у „патріарха, и у властей, и у монастырей, и у протопоповъ, и у поповъ“ всѣ вотчинныя земли, пріобрѣтенныя ими послѣ 1580 года (въ этомъ году изданъ царемъ Иваномъ IV приговоръ о запрещеніи духовенству и монастырямъ пріобрѣтать вотчины), и распорядился-бы раздачею конфискованныхъ такимъ путемъ земель безпомѣстнымъ, пустопомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ ([4]); отвѣтомъ на это челобитье явилась 42 статья XVII главы Уложенія, окончательно воспрещающая

([1]) *Сергѣевичъ*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», во II т. «Сборн. Госуд. Знаній», стр. 43 (сноска 1).

([2]) *Щаповъ*: «Земскій соборъ 1648—1649 годовъ и собраніе депутатовъ 1767 года» (Отеч. Зап. за 1862 г., № 11), стр. 6—11.

([3]) *Сергѣевичъ*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», стр. 42—43.

([4]) Извѣстіе объ этой челобитной въ А. А. Э IV, № 33. Припомнимъ, что еще на земскомъ соборѣ 1642 года многими выборными заявлена была необходимость государственной утилитаризаціи имущества духовенства и монастырей.

духовенству и монастырямъ пріобрѣтеніе въ собственность свою вотчинъ, а Помѣстному приказу — записывать ихъ за ними. Другія челобитныя выборныхъ людей, именно посадскихъ людей, гостей и торговцевъ, — указываютъ государю на неурядицы возникшія въ городской жизни вслѣдствіе злоупотребленій духовныхъ властей, монастырей, служилыхъ людей и вообще привиллегированныхъ въ финансовомъ отношеніи нетяглыхъ классовъ, представители которыхъ пріобрѣли себѣ въ городахъ многіе тяглые дворы, а вокругъ городовъ завели себѣ слободы, занимаются здѣсь торговлею и другими городскими промыслами и, не платя съ этихъ имуществъ и промысловъ государева тягла, „затѣснили и изобидили многими обидами“ тяглыхъ посадскихъ и торговыхъ людей (¹); отвѣтомъ на эти челобитья явился цѣлый рядъ статей XIX главы Уложенія, въ которой запрещается кому-бы то ни было, исключая тяглыхъ посадскихъ людей, пріобрѣтать тяглыя городскія имущества, предписывается „взять за государя въ тягло“ всѣ пригородныя слободы, заведенныя нетяглыми лицами, и принимаются мѣры къ организаціи обособленнаго городскаго сословія, съ принадлежащимъ послѣднему опредѣленнымъ кругомъ правъ и обязанностей. Наконецъ и первая статья XIII главы Уложенія, опредѣляющая учрежденіе особаго Монастырскаго приказа для дачи въ немъ суда по искамъ на духовенство, монастыри и на подчиненныхъ послѣднимъ лицъ — сама заявляетъ, что она возникла въ силу челобитья о томъ „стольниковъ и стряпчихъ и дворянъ Московскихъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и гостей и гостинные и суконные и иныхъ разныхъ сотенъ и слободъ и городовыхъ торговыхъ и посадскихъ людей“. Лишнее было-бы распространяться о томъ, на сколько важно изслѣдованіе всѣхъ челобитныхъ, какъ выборныхъ земскаго собора 1649 года, такъ и выборныхъ предшествовавшихъ земскихъ соборовъ, а также и челобитныхъ присылавшихся въ Москву различными городскими и уѣздными общинами — для выясненія связи ихъ съ новыми опредѣленіями Уложенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для выясненія истиннаго значенія и характера этого законодательнаго сборника, изданіе котораго само Московское правительство

(¹) Извѣстіе объ этихъ челобитныхъ въ А. А. Э. IV, № 32.

называло „государевымъ и *земскимъ* дѣломъ". Уложеніе ждетъ изслѣдователя, который, не устрашась кропотливости подобной работы, занялся-бы разработкой этого законодательнаго сборника именно съ указанной точки зрѣнія.

Къ третьему числу октября редакціонныя работы по составленію Уложенія были закончены и приступлено было къ чтенію вновь составленнаго законодательнаго сборника. Царь, освященный соборъ и члены государевой думы (т. е. бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки) слушали чтеніе его отдѣльно отъ выборныхъ. Послѣднимъ читалось оно въ Отвѣтной палатѣ, въ присутствіи боярина князя Юр. Алекс. Долгорукаго ([1]). Такимъ образомъ на земскомъ соборѣ 1649 года является рѣзкое противоположеніе двухъ составныхъ частей его, — духовенства и думныхъ людей съ одной стороны, и выборныхъ отъ городовъ съ другой стороны. Это противоположеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ мысли высказанной правительствомъ, что изданіе Уложенія есть „государево и земское дѣло". Царь и думные люди явились представителями государства, выборные отъ городовъ — представителями земли; духовенство также нужно было отдѣлить отъ послѣднихъ, такъ какъ интересы его не всегда совпадали съ интересами земли. И такъ, отдѣленіе на земскомъ соборѣ представителей земщины и низшихъ разрядовъ служилыхъ людей отъ духовенства и высшихъ разрядовъ служилыхъ людей — являлось мѣрою вполнѣ раціональною: лишь при такомъ раздѣленіи могла быть обезпечена за землею полная свобода мнѣнія и слова. Послѣ окончательнаго чтенія Уложенія, подлинный свитокъ его былъ закрѣпленъ рукоприкладствомъ всѣхъ лицъ, составлявшихъ земскій соборъ 1649 года. Подъ этимъ законодательнымъ сборникомъ подписались: патріархъ, 2 митрополита, 3 архіепископа, одинъ епископъ, 5 архимандритовъ, одинъ игуменъ, 15 бояръ, 10 окольничихъ, одинъ казначей, одинъ думный дворянинъ, печатникъ, одинъ думный дьякъ, Благовѣщенскій протопопъ, духовникъ государя, 5 московскихъ дворянъ, 148 городовыхъ дворянъ, 3 гостя, 12 выборныхъ отъ Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, 89 выборныхъ отъ городовыхъ

([1]) См. Собр. Госуд. Гр. и Дог. III, № 129 или предисловіе къ Уложенію.

посадскихъ людей и 15 выборныхъ отъ Московскихъ стрѣлецкихъ приказовъ; всего подписалось подъ Уложеніемъ 315 человѣкъ ([1]).

Третьимъ земскимъ соборомъ имѣвшимъ мѣсто въ царствованіе Алексѣя Михаиловича является *земскій соборъ 26 іюля 1550 года*, созванный царемъ по поводу Псковскаго мятежа, возникшаго вслѣдствіе подозрѣнія Псковскихъ людей будто бояре и, главнымъ образомъ, бояринъ Морозовъ, дружатъ нѣмцамъ, снабжая ихъ хлѣбными запасами и деньгами въ ущербъ русской землѣ. Начавшись въ февралѣ 1550 года, мятежъ скоро сталъ принимать весьма серьезный характеръ. Въ концѣ февраля мятежники задержали шведскаго посла Нумменса, избили его, подвергали пыткѣ и отобрали у него до двадцати тысячь рублей денегъ, которыя везъ онъ изъ Москвы въ Швецію въ счетъ выкупной платы за русскихъ перебѣжчиковъ, перебѣжавшихъ въ Московскіе предѣлы изъ русскихъ областей, уступленныхъ Швеціи по Столбовскому мирному договору. Въ началѣ апрѣля псковичи избили и заключили подъ стражу присланнаго во Псковъ для производства разслѣдованія окольничаго Өеодора Волконскаго, а въ концѣ мая оказали вооруженное сопротивленіе боярину князю Ивану Хованскому, присланному къ нимъ съ небольшимъ отрядамъ ратныхъ людей съ тою же цѣлью, съ какою передъ тѣмъ присланъ былъ и окольничій Волконскій; мятежники встрѣтили Хованскаго огнемъ изъ пушекъ и пищалей, отказались пустить его въ городъ—и ему пришлось начать правильную осаду возмутившагося города. Избѣгая примѣненія крутыхъ мѣръ по отношенію къ мятежникамъ, царь Алексѣй рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству земли, предоставивъ самой землѣ усовѣсить возставшую противъ Москвы область и изрѣчь осуждтніе и приговоръ мятежному Пскову на случай неуспѣшности первой мѣры. Царь расчитывалъ что порицаніе и увѣщаніе земщины окажетъ болѣе могущественное вліяніе на умъ и чувства мятежниковъ, нежели грозная и предводимая искусснымъ воеводою рать; обстоятельства доказали, что царь не ошибся въ этомъ расчетѣ. И такъ 4 іюля выѣхала во Псковъ депутація состоявшая, подъ предводи-

---

([1]) *Кавелинъ*: Сочиненія, III, стр. 177—178.

тельствомъ епископа Коломенскаго и Коширскаго Рафаила,— изъ одного архимандрита, одного протопопа, одного выборнаго отъ стольниковъ, одного отъ стряпчихъ, одного отъ Московскихъ дворянъ, изъ двухъ выборныхъ отъ городовыхъ дворянъ, изъ одного выборнаго отъ гостей, двухъ отъ торговцевъ гостинной и суконной сотенъ и четырехъ выборныхъ отъ Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ; этой депутаціи приданъ былъ для письмоводства подъячій. Депутаціи вручена была царская грамота для передачи псковичамъ и наказъ, опредѣлявшій характеръ дѣятельности ея по прибытіи въ возмутившійся городъ; по смыслу этого наказа Рафаилъ и товарищи его должны были уговаривать мятежниковъ „всякими мѣрами, чтобъ они ко государю вины свои принесли: боярина и воеводу князя Ивана Никитича Хованскаго съ товарищи и съ ратными людми въ городъ пустили и государеву указу во всемъ были послушны",—и поручиться имъ въ томъ что, въ случаѣ принесенія повинной и впуска въ городъ Хованскаго и его ратныхъ людей, — не будетъ причинено имъ послѣдними никакого зла (¹).

Между тѣмъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ отправленіемъ во Псковъ депутаціи, сдѣланы были распоряженія къ созванію земскаго собора для обсужденія дѣла „о Псковскомъ воровскомъ заводѣ". Этотъ земскій соборъ состоялся 26 іюля; на немъ засѣдали бояре, окольничіе и др. чины служилыхъ людей города Москвы, затѣмъ выборные отъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, выборные отъ стрѣльцовъ, гостей, по пяти выборныхъ отъ торговцевъ гостинной и суконной сотенъ и по одному сотскому отъ черныхъ сотенъ (²). На соборѣ сообщены были членамъ его всѣ обстоятельства Псковскаго мятежа, всѣ насилія и убійства совершенныя мятежниками надъ Псковскими дворянами и дѣтьми боярскими—и въ заключеніе предложенъ былъ обсужденію со-

---

(¹) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи», т. X, стр. 151—153 и 168—179. Наказъ данный еписк. Рафаилу и выборнымъ и царскую грамоту къ псковичамъ см. въ «Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ», т. III, № 74 (I и II).

(²) Были-ли на этомъ соборѣ представители отъ городскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, или-же одни только представители черныхъ сотенъ и слободъ города Москвы?

борныхъ людей вопросъ о томъ, какъ должно поступить съ мятежниками въ томъ случаѣ, если они не примутъ увѣщаній посланной къ нимъ депутаціи, т. е. епископа Рафаила съ выборными. Отвѣтъ соборныхъ людей не дошелъ до нашихъ дней (¹). Этому отвѣту и не пришлось впрочемъ получить практическаго значенія: 17 августа псковичи еще за полверсты отъ города торжественно встрѣтили депутацію и вмѣстѣ съ нею отправились въ Троицкій соборъ гдѣ, послѣ пѣнія молебна, выслушали чтеніе присланной имъ царской грамоты. На слѣдующій день мятежники принесли депутаціи повинную и 20 августа цѣловали крестъ въ вѣрности государю (²).

Четвертый *земскій соборъ* въ царствованіе царя Алексѣя имѣлъ мѣсто *въ 1653 году* (1554 г. по старому лѣтоисчисленію). Этотъ соборъ былъ созванъ для обсужденія вопроса объ объявленіи войны Польшѣ и объ отвѣтѣ на челобитья гетмана Богдана Хмѣльницкаго и всего войска Запорожскаго, которое, тѣснимое Польшею, неоднократно уже засылало въ Москву пословъ съ просьбами царю о принятіи Малороссіи подъ его „высокую руку". Засѣданіе этого собора происходило 1 октября; участіе въ немъ принимали патріархъ, два митрополита, архимандриты, игумены и весь освященный соборъ, бояре, окольничіе и другіе думные люди, выборные отъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ, жильцовъ, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, гостей и торговцевъ гостинной и суконной сотенъ, черныхъ сотенъ, дворцовыхъ слободъ, стрѣльцовъ и „иныхъ всякихъ чиновъ людей". Соборъ происходилъ въ Грановитой палатѣ въ личномъ присутствіи государя, пришедшаго на соборъ крестнымъ ходомъ изъ собора, гдѣ онъ, по случаю праздника св. Покрова, находился у обѣдни (³). Засѣданіе открылось, по обыкновенію, чтеніемъ докладной рѣчи, въ которой излагалась передъ соборными людьми сущность дѣлъ, имѣющихъ обсуживаться на соборѣ. По отношенію къ вопросу о разрывѣ мира съ Польшею сообщалось собору о нару-

(¹) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи». т. X, стр. 176.

(²) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи». т. X. стр. 178—179.

(³) См. подлинный соборный актъ въ Собр. Госуд. Гр. и Дог. III, № 157.

шеніи со стороны послѣдней мирныхъ условій, заключенныхъ въ прошлыхъ годахъ между царемъ Михаиломъ и королемъ Владиславомъ, по которымъ оба государя должны были пребывать какъ между собою, такъ и въ лицѣ преемниковъ своихъ, „въ братской дружбѣ и въ любви и въ соединеньи“, и по которымъ король Владиславъ окончательно отказывался отъ своихъ притязаній на Московское царство, давалъ обѣщаніе не именоваться Московскимъ царемъ и слѣдить за тѣмъ, что-бы должностныя лица польскія не умаляли царскаго титула. Рѣчь заявляетъ, что всѣ эти условія были клятвопреступно нарушены еще при жизни Владислава: царскій титулъ писался съ измѣненіями и сокращеніями, „а иные злодѣи во многихъ листѣхъ писали съ великимъ безчестьемъ и съ укоризною“. При нынѣшнемъ же королѣ Янѣ Казимірѣ, продолжаетъ докладъ, „учало быть и пуще прежняго“: въ польскихъ книгахъ напечатаны такія „злыя безчестья, укоризны и хулы“ на покойнаго царя Михаила, на его родителя патріарха Филарета и на нынѣ царствующаго государя Алексѣя Михаиловича, что „не токмо Великимъ Государямъ Христіанскимъ, помазанникомъ Божіимъ,—и простому человѣку слышати и терпѣти невозможно и помыслити страшно, также и Московскаго государства про бояръ и про всякихъ чиновъ людей“. Не смотря на неоднократныя обѣщанія короля и сейма преслѣдовать оскорбителей достоинства Московскаго государя и государства и подвергать виновныхъ смертной казни съ конфискаціею имуществъ — въ выполненіе ихъ ничего не было однако предпринимаемо, а случаи оскорбленія государевой чести по прежнему имѣютъ мѣсто совершенно безнаказанно, не смотря на постоянныя указанія на нихъ со стороны Московскаго правительства. Наконецъ въ прошломъ 1653 году (по старому лѣтоисчисленію), когда отправленные къ королю полномочные послы князь Рѣпнинъ-Оболенскій съ товарищами требовали, что-бы король, памятуя мирныя условія, договоры и свои обѣщанія, „въ тѣхъ вышеприведенныхъ дѣлѣхъ исправленье учинилъ пристойное“, — паны польскіе со смѣхомъ называли требованія пословъ „малымъ дѣломъ“ и отпустили ихъ безъ всякаго удовлетворенія. Наконецъ, по отношенію къ польскому вопросу докладъ указываетъ и на другія доказательства нарушенія Польшею мирнаго договора: король Янъ Казиміръ сносился съ Крымскимъ ханомъ, предлагая

ему заключить наступательный союзъ противъ Московскаго государства; онъ же пропустилъ черезъ свои владѣнія пословъ Крымскаго хана, отправлявшихся въ Швецію для интригъ противъ Москвы; наконецъ на рубежахъ Польскаго и Московскаго государствъ стали дѣлаться со стороны польскихъ и литовскихъ людей „задоры большіе", сопровождавшіеся нарушеніемъ неприкосновенности Московской территоріи и насиліями надъ пограничными жителями. „И по тѣмъ по всѣмъ мѣрамъ многія неправды учинились къ нарушенью вѣчнаго доконченья (договора) съ королевскія стороны: а съ Государевы стороны вѣчное доконченье во всякихъ мѣрахъ и посямѣста сдержано крѣпко и нерушимо". Этимъ заканчивается первая часть доклада, излагающая сущность польскихъ дѣлъ.

Вторая часть доклада переходитъ уже собственно къ изложенію состоянія вопроса малороссійскаго. Здѣсь сообщается соборнымъ людямъ, что еще въ прошлыхъ годахъ присылали въ Москву пословъ гетманъ Богданъ Хмѣльницкій и все войско запорожское съ жалобами на то, что поляки возвели гоненіе на Православную вѣру ихъ и на церкви, принуждая къ переходу въ католицизмъ,—въ другихъ-же мѣстностяхъ вводя унію, и „всякія надъ ними гоненія и поруганія и злости нехристіанскія чинили, чего они и надъ еретиками и надъ жидами не чинятъ". Вслѣдствіе этого послы передали государю заявленіе всего запорожскаго войска что оно, призвавъ на помощь крымцевъ, возстало противъ Польши и усиленно бьетъ челомъ о принятіи Малороссіи въ Московское подданство. Далѣе докладъ сообщаетъ, что и въ прошломъ 1653 году (по старому лѣтоисчисленію) гетманъ снова два раза засылалъ въ Москву пословъ съ просьбами царю о принятіи въ свое подданство запорожскаго войска или, въ случаѣ несогласія его на послѣднее, о его посредничествѣ для заключенія мира съ Польшею, такъ какъ только посредничество Московскаго царя могло гарантировать войску сохраненіе со стороны поляковъ мирныхъ условій, обезпечивающихъ ему неприкосновенность религіи и церквей. Послѣдствіемъ челобитья гетмана было оправленіе въ Польшу посольства изъ князя Рѣпнина-Оболенскаго съ товарищами, для посредничества по дѣлу о заключеніи мира между Польшею и войскомъ Запорожскимъ,—мира, который обезпечивалъ-бы послѣднему свободу и неприкосновенность религіи; поляки не согласи-

лись на заключеніе такого мира и возобновили военныя дѣйствія. Далѣе докладъ заявляетъ земскому собору, что при избраніи своемъ на королевскій престолъ, Янъ Казиміръ присягалъ на томъ, что будетъ соблюдать начало вѣротерпимости и „межъ разнствующими въ вѣрѣ Христіанской остерегати и защищати и никакими мѣрами для вѣры самому не тѣснити и никого на то не попущати“; что при избраніи его на престолъ опредѣлено было затѣмъ, что всякое нарушеніе королемъ условій избранія—освобождаетъ подданныхъ отъ обязанности вѣрноподданническаго повиновенія. Указаніемъ на этотъ пунктъ польской конституціи, докладъ имѣетъ очевидною цѣлью своею дать понять собору, что обязательственныя отношенія между Польшею и Малороссіею должны отнынѣ считаться легально разрушенными и что Запорожцы, въ силу нарушенія Яномъ Казиміромъ начала свободы вѣротерпимости,—свободно и по праву могутъ быть приняты въ Московское подданство. Въ заключеніе докладъ объявляетъ соборнымъ людямъ, что Запорожцы снова прислали въ Москву посла своего Лаврина Капусту съ челобитьемъ царю о принятіи въ подданство свое Малороссіи, такъ какъ войско твердо рѣшилось не подаваться вновь полякамъ.

И такъ, сущность доклада сводилась къ слѣдующимъ двумъ вопросамъ: слѣдуетъ-ли разрушить миръ съ Польшею и объявить польскому королю войну? Слѣдуетъ-ли склониться къ челобитью Запорожцевъ и принять Малороссію въ Московское подданство? Само собою разумѣется, что вся суть дѣла заключалась въ вопросѣ о принятіи Малороссіи; первый вопросъ былъ развитъ и поставленъ въ интересахъ втораго.

Отвѣчая на предъявленные докладомъ вопросы, бояре и думные люди приговорили: въ виду вѣроломства поляковъ, разрушить съ ними мирное докончанье и объявить Польшѣ войну. По отношенію къ Малороссійскому дѣлу думные люди рѣшили что государю, въ виду неуспѣшности посредничества Московскихъ пословъ въ дѣлѣ заключенія мира между Польшею и Запорожскимъ войскомъ и въ виду продолжающихся гоненій поляковъ на православіе,—надлежитъ принять все войско Запорожское, съ городами и съ землями ихъ, подъ свою „Государскую высокую руку“. Наконецъ бояре и думные люди заявляютъ, что Малороссію и потому

слѣдуетъ принять, что „въ присягѣ Яна Казиміра написано что ему въ вѣрѣ Христіанской остерегати и защищати и никакими мѣрами для вѣры самому не тѣснити и никого на то не попущати; а будетъ онъ той своей присяги не сдержитъ, и онъ подданныхъ своихъ отъ всякія вѣрности и послушанья чинитъ свободными: и онъ Янъ Казиміръ той своей присяги не сдержалъ и на православную Христіанскую вѣру греческаго закона возсталъ и церкви Божія многія разорилъ, а въ иныхъ унію учинилъ, и что-бъ ихъ (запорожцевъ) не отпустить въ подданство Турскому Салтану или Крымскому Хану (¹),—потому что они *стали* нынѣ присягою королевскою *вольные люди*".

Послѣ отвѣта думныхъ людей слѣдовали отвѣты остальныхъ выборныхъ соборныхъ людей. Выборные люди допрашивались порознь, по чинамъ (²),—но подлинный соборный актъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ намъ сущности мнѣній каждой отдѣльной группы ихъ. Онъ сообщаетъ лишь общій выводъ изъ всѣхъ мнѣній, выраженныхъ выборными: выводъ этотъ сводился къ тому, что-бы объявить войну Польшѣ, причемъ служилые люди дали слово биться за государеву честь „не щадя головъ своихъ", а торговые люди, сверхъ того, обѣщали дать вспоможенье деньгами для веденія войны; по отношенію къ вопросу о Малороссіи выборные высказались въ пользу присоединенія ея къ Московскому государству (³).

Въ заключеніе обзора земскаго собора 1653 года замѣтимъ, что нѣкоторыя обстоятельства Малороссійскаго дѣла возбудили въ литературѣ недоразумѣніе относительно значенія этого собора. Дѣло въ томъ, что еще 6 сентября отправленъ былъ изъ Москвы къ Хмѣльницкому стольникъ Родіонъ Стрѣшневъ и дьякъ Мартемьянъ Бредихинъ, которые повезли гетману и всему войску царское жалованье и милостивое слово за преданность ему. Въ похвальной жалованной грамотѣ войску, посланной царемъ съ этими посла-

(¹) Турецкій султанъ передъ тѣмъ, по заявленію самого Хмѣльницкаго, уже подсылалъ къ нему посла съ предложеніемъ поддаться Турціи.

(²) Въ этомъ отношеніи соборъ 1653 г. напоминаетъ земскіе соборы 1566 и 1642 гг.

(³) Собр. Гос. Гр. и Дог., III, № 157.

ми, сообщалось между прочимъ гетману, что-бы онъ вѣрилъ посламъ въ томъ, „о чемъ они тебѣ говорити учнутъ" (¹). Въ отвѣтѣ гетмана на эту грамоту, отъ 28 декабря, разоблачается таинственность сопровождавшая посольство Стрѣшнева; изъ этого отвѣта узнаемъ мы, что послѣдній передалъ войску о согласіи царя на принятіе его въ свое подданство (²). Между тѣмъ земскій соборъ для обсужденія вопроса о принятіи Малороссіи происходилъ, какъ мы это видѣли, лишь 1 октября. Изъ сопоставленія обоихъ указанныхъ обстоятельствъ, С. М. Соловьевъ, полемизируя съ К. С. Аксаковымъ, выводитъ заключеніе, что отъ прежняго значенія земскихъ соборовъ осталась въ соборѣ 1 октября 1653 г. одна только „*форма*, которую сочли нужнымъ еще исполнить изъ уваженія къ обычаю предшествовавшаго царствованія; . . . 6 сентября, продолжаетъ онъ, государь послалъ къ гетману съ объявленіемъ, что онъ принялъ его въ подданство, а 1 октября созванъ былъ соборъ для разсужденія о томъ, принимать ли гетмана въ подданство? Положимъ, что Алексѣй Михаиловичъ былъ увѣренъ въ согласіи собора, ибо объ этомъ было разсуждаемо прежде, но въ такомъ случаѣ для чего созывать вторично соборъ и предлагать снова дѣло на обсужденіе"? (³) Отвѣчая на возраженіе проф. Соловьева, К. С. Аксаковъ утверждаетъ, что о принятіи Малороссіи было дѣйствительно разсуждаемо до собора перваго октября,—притомъ было разсуждаемо на соборѣ-же,—такъ что вопросъ этотъ былъ предрѣшенъ почти за три года до собора 1653 года; для чего-же, задаетъ себѣ Аксаковъ вопросъ, собиралъ царь второй соборъ?;—„для торжественнаго признанія, для санкціи рѣшенія, въ которомъ и царь и земля были согласны", тутъ-же отвѣчаетъ онъ (⁴). Намъ кажется, что и безъ предположенія о первомъ соборѣ для разсужденія о принятіи Малороссіи—оба ука-

(¹) Собр. Госуд. Грам. и Дог. III. № 156.

(²) Собр. Госуд Грам. и Дог. III, № 159.

(³) *Соловьевъ*: «Шлёцеръ и анти-историческое направленіе» (Рус. Вѣстн. за 1857 годъ, томъ VIII), стр. 449.

(⁴) *Аксаковъ*: «Замѣчанія на статью г. Соловьева: Шлецеръ и антиисторическое направленіе», въ «Сочиненіяхъ» К. С. Аксакова, т. I, стр. 206—207 (а также въ III томѣ «Русской Бесѣды» за 1857 г.).

занные выше факта могутъ быть между собою согласованы, если мы обратимъ только вниманіе на то, что заявленіе Стрѣшнева о согласіи царя принять въ подданство свое запорожцевъ отнюдь не носило оффиціальнаго характера. Потому-то и не рѣшился царь письменно сообщить объ этомъ Хмѣльницкому, но только предупреждаетъ его, чтобы онъ вѣрилъ тому, что будетъ сообщать ему посолъ. Между тѣмъ къ 28 декабрю конечно извѣстно стало запорожцамъ о рѣшеніи земскаго собора—и гетманъ уже открыто могъ благодарить царя за оказанную войску милость. Посланное же съ Стрѣшневымъ сообщеніе очевидно имѣло своею цѣлью выиграть время для созванія собора и придать твердости запорожцамъ, о привлеченіи которыхъ въ подданство свое сильно хлопоталъ въ это время султанъ турецкій, засылавшій уже къ гетману пословъ для веденія объ этомъ переговоровъ. Прибавимъ наконецъ, что за оффиціальнымъ согласіемъ на принятіе Малороссіи должно было слѣдовать крестное цѣлованіе запорожцевъ Московскому государю: между тѣмъ они не присягнули еще на основаніи неоффиціальнаго заявленія Стрѣшнева. Лишь послѣ земскаго собора отправленъ былъ въ Малороссію оффиціальнымъ посломъ ближній бояринъ Василій Бутурлинъ, для принятія въ Московское подданство всего Запорожскаго войска и для приведенія его къ крестному цѣлованію.

Такимъ образомъ, вполнѣ соглашаясь съ С. М. Соловьевымъ въ томъ, что съ эпохи царя Алексѣя Михаиловича, вслѣдствіе возстановившихся силъ и могущества государства, земскіе соборы начинаютъ уже терять прежнее значеніе свое,—мы не можемъ однако не признать за земскимъ соборомъ 1 октября 1653 года еще весьма важнаго государственнаго значенія, живо возстановляющаго въ нашей памяти картину соборовъ эпохи царя Михаила.

Земскій соборъ 1653 года былъ послѣднимъ въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича; въ остальные двадцать три года правленія его не было случаевъ созыванія земскихъ соборовъ или, покрайней мѣрѣ, не дошло до насъ объ нихъ никакихъ свѣдѣній.

Земскій соборъ 1653 года можетъ быть по всей справедливости названъ и послѣднимъ земскимъ соборомъ Московскаго государства; послѣдующія собранія выборныхъ, какъ мы это увидимъ, могутъ быть причисляемы къ зем-

скимъ соборамъ лишь съ величайшими натяжками. Эти собранія выборныхъ были ничѣмъ инымъ, какъ временными коммиссіями изъ свѣдущихъ людей, организовавшимися при думѣ боярской, подъ предсѣдательствомъ одного изъ бояръ, для всесторонняго выясненія того или другаго вопроса законодательства или управленія.

Такъ, въ 1660 г., происходило въ Москвѣ, по указу государя, *совѣщаніе* бояръ съ Московскими гостями, торговцами гостинной и суконной сотенъ, съ сотскими черныхъ слободъ и сотенъ и со всѣми торговыми тяглыми людьми Московскими, *о причинахъ дороговизны въ Москвѣ хлѣба* и другихъ съѣстныхъ продуктовъ,—но это совѣщаніе никакъ не можетъ быть принимаемо за земскій соборъ: оно является простымъ допросомъ свѣдущихъ людей, указанія которыхъ могли быть полезны для цѣлей правительственныхъ. Бояре предлагали торговымъ людямъ высказать свои мнѣнія по слѣдующимъ вопросамъ: вслѣдствіе какихъ причинъ поднялись въ Москвѣ цѣны на хлѣбъ, скотъ и другіе предметы потребленія и какими мѣрами можно возстановить „мѣрную", т. е. нормальную, цѣну хлѣба? Не произошла-ли дороговизна отъ искусственнаго повышенія цѣнъ скупщиками? Не воспослѣдуетъ ли пониженіе цѣнъ на хлѣбъ въ томъ случаѣ, если государь прекратитъ продажу на кружечныхъ дворахъ хлѣбнаго вина?

Гости и торговые люди гостинной и суконной сотенъ объяснили, что дороговизна хлѣба произошла, во первыхъ, отъ усиленнаго винокуренія и пивоваренія; во вторыхъ, отъ искусственнаго возвышенія цѣнъ скупщиками и кулаками которые, закупая хлѣбъ изъ первыхъ рукъ, перепродаютъ его въ Москвѣ дорогою цѣною. Въ качествѣ мѣръ къ прекращенію дороговизны, указываютъ гости и торговцы гостинной и суконной сотенъ—упраздненіе кружечныхъ дворовъ и пивоваренъ, раздачу стрѣльцамъ хлѣбнаго жалованія не деньгами, а натурою, взявъ на этотъ предметъ излишніе хлѣбные запасы у патріарха, духовенства и монастырей и запрещеніе скупщикамъ и кулакамъ закупать въ Москвѣ хлѣбъ изъ первыхъ рукъ, съ возовъ и судовъ, до шестаго часа дня,—„и отъ того ото всего, заканчиваютъ указанныя лица свою экспертизу,—хлѣба будетъ больше и цѣна дешевле".

Сотскіе, старосты и торговцы черныхъ сотенъ заявили боярамъ, что дороговизна хлѣба происходитъ, во первыхъ, отъ уменьшенія рабочихъ рукъ при пашняхъ, такъ какъ многіе пашенные люди перемерли въ бывшее передъ тѣмъ моровое повѣтріе, другіе-же перебиты на войнахъ или отвлечены отъ земледѣлія государевою службою; во вторыхъ вслѣдствіе того, что нынѣ стали давать жалованье ружнымъ попамъ, а также и хлѣбное жалованье стрѣльцамъ и государевымъ дворовымъ людямъ не натурою, какъ было прежде, а деньгами,—вслѣдствіе чего рынокъ сталъ наводняться спросомъ всѣхъ этихъ лицъ на хлѣбъ; въ третьихъ, хлѣба въ Москвѣ уменьшилось вслѣдствіе того что изъ дворцовыхъ селъ и волостей перестали возить въ Москву на царскій житный дворъ хлѣбъ натурою, но стали взамѣнъ этого обкладывать дворцовыя села и волости денежнымъ оброкомъ; четвертая причина дороговизны хлѣба—появленіе въ значительномъ количествѣ скупщиковъ и кулаковъ; „а что на кружечныхъ дворѣхъ винную продажу отставить, и отъ того хлѣбъ дешевле будетъ ли,—и они того не вѣдуютъ, потому что хлѣбъ въ Божіей волѣ" (¹)

Правительство и въ остальные годы царствованія Алексѣя Михаиловича далеко не игнорировало заявлявшихся ему, въ видѣ челобитныхъ государю, указаній различныхъ классовъ населенія на тѣ или другія нужды свои. Такъ въ 1667 году (7 мая) изданъ былъ Торговый Уставъ, въ которомъ, вслѣдствіе чилобитья гостей и другихъ торговыхъ людей на обиды и утѣсненія причиняемыя имъ въ торговлѣ пріѣжими иноземными купцами, установлены были различныя ограниченія и правила для заграничной торговли, какъ-то, установлены правила сбора таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, какъ ввозимыхъ изъ за границы, такъ и вывозимыхъ за границу, установлены правила для наблюденія за тѣмъ, что-бы иностранные купцы не привозили въ Московское государство негодныхъ товаровъ, запрещено покупать у иностранныхъ купцевъ драгоцѣнныя каменья и различные предметы роскоши и т. п. (²).

(¹) Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV. № 18.

(²) Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV. № 55.

Наконецъ въ 1672 году гости и торговцы русскіе приглашены были въ Посольскій приказъ для дачи своего заключенія о томъ, не причиняетъ-ли имъ подрыва торговый договоръ заключенный въ 1667 г Московскимъ правительствомъ съ армянскими купцами о торговлѣ послѣднихъ въ Россіи различными персидскими товарами (¹).

Въ царствованіе сына и преемника Алексѣя Михаиловича—*царя Θеодора Алексѣевича*, мы не видимъ уже ни одного случая созванія земскаго собора. Впрочемъ въ царствованіе этого государя, какъ и въ концѣ царствованія царя Алексѣя, имѣли мѣсто совѣщанія правительства съ представителями тѣхъ или другихъ классовъ населенія, которые, по самому роду занятій своихъ, могли дать цѣнныя указанія по различнымъ вопросамъ законодательства. Само собою разумѣется что подобныя собранія никакъ не могутъ и не должны быть смѣшиваемы съ земскими соборами, хотя-бы даже и съ земскими соборами неполными и несовершенными. Послѣдніе, не заключая въ себѣ de facto полнаго народнаго представительства, признавались за представительство всей земли хотя-бы только по идеѣ; разсматриваемыя-же нами въ настоящее время собранія и не претендуютъ на подобнаго рода значеніе. Это—просто временныя правительственныя коммиссіи, составляемыя изъ думныхъ людей, подъ предсѣдательствомъ одного изъ бояръ, съ привлеченіемъ къ участію въ нихъ спеціалистовъ по роду занятій или службы, свѣдущихъ людей, экспертовъ.

Примѣромъ подобнаго привлеченія свѣдущихъ людей къ подачѣ мнѣній по извѣстнымъ, близко касающимся ихъ, предметамъ законодательства,—можетъ быть поставлено *совѣщаніе 23 февраля 1676 года съ гостями* князя М. Ю. Долгорукова и другихъ бояръ, касательно нѣкоторыхъ вопросовъ *о торговлѣ съ Персіею шелкомъ-сырцомъ* и касательно просьбы Голландскихъ купцовъ о дозволеніи имъ вести черезъ Московскія владѣнія транзитную торговлю съ Персіею тѣмъ-же продуктамъ (²).

(¹) Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV, № 81 (Самый договоръ 1667 г. см. тамъ-же, № 56).

(²) Собр. Госуд Гр. и Дог. IV, № 105.

Съ значеніемъ правительственной коммиссіи изъ бояръ, съ привлеченіемъ къ участію въ ней свѣдущихъ людей—но никоимъ образомъ не съ значеніемъ земскаго собора—должно быть обсуживаемо и происходившее въ Москвѣ *въ 1682 году собраніе выборныхъ отъ служилыхъ людей*, имѣвшее свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ князя Вас. Вас. Голицына ([1]). Эта коммиссія *имѣла своею цѣлью пересмотръ ратнаго устава* и его измѣненіе сообразно съ измѣнившимися требованіями военнаго дѣла. Въ царскомъ указѣ объ организаціи этой коммиссіи ([2]) сказано было „что въ мимошедшихъ воинскихъ бранѣхъ, будучи въ бояхъ съ его государевыми ратными людьми,—его государевы непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы", вслѣдствіе чего возникаетъ-де настоятельная потребность произвести въ организаціи Московскихъ военныхъ силъ „разсмотрѣніе и лучшее устроеніе.... которымъ бы устроеніемъ его великаго государя ратямъ въ воинскія времена имѣти противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе". Коммиссія выборныхъ, подъ предсѣдательствомъ князя Голицына, получила вслѣдствіе этого предписаніе „преждебывшее воинское устроеніе, которое показалося на бояхъ неприбыльно, премѣнить на лучшее; а которыя и прежняго устроенія дѣла на бояхъ съ непріятели имѣются пристойны, и тѣмъ быти безъ премѣненія". Разсматриваемое нами собраніе составлялось, кромѣ бояръ, изъ выборныхъ отъ служилыхъ людей всякихъ чиновъ: стольниковъ, генераловъ, полковниковъ рейтарскихъ и пѣхотныхъ полковъ, стряпчихъ, Московскихъ дворянъ, жильцовъ и наконецъ дворянъ и дѣтей боярскихъ городовыхъ.

([1]) Ежели имѣть въ виду современное намъ лѣтосчисленіе, въ такомъ случаѣ справедливѣе было-бы относить разсматриваемую нами коммиссію къ 1681—1682 гг., такъ какъ представляется почти несомнѣннымъ, что засѣданія ея начались еще въ концѣ 1681 года; въ этомъ легко убѣдиться изъ нѣкоторыхъ хронологическихъ соображеній, неминуемо вытекающихъ изъ дошедшихъ до насъ извѣстій о дѣяніяхъ этой коммиссіи.

([2]) Этотъ указъ не дошелъ до насъ въ подлинникѣ; свѣдѣнія объ немъ почерпаются изъ «Соборнаго дѣянія объ уничтоженіи мѣстничества» (Полн. Собр. Зак. II, № 905), изъ котораго вообще имѣемъ мы извѣстія о разсматриваемой коммиссіи.

До насъ не дошло никакихъ актовъ, непосредственно касающихся дѣятельности этого собранія; свѣдѣнія объ немъ почерпаются лишь изъ „Соборнаго дѣянія объ уничтоженіи мѣстничества" (1), которое, какъ скоро увидимъ мы это, стоитъ съ нимъ въ весьма тѣсной связи. Вслѣдствіе этого въ актѣ „Соборнаго дѣянія" передаются лишь тѣ черты дѣятельности собранія выборныхъ, которыя имѣютъ къ нему ближайшее отношеніе. Здѣсь кратко сообщается лишь, что бояре князь Голицинъ и товарищи его, прочитавъ собравшимся выборнымъ царскій указъ о причинѣ созванія ихъ и о подлежащихъ ихъ обсужденію предметахъ,—говорили съ ними „о многихъ къ ратному дѣлу устроеніяхъ" и, между прочимъ, предложили обсужденію ихъ вопросъ о томъ, „въ какомъ ратномъ устроеніи пристойнѣе быти стольникамъ и стряпчимъ и дворянамъ и жильцамъ"? Отвѣчая на этотъ вопросъ, выборные заявили, что по ихъ мнѣнію ратная служба этихъ чиновъ должна быть оставлена организованною на прежнихъ началахъ, съ тѣмъ однако измѣненіемъ, что-бы чины эти расписываемы были по ротамъ, а не по сотнямъ, какъ бывало до сей поры. Каждый полкъ долженъ составляться изъ шести ротъ, по 60 ратниковъ въ каждой, подъ командованіемъ ротмистровъ и порутчиковъ, причемъ эти начальные люди должны быть назначаемы изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ четырехъ разрядовъ служилыхъ людей „безъ мѣстъ и безъ подбору", т. е. безъ всякихъ мѣстническихъ соображеній и счетовъ.

Государь, выслушавъ докладъ бояръ о высказанномъ выборными людьми мнѣніи, утвердилъ послѣднее, приказавъ выборнымъ составить примѣрный списокъ, кому изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ быть въ начальныхъ людяхъ—ротмистрахъ и порутчикахъ. Тутъ-то наступаетъ самый важный и любопытный моментъ дѣятельности собранія,—моментъ который сдѣлалъ на всегда безсмертными дѣянія составившихъ его выборныхъ. Написавъ по приказанію государя примѣрный списокъ ротмистровъ и порутчиковъ, выборные били ему челомъ, заявляя что въ этотъ списокъ занесены многіе изъ нихъ самихъ и изъ ихъ дѣтей

(1) Полн. Собр. Зак. II, № 905 и Собр. Госуд. Гр и Дог. IV, № 130.

и родственниковъ,—но что съ другой стороны не включены въ него представители многихъ именитыхъ родовъ—какъ то, кн. Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Лобановыхъ—Ростовскихъ, Ромодановскихъ и др., которые за молодостью лѣтъ не были еще сказаны ни въ одинъ изъ приведенныхъ четырехъ чиновъ служилыхъ людей; выборные заявляютъ далѣе въ своемъ челобитьи, что „опасно имъ того, что-бы впредь отъ тѣхъ вышеписанныхъ и отъ иныхъ родовъ, которые нынѣ въ ротмистрахъ и въ поручикахъ не написаны, не было имъ и родамъ ихъ въ томъ укоризны и попреки", вслѣдствіе чего они просятъ государя, чтобы представители этихъ именитыхъ родовъ, какъ скоро они придутъ въ возростъ и сказаны будутъ въ чинъ,—были также написаны въ ротмистры и поручики „чтобъ имъ (выбырнымъ) впредь отъ тѣхъ родовъ въ попрекѣ и въ укоризнѣ не быть". Наконецъ выборные заявляютъ въ своемъ челобитьи желаніе, что-бы государь „для совершенной въ государскихъ ратныхъ и въ посольскихъ и во всякихъ дѣлѣхъ прибыли и лучшаго устроенія, указалъ... всѣмъ боярамъ и окольничимъ и думнымъ и ближнимъ людемъ и всѣмъ чинамъ быти на Москвѣ въ приказѣхъ и въ полкѣхъ, у ратныхъ и у посольскихъ и у всякихъ дѣлъ и въ городѣхъ межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и никому ни съ кѣмъ впредь разрядомъ и мѣсты не считаться, и разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впредь отъ тѣхъ случаевъ въ его государевыхъ ратныхъ и во всякихъ дѣлѣхъ помѣшки не было". Такимъ образомъ въ своемъ челобитьи государю, представители служилаго сословія указываютъ ему на настоятельную необходимость, въ интересахъ государственной жизни, окончательно и на всегда искоренить вредный обычай мѣстничества.

Выслушавъ представленное ему боярами челобитье выборныхъ, царь „ревнуя по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ и желая во благочестивомъ своемъ царствіи сугубаго добра, лучшаго и пристойнаго въ ратѣхъ устроенія и мирнаго всему христіанскому множеству пребыванія и жительства",—назначилъ на 12 января быть у себя въ палатахъ собору изъ патріарха, архіереевъ и выборныхъ духовныхъ властей и изъ полнаго наличнаго состава Думы своей, для обсужденія вопроса объ уничтоженіи мѣстничества. Дѣянія этого собора въ настоящее время не относятся къ нашему воп-

росу; впослѣдствіе будемъ мы имѣть случай подробнѣе ознакомиться съ ними. Скажемъ лишь, что рѣшеніе соединенныхъ присутствій освященнаго собора и государевой думы вполнѣ согласовалось съ мнѣніемъ высказаннымъ выборными служилыми людьми: царь, духовенство, бояре и думные люди опредѣлили уничтожить мѣстничество и въ тотъ-же день, въ присутствіи депутатовъ отъ царя и патріарха, сожжены были въ сѣняхъ государевой Передней палаты самыя разрядныя книги, служившія основаніемъ для мѣстническихъ счетовъ ([1]).

Имѣли или не имѣли какіе-либо практическіе результаты дальнѣйшія засѣданія выборныхъ служилыхъ людей— это являетъ безразличнымъ для опредѣленія значенія собранія 1682 года; историческое значеніе этого собранія громадно уже тѣмъ, что членамъ его принадлежала иниціатива уничтоженія мѣстничества, съ которымъ долго и безплодно боролись государи -- предшественники царя Өеодора Алексѣевича.

Въ томъ-же 1682 году происходили засѣданія и другой правительственной *коммиссіи, учрежденной въ видахъ уравненія службъ и податей* гостей, торговцевъ гостинной и суконной сотенъ, тяглыхъ людей всѣхъ вообще черныхъ городскихъ сотенъ и крестьянъ дворцовыхъ селъ и слободъ ([2]). Эту коммиссію, подъ предсѣдательствомъ князя Вас. Вас. Голицина (который въ тоже время былъ, какъ мы видѣли, и предсѣдателемъ коммиссіи по пересмотру ратнаго устава),

---

([1]) Полн. Собр. Зак. II, № 905.

([2]) Сущность службъ отправлявшихся гостями, торговцами гостинной и суконной сотенъ и черными посадскими людьми заключалась въ томъ, что лицамъ принадлежащимъ къ этимъ классамъ вмѣнялось въ повинность принятіе на себя въ теченіи опредѣленнаго срока нѣкоторыхъ служебныхъ обязанностей въ интересахъ финансоваго управленія. Такъ, напримѣръ, они избирались головами, товарищами головъ и цѣловальниками къ сбору таможенныхъ или кружечныхъ (питейныхъ) доходовъ, состояли дьяками при государевой соболиной казнѣ или при денежныхъ дворахъ, цѣловальниками при казенныхъ промыслахъ и т. п; служба крестьянъ дворцовыхъ селъ и волостей заключалась главнымъ образомъ въ правѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности ихъ, быть избираемыми въ излюбленные головы и другія выборныя должности по управленію дворцовыми имуществами.

составляли думные люди, четыре выборныхъ отъ гостей и по два выборныхъ отъ суконной и гостиной сотенъ, отъ дворцовыхъ слободъ, отъ черныхъ людей слободъ Кодашевской, Конюшенной и Мѣщанской, отъ таглыхъ посадскихъ людей всѣхъ городовъ (за исключеніемъ Сибирскихъ) и отъ дворцовыхъ селъ и волостей. Назначенные къ присылкѣ въ Москву выборные люди должны были быть избраны изъ „самыхъ лучшихъ и добрыхъ и знающихъ къ такому дѣлу людей"; срокомъ сбора ихъ въ столицу назначено было 1 января. Здѣсь кстати будетъ указать на важную ошибку, которая допускается въ литературѣ исторіи русскаго права по отношенію къ году разсматриваемаго нами собранія выборныхъ. Его относятъ обыкновенно къ 1681 году; это совершенно невѣрно: засѣданія собранія начались лишь съ января 1682 года, — что доказывается уже тѣмъ, что выборнымъ лишь къ первому января этого года предписано было съѣхаться въ Москву. Ошибка эта есть слѣдствіе того, что въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ 1681 годомъ напечатанъ царскій имянной указъ объ учрежденіи въ Москвѣ собранія выборныхъ (отъ 11 декабря 1681 года); но само собою разумѣется, что изданіе въ концѣ 1681 года указа объ организаціи этого собранія, не должно-бы еще давать права относить къ этому-же году и самую дѣятельность его. Выборнымъ людямъ, въ качествѣ матеріала для предстоящихъ работъ собранія, велѣно было привезти съ собою окладныя книги своихъ общинъ, по которымъ платили онѣ подати за послѣдніе три года, а также письменныя свѣдѣнія о томъ, „по скольку человѣкъ въ годъ бываетъ во всякихъ службахъ" изъ ихъ среды и кто изъ сообщинниковъ ихъ привлекаемъ былъ за послѣдніе три года къ отправленію служебныхъ порученій. Кромѣ этихъ данныхъ, которыя должны были быть доставлены самими выборными людьми, для предстоящихъ работъ вытребованы были изъ соотвѣтствующихъ приказовъ выписки изъ писцовыхъ, переписныхъ, окладныхъ и платежныхъ книгъ, по которымъ можно было-бы составить себѣ понятіе объ объемѣ податныхъ и служебныхъ повинностей жителей тѣхъ или другихъ посадовъ, сотенъ и слободъ; для дачи справокъ и объясненій по этимъ послѣднимъ даннымъ, велѣно было прикомандировать къ засѣданіямъ собора по два подъячихъ отъ каждаго изъ этихъ при-

казовъ (1). Положительно ничего неизвѣстно о томъ, какъ шли занятія разсматриваемаго нами собранія выборныхъ и привели-ли они къ какимъ либо результатамъ; изъ царскаго указа объ организаціи разсматриваемаго нами собранія выборныхъ знаемъ мы только то, что въ основѣ работъ собранія должно было имѣться въ виду, что-бы каждый гость былъ привлекаемъ къ служебнымъ обязанностямъ черезъ пять лѣтъ на шестой, а лица остальныхъ разрядовъ торговыхъ и черныхъ людей — на восьмой, девятый или десятый годъ. Бѣляевъ предполагаетъ впрочемъ, что занятія коммиссіи не были доведены до конца; существуетъ извѣстіе, что выборные „двойники“ (названіе происходящее отъ того, что ихъ было по два отъ каждой избирательной единицы) были въ томъ же году роспущены по домамъ, вслѣдствіе воспослѣдовавшей въ апрѣлѣ мѣсяцѣ кончины царя Ѳеодора Алексѣевича (2).

Съ кончиною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1682 года бездѣтнаго царя Ѳеодора Алексѣевича явилось нѣкоторое замѣшательство въ преемствѣ престола. Послѣ смерти этого государя осталось два брата его — царевичи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ. Старшій изъ этихъ братьевъ, Іоаннъ, былъ отъ природы надѣленъ весьма слабыми умственными способностями и къ тому же былъ далеко ненадежнаго здоровья. Младшій изъ братьевъ, Петръ, отличался замѣчательными дарованіями и хорошимъ состояніемъ физическихъ силъ. Духовенство и боярство держали сторону Петра, замысливъ возвести его на престолъ помимо старшаго брата Іоанна, — и это желаніе ихъ было вполнѣ естественно: царствованіе слабаго духомъ и тѣломъ Іоанна Алексѣевича сулило въ будущемъ лишь смуты и олигархію родовъ, приверженныхъ царевнѣ Софьѣ, такъ какъ невозможно было предположить, что-бы Іоаннъ могъ сознательно держать въ рукахъ своихъ бразды правленія государствомъ даже и по достиженіи имъ совершеннолѣтія. И вотъ патріархъ, духовенство и бояре, послѣ прощанія съ усопшимъ государемъ, вышли въ Переднюю палату и здѣсь разсуждали о томъ,

(1) Полное Собр. Законовъ Рос. Имп., т. I, № 899 (это именной царскій указъ отъ 11 Дек. 1681 года объ организаціи собранія выборныхъ.

(2) *Бѣляевъ*: «Земскіе соборы на Руси», стр. 52—53.

кому изъ братьевъ-царевичей надлежитъ взойти на престолъ Московскаго государства. На этомъ совѣщаніи рѣшено было, что „тому избранію быти общимъ соглаcіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства людей", т. е., что рѣшеніе вопроса о томъ, кому изъ царевичей наслѣдовать царскій вѣнецъ— должно принадлежать избирательному земскому собору (¹). Но земскаго собора въ истинномъ значеніи этого слова не было созвано; на скоро созваны были члены освященнаго собора, думные люди, служилые люди и жители Московскіе и тѣ изъ городовыхъ служилыхъ и жилецкихъ людей, которые случайно находились въ это время въ столицѣ. Бѣляевъ допускаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что въ этомъ соборѣ приняли участіе и „двойники" изъ городовъ (кромѣ Сибирскихъ), которые, какъ мы знаемъ, созваны были къ первому январю этого года въ Москву для обсужденія вопроса объ уравненіи службъ и податей и которые распущены были по домамъ уже послѣ смерти царя Θеодора; но эти выборные „двойники", какъ замѣчаетъ впрочемъ и самъ Бѣляевъ, не могли считаться легальными представителями городовъ своихъ, такъ какъ они, будучи вызваны въ Москву для совершенно инаго дѣла, попали на соборъ лишь случайно и не имѣли никакихъ полномочій отъ своихъ избирателей (²). На скоро составленный избирательный соборъ состоялся въ тотъ-же самый день, въ который рѣшено было его созваніе (27 апрѣля); уже этотъ фактъ удостовѣряетъ насъ въ томъ, что въ организаціи этого собранія не могло быть никакой правильности, никакого порядка. Это было народное скопище, толпа, — но не правильный земскій соборъ, организованный по началу сословнаго представительства. Внѣшняя обстановка этого *фиктивнаго земскаго собора 27 апрѣля 1682 г.* была слѣдующая. Патріархъ, архіереи, думные и ближніе люди стали на крыльцѣ Передней палаты; остальная масса собраннаго народа помѣстилась передъ крыльцемъ на площади. Патріархъ Іоакимъ обратился къ собравшемуся народу съ рѣчью, въ которой, указавъ на постепенный ходъ преемства престола въ родѣ государей изъ Дома Михаила Θеодоровича Романова, заявилъ на-

(¹) Полн. Собр. Зак. II, № 914; Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV, № 132.

(²) *Бѣляевъ:* «Земскіе соборы на Руси». стр. 52—53 и 55.

роду, что послѣ усопшаго царя Θеодора Алексѣевича остаются два младшіе брата его — Іоаннъ и Петръ, и просилъ его объявить ему „единодушнымъ согласіемъ, единосердечною мыслію", кому изъ двухъ царевичей быть преемникомъ скипетра и престола Московскаго? Оффиціальный актъ объ избраніи на престолъ царевича Петра свидѣтельствуетъ, что „всякихъ чиновъ люди" единогласно отвѣчали криками, что быть на престолѣ царевичу Петру Алексѣевичу; но современники свидѣтельствуютъ, что изъ народной массы раздались голоса и за царевича Іоанна, которые были впрочемъ заглушены голосами сторонниковъ Петра ([1]). Получивъ отвѣтъ или, вѣрнѣе сказать, народный крикъ, согласный съ собственнымъ желаніемъ своимъ и съ желаніемъ своей партіи — патріархъ вошелъ во внутренніе покои дворца и, отыскавъ Петра, благословилъ его на царство.

Очевидно, что такъ называемый земскій соборъ 27 апрѣля 1682 года есть соборъ фиктивный, по внѣшней обстановкѣ своей напоминающій фиктивный земскій соборъ 1610 года, низложившій царя Василія Шуйскаго; по внутреннему же значенію своему и по дѣятельной роли въ немъ патріарха съ партіею своею — онъ напоминаетъ намъ избирательный земскій соборъ 1598 года возведшій на престолъ Бориса Годунова.

Царю Петру Алексѣевичу довелось нераздѣльно занимать Московскій престолъ не болѣе мѣсяца. Царевна Софія и партія обойденнаго царевича Іоанна съумѣли внушить въ средѣ Москвичей сомнѣнія относительно справедливости избранія на престолъ младшаго брата Петра, помимо старшаго, и возжечь мятежъ между Московскими стрѣльцами. Начался кровавый стрѣлецкій бунтъ, жертвою котораго пали Матвѣевъ, Долгорукіе, Нарышкины и другіе приверженцы Петра и его матери. Результатъ перваго стрѣлецкаго бунта извѣстенъ: совмѣстно съ Петромъ возведенъ былъ на престолъ и старшій братъ его Іоаннъ, а правительницею при юныхъ царяхъ поставлена была сестра ихъ — царевна Софія. Іоаннъ долженъ былъ быть первымъ царемъ, Петръ — вторымъ. Эта нелѣпая правительственная комбинація все-

([1]) Полн. Собр. Зак. II, № 914; Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV, № 132. *Соловьевъ*: «Исторія Россіи. т. XIII. стр. 321—322.

цѣло принадлежала стрѣльцамъ, которые потребовали ея подъ угрозами новыхъ мятежей, — тѣмъ не менѣе высшіе духовные и свѣтскіе чины сочли за необходимое вторично прибѣгнуть къ фиктивному земскому собору, что-бы придать бо́льшую твердость вновь установленному правительственному режиму (¹). Этотъ вторичный *фиктивный земскій соборъ* розыгранъ былъ *26 мая 1682 года*. Оффиціальный актъ о совокупномъ восшествіи на престолъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей свидѣтельствуетъ намъ, что въ этотъ день „Іоакимъ, патріархъ Московскій и всея Руссіи, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, и Сибирскіе и Касимовскіе царевичи, и бояре, и окольничіе, и думные люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и жильцы, и дворяне изъ городовъ и всякихъ чиновъ служилые люди, и гости и гостинныя и суконныя сотенъ торговые люди и чернослободцы" заявили царю Петру, что, въ виду того что онъ одинъ наслѣдовалъ престолъ покойнаго брата своего царя Ѳеодора, между тѣмъ какъ старшій братъ его Іоаннъ устраненъ отъ престола — „*чинится* Россійскаго Царствія *въ народѣхъ нынѣ распря*"; вслѣдствіе чего они просятъ у него, царя Петра Алексѣевича милости, „чтобъ они Государи изволили, *для всенароднаго умиренія*, на прародительскомъ Россійскаго царствія и иныхъ, къ Россійскому царствію принадлежащихъ царствъ и государствъ престолѣ учинитися Великими Государями Царями, и самодержавный скипетръ и державу воспріять и самодержавствовать обще" (²). Это двоевластіе царей Іоанна и Петра Алексѣевичей продолжалось до 29 января 1696 года, когда, вслѣдствіе кончины царя Іоанна — возстановилось на Московскомъ престолѣ единовластіе въ лицѣ царя Петра I Алексѣевича.

Мы сдѣлали попытку представить историческій очеркъ всѣхъ земскихъ соборовъ Московскихъ, о которыхъ дошли до насъ хотя немногія свѣдѣнія. Уже изъ этого краткаго очерка можемъ мы видѣть, что эти свѣдѣнія далеко не мо-

(¹) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи», т. XIII, стр. 337—338.

(²) Полн. Собр. Зак. II, № 920; Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV, № 147.

гутъ быть названы полными и обстоятельными. Лишь отъ девяти соборовъ имѣемъ мы болѣе или менѣе полные оффиціальные протоколы (1), да объ одномъ земскомъ соборѣ имѣемъ мы нѣсколько обстоятельныя свѣдѣнія изъ составленной имъ утверженной грамоты объ избраніи на престолъ новаго государя (2); объ остальныхъ земскихъ соборахъ имѣемъ мы лишь отрывочныя свѣдѣнія, почерпаемыя изъ различнаго рода отдѣльныхъ актовъ, лѣтописей и свидѣтельствъ современниковъ. Не смотря на скудность историческихъ свидѣтельствъ находящихся въ распоряженіи изслѣдователя этого крайне интереснаго явленія древне-русской государственной жизни, существуетъ тѣмъ не менѣе возможность и при современномъ состояніи источниковъ начертать картину самой организаціи земскихъ соборовъ, хотя къ сожалѣнію картина эта явится законченною далеко не въ той мѣрѣ, въ какой было-бы оно желательно въ виду высокаго интереса, представляемаго вопросомъ о земскихъ соборахъ Московскаго государства.

Переходимъ въ настоящее время къ изложенію нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, касающихся земскихъ соборовъ. Здѣсь разсмотримъ мы вопросы о видахъ земскихъ соборовъ, о числѣ земскихъ соборовъ и о поводахъ созванія ихъ, о составѣ земскихъ соборовъ, о мѣстѣ, времени, и порядкѣ засѣданій ихъ и о значеніи земскихъ соборовъ.

Виды земскихъ соборовъ. Счисленіе земскихъ соборовъ и поводы созыванія ихъ. Уже изъ предшествующаго историческаго очерка не трудно было убѣдиться въ томъ, что земскіе соборы Московскаго государства рѣзко распадаются на *два вида.* Земскіе соборы перваго вида собирались въ эпохи безгосударственныя, когда на престолѣ не оказывалось государя, когда приходилось слѣдовательно приступать къ избранію новаго государя волею всей земли; органомъ

(1) Именно отъ земскихъ соборовъ *1566 г.* (С. Г. Г. и Д. I, № 192), *1612 г.* (С. Г. Г. и Д. Ш, № 1), *1618 г.* (С. Г. Г. и Д. Ш, № 40), *1621 г.* (С. Г. Г. и Д. Ш, № 57), *1634 г.* (С. Г. Г. и Д. Ш, № 99); *1642 г.* (С. Г. Г. и Д. Ш, № 113), *1649 г.* (С. Г. Г. и Д. Ш. № 129), *1653 г.* (С. Г. Г. и Д. Ш, № 157); *29 мая 1682 г.* (С. Г. Г. и Д. Ш. № 147).

(2) Именно о земскомъ соборѣ 1698 г. (Др. Рос. Вивл. VII, стр. 36).

выраженія этой всенародной воли и являлся земскій соборъ. Вслѣдствіе этой основной цѣли, преслѣдовавшейся земскими соборами, собиравшимися въ безгосударственныя времена, принято называть ихъ земскими соборами *избирательными*, — хотя названіе это и не можетъ быть признано вполнѣ выражающимъ собою значеніе и характеръ дѣятельности этого рода; избирательный земскій соборъ преслѣдуетъ не исключительно лишь цѣль „обранія на престолъ“ новаго государя, но, олицетворяя въ себѣ въ междуцарственную эпоху идею верховной власти, выказываетъ обширную распорядительность и исполнительную дѣятельность, проявляя при этомъ полную, рѣшающую, самостоятельную, власть. Съ инымъ характеромъ представляются земскіе соборы собиравшіеся въ государственныя времена, при наличности на престолѣ государя — представителя верховной власти. Этого вида собора уже не обладаютъ самостоятельною властью, а тѣмъ менѣе значеніемъ верховной государственной власти; созываясь самими государями — они имѣютъ лишь совѣщательное значеніе, рѣшающее-же значеніе ихъ простирается лишь до того предѣла, до какого угодно будетъ допустить его самому государю. Этого вида соборы весьма удачно называются въ литературѣ земскими соборами *совѣщательными*.

Переходя къ вопросу о *количествѣ земскихъ соборовъ* имѣвшихъ мѣсто въ Московскомъ государствѣ—мы, для того что-бы имѣть подъ ногами твердую почву, для того что-бы не возводить въ значеніе земскихъ соборовъ собраній не имѣющихъ съ ними ничего общаго (что къ сожалѣнію весьма нерѣдко встрѣчается въ литературѣ исторіи русскаго права), — должны прежде всего постараться уяснить себѣ основные *характеристическіе признаки*, присущіе земскимъ соборамъ, признаки которые должны быть въ наличности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ созванія ихъ. Анализируя всѣ земскіе соборы, о которыхъ дошли до нашихъ дней свѣдѣнія, мы замѣтимъ, что главный и существеннѣйшій признакъ земскаго собора — это *идея всенародности его*, требованіе того, что-бы земскій соборъ вмѣщалъ въ себѣ идею представительства „всего государства“, „всей земли“, „всякихъ чиновъ людей Московскаго государства“. Иное дѣло— какъ организовано въ отдѣльномъ соборѣ всенародное представительство, является-ли онъ въ дѣйствительности пред-

ставительствомъ всей земли; для признанія же того или другаго народнаго собранія земскимъ соборомъ достаточно того, что-бы при созваніи его было по крайней мѣрѣ желаніе сдѣлать его представляющимъ волю всей земли, достаточно того, что-бы собраніе заключало въ себѣ по крайней мѣрѣ *идею* всенароднаго представительства, представительства „всякихъ чиновъ людей Московскаго государства". Ни въ одномъ изъ видимыхъ предметовъ міра сего не представляется полнаго совершенства; далеко не могло быть его и въ организаціи всенароднаго представительства на земскихъ соборахъ Московскаго государства. Если-бы мы стали признавать за земскіе соборы лишь такія народныя собранія, о которыхъ имѣются несомнѣнныя свидѣтельства, что они были на самомъ дѣлѣ представительствомъ всей земли,—въ такомъ случаѣ врядъ-ли насчитаемъ мы *три* земскихъ собора за все время существованія Московскаго государства; если мы съ другой стороны не ограничимъ себя извѣстнымъ критеріумомъ при счисленіи Московскихъ земскихъ соборовъ, — въ такомъ случаѣ мы рискуемъ до безконечности возвысить приблизительно вѣрное число ихъ. Кромѣ идеи всенароднаго представительства, земскіе соборы вмѣщаютъ въ себѣ и *нѣкоторые другіе характеристическіе признаки*. Такъ, прежде всего, необходимымъ признавалось *присутствіе на соборѣ царя* (1); само собою разумѣется, что требованіе это присуще лишь соборамъ совѣщательнымъ: на соборахъ избирательныхъ замѣнялось оно присутствіемъ патріарха или (какъ было напримѣръ на соборѣ 1613 года) присутствіемъ старшаго изъ іерарховъ русской церкви. Затѣмъ въ составѣ всякаго земскаго собора должны быть въ наличности *три составные элемента*: *освященный соборъ*, *государева дума* и *выборные представители* низшихъ разрядовъ служилыхъ людей и людей земскихъ — торговцевъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей. Большею или меньшею полнотою третьяго изъ этихъ элементовъ—выборныхъ людей—обусловливается и болѣе или менѣе удачная организація

(1) Дѣйствительно, о всѣхъ совѣщательныхъ земскихъ соборахъ, за исключеніемъ собора 1566 года, знаемъ мы, что они происходили въ личномъ присутствіи царя. Бѣляевъ дѣлаетъ важную ошибку утверждая что на большинствѣ земскихъ соборовъ государи лично не присутствовали (Земскіе соборы на Руси, стр. 19—20).

народнаго представительства на земскомъ соборѣ. На последнемъ основаніи могутъ быть различаемы *земскіе соборы полные и неполные*, изъ которыхъ первые заключаютъ въ себѣ дѣйствительное представительство всего населенія Московскаго государства, второе-же — лишь представительство болѣе или менѣе значительной части его; въ числѣ полныхъ земскихъ соборовъ могутъ быть указаны соборы 1613 и 1649 гг. Отъ неполныхъ земскихъ соборовъ должны быть отличаемы еще *соборы фиктивные*, которые, подъ прикрытіемъ внѣшнихъ формальностей земскаго собора, въ сущности представляютъ на-скоро и безъ разбора собранную народную толпу; эти фиктивные земскіе соборы служили обыкновенно пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ лицъ, желавшихъ провести въ сферу дѣйствительной жизни тотъ или другой политическій замыселъ свой. *Отличіе фиктивнаго земскаго собора отъ земскаго собора неполнаго* очевидно. При первомъ нѣтъ и тѣни организаціи собранія по началу представительства, если-же на такой соборъ и попадали случайно люди изъ областныхъ городовъ — то они являлись здѣсь вовсе не представителями земщинъ своихъ, такъ какъ не имѣли отъ послѣднихъ никакихъ полномочій; подобнаго рода собраніе есть простая, безпорядочная толпа, если-же мы и называемъ его фиктивнымъ *соборомъ*, то это потому только, что сами лица созывавшіе его придаютъ ему характеръ земскаго собора, вымышляя для него предположеніе всенароднаго представительства (1). Иной характеръ земскаго собора неполнаго: онъ дѣйствительно организуется уже по началу представительства, — все дѣло только въ томъ, что на немъ представляются не всѣ классы и не всѣ области государства, но лишь болѣе или менѣе значительная часть ихъ.

Руководствуясь указанными нами характеристическими чертами присущими земскимъ соборамъ и сдѣланнымъ нами очеркомъ исторіи ихъ — мы найдемъ, что до нашихъ дней дошли свѣдѣнія о 18 случаяхъ созванія земскихъ соборовъ въ теченіи XVI и XVII вѣковъ (2). Изъ этихъ 18 соборовъ

(1) Таковы соборы 1610 г., 27 апр. и 26 мая 1682 г.

(2) Именно земскіе соборы 1548—1549 г., 1566 г., 1584 г., 1598 г., 1610 г., 1612—1615 гг., 1615—1618 гг., 1619 г., 1621 г., 1632 г., 1637 г., 1642 г., 1645 г., 1649 г., 1650 г., 1653 г. и два собора 1682 г.

имѣемъ мы шесть избирательныхъ (¹), одинъ собравшійся для низложенія государя (²) и одинадцать совѣщательныхъ земскихъ соборовъ (³); три изъ этихъ соборовъ были фиктивные (⁴). Что касается отдѣльныхъ засѣданій этихъ 18 земскихъ соборовъ, то число ихъ было несравненно болѣе значительно, такъ какъ въ первое время царствованія Михаила Ѳеодоровича земскіе соборы, какъ мы уже знаемъ, не распускались по нѣсколько лѣтъ.

Что касается *поводовъ созыванія земскихъ соборовъ* — то они были весьма различны. Вообще-же поводомъ къ созванію земскаго собора служило или избраніе, утвержденіе государя и опредѣленіе въ сомнительномъ случаѣ порядка престолонаслѣдія (соборы 1598, 1613, 1645 г. и два собора 1682 г.), или наступленіе какого-либо критическаго момента въ жизни государства — напримѣръ опасеніе непріятельскаго вторженія (соборъ 1618 г.), возможность войны при недостаткѣ денежныхъ средствъ для ея веденія (соборы 1616, 1621, 1632, 1634, 1637 гг.), мятежъ (соборы 1584 и 1650 гг.) и т. п., — или необходимость принятія какихъ-либо рѣшительныхъ и важныхъ мѣръ, напримѣръ заключеніе мира или продолженіе войны (соборъ 1566 г.), внутреннее устроеніе государства (соборъ 1548—1549 г., разл. засѣданія собора 1612—1615 гг., соборъ 1619 г.), увеличеніе государственной территоріи съ рискомъ впутаться ради этой цѣли въ войну (соборы 1642 и 1653 гг.), изданіе новаго законодательнаго сборника (соборъ 1649 г.) и т. п.

Составъ земскихъ соборовъ. При разсмотрѣніи состава земскихъ соборовъ необходимо различать, какъ весьма последовательно выяснено это профес. Сергѣевичемъ, составъ соборовъ по идеи и составъ ихъ въ дѣйствительности (⁵). *По идеи* земскій соборъ есть собраніе всего народа, всей земли, „всякихъ чиновъ людей Московскаго государства“; въ созванномъ въ данномъ случаѣ земскомъ соборѣ, какъ правительство,

---

(¹) Соборы 1584, 1598, 1613, 1645 гг. и два собора 1682 г.

(²) Соборъ 1610 года.

(³) Всѣ остальные соборы.

(⁴) Соборъ 161[illegible] г. и оба собора 1682.

(⁵) *Сергѣевичъ*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», (Сборн. Госуд. Знаній, т. II), стр. 11.

такъ и сама земщина — видѣли олицетвореніе воли и мнѣнія всей русской земли, видѣли олицетвореніе воли и мнѣнія всѣхъ классовъ населенія и всѣхъ областныхъ единицъ государства. Эта идея всенародности земскихъ соборовъ и представляетъ, какъ замѣтили мы это уже выше, — важнѣйшій характеристическій признакъ земскихъ соборовъ. Цѣль олицетворенія въ земскомъ соборѣ воли и мнѣнія всѣхъ классовъ населенія и всѣхъ областныхъ единицъ Московскаго государства, при немыслимости дѣйствительнаго созванія на соборъ всего русскаго народа поголовно, — послужила причиною организаціи земскихъ соборовъ на началѣ представительства, по смыслу котораго каждый выборный членъ собора представляетъ на немъ мнѣніе и волю извѣстной группы населенія въ извѣстной областной единицѣ, получивъ извѣстныя полномочія и инструкціи отъ своихъ избирателей [1]. Такимъ образомъ *представительство организовывалось* на земскихъ соборахъ *по-сословно*; каждое сословіе извѣстнаго избирательнаго округа должно было имѣть на соборѣ своихъ представителей. Это положеніе ясно усматривается изъ всѣхъ соборныхъ актовъ, которые не говорятъ о выборныхъ отъ тѣхъ или другихъ городовъ вообще, но всегда говорятъ о выборныхъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, гостей, торговцевъ гостинной и суконной сотенъ, посадскихъ „и всякихъ чиновъ людей Московскаго государства"; если-бы представительство организовывалось только по различію представляемыхъ мѣстностей, но безъ всякаго различія въ этомъ отношеніи сословныхъ группъ внутри каждой изъ этихъ мѣстностей — тогда было-бы гораздо проще говорить въ актахъ о выборныхъ всѣхъ городовъ, всѣхъ областей,—а не о выборныхъ „*всякихъ чиновъ* людей Московскаго государства". Сословная организація представительства на Московскихъ земскихъ соборахъ ясно познается и изъ самыхъ предписаній о присылкѣ въ Москву выборныхъ: здѣсь всегда говорится о присылкѣ особыхъ выборныхъ отъ каждаго

---

[1] Организація земскихъ соборовъ по началу представительства представляетъ одно изъ существеннѣйшихъ отличій ихъ отъ вѣчевыхъ собраній удѣльнаго періода, которыя составлялись изъ всѣхъ самостоятельныхъ и свободныхъ членовъ населенія данной волости поголовно; на вѣчѣ каждый членъ собранія выражалъ лишь свое личное мнѣніе о предметѣ обсужденія.

класса населенія данной мѣстности ([1]). Изъ акта собора 1649 года извѣстно, что города должны были прислать въ Москву: изъ тяглыхъ людей черныхъ сотенъ по одному выборному, изъ торговцевъ гостинной и суконной сотенъ по два выборныхъ, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, большіе города — по два выборныхъ, малые города — по одному выборному; въ 1619 году вызывались въ Москву къ земскому собору изъ каждаго города: отъ духовенства — по одному выборному, отъ служилыхъ людей — по два выборныхъ, отъ посадскихъ — также по два выборныхъ и т. п. Ясно вполнѣ, что въ указанныхъ случаяхъ представительство организуется съ строгимъ различіемъ отдѣльныхъ классовъ населенія въ данной мѣстности.

Предписаніе о выборѣ въ городахъ представителей и о присылкѣ ихъ къ извѣстному сроку въ Москву дѣлалось, какъ кажется, изъ Разряднаго приказа, на имя старшаго представителя правительственной власти въ каждомъ избирательномъ округѣ — воеводы или губнаго старосты ([2]). Получивъ предписаніе распорядиться выборами представителей — воевода или губной староста долженъ былъ собрать всѣхъ избирателей въ одномъ мѣстѣ (въ одномъ случаѣ собираются они въ соборной церкви ([3]), въ другомъ случаѣ — на губномъ станѣ ([4])), прочесть имъ указъ о требованіи въ Москву выборныхъ и велѣть приступить къ избранію послѣднихъ. По избраніи представителей, воевода или губной староста бралъ отъ избирателей подписанные ими выборные списки, т. е. протоколы, которые служили актомъ легитимаціи выборныхъ и вмѣстѣ съ ними отправлялись въ столицу. Источники не даютъ намъ никакихъ указаній на то, что-бы въ практикѣ Московскихъ земскихъ соборовъ существовали какія либо ограниченія для *права быть избирателемъ или избираемымъ*; нѣтъ сомнѣнія, что всякій совершеннолѣтній и самостоятельный членъ населенія являлся избирателемъ и, съ другой стороны, имѣлъ право быть избраннымъ въ

([1]) См. А. А. Э. Ш, №№ 77 и 105; IV, № 27.

([2]) См. грамоты въ города о присылкѣ выборныхъ, въ А. А. Э. Ш, №№ 77 и 105, IV, № 27; Собр. Госуд. Гр. и Дог. Ш, № 113.

([3]) А. А. Э. Ш, № 105.

([4]) А. А. Э. IV, № 27.

[illegible] Встрѣчаются въ источникахъ лишь общія [illegible] должны были руководствоваться избира[illegible] самихъ представителей; такъ въ одномъ [illegible], что бы представители были люди „лучшіе, [illegible] и разумные“ (1); въ другомъ случаѣ требуется, что[illegible] были люди „добрые, разумные и постоятельные“ (2); [illegible] случаѣ требуется, что-бы они были люди „доб[illegible] и разумные“, которымъ были-бы вѣдомы народныя „ну[illegible] и тѣсноты и разоренья и всякіе недостатки“, которые умѣли-бы разсказать правительству „обиды и насильства и разоренья, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей пожаловать, и устроить-бы Московское государство, что-бы пришли всѣ въ достоинство“ (3); въ четвертомъ случаѣ требуется, что-бы выборные были люди добрые и смышленные, „кому бъ государевы и земскіе дѣла за обычай“ (4). *Число представителей*, присылавшихся отъ различныхъ городовъ и классовъ населенія Московскаго государства, не было постояннымъ для всѣхъ земскихъ соборовъ, на сколько можно по крайней мѣрѣ судить на основаніи дошедшихъ до насъ данныхъ. Такъ, въ 1619 году, предписано было городамъ прислать въ Москву къ земскому собору, духовенству — одного выборнаго, служилымъ и посадскимъ людямъ — по два выборныхъ (5); на земскій соборъ 1649 года должны были прислать города, отъ служилыхъ людей — одного или двухъ выборныхъ (смотря по величинѣ города), за исключеніемъ Великаго Новгорода, который долженъ былъ прислать по одному служилому человѣку отъ каждой изъ пяти пятинъ своихъ, изъ среды торговцевъ высшихъ разрядовъ — по два выборныхъ и наконецъ отъ черныхъ сотенъ — по одному выборному (6). Иногда число выборныхъ, имѣющихъ быть присланными въ Москву отъ каждаго класса населенія и отъ каждаго городскаго округа вовсе не указывалось; такъ на земскій соборъ 1613

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог. I, № 203
(2) А. А. Э. III, № 77.
(3) А. А. Э. III, № 105.
(4) А. А. Э. IV, № 27.
(5) А. А. Э. III, № 105.
(6) Собр. Госуд. Гр. и Дог. III, № 129

года велѣно было городамъ прислать выборныхъ изъ всякихъ чиновъ, „по скольку человѣкъ пригоже" (1). Очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ количество выборныхъ опредѣлялось, съ одной стороны—усмотрѣніемъ самихъ избирателей, съ другой стороны—наличностью охотниковъ ѣхать въ Москву къ собору (2). Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что выборные, отправляясь на соборъ, получали отъ избирателей своихъ *извѣстныя полномочія*, извѣстныя инструкціи, которыя опредѣляли характеръ дѣятельности ихъ на предстоявшихъ соборныхъ засѣданіяхъ; это представляется тѣмъ болѣе несомнѣннымъ, что избиратели всегда увѣдомлялись о тѣхъ предметахъ, которые должны были обсуждаться на земскомъ соборѣ. Дѣйствительно, мы имѣемъ весьма важное указаніе, свидѣтельствующее намъ, что выборные являлись въ Москву съ письменными инструкціями отъ своихъ избирателей; такъ, въ одномъ изъ актовъ относящихся къ исторіи избирательнаго земскаго собора 1613 года, весьма ясно высказывается, что выборные явились въ Москву снабженные точными инструкціями и полномочіями отъ своихъ избирателей, что они явились на соборъ „договоряся въ городѣхъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о Государскомъ избираньи полные договоры" (3). Послѣ окончанія выборовъ представителей, воеводѣ или губному старостѣ вмѣнялось въ обязанность принятіе мѣръ къ тому, чтобы выборные были своевременно отправлены въ Москву безъ малѣйшихъ проволочекъ, „не мѣшкая ни часу"; иногда впрочемъ въ самой грамотѣ о присылкѣ выборныхъ указывался тотъ срокъ, къ которому должны были они явиться въ Москву (4). Источники не даютъ намъ указаній относительно вопроса о томъ, на кого падали *издержки по отправкѣ и содержанію выборныхъ*. Врядъ-ли можетъ тѣмъ не менѣе существовать сомнѣніе въ томъ, что издержки эти падали, въ качествѣ повинности, на самихъ избирателей; мы имѣемъ по крайней мѣрѣ свидѣтельство одной изъ грамотъ.

---

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог. I. № 203. стр. 612.

(2) *Сергѣевичъ*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», стр. 22.

(3) Собр. Госуд. Гр. и Дог. III. № 2.

(4) А. А. Э. IV, № 27.

въ которой, при требованіи присылки выборнаго, послѣднему предписывается ѣхать въ Москву „съ запасомъ" (¹). По прибытіи своемъ въ Москву *выборные являлись въ Посольскомъ приказѣ*, куда доставлялись, вѣроятно черезъ Разрядъ, и самые избирательные протоколы (²).

Выше привели мы замѣчаніе профес. Сергѣевича, что *составъ земскихъ соборовъ въ идеѣ долженъ быть отличаемъ отъ состава ихъ въ дѣйствительности*. По идеѣ своей земскій соборъ есть представительство всей земли; въ дѣйствительности же земскіе соборы по составу своему лишь болѣе или менѣе приближались къ этому идеалу, что главнымъ образомъ происходило отъ того, что не всѣ города присылали въ Москву требовавшихся отъ нихъ выборныхъ. Такое по видимому равнодушное отношеніе городовъ къ участію въ земскихъ соборахъ легко объясняется, съ одной стороны отдаленностью многихъ городовъ отъ Москвы, что, при неудовлетворительномъ состояніи путей сообщенія, значительно затрудняло присылку выборныхъ, съ другой стороны ограниченностью числа лицъ имѣвшихъ охоту и возможность ѣхать въ столицу, оставивъ домá и обычныя занятія свои и, съ третьей стороны, значительными издержками сопряженными для избирателей съ отправкой въ Москву выборныхъ и съ содержаніемъ ихъ въ столицѣ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Даже самый полный изъ земскихъ соборовъ Московскихъ — соборъ 1649 г. — не можетъ быть признанъ вполнѣ соотвѣтствующимъ понятію земскаго собора въ идеѣ. Не смотря на то, что на этомъ соборѣ было 143 выборныхъ отъ городовыхъ дворянъ и до 98 торговцевъ и посадскихъ людей, присланныхъ 77 городами — многіе города не были тѣмъ не менѣе представлены на этомъ соборѣ, или-же были представлены меньшимъ числомъ выборныхъ, нежели какимъ слѣдовало по первоначальному организаціонному плану этого собора (³). Къ числу особенностей организаціи представительства на Московскихъ

(¹) *Сергѣевичъ:* «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», стр. 19; А. А. Э. IV, № 27.

(²) А. А. Э. III, № 77; Собр. Госуд. Гр. и Дог. III. № 113.

(³) *Сергѣевичъ:* «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», стр. 20.

земскихъ соборахъ должна быть отнесена и непропорціональность въ числѣ выборныхъ выставлявшихся Москвою, сравнительно съ числомъ выборныхъ присылавшихся другими городами. Такъ изъ акта собора 1649 года знаемъ мы, что города должны были прислать на соборъ по одному и по два выборныхъ отъ служилыхъ людей и по одному выборному отъ посадскихъ людей; въ тоже время городъ Москва выставлялъ на соборъ по два выборныхъ отъ всѣхъ четырехъ разрядовъ низшихъ служилыхъ людей своихъ (стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ), слѣдовательно восемь человѣкъ, — затѣмъ семь выборныхъ отъ торговыхъ людей своихъ и по одному выборному отъ каждой изъ 13 черныхъ сотенъ своихъ. Такимъ образомъ Москва дала на этотъ соборъ въ четыре раза больше выборныхъ отъ низшихъ служилыхъ людей и въ двадцать разъ больше выборныхъ отъ посадскихъ людей, сравнительно даже съ самыми значительными городами русскими ([1]). По отношенію къ вопросу о фактическомъ составѣ земскихъ соборовъ, представляетъ профес. Сергѣевичъ любопытные примѣры присылки нѣкоторыми городами выборныхъ не только въ меньшемъ, но даже и въ большемъ числѣ сравнительно съ требуемымъ; онъ объясняетъ этотъ странный съ перваго взгляда фактъ тѣмъ, что число выборныхъ высылавшихся городами въ Москву опредѣлялось въ дѣйствительности не первоначальнымъ запросомъ, но наличностью охотниковъ бравшихъ на себя повинность явиться на соборъ въ качествѣ представителей: если число такихъ охотниковъ превышало требуемое, въ такомъ случаѣ всѣ они и отправлялись въ Москву, если-же число ихъ не достигало требуемаго — въ такомъ случаѣ этимъ наличнымъ числомъ и ограничивалось представительство избирателей ихъ ([2]).

До сихъ поръ говорили мы о членахъ земскихъ соборовъ, о „соборныхъ людяхъ“—какъ называются они въ источникахъ,—принимавшихъ въ нихъ участіе по выбору, въ качествѣ выборныхъ представителей отъ городовъ и сословій. Но кромѣ выборныхъ представителей отъ городовъ, на зем-

---

([1]) *Сергѣевичъ*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», стр. 17—18; Собр. Госуд. Гр. и Дог. III, № 129.

([2]) *Сергѣевичъ*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», стр. 21—22.

скихъ соборахъ засѣдали, какъ мы видѣли выше, члены освященнаго собора и лица принадлежавшія къ числу думныхъ людей, лица входившія въ обыкновенный составъ боярской или государевой Думы; на земскихъ соборахъ засѣдали также и высшіе придворные чины. Всѣ три послѣдніе разряды соборныхъ людей участвовали въ засѣданіяхъ собора уже не по выбору, но поголовно, въ силу самаго государственнаго значенія или служебнаго положенія своего. Такимъ образомъ весь личный составъ земскихъ соборовъ весьма наглядно распадается на двѣ части—на *членовъ поголовныхъ* и на *членовъ выборныхъ*.

Къ поголовному участію въ земскихъ соборахъ призывались слѣдующія лица:

1) Члены Освященнаго собора. Сюда относятся: патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и игумены.

2) Члены Боярской Думы. Сюда относятся: бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки.

3) Высшіе придворные чины,—слѣдовательно всѣ придворные чины, за исключеніемъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ и жильцовъ.

Къ участію въ земскихъ соборахъ по выбору призывались слѣдующіе общественные классы:

1) Низшее бѣлое и черное духовенство, не принадлежавшее къ составу Освященнаго собора.

2) Низшіе придворные чины служилыхъ людей—стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и жильцы.

3) Стрѣльцы, пушкари, казаки и служилые инородцы.

4) Городовые служилые люди—дворяне и дѣти боярскіе.

5) Высшіе разряды торговыхъ людей - гости и торговцы гостинной и суконной сотенъ.

6) Посадскіе люди черныхъ сотенъ и слободъ, т. е. городское населеніе въ собственномъ смыслѣ этого слова.

7) Уѣздные тяглые крестьяне, не успѣвшіе войти въ крѣпостную зависимость. Уѣздные крестьяне участвовали лишь въ соборѣ 1613 года; мы не имѣемъ непосредственныхъ указаній на участіе ихъ въ другихъ земскихъ соборахъ. Профес. Сергѣевичъ полагаетъ, что отсутствіе на соборахъ представительства крестьянъ восполнялось представительствомъ посадскихъ людей, такъ какъ до самаго изда-

нія Уложенія 1649 года не существовало рѣзкаго различія между обоими этими классами населенія ([1]); лишь этому законодательному сборнику удалось рѣзкими чертами отграничить посадскихъ людей отъ людей уѣздныхъ, придавъ имъ характеръ двухъ замкнутыхъ до извѣстной степени сословій.

На сколько давали замѣчать себя въ засѣданіяхъ земскихъ соборовъ сословныя различія отдѣльныхъ группъ соборныхъ людей—объ этомъ сдѣлаемъ мы нѣсколько замѣчаній въ слѣдующей рубрикѣ. Укажемъ здѣсь только одну особенность замѣчаемую въ земскомъ соборѣ 1649 года. Въ этомъ соборѣ проявляется раздѣленіе его на двѣ большія части, на двѣ палаты: первую, подъ предсѣдательствомъ самого царя, составляли лица принимавшія участіе въ соборѣ по своему положенію, а не по выбору, т. е. духовенство, думные люди и высшіе придворные чины;—вторую, подъ предсѣдательствомъ депутата отъ правительства боярина Долгорукаго, составляли выборные отъ Москвы и городовъ. Такъ раздѣленъ былъ земскій соборъ 1649 г. для слушанія чтенія Уложенія; обѣ части собора слушали его въ различныхъ помѣщеніяхъ.

Мѣсто, время, порядокъ засѣданій и постановленія земскихъ соборовъ. По отношенію къ вопросу о *мѣстѣ засѣданій* земскихъ соборовъ даютъ намъ источники возможность прійти къ убѣжденію, что обычнымъ мѣстомъ засѣданій совѣщательныхъ соборовъ служили *царскія палаты*, царскій дворецъ. Дѣйствительно, изъ семи совѣщательныхъ земскихъ соборовъ, о мѣстѣ засѣданій которыхъ даютъ намъ источники точныя свѣдѣнія—шесть засѣдали въ царскихъ палатахъ, хотя и не было въ послѣднихъ разъ на всегда принятаго помѣщенія для этихъ засѣданій. Такъ, соборы 1621 и 1653 гг. происходили въ Золотой Большой Грановитой Палатѣ, соборы 1634 и 1642 гг. происходили въ Столовой Избѣ, соборъ 1649 г.—въ Отвѣтной Палатѣ; соборъ 1566 г. происходилъ въ „государя нашего дворѣ", но въ какомъ именно помѣщеніи его—этого изъ акта не видно. Лишь первое засѣданіе совѣщательнаго земскаго собора 1548—1549 гг. происходило внѣ царскихъ палатъ, именно

([1]) *Сергѣевичъ*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», стр. 14.

на Красной площади; но это извѣстіе относится только къ первому торжественному засѣданію его, и весьма вѣроятно что послѣдующія засѣданія его имѣли мѣсто уже во дворцѣ. Затѣмъ фиктивный земскій соборъ 1610 года, низложившій царя Василія Шуйскаго, первоначально собрался на Красной площади, но затѣмъ, вслѣдствіе недостаточности ея пространства, перенесъ засѣданіе свое за городъ, къ Смоленскимъ воротамъ; само собою очевидно, что этотъ соборъ, уже по самой цѣли своой, не могъ происходить въ обычномъ мѣстѣ—царскихъ палатахъ. Внѣ царскихъ палатъ имѣли свои засѣданія и земскіе соборы избирательные. Избирательный земскій соборъ 1598 года происходилъ въ палатахъ патріарха; то засѣданіе избирательнаго собора 1613 года, на которомъ окончательно рѣшено было избраніе въ цари Михаила Θеодоровича Романова (21 февраля)—происходило въ Успенскомъ соборѣ; фиктивный земскій избирательный соборъ 27 апрѣля 1682 года происходилъ на площади передъ крыльцомъ царской Передней палаты (¹).

Менѣе свѣдѣній имѣемъ мы относительно *времени засѣданій* земскихъ соборовъ. Врядъ-ли впрочемъ могло быть въ этомъ отношеніи что либо твердо опредѣленное, а тѣмъ болѣе никакъ не возможно вѣрить свидѣтельству Флетчера, будто засѣданія земскихъ соборовъ имѣли мѣсто исключительно лишь по пятницамъ (²); факты не подтверждаютъ этого свидѣтельства. Такъ соборы 1548—1549 гг. и засѣданія 7 и 21 февраля собора 1613 г. происходили въ воскресные дни; соборъ 1621 года происходилъ въ субботу (12 окт. 7130 г.), первое засѣданіе собора 1642 г. во вторникъ (3 янв. 7150 г.), соборъ 1634 г. въ четвергъ (29 янв. 7142 г.), соборъ 1653 г. въ воскресенье (1 окт. 7162 г.) и только соборы 1598 и 1650 гг. происходили дѣйствительно въ пятницу (³). Такимъ образомъ земскіе соборы могли имѣть засѣданія и въ праздничные дни,—хотя въ эти дни и не принято было имѣть засѣданія

(¹) См. акты всѣхъ этихъ соборовъ или приведенный выше историческій очеркъ земскихъ соборовъ.

(²) *Fletcher*: «La Russie au XVI siècle», p. 72.

(³) Нѣкоторые изъ этихъ дней извѣстны изъ источниковъ; остальные, по данному году и числу, вычислены нами по правиламъ Пасхаліи.

въ присутственныхъ мѣстахъ Московскихъ; относительно земскаго собора 1653 года извѣстно даже, что онъ засѣдалъ 1 октября, на праздникъ Покрова Пресв. Богородицы. Относительно земскихъ соборовъ 1548—1549 и 1653 гг. (имѣвшихъ засѣданія въ праздничные дни) знаемъ мы далѣе, что они происходили послѣ обѣдни, что царь являлся на засѣданіе прямо изъ храма, сопутствуемый духовенствомъ съ крестами.

Мало извѣстно намъ и о *продолжительности соборныхъ сессій*; она стояла конечно въ связи съ большею или меньшею сложностью дѣлъ подлежавшихъ разсмотрѣнію собора. Если предметъ соборнаго обсужденія былъ не сложенъ и не представлялъ повода къ долгому и основательному размышленію—въ такомъ случаѣ соборная сессія могла ограничиться однимъ днемъ; въ противномъ случаѣ сессія раздроблялась на нѣсколько отдѣльныхъ засѣданій, затягивавшихся на нѣсколько дней, недѣль и даже мѣсяцевъ. Такъ избирательный соборъ 1613 г. имѣлъ весьма много засѣданій прежде нежели окончательно рѣшено было избраніе Михаила Ѳеодоровичи; земскій соборъ 1632 г. не былъ кажется распускаемъ во все продолженіе Польской войны, послужившей поводомъ къ его собранію; земскій соборъ 1642 г. продолжался, какъ это несомнѣнно извѣстно, не менѣе двухъ недѣль; наконецъ земскій соборъ 1649 г. продолжался не менѣе полтора мѣсяца, а по всей вѣроятности даже гораздо болѣе продолжительное время (1).

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію самаго *внутренняго порядка засѣданія* земскихъ соборовъ.

Засѣданіе земскаго собора открывалось чтеніемъ рѣчи обращенной къ соборнымъ людямъ, въ которой подробно излагалась сущность предметовъ подлежавшихъ обсужденію собора и формулировались вопросы подлежавшіе разсмотрѣнію соборныхъ людей. Такъ, если соборъ созванъ былъ для обсужденія вопроса о войнѣ,—въ такомъ случаѣ въ рѣчи обстоятельно излагались поводы ее вызывающіе, причемъ нерѣдко представлялась полная картина политическаго положенія дѣлъ и отношеній Московскаго государства къ враждебной сторонѣ, излагались всѣ шансы войны и, нако-

(1) См. историческіе очерки этихъ соборовъ.

пецъ, предлагалось собору обсудить вопросы о томъ, какъ организовать военныя силы для предстоящей войны, откуда заимствовать матеріальныя средства для ея веденія и какимъ образомъ произвести сборъ денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ для войска. Иногда въ концѣ докладной рѣчи прямо указывалось то рѣшеніе собора, которое желательно было-бы въ интересахъ государства (¹). Рѣчь къ соборнымъ людямъ произносилась иногда самимъ царемъ (соборы 1548—1549, 1618, 1621, 1637 гг.), въ другихъ случаяхъ читалась она какимъ-либо должностнымъ люцемъ, вѣроятно думнымъ дьякомъ; такъ на соборѣ 1642 г. первая рѣчь къ соборнымъ людямъ читалась думнымъ дьякомъ и печатникомъ Ѳ. Ѳ. Лихачевымъ. Въ остальныхъ случаяхъ въ соборномъ актѣ просто говорится, что рѣчь читана вслухъ всѣмъ соборнымъ людямъ,—но не указывается кѣмъ именно читана она. На избирательномъ земскомъ соборѣ 1598 г. и на избирательномъ фиктивномъ земскомъ соборѣ 27 апрѣля 1682 г. рѣчь къ соборнымъ людямъ говорена была патріархомъ. Послѣ прочтенія докладной рѣчи, соборнымъ людямъ предлагалось поразмыслить о всемъ слышанномъ ими и высказать по обсуждаемымъ вопросамъ или мнѣніе свое, или составить приговоръ,—смотря потому, какова была конечная цѣль соборнаго засѣданія.

Здѣсь наступаетъ второй моментъ въ порядкѣ соборнаго засѣданія—*совѣщанія соборныхъ людей между собою.* Фактъ этихъ совѣщаній не можетъ подлежать никакому сомнѣнію уже вслѣдствіе самой логической необходимости его,—но мы имѣемъ и положительныя указанія на то, что тому или другому рѣшенію соборныхъ людей предшествовали нерѣдко весьма продолжительныя совѣщанія ихъ между собою. Такъ на соборѣ 1566 г. отдѣльныя группы соборныхъ людей, подавая мнѣнія свои, заявляютъ въ нихъ, что они „межи себя говорили“ о дѣлѣ и пришли къ такому-то рѣшенію, а на соборѣ 1642 г., въ концѣ докладной рѣчи, послѣ формулировки предметовъ обсужденія—соборнымъ людямъ прямо предписывается „помыслить о томъ накрѣпко“ и объявить затѣмъ мнѣніе свое. Весьма любопытенъ вопросъ

(¹) Собр. Госуд. Гр. и Дог. III, №№ 40 и 99 (соборы 1618 и 1634 гг.).

о томъ, въ какой формѣ происходили совѣщанія соборныхъ людей между собою; представляли-ли при этомъ всякихъ чиновъ соборные люди однообразную массу или-же разбивались для совѣщаній на сословныя группы? Въ нѣкоторыхъ соборныхъ случаяхъ (соборы 1566, 1642 и 1653 гг.) посословныя совѣщанія соборныхъ людей представляются несомнѣнными: каждая сословная группа представляетъ отдѣльное мнѣніе или приговоръ; въ этихъ случаяхъ подобный порядокъ совѣщанія и подачи мнѣній требовался самимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего въ самыхъ соборныхъ актахъ говорится, что всякихъ чиновъ соборные люди совѣщались и подавали мнѣнія свои порознь. Подобный порядокъ наблюдался въ тѣхъ именно особенно важныхъ случаяхъ соборныхъ засѣданій, когда правительству представлялся непосредственный интересъ узнать взглядъ и мнѣніе на дѣло не всего народа въ смыслѣ сплошной единообразной массы, но народа въ смыслѣ органической совокупности элементовъ сословныхъ, преслѣдующихъ различныя цѣли и проникнутыхъ различными интересами. Но, по справедливому замѣчанію профес. Сергѣевича, посословный порядокъ обсужденія соборными людьми предложенныхъ имъ вопросовъ долженъ быть предполагаемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не былъ предписываемъ самимъ правительствомъ. Мы прибавимъ къ этому болѣе нежели вѣроятное, по нашему мнѣнію предположеніе, что каждая сосословная групстановляла при каждомъ земскомъ соборѣ и отдѣльное рѣшеніе, но что эти рѣшенія редактировались затѣмъ въ одно для поднесенія государю и для занесенія въ соборный актъ. Въ большинствѣ совѣщательныхъ земскихъ соборовъ конечнымъ результатомъ совѣщаній соборныхъ людей являлось принесеніе землею извѣстныхъ жертвъ, извѣстныхъ повинностей на пользу государства; но повинности отдѣльныхъ сословій были далеко не одинаковы въ Московскомъ государствѣ (1). Вопросъ шелъ, напримѣръ, о предпринятіи или продолженіи войны,—для успѣха которой требовались извѣстныя повинности со стороны сословій; духовенство могло

---

(1) *Сергѣевичъ*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», стр 27—28.

обѣщать государству свое нравственное содѣйствіе общему дѣлу и удѣленіе части обширныхъ матеріальныхъ средствъ своихъ; служилые люди могли обѣщать государству, сверхъ матеріальныхъ пособій, личное мужество свое и рѣшимость не щадить головъ своихъ въ бояхъ съ врагомъ; торговые люди могли обѣщать пожертвованіе извѣстнаго процента съ имуществъ своихъ (сборъ пятой или десятой деньги); посадскіе и уѣздные люди могли обѣщать выставку даточныхъ ратныхъ людей, коней, хлѣбныхъ запасовъ и отправленіе подводной повинности. Само собою разумѣется, что было-бы весьма не цѣлесообразно, если-бы служилые люди стали при этомъ совѣщаться сообща съ посадскими людьми, или торговые люди сообща съ духовенствомъ; самое различіе характера повинностей лежащихъ на томъ или другомъ сословіи и различіе интересовъ послѣднихъ требовали совѣщаній соборныхъ людей по предложеннымъ имъ вопросамъ съ раздѣленіемъ ихъ по сословнымъ группамъ, хотя-бы подобный порядокъ совѣщаній и не былъ непосредственно указанъ правительствомъ, для котораго важно было не знаніе взглядовъ на дѣло отдѣльныхъ сословій, но только конечный результатъ собора—пріобрѣтеніе фактической возможности вести войну. Вслѣдствіе этого государю не подавались отдѣльныя рѣшенія сословныхъ группъ, но эти рѣшенія, для подачи ихъ государю, редактировались въ одно общее, цѣлостное, рѣшеніе земскаго собора, которое въ такомъ именно видѣ и заносилось въ оффиціальный соборный актъ. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда правительству желательно было болѣе серьезное обсужденіе дѣла или когда въ виду рѣшительности извѣстнаго предпріятія важно было для него знать точное мнѣніе каждаго сословія въ отдѣльности—тогда оно само требовало совѣщаній и подачи мнѣній съ раздѣленіемъ соборныхъ людей по сословнымъ группамъ. А что въ оффиціальныхъ соборныхъ актахъ дѣйствительно принимались мѣры къ сокращенію ихъ редакціи—на это находимъ мы указаніе въ актѣ собора 1642 года, въ которомъ подробно изложены одинадцать сказокъ и отдѣльныхъ мнѣній представленныхъ различными сословными группами, послѣ чего изложены тѣже мнѣнія, но уже въ сокращенной формѣ, съ соединеніемъ въ одно мнѣній по

существу своему однородныхъ [1]. Конца этого акта не дошло до насъ,— но ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что въ самомъ концѣ его могъ быть сдѣланъ и общій выводъ изъ всѣхъ предъявленныхъ соборными людьми мнѣній; дойди до насъ этотъ актъ въ такой кратчайтей редакціи своей—и мы не имѣли-бы возможности имѣть свѣдѣній объ истинной формѣ совѣщаній соборныхъ людей и о порядкѣ предъявленія ими мнѣній.

Совѣщанія сословныхъ группъ могли продолжаться весьма долго. Такъ на земскомъ соборѣ 1642 г. велѣно соборнымъ людямъ приступить къ совѣщаніямъ 3 января; между тѣмъ мнѣнія представлялись спустя нѣсколько дней, а одно мнѣніе было представлено даже спустя двѣ недѣлѣ (17 января). Существуетъ указаніе на то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣщанія соборныхъ людей происходили съ раздѣленіемъ на сословныя группы по предписанію самаго правительства—къ каждой сословной группѣ приставлялся дьякъ или приставъ, который и принималъ мнѣніе ея для сообщенія его правительству; такъ на соборѣ 1642 г. мнѣніе духовенства принялъ сынъ боярскій Саттынниковъ, къ группѣ стольниковъ приставленъ былъ дьякъ Спиридоновъ, къ дворянамъ Московскимъ—дьякъ Лукинъ, къ городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ—дьякъ Атарскій. Здѣсь необходимымъ считаемъ мы остановиться на разъясненіи нѣкоторыхъ выраженій, встрѣчающихся въ актахъ соборовъ 1642 и 1653 гг., которыя легко могутъ привести къ слишкомъ поспѣшному и вслѣдствіе того неосновательному предположенію, будто на этихъ соборахъ подача мнѣній производилась путемъ допросовъ отдѣльныхъ лицъ каждой сословной группы, на основаніи которыхъ и составлялась письменная сказка приставленнымъ къ данной группѣ дьякомъ; ясно что при этомъ предположеніи исключается возможность свободныхъ совѣщаній и дебатовъ въ средѣ соборныхъ людей каждой группы, которыя замѣняются сухимъ оффиціальнымъ истребованіемъ мнѣнія каждаго соборнаго человѣка, изъ которыхъ дѣлаются затѣмъ выводы казенными чиновниками. Дѣло въ томъ, что въ актѣ собора 1642 года встрѣчаются слѣдующія выраженія: „Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій, по допросу, сказали и пр.“, или: „по государеву ... указу, велѣно

---

[1] Собр. Госуд. Гр. и Дог. III, 113.

допросить и мысль свою объявить... на письмѣ... что съ Турскимъ и съ Крымскимъ Царемъ за Азовъ разрывать-ли, и Азовъ у донскихъ атамановъ и казаковъ пріимать-ли и пр."; или: „Государь Царь и в. к. Михайло Θеодоровичъ всея Русіи намъ, холопамъ своимъ,... велѣлъ своему государеву печатнику и думному дьяку Θ. Θ. Лихачеву сказати и допросити о новомъ, взятомъ отъ донскихъ казаковъ, Азовѣ городѣ: принять ли и стояти за него и пр." Изъ этихъ выраженій и изъ словъ акта собора 1653 г., что соборные люди „допрашиваны по чинамъ, порознь",—легко можетъ быть выводимо заключеніе, будто бы подача соборными людьми мнѣній происходила въ средѣ каждой сословной группы въ формѣ допроса и будто письменная редакція выяснившаго такимъ путемъ мнѣнія цѣлой группы лежала на обязанности приставленнаго къ ней дьяка (¹),—который конечно и допрашивалъ соборныхъ людей, какъ весьма последовательно вытекаетъ изъ этого заключенія. Приведемъ теперь выписки изъ текста того-же акта собора 1642 года, которыя сами докажутъ неосновательность подобнаго заключенія: „И Государю... за Азовъ съ Турскимъ и съ Крымскимъ Царемъ разрывать ли, и Азовъ у донскихъ атамановъ и казаковъ пріимать-ли?.... и всякихъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ помыслить о томъ накрѣпко и... мысль свою объявити (естественно—самимъ же) на письмѣ"; „Государь... указалъ стольникамъ о Азовѣ помыслить накрѣпко и ему государю мысль свою объявить на письмѣ... И стольники, выслушавъ письма и помысля... сказали и пр.", или: „Велѣно Московскимъ дворянамъ говорити и мыслити... о пріимкѣ у донскихъ атамановъ и казаковъ города Азова, и мысль имъ свою о томъ велѣно принести къ государю на письмѣ и пр" (²), или: „По государеву... указу, велѣно приносить всякихъ чиновъ лю-

(¹) Къ такому именно заключенію приходитъ проф. Сергѣевичъ въ своей статьѣ: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ. стр. 30.

(²) Ясно следовательно, что Московскіе дворяне самостоятельно совѣщались о дѣлѣ и *сами* составляли сказку свою. Между тѣмъ двое изъ нихъ—Бекленишевъ и Желябужскій—подавая отдѣльную сказку свою, заявляютъ въ ней что отвѣчаютъ «по допросу»; очевидно изъ послѣдняго, что слово «допросъ» употребляется въ актѣ вмѣстѣ словъ «запросъ» или «вопросъ».

дямъ мысль своя на письмѣ... И Володимірцы дворяне и дѣти боярскіе... мысль свою написали"... Изъ приведенныхъ нами выписокъ вполнѣ явствуетъ, какъ намъ кажется, что подача мнѣній на соборѣ 1642 г. вовсе не происходила въ формѣ допроса. Соборные люди каждой группы „мыслятъ", говорятъ между собою, совѣщаются и, наконецъ, прійдя къ извѣстному соглашенію, письменно сами излагаютъ сущность своего мнѣнія; послѣднее замѣчается и изъ самой формы изложенія письменныхъ сказокъ ихъ,—„а то насъ, холопей твоихъ, мысль и сказка", „то за нами рѣчи"—говорится въ заключеніи ихъ. Какое-же значеніе должны мы придавать приведеннымъ выше выраженіямъ акта собора 1642 г., въ которыхъ говорится о допросахъ соборныхъ людей? Болѣе глубокое вникновеніе въ этотъ актъ открываетъ, что здѣсь подъ *допросами* разумѣются первоначальные вопросы, формулированные въ рѣчи къ соборнымъ людямъ, которые, вмѣстѣ съ копіею съ самой рѣчи, розданы были всѣмъ сословнымъ группамъ,—никакихъ позднѣйшихъ допросовъ соборнымъ людямъ не производилось и совѣщанія ихъ носили вполнѣ свободный характеръ; такимъ образомъ выраженіе акта: „По государеву указу... велѣно допросить и мысль своего объявить на письмѣ",—означаетъ что государемъ предписано было предложить соборнымъ людямъ вопросы касающіеся Азовскаго дѣла, по которымъ требовались письменныя мнѣнія ихъ, но вовсе не означаетъ что всѣ соборные люди каждой группы порознь допрашивались агентомъ правительства. Въ подобномъ-же смыслѣ должно быть понимаемо и выраженіе акта собора 1653 года, что соборные люди „допрашиваны по чинамъ, порознь"; оно означаетъ только то, что допросные или вопросные тезисы были обсуживаемы каждою сословною группою отдѣльно, порознь. Такимъ образомъ весьма просто разъясняется, какъ намъ кажется, недоразумѣніе вытекающее изъ примѣненія въ актахъ соборовъ 1642 и 1653 гг. словъ „допросъ" и „допрашивать" вмѣсто слова „вопросъ" и выраженія „требовать отвѣта на вопросъ",—и не представляется никакой необходимости признавать соборные порядки 1642 и 1653 гг. за отклоненіе отъ обще-принятаго порядка соборнаго производства, какъ дѣлаетъ это между прочимъ профес. Сергѣевичъ.

Основою для совѣщаній соборныхъ людей служила, какъ мы видѣли, докладная рѣчь; всѣ дебаты и соображенія ихъ вертѣлись около фактовъ и допросныхъ тезисовъ, выраженныхъ въ ней. На соборѣ 1566 года, въ виду крайней важности разсматривавшагося на немъ вопроса, были приняты нѣкоторыя мѣры къ тому, что-бы дать особенно твердыя основы для совѣщаній соборныхъ людей: съ духовенствомъ говорилъ о дѣлѣ самъ государь, думнымъ же людямъ предъявлена была выпись изъ подлинныхъ переговоровъ о мирѣ между русскими и польскими послами; остальныя группы соборныхъ людей совѣщались просто на основаніи государева приказа, т. е. по всей вѣроятности на основаніи предшествовавшей рѣчи ([1]). Существуетъ основаніе полагать, что въ особенно важныхъ и сложныхъ случаяхъ копіи съ докладныхъ рѣчей давались и сословнымъ группамъ соборныхъ людей. Такъ было напримѣръ на соборѣ 1642 года,—и это вполнѣ естественно, такъ какъ соборнымъ людямъ нужно было обратить серьезное вниманіе на факты изложенные въ докладной рѣчи,—а они не могли твердо усвоиться изъ однократнаго слушанія послѣдней; что соборные люди 1642 г. получили копіи съ докладной рѣчи—это явствуетъ изъ сказки тяглыхъ людей черныхъ сотенъ и слободъ, въ которой прямо говорится что имъ „память о томъ допросѣ ([2]) дали, а въ ней написано . . . (слѣдуетъ сущность дѣла)".

Результатомъ совѣщаній соборныхъ людей являлось *представленіе государю выработаннаго* ими *мнѣнія* (напримѣръ, слѣдуетъ ли заключить миръ или предпринять войну, присоединять ли Азовъ или Малороссію и т. п.) *или-же* составленнаго ими *приговора* (напримѣръ пожертвовать денегъ или хлѣбныхъ запасовъ для войны, выставить даточныхъ людей, организовать осадное сидѣніе и т. п.),—смотря по

([1]) Эта рѣчь неизвѣстна намъ. Дѣло въ томъ, что дошедшій до насъ актъ собора 1566 г. (Собр. Госуд. Гр. и Дог. I, № 192) не есть болѣе или менѣе полный протоколъ его—но только приговорная грамота собора, вслѣдствіе чего помѣщены здѣсь лишь мнѣнія соборныхъ людей.

([2]) Употребленіе здѣсь слова *допросъ* подтверждаетъ выше приведенную мысль нашу, что въ актѣ соборовъ 1642 г. и 1653 г. выраженія «допросъ» и «допрашивать» относятся къ первоначальнымъ вопроснымъ пунктамъ.

значенію которое получалъ данный соборъ по самой сущности вызвавшаго его дѣла. Изъ соборныхъ актовъ, не видно какъ выработывалось мнѣніе или приговоръ всего собора или отдѣльныхъ сословныхъ группъ его,—принималось-ли при этомъ за общій голосъ рѣшеніе большинства и, если такъ, то какъ организовывалось это большинство. Нельзя не согласиться въ разрѣшеніи этого вопроса съ мнѣніемъ профес. Сергѣевича, который, основываясь на практикѣ избирательныхъ соборовъ, полагаетъ что совѣщанія соборныхъ людей клонились къ установленію единомыслія и единогласія ихъ; замѣтимъ что это вполнѣ согласно съ духомъ русской народности и воззрѣніями ея на сущность и характеръ коллегіальныхъ рѣшеній. Рѣшеніе собора сообщалось государю или устно, или на письмѣ. Послѣднее практиковалось кажется въ тѣхъ именно случаяхъ, когда требовалось правительствомъ предъявленіе мнѣній по-сословно; такъ было именно на соборѣ 1642 года, сословнымъ группамъ котораго велѣно было предъявлять письменныя мнѣнія, письменныя „сказки“ по Азовскому дѣлу.

Въ практикѣ земскихъ соборовъ Московскихъ усматривается возможность предъявленія *отдѣльныхъ мнѣній* однимъ или нѣсколькими членами собора. Такъ на соборѣ 1566 года предъявлены были отдѣльныя мнѣнія печатникомъ Висковатымъ и Смольнянами; на соборѣ 1642 года предъявлено было отдѣльное мнѣніе Московскими дворянами Беклемишевымъ и Желябужскимъ. Эти отдѣльныя мнѣнія, или, вѣрнѣе говоря, отдѣльныя сказки,—нисколько не противорѣчатъ предположенію единогласности рѣшенія: они не разнствуютъ съ сущностью общихъ мнѣній соборныхъ группъ изъ которыхъ выдѣлились они, но представляются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ или-же болѣе энергичною формулировкою ихъ, являются протестомъ противъ самой редакціи, а не противъ самой сущности общаго мнѣнія.

При обсужденіи соборными людьми предложенныхъ имъ фактовъ и допросныхъ пунктовъ, легко могли быть затронуты животрепещущіе вопросы, близко касающіеся интересовъ той или другой соборной группы и рѣшеніе которыхъ могло быть связано съ разрѣшеніемъ вопроса давшаго поводъ къ созванію собора. Въ подобныхъ случаяхъ заинтересованныя группы, предъявляя государю мнѣніе свое по главному вопросу, указывали ему въ почтительной формѣ

челобитій и на эти второстепенные вопросы, которые могли быть разрѣшены въ связи съ главнымъ. Такъ на соборѣ 1621 года, при обсужденіи вопроса о войнѣ съ Польшею, городовые служилые люди, послѣ предъявленія общаго съ остальными соборными людьми мнѣнія о необходимости стоять противъ поляковъ за государя и за православіе — бьютъ государю челомъ о необходимости разобрать ихъ для большей правильности и равномѣрности въ несеніи ими службы. Челобитье это принято было во вниманіе: государь тутъ-же на соборѣ, посовѣтовавшись съ родителемъ своимъ и съ боярами, указалъ исполнить его и назначилъ лицъ имѣющихъ быть разосланными по городамъ для разбора служилыхъ людей. Мы знаемъ также и то, что на соборѣ 1649 года соборные люди всякихъ чиновъ подавали государю челобитья, въ которыхъ призывали его опредѣлить многія весьма важныя стороны внутренней государственной и общественной жизни, что эти челобитья были принимаемы государемъ, что затронутые въ нихъ вопросы получали разрѣшеніе согласное съ желаніями челобитчиковъ и давали поводъ къ внесенію въ Уложеніе многихъ новыхъ статей.

Если результатомъ соборныхъ совѣщаній было простое выраженіе мнѣній соборныхъ людей — въ такомъ случаѣ эти мнѣнія обсуживались государемъ при принятіи имъ того или другаго рѣшенія по дѣлу. Если результатомъ совѣщаній соборныхъ людей являлось то или другое рѣшеніе — въ такомъ случаѣ оно облекалось въ форму *соборнаго приговора* (1) или въ форму „приговора царя и всякихъ чиновъ людей Московскаго государства“ (2), или въ форму „указа царя и приговора всей земли“ (3); соборный приговоръ, кромѣ этого названія, назывался также „всемірнымъ приговоромъ“ (4) или „соборнымъ уложеньемъ“ (5). Основанное на мнѣніяхъ

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог. III. № 99; А. А. Э. III. №№ 79, 80, 81.

(2) Собр. Госуд. Гр. и Дог. III. № 40; А. А. Э. III. №№ 105, 275.

(3) А. А. Э. III. № 68.

(4) А. А. Э. III. № 79. 80.

(5) Собр. Госуд. Гр. и Дог. III. № 99. Названіе соборнаго приговора «соборнымъ уложеньемъ» перенесено было въ 1649 г. и на самый законодательный сборникъ, утвержденный земскимъ соборомъ, — который весьма часто назывался «Соборнымъ Уложеньемъ».

соборныхъ людей рѣшеніе государя или утвержденный имъ соборный приговоръ *обращался затѣмъ къ исполненію.* Если рѣшена была война — служилымъ людямъ предписывалось окружными грамотами изготовляться къ походу; если рѣшена была новая перепись городовъ — по послѣднимъ разсылались писцы и дозорщики; если рѣшенъ былъ сборъ денегъ или хлѣбныхъ запасовъ — по городамъ посылались сборщики и т. п.

Соборное производство закрѣплялось составленіемъ *соборнаго акта*, или болѣе или менѣе подробнаго протокола всего происходившаго на земскомъ соборѣ. Онъ начинается обыкновенно слѣдующими словами: „Лѣта 0000, октября въ 00 день, былъ у Государя Царя и Великаго Князя NN... соборъ въ Золотой въ большой въ Грановитой палатѣ. А по Государеву указу... были на соборѣ и пр.“, или: „Лѣта 0000, генваря въ 00 день, Государь Царь и Великій Князь NN указалъ быти собору, а на соборѣ быти и пр.“. Затѣмъ слѣдуетъ указаніе личнаго состава собора, мѣста его засѣданія, подробное изложеніе докладной рѣчи къ соборнымъ людямъ, мнѣній соборныхъ людей и, иногда, изложеніе соборнаго приговора. Соборные акты далеко не всѣ съ подробностью излагаютъ весь ходъ соборнаго производства, но, напротивъ, часто бывали весьма кратки; самые подробные соборные акты — это актъ собора 1642 года и акты соборовъ избирательныхъ. Въ послѣднихъ, т. е. въ соборахъ избирательныхъ, — актъ принималъ названіе *„утверженной грамоты“*, т. е. грамоты утверждавшей на престолѣ вновь избраннаго государя (¹). Утверженная грамота подписывалась всѣми соборными людьми, причемъ митрополиты, архіепископы и епископы, сверхъ рукоприкладства, прикладывали къ ней свои печати; остальные соборные люди, вмѣсто приложенія печатей, подтверждали подписи свои крестнымъ цѣлованіемъ. Дѣянія совѣщательнаго земскаго собора 1566

(¹) Существуетъ впрочемъ основаніе предполагать, что сверхъ утверженной грамоты, составлялся соборный актъ и при избирательныхъ соборахъ. Такъ отъ избират. собора 1613 г., кромѣ утверженной грамоты, (Собр. Госуд. Гр. и Дог., I, № 203), дошла до насъ еще «Выпись изъ Государственной книги о бывшемъ въ Москвѣ, для избранія на Всероссійскій престолъ Государя, великомъ земскомъ совѣтѣ» (Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 1).

года закрѣплены были составленіемъ „приговорной грамоты", въ которой съ подробностью изложены были всѣ мнѣнія, представленныя отдѣльными группами соборныхъ людей и, которая закрѣплена была архіепископами и епископами — приложеніемъ печатей ихъ и рукоприкладствомъ, думными людьми, приказными и дьяками — рукоприкладствомъ и крестнымъ цѣлованіемъ, остальными соборными людьми — крестнымъ цѣлованіемъ „на своихъ рѣчахъ". Извѣстно, что въ первую четверть 1613 года, пока не было получено согласіе Михаила Ѳеодоровича на принятіе престола, — избирательный земскій соборъ олицетворялъ въ себѣ верховную государственную власть и правилъ всѣми внѣшними и внутренними государственными дѣлами. Въ эту эпоху находимъ мы у земскаго собора *собственную земскую печать*, которою скрѣплялись издававшіяся имъ грамоты; такъ, грамота посланная отъ 10 марта земскимъ соборомъ польскому королю Сигизмунду, закрѣплена была красною восковою печатью Казанскаго митрополита Ефрема (старшаго изъ русскихъ іерарховъ, замѣнявшаго на соборѣ патріарха) и черною восковою земскою печатью (¹).

Таковы всѣ свѣдѣнія о внутренней организаціи земскихъ соборовъ, какія могли мы почерпнуть изъ немногихъ пока источниковъ, находящихся въ распоряженіи русской науки (²).

Въ заключеніе обзора организаціи земскихъ соборовъ Московскихъ, не безъинтереснымъ считаемъ мы привести въ переводѣ *свидѣтельство* о нашихъ земскихъ соборахъ англичанина *Жиля Флетчера*, бывшаго въ Московскомъ государствѣ въ 1588—1589 гг., въ качествѣ посла королевы Елизаветы. Хотя въ бытность автора въ Москвѣ и не происходило ни одного земскаго собора, но онъ почерпалъ многія свѣдѣнія о Россіи отъ Іереміи Горсея, долго жившаго въ Москвѣ и вмѣстѣ съ нимъ возвращавшагося на родину. Флетчеръ совершенно не понялъ земскихъ соборовъ. Вѣрно передавая нѣкоторыя подробности ихъ—онъ смѣшалъ ихъ

(¹) Собр. Госуд. Гр. и Дог. III, № 7.

(²) Считаемъ здѣсь излишнимъ приводить указаніе всѣхъ актовъ и грамотъ, касающихся исторіи земскихъ соборовъ. Желающіе составить списокъ ихъ, найдутъ полное перечисленіе ихъ въ цитатахъ къ приведенному выше историческому очерку земскихъ соборовъ.

съ думою боярскою; это могло тѣмъ легче случиться, что онъ писалъ о земскихъ соборахъ не какъ очевидецъ, но только по наслышкѣ. Вотъ его свидѣтельство:

«Высшее совѣщательное учрежденіе для государственныхъ дѣлъ представляетъ соборъ (Sobor) или національное собраніе. Лицами засѣдающими въ этомъ парламентѣ являются слѣдующія: 1) Самъ императоръ; 2) Нѣсколько благородныхъ людей (nobles), приблизительно около двадцати, носящіе званіе членовъ императорскаго совѣта; 3) Члены духовенства, въ томъ-же приблизительномъ числѣ. Что касается мѣщанъ (bourgeois) и другихъ представителей народа - они не допускаются къ участію въ немъ.

. . . .

Вотъ какимъ образомъ происходятъ засѣданія парламента.

Прежде всего, императоръ созываетъ тѣхъ изъ благородныхъ людей, какихъ ему желательно и которыхъ исключительно избираетъ онъ въ число членовъ совѣта своего. Въ тоже время призываетъ онъ и патріарха, который является съ членами подвѣдомственнаго ему духовенства, именно: съ двумя митрополитами, съ двумя архіепископами и съ тѣми изъ епископовъ, аббатовъ и монаховъ, которые имѣютъ наибольшее достоинство и значеніе. Когда всѣ эти лица соберутся ко двору,—назначается день засѣданія (la session). Такимъ днемъ является обыкновенно пятница, что объясняется священнымъ значеніемъ этого дня.

Съ наступленіемъ дня открытія засѣданій, духовенство въ назначенный часъ собирается въ опредѣленномъ мѣстѣ, которое называется *столъ* (le Stol) (1). Когда приходитъ императоръ, сопровождаемый дворянствомъ своимъ (suivi de sa noblesse), всѣ встаютъ и, съ патріархомъ во главѣ, идутъ встрѣтить его въ переднюю комнату, гдѣ патріархъ благословляетъ императора, налагая два пальца на его чело и щеки, и цѣлуетъ его въ правую сторону груди. Всѣ вступаютъ затѣмъ въ залу засѣданій, гдѣ разсаживаются въ слѣдующемъ порядкѣ. Императоръ садится на свой престолъ, находящійся на одной сторонѣ залы. Послѣ него и не вдалекѣ отъ него, садится за небольшой четыреугольный столъ — мѣстъ на 12 приблизительно,— патріархъ съ митрополитами, епископами, съ главнѣйшими изъ дворянъ императорскаго совѣта и съ двумя секретарями, называемыми думными дьяками, на обязанности которыхъ лежитъ редакція протокола. Всѣ остальныя лица разсаживаются на лавкахъ вокругъ, сообразуясь съ старшинствомъ чиновъ своихъ. Тогда одинъ изъ секретарей, отправляющій обязанность предсѣдателя, излагаетъ мотивы собранія и сущность важнѣйшихъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію. Что касается внесенія членами собранія проэктовъ законовъ — какъ это дѣлается въ Англіи—то въ русскомъ парламентѣ не существуетъ этого обыкновенія; право предложенія законовъ не признается за подданными.

---

(1) Столовая палата.

После постановки вопросовъ, патріархъ и духовенство пользуются тою привиллегіею, что отъ нихъ первыхъ спрашиваютъ мнѣнія или совѣта касательно предложенныхъ мѣропріятій. Каждый изъ нихъ отвѣчаетъ по порядку обусловливаемому его степенью, но всѣ въ одинакой формѣ и безъ разсужденій, на подобіе людей, заранѣе разучившихъ свою роль и повторяющихъ ее въ каждомъ засѣданіи, что-бы не предлагали имъ: «Императоръ и его совѣтники полны мудрости и опытности по отношенію къ политикѣ и государственнымъ дѣламъ, и болѣе способны судить о томъ что полезно для государства, нежели люди, исключительно посвятившіе себя служенію Бога и религіознымъ предметамъ. Вслѣдствіе этого, да благоугодно будетъ императору и его совѣту рѣшить дѣло». Вмѣсто того чтобы подать мнѣніе, они предлагаютъ содѣйствіе ихъ молитвъ, какъ предписываютъ это имъ ихъ обязанности и ихъ призваніе и пр. . .

. . . .

Мѣропріятія, прошедшія на соборѣ, редактируются дьяками въ формѣ повѣстительныхъ грамотъ (proclamation) и разсылаются по всѣмъ областямъ и важнѣйшимъ городамъ, гдѣ они доводятся до всеобщаго свѣдѣнія князьями и дьяками. По окончаніи засѣданія, императоръ приглашаетъ членовъ духовенства къ себѣ на обѣдъ. Затѣмъ всѣ расходятся по домамъ» [1].

Значеніе земскихъ соборовъ съ точки зрѣнія права и исторіи. Земскіе соборы Московскаго государства, какъ легко усматривается это изъ самой исторіи ихъ—не были учрежденіемъ ограничительнымъ. Будучи вызваны къ жизни самими государями Московскими, они подавали имъ руку помощи и содѣйствіе всей земли русской въ тяжелыя, критическія для государства эпохи жизни — но не ограничивали самодержавной власти ихъ. Напротивъ, земскіе соборы укрѣпили въ русской землѣ самодержавіе и помогли ему одержать полную побѣду надъ аристократическими стремленіями боярства. Избирая и утверждая новыхъ государей — избирательные земскіе соборы вручали имъ полное самодержавіе и неограниченность; таково именно значеніе земскихъ соборовъ 1598, 1613 и 1645 гг. Земскіе соборы возникли и существовали въ интересахъ государственной власти, для облегченія послѣдней дѣла государственнаго управленія; этимъ объясняется и то обстоятельство, что земскіе соборы чаще всего собирались въ тяжелыя для государства минуты, когда государственная власть должна

---

(1) *Fletcher*: «La Russie au XVI siécle», Leip. et Par. 1864, pp. 71—75.

была чувствовать себя безсильною преодолѣть встрѣчаемыя ею трудности и кризисы единичными силами своими, безъ дружнаго содѣйствія всей русской земщины. Въ эпохи спокойнаго теченія государственной жизни земскіе соборы не созывались — а земля и не думала видѣть въ этомъ нарушеніе политическихъ правъ своихъ. Изъ историческаго обзора Московскихъ земскихъ соборовъ явствуетъ вполнѣ, что земскіе соборы никогда не были для народа *политическимъ правомъ*, что въ основѣ этого явленія древне-русской земли лежалъ фактъ, а не право. Если государь усматривалъ что извѣстный вопросъ представлялся несложнымъ, если онъ усматривалъ что рѣшеніе его не требуетъ особаго напряженія силъ всей земли русской и государство въ состояніи было разрѣшить его собственными силами, — въ такомъ случаѣ земскій соборъ не созывался. Вся исторія земскихъ соборовъ ясно говоритъ въ пользу того, что земскіе соборы совѣщательные не обладали верховною государственною властью и не ограничивали самодержавія и неограниченности Московскихъ государей. Если мнѣніе земскаго собора и могло имѣть нѣкоторую принудительность по отношенію къ государственной власти — то эта принудительность была чисто нравственная, но никакъ не юридическая; государь прислушивался къ раздававшимся на земскихъ соборахъ мнѣніямъ и желаніямъ соборныхъ людей, уважая въ нихъ голосъ всей земли своей. А что Московскіе государи дѣйствительно сознавали нравственное значеніе воли земли — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Достаточно вспомнить вліяніе собора 1548 — 1549 г. на мѣры принятыя правительствомъ въ началѣ второй половины XVI вѣка, знаменитый приговоръ собора 1619 г., вліяніе челобитій земли на внутреннюю политику царей въ теченіи XVI и XVII вѣковъ и значеніе челобитій соборныхъ людей 1649 года. Профес. Сергѣевичъ, держащійся въ своемъ изслѣдованіи земскихъ соборовъ почвы вполнѣ объективной, въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ нравственную силу мнѣній земскихъ соборовъ: „. . . едва-ли можно сомнѣваться, что значеніе Московскихъ соборовъ не исчерпывается понятіемъ совѣщательнаго учрежденія: оно идетъ далѣе, хотя никакой указъ формально и не признавалъ за ними того положенія, которымъ въ дѣйствительности они пользовались. . . . . Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что москов-

скіе государи признаютъ за собою право дѣйствовать и помимо соборовъ,—этимъ правомъ они пользуются и въ эпоху соборовъ. Но рядомъ съ этимъ они признаютъ *что-то* и за народомъ, въ силу чего и обращаются иногда къ его согласію. Съ исторической точки зрѣнія, это „что-то" есть несомнѣнно слабый остатокъ порядковъ княжеской эпохи...(¹)".

Въ подчиненномъ отношеніи земскихъ соборовъ къ верховной государственной власти, въ отсутствіи въ нихъ ограничительнаго начала по отношенію къ послѣдней — лежитъ рѣзкая грань, отдѣляющая земскіе соборы отъ вѣчевыхъ собраній. Между вѣчевыми собраніями и земскими соборами не лежитъ ничего общаго. Вѣче предшествовало государству и послѣднее, образовавшись, должно было стать къ нему въ извѣстныя договорныя отношенія; земскіе соборы возникли послѣ образованія Московскаго государства, вызваны къ жизни послѣднимъ и въ интересахъ послѣдняго, вслѣдствіе чего должны были стать къ нему въ подчиненное отношеніе. Вѣче раздѣляло съ княземъ верховную государственную власть и земщина видѣла въ этомъ свое неотъемлемое право, нарушеніе котораго считали немыслимымъ какъ она сама, такъ и князья; земскіе соборы, по призыву самихъ государей Московскихъ, лишь помогали имъ нести въ тяжелые годы нерѣдко подавлявшее ихъ бремя государственной власти,—и земщина видѣла въ этомъ не столько право, сколько повинность въ пользу государства. Послѣднее отличіе вѣча отъ земскаго собора представляется чисто внѣшнимъ: въ организаціи послѣдняго лежитъ начало представительное, которое совершенно чуждо вѣчу перваго періода. К. С. Аксаковъ былъ совершенно неправъ, проводя связь между вѣчемъ и земскимъ соборомъ. Древнія областныя вѣча, говоритъ онъ, преобразились въ земскіе соборы, какъ скоро областныя общины преобразились въ одну всероссійскую общину, съ единымъ государемъ во главѣ; земскій соборъ замѣнилъ вѣче; какъ князь созывалъ вѣче, — такъ московскій царь созываетъ земскій соборъ. Первый царь, замѣчаетъ Аксаковъ, созываетъ первый земскій соборъ (²). Но въ этомъ-то и обнаружи-

(¹) *Сергѣевичъ:* «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», стр. 38.

(²) *Аксаковъ:* «Сочиненія», т I, стр. 11, 17, 18, 150, 202, 203.

вается невѣрность взгляда автора: совершенно вѣрно, что первый царь созвалъ первый земскій соборъ; но первый-ли князь созвалъ вѣче? Нѣтъ, вѣче существовало до него, а впослѣдствіе раздѣлило съ нимъ государственную власть, тогда какъ земскій соборъ вызванъ царемъ и занялъ къ нему вполнѣ подчиненное отношеніе. Въ основѣ перваго учрежденія — право, въ основѣ втораго явленія — фактъ; это существенное отличіе упущено Аксаковымъ изъ виду. Совершенно правъ профес. Соловьевъ, возражая Аксакову, что не слѣдуетъ сближать между собою явленія и выводить ихъ одно изъ другаго, коль скоро нѣтъ между ними никакой связи, коль скоро раздѣлены они между собою вѣками, что первый соборъ 1548 — 1549 г. не могъ быть слѣдствіемъ существованія когда-то вѣчей, но вытекалъ изъ желанія царя найти опору противъ заподозрѣнной дружины (¹). Впрочемъ Аксаковъ въ другомъ мѣстѣ самъ сознается, что есть обстоятельство, отличающее вѣче отъ земскаго собора: древнія областныя вѣча нерѣдко употребляли грубую силу, замѣчаетъ онъ; тогда какъ земскій соборъ имѣетъ одну чисто нравственную силу мнѣнія, безъ примѣси внѣшней принудительности (²). Но въ томъ-то и дѣло, что эта внѣшняя принудительность вѣчевыхъ собраній составляла политическое право удѣльно-вѣчевой земщины: употребленіе грубой силы —является противодѣйствіемъ его нарушенію; земскіе соборы не составляли политическаго права Московской земщины, а потому и немыслимо было примѣненіе ради поддержки ихъ грубой силы. Это другое существенное обстоятельство, упущенное Аксаковымъ изъ виду. Такимъ образомъ Московскіе земскіе соборы, ни по происхожденію, ни по внѣшней формѣ, ни тѣмъ болѣе по значенію — не должны быть приравниваемы къ вѣчевымъ собраніямъ перваго періода русской жизни.

И такъ, вполнѣ яснымъ и безспорнымъ представляется то положеніе, что Московскіе земскіе соборы не имѣли верховной государственной власти (³), не имѣли значенія огра-

(¹) *Соловьевъ:* «Шлёцеръ и анти-историческое направленіе» (Рус. Вѣстн. 1857 г., т. VIII), стр. 414.

(²) *Аксаковъ*: «Сочиненія», т. I, стр. 150.

(³) Само собою разумѣется, что это положеніе не распространяетъ силы своей на соборы избирательные которые, какъ мы знаемъ, облада-

ничительнаго, но имѣли значеніе исключительно совѣщательное, вспомогательное. Вслѣдствіе этого государи Московскіе, не видя въ фактѣ созыванія земскихъ соборовъ ни малѣйшаго умаленія самодержавныхъ правъ своихъ, но напротивъ, признавая ихъ лучшею опорою своей власти и могущества—въ лицѣ ихъ довѣрчиво обращаются къ землѣ своей за совѣтомъ и содѣйствіемъ. Кратко, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне мѣтко и сильно выражено К. С. Аксаковымъ проявлявшееся на земскихъ соборахъ обоюдное отношеніе государства и земли: „Первый царь созываетъ первый земскій соборъ. На этомъ соборѣ встрѣчаются земля и государство,—и между ними утверждается свободный союзъ. Отношенія царя и народа опредѣляются: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія. На земскомъ соборѣ торжественно признаются эти двѣ силы, согласно движущія Россію: *власть* государственная и *мысль* народная". Эти немногія строки почтеннаго истор..ка, во многомъ увлекавшагося, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко и вѣрно понимавшаго духъ древне-русской жизни—должны быть отнесены къ числу классическихъ мѣстъ литературы русской исторіи.

Историческое значеніе земскихъ соборовъ Московскаго государства весьма велико. Оно усматривается изъ обстоятельствъ, вызвавшихъ созваніе перваго земскаго собора; оно усматривается и изъ дѣяній послѣдующихъ земскихъ соборовъ. Завѣнчавъ собою дѣло внѣшняго объединенія русской земли, земскіе соборы объединили собою и внутреннюю жизнь ее, сблизили и сплотили между собою областныя земщины, дали имъ ясно сознать взаимную связь ихъ, дали имъ ясно увидѣть, что они составляютъ органическія части одного великаго цѣлаго, дали понять имъ,—выражаясь словами покойнаго Бѣляева,—что всякое отдѣленіе ихъ отъ объединившей ихъ Москвы должно равняться для нихъ самоубійству (¹); съ этой точки зрѣнія земскіе соборы явились потребностью, вызванною предшествовавшею жизнью русской земли. Земскіе соборы дали затѣмъ возможность непосредственному

ли до момента вступленія на престолъ избранныхъ ими государей полною верховною государственною властью, заступавшею отсутствующую власть царя.

(¹) *Аксаковъ*: «Сочиненія», т. I, стр. 150 и 296.

(²) *Бѣляевъ*: «Земскіе соборы на Руси», стр. 15.

единенію царя съ землею, дали возможность правительству собственными глазами видѣть истинное положеніе своего государства, слышать изъ устъ представителей самаго народа заявленія о нуждахъ и желаніяхъ своихъ, которыя не всегда совпадали съ интересами лицъ, непосредственно стоявшихъ вокругъ Московскаго престола. Смѣло, довѣрчиво и открыто звучали на соборахъ эти заявленія, наивно-откровенно обличали выборные передъ царемъ притѣсненія правительственныхъ должностныхъ лицъ, мздоимство дьяковъ, волокиту Московскихъ судовъ, жаловались на неравномѣрность службъ, на тягость податей и повинностей, на обширныя привиллегіи духовенства и т. п. Государи Московскіе съ своей стороны довѣрчиво обращались къ землѣ за совѣтомъ и за содѣйствіемъ—видя въ непосредственномъ общеніи своемъ съ народомъ вѣрнѣйшій залогъ неприкосновенности самодержавія и могущества своего. Мы смѣло можемъ сказать, что земля содѣйствовала могуществу государства, давъ государству возможность подняться до той высокой степени силы и значенія, на которую вступаетъ оно съ начала XVIII вѣка. Достаточно указать на громадное жизненное значеніе земскихъ соборовъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича; на чрезмѣрныя жертвы принесенныя въ ихъ лицѣ русскою землею для спасенія распадавшагося государства и для поднятія его на ту степень могущества, до какой оно никогда еще не достигало. Вступая на престолъ Московскій, Михаилъ Θеодоровичъ потребовалъ содѣйствія земли; земля оказала ему содѣйствіе, и совокупныя усилія обоихъ факторовъ—государства и земли—спасли государство, православіе и національность.

Весьма важное историческое значеніе земскихъ соборовъ Московскаго государства не осталось въ литературѣ безъ надлежащей оцѣнки. *К. С. Аксаковъ* первый обратилъ вниманіе на обширное значеніе земскихъ соборовъ въ государственномъ бытѣ древней Россіи, и, въ своемъ поклоненіи этому значенію,—доходитъ до идеализаціи ихъ. Важное значеніе признавалъ за Московскими земскими соборами и покойный *Бѣляевъ*. Не отрицая нѣкоторыхъ недостатковъ ихъ организаціи, усматривая въ земскихъ соборахъ лишь зародышное состояніе представительнаго учрежденія и держась вполнѣ объективнаго положенія,—вполнѣ признаетъ важное жизненное значеніе земскихъ соборовъ и *профес. Сергѣевичъ*;

этотъ почтенный изслѣдователь заявляетъ, что Московскіе „выборные люди стояли въ уровень съ ихъ высокимъ призваніемъ и хорошо понимали потребности своего времени: они безъ всякой розни соединились у престола избраннаго ими государя и не жалѣли ни жизни, ни имущества для спасенія отечества. Одной патріотической дѣятельности земскихъ соборовъ начала XVII в. уже довольно, чтобы Россія всегда вспоминала о нихъ съ благодарностью“ (¹).

Къ сожалѣнію жизненное значеніе земскихъ соборовъ Московскаго государства не всѣми признавалось въ русской литературѣ; раздавались голоса, отрицавшіе за ними какое бы то ни было значеніе. Самый рѣзкій голосъ противъ значенія земскихъ соборовъ принадлежитъ *Чичерину*. Удѣливъ 27 страничекъ своего обширнаго (въ 552 стр.) труда „О народномъ представительствѣ“ обзору Московскихъ земскихъ соборовъ—авторъ не хочетъ придавать послѣднимъ положительно никакого значенія и стремится поставить ихъ на самую нижайшую ступень ничтожества и безцвѣтности. Земскіе соборы Московскіе „крайне скудны и безцвѣтны“, нѣтъ на нихъ „ни инструкцій, данныхъ представителямъ отъ избирателей“, „ни обширнаго изложенія общественныхъ нуждъ, ни законодательной дѣятельности“, мы „не встрѣчаемъ на нихъ слѣдовъ общихъ преній, часто нѣтъ даже никакого постановленія“, земскіе соборы по бѣдности содержанія „никогда не могли сдѣлаться существеннымъ элементомъ государственной жизни“, первый земскій соборъ созванъ „единственно для того, чтобъ выслушать рѣчь царя“, для той цѣли „которая нынѣ легко достигается печатью“, въ эпоху великаго междуцарствія „государственная власть находилась въ рукахъ народа“, которому однако „не приходило на мысль считать себя верховною властью“, на избирательный земскій соборъ 1613 г. выборные созывались „какъ будто единственно для того, чтобы угадать назначеннаго Богомъ царя“, „земскіе соборы изчезли ... вслѣдствіе внутренняго ничтожества“, „они не могли дать правительству ни помощи, ни совѣта“, „царь совѣщался съ подданными, какъ помѣщикъ съ своими крѣпостными“—

(¹) *Сергѣевичъ*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», стр. 41.

такова общая характеристика Московскихъ земскихъ соборовъ, составленная Чичеринымъ ([1]). Самое поверхностное знакомство съ подлинными соборными актами способно уже раскрыть и наглядно доказать крайнюю односторонность этого воззрѣнія.

Спрашивается теперь, почему-же прекратилось въ русской государственной жизни обыкновеніе созывать земскіе соборы, если такъ велико было ихъ значеніе для ея развитія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ крайне простъ. Для полученія его нѣтъ никакой надобности доискиваться до сокровенныхъ причинъ и до замысловатыхъ комбинацій: земскіе соборы окончили свое существованіе вслѣдствіе уничтоженія причинъ вызвавшихъ ихъ къ жизни. Государственная власть окончательно выработалось въ форму неограниченнаго самодержавія; государство окрѣпло, стало на твердо выбранную дорогу и сознало духовныя и матеріальныя силы свои; находившіеся въ состояніи броженія государственные элементы были подчинены интересамъ государства, а областныя земщины сплотились и внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ въ понятіе цѣлостнаго организма, проникнутаго единствомъ духа и интересовъ. Но всѣ указанныя сейчасъ стороны государственной и общественной жизни не вдругъ получили свою законченность: въ связи съ этимъ не разомъ изчезли въ русской землѣ и земскіе соборы. Земскіе соборы вымирали постепенно, на ряду съ возвышеніемъ могущества государства, пока наконецъ государственная власть, перешедшая въ концѣ XVII вѣка въ твердую и могучую руку—не сочла наконецъ излишнимъ дальнѣйшее ихъ существованіе ([2]).

([1]) *Чичеринъ*: «О народномъ представительствѣ», М. 1866 г., глава V.

([2]) *Литература земскихъ соборовъ*. Вопросъ о земскихъ соборахъ впервые затронутъ *К. С. Аксаковымъ*, который, оригинальностью воззрѣній своихъ на это явленіе древне-русской жизни, выдвинулъ его на почву научной разработки. Аксаковъ впервые затронулъ въ печати вопросъ о земскихъ соборахъ въ своей критической статьѣ: «*По поводу VI тома исторіи Россіи г. Соловьева* (Рус. Бесѣда, 1856 г, т. IV. крит. 1—53); здѣсь высказываются важнѣйшія воззрѣнія автора на Московскіе земскіе соборы. Въ слѣдующемъ году появилось возраженіе *Соловьева* въ статьѣ: „*Шлёцеръ и анти-историческое направленіе*“, въ которомъ авторъ, разбирая ученіе славянофиловъ вообще и взглядъ

Аксакова на земскіе соборы въ частности, высказываетъ нѣсколько собственныхъ взглядовъ на земскіе соборы (помѣщено въ Рус. Вѣстникѣ за 1857 г., т. VIII. стр. 431—480). Въ томъ-же году явился отвѣтъ на эту статью *Аксакова*: *„Замѣчанія на статью г. Соловьева: Шлёцеръ и анти-историческое направленіе“* (Рус. Бесѣда, 1857 г., т. III. стр. 104—141), въ которомъ авторъ продолжаетъ развивать свои воззрѣнія на земскіе соборы. Сверхъ этихъ статей (перепечатанныхъ въ I т. собранія сочиненій автора), мы имѣемъ статью Аксакова: *„Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ“* (написано лишь вступленіе) и нѣсколькихъ замѣтокъ о земскихъ соборовъ въ его статьяхъ: *„Объ основныхъ началахъ русской исторіи“* и *„Нѣсколько словъ о русской исторіи, возбужденныхъ исторіею г. Соловьева“* (всѣ указанныя статьи находятся въ I т. «Сочиненій К. С. Аксакова», М. 1861). Послѣ Аксакова тотъ-же вопросъ разробатывали: *Павловъ П*: «О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI и XVII столѣтій» (Отеч. Зап. 1859 г., томы CXXII и CXXIII); *Щаповъ А. П*: «Земскій соборъ 1648—1649 и собраніе депутатовъ 1767 годовъ» (Отеч. Зап. 1862 г № 11) и «Земскіе соборы XVII вѣка Соборъ 1642 года» (Вѣкъ, 1862 г., № 11); *Чичеринъ Б*: «О народномъ представительствѣ» (гдѣ V глава посвящена земскимъ соборомъ), М. 1866 г.; *Бѣляевъ И. Д*: «Земскіе соборы на Руси» (Рѣчи и отчетъ Моск. Унив за 1867 г.); *Сергѣевичъ В. И.*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ» (Сборн. Госуд. Знаній, изд. В. П. Безобразовымъ, т. II. Соб 1875 г). Сравненіе русскихъ земскихъ соборовъ съ западно-европейскими представительными учрежденіями см. въ сейчасъ приведенномъ изслѣдованіи Сергѣевича, а сравненіе ихъ съ народными собраніями у другихъ славянскихъ народовъ см. въ соч. Мацѣевскаго: «Hist. prawodawstw Słowianskich», т. IV (изд. 1862 г.), раздѣлъ 15.

Конецъ перваго тома.

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И НЕДОСМОТРЫ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
1	5 снизу	объединившая	объединившую
35	9 —	1672	1682
81	2 сноска	XVIII, 2.	XVII, 42.
91	2 сноска	Кавелинъ Б:	Кавелинъ К:
100	18 сверху	*Новоторовый*	*Новоторювый*
119	9 снизу	*Фотіа*	*Фотія*
125	8 —	совѣтскою	свѣтскою
142	15 —	постановленіи	поставленіи
150	10 —	Московское	Московскіе
157	10 —	Суздальскіихъ	Суздальскихъ
162	1 сноска	руссскаго	русскаго
164	6 сверху	Сили	Силы
167	14 —	мобленовъ	молебновъ
183	15 снизу	не было	не была
184	7 сверху	такъ называя	такъ называемыя
198	2 сноска	гераляднка	геральдика

Поправка. На страницѣ 111, при обзорѣ изданій Стоглава, допущенъ важный пропускъ. Въ числѣ этихъ изданій указано изданіе Стоглава Казанскою духовною академіею (1862 г.) и Петербургское изданіе Кожанчикова (1863 г.), но упущено изъ вида самое раннее заграничное изданіе этого памятника—предпринятое *въ Лондонѣ* въ 1860 году.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ ТРУДЫ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1. Уставныя Грамоты XIV—XVI вв., съ сведеннымъ текстомъ ихъ и указателемъ-словаремъ къ нему. Два выпуска. Казань. 1875—1876 г. Ц. 1 р. 25 к.

2. Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси. Казань. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к.

3. О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ. Казань. 1877 г. Ц. 40 к.

4. Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго обычнаго права Славянъ вообще и русскихъ въ особенности. Казань. 1877 г Ц. 60 к.

Въ Казани два первыя изданія, какъ мѣстные, такъ и иногородные покупатели, могутъ пріобрѣтать изъ книжнаго магазина А. А. Дубровина (Гостиный дворъ, № 1). Послѣднія два изданія (иданныя въ пользу Славянъ Балканскаго полуострова) продаются Московскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ, черезъ его коммиссіонеровъ.

ИСТОРІЯ ПРАВА

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ТОМЪ II.

ИСТОРІЯ ПРАВА

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Н. П. ЗАГОСКИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

КАЗАНЬ.
Въ университетской типографіи.
1879.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНІЕ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Н. П. ЗАГОСКИНА.

ДУМА БОЯРСКАЯ.—ПРИКАЗЫ.

КАЗАНЬ.
Въ университетской типографіи.
1879.

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань, 12 января 1879 года.

Деканъ *Н. Кремлевъ*.

ВВЕДЕНІЕ.

Причины по которымъ не могло образоваться центральныхъ правительственныхъ установленій въ удѣльно-вѣчевой Руси. —Княжеская Дума удѣльно-вѣчевой Руси и основы ея организаціи.—Общій взглядъ на органы центральнаго управленія въ Московскомъ Государствѣ.

Въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ развитія русской государственной жизни не образовалось опредѣленнаго различія между управленіемъ центральнымъ и управленіемъ мѣстнымъ. Образованію въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ центральнаго управленія въ собственномъ смыслѣ этого слова препятствовали весьма многія условія. Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Во первыхъ, самыя волости, находившіяся въ управленіи удѣльныхъ князей, были въ большинствѣ случаевъ весьма не обширны по территоріальному протяженію своему, вслѣдствіе чего князю не представлялось никакихъ трудностей лично, безъ посредства особыхъ центральныхъ установленій, слѣдить за ходомъ правительственной жизни въ подвластныхъ ему мѣстностяхъ.

Къ этой первой причинѣ предвходитъ и вторая,—несложность самыхъ функцій княжескаго управленія. На первомъ планѣ стоитъ княжескій судъ, тѣсно связанный съ

самою администраціею, а затѣмъ дѣятельность финансовая, отправлявшаяся черезъ посредство особыхъ даньщиковъ, посылавшихся по волости для сбора дани изъ центральнаго стольнаго города княженія. Если мы будемъ имѣть въ виду обширное значеніе земскаго общиннаго суда въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ и значительную долю самодѣятельности земщины въ сферѣ финансовыхъ отношеній ея къ княжеской власти — то мы увидимъ, что самые размѣры дѣятельности княжеской власти не вызывали потребности въ организаціи болѣе или менѣе сложнаго центральнаго управленія.

Третьею причиною того обстоятельства, что въ удѣльно-вѣчевой Руси не образовалось центральныхъ правительственныхъ установленій,—служило полное отсутствіе въ самой жизни сознанія твердаго разграниченія управленій центральнаго и мѣстнаго. Извѣстно, что князья и сами въ извѣстномъ отношеніи носили характеръ правителей областныхъ; сажая по городамъ посадниками мужей своихъ, они обыкновенно удерживали извѣстное пространство территоріи въ непосредственномъ, личномъ вѣданіи своемъ—являясь здѣсь представителями мѣстной власти, наравнѣ съ посадниками посаженными ими въ другихъ округахъ ([1]). Такимъ образомъ, въ подобныхъ округахъ князь, какъ представитель центральной правительственной власти, сливался съ посадникомъ, какъ представителемъ мѣстной правительственной власти. Извѣстно наконецъ, что и по отношенію къ округамъ подвѣдомственнымъ особымъ посадникамъ, князья нерѣдко принимали характеръ представителей мѣстной власти, исключая на извѣстное время компетентность нормальной мѣстной власти первыхъ. Это имѣло именно мѣсто при княжескихъ *полюдьяхъ*, при объѣздахъ князьями волостей своихъ. Эти полюдья, носившія первоначально характеръ чисто фискальный, вскорѣ пріобрѣли уже, сверхъ того, характеръ судебный и административно-ревизіонный, являясь средствомъ контроля дѣятельности органовъ мѣстной власти. И такъ не существуетъ еще представленія о стольномъ городѣ волости, какъ о правительственномъ центрѣ, въ которомъ сходились бы всѣ нити мѣстнаго управленія, органи-

([1]) Сергѣевичъ: Вѣче и Князь, стр. 351.

ческое маневрированіе которыми сосредоточивалось бы въ рукахъ особыхъ центральныхъ установленій. Центральный городъ волости продолжаетъ сохранять первенствующее значеніе свое не столько въ качествѣ центра правительственнаго, сколько въ качествѣ центра земскаго, естественнаго, въ качествѣ города *старѣйшаго* сравнительно съ пригородами его, старѣйшаго въ смыслѣ естественнаго тяготѣнія къ нему волостныхъ земель.

При наличности указанныхъ выше условій—при которыхъ не могло возникнуть ощутительной потребности въ созданіи болѣе или менѣе сложной системы центральныхъ правительственныхъ установленій—единственными органами центральной власти являлись *вѣче* и *князь съ думою его.* Вѣче, какъ институтъ выразившій въ себѣ, послѣ факта призванія князей, значеніе компромисса между княжескою властью и автономіею земщины, какъ институтъ на почвѣ котораго сходились для преслѣдованія общихъ цѣлей начало княжеско-дружинное и начало земское, народное,—имѣло особое значеніе въ дѣлѣ призванія князей на столы, въ дѣлѣ ряда съ призванными князьями, для рѣшенія такого рода дѣлъ, въ которыхъ на помощь князю должны были прійти силы самой земщины и, весьма вѣроятно, въ важнѣйшихъ вопросахъ текущаго законодательства ([1]).

Такимъ образомъ для дѣлъ текущаго управленія вѣче могло имѣть лишь значеніе чрезвычайной инстанціи, въ содѣйствію которой обращались князья въ тѣхъ случаяхъ, когда являлось для нихъ необходимымъ знать воззрѣніе земщины на то или другое отношеніе или мѣропріятіе, заручиться ея сочувствіемъ или содѣйствіемъ; вѣче пріобрѣтало также подобное значеніе и по собственной инициативѣ, когда земщина, выведенная изъ терпѣнія злоупотребленіями князя или агентовъ его, въ лицѣ вѣча требовала отъ князя устраненія невыгоднаго для нея порядка управленія ([2]). Вслѣдствіе высказанныхъ сейчасъ соображеній, нормальными, обыкновенными органами центральнаго управленія въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ—на сколько конечно можетъ идти

([1]) На что впрочемъ, за исключеніемъ Новгорода и Пскова и указаній на ряды съ князьями, не сохранилось прямыхъ указаній.

([2]) Наприм. Полн. Собр. Лѣтоп., т. II. 2, 22 (1146 г.).

рѣчь о центральномъ управленіи за это время—являлись *князь* и *дума его*.

Въ княжеской думѣ удѣльно-вѣчеваго періода не слѣдуетъ видѣть правительственнаго установленія съ извѣстною правильною организаціею, съ опредѣленными предметами компетентности, съ твердо регулированнымми отношеніями къ князю съ одной стороны и къ мѣстному управленію съ другой стороны. Княжеская дума этого періода не представляла установленія юридически-опредѣленнаго. Она была явленіемъ чисто фактическимъ, начало котораго коренилось въ самыхъ условіяхъ государственнаго быта древней Руси—что не препятствовало ей пріобрѣсти тѣмъ не менѣе громадное значеніе въ жизни удѣльно-вѣчеваго періода. Будучи по существу своему княжескимъ совѣтомъ, Дума княжеская, въ силу условій быта удѣльно-вѣчевой Руси, дѣлается существеннымъ моментомъ государственной жизни этого періода, проникаетъ всѣ его отношенія, дѣлается главнымъ факторомъ всѣхъ явленій внутренней жизни этой эпохи. Князь и дума его представляются понятіями нераздѣльными; князь немыслимъ безъ думы: въ ней все его значеніе, все его могущество, вся его сила. Такого было фактическое состояніе отношеній между княземъ и думою его; съ такой же точки зрѣнія смотрѣло на эти отношенія и само современное общество.

Совѣщанія русскихъ князей съ дружинниками ихъ—давшія начало учрежденію извѣстному подъ названіемъ княжеской Думы—восходятъ до самаго корня русской государственной жизни, будучи непосредственнымъ продуктомъ договорнаго начала въ отношеніяхъ князей къ дружинникамъ ихъ. Подобнаго рода совѣщанія, указанія на которыя находимъ мы съ первыхъ страницъ древней русской лѣтописи—непрерывною цѣпью продолжаются во все теченіе удѣльно-вѣчеваго періода. Трудно найти страницу лѣтописи, на которой не было-бы извѣстія о совѣщаніяхъ князей съ дружинниками (¹). Типъ князя, постоянно совѣщающагося съ дружинниками своими какъ о ратныхъ дѣлахъ; такъ и о земскомъ строеньи—представляетъ намъ Владиміръ Св., прі-

(¹) См. мое изслѣдованіе: «Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси». (Каз., 1876). стр. 29—30.

обрѣтшій себѣ за эту черту политики своей расположеніе окружающихъ его и горячую похвалу лѣтописца.

Развитіе удѣльной системы не только не стѣснило обычая совѣщанія князей съ дружинниками, но даже послужило къ дальнѣйшему развитію и усиленію его. Пока княжеская власть не была еще раздроблена по удѣламъ, пока областямъ не представлялось возможности выбора въ князьяхъ первоначально совершенно, а съ теченіемъ времени являлось возможнымъ дѣлать подобный выборъ лишь изъ нѣсколькихъ князей, весьма тѣсно связанныхъ еще узами ближайшаго родства,—до тѣхъ поръ князья находили главную опору власти своей въ самомъ народонаселеніи, опираясь на которое могли они еще въ значительной степени игнорировать притязанія дружинниковъ своихъ. Но съ раздробленіемъ русской земли на цѣлую систему удѣльныхъ княженій, съ появленіемъ для отдѣльныхъ волостей ея возможности широкаго выбора между князьями развѣтвившагося рода Рюриковичей, съ появленіемъ начала *подъискиванія* лучшихъ столовъ одними князьями подъ другими, —высказывается теперь съ полною силою договорное начало въ отношеніяхъ князей къ городамъ, которое при предшедствовавшемъ единовластіи не могло вполнѣ рельефно выразиться во внѣшнихъ фактахъ. Подъискиванія столовъ въ большинствѣ случаевъ проявлялись во внѣшней силѣ, въ видѣ безпрерывныхъ усобицъ между удѣльными князьями, которыми переполнена эта эпоха развитія русской государственной жизни. Ясно, что удѣльному князю, желавшему твердо обладать столомъ и, въ случаѣ утраты его, имѣть возможность добыть себѣ новый—слѣдовало позаботиться о томъ, что бы заручить на свою сторону возможно болѣе фактической силы; а это послѣднее естественно вело къ заботамъ о возможно лучшемъ составѣ дружины, составѣ лучшемъ въ смыслѣ преобладанія какъ нравственной, такъ и физической силы. Подобное положеніе не противорѣчитъ договорному началу въ отношеніяхъ князей къ волостямъ. Нельзя не отдать полной справедливости мѣткому замѣчанію проф. Сергѣевича, что волость безъ князя была какъ безъ рукъ, а потому отказывала въ пріемѣ на княженіе первому изъ претендентовъ лишь въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ,—слѣдовательно въ подобныхъ случаяхъ весь успѣхъ князей зависѣлъ только отъ болѣе или менѣе

удачнаго устраненія другихъ претендентовъ. Сама волость въ большинствѣ случаевъ оставалась равнодушною къ борьбѣ и, урядившись съ выигравшимъ дѣло претендентомъ, признавала его до тѣхъ поръ, пока былъ онъ ей любъ или, если имѣла основанія быть къ нему равнодушною, пока не изгонялъ его новый претендентъ. Бывали конечно примѣры участія самихъ земщинъ въ усобицахъ князей, бывали примѣры земщинъ поголовно ополчавшихся за право излюбленнаго ею князя,—но, вообще говоря, народонаселеніе, по вѣрному замѣчанію С. М. Соловьева, крайне неохотно вмѣшивалось въ княжескія усобицы (1): главными дѣйствующими лицами послѣднихъ являются князья съ дружинами своими. Отсюда потребность тѣснаго союза между князьями и дружинниками; отсюда то явленіе, что въ дружинахъ ищутъ князья главной опоры для упроченія власти своей. Такимъ образомъ въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ вырабатываются два элемента,—народонаселенія волостей съ одной стороны, и князья съ дружинниками съ другой стороны, причемъ князь и дружина тѣсно соединены между особою общностью интересовъ и другими матеріально-нравственными узами. Дружинники, ввѣряя судьбу свою князю, не могли чуждаться его политики, особенно въ виду шаткости отношеній, господствовавшей въ удѣльномъ періодѣ. Это было для нихъ дѣломъ личнаго интереса. Потому то дружинники в. к. Ростислава, сѣвшаго въ 1154 г. на Кіевскій столъ, не допускаютъ его предпринять военныхъ дѣйствій, пока не урядится онъ съ Кіевлянами: „поѣде лѣпле въ Кіевъ, говорятъ они ему, же съ людьми утвердится“ (2). Дружинники, изъ собственнаго интереса, считали себя вправѣ требовать что бы князья безъ ихъ вѣдома не предпринимали никакого значительнаго предпріятія: князь легко могъ поступить опрометчиво, а всякаго рода неосторожность могла быть гибельною для князя и опасною для интересовъ окружающихъ его (3).

Изъ сказаннаго выше явствуетъ, что съ развитіемъ удѣльной системы совѣщанія князей съ дружинниками не

(1) Исторія Россіи, III, 5.

(2) П. С. Р. Л. II, 76.

(3) См. мое изслѣдованіе: «Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси», стр. 32 и сл.

только не могли умалиться, но, напротивъ, должны были имѣть мѣсто еще чаще прежняго. И въ самомъ дѣлѣ, дружинники—какъ это вполнѣ ясно усматривается изъ лѣтописей—смотрятъ на совѣщанія, на *думу* съ ними князей, какъ на свое неотъемлемое право. Добровольно содѣйствуютъ они лишь такимъ мѣропріятіямъ князя, которыя имъ вѣдомы, которыя задуманы княземъ съ ихъ согласія; припомнимъ надменный отвѣтъ лучшихъ дружинниковъ в. к. Владиміра Мстиславича, мотивирующихъсвой отказъ участвовать въ распрѣ его съ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ: „О собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали!“ (1).

Нельзя не замѣтить наконецъ, что само современное общество считало думу князя съ дружиною необходимымъ условіемъ мудраго управленія областью; вслѣдствіе этого лѣтописцы вмѣняютъ князьямъ въ высокое нравственное качество частое совѣщаніе съ мужами своими. Лѣтописецъ укоряетъ галицкаго князя Владиміра за то, что онъ „бѣ любезнивъ питію многому и *думы не любяшеть* съ мужми своими“; извѣстна похвала лѣтописца в. к. Владиміру Св. за то, что онъ „бѣ любя дружину, и съ ними думая о строѣ земленѣмъ и о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ“ (2). Дума съ дружиною была и въ интересахъ самихъ князей, давая послѣднимъ возможность пользоваться житейскою мудростью людей опытныхъ и предотвращая ихъ отъ ошибокъ и заблужденій въ дѣлѣ управленія; послѣднее объясняется какъ тѣмъ, что въ числѣ дружинниковъ находились земскіе бояре и люди, вступавшіе въ княжескую службу, такъ и тѣмъ, что въ думу свою князья допускали, какъ ниже увидимъ мы это, и лучшихъ представителей земщины. Мудрые князья любили разумныхъ совѣтниковъ, выдвигая впередъ и жалуя ихъ; „гдѣ бояре *думающіе*, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный“?—восклицаетъ разбитый Половцами Игорь Святославичъ (3). Совѣщанія князей съ дружинниками дѣлали солидарными интересы обѣихъ сторонъ; сообща задуманное предпріятіе должно было вести

(1) П. С. Р. Л. II, 97.

(2) П. С. Р. Л. I, 1, 54; II, 136.

(3) П. С. Р. Л. II, 131.

князя и дружинниковъ къ общей радости въ случаѣ успѣха, къ общему горю въ случаѣ неудачи. Этимъ объясняется то, что всякого рода насильственныя дѣянія направленныя противъ князя, распространялись всегда и противъ дружинниковъ—совѣтниковъ его; такъ въ 1177 г., послѣ пораженія княземъ Всеволодомъ Рязанскаго князя Глѣба, послѣдній захваченъ былъ въ плѣнъ а съ нимъ побѣдители „и *думцы* его извязаша всѣ, и Бориса Жидиславича, и Олстина, и Дѣдилца, и иныхъ множество (¹).

Таковы были условія быта удѣльно-вѣчеваго періода, содѣйствовавшія развитію княжеской думы въ этомъ періодѣ. Разсмотримъ самую внутреннюю организацію *княжеской думы*, на сколько возстановляется она по дошедшимъ до насъ лѣтописнымъ извѣстіямъ.

Думу княжескую составляла вся совокупность лицъ, созванныхъ княземъ для совѣщанія объ извѣстномъ предметѣ; словомъ *дума* обозначался равнымъ образомъ и самый процессъ совѣщанія. Княжеская дума собиралась въ княжескихъ хоромахъ для обсужденія всѣхъ вообще дѣлъ касающихся междукняжескихъ отношеній, законодательства и текущаго управленія — тѣхъ дѣлъ, причастными которымъ не представлялось необходимости дѣлать все населеніе; въ противномъ случаѣ дума замѣнялась вѣчемъ, которое какъ бы поглощало въ себя первую. Дума княжеская собиралась не только въ мирное время, но и въ походахъ, принимая въ послѣднемъ случаѣ характеръ военныхъ совѣтовъ, на которые допускались и вожди вспомогательныхъ войскъ, выступавшихъ съ княземъ въ походъ. Что касается княжеской думы собиравшейся въ мирное время — то мы имѣемъ основанія полагать, что она носила характеръ совѣщаній въ извѣстномъ смыслѣ постоянныхъ, обыденныхъ—въ чемъ и лежитъ существенное отличіе княжеской думы отъ вѣча созываемаго княземъ, какъ явленія исключительнаго, чрезвычайнаго. Въ своемъ знаменитомъ „Поученіи дѣтямъ", в. к. Владиміръ Мономахъ, говоря о дневныхъ занятіяхъ князя, рекомендуетъ имъ вставъ отъ сна до восхода солнца и воздавъ хвалу Богу „*сѣдше думати* съ дружиною, или люди оправливати или на ловъ поѣздити" (²). Здѣсь великій князь

(¹) П. С. Р. Л. I, 162.
(²) П. С. Р. Л. I, 102.

говоритъ о думѣ съ дружиною какъ о явленіи совершенно нормальномъ, обыденномъ, стоящемъ во главѣ ежедневнаго теченія княжескихъ занятій; лишь за отсутствіемъ необходимости думы рекомендуетъ онъ другаго рода занятія и развлеченія. Поученіе указываетъ намъ и на время засѣданій княжеской думы — раннее утро; съ этимъ вполнѣ согласуется одно мѣсто изъ житія св. Ѳеодосія, въ которомъ говорится, что однажды на утренней зарѣ Ѳеодосій встрѣтилъ бояръ, ѣдущихъ къ князю на думу (1). Наконецъ самое выраженіе Поученія „*сѣдше* думати“ — указываетъ на извѣстную правильность, на извѣстную регулярность княжеской думы.

Обращаемся къ разсмотрѣнію *личнаго состава княжеской думы*. Уже изъ самаго происхожденія и существа княжеской думы явствуетъ, что преобладающимъ элементомъ являются здѣсь лучшіе представители княжеской дружины. Но само собою разумѣется, что въ интересахъ самихъ князей было привлеченіе къ участію въ думѣ возможно большаго количества лицъ опытныхъ и разумныхъ, а такъ какъ право призывать въ думу совѣтниковъ всецѣло принадлежало князю, — то вслѣдствіе этого въ составъ княжеской думы нерѣдко входили какъ лучшіе земскіе люди, такъ и представители высшаго духовенства. Извѣстно, напримѣръ, что в. к. Владиміръ обсуждалъ вопросъ о крещеніи русской земли съ своими боярами и старцами градскими (2). Духовенство привлекалось къ участію въ думѣ княжеской преимущественно для обсужденія вопросовъ касающихся духовныхъ предметовъ; такъ въ 1159 г. князь Святославъ Черниговскій совѣтуется съ мужами своими и съ епископомъ относительно похоронъ кіевскаго митрополита Константина (3). Впрочемъ высшіе церковные іерархи — какъ представители класса, всегда пользовавшагося особымъ значеніемъ и почетомъ со стороны князей — будучи привлечены къ участію въ княжеской думѣ, оказывали рѣшительное вліяніе и на вопросы гражданскаго строенія; припомнимъ вліяніе епископовъ на св. Владиміра въ вопросѣ объ отмѣнѣ виръ и установленіи

(1) Бестужевъ-Рюминъ: Русская Исторія, I, 204.
(2) П. С. Р. Л. I, 1, 45—46.
(3) П. С. Р. Л. I, 149.

на мѣсто ихъ казни за разбои. Вообще, проведеніе въ русскій юридическій строй началъ римско-византійскаго права представляло широкую почву, на которой постоянно могли активно дѣйствовать въ княжеской думѣ высшіе представители греко-русскаго духовенства. Въ походахъ къ участію въ княжеской думѣ, принимавшей въ подобныхъ случаяхъ характеръ военныхъ совѣтовъ, допускались, наравнѣ съ дружиною, и представители земскихъ воевъ, а иногда даже и вспомогательныхъ инородческихъ ратниковъ, какъ-то половцевъ, берендичей, черныхъ клабуковъ — но конечно только для обсужденія вопросовъ, касающихся плана военныхъ дѣйствій или преодолѣнія встрѣтившихся препятствій, не касаясь дѣлъ между — княжеской политики (1).

Самая компетентность и предполагаемая мудрость рѣшеній княжеской думы требовали, что-бы количество княжескихъ совѣтниковъ не было слишкомъ ограничено; вслѣдствіе этого въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ встрѣчаемъ мы горькія сѣтованія на князей, ограничивающихъ количество своихъ совѣтниковъ. Такъ, лѣтописецъ осуждаетъ в. к. Всеволода Ярославича за то, что онъ подъ старость началъ совѣтоваться съ младшими дружинниками въ ущербъ старшимъ, вслѣдствіе чего первые стали интриговать противъ послѣднихъ; въ 1180 г. князь Святославъ Всеволодовичъ нападаетъ на Давида Ростиславича „сдумавъ съ княгинею своею и съ Кочкаремъ милостьникомъ своимъ и не повѣда сего *мужемъ* своимъ лѣпшимъ *думы своея*“ (2). Въ числѣ княжескихъ совѣтниковъ особымъ вліяніемъ пользовались старшіе дружинники—бояре и мужи—и это вполнѣ понятно: они составляли силу, игнорировать которою представлялось князю дѣломъ крайне рискованнымъ (3). Впрочемъ нѣтъ достаточнаго основанія полагать, чтобы князья призывали въ думу свою единственно только лучшихъ мужей своихъ; существуютъ свидѣтельства—хотя и рѣдкія—указывающія на совѣщанія князей даже съ одною меньшею дружиною, помимо старшей (4). Далѣе важнымъ руководящимъ

(1) См. мое изслѣдованіе: «Очерки орган. и происх. служилаго сословія и пр.», стр. 39.

(2) П. С. Р. Л. II, 122, 136.

(3) Сергѣевичъ: В. и К. 360.

(4) Сергѣевичъ: В. и К, 360.

началомъ для призыва княземъ къ участію въ думѣ совѣтниковъ служило *старшинство физическое*, въ смыслѣ возраста; съ старѣйшимъ возрастомъ соединялось представленіе о большей житейской мудрости, почему людямъ пожилымъ, убѣленнымъ сѣдинами, считалось особенно приличнымъ засѣдать въ княжеской думѣ. Вспомнимъ, что Владиміръ Мономахъ училъ дѣтей своихъ чтить „старыя яко отца“; подобнымъ же образомъ и князь Константинъ Всеволодовичъ Ростовскій, разсылая сыновей по княженіямъ, учитъ ихъ имѣть „послушаніе къ старѣйшимъ ваю, иже васъ на добро учатъ“ (1); мы знаемъ также, что в. к. Владиміръ призывалъ къ себѣ въ совѣтъ вмѣстѣ съ боярами своими и старцевъ городскихъ, съ которыми, будучи язычникомъ, совѣщается относительно жертвоприношеній богамъ, а затѣмъ — относительно своего намѣренія креститься (2). Участіе въ княжеской думѣ старѣйшихъ по лѣтамъ дружинниковъ считалось въ древне-русскомъ государственномъ быту явленіемъ столь естественнымъ и обычнымъ, что лѣтописецъ не упускаетъ случая, при видѣ нарушенія извѣстнымъ княземъ этого обыкновенія, съ энергіею возставать противъ нарушителя и даже воскликнуть подъ 1015 годомъ: „Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унъ, любя вино пити съ гусльми и *младыми совѣтники!*“ или подъ 1093 г., лѣтописецъ укоряетъ в. к. Всеволода Ярославича, который „нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ створя съ ними“ (3). Въ числѣ княжескихъ совѣтниковъ нерѣдко выдѣляются отдѣльныя личности, въ особенности пользующіяся расположеніемъ князя и вліяніемъ на него, которыя постоянно окружаютъ князя, становятся его *„милостьниками“* и преимущественно передъ другими получаютъ названіе *думцевъ* его (4).

Сообразно различнымъ нравственнымъ и интелектуальнымъ качествамъ княжескихъ совѣтниковъ, лѣтопись, кромѣ вышеуказаннаго различія совѣтниковъ старшихъ или луч-

---

(1) П. С. Р. Л. I, 102, 187.

(2) П. С. Р. Л. I, 35, 45, 46.

(3) П. С. П. Л, I, 60, 94.

(4) См. мое изслѣдованіе: «Очерки орган. и происх. и пр.», стр. 41—42.

шихъ и молодшихъ—говоритъ нерѣдко о совѣтникахъ смышленныхъ, несмышленныхъ, безумныхъ, добрыхъ, злыхъ, корыстолюбивыхъ, приписывая имъ то или другое доброе или злое вліяніе на современныя событія (¹).

Весьма мало свидѣтельствъ сохранила намъ лѣтопись относительно самаго *порядка совѣщанія* въ княжеской думѣ. Нельзя впрочемъ не отмѣтить широкой свободы мысли и личнаго убѣжденія, господствовавшей здѣсь, что вполнѣ согласуется съ самымъ характеромъ отношеній между княземъ и его окружающими. Въ княжеской думѣ каждый призванный открыто предъявлялъ свое мнѣніе, не опасаясь навлечь на себя за то княжескую опалу; думцы могли даже предъявлять мнѣнія совершенно противныя личному воззрѣнію князя, могли оспаривать послѣдняго, что технически называлось говорить „*встрѣчу*“. Нерѣдко *встрѣча* въ думѣ вела за собою оставленіе княземъ задуманнаго имъ намѣренія, относительно котораго встрѣчалъ онъ протестъ со стороны совѣтниковъ своихъ. При рѣшеніи въ думѣ извѣстнаго вопроса голоса раздѣлялись обыкновенно за и противъ, при чемъ князь, выслушавъ доводы обѣихъ сторонъ, склонялся къ тому или другому мнѣнію, если только думавшіе не приходили къ одиначеству. Возраженіе одной стороны на доводы другой носило названіе отвѣта; цѣль преній для каждой изъ сторонъ клонилась къ тому, чтобы поставить другую сторону въ невозможность *отвѣчать*, слѣдовательно принудить ее признать основательность доводовъ противниковъ (²).

Таково было устройство княжеской думы въ удѣльновѣчевой періодъ русской исторической жизни. Мы видимъ, что личный составъ ея не носилъ твердо-опредѣленнаго характера,—съ какимъ позже встрѣтимся мы въ боярской думѣ Московскаго періода,—что онъ былъ чисто случайнымъ, завися отъ усмотрѣнія князя и степени значенія и вліянія тѣхъ или другихъ лицъ въ дружинѣ княжеской, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и сознавались извѣстныя принципіальныя требованія относительно качества лицъ, долженствующихъ засѣдать въ княжеской думѣ.

(¹) Ibid., стр. 42—44.

(²) См. мое изслѣдованіе: «Очерки орган. и происх. и пр.», стр. 36—37.

Но на ряду съ княжескою думою тщетно стали бы мы искать въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ слѣдовъ центральныхъ установленій для завѣдованія отдѣльными вѣтвями управленія. Мы видѣли уже выше причины, по которымъ и не могло возникнуть въ этомъ періодѣ сколько нибудь организованной системы центральныхъ правительственныхъ установленій. Нѣчто напоминающее центральныя установленія для завѣдыванія отдѣльными родами дѣлъ могло образоваться развѣ только въ сферѣ вѣдомства княжескаго двора и княжескаго фиска, не твердо различавшагося еще отъ фиска государственнаго. Дѣйствительно, уже довольно рано встрѣчаемъ мы должности: княжескихъ дворскихъ (съ XII-го вѣка),—впослѣдствіе дворецкихъ, вѣдавшихъ дворъ князя и пользовавшихся высокимъ положеніемъ среди лицъ окружающихъ князя (1); конюшихъ тіуновъ, съ состоящими подъ ними рядовыми конюхами, вѣдавшихъ княжескія конюшни, также пользовавшихся высокимъ общественнымъ положеніемъ, что усматривается уже изъ высшаго размѣра виры (въ 80 гривенъ) опредѣляемаго за убійство конюшаго тіуна (2); ключниковъ и тіуновъ, вѣдавшихъ казну княжескую (3); ловчихъ, вѣдавшихъ княжескую звѣриную охоту (4).

Нѣтъ сомнѣнія, что вѣдомство всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ—подъ которыми состояло болѣе или менѣе значительное количество второстепенныхъ и низшихъ служителей—носило признаки извѣстной организаціи,—но тѣмъ не менѣе развѣ только съ значительною натяжкою можно видѣть въ вѣдомствахъ указанныхъ должностныхъ лицъ извѣстную организацію центральнаго управленія, хотя болѣе или менѣе ясная генетическая связь ихъ съ послѣдующими дворцовыми и казенными приказами и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Организація центральныхъ правительственныхъ установленій въ собственномъ смыслѣ этого выраженія—составляетъ достояніе Московскаго періода развитія русской государственной жизни. Въ этомъ періодѣ центральное управ-

(1) Сергѣевичъ: В. и К., 377.

(2) Текстъ Рус. Правды, изд. Н. В. Калачова, III, ст. 9—10. П. С. Р. Л. II, 1, 133.

(3) Сергѣевичъ: В. и К.. 380.

(4) П. С. Р. Л. I, 1, 104. (Поученіе Владиміра Мономаха).

леніе представляется уже въ двоякой инстанціи: верхнюю ступень его представляетъ государь съ состоящимъ при немъ совѣщательнымъ учрежденіемъ—*Государевою или Боярскою Думою*, развившеюся естественнымъ, историческимъ, путемъ изъ княжеской думы предшествовавшаго періода; вѣдомство Думы Боярской не ограничивалось какимъ либо опредѣленнымъ родомъ дѣлъ—что вытекаетъ уже изъ самаго значенія Думы, какъ органа непосредственно состоящаго при государѣ: всякое вообще дѣло, доходившее до послѣдняго,—тѣмъ самымъ могло подлежать компетентности Думы Боярской.

Вторую ступень его представляютъ *приказы*—центральныя правительственныя установленія, вѣдомства которыхъ опредѣлялись или по роду дѣлъ, или по пространству управляемой территоріи или, наконецъ, по обоимъ признакамъ въ совокупности. Позже при изложеніи исторіи Московскихъ приказовъ, увидимъ мы, какимъ образомъ и изъ какихъ элементовъ образовались эти центральныя установленія. Мы увидимъ, что ихъ возникновеніе—наравнѣ со всѣми вообще явленіями государственной жизни Московскаго государства—было естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ совершившагося факта централизаціи русской земли, а ихъ дальнѣйшее развитіе — непосредственнымъ отраженіемъ постепеннаго роста и внутренняго развитія самаго государства.

Въ виду сейчасъ лишь указаннаго двойственнаго расчлененія его, — изложеніе центральнаго управленія Московскаго государства распадется въ нашемъ трудѣ на двѣ основныя части: I) изложеніе организаціи и дѣятельности Думы Боярской и II) изложеніе организаціи и дѣятельности приказовъ. Вторая часть въ свою очередь распадется на двѣ книги: a) изложеніе общихъ началъ организаціи и дѣятельности приказовъ и b) изложеніе исторіи отдѣльныхъ московскихъ приказовъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БОЯРСКАЯ ИЛИ ГОСУДАРЕВА ДУМА.

Общее понятіе о Думѣ Боярской и ея виды.

Дума Боярская, въ эпохи нормальнаго хода жизни Московскаго государства, при наличности на престолѣ совершеннолѣтняго государя, способнаго лично сосредоточивать въ своихъ рукахъ высшее вѣданіе дѣла государственнаго управленія — носила характеръ высшаго совѣщательнаго учрежденія при особѣ государя, съ которымъ раздѣлялъ послѣдній бремя правительственной дѣятельности своей. Какъ учрежденіе совѣщательное, а не ограничительное, Московская Боярская Дума на столько лишь обладала правомъ окончательныхъ рѣшеній по дѣламъ предоставлявшимся ея обсужденію, — на сколько предоставлялъ ей это право государь, какъ представитель верховной государственной власти. Въ справедливости высказаннаго положенія убѣдимся мы изъ послѣдующаго изложенія организаціи и дѣятельности Думы Боярской.

Но Дума съ обыкновенною, нормальною степенью власти, о которой сейчасъ говорили мы — не была единственнымъ возможнымъ видомъ Думы Боярской. Всѣ писатели, затрогивавшіе вопросъ о центральномъ правительственномъ управленіи въ Московскомъ государствѣ, съ полнымъ основаніемъ различаютъ два вида ея: a) *Думу обыкновенную, съ нормальною властью*, собиравшуюся при наличности на престолѣ государя, лично способнаго къ управленію государствомъ и b) *Думу съ чрезвычайною властью*, учреждавшуюся (изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ составлялась и нормальная Дума) въ случаѣ вакантности престола или не-

совершеннолѣтія вступившаго на престолъ государя. Согласно съ двумя указанными возможными причинами возникновенія Думы съ чрезвычайною властью, самое значеніе послѣдней является опять таки двоякимъ: въ случаѣ вакантности престола — Дума Боярская олицетворяла въ себѣ верховную государственную власть; въ случаѣ несовершеннолѣтія государя — она принимала характеръ правительства (регентства). Оба эти вида Думы съ чрезвычайною властью уже были разсмотрѣны нами въ первомъ томѣ „Исторіи права Московскаго государства“, при изслѣдованіи вопроса объ организаціи верховной власти въ Московскомъ государствѣ (1), — потому въ настоящее время, во избѣжаніе повторенія, мы не имѣемъ надобности надолго останавливаться на этомъ вопросѣ.

Здѣсь нелишнимъ считаемъ мы лишь припомнить, что единственный, основанный на болѣе или менѣе твердыхъ началахъ примѣръ Боярской Думы, олицетворяющей въ себѣ верховную государственную власть — имѣемъ мы въ эпоху великаго междуцарствія 1610—1613 годовъ, когда, послѣ низложенія царя Василія Ивановича Шуйскаго, низложившій его фиктивный земскій соборъ, до предстоявшаго избранія на престолъ царя новой династіи, вручилъ управленіе государствомъ Думѣ Боярской съ бояриномъ княземъ Θеодоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ во главѣ, которой и цѣловали крестъ города, съ обязательствомъ слушаться новаго правительства, во всемъ подчиняться его суду и вмѣстѣ съ нимъ твердо стоять за государство. Въ составъ этого боярскаго правительства вошелъ весь наличный комплектъ Думы, входившій въ ея составъ до низложенія царя Василія, — за исключеніемъ только бояръ князей Дмитрія и Ивана Шуйскихъ, которые исключены были изъ состава правительствующей Думы очевидно въ видахъ родства ихъ съ низложеннымъ царемъ (2). Въ февралѣ 1611 года, въ двухъ грамотахъ изданныхъ боярскимъ правленіемъ, находимъ мы подписи всѣхъ членовъ его, изъ которыхъ и открывается, что въ составъ правительства, за исключеніемъ

(1) См. «Исторію права Московскаго государства», т. I, стр. 173 и сл., 178 и сл.

(2) Акты Ист. II, № 287 («... а князю Дмитрею да князю Ивану Шуйскимъ съ бояры въ приговорѣ не сидѣти»).

указанныхъ нами двухъ князей Шуйскихъ, дѣйствительно вошелъ весь нормальный составъ обыкновенной Думы, безъ всякихъ дальнѣйшихъ ограниченій. Подъ первою изъ этихъ грамотъ подписалось 17 бояръ, 7 окольничихъ, 2 думныхъ дворянъ, одинъ печатникъ, 4 думныхъ дьяковъ (¹). До насъ дошло довольно много актовъ правительственной дѣятельности этой Думы Боярской, которые закрѣплялись печатью боярина князя Ѳ. И. Мстиславскаго, какъ старшаго изъ членовъ Думы (²). Формула, подъ которою исходили всѣ акты боярскаго правительства, была слѣдующая: „Великаго Россійскаго царствія бояре, Ѳедоръ Мстиславской съ товарищи" (³). Боярское правительство 1610—1613 гг., скоро потерявшее впрочемъ, благодаря своимъ симпатіямъ къ королевичу Владиславу и наступившимъ событіямъ смутнаго времени, фактическую власть надъ русскими областями—продолжало тѣмъ не менѣе приписывать себѣ ее до самаго очищенія Москвы отъ поляковъ и созванія земскаго собора 1613 года (⁴).

Сохранились еще извѣстія о попыткѣ членовъ Думы Боярской стать во главѣ управленія государствомъ и заставить народъ цѣловать себѣ крестъ въ 1598 году, послѣ бездѣтной кончины царя Ѳеодора Ивановича и отказа отъ престола вдовствующей царицы Ирины; но извѣстно также, что бояре потерпѣли въ этомъ замыслѣ неудачу и временное междуцарствіе окончилось воцареніемъ Бориса Годунова (⁵).

Примѣръ правительства бояръ при малолѣтнемъ государѣ имѣемъ мы въ 1534—1547 гг. Въ 1534 году умирающій в. к. Василій Ивановичъ, оставляя преемникомъ своимъ трехлѣтняго сына Іоанна, назначилъ при немъ правительницею мать его, великую княгиню Елену, а для вспомоществованія ей въ дѣлѣ государственнаго управленія учредилъ при ней особый совѣтъ изъ бояръ: но въ сущности вся власть перешла въ руки любовника Елены—князя Ивана Телепнева-Оболенскаго. Со смертью въ 1538 году пра-

---

(¹) Акты Ист. II, №№ 321, 322.

(²) См. «Ист. права Моск. госуд.», т. I. стр. 179.

(³) Наприм. Акты Ист. II, № 316.

(⁴) См. «Ист. права Моск. госуд.», т. I, стр. 179.

(⁵) Также, стр. 178.

вительницы Елены, дѣло государственнаго управленія всецѣло перешло въ руки Думы Боярской, далеко, какъ извѣстно, не оправдавшей своего назначенія при малолѣтнемъ государѣ. Это правленіе бояръ ознаменовалось безконечными интригами, коварствомъ, взаимною борьбою партій, съ полнымъ забвеніемъ интересовъ народа и государства ([1]).

Установивъ общее понятіе о Думѣ Боярской, указавъ различіе Думы съ чрезвычайною властью и Думы нормальной и представивъ тѣ немногія свѣдѣнія, какія дошли до насъ о первомъ видѣ Думы,— мы посвятимъ дальнѣйшее изложеніе наше уже преимущественно разсмотрѣнію организаціи и дѣятельности Думы нормальной, съ обыкновенною степенью власти, дѣйствовавшей при наличности на престолѣ государей, лично способныхъ сосредоточивать въ себѣ высшее вѣданіе дѣла государственнаго управленія.

Изслѣдованіе наше о Думѣ Боярской въ Московскомъ государствѣ распадется на три отдѣла. Въ *первомъ отдѣлѣ* разсмотримъ мы историческій очеркъ развитія Думы; *во второмъ отдѣлѣ*—внутреннюю организацію, *въ третьемъ отдѣлѣ*—предметы вѣдомства Думы Боярской.

([1]) «Ист. права Моск. госуд.», т. I, стр. 175 и сл. Интересенъ отзывъ объ эпохѣ боярскаго правленія 1538—1547 гг. иноземца Петра Фрязина «... нынѣ государь малъ, бояре живутъ по своей волѣ, а отъ нихъ великое насиліе, а управы въ землѣ никому нѣтъ, а промежъ бояръ великая рознь,—того дѣля есми мыслилъ отъѣхати прочь, что въ землѣ въ русской великій мятежъ и безгосударство» (Изъ розыскнаго дѣла 1539 г. о побѣгѣ за границу П. Фрязина. Акты Ист. I, № 140).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ ДУМЫ БОЯРСКОЙ.

Измѣненіе началъ княжеской думы въ эпоху Московской централизаціи. —Боярская Дума въ концѣ XV вѣка.—Боярская Дума въ государствованіе в. к. Василія Ивановича.—Боярская Дума въ малолѣтство в. к. Іоанна IV.—Боярская Дума въ царствованіе Іоанна IV до удаленія Сильвестра и Адашева.—Измѣненія въ значеніи и составѣ Думы Боярской послѣ удаленія Сильвестра и Адашева.—Окончательное выясненіе физіономіи Думы Боярской и позднѣйшія попытки боярства возвысить правительственное значеніе ея.

Хотя Боярская Дума, въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ она въ Московскомъ государствѣ, и составляетъ собственное явленіе послѣдняго—тѣмъ не менѣе всѣ изслѣдователи русской старины вполнѣ сходятся между собою въ томъ безспорномъ положеніи, что корень ея таится въ глубинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, восходя до самаго начала русской государственной жизни. Зародышъ Думы Боярской коренится въ древней княжеской думѣ, въ исконномъ обычаѣ князей русскихъ совѣщаться съ дружинниками своими относительно всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ междукняжеской политики и внутренняго управленія.

Но Боярская Дума, историческимъ путемъ развившаяся изъ княжеской думы, естественно должна была на пути развитія своего существеннымъ образомъ видоизмѣнять начала, лежавшія въ основѣ послѣдней. Это видоизмѣненіе началъ—какъ и самое видоизмѣненіе основъ государственнаго строя на рубежѣ періодовъ удѣльно-вѣчеваго и Московскаго—совершается исподоволь, постепенно, безъ рѣзкихъ нововведеній и преобразованій. Мало дошло до насъ свѣдѣній о постепенномъ ходѣ реорганизаціи всего государственнаго строя въ теченіи конца XIII—середины XVI вѣ-

ковъ вообще и по отношенію къ реорганизаціи думы въ частности. Въ XIII в. видимъ мы еще княжескую думу на основахъ удѣльно-вѣчеваго государственнаго строя,—къ концу XVI вѣка встрѣчаемъ мы уже боярскую думу реорганизованную по началамъ Московскаго государственнаго строя; какъ совершалось постепенное измѣненіе организаціи этого учрежденія—объ этомъ можемъ мы судить лишь относительно, соображаясь съ общимъ ходомъ государственнаго развитія въ эту эпоху.

Мы видѣли, что однимъ изъ существеннѣйшихъ моментовъ существа княжеской думы удѣльно-вѣчеваго періода—служили свободныя, договорныя отношенія между князьями и дружинниками, полное отсутствіе обязательнаго начала въ службѣ послѣднихъ, что, въ связи съ обширною возможностью отъѣздовъ дружинниковъ, давало послѣднимъ возможность и основаніе смотрѣть на совѣщанія съ ними князей какъ на существенное и неотъемлемое право свое, нарушеніе котораго со стороны князя могло вести къ нарушенію договорнаго отношенія между послѣднимъ и его дружинникомъ. Такимъ образомъ дума князя съ дружинниками представлялась для перваго—требованіемъ фактической необходимости, для послѣднихъ—существеннымъ правомъ. Извѣстно, что съ постепеннымъ успѣхомъ централизаціонныхъ стремленій Московскихъ государей—который въ свою очередь обусловливался взаимодѣйствіемъ многихъ уже разсмотрѣнныхъ нами историческихъ причинъ и вліяній [1]—терпитъ коренное измѣненіе характеръ отношеній между князьями и дружинниками. Быстрый ростъ Московскаго великаго княженія, въ связи съ развивающимся самодержавіемъ великихъ князей его, идущимъ въ паралель съ разложеніемъ удѣльно-вѣчевыхъ элементовъ государственной жизни, постепенная централизаціи у Московскаго престола лучшихъ служилыхъ силъ русской земли, въ ряды которыхъ должны были стать и представители княжескихъ родовъ поглощенныхъ Москвою удѣльныхъ княженій, наконецъ постепенное фактическое и юридическое стѣсненіе возможности отъѣздовъ, въ связи съ развивающеюся вотчинною и помѣстною системою—неуносительно подрывали удѣльно-

---

[1] Исторія права Москов. государства, т. I. стр. 11 и слѣд.

вѣчевыя договорныя основы княжеской службы, заслоняя ихъ началами крѣпости и обязательной службы [1]. Прежній дружинникъ замѣняется *служилымъ человѣкомъ*, связаннымъ съ великимъ княземъ вѣрноподанническою присягою, землевладѣніемъ и соединенною съ послѣднимъ обязательною службою.

Само собою разумѣется, что измѣненіе характера отношеній между вел. князьями и служилыми людьми ихъ—не могло оставаться безъ вліянія на совѣщанія великихъ князей съ послѣдними. Если князь удѣльно-вѣчевой Руси считалъ себя обязаннымъ въ силу самаго порядка вещей обо всемъ *думать* съ своими дружинниками, если фактическая необходимость думы съ ними сводилась для него почти къ юридической обязанности, — то для Московскихъ великихъ князей, при измѣняющемся соотношеніи между государственными элементами, эта фактическая необходимость и обязательность должна была все болѣе и болѣе умаляться, представляться все болѣе и болѣе слабою. Все это должно было повести, и дѣйствительно повело, съ одной стороны къ паденію для служилыхъ людей *права* на совѣщаніе съ ними великихъ князей, съ другой стороны—къ ограниченію круга лицъ, призываемыхъ въ думу.

До тѣхъ поръ, пока централизаціонная дѣятельность Московскихъ великихъ князей не успѣла еще заручиться рѣшительнымъ перевѣсомъ надъ отживающими началами удѣльно-вѣчеваго строя, пока не завершилась еще вполнѣ политика закрѣпленія служилаго класса — великіе князья Московскіе еще всецѣло признаютъ, по крайней мѣрѣ за вліятельнѣйшими представителями служилыхъ людей своихъ, право на подачу голоса въ думѣ своей по важнѣйшимъ предметамъ управленія, продолжаютъ смотрѣть на признаніе этого права какъ на нравственную, если и не юридическую, обязанность свою. Такъ въ 1389 г. умирающій в. к. Дмитрій Ивановичъ, давая наставленіе дѣтямъ своимъ, внушаетъ имъ слѣдующія нравственныя обязанности: „.... бояре своя любите, честь имъ достойную воздавайте противу служеній ихъ, *безъ воли ихъ ничто же творити*, привѣтливи будете

---

[1] Подробнѣе см. въ моихъ: «Очеркахъ организ. и происх. служилаго сословія и пр.», стр. 60 и сл., 103 и сл.

ко всѣмъ слугамъ своимъ ([1])"; въ 1400 г. в. к. Тверской Михаилъ Александровичъ, умирая, проситъ бояръ своихъ напоминать дѣтямъ его „чтобы въ любви были, якоже указахъ имъ ([2])". Вообще, совѣщанія великихъ князей съ лучшими представителями служилыхъ людей своихъ безпрерывно продолжались во все продолженіе XIV—XV вѣковъ; въ этомъ убѣждаютъ насъ всѣ лѣтописныя извѣстія этой эпохи ([3]). Но съ конца XV вѣка великіе князья Московскіе измѣняютъ свой взглядъ на участіе служилыхъ людей въ думѣ своей, начинаютъ смотрѣть на это участіе уже не какъ на право, а какъ на обязанность служилыхъ людей, подчиняютъ думу своимъ интересамъ, видятъ въ ней учрежденіе вспомогательное, облегчающее имъ несенія государственнаго бремени, но уже ни въ чемъ не ограничивающаее ихъ полнаго самодержавія.

Еще рѣзче сказывается вторая перемѣна въ организаціи думы—ограниченіе круга лицъ въ нее допускаемыхъ. Мы видѣли, что въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ личный составъ княжеской думы не имѣлъ ничего опредѣленнаго, но на каждый данный случай представлялъ сумму всѣхъ тѣхъ дружинниковъ, мнѣніемъ и значеніемъ которыхъ не представлялось князю возможнымъ игнорировать. Князь видѣлъ себя вынужденнымъ призывать въ думу свою и такихъ дружинниковъ, отъ которыхъ могъ онъ заранѣе ожидать противодѣйствія намѣреніямъ и видамъ своимъ, но службою которыхъ приходилось ему дорожить по тѣмъ или другимъ причинамъ. Не было слѣдовательно опредѣленныхъ разрядовъ дружинниковъ, которымъ бы, уже въ силу самаго чина своего, присвоялось право засѣдать въ думѣ княжеской. Съ измѣненіемъ въ великомъ княженіи Московскомъ прежняго воззрѣнія на совѣщанія князей съ дружинниками и съ развитіемъ у престола великихъ князей іерархической лѣствицы придворныхъ чиновъ, вырабатывается воззрѣніе на соединеніе права и обязанности засѣданія въ Думѣ именно съ обладаніемъ однимъ изъ высшихъ придворныхъ чиновъ—

([1]) П. С. Р. Л. т. VIII, 56.

([2]) П. С. Р. Л. т. VIII, 74.

([3]) П. С. Р. Л., т. VI, 50, 176, 206, 224, 246, 274 и мн. др.

боярина или *окольничаго*. Боярство, бывшее въ удѣльно-вѣчевой періодъ терминомъ для обозначенія извѣстнаго фактическаго состоянія превосходства,—со времени татарскаго погрома стремится пріобрѣсти опредѣленное юридическое значеніе, значеніе высшаго придворнаго чина, который непосредственно уже можетъ быть жалуемъ княземъ. Представленіе о боярствѣ, какъ о *чинѣ*, вырабатывается довольно опредѣленно въ теченіи XIV вѣка; такъ въ 1332 г. в. к. Иванъ Калита „даде болярство на Москвѣ“ кіевскому выходцу Родіону Несторовичу,—слѣдовательно уже въ эту эпоху существовало понятіе о боярствѣ, какъ о чинѣ ([1]). Съ половины XIV вѣка встрѣчаемся мы и съ окольничествомъ, въ качествѣ опредѣленнаго придворнаго чина ([2]). Такимъ образомъ вырабатывается сознаніе о соединенности права засѣданія въ Думѣ съ обладаніемъ однимъ изъ этихъ двухъ высшихъ придворныхъ чиновъ. Служилый человѣкъ сказанный въ чинъ боярина или окольничаго—тѣмъ самымъ становился и членомъ Думы, хотя бы и былъ онъ человѣкомъ новымъ, подобно вышеупомянутому кіевскому выходцу Родіону Нестеровичу. Предоставленіе званія членовъ Думы исключительно боярамъ и окольничимъ имѣло уже мѣсто, какъ имѣются основанія полагать, во второй половинѣ XIV вѣка—когда укрѣпилось и самое понятіе боярства и окольничества, какъ высшихъ чиновъ служилой придворной іерархіи; такъ въ 1356—1387 гг. в. к. рязанскій Олегъ Ивановичъ жалуетъ монастырю село, „сгадавъ“ съ своими боярами,—„а бояре со мною были: Софоній Алтыкулачевичъ, Семенъ Өедоровичъ, Микита Андреевичъ, Тимошь Олександровичъ, Манасѣя дядько, Юрьи *окольничій*, Юрій чашникъ, Семенъ Микитичъ съ братьею, Павелъ Соробичь“ ([3]). Если въ источникахъ XIV—XVI вв. и не встрѣчаемъ мы указаній на окольничихъ, какъ членовъ Думы,—а напротивъ, говорится лишь о совѣщаніяхъ съ одними боярами,—то это обстоятельство еще не доказываетъ отсутствія окольничихъ

([1]) Погодинъ: Древ. Рос. Аристократія. Москвит. 1847 г. I. 98.

([2]) Напр. П. С. Р. Л. VIII, 21; Собр. Гос. Гр. и Дог. I. №№ 23 и 30.

([3]) Акты Историч., I. № 2.

въ Думѣ; и позже, въ XVII вѣкѣ, когда въ Думѣ засѣдали вмѣстѣ съ боярами окольничіе и думные дворяне, постоянно встрѣчаемъ мы выраженіе „поговоря съ бояры“, и даже обычною формулою думныхъ рѣшеній были слова „бояре приговорили“, безъ особаго упоминанія о прочихъ чинахъ думныхъ людей.

Необходимымъ результатомъ указанныхъ выше измѣненій въ началахъ организаціи Думы, въ связи съ усиливающимся самодержавіемъ великихъ князей Московскихъ — должно было воспослѣдовать и паденіе широкой свободы мысли и слова, господствовавшихъ въ прежней княжеской думѣ. Теперь эта свобода мысли и слова имѣетъ возможность проявляться лишь на столько, на сколько допускаетъ ее въ своей Думѣ тотъ или другой государь. Великій князь Іоаннъ III, которому предстояло еще довершить дѣло предшественниковъ своихъ нанесеніемъ окончательныхъ ударовъ остаткамъ до-Московскихъ формъ государственнаго строя земли, которому предстояла задача окончательнаго сверженія съ себя татарской зависимости—еще сознаетъ необходимость дорожить расположеніемъ и поддержкою лучшихъ служилыхъ людей своихъ, еще соблюдаетъ старинные обычаи думныхъ совѣщаній, не только допуская „встрѣчи“ себѣ въ Думѣ, но даже поощряя думныхъ совѣтниковъ своихъ къ свободному выраженію ихъ мнѣній и воззрѣній.

Иначе опредѣлилъ отношенія свои къ Думѣ сынъ и преемникъ Іоанна III, в. к. Василій Ивановичъ, который не только до крайности стѣснилъ кругъ активныхъ совѣтниковъ своихъ, ограничивъ его лишь ближайшими любимцами своими, но даже стремится стѣснить свободу слова и убѣжденій думныхъ людей своихъ, строго преслѣдуя тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли достаточно гражданскаго мужества чтобы высказывать мнѣнія, противныя личному воззрѣнію своего государя. Вдумываясь въ историческія условія государствованія в. к. Василія Ивановича, мы находимъ вполнѣ естественнымъ подобнаго рода отношенія его къ Думѣ своей. Великій князь Василій окончательно довершилъ дѣло своихъ предковъ и своего отца присоединеніемъ послѣднихъ русскихъ областей, сохранявшихъ еще большую или меньшую самостоятельность свою; зависимость отъ Орды окончательно порвана была еще въ 1480 г. в. к. Іоанномъ III и в. к. Василій, вступая на престолъ отцовскій,

съ полнымъ убѣжденіемъ могъ признать себя государемъ вполнѣ самодержавнымъ; бракъ отца его съ греческою царевною Софіею Палеологъ повлекъ за собою обширную эмиграцію къ Московскому двору вельможъ павшей Византійской имперіи и внесъ въ государственную жизнь воззрѣніе на существо верховной власти, въ духѣ традицій византійскаго цезаризма; съ объединеніемъ русской земли уничтожилась самая фактическая возможность отъѣздовъ служилыхъ людей въ другія русскія княженія, а отъѣзды за рубежъ русской земли получили значеніе государственной измѣны. Всѣ эти обстоятельства, возвысивъ самодержавіе государя и уронивъ въ соотвѣтствующей степени значеніе высшихъ представителей служилыхъ людей,—дали великому князю Василію полную возможность игнорировать значеніе Думы, сведя ее не только на степень пассивно-совѣщательнаго учрежденія, но и стѣснивъ еще до крайнихъ предѣловъ совѣщательную функцію ея. Значеніе Думы низко пало въ государствованіе Василія Ивановича. Хотя въ лѣтописяхъ и встрѣчаются въ это государствованіе постоянныя формулы „приговоривъ съ бояры", „поговоря съ бояры", „совѣтовавъ съ бояры"—но всѣ эти обычныя выраженія скрываютъ за собою формальныя, безцвѣтныя совѣщанія, на которыхъ воля великаго князя не смѣла быть въ существенныхъ основаніяхъ своихъ оспариваема никѣмъ изъ думныхъ людей—за исключеніемъ развѣ только ближайшихъ любимцевъ государевыхъ; Герберштейнъ свидѣтельствуетъ, что между совѣтниками великаго князя Василія „никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ нибудь противорѣчить ему или быть другаго мнѣнія". Бояринъ Берсень-Беклемишевъ жаловался Максиму Греку, что в. к. Василій „... упрямъ, и встрѣчи противъ себя не любитъ, кто ему встрѣчу говоритъ и онъ на того опаляется; а отецъ его князь великій противъ себя стрѣчю любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали" (¹). Въ подтвержденіе своихъ словъ, Берсень приводитъ случай изъ своей собственной думной практики: когда онъ осмѣлился однажды говорить великому князю встрѣчу по Смоленскому вопро-

(¹) Акты Археогр. Эксп., I, № 172 (Отрывокъ слѣдственнаго дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Ѳедорѣ Жареномъ).

су,—государь опалился и устранилъ его отъ себя, сказавъ: „пойди, смердъ, прочь, ненадобенъ ми еси".

Таково было значеніе Думы около первой четверти XVI вѣка.

Какъ же отозвалось это паденіе значенія Думы въ умахъ Московской служилой аристократіи? Само собою разумѣется, что она не могла оставаться равнодушною въ виду игнорированія единственнаго изъ сохранившихся правъ ея, — права вліянія на государственное управленіе, путемъ свободнаго выраженія мнѣній своихъ въ засѣданіяхъ государевой Думы. Это тѣмъ болѣе понятно, что съ паденіемъ удѣльныхъ княженій, представители владѣтельныхъ родовъ послѣднихъ вступили въ ряды служилыхъ людей московскихъ, живо сохраняя еще воспоминаніе о недавней самостоятельности своей. Представители этихъ княжескихъ родовъ въ началѣ XVI вѣка стояли во главѣ всей служилой аристократіи Московской. Такъ, при вступленіи на престолъ в. к. Ивана III было всего пять бояръ (изъ нихъ два дворецкихъ) и одинъ окольничій: изъ этихъ шести лицъ лишь одно (кн. Стрига-Оболенскій) было представителемъ рода удѣльныхъ князей—Рюриковичей, именно отрасли князей Тарусскихъ, и одно — представителемъ княжескаго рода, ведущаго свое начало отъ в. к. Гедимина Литовскаго (кн. Патрекѣевъ) (¹). Въ государствованіе Ивана III воспослѣдовало присоединеніе къ великому княженію Московскому великаго княженія Тверскаго и княженій Ярославскаго и Ростовскаго, представители владѣтельныхъ родовъ которыхъ обращаются въ служилыхъ князей Московскихъ. Дѣйствительно, при вступленіи на престолъ в. к. Василія Ивановича (1505 г.) числилось 20 бояръ и окольчихъ, въ числѣ которыхъ насчитываемъ мы пять представителей рода князей Тверскихъ, двухъ представителей рода князей Ярославскихъ, двухъ представителей рода князей Ростовскихъ, по одному представителю родовъ Тарусскихъ и Стародубскихъ,—и того 11 представителей княжескихъ родовъ, лишь незадолго до того ут-

(¹) Это исчисленіе, равно и дальнѣйшія, дѣлаются мною на основаніи „Послужнаго списка старин. чиновниковъ въ Россіи», находящагося въ XX т. Др. Рос. Вивліоѳики, и собственныхъ моихъ изысканій, находящихся въ третьемъ отдѣлѣ моего изслѣдованія: «Очерки организ. и происх. служилаго сословія и пр.» (Казань, 1876).

ратившихъ свою независимость. Затѣмъ въ 28-ми лѣтнее государствованіе в. к. Василія Ивановича, изъ 81 лица, сказанныхъ въ различные годы въ бояре и окольничіе, насчитываемъ мы 37 князей—Рюриковичей (10 изъ рода удѣл. кн. Тарусскихъ, 8—Ярославскихъ, 4—Суздальскихъ, 4—Глуховскихъ и Новосильскихъ, 3—Ростовскихъ, 3—Стародубскихъ, 2—Рязанскихъ и по одному отъ удѣльн. князей Тверскихъ, Карачевскихъ и Смоленскихъ) и 8 князей изъ родовъ, ведущихъ свое начало отъ в. к. Литовскаго Гедимина. Въ моментъ смерти в. к. Василія Ивановича изъ 21 боярина и окольничаго насчитываемъ мы 13 лицъ изъ родовъ князей — Рюриковичей (4—потомковъ удѣл. князей Суздальскихъ, 3—Тарусскихъ, 2—Ярославскихъ, 2—Глуховскихъ и Новосильскихъ, 1 — Тверскихъ, 1 — Ростовскихъ) и 2 лицъ изъ родовъ князей—Гедоминовичей. Остальныя лица находившіяся въ чинахъ боярина и окольничаго въ государствованіе Василія Ивановича—принадлежали къ болѣе или менѣе именитымъ родамъ, ведущимъ свое начало отъ татаръ и выходцевъ изъ различныхъ восточныхъ и западныхъ земель.

Таковъ былъ личный составъ государевой Думы, игнорировать значеніе котораго рѣшился в. к. Василій Ивановичъ. Реакція служилыхъ людей противъ измѣнившихся отношеній къ нимъ государя выразилась въ образованіи при дворѣ оппозиціонной партіи и въ усилившейся эмиграціи ихъ въ Литву. Но попытки оппозиціонной партіи противостать великому князю не могли увѣнчаться успѣхомъ при измѣнившемся строѣ государственныхъ отношеній; одинъ изъ представителей этой партіи, Берсень-Беклемишевъ, долженъ былъ поплатиться своею головою, другой, кн. Василій Холмскій, былъ заточенъ, а третій, кн. Семенъ Курбскій, удаленъ отъ двора. Изъ слѣдственнаго дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Ѳедорѣ Жареномъ узнаемъ мы и мотивы неудовольствія оппозиціонной партіи противъ великаго князя: „.... добръ деи былъ отецъ великаго князя Васильевъ, князь великій Иванъ, и до людей ласковъ, говорилъ Берсень Максиму Греку, ... а нынѣшней Государь не по тому, людей мало жалуетъ; .... какъ пришла сюда мати великаго князя великая княгиня Софія съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалась .... здѣсь у насъ *старые обычьи* князь великій перемѣнилъ... Лучше старыхъ обычаевъ держатися, и людей жаловати и старыхъ почитати; а нынѣ деи Государь нашъ

запершися самъ третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ (1)". Что касается отъѣздовъ представителей Московской аристократіи въ Литву—то, просматривая современные историческіе памятники, невольно поражаешься двумя явленіями: съ одной стороны огромнымъ наплывомъ лицъ, приходящихъ служить развивающемуся государству Московскому, а съ другой стороны—огромною массою служилыхъ лицъ отъѣзжающихъ съ Московской службы въ Литву. Особенно рельефно выдаются отъѣзды князей—Рюриковичей, перешедшихъ передъ тѣмъ только въ Московское подданство изъ Литвы. Относительно послѣднихъ не трудно провести разграниченіе двухъ періодовъ: до 1515 года и послѣ 1515 года. Въ первомъ періодѣ замѣчается сильное стремленіе этихъ князей переходить на Московскую службу, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ воздвигнутаго въ Литвѣ гоненія на православіе; во второмъ періодѣ замѣчаемъ обратное движеніе: многіе князья, отошедшіе къ Москвѣ, бросаютъ Московскую службу и отъѣзжаютъ обратно въ Литву, увлекая въ этомъ движеніи и представителей коренныхъ Московскихъ служилыхъ родовъ (2). Умаленіе значенія въ Думѣ представителей Московскаго родовитаго боярства повлекло за собою еще другое явленіе: возвышеніе людей неродовитыхъ, взятыхъ нерѣдко изъ народныхъ массъ, которые, не имѣя въ своемъ прошломъ тѣхъ традицій, которые выпали на долю Московской служилой аристократіи, были душою и тѣломъ преданы государямъ, приблизившимъ ихъ къ себѣ и предоставившимъ имъ вліяніе на дѣла государственныя. Въ XVI вѣкѣ получаетъ уже важное значеніе классъ дьяковъ—будущихъ воротилъ всего многосложнаго государственнаго механизма; вспомнимъ значеніе дьяка Далматова при в. к. Василіѣ Ивановичѣ, одного изъ членовъ интимныхъ совѣщаній государя „самъ третей у постели", на которыя такъ негодовалъ Берсень-Беклемишевъ, и дьяковъ Меньшого Путятина и Ѳедора Мишурина, пользовавшихся близкимъ

(1) А. А. Э. I. № 172. Здѣсь Берсень разумѣетъ интимныя совѣщанія великаго князя съ двумя любимцами его—дворецкимъ Шигоною Поджогинымъ и дьякомъ Далматовымъ.

(2) См. мое изслѣдованіе: «Очерки орган. и происх. и пр.», стр. 108—113.

довѣріемъ государя ([1]). Къ числу незнатныхъ лицъ, выдвинутыхъ в. к. Василіемъ впередъ, съ обходомъ представителей боярской аристократіи, принадлежитъ его любимецъ— дворецкій Шигона Поджогинъ и „ближніе люди" его, Василій Андреевъ Коробовъ, Иванъ Григорьевъ Мамоновъ, Дмитрій Загряжскій и др. ([2]). Наконецъ долженъ быть упомянутъ въ числѣ подобныхъ случайныхъ людей и Михаилъ Глинскій, передъ тѣмъ только перешедшій изъ Литвы на службу Василія Ивановича и къ которому далеко не дружелюбно относились родовитые бояре Московскіе, такъ что великому князю, передъ смертью своею, пришлось просить бояръ не укорять его недавнимъ пріѣздомъ, а держать за „здѣшняго уроженца,—занеже *мнѣ онъ прямой слуга* ([3])"; положеніе М. Глинскаго дѣлалось такъ шатко со смертью в. к. Василія, что при предсмертномъ совѣщаніи государя съ боярами о строеніи послѣ него государства возникъ даже вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допустить его въ думу, имѣвшую стоять во главѣ правленія государствомъ въ малолѣтство наслѣдника в. к. Василія,—что и было рѣшено въ положительномъ смыслѣ единственно только въ видахъ родства его съ великою княгинею, будущею правительницею ([4]).

Со смертью в. к. Василія Ивановича наступаетъ положеніе дѣлъ, вновь благопріятное для Московскаго боярства: на престолѣ остался трехлѣтній сынъ его Іоаннъ IV при которомъ, согласно волѣ умирающаго Василія, находилась въ качествѣ правительницы мать его, великая княгиня Елена Глинская, правившая государствомъ совмѣстно съ Думою Боярскою. Казалось бы, что наступило выгодное для боярства время, пользуясь которымъ могло бы оно возстановить утраченное значеніе свое, возвысить служившую выраженіемъ послѣдняго Думу Боярскую, сдѣлавъ ее учрежденіемъ ограничивающимъ самодержавіе. Но современное русское боярство не было достаточно сильно, достаточно сплочено для успѣшнаго выполненія подобной задачи. Раздираемое

([1]) П. С. Р. Л. VI, 268, 272.

([2]) П. С. Р. Л. VI, 257, 258.

([3]) П. С. Р. Л. VI, 271.

([4]) П. С. Р. Л. VI, 270.

безпрестанными интригами и мѣстничествомъ, пререканіями между родами мѣстными и выѣзжими—оно не могло расчитывать и на содѣйствіе не только земщины, но и низшихъ служилыхъ людей. Земщина хорошо видѣла, что въ основѣ тенденцій боярства лежатъ узко-сословные, а не обще-государственные интересы, что успѣхъ замысловъ бояръ грозитъ ей олигархіею; низшіе служилые люди съ своей стороны не имѣли ничего общаго съ боярствомъ, были отдѣлены отъ него такими преградами, случайное преодоленіе которыхъ было для нихъ возможнымъ единственно только при посредствѣ самодержавной власти государей. Стремясь возвысить свое собственное значеніе и государственное вліяніе—боярство ничего не могло обѣщать для интересовъ обще-государственныхъ. И дѣйствительно, эпоха боярскаго правленія въ малолѣтство Іоанна IV (правительница Елена скоропостижно скончалась на пятомъ году правительства, отравленная, какъ подозрѣваютъ, боярами) ознаменовалась лишь ожесточенною борьбою между боярскими родами князей Телепнёвыхъ-Оболенскихъ, Шуйскихъ, Бѣльскихъ и Глинскихъ; представители каждаго рода хотѣли стоять во главѣ Думы, выказывая непосредственное и преобладающее вліяніе на ходъ государственной жизни, каждый родъ старался „засѣсть" другой. Пошли въ ходъ обоюдныя клеветы, подозрѣнія, заточенія, убійства. Особенно отличались своимъ деспотизмомъ правители—Шуйскіе, оскорблявшіе безъ всякаго стѣсненія самолюбіе ребенка-государя, грабившіе казну и народъ, забывавшіе за личными интересами своими интересы государства и земщины, воспитавшіе въ Іоаннѣ будущую подозрительность, мстительность и жестокость его, какъ-бы народно „ретящеся", по словамъ кн. Курбскаго, „на свою и дѣтей своихъ бѣду" (1). Извѣстно, какъ отозвалось правленіе бояръ на интересахъ народа: намѣстники грабили и самовластвовали „аки львы", правда перестала доходить до государя, усилились разбои, подати и различнаго рода тягости изнуряли жизненныя силы народа и, по словамъ самаго Грознаго, весь государственный строй „поисшатался". Земля могла ясно увидѣть, къ чему вели стремленія боярства и какъ во внѣшности выражалась почти

(1) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 3), стр. 6.

самодержавная власть Думы Боярской; вторая четверть XVI стол. должна была навсегда оттолкнуть народъ отъ желанія видѣть Думу Боярскую, при настоящей организаціи ея, во главѣ правительственнаго строя.

Тяжкая эпоха боярскаго правленія не могла не отозваться на впечатлительномъ характерѣ юноши-государя: она опредѣлила его отношенія къ боярству въ послѣдующіе годы государствованія его. Переходимъ къ разсмотрѣнію этихъ отношеній, опуская общеизвѣстные факты кровавой расправы Іоанна съ правителями — Шуйскими, первыхъ годовъ самостоятельнаго и порочнаго правленія его, принятія царскаго титула и чудеснаго исправленія царя въ эпоху Московскихъ пожаровъ и мятежа. Послѣ усмиренія Московскаго бунта и послѣдовавшаго исправленія царя (1547 г.) —первенствующее вліяніе на него пріобрѣтаютъ три лица: протопопъ Сильвестръ, Алексѣй Адашевъ и митрополитъ Макарій. Одною изъ первыхъ заботъ ихъ была реорганизація Думы Государевой, обратившейся въ предшествовавшіе годы въ истинное горнило интригъ, зла и всякой неправды. По свидѣтельству кн. Курбскаго, лица эти прибираютъ царю совѣтниковъ изъ лицъ преклонныхъ лѣтъ, отличающихся разумомъ и опытностью, а также и изъ лицъ, хотя и среднихъ лѣтъ, но отличающихся качествами своими. Они убѣждаютъ царя руководствоваться мудростью этихъ совѣтниковъ и „безъ ихъ совѣту ничесоже устроити или мыслити“ (¹). Курбскій свидѣтельствуетъ, что совокупность этихъ совѣтниковъ называлась „избранная рада“—но это послѣднее выраженіе не должно насъ смущать: это одинъ изъ усвоенныхъ Курбскимъ полонизмовъ, подъ которымъ мы узнаемъ ничто иное какъ Государеву Думу, очищенную и обновленную въ своемъ составѣ; въ эрмитажномъ спискѣ записокъ Курбскаго взамѣнъ этого выраженія поставленъ древній русскій терминъ—*дума* (²). Царь совѣтовался съ этою Думою о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ: при посредствѣ ея отправлялся судъ, производилось назначеніе воеводъ и военное устроеніе, раздавались вотчины и помѣстья, сказы-

---

(¹) Сказаніе кн. Курбскаго (3 изд.), стр. 10.

(²) См. сноску *g* на стр. 10 «Сказаній кн. Курбскаго».

вались высшіе придворные чины. Разсматривая списки лицъ, произведенныхъ въ эту эпоху въ высшіе чины боярина и окольничаго—мы дѣйствительно замѣтимъ, что въ 1547—1551 гг. было значительное количество новыхъ производствъ, обновившихъ личный составъ Думы, а въ 1546—47 г. выбыло 12 бояръ и окольничихъ, изъ которыхъ 9 умерли и убиты во время Московскаго мятежа, а про троихъ бояръ просто сказано „выбыли". Въ теченіи 1547—1551 гг. вновь сказано въ чины боярина и окольничаго сорокъ лицъ, изъ нихъ 11 князей—Рюриковичей, одинъ князь—Гедиминовичъ и 28 лицъ некняжескаго происхожденія (¹). Такимъ образомъ составъ новой Думы представляетъ какъ бы компромисъ между стремленіями представителей княжескихъ родовъ, потомковъ владѣтельныхъ удѣльныхъ князей, и желаніемъ обновить составъ Думы введеніемъ въ него свѣжихъ элементовъ. Новая Дума оказалась вполнѣ на высотѣ призванія своего и ея вліяніе слѣдуетъ видѣть въ созваніи перваго земскаго собора, исправленіи Судебника и во всѣхъ лучшихъ начинаніяхъ этой свѣтлой эпохи царствованія Іоанна. Значеніе этой Думы было весьма велико,—она оказывала рѣшительное вліяніе на ходъ государственной жизни. Указанія на это находимъ мы въ перепискѣ царя съ кн. Курбскимъ, въ которой, говоря о событіяхъ послѣдовавшихъ за 1547 годомъ, царь явно укоряетъ Сильвестра, Адашева и партію ихъ въ стремленіи ограничить его самодержавіе, въ желаніи оставить ему лишь предсѣдательство въ Думѣ и честь царскаго сана, перемѣстивъ центръ государственнаго правленія въ Боярскую Думу. „Или убо сіе *свѣтло*, писалъ царь кн. Курбскому, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтенну быти, властію же ни чѣмъ же лучше быти раба?... Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?". Царь укоряетъ далѣе партію Сильвестра и Адашева въ томъ, что представители ея положили „совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ государь, а вы бъ съ попомъ владѣли", въ томъ, что Сильвестръ и Адашевъ „по-малу всѣхъ бояръ начаша въ самовольство при-

(¹) См. «Послужной списокъ и пр.» въ XX т. Др. Росс. Вивліоѳики.

водити, нашу же власть съ насъ снимающе и въ противословіе васъ приводяще, и честію мало васъ (т. е. бояръ) не съ нами равняюще"... (¹). Если мы и предположимъ, что въ перепискѣ царя съ кн. Курбскимъ многое преувеличено царемъ, что многіе изъ высказываемыхъ имъ упрековъ были плодомъ разстроеннаго воображенія его, въ родѣ, напримѣръ, укора Курбскому въ замыслѣ сдѣлаться государемъ Ярославскимъ—тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ непосредственно вытекающимъ изъ нея доводомъ въ пользу того, что Дума Сильвестра и Адашева въ значительной степени стѣсняла самостоятельность власти Іоанна.

Но вскорѣ въ Іоаннѣ проявляется, подъ вліяніемъ наущеній партіи противниковъ Сильвестра и Адашева, реакція противъ Думы съ такимъ либеральнымъ направленіемъ. Реакція началась уже вскорѣ послѣ покоренія Казани. Курбскій свидѣтельствуетъ будто царь, уже на третій день послѣ паденія Казани, разгнѣвавшись на одного изъ воеводъ, сказалъ: „Нынѣ боронилъ мя Богъ отъ васъ". Курбскій объясняетъ значеніе этихъ словъ тѣмъ, будто царь хотѣлъ высказать ими боярству, что онъ давалъ ему волю до тѣхъ поръ, пока держалась Казань, такъ какъ нуждался въ немъ для покоренія этого царства, но что теперь является ему возможность игнорировать его значеніе (²). Но особенно подѣйствовалъ на царя поступокъ бояръ—приверженцевъ Сильвестра и Адашева—во время тяжкой болѣзни его 1553 года: эти бояре у постели находившагося при смерти царя отказались цѣловать крестъ четырехлѣтнему сыну его Дмитрію, имѣя въ виду возвести на престолъ двоюроднаго брата царя, князя Владиміра Андреевича. Этотъ поступокъ, глубоко затронувшій самую чувствительную сторону сердца Іоанна—уже не могъ быть забытъ имъ по выздоровленіи. Оправившись отъ болѣзни, Іоаннъ поѣхалъ на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь; по пути, въ Пѣсношскомъ монастырѣ, посѣтилъ онъ бывшаго Коломенскаго епископа, Вассіана Топоркова, пользовавшагося большимъ вліяніемъ при в. к. Василіѣ Ивановичѣ и затѣмъ, въ эпоху боярскаго правленія, лишеннаго епархіи, извѣстнаго приверженца абсолю-
[illegible]

(¹) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 3), стр. 149, 150, 163, 193.
(²) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 3), стр. 33.

тизма и яраго противника боярства. На вопросъ царя о средствахъ лучшаго управленія государствомъ, Вассіанъ даетъ ему извѣстный совѣтъ: „Аще хощеши самодержцемъ быти, не держи собѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя.... Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу собя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ". Князь Курбскій замѣчаетъ по этому поводу, что Вассіанъ далъ царю этотъ совѣтъ по „древней своей обыкновенной злости, яко и отцу его древле ложное сикованціе шепталъ", тогда какъ, по мнѣнію Курбскаго, ему надлежало бы посовѣтовать царю „самому быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды" (¹). Такимъ образомъ умъ царя, подстрекаемый врагами Сильвестра и Адашева, сталъ склоняться къ политикѣ отца его: Іоаннъ рѣшается принизить значеніе боярства и Думы своей. Съ 1560 года Іоаннъ начинаетъ открытую борьбу съ боярами. Сильвестръ и Адашевъ удалены отъ двора, царь подпадаетъ вліянію новыхъ совѣтниковъ, противниковъ партіи Сильвестра и Адашева, таившихся во время силы послѣдней и теперь рѣшившихся поднять головы свои: началась мрачная эпоха опалъ и казней. Князь Курбскій, во второмъ посланіи своемъ къ Іоанну, укоряетъ его, что онъ возвратился къ порокамъ юности своей „за совѣтомъ и думою любимыхъ ласкателей (льстецовъ)" своихъ; пишетъ что самъ дьяволъ поднесъ ему „вмѣсто избранныхъ и преподобныхъ мужей, правду ти глаголющихъ не стыдяся, прескверныхъ паразитовъ и маньяковъ, вмѣсто крѣпкихъ стратиговъ и стратилатовъ, прегнуснодѣйныхъ и богомерзкихъ Бѣльскихъ съ товарищи" (²). Дума Сильвестра и Адашева падаетъ: часть членовъ ея кончаетъ жизнь отъ руки палача или удаляется въ изгнаніе, другая часть постепенно вытѣсняется новыми элементами, направленными въ новомъ духѣ политики Іоанна.

Преслѣдуя боярство и вводя въ составъ Думы своей людей приверженныхъ самодержавію и чуждыхъ аристократическимъ тенденціямъ боярства, царь Іоаннъ создаетъ новый придворный чинъ *думнаго дворянина*, который становится третьимъ въ порядкѣ придворной служилой іерархіи, непосредственно слѣдуя за чинами боярина и окольничаго;

(¹) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 3), стр. 37—38.
(²) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 3), стр. 215.

лица имъ облекаемыя, получаютъ право засѣдать въ Думѣ Боярской наравнѣ съ боярами и окольничими. Учрежденіе чина думнаго дворянина должно было служить средствомъ умѣренія аристократическаго элемента въ составѣ Думы Боярской; оно давало возможность вводить въ составъ Думы людей незнатнаго происхожденія, людей для которыхъ въ силу послѣдняго обстоятельства закрытъ или, по крайней мѣрѣ, до крайности затрудненъ былъ доступъ къ высшимъ чинамъ боярина и окольничаго, но дарованія и опытность которыхъ могли быть полезны въ Думѣ. Для царя Іоанна учрежденіе новаго чина представлялось особенно выгоднымъ потому, что давало ему возможность вводить въ Думу свою вновь возвышаемыхъ имъ любимцевъ своихъ, не прибѣгая къ пожалованію имъ двухъ высшихъ чиновъ и тѣмъ представлять въ лицѣ ихъ противовѣсъ аристократическимъ элементамъ Думы,—окончательное изгнаніе которыхъ изъ Думы не могло быть предпринято царемъ безъ окончательной ломки древнихъ обычаевъ и понятій. Въ боярскихъ спискахъ чинъ думнаго дворянина впервые встрѣчается въ 1572 году, подъ названіемъ „дворянинъ въ Думѣ", причемъ первымъ дворяниномъ въ Думѣ показанъ Романъ Васильевичъ Олферьевъ, вторымъ—Михаилъ Андреевичъ Безнинъ (¹). Но въ источникахъ нашли мы случай, относящійся еще къ 1562 году, нахожденія въ составѣ Думы лица, не имѣющаго ни чина боярина, ни чина окольничаго; именно въ разрядѣ этого года, при исчисленіи лицъ, бывшихъ въ походѣ съ государемъ, послѣ перечисленія думныхъ людей, подъ рубрикой „въ судѣ у бояръ", упомянутъ нѣкто Петръ Васильевичъ Зайцевъ (²). Въ слѣдующемъ 1563 году это лице было сказано въ окольничіе (³). Въ 1578 г. было уже пять дворянъ „которые въ думѣ" (⁴).

Преслѣдуя боярство и стараясь по возможности устранять его отъ непосредственнаго вліянія на дѣла государственнаго управленія, Іоаннъ, подобно отцу своему, обра-

(¹) См. «Послужной списокъ и пр.» въ XX т. Др. Росс. Вивліоѳики, стр. 52—53.

(²) Др. Росс. Вивл., т. XIII (изд. 2), стр. 331.

(³) Др. Росс. Вивл., т. XX, стр. 46.

(⁴) Др. Росс. Вивл., т. XIV, 351 (Разрядъ 1578 г.).

щаетъ особое вниманіе на усилившійся съ конца XV вѣка классъ дьяковъ, людей пера а не меча,—возвышая ихъ и вручая имъ центральное управленіе различными родами дѣлъ; дьяки являются въ XVI вѣкѣ правителями приказовъ и проявляютъ въ этомъ званіи непосредственное вліяніе на дѣла государственнаго управленія, мало по малу забирая въ свои руки отдѣльныя нити, приводящія въ движеніе весь механизмъ государственной жизни. Въ эти приказы мало по малу перетягивается изъ Думы Боярской центръ тяжести правительственной дѣятельности. Въ лицѣ кн. Курбскаго—Московское боярство негодуетъ на подобное усиленіе дьяческаго приказнаго начала: „*писари* же наши русскіе,— пишетъ кн. Курбскій въ своей исторіи царя Іоанна —имъ же князь великій зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ“ (1).

Подъ вліяніемъ рѣзкаго и крутаго оборота въ отношеніяхъ царя Іоанна IV къ боярству во вторую половину его государствованія—надломленно было значеніе боярства, низвергнуты были стремленія бояръ бороться съ развивающимся абсолютизмомъ во имя традицій предшествовавшаго періода русской исторической жизни, и тѣмъ положенъ былъ царемъ Іоанномъ IV завершающій камень въ зданіе, въ теченіи трехъ вѣковъ возводившееся его предшественниками. Дума Боярская окончательно выяснила свою будущую физіономію: она получила значеніе высшаго совѣщательнаго учрежденія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, безъ всякаго ограничительнаго для представителя верховной государственной власти начала; правительственная же функція ея, во всемъ подчиненная волѣ государя, свелась къ значенію высшей судебно-административной инстанціи. Степень автори-

---

(1) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 3), стр. 43. Терминъ «*писарь*»— одинъ изъ употребляемыхъ авторомъ полонизмовъ, соотвѣтствующій Московскому термину «*дьякъ*». Для убѣжденія въ этомъ см. П. С. Р. Л., т. VI, стр. 52, 248, 250, 251, 259, 300 и др.: здѣсь вездѣ при описаніи дипломатическихъ отношеній съ Литвою, литовскіе *писари* сопоставляются съ Московскими *дьяками*.

тетности и власти Думы стала отнынѣ въ зависимости отъ той степени значенія, которую придавалъ ей тотъ или другой государь, какъ непосредственно подчиненному ему вспомогательному правительственному установленію.

Если мы и въ послѣдующія эпохи встрѣчаемъ стремленія боярства поднять Думу до значенія учрежденія ограничительнаго по отношенію къ власти государей Московскихъ, —то мы вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что эти стремленія проявлялись лишь въ эпохи междуцарственныя, въ виду избранія на престолъ государей новой династіи; видимъ также, что эти стремленія были чисто-сословными, не находившими себѣ отголоска въ низшихъ разрядахъ служилыхъ людей и въ народныхъ массахъ.

Укажемъ важнѣйшія изъ проявленій аристократически-сословныхъ тенденцій боярства.

Въ 1598 г. умеръ бездѣтнымъ царь Ѳедоръ Ивановичъ, завѣщавъ престолъ супругѣ своей царицѣ Иринѣ, которая, какъ извѣстно, отказалась отъ принятія царскаго сана, удалившись въ Новодѣвичій монастырь. Пользуясь наступившимъ междуцарствіемъ, бояре вознамѣрились захватить власть въ свои руки что-бы, облекшись ею, устроить государство согласно своимъ видамъ и интересамъ. И вотъ, во время большаго народнаго совѣщанія въ Кремлѣ по поводу воспослѣдовавшаго передъ тѣмъ отреченія вдовствующей царицы Ирины—вышелъ къ народу печатникъ и дьякъ посольскаго приказа Василій Щелкаловъ съ предложеніемъ цѣловать крестъ Боярской Думѣ. Но народъ отнесся къ этому предложенію крайне несочувственно; раздались возгласы: „Не знаемъ ни князей ни бояръ, знаемъ только царицу: мы ей дали присягу и другой не дадимъ никому!" Василій Щелкаловъ, удалившись къ боярамъ и переговоря съ ними, вторично вышелъ къ народу съ новымъ требованіемъ дачи присяги на имя Думы Боярской, заявивъ объ окончательномъ отреченіи Ирины отъ своихъ правъ на престолъ,—но народъ, съ своей стороны, вторично отказавшись цѣловать крестъ боярамъ, провозгласилъ царемъ брата вдовствующей царицы, боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова. Но бояре и при этомъ оборотѣ дѣлъ не упали духомъ, надѣясь принудить Бориса цѣловать государству крестъ на ограничивающей самодержавную власть его грамотѣ,—но осторожный

Годуновъ дождался утвержденія себя земскимъ соборомъ и тѣмъ избѣгъ принятія условій, подготовлявшихся для него боярами [1].

Попытка бояръ, неудавшаяся по отношенію къ Борису Годунову, вполнѣ удалась имъ по отношенію къ кн. Василію Ивановичу Шуйскому, избранному на Московскій престолъ послѣ убіенія самозванца. Шуйскій долженъ былъ, между прочимъ, въ клятвенной записи своей дать обѣщаніе не судить и не наказывать никого безъ боярскаго приговора. Существуютъ свидѣтельства, что и эта мѣра бояръ не встрѣтила особеннаго сочувствія въ народныхъ массахъ [2].

Затѣмъ ограничительныя условія предложены были и польскому королевичу Владиславу, при избраніи его въ 1610 году на Московскій престолъ. Въ числѣ этихъ условій встрѣчаемъ мы слѣдующія: a) Держать по достоинствамъ бояръ и всякихъ чиновъ людей Московскаго государства; b) Не тѣснить и не принижать въ чести Московскія княжескія и боярскія роды передъ пріѣзжими иноземцами; c) Измѣненія въ законодательствѣ производить не иначе какъ по совѣщанію съ *боярами* и всею землею; d) Безъ боярскаго суда и приговора не казнить смертью, не посылать въ заточенье и не конфисковать имуществъ; e) Не набавлять податей и налоговъ и не вводить новыхъ безъ вѣдома бояръ [3].

Наконецъ и при избраніи на престолъ царя Михаила Θеодоровича Романова бояре расчитывали усилить свое значеніе и, въ лицѣ Думы Боярской, поставить противовѣсъ самодержавной власти государя. Но результаты достигнутые въ этомъ отношеніи боярами не были уже исключительно сословными: благодаря самодѣятельности земщины въ дѣлѣ возстановленія въ русской землѣ потрясеннаго смутнымъ временемъ государственнаго наряда, причемъ земщинѣ приходилось стать даже въ явный антагонизмъ съ боярствомъ, и благодаря избранію царя Михаила на престолъ земскимъ соборомъ—главнымъ подспорьемъ молодому царю въ дѣятельности

---

(1) Соловьевъ: «Исторія Россіи», VIII, стр. 10 (втораго изд.).

(2) См. мою: «Исторію права Московскаго государства», т. I, стр. 148.

(3) А. А. Э. II, № 165.

его служили земскіе соборы. Со времени воцаренія династіи Романовыхъ, въ критическіе моменты государственной жизни, государи обращались за поддержкою непосредственно къ самому народу, и боярство должно было окончательно отказаться отъ послѣдней надежды ограничить самодержавіе посредствомъ усиленія значенія Боярской Думы, неизлечимые удары которой нанесъ еще царь Іоаннъ IV.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ДУМЫ БОЯРСКОЙ.

Глава I.

Названіе и личный составъ Думы.

I. Названіе.—II. Думные чины. Происхожденіе и значеніе чина думныхъ дьяковъ.—Личный составъ Думы въ разл. эпохи.—Частное значеніе терминовъ «думные люди» и «бояре».—Бояре и окольничіе большихъ и меньшихъ статей, ближніе и комнатные.—Мнѣніе о реформахъ Лжедимитрія въ личномъ составѣ Думы.—Пожалованіе въ думные чины и соотношеніе ихъ съ точки зрѣнія производства въ нихъ.—Обрядность сказыванія думныхъ чиновъ и послѣдствія его (крестное цѣлованіе).—Жалованье думныхъ людей, денежное и помѣстное.—Общественное значеніе и преимущества думныхъ людей.—Случаи расширенія нормальнаго состава Думы.—Участіе въ Думѣ лицъ царскаго рода, патріарха и членовъ освященнаго собора.—Эксперты въ Думѣ.—Случаи сокращенія нормальнаго состава Думы —Ближняя и Тайная Дума.

Названіе разсматриваемаго нами учрежденія Думою *Боярскою*—не есть историческое: оно создано уже наукою, путемъ общей концепціи существа самаго учрежденія. Въ источникахъ Московскаго періода мы не встрѣчаемъ этого термина,—его не приводитъ и Котошихинъ, современникъ царя Алексѣя, обстоятельно описавшій намъ государственное устройство своей эпохи. Въ источникахъ рѣдко встрѣчаемъ мы даже названіе *Дума*, да и то безъ прилагательнаго *боярская*,—а еще рѣже присоединялся къ этому термину эпитетъ *государевой* (1). Чаще всего понятіе Думы Боярской

(1) Изъ случаевъ послѣдняго рода укажемъ слѣдующій: Въ 1614 г. посылается польскимъ панамъ грамота «отъ бояръ и отъ окольничихъ и ото всее *Царскаго величества думы*». Собр. Гос. Гр. и Дог., III, № 24.

выражается въ источникахъ описательно, напримѣръ: „Бояре окольничіе и думные люди“, „всѣ бояре“, „поговоря съ бояры и думными людьми,“ „бояре приговорили“, „царь указалъ и бояре приговорили“, „царь съ бояры приговорилъ“, „взнести къ боярамъ“ и т. п. Часто также понятіе Думы Боярской выражалось словомъ *палата* (¹) и терминомъ *верхъ* (²); послѣднее слово обозначало вообще верхніе этажи царскихъ хоромъ, въ которыхъ помѣщались палаты торжественныхъ собраній, совѣтовъ и аудіенцій и жилые покои царскаго семейства. Въ отдѣльныхъ случаяхъ къ общему названію *палата* присоединялось наименованіе той именно изъ палатъ, въ которой имѣло въ данномъ случаѣ мѣсто засѣданіе Думы; такимъ образомъ для выраженія понятія Думы Боярской создавались для отдѣльныхъ случаевъ наименованія *Золотой Палаты*, *Золотой меньшой Палаты*, *Переходной Палаты*, *Столовой Палаты* (³). Въ тѣхъ случаяхъ, когда засѣданіе Думы имѣло мѣсто во внутреннихъ покояхъ государя, въ кабинетѣ его,—выражаясь языкомъ нашихъ дней,—тогда въ источникахъ для обозначенія понятія Думы Боярской употребляется выраженіе „*въ комнатѣ*“ (⁴)“.

Но, въ виду необходимости для науки имѣть твердо-опредѣленные термины для выраженія тѣхъ или другихъ понятій и въ виду замѣчательной мѣткости и характерности названія Думы Боярской для выраженія понятія разсматриваемаго нами учрежденія, мы, сдѣлавъ вышеприведенную оговорку о условно-историческомъ его характерѣ—будемъ также употреблять его въ дальнѣйшемъ изложеніи.

(¹) Уложеніе, гл. X, 2; П. С. З. № 838. Припомнимъ молитву возглашаемую въ эктеніѣ: «о всей *полатѣ* и воинствѣ ихъ Господу помолимся».

(²) П. С. З. №№ 582, 621; Акты Истор., II, №№ 63, 85 (I), 92 (IX), IV, № 62 (V); А. А. Э., II, № 64; Дворц. Разр. I, 140 и др.

(³) П. С. З. №№ 760, 161, 885; Др. Росс. Вивл., т. XX, 312; П. С. З. № 1491; А. А. Э. IV, № 240; Дворц. Разр. III, 1363; П. С. З. № 617; Дв. Разр. III. 1392; Др. Росс. Вивл. т. XVII, стр. 133.

(⁴) Напримѣръ: «Великіе Государи, сей докладной выписки слушавъ въ *комнатѣ*, указали и бояре приговорили . . .». См. П. С. З. № 965; Акты Арх. Экс., IV, №№ 278, 280, 287, 288, Акты Ист. V, № 226 и др.

Переходимъ къ расмотрѣнію *личнаго состава* Думы Боярской.

Въ предшествовавшей главѣ, говоря о ходѣ измѣненій, имѣвшихъ мѣсто въ организаціи княжеской думы паралельно съ успѣхомъ развитія Московскаго великаго княженія, замѣтили мы, что кругъ лицъ, пользующихся правомъ быть призываемыми въ Думу, постепенно стѣсняется и въ результатѣ вырабатывается сознаніе о соединенности званія думнаго совѣтника съ нахожденіемъ служилаго человѣка въ одномъ изъ двухъ высшихъ придворныхъ чиновъ—*боярина* и *окольничаго*. Съ конца третьей четверти XVI вѣка, какъ мы видѣли также, вводится въ Боярскую Думу новый разрядъ совѣтниковъ — *думные дворяне*, чинъ которыхъ становится третьимъ въ порядкѣ старшинства придворной лѣствицы чиновъ; мы видѣли и вліяніе, которое должно было имѣть введеніе въ Думу лицъ, облеченныхъ этимъ новымъ чиномъ, на общій характеръ этого учрежденія. Съ конца XVI вѣка появляется въ Думѣ Боярской новый разрядъ членовъ — *думные дьяки*. Чинъ думнаго дьяка сдѣлался четвертымъ въ служилой придворной іерархіи, непосредственно слѣдуя въ порядкѣ старшинства за чиномъ думнаго дворянина. Время учрежденія чина думнаго дьяка неизвѣстно; весьма вѣроятно, что оно восходитъ къ эпохѣ царствованія царя Іоанна IV. По крайней мѣрѣ въ 1588 году, какъ свидѣтельствуетъ Флетчеръ, уже было 4 думныхъ дьяка, входившихъ въ составъ Думы Боярской и вмѣстѣ съ тѣмъ находившихся во главѣ управленія четырьмя четвертями того времени—Разрядомъ (Вас. Щелкаловъ), Посольскимъ приказомъ (Андрей Щелкаловъ), Помѣстнымъ (Елизаръ Вылузгинъ) и Казанскимъ Дворцомъ (Дружина Петелинъ) (1). Имѣя въ виду это двоякое значеніе думныхъ дьяковъ, во первыхъ — какъ

(1) Giles Fletcher: La Russie au XVI siècle. (Leipzig et Paris, 1864). I, 93—94 и 109. Замѣтимъ, что Флетчеръ путаетъ должности Василія Щелкалова и еще одного думнаго дьяка—Сапуна Абрамова. Онъ говоритъ, что въ Разрядѣ засѣдаетъ Вас. Щелкаловъ, но должность его *теперь* отправляетъ нѣкто Сапунъ Абрамовъ. Дѣло оказывается въ томъ, что въ годъ его пребыванія въ Москвѣ произошло перемѣщеніе думныхъ дьяковъ: Василій Щелкаловъ переведенъ изъ Разряда въ Посольскій Приказъ, на мѣсто выбывшаго брата своего Андрея Щелкалова, а на мѣсто В. Щелкалова назначенъ думнымъ дьякомъ Разряда С. Абрамовъ (см.

членовъ засѣдающихъ въ Думѣ Боярской, а во вторыхъ—какъ первоприсутствующихъ четырехъ основныхъ приказовъ конца XVI вѣка, мы легко можемъ себѣ представить, какъ именно образовалась должность ихъ. Мы уже въ предшествующей главѣ замѣтили, что съ конца XV вѣка получаетъ особое значеніе классъ дьяковъ, которымъ поручается вѣданіе тѣхъ или другихъ вѣтвей современной администраціи,—отвуда и возникло начало Московскихъ приказовъ. Съ развитіемъ приказной дѣятельности и съ окончательнымъ принятіемъ Боярскою Думою значенія высшей судебной и административной инстанціи—должно было возникнуть постоянное общеніе, постоянныя правильныя отношенія, между Думою и приказами. Дума должна была быть постоянно знакома съ направленіемъ дѣятельности приказовъ; послѣдніе въ свою очередь должны были быть знакомы съ направленіемъ господствующимъ въ Думѣ, для сообразованія съ нимъ собственной дѣятельности своей. Словомъ—должна была быть сознана потребность въ живой связи Думы съ приказами. Самымъ естественнымъ средствомъ удовлетворенія этой потребности могло быть соединеніе званія членовъ Думы Боярской съ званіемъ первоприсутствующихъ важнѣйшихъ приказовъ. И вотъ тѣмъ дьякамъ — первоприсутствующимъ приказовъ, которымъ присвоивалось государемъ право присутствія въ Думѣ Боярской, и давалось названіе *думныхъ дьяковъ*, обратившееся скоро въ четвертый по порядку старшинства придворный чинъ. Таково несомнѣнное происхожденіе думныхъ дьяковъ. Мы сейчасъ видѣли, что въ 1588 году званіе четырехъ думныхъ дьяковъ дѣйствительно соединялось съ званіями первоприсутствующихъ четырехъ основныхъ приказовъ. Но можно думать, что дьяки, вѣдавшіе первоначальные четвертные приказы, и раньше допускались къ участію въ засѣданіяхъ Думы Боярской; такъ еще въ 1547 году находимъ извѣстіе что на судѣ у царя сидѣли всѣ бояре, одинъ окольничій и *четыре дьяка* (1). Естественнымъ образомъ возникаетъ слѣ-

---

Разряды 1588 г. въ XVI т. Др. Росс. Вивл.), такъ что съ 1588 г. четырьмя думными дьяками являются слѣдующіе: Вас. Щелкаловъ (Посол. пр.), Сап. Абрамовъ (Разрядъ), Елиз. Вылузгинъ (Помѣстн. пр.), и Друж. Петелинъ (Казан. дворецъ). (См. А. И. II, № 7, Др. Рос. Вивл. XVI, 412; А. А. Э. II, стр. 42; А. И. I, № 133).

(1) Акты отн. до юрид. быта др. Россіи, I, стр. 214.

дующій вопросъ: были ли думные дьяки, въ качествѣ лицъ входящихъ въ составъ Думы Боярской, активными членами послѣдней, другими словами, предоставлялось ли имъ право голоса въ думныхъ засѣданіяхъ или они были исключительно лишь главно-завѣдующими думнымъ дѣлопроизводствомъ? Мы лично съ полнымъ убѣжденіемъ склоняемся къ первому предположенію, т. е. что думные дьяки были активными, имѣющими право голоса, членами присутствія Думы. И въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить что-бы думные дьяки, состоявшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и приказными судьями,—мы не видимъ примѣровъ думныхъ дьяковъ которые состояли бы исключительно при Думѣ, не будучи вмѣстѣ съ тѣмъ приказными судьями,—не имѣли права голоса въ засѣданіяхъ Думы Боярской, а были бы лишь простыми дѣлопроизводителями и исполнителями думныхъ рѣшеній. Въ запискѣ о царскомъ дворѣ и государственномъ устройствѣ, составленной въ 1610—1613 гг. для королевича Владислава, въ видахъ избранія его на Московскій престолъ, читаемъ мы: „Повинность бояромъ, и окольничимъ, и *дьякомъ думнымъ*: быти всегда на Москвѣ, при Государѣ безотступно, и *засѣдать* въ Палатѣ, *думати* о всякихъ дѣлѣхъ, о чемъ государь раскажетъ“ (¹); здѣсь ясно говорится о думныхъ дьякахъ вовсе не какъ о завѣдующихъ думною канцеляріею—какъ обыкновенно понимаютъ значеніе ихъ въ Думѣ—а какъ объ активныхъ, имѣющихъ право голоса, членахъ Думы. Флетчеръ также, исчисливъ всѣхъ современныхъ ему думныхъ людей, а въ числѣ ихъ и четырехъ думныхъ дьяковъ—замѣчаетъ про перечисленныхъ имъ лицъ: „... всѣ они *члены* совѣта“ (²). Наконецъ въ грамотахъ посылавшихся въ эпоху смутнаго времени отъ имени Боярской Думы, думные дьяки всегда исчисляются заурядъ съ высшими разрядами думныхъ людей, какъ активные члены Думы, и, въ качествѣ таковыхъ, прикладываютъ къ этимъ грамотамъ свои руки вмѣстѣ съ прочими думными людьми, а не просто закрѣпляютъ ихъ, какъ слѣдовало бы ожидать отъ лицъ

(¹) Акты Историч., II, № 355.

(²) G. Fletcher: La Russie etc., I, 109.

исключительно завѣдующихъ дѣлопроизводствомъ [1]. Активное участіе думныхъ дьяковъ въ засѣданіяхъ думы усматривается и изъ формы крестоприводныхъ записей для нихъ [2]. Думные дьяки не могли быть исключительно завѣдующими дѣлопроизводствомъ и канцеляріею Думы (какъ называютъ ихъ многіе изслѣдователи, и въ томъ числѣ Неволинъ) уже и потому, что при Боярской Думѣ въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ не видимъ мы никакихъ слѣдовъ канцеляріи. Да въ ней, съ развитіемъ приказной администраціи, и не представлялось надобности: дѣла изъ приказовъ вносились въ Думу судьями послѣднихъ и самые доклады изготовлялись въ приказахъ, а не въ Думѣ; равнымъ образомъ и рѣшенія Думы сообщались къ исполненію въ тотъ или другой приказъ, къ вѣдомству котораго они относились. Слѣдовательно отсутствіе собственной канцеляріи въ Думѣ безъ всякаго ущерба восполнялось канцеляріями отдѣльныхъ приказовъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ Приказы стали назначаться, кромѣ дьяковъ, также и лица принадлежащія къ тремъ высшимъ разрядамъ думныхъ людей, и съ развѣтвленіемъ съ конца XVI вѣка самой системы приказовъ,—думные дьяки получаютъ значеніе приказныхъ судей не имѣющихъ одного изъ трехъ высшихъ чиновъ, дающихъ право на засѣданіе въ Думѣ, но которымъ предоставлено это право или въ виду отсутствія въ данномъ приказѣ судьи трехъ высшихъ чиновъ или, при наличности таковаго, въ уваженіе личныхъ достоинствъ лица; а каждый приказъ долженъ былъ имѣть хотя бы одного судью—думнаго человѣка, черезъ посредство котораго вносились бы въ Думу дѣла и поддерживалась съ нею органическая связь.

Посмотримъ теперь, какъ великъ былъ въ различныя эпохи наличный составъ Думы Боярской. При вступленіи на престолъ в. к. Ивана III наличный составъ Думы былъ весьма ограниченъ: въ ней числилось всего пять бояръ (изъ нихъ два дворецкихъ) и одинъ окольничій,—всего слѣдовательно шесть членовъ. Въ государствованіе Іоанна III этотъ составъ значительно усиливается медіатизованными родами,

---

[1] См. Акты Ист., II, №№ 321, 322. Собр. Гос. Гр. и Дог. II стр. 399, 405, 407.

[2] Др. Росс. Вивл., т. VIII (изд. 2), стр. 64, 91.

удѣльныхъ князей, такъ что при восшествіи на престолъ в. к. Василія Ивановича находимъ мы уже 13 бояръ, одного дворецкаго, одного казначея и 6 окольничихъ; но вмѣстѣ съ этимъ усиленіемъ личнаго состава Думы начинаетъ падать, какъ мы выше видѣли, самое значеніе этого учрежденія. При вступленіи на престолъ Іоанна IV (1533 г.) было 20 бояръ, одинъ казначей и одинъ окольничій.

При воцареніяхъ послѣдующихъ государей, личный составъ Думы выражается въ слѣдующихъ цифрахъ.

При воцареніи:

Ѳедора Ивановича—10 бояръ, 1 окольничій, 1 крайчій, 1 казначей и 8 думныхъ дворянъ.

Бориса Годунова—18 бояръ, 8 окольничихъ, 3 думныхъ дворянъ.

Дмитрія Самозванца—18 бояръ, 10 окольничихъ, 2 думныхъ дворянина.

Василія Шуйскаго—29 бояръ, 14 окольничихъ, 4 думныхъ дворянъ.

Михаила Ѳеодоровича Романова—20 бояръ, 9 окольничихъ, 1 думный дворянинъ.

Алексѣя Михайловича—13 бояръ, 4 окольничихъ, 1 казначей, 1 дум. дворянинъ.

Ѳедора Алексѣевича—23 боярина, 12 окольничихъ, 1 крайчій, 1 казначей, 1 постельничій, 21 думный дворянинъ, 6 думныхъ дьяковъ.

Іоанна и Петра Алексѣевичей—67 бояръ, 3 крайчихъ, 57 окольничихъ, 2 постельничихъ, 38 думныхъ дворянъ. 14 думныхъ дьяковъ (¹).

Но само собою разумѣется, что исчисленный составъ Думы представляется идеальнымъ, представляющимъ собою лишь сумму лицъ, имѣющихъ по своему положенію *право* присутствовать въ Думѣ; *фактически же* лишь часть этихъ лицъ, и безъ сомнѣнія меньшая, принимала постоянное участіе въ засѣданіяхъ Думы. Другая часть служила внѣ Москвы, такъ какъ званіе члена Думы не обусловливало спеціальнаго вида службы, но обыкновенно соединялась съ другими видами службы, или въ самой Москвѣ, или внѣ ея.

(¹) См. въ XX т. Др. Росс. Вивл. «Послужные списки, и пр.», стр. 3, 12, 26, 59, 68, 74, 79, 87, 101, 126, 421.

Въ Москвѣ думные люди назначались приказными судьями, что вносило живую органическую связь между Думою и отдѣльными приказами. Внѣ Москвы думные люди опредѣлялись воеводами по городамъ, отправлялись съ войсками въ походы, командировались на посольскіе съѣзды или назначались править посольства въ иноземныя государства.

Изъ приведеннаго исчисленія думныхъ людей въ различныя эпохи замѣчаемъ мы, что количество думныхъ дьяковъ указывается здѣсь лишь съ воцаренія Ѳедора Алексѣевича, когда оно было уже довольно значительно — именно равнялось шести. До восшествія на престолъ ц. Ѳеодора количество думныхъ дьяковъ не указывается въ послужныхъ списковъ—быть можетъ потому, что до конца царствованія Алексѣя Михаиловича оно было ограничено извѣстнымъ maximum'омъ, именно количествомъ четырехъ, что служило продолженіемъ стариннаго воззрѣнія на думныхъ дьяковъ, какъ допущенныхъ въ Думу дьяковъ—завѣдующихъ четырмя основными четвертными приказами. Современникъ ц. Алексѣя, Григорій Котошихинъ, бывшій подъячій Посольскаго приказа, слѣдовательно человѣкъ близко знакомый съ приказною организаціею описываемой имъ эпохи (1660—1664 г.), пишетъ, что думныхъ дьяковъ бываетъ „три или четыре, а болши четырехъ не бываетъ (1)"; и дѣйствительно, въ 1661 г. встрѣчаемъ мы только трехъ думныхъ дьяковъ: Сем. Заборовскаго (въ Разрядѣ), Алмаза Иванова (въ Посольскомъ и Новгородскомъ приказахъ) и Лар. Лопухина (въ Казанскомъ дворцѣ) (2). Въ восполненіе свѣдѣній о количествѣ думныхъ дьяковъ въ различныя эпохи предшествовавшія концу царствованія Алексѣя Михаиловича, т. е. той эпохи, когда изчезаетъ старинное представленіе объ ограниченіи количества думныхъ дьяковъ четырьмя, представлю собранныя мною свѣдѣнія о количествѣ думныхъ дьяковъ въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣковъ. Мы уже знакомы съ свидѣтельствомъ Флетчера о четырехъ думныхъ дьякахъ (Вас. Щелкаловъ, Андрей Щелкаловъ, Елиз. Вылузгинъ и Дружина Петелинъ) бывшихъ въ Россіи въ его время (1588 г.); замѣтимъ здѣсь, что свидѣтельство Флетчера съ матема-

(1) Котошихинъ (изд. 2), стр. 19.

(2) Дворц. Разряды. III, 539; III. 538; Акты Ист., IV, № 157.

тическою точностью подтверждается отечественными источниками (1). Въ томъ же 1588 г. Ан. Щелкаловъ выбылъ и четвертымъ думнымъ дьякомъ является Сапунъ Абрамовъ (2). Затѣмъ, въ годъ воцаренія Бориса Годунова (1598 г.), подъ утвержденною грамотою объ его избраніи подписались четыре-же думные дьяка: Елиз. Вылузгинъ, Сапунъ Абрамовъ, Иванъ Нармацкій, Аѳон. Власьевъ (3). Въ 1600 году нашли мы извѣстія о трехъ думныхъ дьякахъ: Елиз. Вылузгинъ (Помѣстн. пр.), Сапунъ Абрамовъ (Разряда) и Аѳан. Власьевъ (Казанск. Дв.) (4); неизвѣстно, оставался ли въ это время въ думныхъ дьякахъ Ив. Нармацкій. Въ 1606 г., при Самозванцѣ, упоминаются четыре думные дьяка: Иванъ Грамотинъ, Аѳон. Власьевъ, Андрей Ивановъ и Василій Ивановъ (5). Въ 1611 г., подъ грамотами отъ Боярской Думы, подписывались четыре думные дьяки: Василій Яновъ, Василій Телепневъ, Иванъ Чичеринъ, Овдокимъ Витовтовъ (6). Въ 1613 г., подъ грамотою объ избраніи на царство Михаила Романова, подписался лишь одинъ думный дьякъ—Сыдавный Васильевъ,—но уже въ первые два года царствованія этого государя (1913—1914 гг.) встрѣчаемъ мы извѣстія о трехъ думныхъ дьякахъ: Сыдавномъ Васильевѣ (въ Разрядѣ), Петрѣ Третьяковѣ (въ Посол. Пр.) и Алексѣѣ Шапиловѣ (въ Казанск. Дворцѣ) (7); былъ ли вмѣстѣ съ ними и думный дьякъ помѣстный — объ этомъ не могли мы найти свѣдѣній. Въ 1637 году числилось три думныхъ дьяка: Иванъ Гавреневъ

---

(1) Вас. Щелкаловъ думный дьякъ Разряда: Др. Росс. Вивл., т. XVI, 412, Доп. къ А. И. I, ст. 203; Ан. Щелкаловъ — Посол. Приказа: Доп. къ А. И. I, ст. 193 и 205; Ел. Вылузгинъ — Помѣстнаго Приказа: Симбирскій Сборникъ, Разрядовъ стр. 143; Др. Петелинъ — Казанскаго Дворца: Доп. къ А. И. I, № 157, А. И. I, № 133.

(2) См. выше примѣч. къ стр. 41.

(3) А. А. Э. II, стр. 42—43.

(4) Симбирскій Сборн., Разрядовъ стр. 143, также, стр. 146; А. И. II, № 20 и 38.

(5) Устряловъ: «Сказанія соврем. о Димитріѣ Самозванцѣ», II, 202, 216, 224 и примѣчаніе 108.

(6) Акты Ист. II, №№ 321, 322.

(7) Собр. Гос. Гр. и Дог. III. № 18, Акты Ист. III. № 31; А. А. Э. III. № 21; Викторовъ: Описанія записныхъ книгъ и бумагъ дворцов. приказовъ, I, 84, Акты Ист. III, № 7.

(въ Разрядѣ), Θедоръ Лихачевъ (въ Посольскомъ пр. и Новгор. Четверти) и Михайло Даниловъ (въ Помѣст. Пр.); въ Казанскомъ Дворцѣ не было думнаго дьяка, такъ какъ его вѣдалъ бояринъ (кн. Бор. Мих. Лыковъ) ([1]). Въ 1645 г.,— годъ воцаренія Алексѣя Михаиловича,—состояло также три думныхъ дьяка: Иванъ Гавреневъ (по прежнему въ Разрядѣ), Мих. Волошениновъ (второй Разрядный думный дьякъ) и Григорій Львовъ (въ Посол. пр. и Новгор. четверти); въ Казанскомъ Дворцѣ первоприсутствовалъ бояринъ (кн. Ник. Ив. Одоевскій), а въ Помѣстномъ Приказѣ должность думнаго дьяка, послѣ выбытія Мих. Данилова, была въ этомъ году вакантна ([2]). Въ 1658 году было четыре думныхъ дьяка: Сем. Ив. Заборовскій, Лар. Дм. Лопухинъ, Алмазъ Ивановъ и Дем. Мин. Башмаковъ ([3]). Такимъ образомъ вполнѣ подтверждается историческими фактами свидѣтельство Котошихина о томъ, что думныхъ дьяковъ бывало трое или четверо, а болѣе четырехъ не бывало ([4]). Но съ конца царствованія Алексѣя Михаиловича теряетъ значеніе это историческое начало и исчезаетъ связь званія думныхъ дьяковъ съ должностями первоприсутствующихъ четырехъ основныхъ приказовъ; мы видимъ примѣры появленія думныхъ дьяковъ и въ другихъ приказахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое увеличеніе количества ихъ—которое доходитъ при воцареніи Θеодора Алексѣевича до 6, а при воцареніи Іоанна и Петра Алексѣевичей—до 14.

([1]) Дворц. Разр. II, 500 и 619, также, II, 483 и Дун. къ А. И. II, № 56; Архива Минист. Юстиціи Записн. книги Московскаго Стола № 4, листы 1—3; Акты Ист. III, № 184 и Дворц. Разр. II, 571.

([2]) Дворц. Разр. III, 13 и 33; Дворц. Разр. II, 750 и Акты Ист. IV, № 6 (I): Дворц. Разр. II, 730 и Записная кн. Моск. Стола (Архива Мин. Юстиціи) № 6, л. л. 1—3; Акты Истор. III, № 240. Въ Помѣстномъ Приказѣ думн. дь. Мих. Даниловъ былъ еще въ 1640 г., а въ 1646 назначенъ думнымъ дьякомъ Θедоръ Елизаровъ (Зап. кн. Моск. ст. № 5; Акты Ист. III. № 232 и Дворц. Разр. III, 34).

([3]) Списки боярскіе, хранящ. въ Архивѣ Мин. Юстиціи, кн. 5 (1658 г.), листъ 23 обор.

([4]) Впрочемъ думный дьякъ получавшій званіе *печатника* исключался изъ общей нормы четырехъ думныхъ дьяковъ и въ Посольскомъ приказѣ все таки, и помимо его, сидѣлъ думный дьякъ. См. Ак. Ист., II. №№ 321, 322.

Маржеретъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, будто число думныхъ дворянъ также ограничивалось извѣстнымъ количествомъ,—именно говоритъ, что ихъ не бывало болѣе шести человѣкъ (1); но свидѣтельство его не вполнѣ подтверждается историческими фактами: мы видѣли, что при вступленіи на престолъ Ѳедора Іоанновича количество думныхъ дворянъ доходило до восьми, хотя въ послѣдующее время, до воцаренія Іоанна и Петра Алексѣевичей, количество ихъ дѣйствительно не превышало шести человѣкъ.

Какъ члены Думы Боярской—бояре и окольничіе противопоставлялись думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ; послѣднимъ двумъ разрядамъ членовъ присвоивалось наименованіе *думныхъ людей* по преимуществу. Такимъ образомъ въ источникахъ, когда имѣется въ виду исчислить составъ лицъ, образующихъ Думу или, вообще, дѣлается исчисленіе служилыхъ людей различныхъ чиновъ—обыкновеннымъ является употребленіе выраженія: „бояре, окольничіе *и думные люди*“ (2). Съ другой стороны замѣчается расширеніе выраженія *бояре* для обозначенія имъ всѣхъ вообще разрядовъ членовъ Думы; въ такомъ смыслѣ должны быть понимаемы обычныя формулы „бояре приговорили“, „говоря съ своими Государевыми бояры“ и т. п., въ которыхъ не исчисляются въ отдѣльности различные разряды думныхъ членовъ (3).

Кромѣ дѣленія всѣхъ вообще членовъ Думы по придворнымъ чинамъ, которыми они облечены, т. е. на бояръ, окольничихъ и думныхъ людей въ тѣсномъ смыслѣ слова—думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ—члены Думы пер-

---

(1) Устряловъ: Сказанія современ. о Димитріѣ Самозванцѣ, I. 281.

(2) Наприм. Дворц. Разр. II, 100, 141, 150, 204, 208, 213; III, 379; А. А. Э. IV, № 59; Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, стр. 403 и в. мн. др. случаи.

(3) Замѣчательный образецъ расширенія понятія *бояръ* въ смыслѣ *всѣхъ* членовъ Думы видимъ у Котошихина: «А бываютъ съ тѣми послами *въ отвѣтѣхъ бояре*: одинъ бояринъ изъ первые статьи родовъ, третей или четвертой человѣкъ; другой менши того той же статьи родовъ, или другой; да *окольничей*, или два, *да думной посольской діакъ*». Или нѣсколькими строками выше: «.... и царь посылаетъ къ посламъ *изъ нихъ же отвѣтныхъ бояръ* думнаго *дьяка*» (Котошихинъ, гл. V, ст. 4—5).

выхъ двухъ чиновъ, бояре и окольничіе, различались также по степени знатности ихъ родовъ—по чести—и по степени близости ихъ къ особѣ государя. Въ первомъ отношеніи различались бояре и окольничіе родовъ *большихъ* и *меньшихъ статей*; принадлежность боярина или окольничаго по своему роду къ большей или меньшей статьѣ играла особенно важную роль при назначеніи ихъ въ чужія края послами, причемъ назначеніе послами представителей болѣе знатныхъ родовъ служило выраженіемъ уваженія къ тому государству, въ которое они отправлялись (¹). Основаніемъ указаннаго различенія бояръ и окольничихъ по статьямъ служило начало, по которому роды болѣе знатнаго происхожденія съ большею легкостью достигали высшихъ придворныхъ чиновъ; въ этомъ послѣднемъ отношеніи всѣ роды Московской служилой аристократіи могутъ быть сгруппированы въ три категоріи: одни роды проходили службу исключительно только въ боярахъ, другіе роды проходили службы какъ въ чинахъ боярина, такъ и въ чинахъ окольничаго, но не спускаясь ниже этихъ чиновъ, наконецъ третьи роды служили только въ окольничихъ и думныхъ дворянахъ, не достигая боярства (²). Такимъ образомъ бояринъ изъ рода относящагося къ первой категоріи—долженъ быть отнесенъ къ большей статьѣ; бояринъ же изъ рода относящагося ко второй категоріи—къ меньшей статьѣ. Точно также окольничій, который по породѣ своей могъ дослужиться до боярства—относится къ числу окольничихъ большей статьи; окольничій же, достигшій этимъ чиномъ вершины карьеры своей и который по своей породѣ не можетъ достигнуть боярства—есть окольничій меньшей статьи (³). Во второмъ отношеніи, т. е. по степени близости ихъ къ особѣ государя, нѣкоторые бояре и окольничіе выдѣлялись изъ среды собратій своихъ въ качествѣ *комнатныхъ* или *ближнихъ*. Котошихинъ связываетъ понятіе комнатнаго или ближняго боярина и окольничаго съ прохожденіемъ лицемъ службы, до полученія одного изъ выс-

(¹) Котошихинъ, гл. IV, ст. 1—3.

(²) Котошихинъ, гл. II, ст. 1—3. Сравни въ моемъ изслѣдованіи: «Очерки орган. и происх. служил. сословія въ до-Петровской Руси (Каз. 1876 г.) стр. 179—185.

(³) Котошихинъ, гл. IV, ст. 1—3.

шихъ чиновъ, въ должности спальника, которая, уже по самому существу своему, сближала облеченнаго ею человѣка съ особою государя. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что въ спальники, по выбору царя, опредѣлялись лишь дѣти бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, „а иные въ такой чинъ добиваются и не могутъ до того прійти". И вотъ съ теченіемъ времени спальники сказывались, принадлежащіе къ большимъ родамъ—въ бояре, принадлежащіе къ меньшимъ родамъ—въ окольничіе, „кого чѣмъ царь пожалуетъ, по своему разсмотрѣнію, и называютъ ихъ комнатный бояринъ или окольничей, а въ посольственныхъ письмахъ пишутъ ближними бояры и окольничими, потому что *отъ близости* пожалованы" (1).

Здѣсь умѣстнымъ считаемъ мы указать неосновательность мнѣнія, существующаго въ литературѣ, о преобразованіяхъ, будто-бы произведенныхъ Дмитріемъ. Самозванцемъ въ личномъ составѣ Думы Боярской. Карамзинъ, а за нимъ и Троцинъ, утверждаютъ, будто Самозванецъ переименовалъ всѣхъ думныхъ людей въ *сенаторы*, увеличилъ число ихъ до 70 человѣкъ, введя въ составъ Думы патріарха, четырехъ митрополитовъ, семь архіепископовъ и трехъ епископовъ (2). Мнѣніе о *преобразованіи* Думы Самозванцемъ не находитъ себѣ никакаго оправданія. Основаніемъ его послужила польская записка о лицахъ духовнаго и свѣтскаго состоянія, составлявшихъ „совѣтъ Его Цесарской милости", составленная секретаремъ Самозванца Яномъ Бучинскимъ (3). На оборотѣ ея надписано „Ordo senatorum Moskiewskich",—и въ этой то надписи лежитъ корень ошибочнаго мнѣнія. Второе основаніе его—наименованіе Беромъ (Конрадъ Буссовъ) членовъ Думы сенаторами (4). Врядъ-ли нужно доказывать, что наименованіе полякомъ, вдобавокъ на странной смѣси латинскаго и польскаго языковъ, русскихъ думныхъ людей—сенаторами, да такое же наименованіе ихъ иностранцемъ, безъ наличности какихъ либо другихъ дока-

(1) Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

(2) Карамзинъ: Ист. Гос. Росс., т. 11, стр. 208 (изд. 1853 г.); Троцинъ: Исторія судебн. учрежденій въ Россіи, стр. 60.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 93.

(4) Устряловъ; Сказ. соврем. о Дм. Сам., I, 49.

зательствъ—вовсе не служитъ доводомъ въ пользу переименованія русскихъ думныхъ людей сенаторами; если мы будемъ основываться на тѣхъ терминахъ, которыми окрещивали иноземцы древнія русскія учрежденія и должности—то рискуемъ дойти до крайне фантастическихъ результатовъ. Сейчасъ убѣдимся мы, что не воспослѣдовало даже никакого увеличенія личнаго состава Думы. Высшіе представители русской церковной іерархіи призываемы были во многихъ случаяхъ къ участію въ думныхъ совѣщаніяхъ, какъ скоро увидимъ мы, и до и послѣ Самозванца,—слѣдовательно обозначеніе въ запискѣ Бучинскаго, въ числѣ совѣтниковъ царскихъ,—пятьнадцати высшихъ церковныхъ іерарховъ, не можетъ считаться указаніемъ нововведеній Самозванца, тѣмъ болѣе что въ самой запискѣ духовные совѣтники исчислены подъ рубрикою „Совѣта духовныхъ" (Rada ducgowna), свѣтскіе—подъ рубрикою „Совѣта свѣтскихъ" (Rada swiecka); слѣдовательно ясно указывается различіе совѣтовъ духовнаго и свѣтскаго (т. е. Освященнаго Собора и Думы)—внѣшнимъ образомъ соединяемыхъ лишь для извѣстныхъ дѣлъ. А что участіе въ царскомъ совѣтѣ духовныхъ особъ не было постояннымъ—это выясняется, во первыхъ тѣмъ, что немыслимо, что бы наприм. митрополитъ Казанскій или Новгородскій, или архіепископы Смоленскій или Астраханскій, или епископъ Корельскій—могли быть членами обыкновенной, повседневной Думы, а во вторыхъ и тѣмъ, что мы имѣемъ примѣръ *боярскаго* приговора въ царствованіе Самозванца, изложеннаго по обычной формѣ думныхъ рѣшеній, въ которомъ, какъ и во всѣхъ актахъ его правленія, ни слова не говорится ни о *сенаторахъ*, ни о постоянныхъ духовныхъ членахъ Думы [1]. Что касается исчисленныхъ въ запискѣ свѣтскихъ членовъ *сената* Самозванца (31 боярина, 16 окольничихъ и 6 думныхъ дворянъ), то общее число ихъ, сравненное съ числомъ думныхъ людей всѣхъ трехъ разрядовъ при царяхъ Василіѣ Шуйскомъ и Михаилѣ Ѳеодоровичѣ—также не укажетъ на искуственное усиленіе личнаго состава Думы. Такимъ образомъ, при всемъ уваженіи къ памяти Н. М. Карамзина, оказывается невозможнымъ согласиться съ его замѣчаніемъ о преобразовані-

---

[1] Акты Истор., II, № 63.

яхъ сдѣланныхъ будто бы въ Думѣ при Самозванцѣ: организація Думы оставалась неизмѣнною въ его кратковременное царствованіе.

Пожалованіе думными чинами, какъ и пожалованіе во всѣ чины и должности вообще, носило техническое названіе „*сказки чина*" и вполнѣ зависѣло, какъ и дальнѣйшее повышеніе думными чинами—отъ непосредственнаго усмотрѣнія государя: „А кому, говоритъ Котошихинъ, царь похочетъ вновь дати боярство, и окольничество и думное дворянство.... и такимъ даетъ честь и службу, по своему разсмотрѣнію, кто въ какой чинъ и честь годенъ". Нѣсколько выше имѣли мы уже случай замѣтить, что существовала извѣстная связь между родовитостью лица, „его породою", и большею или меньшею легкостью съ какою удавалось ему достигать высшихъ придворныхъ чиновъ. Такъ, существовали именитые роды (до 31), которые во все теченіе Московскаго періода бывали въ боярствѣ; существовали роды (до 71) которые достигали окольничества, но для которыхъ недостижима была боярская честь; наконецъ остальной массѣ служилыхъ родовъ никогда не удавалось достигать даже окольничьей чести (1). Нѣкоторые роды проходили службу исключительно лишь въ боярскомъ чинѣ, которое представлялось для нихъ какъ-бы наслѣдственнымъ (2); слѣдовательно наслѣдственный характеръ принимало для нихъ и самое право засѣданія въ Думѣ Боярской. Въ этомъ, до извѣстной степени аристократическомъ характерѣ высшихъ чиновъ боярина и окольничаго проявляется начало, которое успѣла отвоевать себѣ русская служилая аристократія въ XVI вѣкѣ, въ эпоху борьбы ея съ развивающимся самодержавіемъ, уступивъ послѣднему въ своихъ стремленіяхъ ограничить его собственнымъ значеніемъ своимъ. Самъ Грозный царь счелъ себя безсильнымъ открыто демократизировать аристократическій характеръ этихъ высшихъ чиновъ и, желая

(1) См. мое изслѣдованіе: «Очерки орган. и происх. служ. сосл. и пр.», стр. 182.

(2) Котошихинъ, гл. II, ст. 1. См. также въ моемъ изслѣд.: «Очерки орган. и происх. служилаго сословія и пр.» выводы на стр. 149 и 152—153, изъ которыхъ выясняется, что главный контингентъ этихъ родовъ дали потомки удѣльныхъ князей—Рюриковичей.

умѣрить его въ Думѣ своей, долженъ былъ искать выходъ въ учрежденіи чина думнаго дворянина; вынужденными уважать его видѣли себя и государи послѣдующаго времени, пока не сокрушила его табель о рангахъ Петра I.

Въ Московскомъ государствѣ не было твердо опредѣленнаго іерархическаго порядка перехода, въ постепенности прохожденія службы, изъ низшаго служилаго чина въ высшій,—что вполнѣ вѣрно и по отношенію къ сказыванію въ думные чины. Все зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія царя и родовитости служилаго человѣка.

Рассматривая отдѣльные случаи сказыванія думныхъ чиновъ, мы увидимъ, что идеально-нормальнымъ путемъ пожалованія боярства было производство въ этотъ чинъ изъ чина окольничаго (1); но въ отдѣльныхъ случаяхъ находимъ мы примѣры производства въ бояре, минуя промежуточные чины, изъ стольниковъ (2) и даже изъ дворянъ (3),—что имѣло впрочемъ мѣсто лишь по отношенію къ наиболѣе родовитымъ служилымъ людямъ, къ молодымъ людямъ принадлежащимъ къ сливкамъ Московской аристократіи, предки которыхъ постоянно служили въ боярахъ и для которыхъ чинъ стольника или дворянина служилъ лишь временною подготовкою къ служилой карьерѣ. Изъ чина думнаго дворянина не бывало непосредственнаго производства въ бояре,—да и вообще достиженіе думнымъ дворяниномъ боярства, хотя бы и съ прохожденіемъ промежуточнаго чина окольничаго, составляло явленіе крайне рѣдкое и обусловливалось лишь особымъ желаніемъ государя выдвинуть своего любимца. Къ такимъ рѣдкимъ примѣрамъ относятся карьеры Аѳ. Лавр. Ордынъ-Нащокина и Кир. Пол. Нарышкина. Первый сказанъ въ 1658 г. думнымъ дворяниномъ, въ 1665 г., окольничимъ, а въ 1672 г. постригся уже будучи бояриномъ (4); второй сказанъ въ думные дворяне въ 1671 г., въ окольничіе въ 1672 г.—и является уже бояриномъ въ 1673 году (5).

(1) Дворц. Разр. I. 507. 508; II. 365; III, 15. 87. 116. 225. 347, 897. 1070.

(2) Дворц. Разр. I, 506; II, 365; III, 78. 897.

(3) Дворц. Разр. I. 651—652; II, 360; III. 13. 33. 459.

(4) Др. Рос. Вивл. XX. (послужной списокъ), стр. 113, 118, 124.

(5) Древ. Рос. Вивл., т. XX (Послужной списокъ), стр. 123 и 125

Въ окольничіе производились, какъ указываютъ имѣющіеся примѣры, изъ чина думнаго дворянина (1), а также—что опять таки относится къ болѣе или менѣе именитымъ родамъ или къ представителямъ родовъ находящихся въ случаѣ—и непосредственно изъ стольниковъ (2) и дворянъ (3).

Производство въ чинъ думнаго дворянина, что естественно вытекаетъ уже изъ самаго историческаго значенія его—не было стѣсняемо уже никакими іерархическими соображеніями. Этотъ думный чинъ носитъ характеръ вполнѣ демократическій, доступъ въ который обусловливается единственно волею государя и соображеніями личныхъ достоинствъ лица; мы въ этомъ можемъ вполнѣ убѣдиться, просматривая фамиліи думныхъ дворянъ въ „Послужномъ спискѣ“ напечатанномъ въ XX томѣ Древн. Росс. Вивліоѳики. Чинъ этотъ служилъ между прочимъ промежуточною ступенью для достиженія окольничества думными дьяками—хотя безъ сомнѣнія и въ рѣдкихъ случаяхъ: мы нашли лишь два подобные примѣра, относящихся къ служебнымъ поприщамъ окольничихъ Ив. Аѳ. Гавренева и Ѳед. Кузм. Елизарова. Первый изъ этихъ лицъ, бывшій въ 1632 г. думнымъ разряднымъ дьякомъ, является въ 1653 г думнымъ дворяниномъ, а въ 1658 г.—окольничимъ (4). Карьера втораго еще замѣчательнѣе: простой дьякъ Помѣстнаго Приказа въ 1644 году, въ послѣдующее время является онъ въ томъ же приказѣ, въ 1646 г.—думнымъ дьякомъ, въ 1652 г.—думнымъ дворяниномъ, а въ 1659 г.—уже окольничимъ (5). Примѣръ производства думнаго дьяка въ думные дворяне представляетъ намъ Ѳед. Ѳед. Лихачевъ, произведенный въ этотъ чинъ въ 1644 году (6), и Лар. Дм. Лопухинъ, въ 1647 г. простой дьякъ Казанскаго Дворца, въ 1651 году—думный дьякъ, а въ 1668 году—думный дворянинъ въ томъ же приказѣ (7).

---

(1) Дворц. Разр. III. 459—460, 460, 976—977.

(2) Дворц. Разр. III, 33, 74, 86, 110, 116, 460.

(3) Дворц. Разр. II, 360; III, 33, 74, 87, 145, 225, 226.

(4) Дворц. Разр. II, 264; III, 343 и 493.

(5) Акты Ист. III, № 232; Дворц. Разр. III, 34; А. А. Э. IV, № 61; Архива Мин. Юстиціи Записная кн. Моск. стола № 10. л. л. 3—5.

(6) Дворц. Разр. II, 441.

(7) Акты Ист. IV, № 20; Дворц. Разр. III. 236 и 839.

Думные дьяки сказывались, по свидѣтельству Котошихина, изъ дворянъ, гостей и подъячихъ ([1]); но нормальнымъ способомъ производства въ этотъ чинъ служило сказываніе въ него приказныхъ дьяковъ. Мы имѣемъ подъ руками большое количество случаевъ сказыванія рядовыхъ ([2]) дьяковъ думными; такъ изъ рядовыхъ дьяковъ сказаны въ думные дьяки: Ал. Шапиловъ ([3]), Лар. Лопухинъ ([4]), Аѳ. Зыковъ ([5]), Мих. Даниловъ ([6]), Вас. Семеновъ ([7]), Перф. Оловенниковъ ([8]), Алмазъ Ивановъ ([9]) и мн. др. Нѣкоторые думные дьяки доходили до этого чина даже изъ приказныхъ подъячихъ, будучи повышены въ рядовые дьяки, затѣмъ сказаны и въ думные ([10]). Мы имѣемъ также случай сказанія въ чинъ думнаго дьяка гостя ([11]).

Кромѣ занесенія въ записныя разрядныя книги—пожалованіе думныхъ чиновъ не выражалось ни въ какомъ письменномъ документѣ и совершалось словесно—„сказывалось",—на что имѣемъ мы прямое указаніе Котошихина, свидѣтельствующаго, что царь „грамотъ и гербовъ на дворянства и на боярства никому не даетъ" ([12]).

([1]) Котошихинъ, гл. II, ст. 4.

([2]) Термины *дьякъ рядовой* и *дьякъ думный* встрѣчаются въ источникахъ. См. Дворц. Разр. I, 573.

([3]) А. А. Э. II., № 75 и Акты Ист. III, № 7.

([4]) Дворц. Разр. Ш, 236.

([5]) Дворц. Разр. Ш, 839 и Доп. къ А. Ист. VII, № 29.

([6]) Дворц. Разр. II., 470.

([7]) Дворц. Разр. III, 1208 и Доп. къ А. Ист. VII, № 50.

([8]) Дворц. Разр. IV, 675.

([9]) Дворц. Разр. III, 369.

([10]) Такъ наприм. Ем. Игн. Украинцевъ,—въ 1673 г. подъячій Посольскаго Приказа (Доп. къ А. Ист. VI, № 35), въ 1675 г. дьякъ (Дворц. Разр. III. 1358), а въ 1689 г. думный дьякъ того же Приказа (Дворц. Разр. IV, 492).

([11]) Замысловскій: Царствованіе Ѳед. Алек-ча, I, 012 (именно, въ 1677 г. назначенъ думнымъ дьякомъ въ Новгородскій приказъ гостя Ав. Ст. Кириловъ). Акты Ист. V, № 20.

([12]) Котошихинъ, гл. II, ст. 13.

Котошихинъ передаетъ, будто сказаніе въ думные чины пріурочивалось къ извѣстнымъ праздникамъ и торжественнымъ днямъ: „А жалуетъ царь въ бояре и во окольничіе и въ думные люди, хотя которого и на Москвѣ не бываетъ, въ новое лѣто сентября въ 1 день, на Свѣтлое Христово Воскресеніе, на день рожденія празднества его" (1). Свидѣтельство Котошихина является въ данномъ случаѣ не вполнѣ достовѣрнымъ. Мы дѣйствительно видимъ въ источникахъ случаи пожалованія думныхъ чиновъ въ указанные Котошихинымъ дни, но сверхъ того находимъ примѣры пожалованія ихъ какъ и въ другіе праздничные дни (наприм. Богоявленіе, Успеніе, памяти св. Московск. Чудотворцевъ, Покровъ, Срѣтеніе, Рождество, имянины царицъ и царевенъ (2), такъ и въ дни обыкновенные, непраздничные (3).

Сказываніе въ думные чины обставлялось извѣстною обрядностью, которая была тѣмъ болѣе торжественна, чѣмъ высшій чинъ сказывался и чѣмъ родовитѣе было лице имъ жалуемое. Есть основаніе полагать, что сказываніе думныхъ чиновъ имѣло мѣсто въ царскомъ дворцѣ; мы по крайней мѣрѣ имѣемъ примѣръ сказанія боярства въ Столовой избѣ и примѣръ сказанія чина думнаго дворянина въ Передней избѣ (4). Сказываніе чиновъ боярина и окольничаго совершалось въ большинствѣ случаевъ при участіи двухъ лицъ: одно *стояло*, т. е. просто присутствовало при „сказкѣ" чина, второе-же *сказывало*, т. е. объявляло о пожалованіи чина (5). Стоять при сказкѣ назначалось лице, облеченное однимъ изъ трехъ высшихъ думныхъ чиновъ; самая же сказка возлагалась на одного изъ думныхъ дьяковъ (обыкновенно разряднаго, хотя возлагалась и на другихъ (6). Общимъ

(1) Котошихинъ, го. II, ст. 5.

(2) Дворц. Разр., I, 410, 532; II, 108, 129, 294, 354, 360, 365, 456, 656; III, 77, 87 110; 113, 145 и др.

(3) Дворц. Разр. I, 438; II, 470, 673; III, 15, 34, 379, 459. 897, 1070.

(4) Дворц. Разр. I, 651—652; II, 731.

(5) Напримѣръ; .... «пожаловалъ Государь изъ стольниковъ въ бояре Ив. Вас. Морозова; а у сказки стоялъ окольничій М. М. Салтыковъ, а сказывалъ думной разрядной дьякъ Ив. Гавреневъ». Дв. Разр., II, 365.

(6) Напр. Дворц. Разр. III, 116, 347, 976—977, 1070, Доп. къ II, 225.

правиломъ было при этомъ то, что лице высшаго чина никогда не назначалось стоять при сказкѣ чина низшаго; такъ бояринъ не могъ быть назначенъ стоять при сказкѣ окольничества.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ сказываній думныхъ чиновъ видимъ мы слѣдующія комбинаціи: при сказкѣ боярства думнымъ дьякомъ стоитъ бояринъ, окольничій или думный дворянинъ (¹); при сказкѣ окольничества — окольничій или думный дворянинъ (²); сравнительно рѣдко встрѣчаемъ сказку боярства однимъ бояриномъ или окольничимъ (³), и сказку окольничества однимъ окольничимъ, думнымъ дворяниномъ или думнымъ дьякомъ (⁴), безъ назначенія особаго ассистента для присутствія при актѣ сказанія. Выборъ лица назначаемаго „стоять у сказки", какъ легко усматривается изъ отдѣльныхъ случаевъ сказокъ, всегда строго сообразовывался съ честью лица сказываемаго,—отсюда разнообразіе чиновъ назначаемыхъ присутствовать при сказкѣ того или другого думнаго чина. Назначеніе извѣстнаго лица сказывать думный чинъ другому лицу—нерѣдко давало поводъ къ вчинанію мѣстническаго спора (⁵), такъ что въ 1622 году состоялся царскій приговоръ о томъ, что не должно считаться порухою отечества, если лице болѣе родовитое будетъ назначено къ сказкѣ боярства или окольничества лицу меньшему себя по отечеству,—что не прекратило впрочемъ этого вида мѣстничества (⁶). Существуютъ основанія, дающія право думать, что на обязанность лица назначеннаго „стоять у сказки", возлагалось „объявленіе", т. е. представленіе государю сказываемаго, въ томъ случаѣ конечно, если сказка происходила въ присутствіи царя (⁷). При ска-

---

(¹) Дворц. Разр. II, 360; III, 13, 78, 225, 897. Id., II, 365; III, 15, 33, 87. 116, 459. Id., III, 347, 897, 1070.

(²) Дворц. Разр., II, 129: III, 74, 116, 379. Id., III, 33, 74, 976—977.

(³) Дворц. Разр. I, 438; II, 455.

(⁴) Дворц. Разр. I. 410; II, 108, 294, 360; III, 74, 145. 460.

(⁵) Наприм. Дворц. Разр. II, 456; III, 74.

(⁶) Дворц. Разр. I, 506; II, 456; III, 74.

(⁷) «.. а у сказки стоялъ и великому Государю объявлялъ думной дворянинъ Ае. Ив. Нестеровъ». Дворц. Разр. III, 977, 1070.

зываніи чиновъ думнаго дворянина и думнаго дьяка не назначалось особаго ассистента „у сказки“; думное дворянство всегда сказывалось однимъ думнымъ разряднымъ дьякомъ (¹), а думное дьячество — рядовымъ дьякомъ соответствующаго приказа (²).

Въ силу соображеній родовой чести, бывали случаи недовольства думнымъ чиномъ со стороны лица пожалованнаго имъ. Такъ, 30 марта 1651 года былъ пожалованъ изъ дворянъ въ окольничіе Петръ Петровичъ Головинъ, и окольничество долженъ былъ сказать ему разрядный думный дьякъ Семенъ Заборовскій. Но Головинъ билъ челомъ Государю, что „въ окольничихъ въ его пору нѣтъ“ и что отецъ его былъ при покойномъ Государѣ въ боярахъ,—за что и былъ посланъ въ тюрьму, не будучи произведенъ и въ окольничіе, а черезъ день былъ ему сказанъ на Постельномъ крыльцѣ указъ о написаніи его въ наказаніе по Московскому списку,—„что впредь ни въ какой чести ему у Государя не быть“. На слѣдующій годъ Головинъ былъ все таки произведенъ въ окольничіе, но прежнее недовольство царскою милостью отозвалось для него въ двухъ отношеніяхъ: у сказки сдѣланъ былъ ему выговоръ за непринятіе въ минувшемъ году окольничества, а самое окольничество сказано ему уже не думнымъ, а рядовымъ дворцовымъ дьякомъ (³). Въ томъ случаѣ, когда лице пожалованное думнымъ чиномъ служило внѣ Москвы—по мѣсту служенія отправлялась къ нему царская грамота съ извѣщеніемъ о воспослѣдовавшей милости. Такъ въ 1658 г. подобная грамота послана была Аѳ. Лавр. Ордыну-Нащокину, бывшему въ то время Щацскимъ воеводою, въ которой, по исчисленіи всѣхъ какъ нравственныхъ, такъ и служебныхъ достоинствъ его, — объявлялось ему думное дворянство; грамота эта отпущена изъ приказа Тайныхъ дѣлъ (⁴).

(¹) Дворц. Разр. II, 380, 488. 656, 731. 741; III. 47 и др.

(²) Дворц. Разр. II, 294, 470, 711, 743; III, 34, 113, 369, 597. Отмѣтимъ здѣсь выраженіе «*сказать думу*»—равносильное выраженію «сказать чинъ думнаго дьяка», Дворц. Разр., III, 34.

(³) Дворц. Разр. III, 226, 228. 322.

(⁴) Акты Ист., IV, № 118.

Лице пожалованное думнымъ чиномъ—если оно не служило внѣ Москвы или не получало вновь назначенія въ полкъ или въ городъ—обязано было жительствовать въ столицѣ и не могло безъ царскаго указа отлучаться отсюда. Если-же такому лицу встрѣчалась надобность отъѣхать въ деревни свои и вообще отлучиться изъ столицы—оно било государю челомъ объ отпускѣ,—„и царь ихъ отпущаетъ съ срокомъ, а безъ отпуску изъ бояръ, и изъ думныхъ и изъ ближнихъ людей .... съ Москвы съѣхать не смѣетъ никто, ни на одинъ день (¹).

Вѣрность службы думныхъ чиновъ гарантировалась крестнымъ цѣлованіемъ, присягою, дававшеюся ими по особо составленнымъ съ этою цѣлью формальнымъ записямъ. Хотя мы и не имѣемъ на то прямыхъ указаній, но тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что присяга бралась непосредственно за пожалованіемъ думнымъ чиномъ, такъ какъ прежняя присяга, данная при вступленіи государя на престолъ (присяга вѣроподанническая) или присяга данная при вступленіи въ службу въ недумный чинъ—не могла теперь считаться продолжающею свою силу: съ пожалованіемъ думнаго чина, служилый человѣкъ вступалъ въ новое отношеніе къ царю, принималъ на себя новыя обязанности, которыя до сихъ поръ не были его удѣломъ. Намъ извѣстны три дошедшія до нашего времени общія формы крестоцѣловальныхъ записей на вѣрность службы вообще и на вѣрность думной службы въ частности, относящіяся по времени къ 1626, 1637 и 1653 годамъ; всѣ эти три формы не представляютъ въ себѣ существенныхъ различій (²). Во всѣхъ трехъ формахъ во главѣ стоитъ общая запись на вѣрность службы вообще, а затѣмъ слѣдуютъ особыя, спеціальныя приписи для тѣхъ или другихъ чиновъ,—и въ томъ числѣ „припись бояромъ, окольничимъ и думнымъ людемъ" и особая „припись думнымъ дьякамъ"; эти то приписи и состa-

---

(¹) Котошихинъ, гл. II, ст. 18.

(²) Первая напечатана въ Древн. Рос. Вивл., т. VIII (втораго изд.), стр. 60—83; вторая находится на л. л. 13 и сл. Записной книги № 3 Моск. стола Разряда, хранящейся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи; третья напечатана въ VIII т. Др. Рос. Вивл. (стр. 83 и сл.) и въ П. С. Зак., № 114.

вляли содержаніе присяги, по отношенію къ лицамъ давшимъ уже общую присягу, при пожалованіи думными чинами. По этимъ спеціальнымъ приписямъ, бояре, окольничіе и думные люди цѣлуютъ крестъ на томъ, что имъ государю „служити и прямити во всемъ и государскія *думы и* боярскаго *приговору* до государева указа *никому не проносить* и не сказывати, и всякія государевы и земскія дѣла дѣлати, и ихъ государевымъ землямъ всякаго добра хотѣти безо всякія хитрости, и *самовольствомъ* безъ государева вѣдома и мимо правды никакихъ дѣлъ *не дѣлати*". Въ приписке для думныхъ дьяковъ читаемъ: „А что велѣлъ государь ... быти у себя государя въ Думѣ, и мнѣ будучи у государева дѣла .... служити и прямити и добра хотѣти во всемъ въ правду, и государскія думы и боярскаго приговору и государскихъ тайныхъ дѣлъ русскимъ всякимъ людемъ (и) иноземцамъ не проносить и не сказывать, и мимо государской указъ ничего не дѣлати, и съ иноземцы про Московское государство и про всѣ великія государства Россійскаго царствія ни на какое лихо не ссылаться и не думати". Далѣе идутъ обязательства относящіяся собственно уже къ приказной сторонѣ дѣятельности думныхъ дьяковъ— „судныя и всякія дѣла дѣлати и судити въ правду", судомъ никому не мстить и не дружить, не корыстоваться государевою казною и т. п. (1).

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о *средствахъ вознагражденія* думныхъ чиновъ за службу ихъ. Было бы ошибочно полагать, будто думные люди всѣхъ чиновъ получали жалованье именно *какъ члены* Думы Боярской. Особыхъ окладовъ жалованья служилымъ людямъ, какъ членамъ Думы, не опредѣлялось: они пользовались жалованьемъ въ общемъ порядкѣ вознагражденія всѣхъ вообще чиновъ Московской служилой іерархіи, какъ и самая обязанность ихъ засѣдать въ Думѣ не была исключительною, но обыкновенно соединялась съ другими должностями и службами и весьма часто даже исключалась послѣдними, если думному человѣку, по дѣламъ службы, оказывалось необходимость пребывать внѣ столицы.

(1) Древн. Росс. Вивл., т. VIII, 86 и 91.

Но само собою разумѣется что члены Думы, какъ лица облеченныя высшими придворными чинами—пользовались и высшими окладами жалованья, которое представляется двоякимъ: въ видѣ окладовъ денежныхъ и окладовъ помѣстныхъ. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ нормальное новичное („первое верстанье") жалованье составлялось изъ 200 рублей денежнаго и 1000 четей помѣстнаго жалованья каждому ([1]). Мы увидимъ, что это свидѣтельство Котошихина не подтверждается источниками оффиціальнаго характера.

Оффиціальный и вполнѣ достовѣрный источникъ для почерпанія извѣстій, какъ о новичныхъ окладахъ денежнаго жалованья различныхъ чиновъ служилымъ людямъ, такъ и о послѣдующихъ прибавкахъ къ нему—представляютъ Боярскія Книги и Списки, хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Позволю представить себѣ свѣдѣнія, представляемыя книгою боярскихъ списковъ № 5, заключающею въ себѣ списки 1658 года, слѣдовательно какъ разъ эпохи Котошихина ([2]). Въ этомъ году показано 44 боярина, 40 окольничихъ, 15 думныхъ дворянъ и 4 думныхъ дьяка, причемъ отмѣченъ подъ каждымъ лицемъ размѣръ денежнаго оклада его и послѣдующихъ къ нему придачъ. Оказывается, что новичный окладъ бояръ, безъ придачь, представлялся въ двухъ нормахъ — въ 400 р. и въ 500 р. ([3]); дальнѣйшія придачи къ первоначальному окладу, дававшіяся за службы, значительно увеличивали его въ послѣдующее время. Такъ бояринъ Б. И. Морозовъ получалъ уже съ 1647 года 1200 р. ден. жалованья ([4]), — высшій размѣръ денеж-

---

([1]) Котошихинъ, гл VII, кон. ст. 8.

([2]) Въ этой книгѣ см. свѣдѣнія о боярахъ на л. л. 1—9, окольничихъ на л. л. 9—17, думныхъ дворянъ на л. л. 20—22, думныхъ дьяковъ на л 23.

([3]) Признакомъ новичнаго оклада явл. здѣсь слова: «.... учиненъ ему окладъ вновь». Окладомъ въ 500 р. были вновь поверстаны бояре: кн. Г. С. Черкасскій. П. М. Салтыковъ. кн. Я. Н. Одоевскій. кн. А. А. Голицинъ; окладомъ въ 400 р бояре: кн. И. И. Ромадановскій, кн. И. Б. Рѣпнинъ, кн. Θ. Θ. Куракинъ и кн. Г. Г. Ромадановскій.

([4]) Здѣсь именно сказано, что по боярской книгѣ 155 (1647) г. денежный окладъ его съ придачами 1200 рублей.

наго жалованья въ 1658 году; за нимъ слѣдуютъ по размѣрамъ окладовъ бояре: кн. А. Н. Трубецкой, получающій 1050 р. и кн. Я. К. Черкасскій, получающій 1,000 р. денежнаго жалованья. Затѣмъ одинадцать бояръ получали отъ 500 до 800 р. жалованья, одинадцать бояръ по 500 р. и десять по 400 р. жалованья. Низшій размѣръ жалованья получали бояре: кн. И. И Лобановъ—Ростовскій (380 р.), за которымъ сохранялся окладъ жалованья по прежнему чину окольничаго (300 р.), съ придачею 80 р. за службу (¹),—и кн. С. В. Прозоровскій, получавшій 300 рублей; за послѣднимъ очевидно также числился еще прежній окладъ по чину окольничаго. Денежные оклады остальныхъ семи бояръ не показаны.

Новичный денежный окладъ окольничихъ былъ въ 300 рублей (²),—но этотъ нормальный окладъ также увеличивался послѣдующими придачами. Въ 1658 г. высшій окладъ получалъ окольничій А. В. Бутурлинъ—440 руб. (300 нов. оклада и двѣ придачи по 70 р.); низшіе оклады имѣли: окольничій Ж. В. Кондыревъ—250 рубл., за которымъ сохранялся еще прежній окладъ по чину думнаго дворянина, и кн. В. П. Львовъ, получавшій 280 рубл. Затѣмъ одинъ окольничій получалъ 400 р., двѣнадцать—отъ 300 до 400 рубл., девять—по 300 рубл.; оклады остальныхъ пятнадцати окольничихъ не показаны.

Новичный денежный окладъ думныхъ дворянъ заключался въ 250 рубляхъ; его получали въ 1658 г. девять думныхъ дворянъ, затѣмъ, благодаря позднѣйшимъ придачамъ, одинъ думный дворянинъ получалъ 300 рубл., двое по 330 рубл.; оклады остальныхъ трехъ лицъ не показаны.

Изъ числившихся въ томъ же году четырехъ думныхъ дьяковъ, Сем. Заборовской имѣлъ по боярской книгѣ 155 (1647 г.) денежнаго оклада 250 рубл.; Лар. Лопухинъ по той же книгѣ—300 р., да за Конотопскій бой 50 руб. при-

---

(¹) «Въ боярской книгѣ 155 году денежный окладъ, какъ онъ былъ *въ окольничихъ*, 300 р.; ему жъ за Быховскую службу придано 80 р.,—всего ему 380 рублей».

(²) Этотъ окладъ былъ учиненъ «вновь» окольничимъ: А. В. Бутурлину, кн. О. И. Щербатого, О. И. Сукину, кн. И. П. Барятинскому, кн. Н. Я. Львову.

дачи, Дем. Башмаковъ пользовался окладомъ въ 150 рубл. по предшествовавшей должности дьяка Тайнаго приказа, „а въ думныхъ дьяцѣхъ не верстанъ“; окладъ Алмаза Иванова за смертью его не показанъ. Изъ приведенныхъ указаній явствуетъ, что окладъ денежнаго жалованья думныхъ дьяковъ не разнствовалъ отъ денежныхъ окладовъ думныхъ дворянъ.

Распоряженіе о назначеніи думнымъ людямъ окладовъ денежнаго жалованья исходило отъ самаго государя и отмѣчалось думнымъ дьякомъ на подававшейся государю по этому поводу докладной выпискѣ или на челобитной, если пожалованный въ чинъ собственною инициативою возбуждалъ вопросъ о поверстаніи его соотвѣтствующимъ чину его окладомъ (1). Дальнѣйшія придачи къ денежному окладу за службы назначались по памятямъ изъ тѣхъ приказовъ, въ вѣдомству которыхъ относились эти службы (2). Въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное лицо не было еще поверстано по окладу соотвѣтствующему его чину, приказу, по вѣдомству котораго состоялась та или другая служба этого лица, предоставлялось представлять его, въ видѣ награды, къ поверстанію такимъ окладомъ (3).

Что касается размѣра помѣстныхъ окладовъ опредѣленныхъ для думныхъ людей всѣхъ четырехъ чиновъ, то прямое и ясное указаніе на него находимъ мы въ „новоуказныхъ статьяхъ о раздачи земель въ Заоцкихъ городахъ“, отъ 21 іюня 1672 года. Здѣсь указными размѣрами помѣстнаго оклада показаны: для бояръ — 1000 четвертей, для окольничихъ — 800, для думныхъ дворянъ — 600, для думныхъ

(1) Напримѣръ: «Петръ Михайловичъ Салтыковъ. 171 году октября 1 дня, по помѣтѣ на выпискѣ думнаго дьяка Семена Заборовскаго, учиненъ ему Государева жалованья денежный окладъ вновь 500 рублей». См. также отмѣтки при именахъ бояръ кн. И. Б. Рѣпнина, кн. Ѳ. Ѳ. Куракина, окольн. Н. Я. Львова и др. Назначеніе оклада по челобитной,—см. имена думн. дворянъ И. П. Матюшкина и Г. М. Аничкова.

(2) Такъ, боярину кн. В. Г. Ромадановскому дана придача за Астраханскую службу, по памяти изъ Казанскаго Дворца; боярину кн. И. С. Прозоровскому за посольскій съѣздъ, по памяти изъ Посольскаго Приказа и т. п.

(3) См. имена боярина А. А. Ордына—Нащокина и окольн. кн. И. П. Барятинскаго.

дьяковъ — 500 четвертей (1). Количество помѣстной земли, которою могъ владѣть думный человѣкъ, въ предѣлахъ оклада своего, въ Московскомъ уѣздѣ, было ограничено: для бояръ—200 четвертями, для прочихъ думныхъ чиновъ—150 четвертями (2).

Лица облеченныя думными чинами, находясь во главѣ всей служилой іерархіи Московской, пользовались *особымъ значеніемъ и почетомъ* какъ при дворѣ царскомъ, такъ и въ средѣ всей массы столичнаго населенія вообще; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ присваивались и *нѣкоторыя частныя льготы*, непредоставлявшіяся служилымъ людямъ низшихъ чиновъ.

Значеніе думныхъ чиновъ при царскомъ дворѣ выражалось въ широкомъ правѣ пріѣзда ихъ ко двору. Ежедневно, съ ранняго утра, являлись они во дворецъ ударить государю челомъ, — что вмѣнялось имъ не только въ право, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ непремѣнную обязанность; непріѣздъ думнаго человѣка безъ уважительной причины влекъ за собою царскій гнѣвъ и подвергалъ виновнаго взысканію. При этомъ бояре и думные люди сходили съ коней или выходили изъ экипажей у въѣзда въ царскій дворъ, не въѣзжая въ послѣдній; люди прочихъ чиновъ не могли подъѣзжать даже близко къ царскому двору, но спѣшивались „далеко у царскаго двора, на площади". Пріѣхавъ къ царскому двору, бояре и думные люди шли въ „государевъ верхъ", т. е. жилые покои, гдѣ и ожидали выхода его въ Передней палатѣ, ближніе же бояре, выждавъ удобное время, входили даже въ „комнату", т. е. внутренній покой царя; служилые люди низшихъ чиновъ въ „верхъ" не подымались, но, въ случаѣ пріѣзда, останавливались на среднемъ крыльцѣ, передъ „палатами непокоевыми" (3). Ударивъ царю челомъ, бояре и думные люди сопровождали его для слушанія обѣдни въ одну изъ „верховыхъ" придворныхъ церквей, если же день былъ праздничный—то въ одинъ изъ соборовъ. Послѣ обѣдни имѣло мѣсто „сидѣнье царя съ боярами", т. е. васѣ-

(1) Полн. Собр. Зак. № 522.

(2) Уложеніе, гл. XVI, ст. 1. П. С. З. №№ 633 и 700 (отд. I, ст. 4).

(3) Котошихинъ, гл. II, ст. 14—16.

даніе Думы, или въ „комнатѣ" или въ одной изъ палатъ (1). Далѣе боярамъ и думнымъ людямъ предоставлялось пріѣзжать ударить царю челомъ въ день своего рожденія, или даже въ день рожденія дѣтей своихъ, причемъ они подносили царю „именинные калачи", послѣ чего отправлялись съ этою же цѣлью къ царицѣ, царевичамъ и царевнамъ; при этомъ лично являлись послѣднимъ лишь „свойственные бояре", т. е. родственные царицѣ (2). Какъ сами бояре и думные люди пользовались правомъ свободнаго пріѣзда къ царю, такъ и жены и вдовы ихъ, а также незамужнія и вдовыя дочери ихъ, пользовались тѣмъ же правомъ по отношенію къ царицѣ и царевнамъ (3).

Само собою разумѣется, что бояре и думные люди занимали первенствующее мѣсто во всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ, обѣдахъ, церемоніяхъ и придворныхъ празднествахъ. При торжественныхъ пріемахъ пословъ въ Грановитой палатѣ, бояре и думные люди, сидя на лавкахъ по правую сторону царскаго мѣста, въ парчевыхъ одеждахъ и высокихъ горлатныхъ шапкахъ—не мало способствовали общему величію и эффекту обстановки, всегда импонировавшей на иностранцевъ.

Значеніе бояръ и думныхъ людей при особѣ Царя, въ Думѣ, въ приказахъ, въ войскѣ и во всѣхъ вообще сферахъ государственной и общественной жизни,—проникало благоговѣйнымъ почтеніемъ къ нимъ не только массу простаго народа, но даже стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и другихъ представителей низшихъ разрядовъ служилаго класса. Въ 1681 году состоялся царскій именной указъ, въ которомъ находимъ запрещеніе стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ и другихъ чиновъ служилымъ людямъ слѣзывать и кланяться въ землю при встрѣчахъ на дорогѣ съ боярами, думными и ближними людьми, такъ какъ „съ лошадей вамъ сходить пристойно и бить челомъ одному ему, великому государю",—говоритъ указъ. „И вамъ-бы, читаемъ далѣе, впредь ихъ бояръ и думныхъ и ближнихъ людей

---

(1) Забѣлинъ: «Домашній бытъ русскихъ царей». I. 316.

(2) Котошихинъ. гл. II, ст. 19.

(3) Котошихинъ, II, ст. 20 (12 л.).

почитать и достойную имъ *честь воздавать*, а гдѣ на дорогѣ случится кому съ ними съѣхаться: и вамъ съ лошадей не сходить, и уступя съ дороги, поворотя на лошади, кланяться по обычаю" (¹).

Почетное преимущество бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ передъ служилыми людьми низшихъ чиновъ—выражалось и въ правѣ на писаніе отечества ихъ съ окончаніемъ *„вичъ"*; низшіе чины служилыхъ людей были лишены этого преимущества (²). Съ 21 декабря 1680 года право это распространено и на думныхъ дьяковъ (³). Это преимущество распространялось и на женъ лицъ, облеченныхъ чинами боярина, окольничаго и думнаго дворянина (⁴).

Любопытное, чисто внѣшнее, почетное преимущество бояръ и думныхъ людей установлено указомъ 28 декабря 1681 года. По этому указу лицамъ, облеченнымъ думными чинами, разрѣшено выѣзжать, лѣтомъ—въ каретахъ, зимою—въ саняхъ, на двухъ лошадяхъ; боярамъ же, сверхъ того, въ праздничное время на четырехъ лошадяхъ, а въ случаѣ свадьбы или сговора—даже на шести лошадяхъ. Низшимъ чинамъ предписано ѣздить, лѣтомъ—верхами, зимою—въ саняхъ въ одну лошадь; употребленіе каретъ и парнаго выѣзда совершенно запрещено имъ (⁵).

Далѣе думнымъ чинамъ предоставлялись также нѣкоторыя преимущества въ сферѣ правъ уголовнаго, процессуальнаго и финансоваго. Такъ, напримѣръ, бояре, окольничіе и думные люди за безчестіе патріарха выдавались ему головою, а за безчестіе митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ платили 400, 300 и 200 рубл. пени; недумные-же служилые люди наказывались за тоже самое батогами и тюремнымъ заключеніемъ (⁶). Затѣмъ лица состоящія въ думныхъ чинахъ были вообще освобождены отъ всякаго ро-

---

(¹) П. С. З., № 875.

(²) Ихъ писали просто, напримѣръ: «Иванъ Петровъ сынъ Орлова» или др.

(³) П. С. З., № 851.

(⁴) П. С. З., № 1106.

(⁵) Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, № 129.

(⁶) Уложеніе, гл. X ст. 27—30.

да тѣлесныхъ наказаній; вслѣдствіе этого къ нимъ не примѣнялся и правежъ для взысканія денегъ, который имѣлъ полную силу по отношенію къ служилымъ людямъ недумныхъ чиновъ (¹). За неправильные же мѣстническіе споры тѣлесное наказаніе замѣнялось для нихъ тюремнымъ заключеніемъ, выдачею головою, запрещеніемъ въ теченіи извѣстнаго времени „видѣть царскія очи", а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, сопряженныхъ съ открытымъ неповиновеніемъ государю, удаленіемъ отъ двора и даже пониженіемъ въ чинахъ (²). Отнятіе „чести", т. е. думнаго чина, было вообще обыкновеннымъ наказаніемъ для бояръ и другихъ думныхъ людей въ случаѣ неповиновенія государямъ и другихъ проступковъ, за которые служилымъ людямъ низшихъ чиновъ угрожали тѣлесныя наказанія (³).

Въ процессуальномъ отношеніи весьма любопытная льгота установлена для бояръ и другихъ думныхъ людей указомъ 21 мая 1677 года, которымъ предписывается допрашивать ихъ на дому относительно поступокъ и мѣнъ помѣстій ихъ, для чего велѣно присылать къ нимъ съ этою цѣлью дьяка изъ Помѣстнаго приказа (⁴); лицамъ прочихъ чиновъ допросъ подобнаго рода производился въ самомъ приказѣ.

Наконецъ бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки освобождались отъ взысканія печатныхъ пошлинъ съ жалованныхъ грамотъ, даваемыхъ имъ на вотчины и помѣстья, а также и отъ платежа пошлинъ съ грамотъ и наказовъ, посылаемыхъ въ города по ихъ челобитнымъ и дѣламъ (⁵).

Въ заключеніе обзора организаціи нормальнаго личнаго состава Думы Боярской, слѣдовало бы намъ разсмотрѣть мѣры взысканія съ бояръ и думныхъ людей, установленныя закономъ за неправосудіе и другія преступленія по должно-

---

(¹) Кавелинъ: Основныя начала русск. судоустройства и пр. Сочиненія его, I, 195.

(²) Котошихинъ, гл. IV, ст. 12, 13 и 15. Дворц. Разр. III дополн., стр. 374—375. П. С. З. №№ 775 и 1101.

(³) Дворц. Разр. IV, 613. П. С. З. № 168.

(⁴) П. С. З., № 692.

(⁵) Уложеніе, гл. XVIII, ст. 16 и 56.

сти. Но, въ видахъ того, что московскій законъ не предусматриваетъ возможности подобныхъ преступленій со стороны лицъ облеченныхъ думными чинами, какъ *именно* членовъ Думы, а предусматриваетъ ихъ со стороны думныхъ людей какъ судей и должностныхъ лицъ *вообще* (или въ качествѣ приказныхъ судей, или въ качествѣ городовыхъ или ратныхъ воеводъ и т. п.),—то мы откладываемъ разсмотрѣніе этого вопроса до предстоящаго изложенія внутренней организаціи приказовъ.

До сихъ поръ мы разсматривали нормальный личный составъ Думы Боярской, разсматривали кругъ лицъ, засѣдающихъ въ Думѣ по самому званію членовъ ея. Но кромѣ этихъ лицъ, въ Думѣ Боярской засѣдали также лица, пользовавшіяся этимъ правомъ по своему рожденію и члены почетные. Къ первымъ относятся члены царскаго рода, ко вторымъ—высшіе представители русской церковной іерархіи.

Въ начальную пору жизни Московскаго государства, присутствіе въ Думѣ ближайшихъ родственниковъ государя было явленіемъ вполнѣ обыкновеннымъ и нормальнымъ: удѣльные князья Московскаго великаго княженія привлекались великимъ княземъ къ совѣщаніямъ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, подлежавшимъ обсужденію въ Думѣ Боярской. Такъ, въ 1477 году, в. к. Іоаннъ III рѣшается идти на Новгородъ „*братій* своихъ думою и бояръ своихъ" (¹); въ 1506 году в. к. Василій Ивановичъ подверждаетъ договоръ отца своего съ Крымомъ „приговоривши съ своею *братьею* и съ бояры" (²), а въ 1517—1519 гг. постановляетъ приговоры по посольскимъ дѣламъ „съ братьею своею и съ бояры" (³); извѣстно наконецъ, что Судебника 1497 и 1550 гг. изданы великими князьями Іоанномъ III и Іоанномъ IV, первый при участіи дѣтей великаго князя и бояръ, второй—*братьи* и бояръ государя. Участіе въ Думѣ двоюроднаго брата государя, князя Владиміра Андреевича, а затѣмъ царевича Ивана—встрѣчается, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ

(¹) П. С. Р. Л., VI, 206.

(²) П. С. Р. Л., VI. 50, 246.

(³) Памятники дипломатическихъ сношеній Др. Россіи. I, 223, 232, 256.

дѣламъ, и въ царствованіе Іоанна IV (¹). Примѣръ участія въ Думѣ вмѣстѣ съ государемъ сына его, царевича Ѳеодора, имѣемъ мы и изъ эпохи государствованія царя Бориса Годунова (²). Но съ воцаренія дома Романовыхъ участіе въ Думѣ родственниковъ и дѣтей царствующаго государя не имѣетъ уже мѣста, какъ вслѣдствіе того обстоятельства, что въ теченіе всего XVII вѣка царствующій домъ не развѣтвлялся, такъ и потому, что московскіе цари XVII вѣка вступали на престолъ въ весьма юныхъ лѣтахъ, слѣдовательно при жизни родителей своихъ врядъ-ли и были въ состояніи принимать активное участіе въ думныхъ совѣщаніяхъ. Правда, что съ 1682 года, въ эпоху соправленія малолѣтнихъ царей Іоанна и Петра, вмѣстѣ съ ними засѣдала въ Думѣ сестра ихъ, царевна Софія; но она пользовалась этимъ правомъ какъ правительница государства, а не просто въ качествѣ сестры царствующихъ государей.

Въ качествѣ членовъ почетныхъ привлекались къ участію въ засѣданіяхъ Думы Боярской высшіе представители русской церковной іерархіи. Высшіе представители церкви съ древнѣйшихъ временъ пользовались въ русской землѣ особымъ значеніемъ и почетомъ и мы видѣли, что еще во времена удѣльной Руси, князья привлекали ихъ къ участію въ думѣ своей. Подобное же отношеніе сохраняютъ къ русскимъ церковнымъ іерархамъ и великіе князья Московскіе,— и это тѣмъ болѣе естественно, что послѣдніе имѣли въ русскомъ духовенствѣ надежнаго союзника въ своей борьбѣ съ отживающими началами до-Московскаго періода русской жизни (³). Извѣстно, что самъ Іоаннъ IV, болѣе всѣхъ русскихъ государей содѣйствовавшій реорганизаціи на новыхъ началахъ Боярской Думы,—открыто заявилъ на Стоглавомъ соборѣ свое желаніе совѣщаться съ представителями русскаго духовенства о важнѣйшихъ дѣлахъ не только церковнаго, но и гражданскаго устройства, и просилъ содѣйствія себѣ въ этомъ отношеніи духовенства: „мы вашего святительскаго совѣта и дѣла требуемъ и совѣтовати съ вами

(¹) Др. Росс. Вивл., XIII, 263, 411; XIV, 318. 334, 336.

(²) Акты Ист., II, № 44.

(³) См. «Исторію права Моск. госуд.», I, 19 и сл.

ждаемъ о Бозѣ" (¹),—говорилъ царь духовенству передъ открытіемъ собора. Вспомнимъ, что самое изданіе своего Судебника Іоаннъ IV предпринялъ по благословенію митрополита, архіепископовъ, епископовъ и всего освященнаго собора (²), какъ сто лѣтъ спустя и царь Алексѣй Михаиловичъ, предпринимая составленіе своего Уложенія, „совѣтовалъ съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, Святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Русіи, и съ митрополиты, и со архіепископы, и съ епископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и говорилъ съ своими государевыми бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми" (³). Вообще, во все теченіе Московскаго періода русской государственной жизни, продолжался обычай приглашенія въ Думу представителей русскаго духовенства, для совѣщанія съ ними о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи участіе въ Думѣ представителей русской церковной іерархіи можетъ быть раздѣлено на три вида: участіе одного патріарха (⁴), участіе патріарха съ большимъ или меньшимъ количествомъ „властей" (⁵), т. е. высшихъ іерарховъ, и наконецъ участіе въ Думѣ всего Освященнаго Собора (⁶); въ послѣднемъ случаѣ—что конечно имѣло мѣсто по отношенію къ наиболѣе важнымъ дѣламъ, или къ дѣламъ, въ которыхъ были непосредственно затрогиваемы интересы духовенства—мы видимъ соединеніе подъ предсѣдательствомъ царя двухъ высшихъ правительственныхъ совѣтовъ, гражданскаго—Думы Боярской, и духовнаго—Освященнаго Собора (⁷). Самою обыкновенною формою участія духовнаго

(¹) Стоглавъ (Спб. 1863 г.), стр. 40.

(²) Стоглавъ, стр. 39.

(³) Уложеніе, предисловіе.

(⁴) Напр. А. А. Э. IV, 214, 240; Акты Ист. IV, 233; V, 29; II С. Г. Г. №№ 796, 832, 985 и др.

(⁵) Напр. А. А. Э. IV, 189; Дворц. Разр. III, 1364—1365.

(⁶) Уложеніе, предисловіе; Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, 130; А. А. Э. IV, 59; Дворц. Разр. Доп. III т., 110.

(⁷) Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что совѣщанія царя съ Освященнымъ Соборомъ и Думою имѣли, между прочимъ, мѣсто при намѣреніи его объявить войну сосѣдственному государству. (гл. IX, ст. 1).

элемента въ засѣданіяхъ Думы—было участіе въ нихъ патріарха, или одного, или съ находящимися въ данную минуту въ Москвѣ членами Освященнаго Собора. Мы не будемъ конечно говорить здѣсь о непосредственномъ отношеніи къ дѣламъ государственнаго управленія патріарха Филарета, отца царя Михаила Θеодоровича, который былъ не царскимъ совѣтникомъ, а въ полномъ смыслѣ слова царемъ,—вторымъ по сану, но первымъ по значенію; не будемъ говорить и о патріархѣ Никонѣ, стремившемся пріобрѣсти при особѣ царя Алексѣя Михаиловича тоже значеніе и вліяніе на государственныя дѣла, какими пользовался при его отцѣ патріархъ Филаретъ, вслѣдствіе чего и пришлось ему пасть, встрѣтивъ энергическій отпоръ со стороны окружавшаго царя боярства. Мы укажемъ лишь нормальное участіе русскихъ патріарховъ въ Боярской Думѣ. Патріархъ весьма часто приглашался въ ея засѣданія, даже для дачи совѣта по такимъ дѣламъ, которыя не имѣли никакого отношенія къ сферѣ духовной жизни;—напримѣръ мы встрѣчаемъ участіе его въ обсужденіи дѣлъ посольскихъ, дѣлъ о размежеваніи земель, возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, изготовленіи клейменныхъ торговыхъ мѣръ, ратномъ устроеніи и т. п. ([1]). Можно даже думать, что присутствіе въ Думѣ патріарха носило болѣе или менѣе обычный характеръ, что онъ являлся сюда въ сопровожденіи особаго секретаря; въ челобитной чернеца Варлаама царю Василію Ивановичу, приводятся слова Григорія Отрепьева, разсказывавшаго Варлааму, будто во время пребыванія его въ Чудовомъ монастырѣ, патріархъ Іевъ, замѣтивъ его способности, „учалъ на царскую думу въ верхъ съ собою имати" ([2]). Маржеретъ въ своихъ запискахъ также свидѣтельствуетъ объ обычаѣ приглашать въ царскую Думу патріарха „съ нѣкоторыми епископами" ([3]). Наконецъ въ Дворцовыхъ Разрядахъ находимъ мы слѣдующее любопытное указаніе на

([1]) Дворц. Разр. III, 1364—1365; П. С. З., №№ 832, 985; А. А. Э. IV, 240; Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, № III; Акты Ист. IV, № 233, V, 29.

([2]) А. А. Э. II, № 64.

([3]) Устряловъ: Сказанія современ. о Дм. Самозванцѣ. I, 265.

участіе въ Думѣ патріарха: „того жъ числа былъ у великого государя, послѣ соборной обѣдни, великій господинъ Святѣйшій Іакимъ, патріархъ Московскій и всея Росіи со властми въ верху въ Передней, и сидѣли о посольскомъ дѣлѣ" ([1]). Изъ случаевъ включенія въ наличный составъ Думы, для разсмотрѣнія опредѣленнаго дѣла, Освященнаго Собора въ полномъ составѣ его,—можемъ мы указать слѣдующіе примѣры: въ 1648 году происходило совмѣстное засѣданіе Думы и всего Освященнаго Собора, на которомъ рѣшено было изданіе Уложенія и начертана самая программа редакціонныхъ работъ по его составленіи ([2]),—подлинный актъ котораго до насъ не дошелъ; въ 1652 году на совмѣстномъ засѣданіи Думы и Освященнаго Собора установлены новыя правила продажи вина и управленія кружечными дворами ([3]); въ 1657 году было совмѣстное засѣданіе обоихъ совѣтовъ по вопросу о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ епархіальномъ управленіи ([4]); въ 1682 году совмѣстнымъ совѣщаніемъ Думы и Освященнаго Собора опредѣлено было уничтоженіе обычая мѣстничества ([5]).

Наконецъ въ Думу Боярскую призывались иногда представители торговыхъ классовъ, для подачи мнѣній своихъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, обсуждаемымъ боярами и думными людьми, по которымъ полезнымъ считалось узнать образъ мыслей ихъ. Являясь въ подобныхъ случаяхъ съ характеромъ экспертовъ — эти лица не пользовались конечно и правомъ голоса въ рѣшеніи вопросовъ, къ разъясненію которыхъ привлекались. Съ такимъ характеромъ является совѣщаніе въ 1660 г. бояръ съ представителями торговыхъ классовъ о причинахъ вздорожанія въ Москвѣ съѣстныхъ продуктовъ и о средствахъ уравненія цѣнъ ихъ, а также совѣщаніе ихъ въ 1676 г. съ гостями по нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся торговли шелкомъ съ Персіею ([6]).

([1]) Дворц. Разр. III. 1364—1365.

([2]) Уложеніе, предисловіе.

([3]) А. А. Э. IV, № 59.

([4]) Дворц. Разр., доп. къ III т., 110.

([5]) Собр. Гос. Гр. и Дог. IV. № 130; П. С. З., № 905.

([6]) Собр. Гос. Гр. и Дог. IV. №№ 18 и 105. Подробнѣе см. въ I, томѣ «Исторіи права Моск. государства», стр. 297—299.

Мы видимъ такимъ образомъ, что бывали случаи расширенія нормальнаго состава Думы Боярской, путемъ введенія въ него лицъ, по званію своему не принадлежащихъ къ числу думныхъ людей. Укажемъ теперь возможность сокращенія нормальнаго состава Думы Боярской.

Нерѣдко государи, не желая передавать извѣстное дѣло на обсужденіе всѣхъ членовъ Думы своей—призывали къ его обсужденію лишь наиболѣе довѣренныхъ и близкихъ къ себѣ лицъ. Такимъ образомъ возникаетъ понятіе *Думы Тайной* или *Ближней*. Въ этомъ видѣ Думы находимъ мы отраженіе удѣльно-вѣчевыхъ совѣщаній князя съ милостьниками своими и продолженіе совѣщаній „самъ—третей у постели", столь обычныхъ при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ. О тайныхъ совѣщаніяхъ государей съ ближайшими къ себѣ лицами, съ устраненіемъ остальныхъ членовъ Думы, или о формальномъ только предоставленіи на разсмотрѣніе послѣднихъ дѣлъ, въ сущности уже предрѣшенныхъ тайнымъ совѣтомъ—свидѣтельствуютъ какъ иноземныя, такъ и отечественныя извѣстія. О тайныхъ совѣщаніяхъ царя съ своими приближенными свидѣтельствуютъ намъ Маржеретъ, Рейтенфельсъ, Мейрбергъ (¹). О тайныхъ совѣщаніяхъ царя съ наиболѣе близкими къ нему сановниками свидѣтельствуетъ и Котошихинъ: „А какъ, говоритъ онъ, царю лучится о чемъ мыслити тайно, и въ той думѣ бываютъ тѣ бояре и окольничіе ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ, или которымъ приказано бывастъ приходити; а иные бояре, и окольничіе, и думные люди въ тоѣ полату въ думу и ни для какихъ нибуди дѣлъ не ходятъ, развѣ царь укажетъ" (²). Результатомъ этихъ тайныхъ, интимныхъ совѣщаній царей съ наиболѣе близкими къ себѣ членами Думы должно было быть естественнымъ образомъ то, что различіе между заурядными боярами и думными людьми *ближними*, обусловливаемое, по свидѣтельству Котошихина, самымъ способомъ достиженія думнаго чина (³), видоизмѣнялось путемъ чисто

(¹) Устряловъ: Сказ. соврем. о Дм. Сам., I. 265; Сказанія Рейтенфельса (Журн. Мин. Нар. Просв. 1839 г., ч. XXIII), стр. 26; Mayerberg: «Relation d'un voyage en Moscovie», (Paris, 1858). II, 107.

(²) Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

(³) См. выше стр. 51—52.

фактическимъ: бояринъ или думный человѣкъ могъ быть пожалованъ „изъ близости"—и тѣмъ не менѣе не быть членомъ интимнаго совѣта, между тѣмъ какъ членомъ послѣдняго могъ сдѣлаться человѣкъ неродовитый, дослужившійся до думнаго чина изъ людей приказныхъ и вошедшій въ милость къ государю, примѣры чего часто представляютъ намъ XVI и XVII столѣтія.

Глава II.

Думныя Коммиссіи. Дума въ составѣ другихъ учрежденій и вопросъ объ отдѣленіяхъ Думы. Расправная Палата.

I. Временныя коммиссіи изъ членовъ Думы. Коммиссіи для вѣданія Москвы въ отсутствіе государя.—Коммиссіи для посольскихъ отвѣтовъ.—Спеціальныя коммиссія для дѣлъ различнаго рода.—II. Дума въ составѣ другихъ учрежденій: земскихъ и духовныхъ соборовъ.—III. Неосновательность мнѣнія объ отдѣленіяхъ Думы.—Расправная Палата и ея вѣроятное происхожденіе.

Нерѣдко, для цѣлей правительственныхъ или для преслѣдованія какихъ либо отдѣльныхъ задачъ, Дума выдѣляла изъ себя часть членовъ своихъ въ спеціальныя коммиссіи; члены этихъ спеціальныхъ коммиссій назначались на каждый отдѣльный случай государемъ.

Во главѣ такихъ спеціальныхъ коммиссій поставимъ мы коммиссіи, назначавшіяся для „вѣданія Москвы" въ отсутствіе государя и коммиссіи изъ думныхъ людей, назначенныхъ царемъ къ бытію „въ отвѣтѣ" съ иноземными послами.

Московскіе цари весьма часто отлучались изъ столицы, или въ подгородныя села свои, или въ подгородныя монастыри для богомолья, или, что случалось особенно часто, въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Подобныя поѣздки носили техническое названіе „походовъ". Обыкновенно въ подобныхъ „походахъ" сопровождали государя всѣ бояре и думные люди, исключая нѣсколькихъ изъ числа послѣднихъ, которые оставлялись въ Москвѣ „дѣла вѣдать, какія прилучатся" (¹); въ большинствѣ случаевъ обязанности оставлен-

(¹) Дворц. Разр. IV, 1127.

ныхѣ съ этою цѣлью лицъ носили техническое названіе „вѣданія Москвы". Оставленные въ Москвѣ бояре и думные люди обязаны были по очереди ночевать „въ верху", т. е. въ государевыхъ хоромахъ, вмѣстѣ съ назначенною на дежурство каждаго изъ нихъ, по особой росписи, смѣнною дворянъ, жильцовъ и дьяковъ. Коммиссіи для вѣданія Москвы назначались даже и въ случаѣ самыхъ непродолжительныхъ отлучекъ государя изъ Москвы (1). Составъ чиновъ, назначенныхъ къ вѣданію Москвы, бывалъ не всегда однообразенъ. Мы видимъ примѣры назначенія съ этою цѣлью: 3 бояръ, 1 окольничаго и 1 думнаго дьяка (2); 2 бояръ, 1 окольничаго, 1 печатника и думнаго дворянина и 3 думныхъ дьяковъ (3); 2 бояръ, 1 окольничаго, 1 печатника и думнаго дьяка и 2 думныхъ дьяковъ (4); 2 бояръ, 1 окольничаго и 1 думнаго дьяка (5); 2 бояръ и 1 думнаго дьяка (6); 1 боярина, 3 окольничихъ и 1 думнаго дворянина (7); 1 боярина, 1 окольничаго, 1 думнаго дворянина и 1 думнаго дьяка (8); 1 боярина, 1 окольничаго и 1 думнаго дьяка (9).

Назначеніе лицъ къ вѣданію Москвы на время отсутствія государя шло черезъ Разрядъ, изъ котораго посылались подъячіе объявлять этимъ лицамъ, что-бы они ѣхали „въ верхъ", т. е. въ государевы хоромы; здѣсь государь, послѣ напутственнаго богослуженія, допускалъ ихъ къ своей рукѣ и они вступали въ отправленіе своихъ обязанностей.

При подобнаго рода назначеніяхъ случались мѣстническіе споры, что иногда вызывало распоряженія о томъ, что-

---

(1) Такъ въ 1665 г. была назначена коммиссія для вѣданія Москвы во время отлучки государя въ село Измайлово всего на одинъ день.

(2) Дворц. Разр. II, 384, 473.

(3) Дворц. Разр. III, 86—87.

(4) Дворц. Разр. II, 521, 712.

(5) Дворц. Разр. I, 615, 644, 818, 857, 861; II, 9.

(6) Дворц. Разр. I, 680, 697, 724, 749.

(7) Дворц. Разр. III, 630.

(8) Дворц. Разр. III, 1013.

(9) Дворц. Разр. I, 1012; II, 70.

бы лицамъ вѣдающимъ Москву „быть всѣмъ на Москвѣ безъ мѣстъ“ (¹).

Сношенія коммиссій вѣданія Москвы съ отсутствующимъ государемъ производились отъ имени старшаго изъ ея членовъ „съ товарищи“—о чемъ бывали особыя распоряженія государя; равнымъ образомъ и царскія грамоты въ Москву адресовались по этой же формулѣ (²).

Какъ коллегія, замѣняющая государя и Думу его (такъ какъ бояре и думные люди, какъ мы выше замѣтили, большею частью сопровождали государя въ его походахъ,—коммиссія во время отсутствія государя принимала доклады изъ приказовъ. Важнѣйшіе изъ нихъ она препровождала по мѣсту пребыванія царя и Думы его, незначительные же, согласно предоставленнымъ ей на каждый данный случай полномочіямъ, коммиссія разрѣшала собственною властью (³). Такъ, во время пребыванія въ концѣ 1674 года царя въ селѣ Преображенскомъ, Москву вѣдали бояринъ кн. А. А. Голицинъ, окольничій кн. И. П. Борятинскій, думный дворянинъ И. А. Прончищевъ и разрядный думный дьякъ Г. С. Дохтуровъ. И вотъ мы видимъ, что кн. Голицинъ съ товарищами принимаютъ челобитье, распоряжаются о направленіи по нему дѣла въ извѣстный приказъ, слушаютъ докладъ по этому дѣлу изъ послѣдняго и, наконецъ, доведя дѣло до конца—посылаютъ его въ село Преображенское къ докладу государю „объ указѣ“, гдѣ государь и слушаетъ его съ боярами (⁴). Или, въ томъ же году, въ бытность государя въ походѣ въ селѣ Коломенскомъ, вѣдающіе Москву бояринъ кн. Г. С. Куракинъ съ товарищами принимаютъ доклады изъ Приказа Казанскаго Дворца и „указываютъ“ пре

(¹) Дворц. Разр. I, 697—698; III, 630; IV, 1127.

(²) Дворц. Разр. I, 926; III, 413, 461, 1014.

(³) Такъ напр. въ ноябрѣ 1674 года государь «сидитъ о всякихъ дѣлѣхъ» съ боярами въ селѣ Преображенскомъ, въ то время какъ Москву вѣдаютъ бояринъ кн. Г. С. Куракинъ съ товарищи. Дв. Разр. III, 1008—1009.

(⁴) Котошихинъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ степень полномочія лицъ, вѣдующихъ Москву: «.... и учатся какіе дѣла изъ полковъ или изъ городовъ, и они тѣ дѣла кромѣ тайныхъ, *смотря*, посылаютъ къ царю въ походъ, а по инымъ дѣламъ *указъ чинятъ, не писавъ* къ царю, по которымъ мочно (гл. II, ст. 17)».

проводить ихъ „въ походъ къ великому государю“ (¹). Такимъ образомъ бояре и думные люди, вѣдающіе Москву въ отсутствіе государя,—могутъ быть вполнѣ признаны особою думною коммиссіею, являющеюся за отсутствіемъ Думы Боярской представительницею послѣдней. Обыкновенно, какъ усматривается изъ отдѣльныхъ описаній царскихъ „походовъ“—съ государемъ выѣзжали не только бояре и думные люди не занимающіе никакихъ особыхъ постовъ, но и всѣ думные люди сидящіе судьями по приказамъ,—такъ что въ послѣднихъ оставались слѣдовательно одни дьяки и подъячіе. Само собою разумѣется, что подобный порядокъ, обусловливаемый выѣздомъ за государемъ всей Думы его, не могъ быть въ выгодахъ приказнаго управленія—и вотъ видимъ случаи ограниченія этого обыкновенія. Такъ, въ маѣ 1675 года, предпринявъ походъ на Воробьеву гору и назначивъ коммиссію для вѣданія Москвы — царь распорядился оставленіемъ въ Москвѣ также всѣхъ бояръ и думныхъ людей „которые сидятъ въ приказахъ у его государевыхъ дѣлъ, и велѣно имъ всякіе дѣла дѣлать, въ докладъ вносить спорные дѣла къ бояромъ“; но вмѣстѣ съ тѣмъ боярамъ, думнымъ людямъ и приказнымъ судьямъ велѣно три раза въ недѣлю пріѣзжать къ государю „въ походъ“ для вершенія всякихъ дѣлъ (²).

Весьма интересный случай учрежденія думной коммиссіи для вѣданія Москвы представляется въ 1654 году. Въ виду возникшей войны съ Польшею, царь Алексѣй Михайловичъ лично выступилъ въ походъ съ ратью, оставивъ для вѣданія Москвы коммиссію изъ 2 бояръ, 3 окольничихъ и одного думнаго дьяка; всѣ остальные бояре и думные люди сопровождали государя въ походѣ. Сноситься съ собою указалъ государь именемъ старшаго изъ бояръ—князя М. П. Пронскаго „съ товарищи“ (³). Но, какъ оказывается изъ до-

---

(¹) Дворц. Разр. III, 1109, 1118—1119. Дворц. Разр. III, 1013—1015. Иногда-же видимъ случаи докладовъ царю «въ походъ» непосредственно изъ приказовъ—и государь слушаетъ дѣла «въ походѣ» съ своею Думою (напр. Дв. Разр. III, 1111—1112).

(²) Дворц. Разр. III, 1409. Сравни Дворц. Разр. III, 1095 (гдѣ въ 1674 г. предписано боярамъ и думнымъ людямъ пріѣзжать къ государю «въ походъ», въ с. Преображенское, четыре раза въ недѣлю «челомъ ударить и *для сидѣнья*»).

(³) Дворц. Разр. III, 413.

шедшихъ до насъ актовъ, кн. Пронскій съ товарищами сносится не непосредственно съ государемъ, а съ остававшимися въ окрестностяхъ Москвы царицею Марьею Ильиничною и царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ (съ послѣднимъ, за дѣтствомъ его, конечно лишь номинально), которые и являются какъ бы временными правителями; важнѣйшія дѣла посылаются послѣдними для доклада къ Государю въ походъ,—менѣе же важныя рѣшаются ими самостоятельно (1). Этому временному правительству выпала на долю борьба съ моровою язвою, свирѣпствовавшею въ Россіи лѣтомъ того года; до насъ дошелъ цѣлый рядъ актовъ, свидѣтельствующихъ о ходѣ этой борьбы, жертвою которой сдѣлались трое изъ лицъ, оставленныхъ царемъ для вѣданія Москвы (2).

Переходимъ къ коммиссіямъ „*отвѣтнымъ*".

Подъ выраженіемъ „быти въ отвѣтѣ (или въ отвѣтѣхъ) съ послами"—разумѣлась обязанность бояръ и думныхъ людей, назначенныхъ къ тому на каждый отдѣльный случай государемъ, вести съ прибывшими въ Москву иноземными послами дипломатическіе переговоры, составляющіе предметъ миссіи послѣднихъ. Посольскому отвѣту всегда предшествовалъ торжественный пріемъ царемъ посольства въ одной изъ палатъ царскаго двора, имѣвшій мѣсто вскорѣ послѣ прибытія пословъ въ Москву и который носилъ техническое названіе „пріема на пріѣздѣ"; но на этой аудіенціи послы не касались предметовъ миссій своихъ: для послѣдней цѣли, черезъ нѣсколько дней послѣ торжественнаго пріема, государь указывалъ посламъ быть у бояръ въ отвѣтѣ. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что въ отвѣтъ назначались два боярина, одинъ или два окольничіе и думный посольскій дьякъ (3). Но, какъ оказывается изъ источниковъ, составъ отвѣтной коммиссіи не всегда былъ однообразенъ: такъ мы имѣемъ примѣры назначенія въ отвѣтъ 2 бояръ, 1 окольничаго, 1 думнаго дворянина и посольскаго думнаго дьяка (4); 2 бояръ, 1 окольничаго, двухъ думныхъ дья-

(1) Доп. къ Акт. Ист. III, № 119.

(2) Доп. къ Акт. Ист. III, см. цѣлый рядъ актовъ подъ № 119.

(3) Котошихинъ, гл. V, ст. 5.

(4) Дворц. Разр. III 560.

ковъ—посольскаго и помѣстнаго—и одного простаго дьяка (1); 2 бояръ, 1 окольничаго и думнаго посольскаго дьяка (2); 2 бояръ, думнаго посольскаго дьяка и простаго посольскаго дьяка (3); 2 бояръ, 1 окольничаго и 3 думныхъ дьяковъ—посольскаго, помѣстнаго и разряднаго (4); 1 боярина, 1 окольничаго и посольскаго думнаго дьяка (5), 1 боярина, 1 окольничаго и 2 думныхъ дьяковъ—посольскаго и разряднаго (6); 1 боярина, 2 думныхъ посольскихъ дьяковъ и простаго посольскаго дьяка (7); 1 окольничаго, думнаго посольскаго дьяка и 3 простыхъ посольскихъ дьяковъ (8); 1 окольничаго и простаго дьяка помѣстнаго приказа (9). Пріѣхавъ къ царскому двору для отвѣта, послы снова принимаемы были царемъ въ одной изъ парадныхъ палатъ, откуда, послѣ обычныхъ церемоній, удалялись въ другую палату, гдѣ имъ надлежало находиться въ отвѣтѣ у бояръ. Обыкновеннымъ мѣстомъ посольскихъ отвѣтовъ служила Отвѣтная Палата; впрочемъ, по исключенію, имѣли они мѣсто и въ Золотой Палатѣ, а также и въ Посольскомъ приказѣ (10). Самый порядокъ отвѣта подробно описанъ у Котошихина и у Мейерберга; онъ происходилъ по изстари установившимся обычнымъ формамъ (11). Выслушавъ рѣчи пословъ, отвѣтные бояре и думные люди выходили въ палату, въ которой на-

(1) Дворц. Разр. II, 546.

(2) Дворц. Разр. III, 941.

(3) Дворц. Разр. III, 240.

(4) Дворц. Разр. II, 612.

(5) Дворц. Разр. I, 224—225.

(6) Дворц. Разр. II, 505.

(7) Дворц. Разр. III, 678.

(8) Дворц. Разр. III, 912—913.

(9) Дворц. Разр. Доп. III т., 86.

(10) Дворц. Разр. III, 678, 912—913. Имѣется даже примѣръ отвѣта на Казенномъ Дворѣ: Дв. Разр. II, 612. Въ концѣ XVI в. отвѣтъ въ Набережной Палатѣ: Карамзинъ, X, прим. 111. Памятники дипломат. сношеній, I, 470.

(11) «.... указалъ государь ему быть у бояръ въ отвѣтѣ, по прежнему посольскому обычаю ....». Дворц. Разр. III, 560.

ходился царь, и передавали ему сущность переговоровъ; государь обыкновенно высылалъ къ остававшимся въ Отвѣтной Палатѣ посламъ объявить имъ, что отвѣтъ его будетъ сообщенъ имъ въ другой разъ, послѣ чего послы отпускались къ дворамъ своимъ (1). Иногда отвѣтныя сидѣнія возобновлялись до трехъ разъ (2), причемъ внѣшній порядокъ ихъ былъ совершенно сходенъ съ первымъ засѣданіемъ. Послѣ того какъ отвѣтная коммиссія доводила дипломатическіе переговоры до окончательнаго результата, послы получали извѣстный отвѣтъ по предмету миссіи своей и допускались къ торжественной прощальной аудіенціи у царя (носившей техническое названіе „быть на отпускѣ")—послѣ чего пускались въ возвратный путь къ своему отечеству.

Боярамъ назначавшимся къ бытію „въ отвѣтѣ" съ послами, а также получавшимъ и другія дипломатическія порученія, всегда предоставлялось почетное званіе намѣстниковъ различныхъ городовъ, напр. „бояринъ и намѣстникъ Тверской Н. Р. Юрьевъ", „бояринъ и намѣстникъ Можайскій кн. В. А. Сицкой" и т. п. Большая или меньшая значительность города, почетное намѣстничество котораго предоставлялось, всегда строго сообразовывалась съ честью, съ родовитостью, боярина; представители болѣе родовитыхъ фамилій получали и почетное намѣстничество болѣе значительныхъ городовъ. Въ видахъ послѣдняго существовало особое раздѣленіе городовъ на степени, сообразно съ ихъ большею или меньшею значительностью (3).

Кромѣ коммиссій для вѣданія Москвы во время отсутствія царя и коммиссій отвѣтныхъ—изъ членовъ Думы Боярской, по указамъ на каждый данный случай государя, выдѣлялись также спеціальныя коммиссіи для разсмотрѣнія какаго либо выдающагося дѣла или случая, требующаго обстоятельнаго и всесторонняго разсмотрѣнія; къ участію

(1) Котошихинъ, гл. V, ст. 4—6. Mayerberg: Relation d' un voyage en Moscovie (Paris, 1858) II, 115—122. Описаніе Мейерберга подтверждаетъ вполнѣ всѣ подробности приводимыя Котошихинымъ. См. также описанія отвѣтовъ въ Памятникахъ дипломат. сношеній, напр. III, 380 и сл., 823 и сл. и мн. др.

(2) Наприм. Дворц. Разр. III, 943.

(3) Памятн. дипломат. снош. I, XXI. Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV, № 116.

въ этихъ коммиссіяхъ иногда привлекались и лица непринадлежащія къ нормальному составу Думы, но содѣйствіе которыхъ могло быть въ интересахъ обсуждаемаго дѣла.

Укажемъ примѣры подобныхъ коммиссій.

Въ декабрѣ 1662 года учреждена царемъ особая коммиссія, которой велѣно „сидѣть о патріарховѣ (Никона) дѣлѣ и выписывать изъ правилъ". Въ эту коммиссію назначены два духовныхъ члена—Ростовскій митрополитъ Іона и Рязанскій архіепископъ Иларіонъ, а изъ свѣтскихъ чиновъ слѣдующіе: бояре кн. Н. И. Одоевскій и П. М. Салтыковъ, думный дворянинъ П. К. Елизаровъ, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ и (вѣроятно для письмоводства) дьякъ Голосовъ (¹).

Затѣмъ, въ 1682 году, назначена была коммиссія изъ членовъ Думы, подъ предсѣдательствомъ боярина князя В. В. Голицына и съ участіемъ выборныхъ отъ служилыхъ людей различныхъ чиновъ, для пересмотра всего ратнаго устройства, сообразно съ происшедшимъ развитіемъ ратнаго дѣла въ другихъ земляхъ. Первоначальный указъ объ учрежденіи этой коммиссіи до насъ не дошелъ,—но свѣдѣнія объ ней почерпаемъ мы изъ извѣстнаго акта объ уничтоженіи мѣстничества; здѣсь сказано, что „боярамъ кн. В. В. Голицыну съ товарищи" велѣно узнать мнѣнія по этому вопросу выборныхъ отъ служилыхъ людей,—„а что... учнутъ тѣ выборные говорити, и о томъ бы о всемъ имъ боярамъ докладывать себя великаго государя" (²).

Въ дополненіе обзора видовъ Думы и различныхъ коммиссій изъ нея выдѣлявшихся—должны мы указать на случаи вхожденія Думы, въ полномъ ея комплектѣ, въ составъ другихъ органовъ. Такъ, напримѣръ, уже извѣстенъ намъ изъ исторіи земскихъ соборовъ фактъ вхожденія Думы въ составъ послѣднихъ; бояре и думные люди засѣдали здѣсь всѣ поголовно, тогда какъ не-думные чины давали на земскіе соборы лишь представителей своихъ, — слѣдовательно Дума Боярская должна была ясно выдѣляться въ общемъ составѣ собора. Это выдѣленіе было особенно наглядно въ земскомъ соборѣ 1649 года; извѣстно что царь, Дума его и члены Освященнаго Собора слушали здѣсь чтеніе санкці-

(¹) Дворц. Разр. Доп. III т. 362—363.

(²) П. С. З. № 905. Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, № 130.

ѳнировавшагося Уложенія отдѣльно отъ выборныхъ отъ другихъ чиновъ служилыхъ людей и отъ земскихъ представителей (¹). Затѣмъ Дума Боярская, въ полномъ комплектѣ своемъ, входила въ составъ важнѣйшихъ духовныхъ соборовъ. Такъ еще въ 1455 году въ церковномъ соборѣ, созванномъ для обсужденія вопросовъ чисто духовныхъ, принималъ участіе „великій государь *земьскій*, в. к. Василій Васильевичъ всея Руси, съ своимъ синклитомъ" (²). Затѣмъ братья царя, князья и бояре его засѣдали на извѣстномъ Стоглавомъ соборѣ 1551 года (³). Извѣстно наконецъ, что бояре и думные люди засѣдали и на церковномъ соборѣ 1666 года, на которомъ четыре восточные патріарха и весь русскій Освященный Соборъ производили судъ надъ патр. Никономъ; на этомъ соборѣ члены Царской Думы, даже по мѣстамъ ими занимаемымъ, выдѣлялись изъ общаго состава собора (⁴).

Въ литературѣ исторіи русскаго права возбуждался вопросъ о дѣленіи Думы Боярской на отдѣленія, между которыми распредѣлялись будто бы всѣ дѣла, восходившія до этого центральнаго правительственнаго установленія. Поводомъ къ поднятію этого вопроса послужило то отсутствіе въ источникахъ юридически-опредѣленнаго термина для обозначенія Думы Боярской, на которое указали уже мы въ началѣ предшествовавшей главы (⁵). Мы видѣли, что понятіе Думы Боярской выражается въ источникахъ или описательно, или же наименованіемъ того помѣщенія, въ которомъ происходило данное засѣданіе; а такъ какъ въ царскихъ хоромахъ не было опредѣленнаго помѣщенія для думныхъ засѣданій—то вслѣдствіе этого является большое разнообразіе въ наименованіяхъ Думы. Такимъ образомъ встрѣчаемъ мы понятія: Верха, Комнаты, Грановитой Большой Золотой Палаты, Золотой средней или меньшей Палаты, Золотыхъ Подписныхъ Палатъ, Столовой Палаты, Отвѣтной Палаты. Естественно, что въ начальную пору раз-

(¹) «Исторія права Моск. госуд., стр. 287.

(²) Акты Ист., I, № 57.

(³) Стоглавъ (Спб. 1863), стр. 27.

(⁴) Соловьевъ: Исторія Россіи т. XI (изд. 1861 г.), стр. 356—357.

(⁵) См. выше стр. 40—41.

витія науки изученія русскихъ юридическихъ древностей, при весьма еще небольшомъ количествѣ доступныхъ для изученія памятниковъ—это разнообразіе могло дать поводъ къ принятію многихъ изъ этихъ наименованій за особыя отдѣленія Думы. Въ такую именно ошибку первый впалъ Новиковъ въ своей статьѣ „Московскіе старинные приказы" (¹)—гдѣ онъ описываетъ, въ качествѣ отдѣльныхъ учрежденій: Большую Думу, Золотую Расправную Палату (²), Переднюю Палату и Расправную Палату. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей въ тоже заблужденіе впадаетъ профес. Дмитріевъ, высказывающій въ своей „Исторіи судебныхъ инстанцій" слѣдующее положеніе: „Боярская Дума въ настоящее время называлась: Золотою, Золотою Меньшею и Переднею Палатами, иногда Золотою Расправною и просто Палатою. Это были *отдѣленія* Думы, кажется постоянныя, потому что о каждой палатѣ есть особые указы. По всей вѣроятности, отдѣленія завѣдывали различными дѣлами" (³).

Положеніе, высказанное проф. Дмитріевымъ, не находитъ себѣ никакого оправданія въ источникахъ. Не находимъ мы и указовъ, свидѣтельствующихъ объ отдѣленіяхъ Думы,—а тѣ указы, на которые ссылается авторъ, говорятъ лишь о различныхъ, хорошо извѣстныхъ лицамъ знакомымъ съ русскими древностями, помѣщеніяхъ или палатахъ Московскихъ царскихъ хоромъ До послѣдней четверти XVII стол. ни одно мѣсто источниковъ—ни акты, ни разрядныя, ни записныя книги—не даетъ намъ указаній на существованіе какаго либо постояннаго опредѣленнаго отдѣленія Думы Боярской; напротивъ, въ Уложеніи весьма опредѣленно предписывается боярамъ и думнымъ людямъ „сидѣти въ полатѣ и . . . . *всякія* дѣла дѣлати *всѣмъ вмѣстѣ*" (⁴). Лишь въ послѣдней четверти XVII стол. возникаетъ при Думѣ особое отдѣленіе, съ опредѣленнымъ личнымъ составомъ и извѣстною организаціею, для вѣданія расправныхъ (т. е.

(¹) Древн. Росс. Вивл. т. XX (изд. второе).

(²) Эту послѣднюю онъ смѣшиваетъ, какъ оказывается изъ приводимаго имъ личнаго состава въ разл. годы этого *отдѣленія* Думы, съ извѣстнымъ Приказомъ Золотаго Дѣла,—доказательство шаткости выводовъ Новикова по этому вопросу.

(³) Дмитріевъ: Исторія судебн. инстанцій», 341.

(⁴) Уложеніе, гл. X, ст. 2.

судныхъ) дѣлъ, переносимыхъ на разсмотрѣніе Думы изъ отдѣльныхъ приказовъ. Это чисто судебное отдѣленіе, возникшее вѣроятно въ виду необходимости придать болѣе твердую и правильную организацію судебно-инстанціонной функціи Думы, которая не могла правильно отправляться Думою въ полномъ составѣ ея—въ первые годы своего существованія упоминается описательно („быть" или „сидѣть у росправныхъ дѣлъ"), а съ начала послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка получаетъ уже постоянное и юридически-опредѣленное названіе *Расправной Палаты*.

Первымъ дошедшимъ до насъ извѣстіемъ о существованіи уже Расправной Палаты, какъ особаго суднаго отдѣленія Думы Боярской—если не извѣстіемъ о первомъ учрежденіи ея,—оказывается разрядная запись, напечатанная въ IV т. Дворцовыхъ Разрядовъ: „189 году (1681 г.) мая въ 9 день, вел. государь ц. и в. к. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всея В. и М. и Б. Россіи Самодержецъ, указалъ *у росправныхъ дѣлъ*, и какъ онъ вел. государь *изволитъ быть въ походѣхъ, и имъ быти на Москвѣ* съ бояриномъ со княземъ Ник. Ив. Одоевскимъ въ товарищахъ....", — слѣдуютъ имена трехъ бояръ (кн. Ю. М. Одоевскаго, кн. И. П. Барятинскаго и кн. П. С. Прозоровскаго), трехъ окольничихъ (М. П. Головина, П. Т Кондырева и кн. Д. А. Барятинскаго), трехъ думныхъ дворянъ (Г. С. Караулова, А. И. Ружевскаго и Б. Ѳ. Полибина) и двѣнадцати думныхъ дьяковъ (А. Степанова, П. Оловенникова, Л. Кондратова, А. Мискова, Н. Зотова, П. Бѣлянинова, С. Павловскаго, Ѳ. Посникова, Е. Украинцова, А. Ѳедорова, В. Купріянова, Л. Порѣцкаго) (¹). Въ августѣ того же 1681 г. снова упоминается о боярахъ, окольничихъ и думныхъ людяхъ сидящихъ съ княземъ Н. И. Одоевскимъ „у росправныхъ дѣлъ въ Золотой Палатѣ",—какъ объ учрежденіи постоянномъ, съ извѣстною правильною организаціею (²). Въ 1689 г. видимъ мы уже новый составъ Расправной Палаты: 14 сентября этого года указано сидѣть „въ Полатѣ у росправныхъ дѣлъ" боярину князю Як. Никит. Одоевскому, а съ нимъ тремъ боярамъ (М. П. Головину, кн. К. А. Козлов-

(¹) Дворц. Разр. IV, 187.

(²) П. С. З. № 885.

скому и М. С. Пушкину), четыремъ окольничимъ (М. П. Измайлову; кн. Ѳ. И. Шаховскому, кн. Д. Н. Щербатому и кн. Ѳ. Л. Волхонскому), двумъ думнымъ дворянамъ (Ѳ. С. Нарбекову и Ѳ. А Зыкову) и двумъ думнымъ дьякамъ (П. И. Никифорову и Я. А. Кирилову) (¹). Въ томъ же году, 14 октября, велѣно сидѣть съ бояриномъ кн. Я. Н. Одоевскимъ, „въ Полатѣ у расправныхъ дѣлъ", окольничему И. С. Хитрому; въ январѣ слѣдующаго 1690 г.—думному дьяку П. Возницыну, а въ маѣ—окольничему И. А. Мусину-Пушкину (²). Объ этомъ составѣ Расправной Палаты снова упоминается въ іюлѣ 1690 года: 2-го числа этого мѣсяца цари, отправляясь изъ Москвы въ село Коломенское, въ сопровожденіи бояръ и думныхъ людей, оставляютъ на Москвѣ боярина кн. Я. Н. Одоевскаго съ товарищами,—„которые въ Расправной Палатѣ" (³). Въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ впервые является въ источникахъ терминъ „Расправная Палата". Въ ноябрѣ 1691 года видимъ новаго первоприсутствующаго въ Расправной Палатѣ: 15-го числа этого мѣсяца велѣно „въ Росправной Палатѣ, съ бояриномъ со княземъ Мих. Як. Черкасскимъ съ товарищи, быть думному дьяку Михаилу Прокофьеву, сыну Проковьеву, а думному дьяку Протасью Никифорову въ Росправной Палатѣ не быть, а быть ему въ Помѣстномъ приказѣ по прежнему" (⁴). Въ іюнѣ 1692 г. получили указы сидѣть въ Расправной Палатѣ, съ бояриномъ кн. М. Я. Черкасскимъ: окольничій кн. П. И. Шаховской и думный дворянинъ И. Б. Ловчиковъ (⁵).

Вникая въ мѣста источниковъ, сохранившія намъ извѣстія о Расправной Палатѣ,—мы довольно близко приблизимся къ разрѣшенію вопроса о причинахъ ея образованія. Во второй половинѣ XVII вѣка дѣлаются весьма обыкновенными выѣзды царей изъ Москвы „въ походы" въ подгородныя села свои, гдѣ они и пребывали нерѣдко въ продолженіи весьма значительныхъ промежутковъ времени; мо-

(¹) Дворц. Разр. IV, 483.
(²) Дворц. Разр. IV, 490, 523, 557.
(³) Дворц. Разр. IV, 569—570.
(⁴) Дворц. Разр. IV, 623—624.
(⁵) Дворц. Разр. IV, 693.

жно смѣло сказать, что начиная съ конца третьей четверти XVII вѣка, время пребыванія царей въ походахъ едва ли не превышало времени пребыванія ихъ въ столицѣ. По придворнымъ обычаямъ того времени—какъ не трудно убѣдиться въ томъ изъ простаго перелистыванія Дворцовыхъ Разрядовъ—царей сопровождали въ этихъ походахъ всѣ бояре и думные люди, что не могло не отзываться весьма вреднымъ образомъ на судебной дѣятельности Думы Боярской и на самомъ порядкѣ суда, правильное теченіе котораго должно было требовать извѣстной постоянной организаціи. Этой послѣдней цѣли не трудно было достигнуть, сдѣлавъ коммиссіи, учреждавшіяся для вѣданія Москвы въ отсутствіе государя [1], постояннымъ учрежденіемъ, увеличивъ количество членовъ ихъ и поручивъ имъ, во время присутствія государя въ столицѣ—вѣдать судныя дѣла изъ приказовъ, а во время выѣздовъ государя въ походы—сверхъ того вѣдать и Москву. Этимъ достигалось разомъ двѣ цѣли,—интересы правосудія не страдали во время выѣздовъ изъ Москвы вмѣстѣ съ царемъ членовъ Думы, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалась необходимость въ учрежденіи особой коммиссіи для вѣданія Москвы на случай каждой отлучки царя изъ столицы. Таково несомнѣнное происхожденіе Расправной Палаты, какъ постоянной Думной коммиссіи или отдѣленія для производства судныхъ дѣлъ; оно вполнѣ подтверждается тѣмъ, что со времени учрежденія Расправной Палаты—не назначается уже въ случаѣ царскихъ походовъ особыхъ коммиссій для вѣданія Москвы, а съ другой стороны тѣмъ, что съ этихъ поръ, въ случаѣ царскихъ походовъ, вѣданіе Москвы постоянно возлагается уже на Расправную Палату [2].

---

(1) См. выше стр. 76—80.

(2) Дворц. Разр. IV, 569—570, 689, 699, 708, 721, 731 и мн. др.

Глава III.

Мѣсто и время думныхъ засѣданій.

I. Царскія палаты, какъ мѣсто думныхъ засѣданій.—Очеркъ царскаго двора, историческое значеніе отдѣльныхъ частей и палатъ его; палаты служившія мѣстомъ думныхъ засѣданій.—Засѣданія Думы внѣ царскихъ палатъ.—Засѣданія Думы внѣ столицы.—II. Время думныхъ засѣданій. Свидѣтельства иноземныхъ и отечественныхъ источниковъ о часахъ и дняхъ думныхъ засѣданій.

Продолжая разсмотрѣніе внутренней организаціи Думы Боярской, переходимъ къ вопросу о мѣстѣ засѣданій ея.

Мы уже знаемъ, что Дума Боярская не занимала опредѣленнаго помѣщенія, но что засѣданія ея происходили обыкновенно въ различныхъ палатахъ царскаго двора. Мы увидимъ скоро, что разнообразіе мѣстъ засѣданій Думы идетъ еще далѣе: они могли имѣть мѣсто въ самой же Москвѣ, но внѣ предѣловъ царскаго двора, и наконецъ, весьма часто происходили даже внѣ Москвы, что имѣло именно мѣсто во время отлучекъ царя изъ столицы. Отсутствіе постояннаго помѣщенія для Думы, ея, такъ сказать, кочевой характеръ—легко объясняется между прочимъ отсутствіемъ при ней канцелярской организаціи, которое, какъ ниже увидимъ мы, обусловливалось самымъ порядкомъ думнаго дѣлопроизводства. Опредѣленное помѣщеніе имѣла кажется лишь Расправная Палата—возникшее въ послѣдней четверти XVII стол. постоянное судебное отдѣленіе Думы,—преимущественнымъ мѣстомъ засѣданія которой служила Золотая Палата, отчего она и называлась иногда Золотою Расправною.

Согласно сейчасъ высказанному нами, вопросъ о мѣстахъ засѣданій Думы Боярской разсмотримъ мы съ трехъ сторонъ: засѣданія Думы въ царскихъ хоромахъ, засѣданія ея внѣ царскихъ хоромъ, но въ самой же Москвѣ, и, наконецъ, засѣданія Думы внѣ предѣловъ столицы.

Чтобы дать читателю болѣе или менѣе ясное понятіе о мѣстахъ засѣданія Думы Боярской въ предѣлахъ Московскихъ царскихъ хоромъ—мы представимъ общее расположеніе ихъ, которое будетъ вполнѣ понятно каждому, хотя нѣсколько знакомому съ расположеніемъ Московскаго Кремля и взаимнымъ соотношеніемъ соборовъ и Грановитой Палаты. Болѣе подробное изложеніе этого вопроса считаемъ

мы вполнѣ умѣстнымъ, такъ какъ оно укажетъ старинное мѣстоположеніе многихъ палатъ, въ которыхъ, кромѣ думныхъ сидѣній, происходили засѣданія земскихъ соборовъ, пріемы пословъ и другія торжественныя событія Московской государственной жизни; оно послужитъ и къ выясненію названій различныхъ частей царскаго двора, игравшихъ видную роль въ государственномъ быту Московскаго царства.

До конца XV вѣка великіе князья Московскіе жили въ деревянныхъ хоромахъ, которыя были разобраны въ 1492 году, по повелѣнію в. к. Іоанна III, а взамѣнъ ихъ предпринято было сооруженіе каменныхъ хоромъ, въ которыя, въ 1508 году, и перешелъ жить в. к. Василій Ивановичъ (¹). Этотъ каменный дворъ находился съ западной стороны Благовѣщенскаго собора и, паралельно теченію Москвы рѣки, простирался отъ собора по направленію къ Боровицкимъ воротамъ. Дальнѣйшее распространеніе каменнаго двора совершено въ правленія в. к. Василія Ивановича и царя Іоанна IV: уже къ половинѣ XVI в. каменный корпусъ двора повернулъ отъ Благовѣщенскаго собора къ сѣверу и примкнулъ къ Грановитой Палатѣ (оконченной итальянскими зодчими постройкою еще въ 1491 году), образовавъ такимъ образомъ прямой уголъ, вершину котораго составлялъ Благовѣщенскій соборъ. Наконецъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича послѣдовало еще одно капитальное распространеніе царскаго двора: къ западу отъ Грановитой Палаты въ 1635—1636 гг. воздвигнуты каменныя хоромы— нынѣшній теремной дворецъ—которыя и служили съ тѣхъ поръ внутренними жилыми покоями царскаго семейства, взамѣнъ старинныхъ набережныхъ палатъ (²). Такимъ образомъ, къ половинѣ XVII стол., весь фасадъ царскаго двора имѣлъ подобіе буквы П, вершиною обращенной къ востоку; правой вертикальной линіи соотвѣтствовали набережныя палаты, лѣвой вертикальной линіи—теремныя хоромы, верхней горизонтальной линіи—восточный фасадъ, ограни-

(¹) Софійскій Временникъ, II, 241, 282 («. . . тоя же весны (1508 г.), . . . вышолъ князь велики . . . въ новой дворъ кирпичной жити, его же заложилъ отецъ его . . . *на старомъ мѣстѣ* у Благовѣщенія»).

(²) «Выходы Царей», изд. Арх. Ком., указатель, стр. 20—21.

ченный, съ юга—Благовѣщенскимъ соборомъ, съ сѣвера—Грановитою Палатою. Внутреннее пространство между тремя частями царскихъ патать, съ расположенными на немъ хозяйственными и приказными постройками — восило названіе „дворца“, т. е. двора въ собственномъ смыслѣ слова. Къ западу дворецъ оканчивался зданіями Конюшеннаго приказа, царскими конюшнями и различными другими постройками дворцоваго вѣдомства. Укажемъ теперь въ общихъ чертахъ мѣста расположенія въ различныхъ частяхъ царскихъ хоромъ тѣхъ палатъ или помѣщеній, корыя играли болѣе или менѣе видную роль въ Московской государственной жизни, на сколько возстановляются они по источникамъ XVII вѣка. Въ части набережныхъ палатъ, смежной съ Благовѣщенскимъ соборомъ и южнымъ угломъ восточнаго фасада (такъ будемъ мы для краткости называть фасадъ царскаго двора между Благовѣщенскимъ соборомъ и Грановитою Палатою)—примыкала палата Столовая; вдоль восточнаго фасада, начиная отъ Благовѣщенскаго собора и слѣдуя на сѣверъ къ Грановитой Палатѣ, въ послѣдовательномъ порядкѣ расположены были: Золотая Меньшая или Золотая подписная или Средняя Золотая Подписная Палата, затѣмъ Проходныя сѣни или Проходная Палата (¹), составлявшая, такъ сказать, аванзалу первой, далѣе Отвѣтная Палата и наконецъ слѣдовали сѣни Грановитой Палаты, изъ которыхъ на право входили въ Грановитую или Большую Золотую Палату, а на лѣво выходили на внутреннее Постельное Крыльце, отъ котораго каменная лѣстница вела въ верхній ярусъ нынѣшняго терема, гдѣ были жилые покои государей.

Что бы яснѣе представить себѣ взаимное соотношеніе отдѣльныхъ палатъ царскаго двора половины XVII стол.,—вообразимъ себя подходящими къ нимъ съ востока, пространствомъ площади, заключающимся между Архангельскимъ соборомъ и колокольнею Ивана Великаго, оставляя влѣво корпусъ Казеннаго двора, расположенный между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. Первое что

(¹) Которую не должно смѣшивать съ другими Проходными палатами,—наприм. находившеюся у Постельнаго крыльца и примыкавшею къ царицынымъ палатамъ.

представилось-бы нашимъ взорамъ—это каменный двуярусный восточный фасадъ царскихъ хоромъ, примыкающій съ южной стороны къ Благовѣщенскому собору, съ сѣверной—къ сѣнямъ Грановитой Палаты, и расположенный по линіи заднихъ (западныхъ) стѣнъ обоихъ зданій, представлявшихъ какъ бы два колоссальныхъ крайнихъ выступа изъ этого фасада. Отъ собора до сѣней Грановитой Палаты, вдоль всего втораго яруса фасада, тянулась длинная крытая галлерея,—достопамятное Красное Крыльце Московскаго царскаго двора (1). Такимъ образомъ до конца XVII стол. подъ названіемъ Краснаго Крыльца разумѣлась не лѣстница, примыкающая къ Грановитой Палатѣ и ведущая съ площади въ такъ называемыя нынѣ Святыя Сѣни передъ Грановитою Палатою, которая извѣстна и до нашихъ дней подъ этимъ названіемъ,—но вся галлерея, тянувшаяся вдоль верхняго яруса восточнаго фасада; впрочемъ уже въ концѣ XVII стол. названіе, сперва Красной Лѣстницы, а затѣмъ и Краснаго Крыльца, стало придаваться преимущественно лѣстницѣ, извѣстной и нынѣ подъ этимъ наименованіемъ (2). Отъ площади соборовъ вели на Красное Крыльце три всхода: первый изъ нихъ (южный) образовывала сѣверная паперть Благовѣщенскаго собора; второй (сѣверный) образовывала такъ называемая въ источникахъ „лѣстница у Грановитой Палаты"—Красное Крыльце нашихъ дней; третій всходъ составляла „средняя лѣстница", находившаяся между двумя предъидущими и ведшая къ средней части Краснаго Крыльца (3). Между среднею лѣстницею и лѣстницею у Грановитой Палаты находились ворота, ведшія съ площади на „дворецъ" (4),—внутренній дворъ царскихъ хоромъ; вхо-

(1) Оно называлось также *переходами*. Памятники дипломат. сношеній, II, 486, III. 371.

(2) Дворц. Разр. IV. 254, 309, 353. 720.

(3) Для соотношенія Краснаго Крыльца и трехъ восходовъ на него см. Дворц. Разр. II. 175 (сноска), 205, 216. 418, 421—422, III. 556—558, 562, 581, Доп. III, 441. IV, 720; Карамзинъ, X, прим. 111, Памятники диплом. снош. I, 1266—1267; II, 486; III. 371 и мн. др. При перестройкѣ царскаго двора при импер. Елизаветѣ изъ трехъ лѣстницъ оставлена лишь одна сѣверная—нынѣшнее Красное Крыльце («Выходы Царей», указат. 46).

(4) Дворц. Разр. IV, 720.

дившій на „дворецъ“ этими воротами, пройдя ихъ, имѣлъ во внутренности дворца съ правой руки Постельное Крыльце, служившее соединительнымъ звѣномъ между палатами восточнаго фасада и зданіемъ нынѣшняго теремнаго дворца, въ которое вела съ этого крыльца каменная лѣстница. Указанныя выше три лѣстницы, ведшія съ площади на Красное Крыльце — служили мѣстами торжественныхъ входовъ въ царскія палаты. Лѣстница у Грановитой Палаты служила для царскихъ выходовъ; остальныя двѣ служили, между прочимъ, для введенія въ царскія палаты иноземныхъ пословъ, причемъ черезъ Благовѣщенскую паперть, считавшуюся входомъ болѣе почетнымъ сравнительно съ середнею лѣстницею, вводили лишь пословъ христіанскихъ государствъ (¹). Съ Краснаго Крыльца вели во внутреннія палаты три двери, которыя мы назовемъ южными, средними и сѣверными. Первыя должны были находиться на южной оконечности Краснаго Крыльца, на лѣво отъ паперти Благовѣщенскаго собора, и вели въ Столовую Палату (²); вторыя двери находились въ средней части Краснаго Крыльца, противъ середней лѣстницы его (³); третьи двери, находившіяся въ сѣверной части Краснаго Крыльца и существующія донынѣ, вели въ сѣни передъ Грановитою или Золотою Большою Палатою (⁴).

Взойдя на Красное Крыльце Благовѣщенскою папертью, мы имѣли-бы, на лѣво—южную дверь, на право—все протяженіе Краснаго Крыльца; поворотивъ на лѣво и взойдя въ южную дверь,—мы прежде всего вошли бы въ „сѣни

(¹) Это легко усматривается изъ находящихся въ Дворц. Разрядахъ описаній посольскихъ пріемовъ. Черезъ середнюю лѣстницу вводятъ нехристіанскихъ пословъ: I, 671—672; II, 421—422, 191 (сноска), 205 и др.

(²) Дворц. Разр. III, 559—560, 586—587; Карамзинъ: Ист. Гос. Рос., X, прим. 111 («.... и шелъ вверхъ середнею лѣстницею, да по крыльцу (Красному) въ Набережную палату .... а отъ Благовѣщенья до дверей Набережной палаты ... стояли дѣти боярскіе и пр.»

(³) Дворц. Разр. I, 671—672; II, 183; Доп. III т., 441; здѣсь ясно указано соотношеніе крыльца и дверей: «А на Красномъ Крыльцѣ стояли со свѣчами жъ стрѣльцы: у дверей (грановитыхъ сѣней) ...., противъ золотой палаты у дверей ...., въ Благовѣщенской паперти“....

(⁴) Дворц. Разр. II, 442, 464.

передъ Столовою", откуда другая дверь провела бы насъ уже въ самую Столовую палату. Обширныя сѣни Столовой палаты расположены были смежно съ Золотою Меньшею Палатою (1). Если бы мы, взойдя на Красное Крыльце Благовещенскою папертью, повернули вправо (причемъ оставили бы влѣво ходъ въ Столовую Палату), то, дойдя до половины Краснаго Крыльца, имѣли бы, на право — сходъ на площадь середнею лѣстницею, а на лѣво—среднюю дверь, ведущую уже во внутренность восточнаго корпуса. Этою дверью мы вошли бы въ обширныя Проходныя Сѣни (изрѣдко называвшіяся также Проходною Палатою)—которые занимали слѣдовательно среднюю часть корпуса. Изъ этихъ сѣней, въ лѣвой (отъ входа) стѣнѣ ихъ, находилась дверь въ Золотую Меньшую или Золотую Подписную или Среднюю Золотую Подписную Палату (2) — занимавшую южную часть восточ-

(1) Дворц. Разр. III, 559—560, 586—587. Въ описаніи стѣнной живописи Золотой Палаты, составленномъ въ 1672 году, сказано, что эта палата обращена одною стѣною (восточною) къ Красному крыльцу, второю *къ Панахидной*, третьею къ *Столовой* Палатамъ, четвертою—къ сѣнямъ съ дверью (Проходныя сѣни). Карамзинъ, т. X, прим. 453. Въ Дворц. Разрядахъ сказано про лицъ, стоящихъ въ сѣняхъ Столовой Палаты, что они поставлены «межъ Золотою и Панихидною Полатою» (III, 587); сѣни Столовой Палаты были глубиною не менѣе шести саженъ, такъ какъ въ нихъ, отъ двери палаты до Краснаго крыльца устанавливались въ два ряда 50 человѣкъ (Ibid , 559). Если Панахидная Палата была смежна съ южною стѣною Столовыхъ сѣней (которыя отдѣляли ее такимъ образомъ отъ Золотой)—то изъ сопоставленія приведенныхъ цитатъ окажется, что Золотая Палата дѣйствительно была обращена южною стѣною къ Панахидной и западною стѣною къ Столовой Палатѣ, которая сѣверною стѣною образовывала на внутреннемъ «дворцѣ» уголъ съ западною стѣной Золотой Палаты; смежными же быть обѣ послѣднія не могли вслѣдствіе значительной длины Столовыхъ сѣней, которыя соприкасались со всей южной стѣной золотой Палаты.

(2) Для опредѣленія соотношенія Краснаго Крыльца, Золотой Меньшой Палаты и Проходныхъ сѣней—см. Дворц. Разр. I, 672; II, 98—100, 102—104, 116—117—119—120, 183, 202—203, 213—214, 434—435; III, 515 и др. Что Золотая Меньшая и Золотая Подписная — различныя наименованія одной и той-же палаты, явствуетъ изъ сличенія текста и сносокъ къ нему въ слѣдующ. мѣстахъ: II, 98—100 и сноска къ послѣдней, 102—104 и сн. къ посл., 116—117 и сн. къ посл., 202—204 и сн. къ посл. и др. Названіе этой же Палаты *Средней* Золотой Подписной (II, 202—203 и сн. къ посл.)—отличаетъ ее отъ выстроенной

наго фасада, отъ Проходныхъ сѣней до сѣней Столовой Палаты ([1]). Сѣверную часть восточнаго фасада, отъ Проходныхъ сѣней до сѣней Грановитой Палаты,—должна была занимать Отвѣтная Палата ([2]). Восточный корпусъ и находившіяся въ южной и средней части его Золотая Палата и Проходныя сѣни—существовали уже со временъ царя Іоанна IV; но въ сѣверной части его до царствованія Михаила Ѳеодоровича (быть можетъ до большаго пожара 1626 года) на мѣстѣ Отвѣтной Палаты половины XVII вѣка находилось нѣсколько покоевъ—именно „палата Передняя да двѣ комнаты, гдѣ живалъ государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ" ([3]).

не ранѣе эпохи Михаила Ѳедоровича Меньшей или Царицыной Золотой Палаты—когда вмѣсто прежнихъ двухъ, стало три Золотыя Палаты (Выходы Царей, указатель, 29).

([1]) Это ясно изъ Дворц. Разр. III, 587; «... отъ сѣнныхъ дверей (Столовой Палаты), межъ *Золотою* и Панахидные Полаты, до Благовѣщенской паперти...».

([2]) Мѣстоположеніе Отвѣтной Палаты опредѣляемъ мы на основаніи слѣдующихъ мѣстъ Дворц. Разрядовъ: II, 101—102, 431—435; III, 560—563. Изъ этихъ мѣстъ оказывается, во первыхъ, что взойдя на Красное крыльце Благовѣщенскою папертью, къ Отвѣтной Палатѣ нужно было идти этимъ крыльцемъ, значитъ по направленію къ Грановитой Палатѣ («а отъ Благовѣщенья на Красномъ крыльцѣ до Отвѣтныя Полаты стояли жильцы и пр.» III, 562), а во вторыхъ, что она находилась вблизи Грановитой Палаты: въ ожиданіи приглашенія его къ царскому столу въ послѣднюю, англ. посолъ Гавортъ сидѣлъ въ Отвѣтной Палатѣ (ib.). Изъ этихъ мѣсто ясно,—если мы будемъ имѣть въ виду мѣстоположенія Золотой Палаты и Проходныхъ сѣней,—что Отвѣтная Палата *должна была* занимать сѣверную часть восточнаго фасада царскаго двора.

([3]) Въ 1613 году, еще до прибытія въ Москву вновь избраннаго царя Михаила Ѳеодоровича, бояре доносятъ ему, что на царскомъ дворѣ отдѣлали для его пріѣзда «полату Золотую, что отъ Благовѣщенья къ Красному крыльцу, да отъ нее сѣни Переднія (*Проходныя*, сличи Дв. Разр. I, 1141), полату Переднюю, да двѣ комнаты, гдѣ живалъ государь ц. и в. к. Иванъ Васильевичъ всеа Руси, что слылъ чердакъ государыни царицы Настасьи Романовны, да полату Грановитую, и въ нихъ внутри все строеніе подѣлано на ново...», но что остальныя хоромы не отдѣланы за недостаткомъ денегъ (Дворц. Разр I, 1152—1153). Это мѣсто важно тѣмъ, что здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ перечисляются, очевидно, палаты восточнаго фасада, отъ Благовѣщенскаго собора до Грановитой Палаты.

Войдя наконецъ въ сѣверную дверь, ведущую съ Краснаго Крыльца въ сѣни Грановитой Палаты (въ которую упиралось Красное крыльце сѣверною оконечностью своею) мы, очутившись въ послѣднихъ, имѣли бы, на правой сторонѣ— дверь въ самую Грановитую Палату, а на лѣвой сторонѣ— дверь выходящую на внутреннее Постельное Крыльце, въ уголъ образуемый соединеніемъ восточнаго фасада царскаго двора и нынѣшняго теремнаго дворца (1).

Отъ Постельнаго Крыльца начиналась лѣстница, по которой подымались до верхняго яруса нынѣшняго теремнаго дворца, гдѣ находились собственные жилые покои государя. Что-бы достигнуть послѣднихъ, нужно было пройти цѣлый рядъ крылецъ, переходовъ и площадокъ, которые заканчивались „верхнимъ каменнымъ крыльцемъ", изъ котораго переходили въ сѣни, находящіяся передъ Переднею Палатою—первымъ жилымъ покоемъ государя. Изъ Передней Палаты переходили въ „Комнату", говоря современнымъ языкомъ—кабинетъ царя, доступъ въ который былъ открытъ лишь для наиболѣе приближенныхъ къ государю лицъ (2). За Комнатою слѣдовали еще два внутреннія покоя—крестовая (молельня) и опочивальня. Изъ всего сказаннаго выше явствуетъ, что на Постельное Крыльце, а слѣдовательно и въ царскіе покои, можно было проникнуть съ площади двоякимъ путемъ: черезъ ворота, находившіяся подъ Краснымъ

(1) Дворц. Разр. II, 175 (сноски посл, строки), 216. 418, 421—422; III, 515; Доп. III. 441 («... у дверей, что ходятъ съ Постельнаго крыльца въ Грановитые сѣни ...»).

(2) Дворц. Разр. III, 579—580; Доп. III, 440—441. Сравнимъ свидѣтельство *Котошихина*: «А пріѣзжаючи бояре, и думные и ближніе люди, ходятъ къ царю въ Верхъ въ Переднюю Палату и ожидаютъ царскаго выходу изъ покою; а ближніе бояре, уждавъ время, ходятъ въ Комнату; а ... иные служилые чины къ царю въ Верхъ не ходятъ, бываютъ на крыльцѣ на середнемъ, передъ полатами непокоевыми; а инымъ чиномъ и до тѣхъ мѣстъ ходити не велѣно ... » (II гл., ст. 16). Сличи также описанный Мейербергомъ пріемъ царемъ его и другихъ товарищей его въ своихъ жилыхъ покояхъ («dans son Cabinet»). Mayerberg: Relation d'un voyage en Moscovie (Paris, 1858), II. 146 и сл. («Nous montâmes donc au plus haut étage du Palais du czar, par des escaliers et des galeries ... Il etait (царь) dans la seconde chambre de son appartement ...»).

крыльцемъ, между среднею лѣстницею и лѣстницею у Грановиной Палаты и черезъ Красное Крыльце и сѣни Грановитой Палаты; второй путь носилъ оффиціально-торжественный характеръ и этимъ то путемъ проводили въ царскіе покои иноземныхъ пословъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда царь удостоивалъ принимать ихъ тамъ. Они шли сюда слѣдующимъ именно путемъ: поднявшись на Красное Крыльце Благовѣщенскою папертью, проходили всѣмъ Краснымъ Крыльцемъ, миновавъ Золотую Палату, въ Грановитые сѣни, а отсюда выходили на Постельное Крыльце, съ котораго вступали уже на лѣстницу, ведущую въ царскіе верхніе покои (¹).

И такъ, въ общемъ расположеніи царскихъ хоромъ XVII стол., опредѣлили мы мѣстонахожденіе слѣдующихъ палатъ: Грановитой, Золотой Меньшей (она же Меньшая Золотая Подписная и Золотая Средняя), Столовой, Отвѣтной, Передней и Комнаты. Остановимся нѣсколько на названіи *Золотая Палата*, которое представляется еще сбивчивымъ, благодаря различнымъ эпитетамъ къ нему придагаемымъ. Названіе палатъ *золотыми*—какъ не трудно догадаться—имѣетъ основаніе въ самомъ способѣ украшенія ихъ посредствомъ позолоты, также какъ названіе *подписная палата* произошло отъ живописи, украшавшей стѣны и потолки Золотой Меньшей и Грановитой Палатъ (²). Въ второй половинѣ XVI стол. позолотою и живописью разукрашены были двѣ палаты—Грановитая и первая отъ Благовѣщенскаго собора палата восточнаго корпуса, вслѣдствіе чего обѣ эти палаты и именовались *золотыми* и *подписными* (³), а для ихъ различенія первая называлась Золотою Большою или Грановитою (⁴), вторая—Золотою Меньшею, названіе при-

---

(¹) Дворц. Разр. III, 579—580; Доп. III, 440—441.

(²) Оно придавалось и Грановитой Палатѣ: Карамзинъ, т. X, прим. 315, 452 и 453.

(³) Въ Никоновской лѣтописи (VII, 56) читается при описаніи пожара 1547 года: «сгорѣли Благовѣщеніе златоверхое, *полаты златомъ украшенныя*, избы деревяныя, всякая казна и пр.» (Выходы царей, указ. 20); Карамзинъ, X, прим. 452 и 453.

(⁴) Она продолжала иногда называться такъ и въ XVII вѣкѣ: Дворц. Разр. II, 175, сноска); III, 556. Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 57.

сбоивавшееся послѣдней и въ теченіи XVII вѣка. Наконецъ со временъ Михаила Θеодоровича является еще третья золотая палата—Царицина, находившаяся подъ дворцовою церковью Всемилостиваго Спаса (¹). Съ этихъ поръ эта послѣдняя стала называться, въ отличіе отъ двухъ первыхъ—Меньшею Золотою или Царициною Золотою Палатою,—а прежнюю Меньшую Золотую стали иногда называть уже Середнею Золотою; но сила привычки была такъ велика, что ее несравненно чаще продолжали называть по старинному—Золотою Меньшею, а названіе Середней Золотой примѣнялось къ ней лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ (²). Къ концу XVII вѣка вся эта путаница въ названіяхъ золотыхъ палатъ изчезаетъ, и названіе *Золотой*, безъ всякихъ прилагательныхъ — становится собственнымъ названіемъ южной палаты восточнаго корпуса царскаго двора, ближайшей къ Благовѣщенскому собору. Таковы были отдѣльныя части царскаго двора, игравшія не послѣднюю роль въ государственной жизни Московскаго періода русской исторіи. Оба крыльца—внѣшнее Красное и внутреннее Постельное—были мѣстомъ объявленія царскихъ указовъ, распоряженій и боярскихъ приговоровъ по мѣстническимъ дѣламъ; Грановитая и Золотая Палата были мѣстомъ торжественныхъ царскихъ аудіенцій иноземнымъ посламъ; въ Отвѣтной Палатѣ бывали Московскіе бояре и думные люди въ *отвѣтѣ* съ послами и вели съ ними дипломатическіе переговоры; въ Грановитой Палатѣ происходили засѣданія земскихъ соборовъ 1621 и 1653 годовъ; въ Столовой Палатѣ засѣдалъ земскій соборъ 1634 г. и знаменитый земскій соборъ 1642 г., собранный по поводу Азовскаго вопроса; въ Отвѣтной Палатѣ слушали выборные земскаго собора 1649 г. чтеніе вновь составленнаго Уложенія; въ сѣняхъ передъ Переднею Палатою сожжены были въ 1682 году разрядныя книги съ мѣстническими случаями; сама Передняя Палата служила мѣстомъ

(¹) «Выходы Царей», указатель, стр. 29. Собр. Гос. Гр. и Дог. III, стр. 289.

(²) Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ Дворцовыхъ Разрядовъ. Примѣры названія Меньшей Золотой Палаты XVI вѣка — Середнею Золотою: Дворц. Разр. II, 202—203 и сноска къ послѣдней; Собр. Гос. Гр. и Дог. III. №№ 61, 72.

ежедневнаго утренняго сбора бояръ и думныхъ людей для челобитья государю и т. п. Много можно бы было привести еще историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ тою или другою частью Московскаго царскаго двора XVI—XVII вѣковъ.

Различныя указанныя нами помѣщенія царскаго двора — служили также мѣстомъ обыкновенныхъ засѣданій Боярской Думы. Весьма часто источники, упоминая о томъ или другомъ засѣданіи Думы, въ особенности до 1635—1636 г., не указываютъ самаго мѣста его, но выражаются весьма общимъ образомъ—„въ Верху“, „къ боярамъ въ Верхъ“ (1) и т. п., что даетъ лишь указаніе на царскій дворъ вообще, притомъ какъ на жилые покои государя, такъ и на нижнія „непокоевыя“ (т. е. нежилыя) палаты, расположенныя по линіи Краснаго крыльца. Въ другихъ случаяхъ (съ 1635—1636 г.) видимъ мы опредѣленныя указанія на засѣданія Думы въ верхнемъ ярусѣ нынѣшняго теремнаго дворца, въ собственныхъ жилыхъ покояхъ государя,—причемъ засѣданія происходятъ или въ Передней Палатѣ (2) или въ Комнатѣ (3). Засѣданія въ Комнатѣ носили по всей вѣроятности болѣе интимный характеръ, сравнительно съ засѣданіями въ Передней, и происходили всегда подъ предсѣдательствомъ самаго государя; это-же помѣщеніе служило и рабочею комнатою царя, гдѣ онъ выслушивалъ восходившіе до него лично доклады. Въ 1685 г., въ правленіе царевны Софіи, въ выстроенныхъ для нее и для другихъ царевенъ каменныхъ палатахъ о трехъ ярусахъ,—въ нижнемъ ярусѣ была устроена комната „гдѣ сидѣть съ бояры — слушать всякихъ дѣлъ“. Съ 1685 г. эта то „Комната“ и упоминается въ качествѣ обычнаго мѣста думныхъ совѣщаній (4). Затѣмъ видимъ мы примѣры засѣданій Думы Боярской въ

---

(1) П. С. З. №№ 582, 621; Акты Ист. II, №№ 63, 85 (I), 93 (IX), IV, № 6 (V); А. А. Э. II. № 64. Дворц. Разр. I, № 140 и др.

(2) П. С. З. № 1491; А. А. Э. IV, № 240; Дв. Разр. III, 1365.

(3) П. С. З. № 965; Акты Ист. V, № 226; А. А. Э. IV, №№ 278, 280, 287, 288, 289.

(4) Забѣлинъ: Домашній бытъ русск. царей (изд. 2-е), I, 67.

нижнихъ непокоевыхъ палатахъ — въ Золотой Палатѣ (1), въ Столовой (2) и въ Отвѣтной Палатахъ (3); Золотая Палата, какъ выше замѣтили мы, дѣлается въ концѣ XVII вѣка обычнымъ мѣстомъ засѣданій Расправной Палаты. Замѣчательно, что въ Грановитой Палатѣ никогда не происходили засѣданія Боярской Думы. До 1635—1636 г., пока не былъ еще выстроенъ теремной дворецъ—Дума засѣдала въ нижнихъ палатахъ; но съ тѣхъ поръ какъ выстроенъ былъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ послѣдній (на который и переходитъ преимущественное названіе „верха")—Передняя и Комната становятся обыкновеннымъ, хотя и не исключительнымъ, мѣстомъ засѣданій Думы (4).

До сихъ поръ мы говорили о засѣданіяхъ Думы Боярской въ предѣлахъ царскаго двора; но засѣданія ея могли имѣть мѣсто, что случалось впрочемъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, которыхъ мы отыскали только три—и внѣ предѣловъ его. Такъ, въ 1653 и 1674 гг., засѣданія Думы Боярской, въ полномъ составѣ ея, были открываемы *на Земскомъ Дворѣ*, для распроса и пытки, въ первомъ случаѣ—самозванца Тимошки Анкудинова, а во второмъ случаѣ—самозванца Ивашки Воробьева, называвшаго себя царевичемъ Семіономъ; бояре и думные люди, производя здѣсь допросъ, о результатахъ его и объ указѣ посылали на царскій дворъ докладывать государя (5). Третій случай относится къ 1628 году; въ этомъ году, 25 іюня, Дума Боярская засѣдала „*у* великого государя, Святѣйшаго Филарета

---

(1) П. С. З. №№ 460, 461; 885; Дворц. Разр. I, 435.

(2) П. С З. № 617; Древн. Росс. Вивл. XVII, 133 (1543 года); Дворц. Разр. III. 1392..

(3) Собр. Гос. Гр и Дог. IV, № 105.

(4) Это вполнѣ явствуетъ изъ сопоставленія дошедшихъ до насъ извѣстій объ отдѣльныхъ случаяхъ думныхъ засѣданій.

(5) «А бояромъ и окольничимъ и думнымъ дворяномъ и думнымъ дьякомъ указалъ великій государь ѣхать *всѣмъ* на Земской Дворъ въ пятомъ часу дня, тотчасъ не мѣшкавъ, и указано имъ воровъ распрашивать накрѣпко и пытать.... А что они воры станутъ.... бояромъ сказывать, и в. г. указалъ о томъ прислать.... къ себѣ...., а имъ указалъ бояромъ ждать своего в. г. указу.... съ Верху». Акты Ист. IV, № 247; Дворц. Разр. III, 1019; Доп. къ Акт. Ист. III. № 73 (IV).

Никитича, *патріарха* Московскаго и всея Русіи *передъ Крестовою Полатою въ сѣняхъ*",—гдѣ она постановляетъ приговоры по вопросамъ уголовнаго судопроизводства, по докладу изъ Разбойнаго приказа (1).

Затѣмъ бывали случаи засѣданій Думы Боярской и внѣ Москвы. Это имѣло именно мѣсто во время царскихъ выѣздовъ изъ столицы, когда вслѣдъ за царемъ выѣзжали изъ города всѣ бояре и думные люди, за исключеніемъ лишь оставленныхъ для вѣданія Москвы. Въ послѣдней четверти XVII стол., когда любимою подгородною резиденціею Московскихъ царей сдѣлалось село Преображенское,—мы видимъ весьма частые случаи засѣданій здѣсь Думы Боярской, причемъ пріѣзжаютъ сюда съ докладами начальники Московскихъ приказовъ (2). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда большинство бояръ и думныхъ людей не сопровождало государя въ его отъѣздѣ и оставалось въ Москвѣ — государь самъ пріѣзжалъ иногда въ Москву, всего на нѣсколько часовъ, для слушанія съ боярами дѣлъ поступавшихъ въ Думу изъ приказовъ (3).

Наконецъ, въ разрядахъ второй половины XVI стол., находимъ мы примѣры совѣщаній и приговоровъ царя съ боярами и воеводами во время ратныхъ походовъ; эти совѣщанія касаются впрочемъ исключительно вопросовъ ратнаго дѣла и носятъ характеръ военныхъ совѣтовъ (4).

---

(1) Акты Ист. III. № 167 (стр. 304).

(2) Случаи засѣданія Думы въ «походѣ» въ селѣ Преображенскомъ: Акты Ист. V. № 200; Дворц. Разр. III, 1095, 1109, 1111, 1119, 1409, 1579. Въ 1674 г., выѣхавъ въ Преображенское, царь указалъ всѣмъ боярамъ и думнымъ людямъ, остававшимся въ Москвѣ, четыре раза въ недѣлю пріѣзжать «въ походъ къ себѣ вел. государю челомъ ударить и *для сидѣнья*» (Дворц. Разр. III. 1095, 1409). Засѣданія Думы въ Преображенскомъ, на Генеральномъ Дворѣ: Записки Желябужскаго (изд. 1840 г.), 149, 151.

(3) «188 г. Іюня въ 21 д., въ 7 часу дня, вел. государь.... изволилъ изъ своего в. г. походу, изъ села Воробьева, пріттить къ Москвѣ слушать съ бояры изъ Посольскаго и иныхъ приказовъ дѣлъ. И того числа, за 3 часа до вечера, изволилъ в. г. съ Москвы иттить въ тоже село Воробьево по прежнему». Дворц. Разр. III. 163, 165.

(4) Древн. Росс. Вивл. XIII, 411, 437; XIV. 305.

Что касается *времени засѣданій* Думы Боярской—то по этому вопросу имѣемъ мы весьма немного положительныхъ свѣдѣній.

Мы уже во введеніи къ настоящему труду имѣли случай замѣтить, что раннее утро было преимущественнымъ временемъ засѣданія княжеской думы въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской жизни. Утро продолжаетъ считаться самымъ удобнымъ временемъ для думныхъ сидѣній и въ Московскомъ періодѣ, хотя въ этомъ періодѣ встрѣчаемъ мы уже и засѣданія вечернія. Флетчеръ (конецъ XVI в.) свидѣтельствуетъ, что засѣданія Думы Боярской начинались обыкновенно съ 7 часовъ утра (¹). Маржеретъ (нач. XVII в.), описывая образъ жизни высшихъ служилыхъ людей русскихъ, говоритъ, что они „встаютъ лѣтомъ обыкновенно при восхожденіи солнца и отправляются во дворецъ, гдѣ присутствуютъ въ Думѣ отъ перваго часа до шести часовъ дня; потомъ идутъ съ государемъ въ церковь, гдѣ онъ слушаетъ литургію отъ 7 до 8 часовъ. По выходѣ государя изъ церкви, возвращаются домой обѣдать; послѣ обѣда отдыхаютъ и спятъ часа два или три. Въ 14 часовъ, по звону колокола, снова посѣщаютъ дворецъ, гдѣ проводятъ около 2 или 3 часовъ вечера; потомъ удаляются, ужинаютъ и ложатся спать“ (²). Переводя приводимые Маржеретомъ часы на современные (³) (принявъ среднее время лѣтняго восхожденія солнца въ 3 часа утра)—мы найдемъ, что утреннее засѣданіе Думы продолжалось въ эпоху Моржерета до 9 часовъ, послѣ чего наступало время литургіи; время же начала вечерняго засѣданія будетъ соотвѣтствовать пяти часамъ вечера (звонъ колокола, упоминаемый Маржеретомъ—есть, вѣроятно, благовѣстъ къ вечерни). Приведенное свидѣтельство совершенно подтверждается свидѣтельствомъ Котошихина (полов. XVII в.), что „бояре, и околничіе и думные и ближніе люди, пріѣзжаютъ къ царю челомъ ударить

(¹) Fletcher: La Russie au XVI siecle (Leip. et Paris, 1864), I, 110.

(²) Устряловъ: Сказ. соврем. о Дм. Самозванцѣ, I, 267—268.

(³) Въ XVI—XVII в. в. денные часы считали отъ восхожденія до захожденія солнца, ночные—отъ захода до слѣдующаго восхода его. Ясно, что количество денныхъ и ночныхъ часовъ было различно въ различныя времена года.

съ утра рано, на всякой день... также и послѣ обѣда пріѣзжаютъ къ нему, въ вечерни, по вся дни" (1). Въ дополненіе вышеприведенныхъ свидѣтельствъ современниковъ, мы имѣемъ нѣсколько указовъ второй половины XVII стол., свидѣтельствующихъ о времени засѣданій Думы Боярской. Такъ, 3 дек. 1668 г., указано боярамъ и думнымъ людамъ съѣзжаться въ Золотую Палату, для сидѣнья за дѣлами, въ первомъ часу ночи, т. е. между $3^1/_2$—$4^1/_2$ часами вечера по нашему раздѣленію дня (2); 17 іюля 1674 года указано имъ съ 20 числа пріѣзжать съ тою же цѣлью „въ верхъ" въ 10 часу дня, т. е., по нашему дѣленію дня, во 2 часу пополудни (3); 1 февраля 1676 года указано съѣзжаться „въ верхъ" для сидѣнья за дѣлами въ 1 часу, т. е. въ 6 часу вечера (4). Приведенныя сейчасъ опредѣленія не представляютъ законодательныхъ актовъ—ими не опредѣляются какіе либо новые виды собраній думныхъ людей, или хотя бы даже новые засѣданія ихъ. Это—простыя записи въ Разрядѣ распоряженій объ измѣненіи для различныхъ временъ года часовъ вечернихъ думныхъ сидѣній (5). Въ наши дни подобныя распоряженія были-бы излишни при современной системѣ дѣленія сутокъ на часы: опредѣленіе начала вечерняго засѣданія, напримѣръ, въ 3 часа пополудни—имѣло бы постоянный характеръ для всѣхъ временъ года. Но въ Московскомъ государствѣ, съ подвижностью счисленія ден-

---

(1) Котошихинъ, гл. II, ст. 14.

(2) П. С. З. № 461. 3 Декабря солнце заходитъ въ Москвѣ около $3^1/_2$ часовъ попол., слѣдовательно *первый* часъ ночи стараго счисленія часовъ—соотвѣтствуетъ нашимъ $3^1/_2$—$4^1/_2$ час. пополудни. Вообще переводъ старинныхъ Московскихъ часовъ на современные весьма простъ: стоитъ только справиться въ календарѣ, въ какомъ часу восходитъ или заходитъ солнцѣ въ Москвѣ въ данное число мѣсяца и затѣмъ, помня что старинный первый часъ дня—есть первый часъ послѣ восхожденія, а первый часъ ночи—первый часъ послѣ захожденія солнца, сдѣлать простое перечисленіе.

(3) Такъ какъ солнце восходитъ въ Москвѣ 20 іюля ок. 4 ч. утра П. С. З. № 582.

(4) Такъ какъ солнце заходитъ въ Москвѣ 1 февраля ок. 5 ч. пополудни. П. С. З. № 621.

(5) Поэтому весьма страннымъ представляется мнѣніе проф. Дмитріева, заявляющаго, что «до 1669 года, какъ видно, Дума присутствовала *только* по утрамъ». (Ист. суд. инст. 343).

ныхъ и ночныхъ часовъ для различныхъ чиселъ и мѣсяцевъ—необходимы были отъ времени до времени измѣненія часовъ вечернихъ засѣданій, паралельно съ измѣняющимся временемъ восхода и захода солнца: первый часъ ночи соотвѣтствовалъ въ XVII вѣкѣ, лѣтомъ—нашему 10 часу вечера, зимою—нашему 4 часу пополудни, что должно бы было вести къ величайшей неравномѣрности въ истинномъ времени вечернихъ сидѣній. И вотъ приведенные нами распоряженія восполняютъ недостатокъ стариннаго счисленія часовъ: въ лѣтніе мѣсяцы назначаются болѣе ранніе часы вечернихъ засѣданій, сравнительно съ мѣсяцами зимними. Если мы не встрѣчаемъ особыхъ опредѣленій о времени утреннихъ засѣданій Думы—то это легко объясняется тѣмъ, что они обусловливались временемъ утренняго съѣзда бояръ и думныхъ людей въ царскій Верхъ, а послѣднее въ свою очередь опредѣлялось для каждаго даннаго дня временемъ восхожденія солнца,—вслѣдствіе чего не было надобности въ особыхъ опредѣленіяхъ часовъ ихъ.

Флетчеръ оставилъ намъ свидѣтельство о дняхъ засѣданій Думы Боярской. Онъ заявляетъ, что обыкновенными днями думныхъ засѣданій служили понедѣльникъ, среда и пятница, хотя, въ случаѣ какого либо чрезвычайнаго обстоятельства, думное сидѣнье могло быть назначено и въ другой день, о чемъ и оповѣщались члены Думы ([1]). Само собою разумѣется, что извѣстіе приводимое Флетчеромъ относится къ регулярнымъ засѣданіямъ Думы, какъ высшей административной и судебной инстанціи, собирающейся въ одной изъ палатъ царскаго двора для слушанія „изъ приказовъ всякихъ росправныхъ дѣлъ“ ([2]); что оно не можетъ относиться къ думѣ совѣщательной—нерѣдко обращавшейся въ думу тайную—каждое утро собиравшуюся, въ лицѣ всѣхъ бояръ и думныхъ людей, въ жилыхъ покояхъ государя. Во второй половинѣ XVII вѣка уже не встрѣчаемъ мы пріурочиванія къ опредѣленнымъ днямъ регулярныхъ засѣданій Думы Боярской: по указамъ 1668 и 1676 гг. засѣданія ея имѣютъ мѣсто во всѣ дни, за исключеніемъ лишь Субботы и Воскресенья ([3]). Впрочемъ указанія на приводи-

---

([1]) Fletcher, I, 110.

([2]) П. С. З. № 562 (сличи съ № 460).

([3]) П. С. З. №№ 460 и 656. Сравни Уложенія гл. X, ст. 25.

мые Флетчеромъ дни—какъ предпочитаемые для засѣданій Думы Боярской — находимъ мы въ двухъ свидѣтельствахъ Дворцовыхъ Разрядовъ: находясь въ походѣ въ селѣ Преображенскомъ, государь указываетъ боярамъ и думнымъ людямъ пріѣзжать къ себѣ съ докладами изъ приказовъ и для сидѣнья, въ 1674 году—по Воскресеньямъ, *Понедѣльникамъ*, *Средамъ* и *Пятницамъ*, въ 1675 году—по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ (¹). Быть можетъ совпаденіе послѣднихъ фактовъ съ свидѣтельствомъ Флетчера—случайность; но мы безъ достаточно уважительныхъ основаній не можемъ безусловно отвергать справедливость показанія Флетчера, писателя наблюдательнаго и вообще правдиваго (²).

Глава IV.

Дѣлопроизводство и порядокъ засѣданій въ Думѣ.

I. Упрощенность думнаго дѣлопроизводства.—Дѣлопроизводство по дѣламъ, вносимымъ въ Думу самимъ государемъ.—Дѣлопроизводство по докладамъ изъ приказовъ.—Дѣлопроизводство по челобитнымъ, поступающимъ на разсмотрѣніе Думы.—Почему не дошли до насъ дѣла Думы Боярской; отсутствіе въ Думѣ канцелярской организація.—Вопросъ о силѣ боярскихъ приговоровъ. Случаи докладовъ дѣлъ изъ Думы государю.—II. Назначеніе думныхъ засѣданій.—Вопросъ о предсѣдательствѣ въ Думѣ.—Порядокъ занятія мѣстъ и мѣстничество въ Думѣ.—Совѣщаніе и составленіе приговора. Вопросъ о способѣ рѣшенія дѣлъ въ Думѣ.

Всматриваясь въ историческія и юридическія памятники, сохранившіе намъ извѣстія о Думѣ Боярской, нельзя не остановиться въ удивленіи передъ крайнею упрощенностью и быстротою ея дѣлопроизводства. Вслѣдствіе этого здѣсь находимъ мы врядъ ли возможною „волокиту",—составлявшую страшное зло въ приказахъ Московскихъ.

Выше имѣли мы уже случай замѣтить, что при Думѣ

(¹) Дворц. Разр., III, 1094—1095, 1409.

(²) Замѣчательно что впослѣдствіе, указами 1716, 1722 и 1724 гг., предписано было въ указанные дни (т. е. въ понедѣльникъ, среду и пятницу) засѣдать и въ Сенатѣ (См. Петровскаго: «О Сенатѣ въ царств. Петра Вел.», 348), а еще раньше, указомъ 1708 г., въ тѣ же дни велѣно присутствовать въ Ближней Канцеляріи (П. С. З. № 2188).

Боярской не было никакой канцеляріи: доклады дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію Думы, подготовлялись соотвѣствующими приказами; въ послѣдніе же поступали изъ Думы и вершенныя дѣла къ исполненію. Такимъ образомъ на долю Думы выпадало разсмотрѣніе обстоятельствъ, указанныхъ въ докладѣ уже вполнѣ подготовленномъ: оставалось лишь оцѣнить эти обстоятельства и постановить извѣстное рѣшеніе, „приговоръ". Упрощенность какъ самой организаціи Думы, такъ и дѣлопроизводства ея, доходитъ до того, что нѣтъ возможности указать, если можно такъ выразиться, самой формы, въ которой выражалась бы постоянная наличность Думы. Если бы мы, перенесясь въ Московскую эпоху, спросили кого либо въ моментъ, когда не было засѣданія Думы, —гдѣ найти Думу Боярскую,—то конечно не могли бы получить опредѣленнаго отвѣта. Намъ бы отвѣтили, что такой-то бояринъ находится въ полку, другой—посланъ на воеводство, третій—присутствуетъ въ приказѣ Казанскаго Дворца; что такой-то думный дьякъ сидитъ въ Посольскомъ приказѣ, другой въ Разрядѣ и т. д.; намъ бы указали цѣлый рядъ думныхъ людей, засѣдающихъ въ различныхъ учрежденіяхъ и облеченныхъ различными должностями,—но Думы Боярской, въ собственномъ и конкретно-опредѣленномъ смыслѣ, никто не былъ бы въ состояніи намъ указать. Даже и въ томъ случаѣ, когда въ данный моментъ имѣло мѣсто засѣданіе Думы—человѣкъ непосвященный въ тайны приказной администраціи не могъ бы съ точностью указать намъ, гдѣ происходитъ это засѣданіе: мы уже знаемъ, что Дума Боярская не имѣла и опредѣленнаго помѣщенія. Не смотря на всѣ указанныя особенности, которыя съ перваго взгляда могутъ дать понятіе о Думѣ Боярской, какъ объ учрежденіи фиктивномъ, воображаемомъ — мы видимъ, что она является вмѣстѣ съ тѣмъ государственнымъ *установленіемъ* въ полномъ смыслѣ послѣдняго слова, что она является завершающимъ звѣномъ всей правительственной системы Московской, дающимъ послѣдней гармоническое единство и опредѣленное направленіе. Вся эта кажущаяся неопредѣленность организаціи Думы Боярской проистекаетъ именно изъ указанной нами крайней упрощенности ея дѣлопроизводства, въ которой мы вполнѣ убѣдимся, разсмотрѣвъ, какимъ порядкомъ поступали и имѣли дальнѣйшее движеніе въ Думѣ вопросы и дѣла подлежавшіе ея обсужденію.

Ниже, при изслѣдованіи вопроса о кругѣ вѣдомства Думы Боярской, увидимъ мы, что различные вопросы и дѣла могли поступать въ Думу троякимъ путемъ: a) или самъ государь вносилъ ихъ на обсужденіе бояръ и думныхъ людей своихъ, b) или они поступали сюда въ видѣ докладовъ изъ приказовъ, c) или, наконецъ, возбуждались въ Думѣ путемъ поступавшихъ на ея разсмотрѣніе челобитій.

Обратимъ вниманіе на каждый изъ этихъ трехъ путей возбужденія думнаго дѣлопроизводства въ частности.

Нѣтъ сомнѣнія—что усматривается уже изъ самаго значенія Думы Боярской, какъ совѣщательнаго органа состоящаго непосредственно при государѣ — что государи Московскіе весьма часто предлагали на обсужденіе бояръ и думныхъ людей своихъ различныя внѣшнія и внутреннія мѣропріятія, на необходимость которыхъ наталкивались они въ своей политикѣ. До насъ мало дошло свидѣтельствъ о подобныхъ совѣщаніяхъ въ Думѣ, возбужденныхъ инціативою самаго государя; это объясняется тѣмъ, что мѣропріятія, бывшія результатомъ этихъ совѣщаній, предпринимались обыкновенно отъ государева имени, безъ упоминанія въ большинствѣ случаевъ о боярскомъ приговорѣ—быть можетъ потому, что въ большинствѣ случаевъ дѣло ограничивалось простымъ совѣщаніемъ полу-частнаго характера, такъ что отъ бояръ и не требовалось особаго приговора, въ смыслѣ опредѣленнаго рѣшенія. Котошихинъ, говоря о Думѣ Боярской, затрогиваетъ вопросъ о порядкѣ внесенія государемъ въ Думу тѣхъ или другихъ вопросовъ и объ ихъ обсужденіи здѣсь; этотъ порядокъ характеристиченъ своею патріальхальною простотою: „А лучитца царю мысль свою о чемъ объявити—говоритъ Котошихинъ—и онъ имъ объявя приказываетъ, чтобъ они бояре и думные люди помысля къ тому дѣлу дали способъ.... А на чемъ которое дѣло быти приговорятъ, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякомъ помѣтить, и тотъ приговоръ записать“ (¹). Затѣмъ приговоръ, если результатомъ его должно быть извѣстное исполненіе, передается съ послѣднею цѣлью въ одинъ изъ приказовъ. А эта процедура въ свою очередь до крайности несложна, —не нужно ни предварительнаго обращенія приговора для

(¹) Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

изготовленія въ окончательной формѣ въ думную канцелярію (которой и не существовало), ни препровожденія его при мудреномъ отношеніи въ соотвѣтствующій приказъ: каждый приказъ, какъ мы уже знаемъ, имѣлъ въ Думѣ своего представителя—которому тутъ же и передавался состоявшійся приговоръ. Поступивъ въ приказъ—онъ заносился здѣсь въ записную книгу, обнародовался (если это нужно) и обращался къ исполненію. Котошихинъ, продолжая выписанное нами сейчасъ свидѣтельство, заявляетъ: „А лучится (какъ результатъ приговора) писати о чемъ грамоты во окрестные государства, и тѣ грамоты прикажутъ готовить посольскому думному дьяку (моментъ передачи приговора къ исполненію въ приказъ), а думный дьякъ приказываетъ подъячему (исполненіе въ приказѣ), а самъ не готовитъ и пр.“ Котошихинъ приводитъ здѣсь образецъ приговора, обращаемаго къ исполненію въ Посольскій приказъ: самъ онъ бывшій подъячій этого приказа—и вслѣдствіе этого посольское дѣло ближе всего касается его сердца. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обсужденію Думы Боярской предлагался государемъ вопросъ важный по могущимъ наступить послѣдствіямъ своимъ записывался не только приговоръ, но и самыя мнѣнія думныхъ людей. Такъ въ 1566 г. были записаны рѣчи думныхъ людей, обсуждавшихъ, по предложенію царя, вопросъ о мирѣ или войнѣ съ Польшею; на эти записанныя рѣчи ихъ ссылаются они царю на имѣвшемъ въ этомъ году мѣсто земскомъ соборѣ (¹). Это свидѣтельство даетъ намъ основаніе предполагать, что въ наиболѣе важныхъ случаяхъ составлялось нѣчто въ родѣ протокола думныхъ засѣданій; составленіе его возлагалось вѣроятно на государева дьяка или на одного изъ думныхъ дьяковъ, по принадлежности дѣла. Существуютъ свидѣтельства въ пользу того, что въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстные вопросы и дѣла вносились государемъ на разсмотрѣніе Думы Боярской, программа ихъ предварительно составлялась въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, имѣвшимъ характеръ собственной царской канцеляріи, при личномъ и непосредственномъ участіи въ томъ государя. Во второмъ томѣ Записокъ Императ. Русск. Археолог. Об—ва, по отдѣленію русск. и славянск. археологіи,

(¹) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 192 (стр. 548).

въ которомъ изданы бумаги и дѣла Приказа Тайныхъ Дѣлъ, находимъ мы документъ, озаглавленный, „Писмо, о какихъ дѣлѣхъ говорить бояромъ“, съ помѣткою въ концѣ, сдѣланною государевою рукою. Здѣсь, въ качествѣ програмы вопросовъ, по которымъ, выражаясь словами Котошихина, имѣлъ государь въ виду объявить въ Думѣ мысль свою и предложить думнымъ людямъ, „помысля, къ тому дѣлу дать способъ“,—читаемъ мы: „Поговорить боярамъ о Свѣйскихъ послѣхъ, что присылаютъ бити челомъ намъ, великому государю, чтобъ отпустить человѣка своево въ Свѣю, для доброво дѣла, а сидѣть де надокучило. А отъ себя имъ (боярамъ?) и отпустить велѣть не будетъ худа. А будетъ что для вѣстей не отпускать, и они и давно все вѣдаютъ и кромѣ сего гонца“; или: „Боярину Вас. Шереметеву въ Борисовѣ зимовать ли, и ратнымъ людемъ кому съ нимъ зимовать, или съ инымъ воеводою зимовать и воеводѣ кому быть“ и др. (1). Слѣдуя свидѣтельству Котошихина, всѣ писатели, затрогивавшіе вопросъ о Московскихъ приказахъ, утверждаютъ, что Приказъ Тайныхъ Дѣлъ возникъ впервые въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича. Это мнѣніе не можетъ считаться вполнѣ справедливымъ. Выраженіе Котошихина, заявляющаго что этотъ приказъ „устроенъ . . . . при нынѣшнемъ царѣ, для того чтобъ его царская мысль и дѣла исполнялися всѣ по его хотѣнію, а бояре бъ и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали (2)“—указываетъ лишь на измѣненіе теперь значенія его или на закрытіе его передъ тѣмъ въ теченіи извѣстнаго промежутка времени. Учрежденіе, вѣдавшее царскія „тайныя дѣла“, существовало и до царствованія Алексѣя Михаиловича: въ одной изъ расходныхъ книгъ денежной казнѣ Казеннаго приказа, относящейся къ 1613—1614 году, подъ девятнадцатымъ числамъ Августа, помѣщена статья расхода, въ которой упоминается о подъячемъ государевыхъ *тайныхъ дѣлъ* (3)“. Затѣмъ Флетчеръ еще въ 1588

(1) Записки Императ. Русс. Арх. Об—ва по отдѣл. рус. и слав. археологіи, т. II. стр. 733—735.

(2) Котошихинъ, гл. VII, ст. 1.

(3) Викторовъ: Описаніе книгъ и бумагъ старин. дворцовыхъ приказовъ (М. 1877 г.), I. стр. 71.

г. упоминаетъ о тайныхъ посыльщикахъ, отправляемыхъ царемъ по областямъ для конфиденціальнаго донесенія ему о положеніи въ нихъ дѣлъ (1), — которые напоминаютъ довѣренныхъ подъячихъ Тайнаго Приказа, о которыхъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ. Наконецъ самый здравый смыслъ заставляетъ насъ предполагать, что при всѣхъ государяхъ должно было состоять болѣе или менѣе организаванное бюро для вѣданія дѣлъ, къ которымъ вступали они въ болѣе или менѣе непосредственное отношеніе; начало этого учрежденія можно видѣть въ дьякахъ „въ государевѣ имени", которыхъ находимъ мы уже въ XVI вѣкѣ. Здѣсь-то конечно и подготовлялись дѣла, которыя имѣли государи въ виду внести на обсужденіе бояръ и думныхъ людей своихъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію порядка поступленія въ Думу Боярскую дѣлъ по докладамъ изъ приказовъ.

Въ какихъ случаяхъ поступали дѣла изъ приказовъ на разсмотрѣніе Думы Боярской — этотъ вопросъ затронутъ будетъ нами ниже, при обозрѣніи круга вѣдомства Думы Боярской; въ настоящую же минуту будетъ насъ занимать лишь внѣшній порядокъ внесенія въ нее докладовъ изъ приказовъ. Въ случаѣ оказавшей необходимости доклада дѣла государю и Думѣ его, — въ приказѣ составлялась особая „докладная выписка" по дѣлу. Докладная выписка изготовлялась въ такой формѣ, чтобъ изъ нея съ достаточною ясностью и полнотою усматривались всѣ обстоятельства докладываема дѣла; если встрѣчалась въ томъ надобность, въ выпискѣ приводились различнаго рода справки и ссылки на предшествовавшія узаконенія, относящіяся непосредственно или косвеннымъ образомъ къ отношенію или вопросу, составляющему содержаніе докладываемаго дѣла. Докладная выписка оканчивалась обыкновенно изложеніемъ спорныхъ или сомнительныхъ обстоятельствъ, не допустившихъ составленія окончательнаго рѣшенія дѣла въ приказѣ, съ обращеніемъ къ государю въ вопросительной формѣ объ указѣ по докладываемому дѣлу (2). Если къ докладу государю и боярамъ накоп-

(1) Fletcher: La Russie etc. (P. 1864). II, 37 (гл. XVIII).

(2) Образцы докладныхъ выписокъ: Владимірскій-Будановъ «Христоматія и пр.», вып. III, стр. 25, 28, 38, 193, 224 и сл., 256 и сл.; Акты Ист. IV, № 6 (V); П. С. З. №№ 651, 675, 754 и мн. др.

лялось въ приказѣ болѣе или менѣе значительное количество близко соприкасающихся вопросовъ, или если одинъ докладываемый вопросъ естественнымъ образомъ распадался на нѣсколько частныхъ вопросовъ,—въ такомъ случаѣ всѣ эти отдѣльные вопросы, хотя и вносились въ одну и туже докладную выписку, но уже, въ видахъ большаго удобства ихъ обсужденія, располагались по отдѣльнымъ перенумерованнымъ статьямъ, вслѣдствіе чего самая выписка получала названіе „статейнаго списка [1]". Докладныя выписки вносились въ Думу судьями соотвѣствующихъ приказовъ, которые конечно давали при этомъ и необходимыя объясненія по докладываемымъ вопросамъ. Уже Флетчеръ (1588 г.) свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, что дѣла изъ приказовъ вносятся въ Думу начальниками ихъ [2]. Этотъ порядокъ докладовъ вполнѣ подтверждается и отечественными свидѣтельствами; въ немъ легко убѣдиться изъ разсмотрѣнія дополнительныхъ къ Судебнику указовъ и Новоуказныхъ статей. Такъ, въ 1601—1602 гг., судьи Приказа Казанскаго Дворца Аѳ. Власьевъ и Нечай Ѳедоровъ докладываютъ боярамъ по дѣлу о ссылкѣ Романовыхъ [3]; такъ, въ 1625 и 1628 гг., встрѣчаемъ мы доклады въ Думу изъ Разбойнаго Приказа, вносимые судьями послѣдняго, бояриномъ кн. Д. М. Пожарскимъ и дьякомъ С. Головинымъ [4], а въ 1680 г. судьею того же приказа, бояриномъ И. Ѳ. Трескуровымъ, и мн. др. примѣры [5].

Существуютъ указанія на извѣстное распредѣленіе дней между приказами, для внесенія судьями ихъ докладовъ въ

---

[1] Образцы подобныхъ «статейныхъ» докладовъ или списковъ см. П. С. З. №№ 626, 628, 632, 637, 695, 752, 789, 859; Владимірскаго-Буданова «Христом.», вып. III, стр. 134 и сл., 143 и сл.

[2] Fletcher: «La Russie au XVI siècle» (P. 1864), II, стр. 109—110.

[3] Акты Ист. II. № 38 (VIII).

[4] Уставная кн. Разб. приказа (въ III вып. Христоматіи Влад.-Буданова), стр. 73, 75, 76. См. также Указную кн. Холопья Суда, ib. стр. 107—108, 110 и др.

[5] Акты Ист. III. № 167 (стр. 301); П. С. З. № 630 и др. Въ № 462 П. С. З. читаемъ: «... да имъ же (приказнымъ судьямъ) *съ дѣлами всходить въ Верхъ* передъ бояръ и сидѣть въ приказѣхъ до 8 часа, съ 1 часа ночи».

Думу. Указанія эти относятся, правда, уже ко второй половинѣ XVII вѣка, — но не можетъ быть ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что подобное распредѣленіе дней практиковалось и ранѣе. Въ 1668 г., 29 ноября, предписано вносить изъ приказовъ доклады въ Думу по слѣдующему росписанію: въ понедѣльникъ—изъ Разряда и Посольскаго приказа; во вторникъ—изъ приказовъ Большой Казны и Большаго Прихода; въ среду—изъ приказовъ Казанскаго Дворца и Помѣстнаго; въ четвергъ—изъ приказовъ Большаго Дворца и Сибирскаго; въ пятницу—изъ судныхъ приказовъ Владимірскаго и Московскаго (¹). Здѣсь очевидно росписаніе дней для докладовъ расчитано на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ 1674 г., 17 іюля, указано съ 20 іюля слушать въ Думѣ „изъ приказовъ всякихъ расправныхъ дѣлъ по прежней росписи" (²). Въ другихъ случаяхъ росписаніе составлялось лишь на нѣсколько дней впередъ, не имѣя постояннаго характера. Такъ, 4 августа 1676 г., составлено было росписаніе дней докладовъ изъ приказовъ всего на одну недѣлю, съ 4 по 11 число, именно, указано вносить доклады къ боярамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ пятницу 4 числа изъ приказовъ Разряднаго, Посольскаго, Малороссійскаго, Новгородскаго и изъ Чети (?); въ понедѣльникъ 7 числа изъ приказовъ Больш. Казны, Иноземскаго и Рейтарскаго, Больш. Прихода и Ямскаго; во вторникъ 8 числа изъ приказовъ Казанскаго Дворца, Помѣстнаго, Сибирскаго и Челобитнаго; въ среду 9 числа изъ приказовъ Больш. Дворца, Суднаго Дворцоваго, Оружейнаго, Костромской чети и Пушкарскаго; въ четвергъ 10 числа изъ судныхъ приказовъ Владимірскаго и Московскаго и приказа Земскаго; въ пятницу 11 числа изъ приказовъ Стрѣлецкаго, Разбойнаго, Хлѣбнаго и Устюжской чети (³). Боярскій приговоръ по дѣлу, перенесенному изъ приказа въ Думу, помѣчался однимъ изъ думныхъ дьяковъ на самой докладной выпискѣ; если послѣдняя заключала въ себѣ нѣсколько статей, въ такомъ случаѣ боярскій приговоръ по

(¹) П. С. З. № 460.
(²) П. С. З. № 582.
(³) П. С. З. № 656.

каждой статьѣ помѣчался подъ самою статьею (¹). Мы не имѣемъ ни одного примѣра боярскаго приговора въ видѣ самостоятельнаго акта: боярскіе приговоры, помѣщенные въ Полномъ Собраніи Законовъ и въ другихъ собраніяхъ—представляютъ или самыя докладныя выписки, съ помѣченными на нихъ думными дьяками боярскими приговорами, или извлеченія изъ записныхъ книгъ приказовъ, въ которыя, какъ извѣстно, заносились указы и приговоры состоявшіеся по вѣдомствамъ ихъ (²). Это отсутствіе въ источникахъ до-Петровскаго періода боярскихъ приговоровъ, какъ самостоятельныхъ актовъ—является опять таки новымъ подтвержденіемъ нашего положенія о крайней упрощенности думнаго

(¹) См. для образца П. С. З. №№ 637, 667, 736, 752 и др., №№ 634 и 700 и др. Владимірскій-Будановъ, Христ. вып. III, стр. 107 и слѣд., 188 и др.; Акты Ист. II, № 85 (II), IV, № 6 (V, X); Доп. къ Акт. Ист. VIII, № 108 (3, 9, 10 и др.). Лишнее было бы выписывать болѣе примѣровъ,—каждый можетъ найти ихъ при самомъ поверхностномъ просмотрѣ указныхъ книгъ и Полн. Собр. Законовъ.

(²) Образцы перваго рода: П. С. З. №№ 643, 644, 654, 700, 705 и др. Образцы втораго рода: Акты Ист. IV, № 6 (X); Доп. къ Акт. Ист. VIII, № 108 (3, 9, 10, 13 и др.); Акты Арх. Эксп. IV, № 236; П. С. З. №№ 641, 657, 660, 733 и др.

Здѣсь вполнѣ умѣстнымъ считаемъ мы замѣтить, что въ Полн. Собр. Законовъ, кромѣ достаточно уже выяснившагося недостатка его—крайней *неполноты* его,—усматривается еще одинъ недостатокъ: произвольное сокращеніе первоначальной редакціи актовъ, съ опущеніемъ цѣнныхъ для историка-юриста указаній на старинное дѣлопроизводство, не говоря уже о постоянныхъ сокращеніяхъ титула и разл. рода обрядовыхъ формулъ, извинительныхъ еще въ видахъ громадности сборника. Но во всякомъ случаѣ, было бы научнѣе, если бы редакторы оставили въ первоначальной полной редакціи хотя бы однѣ новоуказныя статьи. Справедливость сейчасъ высказаннаго обнаруживается сличеніемъ П. С. З-въ съ рукописными сборниками новоуказныхъ статей. Я имѣлъ случай произвести подобнаго рода сличеніе П. С. З-въ съ рукописнымъ сборникомъ новоуказныхъ статей (списокъ конца XVII вѣка) по вотчиннымъ и помѣстнымъ дѣламъ, извлеченнымъ изъ цѣлаго вороха старыхъ бумагъ (XVIII и нач. XIX вв.), доставленныхъ къ IV Археологич. съѣзду и хранящемся нынѣ въ библіотекѣ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казан. Ун-тѣ; результатъ моихъ работъ надъ этимъ сборникомъ (въ которомъ я нашелъ пока одну новую новоук. статью)—надѣюсь я изложить въ непродол. времени въ особой статейкѣ.

дѣлопроизводства, не вызывавшей даже необходимости при Думѣ особой канцеляріи. Докладная выписка, съ помѣченнымъ на ней думнымъ дьякомъ боярскимъ приговоромъ, обращалась къ исполненію въ соотвѣтствующій приказъ, гдѣ приговоръ предварительно заносился въ записную книгу; самая процедура исполненія въ приказахъ по приговорамъ Думы Боярской будетъ разсмотрѣна нами въ своемъ мѣстѣ. Замѣтимъ лишь здѣсь, что предписаніе о занесеніи боярскаго приговора въ записную приказную книгу иногда давалось въ самомъ приговорѣ ([1]).

Третій видъ возбужденія думнаго дѣлопроизводства—это поступленіе на разсмотрѣніе Думы челобитныхъ.

Уложеніе 1649 г. воспрещаетъ подачу челобитныхъ государю по дѣламъ подвѣдомственнымъ приказамъ, безъ предварительнаго челобитья въ одномъ изъ послѣднихъ, смотря по предмету челобитья. По дѣламъ этого рода дозволялось непосредственное челобитье на государево имя лишь въ томъ случаѣ, если въ соотвѣтствующемъ приказѣ не учинятъ указа или не дадутъ суда ([2]). Затѣмъ допускалась подача государю челобитныхъ на всякаго рода злоупотребленія обыкновенныхъ судей. Наконецъ подача на государево имя челобитныхъ допускалась и по вершеннымъ дѣламъ—въ тѣхъ случаяхъ, когда недовольная сторона обжаловывала въ апелляціонномъ порядкѣ рѣшеніе приказа или другой судебной инстанціи ([3]). Конечно, по всякаго рода челобитнымъ, подававшимся на государево имя, указъ могъ воспослѣдовать и непосредственно, лично, отъ самаго государя; но обыкновенно государи предоставляли разсмотрѣніе челобитныхъ и чиненіе по нимъ указовъ Думѣ своей. Мы уже знаемъ, что для разсмотрѣнія судныхъ дѣлъ, восходившихъ до Думы Боярской, организовано было въ послѣдней четверти XVII стол. особое судное отдѣленіе при ней—Расправная Палата. Указъ отъ 18 окт. 1680 г. (который мы считаемъ простою повѣсткою о засѣданіи Думы),

---

([1]) Владимірскій—Будановъ: «Христоматія и пр.», вып. III, стр. 5, 12, 14, 106, 107 и др.; Акты Ист. II, №№ 63, 85; Акты Арх. Эксп. IV, №№ 280, 288; П. С. З. № 715.

([2]) Уложеніе, гл. X, ст. 20.

([3]) Объ этомъ подробнѣе скажемъ ниже, при изложеніи вопроса о предметахъ вѣдомства Думы Боярской.

предписываетъ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ сидѣть въ Палатѣ и „слушать изо всѣхъ приказовъ спорныхъ дѣлъ и *челобитныя принимать*, и его вел. государя указъ по тѣмъ дѣламъ и по челобитнымъ чинить“ (¹). Указъ отъ 17 марта 1694 г. опредѣляетъ самый порядокъ поступленія челобитныхъ и производства по нимъ въ Думѣ. Этотъ указъ предусматриваетъ вообще три рода дѣлъ, могущихъ поступить на разсмотрѣніе Думы Боярской: a) дѣла по которымъ „въ приказахъ судьямъ указу зачѣмъ учинить будетъ немочно“ (докладъ), b) дѣла вершенныя въ приказахъ, по которымъ „на вершенья учнетъ кто .... бить челомъ и вершенья чѣмъ спорить“ (аппеляція), и c) челобитныя „о иныхъ о какихъ дѣлѣхъ“. По дѣламъ всѣхъ трехъ родовъ велѣно въ Вверху, въ Передней,—„тѣхъ изъ приказовъ дѣлъ и челобитенъ слушать ... бояромъ и думнымъ людемъ, всѣмъ, и по тѣмъ дѣламъ и челобитнымъ свой вел. государей указъ чинить“ (²).

Челобитчики лично являются на царскій дворъ для подачи своихъ челобитныхъ, которыя и принимаются у нихъ здѣсь думными дьяками (³). Челобитчики высшихъ чиновъ приходятъ для подачи челобитныхъ въ Золотую Палату; челобитчики нисшихъ чиновъ лишены этого преимущества: они дожидаются принятія отъ нихъ челобитныхъ на площади около Краснаго Крыльца (⁴). Принятыя думными дьяками челобитныя „взносятся“ ими въ Думу и докладываются присутствію бояръ и думныхъ людей, которые и „чинятъ государевъ указъ“. Послѣдній помѣчается думнымъ дьякомъ на самой челобитной, которая съ этого момента получаетъ техническое названіе „подписной челобитной“. Такая „под-

---

(¹) П. С. З. № 838.

(²) П. С. З. № 1491.

(³) Кромѣ этого, такъ сказать, нормальнаго порядка подачи челобитныхъ, — послѣднія подавались и непосредственно самому государю, при выходахъ его—въ походахъ и во время праздниковъ. См. Котошихина, гл. VII, ст. 28.

(⁴) По свидѣтельству К. Буссова (по Устрялова ошибочно смѣшеннаго съ Беромъ), Димитрій Самозванецъ два раза въ недѣлю лично принималъ на крыльцѣ челобитныя. Устрялова: Сказ. соврем. о Дм. Сам-цѣ (изд. 1859 г.), I, 49.

писная челобитная" пріобрѣтаетъ уже полную силу царскаго указа и препровождается къ челобитчику для обращенія ея къ дальнѣйшему исполненію въ соотвѣтствующемъ приказѣ ([1]).

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ всѣ три возможныя формы возбужденія дѣлопроизводства въ Думѣ—мы убѣждаемся, что это дѣлопроизводство представляется до крайности упрощеннымъ, свободнымъ отъ всякаго канцеляризма. Теперь понятнымъ дѣлается, почему мы не видимъ при Думѣ Боярской никакихъ признаковъ канцелярской организаціи: послѣдняя замѣнялась подготовительною и исполнительною дѣятельностью отдѣльныхъ приказовъ, да помѣтами думныхъ дьяковъ на докладныхъ выпискахъ и челобитныхъ. Теперь понятнымъ будетъ, почему не встрѣчаемъ мы боярскихъ приговоровъ, какъ самостоятельныхъ актовъ, изготовленныхъ и обнародованныхъ самою Думою,—не встрѣчаемъ лишь докладныя выписки съ помѣченными на нихъ думными дьяками резолюціями бояръ и думныхъ людей, да простыя извлеченія изъ записныхъ книгъ приказовъ занесенныхъ въ нихъ боярскихъ приговоровъ. Теперь ясною представляется неосновательность нерѣдко раздающихся сѣтованій на то, что до нашихъ дней *не дошло никакихъ дѣлъ* Думы Боярской, а дошли лишь дѣла приказныя, изъ которыхъ мы лишь косвеннымъ образомъ знакомимся съ дѣятельностью Думы: подобнаго рода дѣла и *не могли* дойти до насъ потому именно, что въ Думѣ Боярской не было собственнаго канцелярскаго дѣлопроизводства. Дѣйствительно, если бы при Думѣ существовала какая либо канцелярская организація,—возможенъ ли былъ бы фактъ утраты всякихъ слѣдовъ ея, возможно ли было бы допустить, что бы до насъ не дошло *ни одного акта* внутренняго думнаго дѣлопроизводства? А между тѣмъ ни одного такого акта не находимъ мы въ изданныхъ до нашихъ дней собраніяхъ ихъ; ни одного такого акта не могли мы найти и въ приказныхъ дѣлахъ Архива Министерства Юстиціи, кромѣ обыкновенныхъ помѣтъ думныхъ дьяковъ на актахъ приказныхъ и на чело-

([1]) П. С. З. № 1491. Сравни Котошихина гл. VII, ст. 28 и Акты Ист. II, № 92 (IX), III, № 92 (XXIII, XXVIII, XXXVIII); Fletcher La Russie etc. (P. 1864), I, 110 (глава IX).

битныхъ, да записей боярскихъ приговоровъ въ сохранившихся записныхъ книгахъ приказовъ. Отсутстіе при Думѣ Боярской канцеляріи особенно ясно усматривается и изъ того, что при мѣстническомъ судѣ,—когда являлась необходимость въ письмоводствѣ,—судъ записывался привлекаемымъ къ тому подъячимъ Разряднаго Приказа (¹); оно усматривается и изъ того, что въ 1653 и 1674 гг., когда Думѣ Боярской приходилось производить допросъ и пытку самозванцамъ Анкудинову и Воробьеву — она, очевидно вслѣдствіе отсутствія собственной приказной организаціи, должна была переносить засѣданія свои въ Земскій Приказъ (²).

Въ заключеніе разсмотрѣнія порядка дѣлопроизводства въ Думѣ Боярской, скажемъ мы нѣсколько словъ о силѣ ея рѣшеній, носившихъ техническое названіе „боярскихъ приговоровъ". Вообще приговоръ бояръ и думныхъ людей, по внутренней силѣ своей, вполнѣ уравнивался съ царскимъ указомъ. Это прямо вытекаетъ уже изъ того, что приговоры Думы Боярской составляются „по указу государя", подъ его авторитетомъ. Въ предписаніяхъ государей объ обыкновенныхъ засѣданіяхъ Думы Боярской, всегда употребляется выраженіе „его великаго государя указъ чинить", „свой великихъ государей указъ чинить" (³) и т. п. Такимъ образомъ бояре и думные люди, обсуждая извѣстное дѣло, приговоромъ своимъ чинятъ „государевъ указъ", хотя бы государь лично и не засѣдалъ въ Думѣ; государь какъ бы уполномочиваетъ бояръ и думныхъ людей учинить „его указъ" по дѣлу. Отсюда и обычная формула боярскихъ приговоровъ: „По указу царя .... бояре приговорили" или „царь .... указалъ и бояре приговорили". Но иногда встрѣчались и такого рода случаи, что государь, поручая извѣстное дѣло разсмотрѣнію бояръ и думныхъ людей, приказывалъ по окончательномъ выясненіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла доложить его себѣ для окончательнаго указа. Такимъ образомъ возникали случаи доклада изъ Думы государю, которые бывали особенно часты въ мѣстническихъ процессахъ: часто

(¹) Наприм. Дворц. Разр. I, стр. 834, 897 и др.

(²) См. выше, стр. 100.

(³) Наприм. П. С. З. №№ 838, 1491.

государь, приказавъ боярамъ судить мѣстническій споръ, велитъ имъ „судивъ доложити себя великаго государя“ (1). Точно также въ 1674 г. боярамъ и думнымъ людямъ велѣно производить распросъ и пытку самозванцу Воробьеву,—но для окончательнаго указа по дѣлу велѣно доложить царю результатъ боярскаго распроса (2). Существовалъ наконецъ еще одинъ поводъ для доклада дѣла изъ Думы самому государю,—это случаи, когда бояре и думные люди не въ состояніи были сами „учинить государева указа“ по дѣлу; по этому поводу указъ отъ 17 марта 1694 г. даетъ слѣдующее опредѣленіе: „А которыхъ дѣлъ имъ, бояромъ и думнымъ людемъ, за чѣмъ безъ ихъ великихъ государей именнаго указу вершить будетъ немочно, и по тѣмъ дѣламъ докладываться великихъ государей“ (3). Трудно сказать, какого именно рода могли быть эти случаи, въ которыхъ не могло состояться по дѣлу боярскаго приговора; самъ указъ словами „за чѣмъ“ даетъ видѣть, что подобнаго рода случаи не могутъ быть конкретно опредѣлены. Конечно, здѣсь прежде всего слѣдуетъ предположить докладъ Думѣ дѣла на столько важнаго или сомнительнаго, что бояре и думные люди не рѣшались „учинить указа“ безъ личнаго вѣдѣнія государя; быть можетъ относится это опредѣленіе и къ такимъ дѣламъ, рѣшеніе которыхъ не могло состояться въ Думѣ вслѣдствіе разномыслія членовъ присутствія ея. За исключеніемъ дѣлъ, по которымъ сами государи удерживали за собою право окончательнаго указа, а также дѣлъ, по которымъ не можетъ составиться въ Думѣ окончательнаго приговора по какой либо другой причинѣ,—всѣ остальные приговоры бояръ и думныхъ людей, какъ вполнѣ замѣняющіе собою царскіе именные указы—считались окончательными и не подлежали измѣненію иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ (4).

---

(1) Древн. Росс. Вивл., (изд. 2), XIV, стр. 398, 492; Дворц. Разр. I, 730, III, 1355 и др.

(2) Акты Ист. IV, № 247.

(3) П. С. З. № 1491.

(4) Указомъ 1684 г. подъ страхомъ смертной казни запрещено подавать въ приказахъ челобитныя по вершеннымъ дѣламъ, докладывавшимся

Переходимъ къ разсмотрѣнію самаго внѣшняго порядка засѣданій Думы Боярской.

Мы уже видѣли выше, что въ Думѣ практиковалось распредѣленіе дней для слушанія дѣлъ, вносимыхъ въ докладъ изъ тѣхъ или другихъ приказовъ, что существовала слѣдовательно извѣстная опредѣленность въ думныхъ засѣданіяхъ. Мы видѣли также, что опредѣлялись и особые часы для этихъ засѣданій, которые, вслѣдствіе особенностей московскаго счисленія часовъ, должны были измѣняться для различныхъ временъ года. Въ тѣхъ случаяхъ, когда время года требовало измѣненія въ прежнихъ часахъ засѣданій, или встрѣчалась необходимость въ созваніи экстреннаго засѣданія, или, наконецъ, когда послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго перерыва въ засѣданіяхъ Думы (наприм. вслѣдствіе бытія думныхъ людей въ „походѣ“ съ государемъ) нужно было сдѣлать распоряженіе о возобновленіи обыкновенныхъ засѣданій—тогда члены Думы извѣщались о томъ черезъ посылавшихся къ нимъ на дома подъячихъ Разряднаго Приказа, а самое распоряженіе записывалось въ послѣднемъ ([1]). Ничѣмъ инымъ, какъ записями подобныхъ распоряженій, можно признать №№ 461, 582, 621 и 838 Полнаго Собранія Законовъ; весьма вѣроятно, что съ разрядными подъячими посылались думнымъ людямъ, въ видѣ повѣстокъ, копіи съ этихъ записей. Дѣйствительно, чѣмъ инымъ можно признать слѣдующій именной указъ—какъ называетъ его Полное Собраніе Законовъ (приводимъ его въ полномъ видѣ): „Бояромъ, окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣть въ Золотой Полатѣ за дѣлы по вечерамъ, а съѣзжаться въ 1 часу ночи“ ([2])?

государямъ, или подъ которыми подписаны указы, закрѣпленные думными дьяками; самимъ же приказамъ запрещено принимать подобныя челобитныя и выписывать по нимъ (П. С. З. № 1092).

([1]) П. С. З. № 582 («. . . . и о томъ на дворы послать къ нимъ изъ Разряду подъячихъ»). Извѣстно, что въ Разрядѣ вообще записывались указы и приговоры общаго характера, не касавшіеся вѣдомства какого либо одного приказа, или которые слѣдовало довести до свѣдѣнія всѣхъ приказовъ.

([2]) П. С. З. № 461 (1668 г.).

Предсѣдателемъ Думы является самъ государь. Это вполнѣ явствуетъ какъ изъ самаго характера Думы, такъ и изъ того, что объ Думѣ Боярской упоминается всегда безъ означенія имени старшаго изъ бояръ „съ товарищи" (1), что практиковалось во всѣхъ коллегіальныхъ установленіяхъ съ старшинствомъ (предсѣдательствомъ) одного изъ членовъ. Исключеніе представляетъ лишь Расправная Палата, какъ особое отдѣленіе Думы, въ которой одинъ изъ назначенныхъ въ нее членовъ писался именно, а остальные его товарищами,—но и то только при разрядныхъ записяхъ, касающихся этого отдѣленія (2), а не въ приговорахъ ея, которые имѣли форму общую съ формою рѣшеній цѣлой Думы. Государи не всегда лично присутствовали въ засѣданіяхъ Думы, особенно въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ ея, въ которыхъ разсматривались текущія дѣла, нормальнымъ порядкомъ поступавшія сюда изъ приказовъ; въ этомъ не трудно убѣдиться изъ простаго пересмотра боярскихъ приговоровъ (3). Но съ другой стороны находимъ мы множество указаній на личное предсѣданіе царя въ Думѣ Боярской, съ непосредственнымъ участіемъ какъ въ слушаніи дѣла, такъ и въ постановленіи по нему рѣшенія (4). Трудно сказать, кто руководилъ засѣданіями Думы Боярской въ тѣхъ случаяхъ, когда государь не засѣдалъ здѣсь лично; весьма вѣроятно что обязанность эта выпадала на долю старшаго честью боярина, такъ какъ въ Думѣ мѣстническіе счеты господствовали съ полною силою.

---

(1) Этому съ перваго взгляда противорѣчитъ № 652 Полн. Собр. Законовъ; но здѣсь, какъ оказывается, редакторы ошибочно назвали боярскимъ приговоромъ рѣшеніе Помѣстнаго Приказа.

(2) П. С. З. № 885; Дворц. Разр. IV, 187, 483, 490 и др.

(3) См. напр. П. С. З. №№ 667, 675, 686, 695, 697, 700, въ которыхъ форма приговоровъ «*по указу* в. государя бояре приговорили» даетъ видѣть, что государь лично не присутствовалъ въ разсмотрѣніи дѣла. См. также Дворц. Разр III, стр. 1392 («. . . . сидѣли бояре безъ государя . . . . и многія дѣла приказные (и) челобитчиковы вершили»). См. также прямыя указанія на отсутствіе государя въ П. С. З. №№ 898 и особенно 1491.

(4) Акты Ист. I, № 221 (II). II, № 44; Дворц. Разр. I, 140, 516, IV, 163, 165; П. С. З. №№ 651, 770, 814, 859, 951, 967 и др.

Бояре и думные люди разсаживались въ Думѣ въ извѣстномъ порядкѣ, по чинамъ, т. е. выше всѣхъ садились бояре, за ними окольничіе, затѣмъ думные дворяне; думные дьяки стояли въ присутствіи государя и садились лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приглашалъ ихъ къ тому самъ царь. Но, въ предѣлахъ мѣстъ, занимаемыхъ лицами равнаго чина, мѣста занимались не по старшинству нахожденія въ данномъ чинѣ, а уже по соображенію „породы" каждаго отдѣльнаго лица ([1]); такимъ образомъ здѣсь открывалось обширное поле для мѣстническихъ споровъ. Такъ, 22 ноября 1651 г., мѣстничались во время сидѣнья государя съ боярами бояринъ Гр. Пушкинъ и братъ его окольничій Ст. Пушкинъ съ бояриномъ княземъ Юр. Долгорукимъ и съ окольничимъ княземъ Дм. Долгорукимъ; за что первые и были приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ, съ объявленіемъ неосновательности претензій ихъ ([2]). При слушаніи въ Думѣ дѣла, касающагося одного изъ присутствующихъ членовъ, или родственниковъ его—этотъ членъ долженъ былъ оставлять засѣданіе; распоряженіе подобнаго рода встрѣчаемъ мы отъ 12 авг. 1681 г. именно относительно Расправной Палаты: „... какъ учнутъ дѣла чьи, или свойственниковъ ихъ, слушать, и тѣмъ въ то время изъ полаты выходить, а въ полатѣ имъ въ то время не бытъ" ([3]).

Что касается самаго порядка обсужденія дѣлъ, порядка преній и составленія приговора—объ этомъ, за отсутствіемъ свидѣтельствъ, нельзя сказать ничего положительнаго. Котошихинъ, трактуя о Думѣ Боярской, весьма кратко замѣчаетъ: „... и о чемъ лучитца мыслити,—мыслятъ съ царемъ, *яко обычай и индѣ* въ государствахъ. А лучитца царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ объявя приказываетъ, чтобъ они бояре и думные люди помысля къ тому дѣлу дали способъ" ([4]). Не всѣ думные члены прини-

([1]) Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

([2]) П. С. З. № 75; Дворц. Разр. III, 297—298. Считаемъ не безъинтереснымъ указать здѣсь весьма любопытный и рѣдкій случай мѣстничества (хотя и не въ Думѣ)—думнаго дьяка съ окольничимъ, находящійся въ Дворц. Разр., Доп. къ III т., стр. 374—375.

([3]) П. С. З. № 885.

([4]) Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

мають участіе въ обсужденіи вопроса или дѣла,—наиболѣе разумные или опытные „мысль свою къ способу объявливають; а иные бояре, брады свои устава, ничего не отвѣщають, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные, однако сыщется и окромѣ ихъ кому быти на отвѣты разумному изъ большихъ и изъ меншихъ статей бояръ" (¹). Если государственные таланты многихъ московскихъ бояръ были такъ незначительны даже въ эпоху Котошихина,—то мы вполнѣ можемъ повѣрить свидѣтельству К. Буссова (по Устрялову—Бера), передающаго, будто Дмитрій Самозванецъ нерѣдко смѣялся, слушая долговременныя и безплодныя пренія членовъ Думы своей и, въ минуту разрѣшая къ общему удивленію трудный для бояръ вопросъ, ласково упрекалъ ихъ въ невѣжествѣ, говоря что они ничего не видѣли и ничему не учились (²).

Выше, разсматривая вопросъ о личномъ составѣ Думы Боярской, указали мы, что въ засѣданія Думы весьма нерѣдко приглашался патріархъ и другіе высшіе представители русской церковной іерархіи. Здѣсь припоминаемъ мы это съ тою цѣлью, что бы указать различіе выраженій, которыми характеризуется въ источникахъ отношеніе царя въ Думѣ къ нормальному составу ея и къ этимъ, такъ сказать, почетнымъ членамъ: съ боярами и думными людьми царь „говоритъ", съ духовенствомъ—„совѣтуется" (³); быть можетъ это различіе выраженій имѣетъ своею цѣлью дать понять, что представители духовенства—по крайней мѣрѣ по дѣламъ не касающимся предметовъ вѣдомства ихъ—пользовались въ Думѣ лишь почетнымъ, совѣщательнымъ, голосомъ, не участвуя непосредственно въ составленіи приговоровъ по обсуживаемымъ въ Думѣ дѣламъ.

Невольно возникаетъ передъ нами слѣдующій вопросъ: допускалось ли въ Думѣ Боярской рѣшеніе дѣлъ по боль-

(¹) Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

(²) Устряловъ: Сказ. соврем. о Дм. Сам-цѣ, (изд. 1859 г.), I, 49. Сравни свидѣтельство Маржерета, тамъ же, стр. 300.

(³) Наприм. Акты Арх. Эксп. IV, №№ 59, 189, 214, 233; Акты Ист. IV, № 233, V, № 29 и др.

шинству голосовъ, или же требовалось непремѣнно рѣшеніе единогласное? Само собою разумѣется, что этотъ вопросъ имѣетъ значеніе лишь для засѣданій Думы безъ личнаго присутствія государя, такъ какъ голосъ послѣдняго, несогласный съ мнѣніемъ большинства или даже всего присутствія —могъ парализовать послѣднее. Источники не даютъ намъ на этотъ счетъ прямыхъ указаній; но, соглашаясь съ общепринятымъ мнѣніемъ, что рѣшеніе по большинству голосовъ не было въ духѣ старинной русской жизни, а также имѣя въ виду выраженія источниковъ, предписывающихъ боярамъ дѣлать дѣла „всѣмъ", „всѣмъ вмѣстѣ" (1)—мы склонны думать, что въ Думѣ Боярской требовалось рѣшеніе единогласное въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло разсматривалось безъ государя. Невозможность достиженія единогласія и имѣется быть можетъ въ виду опредѣленіями, предусматривающими случаи, когда боярамъ и думнымъ людямъ „немочно" будетъ рѣшить извѣстное дѣло безъ имяннаго указа и когда въ Думѣ не возможнымъ окажется почему либо постановить приговора по судному дѣлу, перенесенному сюда изъ приказа въ апеляціонномъ порядкѣ, причемъ, въ первомъ случаѣ—требуется докладъ дѣла государю, во второмъ случаѣ—дача въ томъ дѣлѣ суда „съ головы" (2).

Какимъ образомъ формулировались и помѣчались боярскіе приговоры и какъ обращались они къ дальнѣйшему исполненію—эти вопросы въ своемъ мѣстѣ уже были нами затрогиваемы.

---

(1) Уложеніе, гл. X. ст. 2, 20; П. С. З. № 1491.

(2) П. С. З. № 1491; Уложеніе, гл. X, ст. 10.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПРЕДМЕТЫ ВѢДОМСТВА ДУМЫ БОЯРСКОЙ.

Тщетно стали бы мы искать въ памятникахъ Московскаго періода какихъ либо опредѣленныхъ указаній относительно круга дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству Думы Боярской. Да сфера вѣдомства этого установленія и не могла быть твердо опредѣленною и ограниченною какими либо предѣлами, что вполнѣ согласуется съ самымъ характеромъ его, какъ ближайшаго и непосредственнаго органа выраженія воли и дѣятельности представителя верховной государственной власти: всякаго рода дѣло, которое могло восходить до разсмотрѣнія государя—могло быть подвергаемо имъ обсужденію Думы. А какъ до непосредственнаго разсмотрѣнія государя могли восходить вопросы и дѣла касающіяся самыхъ различныхъ сторонъ государственной и юридической жизни,—то уже изъ этого открывается разнообразіе дѣлъ, на которыя могла простираться кемпетентность Думы Боярской. Большая или меньшая степень участія Думы въ обсужденіи дѣлъ, восходившихъ на личное усмотрѣніе государя, большая или меньшая степень допущенія ея къ обсужденію мѣропріятій, инціатива которыхъ шла и непосредственно отъ самаго государя—всецѣло зависѣла отъ воли и усмотрѣнія послѣдняго. Часты были въ практикѣ Московскаго государственнаго быта случаи, въ которыхъ государи единолично рѣшали тѣ или другіе вопросы, или единолично издавали указы и возбуждали извѣстныя мѣропріятія, безъ привлеченія къ участію въ подобныхъ дѣлахъ бояръ и думныхъ людей своихъ; подобнаго рода случаи имѣли обыкновенно мѣсто въ дѣлахъ несложныхъ, рѣшеніе которыхъ не требовало

глубокихъ соображенiй и представлялось государю болѣе или менѣе очевиднымъ, такъ что особое совѣщанiе съ думными людьми представлялось бы въ данномъ случаѣ лишь излишнимъ усложненiемъ дѣлопроизводства. Съ другой стороны, бывали и такаго рода случаи, въ которыхъ государь всецѣло передавалъ Думѣ Боярской обсужденiе и разрѣшенiе извѣстнаго дѣла или вопроса, лично устраняясь отъ участiя въ его производствѣ, въ которыхъ онъ предоставлялъ Думѣ право самостоятельнаго приговора, хотя и подъ своимъ авторитетомъ, „по своему государеву указу".

Отсюда различiе трехъ формъ, въ которыя облекались издававшiяся законоположенiя: a) царскiй имянной указъ, b) царскiй имянной указъ съ боярскимъ приговоромъ и c) боярскiй приговоръ по государеву указу,—смотря потому, состоялось ли законоположенiе безъ совѣщанiя съ Думою, состоялось ли оно путемъ обсужденiя вопроса государя съ Думою или, наконецъ, состоялось ли оно путемъ обсужденiя и рѣшенiя вопроса одною Думою, безъ непосредственнаго участiя государя, хотя и подъ его авторитетомъ. Несомнѣнно впрочемъ, что подъ формою имянныхъ указовъ во многихъ случаяхъ могли скрываться результаты тайныхъ совѣщанiй государей съ ближними людьми своими или съ нѣсколькими излюбленными совѣтниками, съ устраненiемъ всего нормальнаго состава Думы, результаты „тайныхъ думъ" упоминаемыхъ Котошихинымъ и составляющихъ продолженiе дѣланiя дѣлъ „самъ третей у постели", на которыя горько жаловался Берсень-Беклемишевъ въ первой четверти XVI вѣка.

Разсматривая дошедшiя до насъ извѣстiя о предметахъ вѣдомства Думы Боярской, мы увидимъ, что они вообще могутъ быть сведены къ тремъ группамъ: a) Участiе Думы Боярской въ правительственной (исполнительной) дѣятельности, b) Участiе ея въ дѣлахъ законодательства и c) Судебная функцiя ея. Участiе Думы Боярской въ правительственной функцiи было сравнительно необширно,—это объясняется тѣмъ, что нормальная исполнительная дѣятельность всецѣло лежала на приказахъ и проявлялась, по отношенiю къ Думѣ Боярской, главнымъ образомъ въ высшемъ вѣданiи внѣшнихъ международныхъ сношенiй, въ высшемъ вѣданiи военныхъ мѣропрiятiй, въ общемъ надзорѣ надъ центральнымъ и мѣстнымъ управленiемъ и въ вѣданiи различнаго рода чрезвычайныхъ исполнительныхъ мѣръ, не присущихъ

нормальному теченію государственной жизни. Такимъ образомъ исполнительная дѣятельность Думы Боярской носила исключительный, случайный, характеръ. Главными же и основными моментами дѣятельности разсматриваемаго нами учрежденія—являются участіе въ законодательной дѣятельности и функція судебная.

Разсмотримъ отдѣльно каждую изъ указанныхъ нами трехъ группъ предметовъ вѣдомства Думы Боярской.

Глава I.

Участіе Думы Боярской въ правительственной (исполнительной) дѣятельности.

Участіе Думы въ дѣлахъ внѣшней политики.—Участіе Думы въ высшемъ вѣданіи ратныхъ дѣлъ въ военное и мирное время.—Участіе Думы въ высшемъ вѣданіи дѣлъ центральнаго и мѣстнаго управленія.—Участіе Думы въ предпринятіи чрезвычайныхъ правительственныхъ мѣръ.

Здѣсь прежде всего встрѣчаемся мы съ участіемъ Думы Боярской въ *дѣлахъ внѣшней политики.*

Этого рода дѣла, какъ требующія особой осторожности и осмотрительности, особо глубокаго обсужденія вопроса, весьма естественнымъ предоставлялось государямъ передавать на разсмотрѣніе бояръ и думныхъ людей своихъ. Мы уже ознакомились выше и съ тѣмъ активнымъ участіемъ, которое принадлежало членамъ Думы въ дѣлѣ веденія дипломатическихъ переговоровъ; мы видѣли уже, что для переговоровъ съ прибывавшими въ Москву чужеземными послами, „для бытія въ отвѣтѣ“ съ ними, составлялись изъ бояръ и думныхъ людей особыя на каждый данный случай коммиссіи (¹). Изъ акта земскаго собора 1566 года, созваннаго для обсужденія Литовскаго дѣла и вопроса о мирѣ или войнѣ съ Польскимъ королемъ, узнаемъ мы, что этотъ вопросъ, до предоставленія его на разсмотрѣніе собора, обсуживался царемъ съ боярами своими; послѣдніе, подавая на соборѣ мнѣніе свое, говорятъ: „И государю нашему царю и в. к. наша мысль, что *преже сего* о Литовскомъ дѣлѣ *говорили* есмя, и наши рѣчи и записаны, которые бояре тог-

(¹) См. выше стр. 80—82.

ды были въ приговорѣ" (1). Въ 1580 г. посылается грамота польскимъ раднымъ панамъ „отъ бояръ государя нашего, отъ боярина и намѣстника Володимерскаго ото кн. И. Ѳ. Мстиславскаго съ товарищи" (2); въ 1614 г. посылается грамота польскимъ раднымъ панамъ „отъ бояръ и отъ окольничихъ и ото всее царскаго Величества Думы", которая и была закрѣплена печатями бояръ и думныхъ людей (3). Участіе Думы Боярской въ дѣлахъ внѣшней политики особенно наглядно проявляется въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній". Здѣсь, подъ 1488 г., находимъ мы извѣстіе, что в. к. Іоаннъ III, не смотря на требованіе цесарскихъ пословъ, отказывается слушать рѣчей ихъ безъ бояръ, наединѣ (4); здѣсь же находимъ мы царскіе указы и боярскіе приговоры объ отправленіи посольствъ къ иноземнымъ государямъ, о встрѣчѣ иноземныхъ пословъ и о назначеніи имъ кормовъ и содержанія (5); здѣсь встрѣчаемъ мы и приговоръ царя Ѳедора Ивановича съ боярами объ отправленіи къ императору австрійскому посольства съ извѣщеніемъ о восшествіи своемъ на престолъ (6). Объ участіи Думы Боярской въ обсужденіи важнѣйшихъ дѣлъ внѣшней политики свидѣтельствуетъ и Котошихинъ. Изъ извѣстнаго его описанія порядка думныхъ сидѣній и дѣлопроизводства открывается, что результатомъ думныхъ совѣщаній бывали посылки грамотъ въ окрестныя государства, составленіе которыхъ и предписывалось посольскому думному дьяку, какъ представителю Посольскаго Приказа въ Думѣ; проэкты этихъ дипломатическихъ грамотъ, составленные въ Посольскомъ Приказѣ, слушались и конечно обсуждались въ засѣданіи Думы Боярской (7).

---

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 548.

(2) Акты Ист. I, № 206.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 24. Къ этой грамотѣ приложили печати свои 11 бояръ, 5 окольничихъ, 1 казначей, 1 кравчій, 1 постельничій, 1 думн. дворянинъ, 2 думн. дьяка.

(4) Пам. диплом. снош. I, стр. 1. См. также Дворц. Разр. III, 582.

(5) Пам. диплом. снош. I, стр. 151, 481, 1004; II, 189, 287.

(6) Пам. диплом. снош. I, стр. 909.

(7) Котошихинъ, гл. II, статья 5.

Въ 1674 г. царь, бояре и думные люди слушаютъ посольскія отписки по докладу изъ Посольскаго Приказа [1]; въ іюлѣ 1680 года царь Θеодоръ Алексѣевичъ экстренно пріѣзжаетъ изъ села Воробьева въ Москву для слушанія „посольскихъ дѣлъ" изъ Посольскаго Приказа [2]. Само собою разумѣется, что въ непосредственной связи съ обсужденіемъ вопросовъ внѣшней политики, должно было стоять и обсужденіе государемъ съ Думою своею вопросовъ о мирѣ и войнѣ, какъ непосредственно вытекающихъ изъ неудавшихся или не приведшихъ къ удовлетворительному концу дипломатическихъ переговоровъ. Такъ мы видѣли, что въ 1566 г. вопросъ о мирѣ или войнѣ съ Польшею предложенъ былъ царемъ на обсужденіе, сперва Думы своей, а затѣмъ земскаго собора. Такъ же точно въ 1577 г. царь и бояре приговариваютъ „прося у Бога помощи, итти очищати свою вотчину Лифляндскую землю" [3].

Отъ участія Думы Боярской въ дѣлахъ внѣшней политики, естественнымъ будетъ переходъ въ *высшему вѣданію ратнаго дѣла*,—какъ гарантіи внѣшней безопасности государства.

Участіе Думы Боярской въ вѣданіи ратнаго дѣла представляется въ двоякомъ видѣ: въ видѣ вѣданія организаціи государственной защиты въ случаѣ угрожающей или начавшейся уже войны и въ видѣ высшаго вѣданія ратнаго устроенія въ мирное время.

Совѣщанія государей съ думными людьми своими относительно организаціи военныхъ дѣйствій, относительно „розряда" воинскихъ силъ по полкамъ и городамъ—представляютъ явленіе весьма древнее и обыкновенное, перешедшее и въ государственную практику Московскую. Разсматривая разряды второй половины XVI вѣка—мы постоянно будемъ встрѣчать указанія на совѣщанія государя съ боярами относительно военныхъ мѣропріятій и дислокація военныхъ силъ. Такъ, въ 1578 г., Іоаннъ IV приговариваетъ съ сыномъ сво-

---

(1) Дворц. Разр. III, стр. 1111.

(2) Дворц. Разр. IV, 165.

(3) Древн. Росс. Вивл. (изд. 2), XIV, стр. 324 (Разряды 1577 года).

имъ и „со всѣми бояры .... какъ ему, прося у Бога милости, итти на свое государево дѣло и на земское, на нѣмецкую и на литовскую землю, и которымъ бояромъ и воеводамъ въ которомъ полку быти“,—вслѣдъ зачѣмъ составлена была подробная роспись воеводъ и программа мобилизаціи воинскихъ силъ ([1]). Въ 1586 г. царь Ѳеодоръ Ивановичъ „приговорилъ со всѣми бояры, какъ ему государю на своего непослушника на Свѣйскаго короля наступивъ, прося у Бога милости, своимъ и земскимъ дѣломъ промышляти“,—вслѣдъ зачѣмъ также составлено было росписаніе воеводъ по полкамъ ([2]). Въ 1622 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, говоря съ боярами, предписываетъ усилить составъ служилыхъ людей по Литовской украйнѣ ([3]). Въ 1629 г., по царскому указу и боярскому приговору, сдѣлано распоряженіе о порядкѣ очередной службы служилыхъ людей въ Калугѣ и о сборѣ ихъ въ этомъ городѣ въ полномъ составѣ „по вѣстемъ“, т. е. въ случаѣ полученія извѣстія объ опасности грозящей со стороны непріятельскихъ людей ([4]). Въ 1673 г. состоялся царскій указъ и боярскій приговоръ объ усиленіи численности ратныхъ людей въ Сѣверскихъ городахъ, въ виду предстоящаго вторженія турецкаго султана на русскую украйну ([5]). Въ 1678 г. царь Ѳедоръ Алексѣевичъ совѣщается съ патріархомъ и боярами о средствахъ отраженія турокъ въ случаѣ нападенія ихъ на Московскія земли; въ результатѣ совѣщанія была отправка по этому вопросу наказныхъ статей воеводамъ, находившимся подъ Чигириномъ ([6]).

Въ мирное время вѣданіе ратныхъ и служилыхъ дѣлъ сосредоточивалось въ Разрядѣ и отдѣльныхъ военныхъ приказахъ,—вслѣдствіе чего Дума Боярская вѣдала подобнаго рода дѣла лишь въ случаяхъ исключительныхъ: къ ней восходили изъ этихъ приказовъ преимущественно дѣла вызы-

---

([1]) Древн. Росс. Вивл. (изд. 2). стр. 349 и слѣд.

([2]) Древн. Росс. Вивл., XIV. стр. 490.

([3]) Разр. Книги, I, стр. 832.

([4]) Разр. Книги, II, стр. 173.

([5]) Акты Ист. IV, № 233.

([6]) Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, № 111; Разр. Кн. II, стр. 1045.

вавшія разсмотрѣніе ихъ въ порядкѣ законодательномъ и дѣла судныя. Изъ дѣлъ исполнительныхъ разсматривались въ Думѣ вѣроятно лишь мѣропріятія, инииціатива которыхъ шла сверху, отъ самаго государя, и которыя, будучи обсуждены имъ съ думными людьми своими, передавались уже затѣмъ въ соотвѣтствующій приказъ для дальнѣйшаго исполненія, а также дѣла казуистическія, которыя докладывались государю изъ приказа безъ указанія примѣрнаго рѣшенія и вслѣдствіе того передавались государемъ на обсужденіе Думы своей. Изъ разсматриваемаго рода дѣлъ встрѣчаемъ мы участіе Думы Боярской въ распоряженіяхъ объ осмотрѣ и ремонтѣ укрѣпленныхъ границъ и засѣкъ (1), о высылкѣ служилыхъ людей и нѣтчиковъ на службу въ опредѣленныя мѣстности (2), о взысканіяхъ съ ратныхъ людей не явившихся по наряду на службу (3), о написаніи служилыхъ людей извѣстнаго разряда за службы, по челобитью ихъ, въ высшій разрядъ (4) и т. п.

Участіе Думы Боярской въ высшемъ вѣдапіи *дѣлъ центральнаго и мѣстнаго управленія*—на сколько оно касается функціи правительственной—является, по крайней мѣрѣ по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, весьма незначительнымъ. Но за то, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, Дума Боярская имѣла близкое и непосредственное отношеніе къ административно-судебнымъ лицамъ и установленіямъ въ сферахъ дѣятельности законодательной и судебной. Лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ передавались государемъ на обсужденіе Думы Боярской докладывавшіяся ему изъ приказовъ дѣла, касающіяся исполнительной дѣятельности послѣднихъ. Рѣшенія подобнаго рода дѣлъ составляли предметъ самостоятельной дѣятельности приказныхъ судей и, лишь въ наиболѣе важныхъ случаяхъ, докладывались послѣдними на утвержденіе государя, а еще рѣже предлагались послѣднимъ обсужденію Думы. Изъ примѣровъ послѣдняго рода укажемъ на внесеніе изъ соотвѣтствующаго приказа на обсужденіе

---

(1) П. С. З. № 728.

(2) П. С. З. №№ 1280. 1440.

(3) П. С. З. №№ 1042. 1218.

(4) П. С. З. № 736.

Думы вопроса о воеводѣ, болѣзнь котораго не дозволяла ему пріѣзжать въ съѣзжую избу и исполнять свои обязанности, вслѣдствіе чего царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ велѣно было отпустить его къ Москвѣ [1]; или укажемъ на заботы Думы Боярской о сохранности приказныхъ архивовъ: въ 1682 г. царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ велѣно было доставить въ Москву списки съ грамотъ, отпуски которыхъ уничтожены были въ приказахъ [2]; или наконецъ въ 1675 г. дѣлается докладъ государю и боярамъ изъ Посольскаго приказа о Кіевскомъ гонцѣ, потерявшемъ въ дорогѣ ввѣренныя ему бумаги, вслѣдствіе чего состоялся въ Думѣ приговоръ о строгомъ допросѣ и пыткѣ гонца въ приказѣ, для вывѣданія, не скрывается ли подъ этимъ событіемъ воровскаго умысла [3]. Изъ приказовъ дѣлались государю и боярамъ доклады и по открывавшимся въ нихъ злоупотребленіямъ; такъ въ 1613 году докладывался государю фактъ изчезновенія части казенныхъ денегъ изъ приказа Казеннаго Двора, со взломомъ печати у денежной коробки и, по указу царя и приговору бояръ, въ приказѣ произведенъ былъ распросъ и пытка сторожамъ, заподозрѣннымъ въ этой кражѣ [4].

Изъ *чрезвычайныхъ правительственныхъ мѣръ*, предпринимаемыхъ при участіи Думы Боярской, укажемъ на совѣщанія съ Думою государей по вопросамъ объ организаціи и роспускѣ созываемыхъ въ Москвѣ земскихъ соборовъ и другихъ собраній выборныхъ. Изъ предисловія къ Уложенію 1649 г. почерпаемъ мы извѣстіе, что организація созваннаго для его утвержденія земскаго собора обсуживалась царемъ съ патріархомъ и боярами; боярскимъ приговоромъ опредѣлено было самое количество выборныхъ, которыхъ должны были прислать отдѣльные классы населенія [5]. Цар-

---

(1) Дворц. Разр. III, стр. 1175.

(2) П. С. З. № 965.

(3) Дворц. Разр. III, стр. 1205.

(4) Викторовъ: Описаніе книгъ и бумагъ дворцов. приказовъ (М. 1877), I. стр. 70.

(5) Уложеніе 1649 г., предисловіе.

скимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ опредѣленъ былъ и роспускъ въ 1683 г. по домамъ „двойниковъ", созванныхъ передъ тѣмъ въ Москву для уравненія службъ и податей (¹).

Наконецъ къ правительственной дѣятельности Думы Боярской должно быть отнесено и *вѣдапіе Москвы* въ отсутствіе государя, которое, какъ мы выше видѣли, поручалось особымъ коммиссіямъ, назначавшимся для того изъ членовъ Думы.

Глава II.

Участіе Думы Боярской въ законодательной дѣятельности.

Характеръ участія Думы въ законодательной дѣятельности Московскихъ государей. — Три способа возбужденія законодательной дѣятельности Думы. Личное усмотрѣніе государя. Челобитья частныхъ лицъ, общинъ и классовъ населенія. Указанія практики.—Доклады изъ приказовъ, какъ средство возбужденія законодательной дѣятельности, и общій характеръ развитія этимъ путемъ Московскаго законодательства.— Отношеніе отдѣльныхъ боярскихъ приговоровъ къ общей системѣ законодательства. Подтвержденіе силы закона, дополненіе и отмѣна закона, возстановленіе силы закона. Вопросъ объ обратной силѣ боярскихъ приговоровъ.—Сферы права и жизни, на которыя распространялась законодательная дѣятельность Думы: организація управленія, регулированіе правилъ и нормъ суда, право уголовное и гражданское, вѣданіе службъ и служилаго класса, устройство быта сословій, финансы и торговля, межевое и писцовое дѣло, полиція безопасности и благоустройство.

Уже въ первомъ томѣ „Исторіи права Московскаго государства", представляя общія понятія о характерѣ законодательной дѣятельности Московской, имѣли мы случай замѣтить, что Дума Боярская служила нормальнымъ установленіемъ для разсмотрѣнія и рѣшенія вопросовъ текущаго законодательства. Въ настоящую минуту болѣе подробнымъ образомъ разсмотримъ мы участіе Думы Боярской въ законодательной дѣятельности Московскихъ государей.

Приступая къ изслѣдованію этого вопроса, мы прежде всего еще разъ должны оговориться, что Дума Боярская, въ нормальномъ теченіи государственной жизни, не облада-

(¹) Акты Ист. V. № 83.

ла *правомъ* законодательства въ собственномъ смыслѣ этого слова; какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, она и въ дѣлѣ законодательства не выходила изъ рамокъ учрежденія вспомогательнаго, совѣщательнаго. Она обсуживала и разрѣшала извѣстные вопросы текущаго законодетельства не въ силу *права* своего на это, не въ силу какого либо основнаго закона, — но единственно въ силу добровольнаго предоставленія ей участія въ законодателкной дѣятельности со стороны представителя верховной государственной власти, который въ извѣстномъ конкретномъ случаѣ всегда могъ и отказать ей въ этомъ участіи.

Въ вопросѣ о законодательной дѣятельности Думы Боярской прежде всего возстаетъ передъ нами слѣдующій основной вопросъ: отъ какихъ лицъ или учрежденій шла иниціатива возбужденія законодательныхъ вопросовъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе Государя и Думы его? Изученіе памятниковъ Московскаго періода указываетъ намъ на слѣдующіе три источника возбужденія законодательныхъ вопросовъ и законодательной дѣятельности: a) личное усмотрѣніе государя, b) челобитья отдѣльныхъ частныхъ лицъ, общинъ и классовъ населенія и c) указанія приказной практики.

Личное усмотрѣніе государя являлось источникомъ возбужденія законодательной дѣятельности въ тѣхъ случаяхъ, когда законодательная иниціатива шла отъ него самаго, когда государь, помимо видимаго по крайней мѣрѣ участія другихъ элементовъ государственной жизни, самъ, лично, вносилъ тотъ или другой законодательный вопросъ на обсужденіе Думы своей; когда, какъ выражается Котошихинъ, государь, объявивъ боярамъ и думнымъ людямъ мысль свою, „объявя приказываетъ, что бъ они бояре и думные люди помысля къ тому дѣлу дали способъ“. Это слѣдовательно случаи, когда законодательная иниціатива идетъ не снизу, не отъ указаній приказной практики и петицій лицъ заинтересованныхъ, но сверху, отъ самаго представителя верховной государственной власти. Къ сожалѣнію источники не даютъ намъ прямыхъ указаній на возбужденіе законодательной дѣятельности самимъ государемъ, за исключеніемъ случаевъ изданія цѣлыхъ законодательныхъ сборниковъ—двухъ Судебниковъ и Уложенія 1649 г.,—которые сами свидѣтельствуютъ о себѣ, что иниціатива составленія ихъ принадлежитъ государю „по совѣту съ боярами“ его,

Впрочемъ не мало законоположеній, иниціатива которыхъ шла отъ самаго государя, скрывается по всей вѣроятности подъ формою напечатанныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ царскихъ именныхъ указовъ съ боярскими приговорами, въ которыхъ не указывается на приказную практику (доклады изъ приказовъ) и на челобитья частныхъ лицъ и отдѣльныхъ классовъ населенія, какъ на причины вызвавшія ихъ къ жизни.

Челобитья отдѣльныхъ частныхъ лицъ, общинъ и классовъ населенія—являются вторымъ источникомъ возбужденія законодательной дѣятельности. Какъ средство возбужденія законодательной дѣятельности—челобитья государямъ частныхъ лицъ, а въ особенности общинъ и отдѣльныхъ классовъ населенія, всегда были важнымъ факторомъ государственной жизни до-Петровской Руси. Перелистывая любой томъ актовъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею—даже неспеціалистъ въ состояніи будетъ замѣтить обширную массу челобитныхъ служилыхъ людей и земскихъ состояній государю относительно потребностей, нуждъ и интересовъ своихъ, по которымъ можно прослѣдить болѣе или менѣе обстоятельную картину внутренняго быта Московской Руси. Но особое значеніе пріобрѣтаютъ эти челобитныя въ рукахъ историка-юриста, проливая свѣтъ на весьма знаменательную сторону государственной жизни того времени: оказывается, что важнѣйшія внутреннія мѣропріятія Московскаго правительства являлись результатомъ петицій государямъ служилаго и земскаго состояній. Обстоятельное изслѣдованіе этого вопроса, вполнѣ достойнаго вниманія нашихъ историковъ-юристовъ—не можетъ войти въ рамки настоящаго изслѣдованія нашего. Припомнимъ лишь общеизвѣстные факты, что челобитьями земщинъ вызваны были къ жизни уставныя грамоты XV—XVI вв. и губное право съ регулировавшими его губными грамотами; что челобитья вотчинниковъ и помѣщиковъ существеннымъ образомъ повліяли на закрѣпленіе въ концѣ XVI вѣка крестьянскаго волостнаго населенія; что челобитья городскихъ общинъ вызвали въ первой половинѣ XVII вѣка цѣлый рядъ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, исподоволь подготовлявшихъ закрѣпленіе и посадскаго населенія, окончательно и ясно выразившееся въ Уложеніи 1649 года. Непосредственное вліяніе челобитій на характеръ и направленіе законодатель-

ства съ несомнѣнною ясностью отражается и въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича (¹). Наконецъ и во многихъ новоуказныхъ статьяхъ находимъ мы ясныя указанія на то, что изданіе ихъ вызвано челобитьями со стороны служилыхъ и земскихъ людей (²). Московское правительство нерѣдко и само принимало мѣры къ выясненію взглядовъ и мнѣній по извѣстнымъ вопросамъ, подлежавшимъ обсужденію Думы Боярской, лицъ, интересы которыхъ затрогивались этими вопросами; такъ, мы выше видѣли примѣры призыванія въ Думу представителей торговыхъ людей, для дачи заключеній по дѣламъ торговымъ, находившимся на обсужденіи бояръ и думныхъ людей. Выше, разсматривая вопросъ о дѣлопроизводствѣ въ Думѣ Боярской,—видѣли мы и самый порядокъ поступленія въ Думу челобитныхъ.

Указанія приказной практики представляютъ третій и важнѣйшій источникъ возбужденія законодательной дѣятельности государя и Думы его.

Московскимъ приказамъ, въ разносторонней административной и судебной практикѣ ихъ, безпрестанно приходилось становиться лицемъ къ лицу съ фактами, явленіями и отношеніями дѣйствительной жизни, которые не находили себѣ разрѣшенія въ предшествовавшемъ законодательствѣ, или же прежняя законодательная регламентація которыхъ перестала соотвѣтствовать требованіямъ развивающейся жизни, или, наконецъ, въ предшествовавшей законодательной регламентаціи которыхъ оказывалось противорѣчіе или неполнота. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ приказамъ предоставлялось черезъ первоприсутствующихъ своихъ входить по поводу возникшаго недоразумѣнія съ докладомъ къ государю и Думѣ его. Здѣсь, на точномъ основаніи представленнаго изъ приказа доклада—вопросъ получалъ законодательное разрѣшеніе свое. Нерѣдко докладъ составлялся изъ нѣсколькихъ

(¹) *Щаповъ*: «Земскій соборъ 1648—1649 г.г. и пр.», Отеч. Зап 1862 г., № 11, стр 6—11; *Сергѣевичъ*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», въ Сборн. Государ. Знаній: т. II, стр. 42—43; *моя* «Исторія права Моск. госуд.» т. I. стр. 284 и слѣд.

(²) Напримѣръ Акты Арх. Эксп. IV, № 141; Акты Ист. V, № 226; П. С. З. №№ 643, 686, 697, 700 (I. ст. 28, 30, 31; II, ст. 7, 8) и др.

статей, число которыхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ бывало весьма значительно, и изъ которыхъ каждая представляла изложеніе отдѣльнаго сомнительнаго вопроса; въ этихъ случаяхъ и рѣшеніе постановлялось по отдѣльнымъ статьямъ доклада. Такимъ именно путемъ совершалось развитіе Московскаго законодательства въ промежутки времени между изданіями общихъ законодательныхъ сборниковъ: такъ развивалось оно въ промежутокъ времени между изданіями Судебника 1550 г. и Уложенія 1649 г. (*дополнительные указы*) (1); такъ развивалось оно и послѣ изданія Уложенія 1649 года (*новоуказныя статьи*). Уложеніе 1649 г. свело, какъ извѣстно, къ общему итогу предшествовавшее ему развитіе законодательства путемъ указаній практической жизни, свело и поглотило въ себѣ дополнительные указы къ Судебнику. Но за то на долю Московскаго государства уже не выпало выполненіе задачи систематической кодификаціи законодательнаго матеріала представляемаго новоуказными статьями, хотя онѣ, благодаря быстро двинувшемуся впередъ ходу государственной и общественной жизни, уже во второй половинѣ XVII вѣка стали подавлять русскаго юриста практика своею казуистичностью и своими внутренними противорѣчіями; почти полтора вѣка послѣ конца Московскаго періода суждено имъ было еще, во многихъ случаяхъ потерявъ практическое значеніе, лежать тяжелымъ баластомъ въ лабиринтѣ зданія русскаго законодательства.

Характеристическую черту боярскихъ приговоровъ составляетъ казуистичность ихъ. Большая часть боярскихъ приговоровъ представляетъ собою случаи разрѣшенія въ Думѣ сомнительныхъ вопросовъ, встрѣчавшихся въ Московской административной и судебной практикѣ. Въ этомъ не трудно убѣдиться по отношенію къ дополнительнымъ къ Судебнику указамъ, разсматривая указныя книги приказовъ, напримѣръ „Указную книгу вѣдомства казначеевъ", „Уставную книгу Разбойнаго приказа", указныя книги приказовъ Холопья, Земскаго и Помѣстнаго; здѣсь мы ясно можемъ

(1) Судебникъ 1550 г. самъ установляетъ что « . . . которые будутъ дѣла новые, а въ семъ судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева *докладу и со всѣхъ бояръ приговору* вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати».

прослѣдить постепенное наслоеніе узаконеній, образовавшихся путемъ боярскихъ приговоровъ по докладамъ приказныхъ судей, относительно затруднительныхъ случаевъ, встрѣченныхъ ими въ практикѣ своей (1). Въ этомъ не трудно убѣдиться по отношенію ко второй половинѣ XVII вѣка, взявъ первые три тома Полнаго Собранія Законовъ и просматривая напечатанныя въ нихъ новоуказныя статьи (2); при нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо указывается конкретный случай, съ указаніемъ именъ частныхъ лицъ, въ немъ заинтересованныхъ, который получаетъ разрѣшеніе свое путемъ боярскаго приговора съ прибавленіемъ, что этимъ рѣшеніемъ слѣдуетъ руководствоваться и въ дальнѣйшей практикѣ (3). Результатъ подобнаго направленія законодательной дѣятельности во второй половинѣ XVII в. очевиденъ: Уложеніе, которое далеко не могло отвѣчать всѣмъ отдѣльнымъ, частнымъ запросамъ современнаго ему государственнаго и юридическаго быта, стало дополняться и разъясняться боярскими приговорами на отдѣльные практическіе случаи; въ эти приговоры—что будетъ вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ неправильность въ распредѣленіи вѣдомствъ между приказами, при которой одинъ и тотъ же предметъ вѣдомства часто распредѣлялся между нѣсколькими приказами—постепенно вкрадывались внутреннія противорѣчія, какъ между собою, такъ и съ Уложеніемъ. Эти противорѣчія вызывали появленіе новыхъ боярскихъ приговоровъ, разъясняющихъ и примиряющихъ ихъ,—эти послѣдніе въ свою очередь впадали въ коллизію, или съ Уложеніемъ, или съ другими приговорами; приказные доклады, ссылаясь на обнаруживающійся разладъ въ законодательныхъ опредѣленіяхъ, опять обращаются за указомъ къ государю и Думѣ его, опять

---

(1) Эти книги изданы проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ III вып. его «Христом. по ист. русск. права». См. также у Шалфѣева: «Объ уставной книгѣ Разбойнаго приказа», стр. 8 и слѣд.

(2) Напримѣръ №№ 633, 700, 860—представляющіе изъ себя обширные доклады по изв. роду дѣлъ, съ указаніемъ по каждой отдѣльной статьѣ боярскаго приговора.

(3) Напримѣръ П. С. З. №№ 390, 803, 1020, 1034, 1255, 1341. Указная книга Помѣст. Приказа (въ III вып. Христ. Влад.-Буданова), ст. 6, 8, 9.

являются новые боярскіе приговоры и т. д. и т. д. Такимъ путемъ накоплялся обширный законодательный матеріалъ, внутренними противорѣчіями и отсутствіемъ общей руководительной нити положительно давившій приказную практику, и вмѣстѣ съ тѣмъ воспитавшій на себѣ обширный классъ дѣльцовъ—дьяковъ и подъячихъ,—съ успѣхомъ ловившихъ рыбу въ мутной водѣ современнаго законодательства, подтасовывавшихъ законы какъ карты, по мѣткому замѣчанію Петра I. Въ видѣ примѣровъ того, какъ возбуждали приказные доклады законодательную дѣятельность Думы Боярской — приведемъ, въ общихъ чертахъ, изъ новоуказныхъ статей, сущность нѣсколькихъ приказныхъ докладовъ, поступавшихъ въ Думу для разсмотрѣнія ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Въ Уложеніи регламентируется извѣстное отношеніе, но ни само Уложеніе, ни послѣдующія „новыя статьи“ не предусматриваютъ частностей его. встрѣтившихся на практикѣ; дѣло докладывается боярамъ: бояре дѣлаютъ приговоръ—и создается новая новоуказная статья, дополняющая Уложеніе ([1]). Въ Уложеніи получило регламентацію свою извѣстное отношеніе, но уже въ 1650 г. состоялся боярскій приговоръ, противорѣчащій опредѣленію Уложенія,—и на основаніи этого приговора данное отношеніе регулировалось вплоть до 1676 года, когда возникло наконецъ въ приказѣ сомнѣніе въ правильности регулированія его на основаніи приговора 1650 года; дѣло докладывается боярамъ: послѣдніе новымъ приговоромъ отмѣняютъ силу приговора 1650 г. и предписываютъ на будущее время руководствоваться опредѣленіемъ Уложенія ([2]). Извѣстное отношеніе Уложеніемъ не предусмотрѣно, но регламентировано боярскимъ приговоромъ 1667 года, а затѣмъ въ 1674, 1676, 1677 и 1685 гг. состоялись боярскіе приговоры, опредѣлявшіе частности этого отношенія, которые не вполнѣ согласовывались съ приговоромъ 1667 г. и въ которыхъ путалась приказная практика; дѣло докладывается боярамъ: въ результатѣ является подтвержденіе силы бояр-

([1]) П. С. З. №№ 749, 765 (оба 1679 года).

([2]) П. С. З. № 634, ст. 3.

скаго приговора 1667 г., въ противность позднѣйшимъ новоуказнымъ статьямъ (¹).

Разсматривая въ частности отношеніе тѣхъ или другихъ новыхъ боярскихъ приговоровъ къ общей системѣ современнаго права, мы найдемъ что, помимо созданія новыхъ законодательныхъ опредѣленій, боярскими приговорами или подтверждается сила предшествовавшихъ боярскихъ приговоровъ, или дополняются въ частностяхъ прежнія законоположенія, или отмѣняется сила предшествовавшаго законодательнаго опредѣленія, или наконецъ возстановляется сила закона передъ тѣмъ отмѣненнаго.

Подтвержденіе силы прежняго боярскаго приговора выражается въ новоуказныхъ статьяхъ слѣдующею формулою: „...бояре, сей статьи слушавъ, приговорили: быть по прежнему великаго государя указу и по ихъ боярскому приговору“ (²).

Дополненіе прежняго законодательнаго опредѣленія технически называлось „пополненіемъ“ его, и въ новоуказныхъ статьяхъ выражается формулою: „... бояре, сей статьи слушавъ, приговорили пополнить: (слѣдуетъ сущность приговора)“ (³).

Отмѣна силы предшествовавшаго законоположенія технически называлась „отставленіемъ“ его, а боярскій приговоръ, опредѣлявшій такую отмѣну, формулировался слѣдующимъ образомъ: „ .. бояре, сей статьи слушавъ, приговорили: отставить, (слѣдуетъ изложеніе опредѣленія замѣняющаго отмѣненный законъ)“ (⁴); отмѣна закона всегда сопровождалась замѣною его въ томъ же приговорѣ новымъ опредѣленіемъ. Иногда отмѣна закона сопровождалась *возстановленіемъ силы* предшествовавшаго ему законоположенія, какъ было сдѣлано въ 1685 г. относительно одною

(¹) П. С. З. № 1204.

(²) Наприм. П. С. З. № 700, I, ст. 1 — 4, 6, 10—12. 17, 37; II, ст. 1, 12 и др.

(³) Наприм. П. С. З. №№ 643; 700, I, ст. 23, 27, 31, II, ст. 14 и др.

(⁴) Наприм. П. С. З. №№ 700, I, ст. 8, 18, 26, 30, II, 7; 1022 и др.; Указная книга Приказа Холопья Суда (въ III вып. Христоматіи Владим.-Буданова (статья VI (стр. 110).

указа 1677 г., сила котораго возстановлена въ этомъ году одновременно съ отмѣною парализовавшаго ея указа 1682 года (¹). Если новымъ боярскимъ приговоромъ измѣнялась лишь часть прежняго законодательнаго опредѣленія, то въ такомъ случаѣ въ приговорѣ дѣлалась оговорка о томъ, что неизмѣненныя части закона должны сохранять на будущее время обязательную силу свою (²). Иногда извѣстный законодательный актъ вносился въ докладъ въ Думу Боярскую съ спеціальною цѣлью пересмотра и измѣненій его опредѣленій, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами времени. Такъ, въ 1683 г., съ подобною цѣлью внесенъ былъ на обсужденіе государей и Думы ихъ наказъ сыщикамъ, представлявшій сводъ боярскихъ приговоровъ о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ, для руководства посылавшихся по городамъ сыщикамъ; слушавъ статей этого наказа, государи „указали и бояре приговорили: въ тѣхъ статьяхъ *пополнить*, а изъ иныхъ статей *убавить*“, что и было приведено въ исполненіе (³).

При отсутствіи твердаго направленія въ ходѣ законодательной дѣятельности второй половины XVII вѣка, при казуистическомъ происхожденіи самыхъ законоположеній, весьма существеннымъ представлялся вопросъ объ *обратной силѣ боярскихъ приговоровъ*. Вслѣдствіе этого въ боярскихъ приговорахъ, по вопросамъ и отношеніямъ, которыя могли затрогивать интересы частныхъ лицъ, помѣщалась обыкновенно оговорка о томъ, что новый указъ не имѣетъ обратной силы: „что до сего государева указу учинено, тому быть такъ“, „которыя дѣла вершены до сего Государева указу, и тѣмъ дѣламъ быть такъ, какъ они вершены“,— говорится по этому поводу въ боярскихъ приговорахъ (⁴). Но обратная сила новаго закона не распространялась лишь на дѣла вершеныя и на дѣла и отношенія по которымъ,

---

(¹) П. С. З. № 1132.

(²) Наприм. П. С. З. № 20.

(³) П. С. З. № 998.

(⁴) Наприм. Акты Ист. IV, № 158 (II); П. С. З. №№ 633 (ст. 13), 657, 700 (I, ст. 26. 30). 765, 1020, 1132, 1214, 1236, 1255 и др.

до составленія приговора, не было предъявлено спора и челобитья; если же въ моментъ изданія новаго закона имѣлся споръ или челобитье по регулируемому отношенію, то послѣднее подлежало уже дѣйствію новаго закона (1). Рѣшительнымъ моментомъ для разграниченія пространства дѣйствія стараго и новаго законодательнаго опредѣленія является при этомъ число мѣсяца, въ которое состоялось послѣднее (2).

Что касается *обнародованія закона*—то оно не входило въ кругъ обязанностей Думы Боярской, но возлагалось на центральныя исполнительныя установленія — приказы. Боярскіе приговоры въ нѣкоторыхъ лишь случаяхъ заключаютъ въ себѣ самыя общія распоряженія о записи ихъ въ Разрядѣ или въ тѣхъ приказахъ, по докладу которыхъ они состоялись, и о посылкѣ на основаніи ихъ грамотъ въ города (3). Что касается вопроса о томъ, какова была дальнѣйшая судьба боярскаго приговора, переданнаго изъ Думы Боярской въ соотвѣтствующій приказъ—къ нему возвратимся мы впослѣдствіи, при изложеніи приказнаго дѣлопроизводства.

Познакомившись съ общимъ характеромъ участія Думы Боярской, въ законодательной дѣятельности—переходимъ къ разсмотрѣнію въ краткихъ чертахъ тѣхъ отдѣльныхъ сферъ современной государственной и юридической жизни, на которыя это участіе распространялось.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ поставимъ мы участіе Думы Боярской, направленное на *организацію правительственныхъ установленій* и опредѣленіе порядка функціонированія ихъ. Этотъ видъ законодательной дѣятельности сводится главнымъ образомъ къ распредѣленію вѣдомствъ между приказами и къ частнымъ опредѣленіямъ формъ и порядка приказнаго дѣлопроизводства (4).

---

(1) Наприм. П. С. З. №№ 765, 1020, 1132 и др.

(2) Наприм. П. С. З. №№ 1020, 1132, Акты Ист. IV, № 158 (II).

(3) Владимірскій-Будановъ: Христоматія по ист. русск. права, вып. III, стр. 5, 12, 14 и др.; Акты Ист. II. №№ 63; 85; А. А. Э. IV, № 287, 288; П. С. З. №№ 1019, 1022 и др.

(4) Наприм. П. С. З. №№ 526, 639, 746, 951, 964, 1112; Записки Императ. Русск. Археол. Об—ва по Отдѣл. Русск. и Слав. Археологіи, т. II, стр. 45—46, 50; Доп. къ Акт. Ист. IV, № 136.

Затѣмъ поставимъ участіе Думы Боярской въ законодательной дѣятельности направленной на *организацію порядка и правилъ суда* (1), какъ гражданскаго (2), такъ и уголовнаго (3).

Законодательная дѣятельность Думы Боярской распространялась далѣе на *право уголовное*; здѣсь имѣемъ мы преимущественно дѣло съ опредѣленіями видовъ и мѣры наказаній за различнаго рода уголовныя правонарушенія (4).

Гражданское матеріальное право зиждилось на неписанномъ обычномъ правѣ и вслѣдствіе этого—какъ и въ самыхъ законодательныхъ сборникахъ—почти не затрогивалось законодательною дѣятельностью Думы Боярской. Косвенныя опредѣленія, касающіяся матеріальнаго гражданскаго права, встрѣчаются, да и это рѣдко, лишь въ боярскихъ приговорахъ регулирующихъ порядокъ гражданскаго процесса (5). Изъ всей системы гражданскаго матеріальнаго права болѣе всего посчастливилось въ этомъ отношеніи правамъ наслѣдственному и семейному, но и то настолько лишь, на сколько они касались правъ вотчинныхъ и помѣстныхъ, которыя, въ силу государственнаго значенія своего, составляли предметъ постоянной заботливости Московскаго законодательства. До насъ дошло весьма много боярскихъ приговоровъ, регулирующихъ права наслѣдованія въ вотчинахъ и помѣстьяхъ, порядокъ раздѣла вотчинъ между родственниками, право выкупа вотчинъ и т. п. (6).

---

(1) Въ смыслѣ *процесса*,—такъ какъ терминъ «судъ» нерѣдко распространялся въ до-Петровской Руси и для означенія нормъ права матеріальнаго.

(2) См. Указную Книгу вѣдомства Казначеевъ (въ III вып. Христоматіи проф. Владимірскаго-Буданова), ст. III—VI, XIV, XVI; П. С. З. №№ 55, 497, 553, 687, 717, 733, 740, 784. 968, 1092, 1126, 1135, 1156, 1158, 1240, 1363, 1369, 1386, 1732 и др.

(3) См. Уставную Книгу Разб. Пр—за (въ III вып. Христ. Влад.-Буданова), ст. 15, 29, 43, 45 и др.; П. С. З. №№ 561, 669, 868, 970, 1000, 1239, 1321 и др.

(4) См. Уставную Кн. Разб. Пр—за (у Влад.-Буданова), ст. 9—10; Указную Кн. вѣд. Казначеевъ (ib.), ст. XX; П. С. З. №№ 68, 441, 843, 846, 972, 1055, 1335, 1374 и др.; Акты Ист. IV. № 158.

(5) Наприм. въ Указной Книгѣ вѣдомства Казначеевъ (въ III вып. Христоматіи Владим.—Буданова), статьи VII, IX. XXI.

(6) Указная Книга вѣдомства Казначеевъ (у Влад.-Буданова въ III вып. Христоматіи), ст. XVIII и XIX; П. С. З. №№ 14, 15, 33, 389, 633, 634; 700, 765, 860, 1020, 1236, 1255 и мн. др.

Вѣдѣніе служебныхъ отношеній и служилаго класса весьма часто также давало матеріалъ для законодательной дѣятельности Думы Боярской. Сюда относятся боярскіе приговоры объ испомѣщеніи служилыхъ людей, о порядкѣ отправленія службъ съ вотчинъ и помѣстій и различные частные опредѣленія по вопросамъ касающимся помѣстной системы (1); боярскіе приговоры о замѣнѣ личнаго отбыванія службы денежною повинностью (2); объ измѣненіяхъ въ организаціи извѣстнаго разряда ратныхъ людей (3). Сюда же относятся различные приговоры касающіеся мѣстничества, какъ-то о бытіи при томъ или другомъ служебномъ разрядѣ безъ мѣстъ (4), о почитаніи одного чина честью выше другаго (5) и т. п.

За вѣдѣніемъ отношеній служебныхъ и класса служилаго—слѣдуютъ заботы объ *устройствѣ быта другихъ состояній*, также вызывавшія оживленную законодательную дѣятельность Думы Боярской. Сюда относятся боярскіе приговоры о крестьянахъ (6), боярскіе приговоры о внутреннемъ устройствѣ быта городскаго посадскаго населенія (7) и наконецъ законоположенія касающіяся холоповъ и условій вступленія въ это состояніе вольныхъ людей (8).

---

(1) Указная Книга Помѣстнаго Приказа (въ III вып. Христоматіи Владим.-Буданова), I. статьи 4, 6, II, ст. 1, 6, 8, 9; П. С. З. №№ 16, 17, 20, 26, 117, 389, 630, 632, 1034 и др.

(2) Наприм. П. С. З. № 186; Акты Ист. III, № 201.

(3) Акты Арх. Эксп. IV, № 280.

(4) Указная Книга вѣдом. Казначеевъ, статья I (по изд. въ III вып. Христоматіи Влад.-Буданова); С. Г. Г. и Д. III, № 52; Дворц. Разр. I, 235, 298, 396; III, 379.

(5) П. С. З. № 247.

(6) Акты Арх. Эксп. IV, № 287; П. С. З. №№ 333, 997, 998, 1364, 1370.

(7) Акты Ист. V, № 200; П. С. З. №№ 796, 1193, 1234, 1308, 1357.

(8) Акты Ист. II, № 44; Указная Книга Прик. Холопья Суда (въ III вып. Христом. Владим.-Буданова), статьи I—IV, VI, IX; Указная Книга вѣдом. Казначеевъ (ib.), ст. XIV; П. С. З. №№ 992, 1229, 1364, 1490.

Вопросы *финансоваго управленія* и близко соприкасающіеся съ ними вопросы касающіеся *торговли*—постоянно обращали на себя заботливое вниманіе Московскаго законодательства, которое, не говоря уже о многихъ имянныхъ указахъ, выражалось и въ появленіи значительнаго количества боярскихъ приговоровъ, регламентирующихъ различныя стороны этихъ вопросовъ. Въ числѣ боярскихъ приговоровъ, касающихся права финансоваго, встрѣчаемъ мы какъ приговоры о самой организаціи и порядкѣ финансовыхъ сборовъ различнаго рода (1), такъ и приговоры о размѣрѣ взыманія тѣхъ или другихъ финансовыхъ сборовъ и объ установленіи новыхъ (2). Въ числѣ боярскихъ приговоровъ, касающихся торговли, находимъ мы приговоры о составленіи въ 1667 г. новаго Торговаго Устава (3), объ изгнаніи въ 1649 г. англійскихъ торговцевъ изъ Россіи (4) и цѣлый рядъ приговоровъ, регламентирующихъ основанія и порядокъ торговли иностранцевъ въ Россіи (5).

Въ связи съ заботами Московскаго законодательства о регламентаціи финансовой жизни, стоятъ попеченія его *о межевомъ и писцовомъ дѣлѣ*. До насъ дошли боярскіе приговоры о разсылкѣ по всѣмъ городамъ межевщиковъ и валовыхъ писцовъ для межеванія и описанія городскихъ и уѣздныхъ земель (6) и объ организація самаго писцоваго дѣла (7); сюда же можетъ быть отнесенъ весьма любопытный боярскій приговоръ 1696 г. о снятіи на холстѣ чертежа Сибири (8).

---

(1) Акты Арх. Эксп. IV, №№ 246, 289; Акты Ист. V, № 83; П. С. З. №№ 343, 499, 679, 770, 859, 876, 879, 999, 1037, 1276, 1595.

(2) Акты Арх. Эксп. IV, № 251; Акты Ист. V, №№ 29, 144, 195; Доп. къ Акт. Ист. V, № 32, VIII, № 28 (VI); П. С. З. №№ 407, 322, 492, 494, 652, 693, 750, 799, 861, 977, 1319.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, № 55 и П. С. З. № 408.

(4) П. С. З. № 9.

(5) П. С. З. №№ 408, 536, 659, 1129.

(6) П. С. З. №№ 785, 813, 926, 1005, 1284.

(7) П. С. З. №№ 830, 832, 886, 888, 893, 1019, 1125.

(8) П. С. З. № 1532.

Законодательная дѣятельность Думы Боярской распространялась наконецъ и на нѣкоторые вопросы касающіеся *полиціи безопасности и благоустройства*. Здѣсь находимъ мы приговоры направленные къ предупрежденію опасностей могущихъ угрожать обществу со стороны злой воли и неосторожности отдѣльныхъ личностей ([1]) и къ предупрежденію опасностей могущихъ угрожать ему отъ разрушительныхъ дѣйствій природы ([2]), здѣсь же находимъ мы приговоры касающіеся полиціи народонаселенія, напр. опредѣляющіе порядокъ и способы водворенія Корелъ, выселяющихся изъ Швеціи ([3]), приговоры имѣющіе въ виду интересы нравственно-религіознаго быта общества (распространеніе православія, устроеніе епархій—совмѣстно съ Освященнымъ соборомъ, мѣры противъ раскола) ([4]), приговоры касающіеся вопросовъ торговой полиціи (ярмарки, опредѣленіе извѣстныхъ мѣстностей для производства оптовой и розничной торговли и т. п.) ([5]) и наконецъ приговоры направленные къ регламентаціи ямскаго дѣла, какъ средства облегченія сношеній и передвиженій въ предѣлахъ государства ([6]).

Изъ сдѣланнаго нами краткаго обозрѣнія уже открывается, что участіе Думы Боярской въ законодательной дѣятельности распространялось на всѣ сферы современной государственной и юридической жизни.

([1]) П. С. З. №№ 1093, 1171, 1181.

([2]) П. С. З. № 858.

([3]) П. С. З. №№ 1619, 1656, 1731.

([4]) Акты Арх. Эксп. IV, № 284; Дворц. Разр. доп. къ III т., 110; П. С. З. №№ 1117, 1163.

([5]) Акты Ист. V, № 45; Акты Арх. Эксп. IV, № 236; П. С. З. №№ 660, 904, 1480.

([6]) П. С. З. №№ 541, 542.

Глава III.

Судебная дѣятельность Думы Боярской.

Виды судебной дѣятельности Думы.—I. Судебная компетентность Думы въ качествѣ первой инстанціи.—Судъ преступленій политическихъ.—Судъ преступленій по должности.—Судъ по дѣламъ мѣстническимъ.—II. Судебная компетентность Думы въ качествѣ высшей инстанціи и двоякій характеръ ея.—Докладъ судныхъ дѣлъ изъ приказовъ. Поводы къ нему.—Челобитья на рѣшенія приказовъ (аппеляція).

Анализируя дошедшія до насъ извѣстія о судебной дѣятельности Думы Боярской, мы увидимъ, что она представляется двоякою: одни судныя дѣла разсматривались здѣсь въ первой инстанціи, между тѣмъ какъ по отношенію въ другимъ суднымъ дѣламъ Дума Боярская являлась съ характеромъ высшей инстанціи, въ которую въ обыкновенномъ инстанціонномъ порядкѣ поступали дѣла изъ различныхъ приказовъ.

Въ качествѣ *первой инстанціи*—принадлежалъ Думѣ Боярской судъ преступленій политическихъ, преступленій по должности и судъ по дѣламъ мѣстническимъ.

Дѣла, поступавшія на разсмотрѣнія Думы Боярской, какъ *высшей инстанціи*,—въ свою очередь распадаются на двѣ группы: одни дѣла переносятся изъ приказовъ на разсмотрѣніе Думы Боярской путемъ *доклада* ихъ приказными судьями, слѣдовательно по иниціативѣ самихъ приказовъ; другія дѣла переносятся въ Думу Боярскую въ порядкѣ *аппеляціонномъ, по челобитью* сторонъ на неправильное рѣшеніе дѣла въ приказѣ.

Разсмотримъ подробнѣе всѣ эти виды судебной дѣятельности Думы Боярской, на сколько позволятъ намъ это сдѣлать дошедшіе до насъ источники.

I. Судебная компетентность Думы въ качествѣ первой инстанціи.

Въ первой инстанціи вѣдала Дума Боярская судъ преступленій политическихъ, преступленій по должности и дѣлъ мѣстническихъ.

Изъ *преступленій политическихъ* можемъ мы указать на производившееся въ Думѣ Боярской въ 1601—1602 гг.

дѣло о сыскѣ Романовыхъ (1), на производившееся здѣсь въ 1634 году дѣло объ измѣнѣ Шеина и заподозрѣнныхъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ (2), на производившійся здѣсь-же въ 1653 и 1674 гг. судъ надъ самозванцами Анкудиновымъ и Воробьевымъ (3), а въ 1689 г.—судъ объ измѣнѣ и бунтѣ Ѳ. Шакловитаго и его единомышленниковъ и т. п. (4). Само собою разумѣется, что суду Думы Боярской предавались государемъ лишь наиболѣе значительныя, наиболѣе выдающіяся политическія преступленія; менѣе важныя дѣла этого рода производились въ приказахъ, по вѣдомству которыхъ они обнаруживались. Слѣдовательно въ указанныхъ случаяхъ судебная дѣятельность Думы Боярской можетъ быть названа *чрезвычайною*.

Преступленія по должности подлежали кажется компетентности Думы Боярской лишь преданіемъ суду и постановкою окончательнаго указа; самый розыскъ дѣла передавался соотвѣтствующему приказу. Такъ въ 1614 г. въ Приказѣ Казеннаго Двора обнаружилась покража изъ ящика казенныхъ денегъ, при чемъ подозрѣніе пало на приказныхъ сторожей; изъ приказа воспослѣдовалъ докладъ о томъ государю и боярамъ и, по указу государя и по боярскому приговору, подозрѣваемыхъ велѣно подвергнуть въ томъ же приказѣ распросу и пыткѣ (5).

Въ 1676 г. въ Думѣ Боярской начато было дѣло о противозаконныхъ дѣйствіяхъ воеводы И. Мещеринова при взятіи Соловецкаго монастыря, которое, послѣ предварительной постановки его здѣсь, по царскому указу и боярскому приговору передано было для дальнѣйшаго производства въ Новгородскій Приказъ (6). Если мы въ приведенныхъ сейчасъ случаяхъ видѣли Думу Боярскую направляющею и

---

(1) Акты Ист. II, № 38 (см. II, VII, VIII).

(2) Акты Арх. Эксп. III, № 335.

(3) Доп. къ Акт. Ист. III, № 73 (IV); Акты Ист. IV, № 247; Дворц. Разр. III, 1019—1022.

(4) П. С. З. №№ 1349, 1359. См. также П. С. З. № 351.

(5) Викторовъ: Описаніе книгъ и бумагъ дворцов. приказовъ (М. 1877 г.), I, стр. 70. См. также подоб. примѣръ Акты Ист. II, № 38 (VIII).

(6) Акты Арх. Эксп. IV, № 215.

предающею суду дѣла о преступленіяхъ по должности—то съ другой стороны имѣемъ мы также примѣры окончательныхъ приговоровъ Думы по дѣламъ этого рода; такъ, въ 1682 г., боярскимъ приговоромъ опредѣлено наказаніе стрѣлецкому полковнику за превышеніе и злоупотребленіе предоставленною ему властью и за притѣсненіе своихъ подчиненныхъ (¹). Имѣя въ виду общій характеръ и духъ современнаго дѣлопроизводства, не трудно себѣ представить тотъ порядокъ, которымъ должны были производиться дѣла о преступленіяхъ по должности. Во время обычнаго утренняго пріема въ Комнатѣ или Передней, государю докладывалось обнаружившееся преступленіе по должности—или первоприсутствующимъ соотвѣтствующаго приказа, если оно открывалось административнымъ порядкомъ, или думнымъ дьякомъ—если по дѣлу подана была челобитная на государево имя. Если дѣло было яснымъ и не требовало дальнѣйшихъ соображеній, государь тутъ же давалъ указъ свой; въ противномъ случаѣ государь приказывалъ изготовить дѣло къ докладу въ обычномъ засѣданіи Думы Боярской. Здѣсь, если дѣло достаточно выяснялось самимъ докладомъ, немедленно слѣдовалъ указъ по дѣлу; если же дѣло требовало дальнѣйшаго розыска—слѣдовалъ приговоръ о дальнѣйшемъ направленіи его съ этою цѣлью въ соотвѣтствующій приказъ, откуда, послѣ выясненія всѣхъ обстоятельствъ, дѣло снова докладывалось государю и Думѣ его для окончательнаго указа.

Къ числу преступленій по должности, которыя могли восходить до разсмотрѣнія Думы Боярской, можетъ быть отнесенъ отказъ судей въ правосудіи и злоупотребленія ихъ при отправленіи суда. Судебникъ 1550 г. грозитъ государевою опалою судьѣ, который безъ основанія откажетъ челобитчику въ управѣ; здѣсь, подъ словомъ „опала", проф. Владимірскій-Будановъ справедливо разумѣетъ не опалу въ собственномъ смыслѣ этого слова, но угрозу наказанія вообще. Затѣмъ, за неправильное рѣшеніе дѣла изъ за посула, Судебникъ угрожаетъ судьѣ пенею—„что государь укажетъ"(²). Затѣмъ Уложеніе дозволяетъ истцу подавать государю

(¹) Акты Арх. Эксп. IV, № 254.

(²) Владимірскій-Будановъ: «Христоматія по ист. русск. права», Судебникъ 1550 г., ст. 3, 7 и примѣч. 16.

челобитную въ случаѣ недачи судьею безъ законнаго основанія управы, а судьѣ, который изъ корысти не станетъ вершить суднаго дѣла, угрожаетъ наказаніемъ—„что государь укажетъ“; наказанію, опредѣляемому по указу государя, угрожается здѣсь и судьѣ который, безъ уважительныхъ причинъ, перестанетъ ѣздить присутствовать въ приказѣ своемъ (¹). Ясно что, въ приведенныхъ выше случаяхъ, наказаніе, о которомъ упоминается въ самыхъ общихъ выраженіяхъ—„опала“, „что государь укажетъ“—опредѣляется на каждый отдѣльный случай государемъ, по докладѣ ему даннаго дѣла. Но не можетъ почти подлежать никакому сомнѣнію участіе въ этомъ опредѣленіи наказанія—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и Думы Боярской; такъ смотритъ на этотъ вопросъ и проф. Дмитріевъ въ своей „Исторіи судебныхъ инстанцій (²).

Судъ по мѣстническимъ дѣламъ составляетъ третій видъ судебной дѣятельности Думы Боярской, въ качествѣ первой инстанціи. Мѣстническія дѣла бывали односторонними или двусторонними. Мѣстническія дѣла перваго рода являлись съ характеромъ простаго протеста извѣстнаго лица противъ касающагося его правительственнаго распоряженія или назначенія, несовмѣстнаго съ его „честью“. Мѣстническія дѣла втораго рода являлись также протестомъ противъ извѣстнаго назначенія или правительственнаго дѣйствія, но уже протестомъ не абсолютнымъ, а относительнымъ; здѣсь обиженный видитъ „поруху“ или „потерку“ чести своей въ томъ, что передъ нимъ возвышено или сравнено съ нимъ другое лице, менѣе честное съ точки зрѣнія мѣстническихъ счетовъ. Мѣстническое дѣло начинается челобитьемъ государю (письменнымъ или словеснымъ) со стороны лица, считающаго себя обиженнымъ. Если возникающее дѣло является двустороннимъ,—въ такомъ случаѣ противникъ, въ свою очередь, бьетъ обыкновенно государю челомъ „объ оборони“, т. е. объ огражденіи чести его отъ порухи, нанесенной ей предъявленіемъ мѣстническаго спора. Государь указываетъ боярамъ „слушать дѣла“ или „сидѣть о томъ дѣлѣ“—и тѣ

(¹) Уложеніе, гл. X, ст. 15, 20 и 24.

(²) Дмитріевъ: Ист. судебн. инст., стр. 143.

приступаютъ къ разсмотрѣнію спора, причемъ существенными моментами представляются распросъ челобитчика и разсмотрѣніе и оцѣнка представленныхъ имъ въ основаніе соображеній своихъ „случаевъ“. Послѣ достаточнаго выясненія дѣла, бояре постановляютъ приговоръ, или признающій правильною претензію перваго челобитчика, или—что бывало въ большинствѣ случаевъ — признающій ее неосновательною; въ послѣднемъ случаѣ присуждалась второму челобитчику „оборонь“, заключавшаяся обыкновенно въ опредѣленіи извѣстнаго наказанія начавшему неправильный споръ,—тюремнаго заключенія, выдачи головою противнику, запрещенія въ теченіе извѣстнаго промежутка времени „видѣть царскія очи“ или пониженія въ чести, если обвиненный находился въ думномъ чинѣ,—тюремнаго заключенія или тѣлеснаго наказанія, если онъ не былъ думнымъ человѣкомъ ([1]). Но слушаніе мѣстническихъ дѣлъ въ полномъ присутствіи Думы составляетъ лишь одинъ видъ суда по дѣламъ этого рода; въ другихъ случаяхъ государь указывалъ судить мѣстническій споръ одному боярину или окольничему, придавъ ему въ помощь разряднаго дьяка и разряднаго подъячаго для письмоводства ([2]). Послѣдняя упрощенная форма суда кажется даже предпочиталась челобитчиками; мы имѣемъ по крайней мѣрѣ случай ходатайства боярина, что бы государь его пожаловалъ, „велѣлъ судъ дать, и приказалъ бы одному боярину судить“, отказываясь предъявить свои „случаи“ полному присутствію Думы „для многіе ссоры съ своею братьею“,—что и было государемъ уважено ([3]). Въ другихъ случаяхъ бояре, въ полномъ составѣ своемъ, обсуждали лишь вопросъ о дачѣ по спорному дѣлу суда,—а затѣмъ самый судъ поручался одному изъ

([1]) Иногда приговоръ тутъ же въ Думѣ и исполнялся. Такъ, въ 1620 г., былъ присужденъ къ кнуту за неправильное мѣстничество Иванъ Чихачевъ; при этомъ думный дьякъ Т. Луговской, съ словами: «долго того ждать»,—схватилъ посохъ, и тутъ же, въ засѣданіи Думы, сталъ бить обвиненнаго по спинѣ и ногамъ, въ чемъ сталъ помогать ему и бояринъ Ив. Нкт. Романовъ, приговаривая при этомъ: «не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру». (Дворц. Разр. I. 436).

([2]) Дворц. Разр. I. 550, 730, 834, 897, 994; II, 28 и др.

([3]) Дворц. Разр. I, 440; сравни Разр. Кн. I, 82.

нихъ, съ придачею разряднаго дьяка (1). Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ свидѣтельства о значительномъ количествѣ мѣстническихъ дѣлъ, судившихся полнымъ присутствіемъ Думы отъ начала и до конца, съ постановленіемъ окончательнаго приговора по дѣлу, притомъ или подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, или въ его отсутствіе (2). Въ записяхъ мѣстническихъ процессовъ въ большинствѣ случаевъ не упоминается объ особомъ докладѣ государю боярскаго приговора въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло слушалось въ отсутствіе государя, откуда мы вправѣ заключить, что подобнаго доклада и не требовалось, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда государь желалъ что бы рѣшеніе бояръ было представлено на его утвержденіе—о такой волѣ государя упоминается въ самой записи процесса (3). Рѣшенія по мѣстническимъ дѣламъ записывались въ Разрядномъ Приказѣ, на который возлагалось и приведеніе въ исполненіе наказаній, присуждаемыхъ по мѣстническимъ дѣламъ.

Въ заключеніе разсмотрѣнія судебной дѣятельности Думы Боярской, какъ суда первой инстанціи, должны мы замѣтить, что въ удѣльный періодъ русской жизни этотъ видъ суда князя и думы его былъ весьма обыкновеннымъ. Съ переходомъ русской государственной жизни въ Московскій періодъ, а въ особенности съ развитіемъ приказной организаціи,—онъ долженъ былъ все болѣе и болѣе стѣсняться и наконецъ, ко второй половинѣ XVI в., окончательно принять уже тѣ предѣлы, которые выше были нами разсмотрѣны.

II. *Судебная компетентность Думы въ качествѣ высшей инстанціи.*

Судебная компетентность Думы Боярской въ качествѣ высшей инстанціи возбуждалась, или путемъ *докладовъ* судныхъ дѣлъ изъ приказовъ, или путемъ *челобитій* на рѣшенія послѣднихъ. *Докладъ судныхъ списковъ*, въ значеніи средства ограниченія судебной компетентности—заключавшагося

(1) Дворц. Разр. I, 550.

(2) Дворц. Разр. I, 135, 138—139, 218, 435—436, 897, 988, II, 491—494, 730—731, III, 97—98, 896. Разр. Книги, I, 82, 206, 551. Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 18.

(3) Наприм. Дворц. Разр. I, 730.

въ томъ, что низшаго разряда судьи не могли постановлять по извѣстнымъ дѣламъ окончательнаго рѣшенія безъ доложенія дѣла высшей инстанціи — должно считать институтомъ весьма древнимъ, начало котораго скрывается еще въ глубинѣ удѣльно-вѣчеваго періода русской государственной жизни. Но этотъ видъ доклада, касающійся организаціи мѣстнаго, областнаго суда — не составитъ въ настоящее время предмета изслѣдованія нашего. Мы будемъ говорить въ настоящее время лишь о докладѣ судныхъ дѣлъ государю и Думѣ его изъ приказовъ.

Уже Судебникъ 1550 г. даетъ слѣдующее постановленіе, касающееся доклада: „А кто къ которому боярину, или къ дворецкому, или къ казначею, или къ діаку придетъ жалобникъ его приказу, и ему жалобниковъ своего приказу отъ себя не отсылати .... а которому будетъ жалобнику, безъ государева вѣдома, *управы учинити не мочно*, ино челобитье его сказати царю государю" (¹). Въ этой статьѣ подъ словами „его приказу", „своего приказу" — было бы весьма смѣло разумѣть приказы въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ слово „приказъ" является здѣсь въ смыслѣ „подсудности", но упоминаніе здѣсь о дворецкомъ, казначеѣ и дьякахъ уже указываетъ намъ, что это опредѣленіе Судебника распространяется и на приказы въ собственномъ смыслѣ слова — въ смыслѣ центральныхъ правительственныхъ установленій, вѣдающихъ между прочимъ и центральный судъ, — изъ которыхъ многіе существовали уже въ половинѣ XVI вѣка. Здѣсь очевидно въ самомъ общемъ выраженіи указываются случаи, въ которыхъ требуется докладъ судныхъ дѣлъ изъ приказовъ государю: если будетъ „управы учинити не мочно" (²). Обращаясь къ Уложенію 1649 г., мы и въ этомъ законодательномъ памятникѣ не находимъ твердаго опредѣленія случаевъ доклада: „А спорныя дѣла, которыхъ въ при-

(¹) Судебникъ 1550 г., статья 7.

(²) Сравнимъ выраженіе: «...... а не возможете имъ управа учинити» или: «... а въ чемъ будетъ вамъ межъ ихъ управы учинити не мочно», — «и вы бъ ..... присылали къ докладу къ намъ, на Москву», встрѣчающееся въ предписаніяхъ областнымъ судьямъ 1555—1556 г. (Доп. къ Акт. Ист., I, № 51, стр. 72, 73. 75, 78, 80 и др.).

казѣхъ зачѣмъ вершити будетъ *не мощно*, взносити изъ приказовъ въ докладъ къ Государю ..... и къ его государевымъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ" (¹). Въ 1694 г. опять встрѣчаемъ мы весьма общее опредѣленіе, по которому „судныхъ и всякихъ розыскныхъ дѣлъ, по которымъ въ приказахъ судьямъ указу за чѣмъ учинить будетъ *немочно* ..... и тѣхъ изъ приказовъ дѣлъ ..... слушать въ вверху въ Передней бояромъ и думнымъ людемъ всѣмъ и ..... великихъ государей указъ чинить" (²).

Такимъ образомъ въ законодательныхъ опредѣленіяхъ XVI и XVII вѣковъ встрѣчаемъ мы одинакія и весьма неопредѣленныя указанія на случаи доклада изъ приказовъ государю и Думѣ его — это именно случаи, когда приказнымъ судьямъ по извѣстному дѣлу „указу учинити не мочно", когда въ приказѣ не можетъ состояться окончательное рѣшеніе по дѣлу. Ясно, что здѣсь прежде всего должно разумѣть тѣ судные случаи, рѣшеніе которыхъ не могло воспослѣдовать въ приказахъ за отсутствіемъ, неполнотою или внутреннимъ противорѣчіемъ законодательныхъ опредѣленій, подъ которыя могли бы они быть подведены, когда слѣдовательно оставалось лишь обратиться за указомъ къ государю и Думѣ его, какъ высшей законодательной и судебной инстанціи (³). Судебное рѣшеніе государя и Думы его являлось въ подобныхъ случаяхъ и новымъ законодательнымъ опредѣленіемъ, обязательнымъ для послѣдующей практики. Выше, говоря объ участіи Думы Боярской въ законодательствѣ, уже имѣли мы случай видѣть, какъ подобные доклады изъ приказовъ и указы по нимъ бояръ и думныхъ людей—способствовали движенію законодательства въ формѣ дополнительныхъ къ Судебнику указовъ и новоуказныхъ статей. Кромѣ доклада суднаго дѣла изъ приказа Думѣ Боярской по неимѣнію для рѣшенія его яснаго опредѣленія въ законѣ, профес. Дмитріевъ допускаетъ, что подъ случаями, въ которыхъ приказнымъ судьямъ

(¹) Уложеніе, гл. X, ст. 2, сравни П. С. З. № 656.

(²) П. С. З. № 1491.

(³) Котошихинъ свидѣтельствуетъ: «..... а будетъ которого дѣла вершити имъ (приказн. судьямъ) за чѣмъ немочно, и то дѣло взнесутъ предъ царя и предъ бояръ, и что по тому дѣлу будетъ царской указъ, и по тому такъ и быти» (гл. VII, ст. 42).

указа „учинити не мочно"—слѣдуетъ разумѣть и такіе, когда не могло состояться единогласнаго приговора по дѣлу,—такъ какъ рѣшеніе по большинству голосовъ не въ характерѣ стариннаго русскаго процесса ([1]). И вотъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приказные судьи разногласили—заявляетъ проф. Дмитріевъ—они вѣроятно и препровождали дѣло на разсмотрѣніе и разрѣшеніе Думы Боярской; этимъ думаетъ объяснить г. Дмитріевъ и многочисленность докладовъ поступавшихъ въ Думу изъ приказовъ ([2]). Нельзя не согласиться съ вѣроятностью этого предположенія, хотя оно и не подкрѣпляется извѣстными до нашего времени памятниками. Укажемъ наконецъ на одну статью Судебника 1550 г., изъ которой выводится заключеніе объ одномъ процессуальномъ дѣйствіи, требующемъ непремѣннаго доклада своего Думѣ. Статья 75 Судебника постановляетъ, что намѣстники волостели и ихъ тіуны могутъ быть вызываемы въ Москву къ суду по приставнымъ записямъ не иначе, какъ по окончаніи сроковъ службы ихъ; исключеніе допускается лишь въ томъ случаѣ, если „запись велятъ дати бояре, приговоря вмѣстѣ". Такимъ образомъ намѣстникъ, волостель и тіунъ, до окончанія срока службы, могутъ быть вызваны въ Москву къ суду не иначе, какъ по боярскому приговору; отсюда вѣроятно, что приказы, въ случаѣ необходимости въ такомъ вызовѣ, должны были докладывать о томъ Думѣ.

Укажемъ въ заключеніе, что мы имѣемъ нѣсколько частныхъ примѣровъ производства въ Думѣ судныхъ дѣлъ по докладамъ ихъ изъ соотвѣтствующихъ приказовъ,—не говоря уже о разсмотрѣнныхъ выше ([3]) новоуказныхъ статьяхъ, въ которыхъ судебная дѣятельность Думы тѣсно соприкасается съ участіемъ ея въ дѣятельности законодательной ([4]).

Челобитныя на неправильныя рѣшенія приказовъ со стороны лицъ заинтересованныхъ — представляютъ второй путь возбужденія судебной дѣятельности Думы Боярской, какъ высшей инстанціи.

([1]) Котошихинъ пишетъ, что приказнымъ судьямъ приказано судить «всѣмъ вмѣстѣ и безъ единаго и единому безъ всѣхъ, въ правду . . . .» (гл. VII, ст. 38).

([2]) Дмитріевъ: Ист. суд. инст., стр. 135 и 141.

([3]) См. стр. 136—138.

([4]) Наприм. П. С. З. № 1151; Дворц. Разр. III. 1355, 1679; Доп. къ Акт. Ист. VIII, № 108 (статьи 3, 21).

Хотя Судебники не указываютъ прямо на Боярскую Думу, какъ на инстанцію, разсматривающую въ аппелляціонномъ порядкѣ дѣла производившіяся въ приказахъ, какъ скоро рѣшенія послѣднихъ будутъ обжалованы челобитными на государево имя,—но разбирательство подобнаго рода дѣлъ въ XVI вѣкѣ Думою Боярскою вытекаетъ уже изъ того—какъ справедливо указываетъ профес. Дмитріевъ —что нельзя указать другаго учрежденія, которое могло бы давать въ подобныхъ случаяхъ расправу (¹). Но за то отъ XVII вѣка имѣемъ мы уже вполнѣ опредѣленныя свидѣтельства, указывающія на Думу Боярскую, какъ на высшую аппеляціонную инстанцію по дѣламъ, рѣшенія которыхъ въ приказѣ обжаловались передъ государемъ. Уложеніе 1649 г., предусматривая для приказныхъ судей возможность „просудиться", т. е. неправильно обвинить кого либо безъ злаго умысла, по ошибкѣ, опредѣляетъ перенос такого неправильно рѣшеннаго дѣла на пересмотръ и перерѣшеніе Думы Боярской,—„а дѣло вершити всѣмъ бояромъ". Равнымъ образомъ опредѣляетъ Уложеніе переносъ дѣла на пересмотръ и перевершеніе Думы и въ томъ случаѣ, если рѣшеніе приказнаго судьи будетъ обжаловано передъ государемъ вслѣдствіе неправильнаго рѣшенія его судьею изъ за корыстныхъ видовъ (²). Еще опредѣленнѣе выражается указъ 1694 года: „... судныхъ и всякихъ розыскныхъ дѣлъ .... которые и вершены (въ приказахъ), а *на вершенья* учнетъ кто имъ великимъ государемъ бить челомъ и вершенья чѣмъ спорить ... и тѣхъ изъ приказовъ дѣлъ и челобитенъ слушать у себя великихъ государей въ вверху въ Передней бояромъ и думнымъ людемъ всѣмъ и ... великихъ государей указъ чинить" (³). Въ томъ же указѣ опредѣленъ и самый порядокъ подачи государямъ челобитныхъ,—который указанъ уже нами при разсмотрѣніи дѣлопроизводства въ Думѣ Боярской. Для нѣкоторыхъ привиллегированныхъ городовъ Дума Боярская непосредственно являлась второю инстанціею по отношенію къ областному суду, помимо приказовъ, какъ сред-

(¹) Дмитріевъ: Ист. суд. инст., стр. 142—143.

(²) Уложеніе, гл. X, ст. 7 и 10. Крайне любопытный частный примѣръ пересмотра суднаго дѣла въ Думѣ, вслѣдствіе челобитья обвиненнаго о пристрастномъ рѣшеніи судьи «по старой недружбѣ въ отеческомъ дѣлѣ»,—имѣемъ мы въ IV т. Дворцовыхъ Разрядовъ (стр. 1287).

(³) П. С. З. № 1491.

ней судебной инстанціи [1]; такъ въ жалованной грамотѣ городу Могилеву (1654 г.), данной по случаю присоединенія его къ Московскому государству, жителямъ его предоставлено судиться по Магдебургскому праву, при посредствѣ собственныхъ выборныхъ судей,—но „только кто будетъ учнетъ бити челомъ на ихъ (выборныхъ судей) судъ и на приговоръ намъ, великому государю,—опредѣляетъ эта грамота—и тогда ихъ .... позывати до нашего царствующаго града Москвы, и, по нашему царского величества указу, такихъ дѣлъ выслушаютъ наши царского величества бояре и думные люди и росправу учинятъ“ [2].

Въ заключеніе нашихъ изслѣдованій о Думѣ Боярской—скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ ея съ наступленіемъ XVIII вѣка и началомъ Петровскихъ реформъ. Послѣднее достовѣрное извѣстіе о существованіи еще Думы Боярской относится къ 18 февраля 1700 года. Затѣмъ о послѣдующей судьбѣ этого учрежденія—отживавшаго уже послѣднія минуты предсмертной агоніи своей—ничего не извѣстно. Съ 4 марта 1704 г. видимъ дѣйствующимъ на мѣстѣ Думы уже новое учрежденіе—*Ближнюю Канцелярію*, составленную изъ присутствія лицъ, завѣдывающихъ различными приказами. Наконецъ 22 февраля 1711 года состоялся указъ о первомъ учрежденіи *Сената*—а вслѣдъ за тѣмъ начинается окончательная ломка системы Московскихъ правительственныхъ установленій. Такимъ образомъ уничтоженіе Думы Боярской должно быть отнесено къ промежутку времени между 18 февраля 1700 и 4 марта 1704 года [3]. Долѣе просуществовала Расправная Палата, которая, сохраняя прежнее судное значеніе свое, самостоятельно существовала до 1718 года, когда, указомъ отъ 28 августа, она вмѣстѣ съ Помѣстнымъ Приказомъ—подчинена была вновь учрежденной Петромъ Юстицъ-Коллегіи [4].

---

[1] Такъ какъ, въ нормальномъ порядкѣ инстанцій, Дума является третьею инстанціею по отношенію къ областному суду, а второю представляются Московскіе приказы.

[2] Акты Ист. IV, № 88.

[3] Петровскій: О Сенатѣ въ царствов. Петра В.», стр 26—28.

[4] П. С. З. № 3224.

Цѣна одинъ рубль.

ОТЪ АВТОРА.

Въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ, авторъ вынужденъ былъ, вопреки первоначальному предположенію своему, выпустить второй томъ «Исторіи права Московскаго Государства» въ двухъ выпускахъ. Первый изъ нихъ, въ настоящее время издаваемый въ свѣтъ, содержитъ въ себѣ изслѣдованіе Думы Боярской. Второй выпускъ, нынѣ приготовляемый авторомъ къ печати, будетъ содержать въ себѣ изслѣдованіе Московскихъ приказовъ. Составляя непосредственное продолженіе издаваемаго въ настоящее время перваго выпуска,—онъ выйдетъ безъ особаго заглавнаго листа и нумерація страницъ его будетъ продолженіемъ нумераціи страницъ перваго выпуска, съ которымъ онъ составитъ одинъ цѣльный томъ.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ ТРУДЫ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1. Уставныя грамоты XIV—XVI вв., съ сведеннымъ текстомъ ихъ указателемъ къ нему. Два выпуска. Казань. 1875—1876 г. Ц. 1 р. 25 к.

2. Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-етровской Руси. Казань, 1876 г. Ц. 1 р. 20 к.

3. О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государ-твѣ. Казань, 1877 г. Ц. 40 к.

4. Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго обыч-аго права Славянъ вообще и русскихъ въ особенности. Казань. 1877 г. . 60 к.

5. Исторія права Московскаго Государства. Томъ I. Казань. 1877 г. . 2 р.

6. Столы Разряднаго Приказа по хранящимся въ Архивѣ Мин—ва стиціи книгамъ ихъ. Казань, 1879 г. Ц. 50 к.

Всѣ означенныя изданія можно получать изъ книжнаго магазина . *А. Дубровина въ Казани* (Гостин. Дворъ. № 1).